

Яков Корман

Остан
Бендер

и

Теодор
Воланд

сходства

различия

прототипы

Яков Корман

Остан
Бенджер
и

Теодор
Воланд

сходства

различия

прототипы

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2022

УДК 821.161.1
ББК 83.3
К 66

К 66 Корман Я.И.

Остап Бендер и Теодор Воланд: сходства, различия, прототипы. М. ; СПб. :
Нестор-История, 2022. 380 с.

ISBN 978-5-4469-2065-5

Почему Бендер и Воланд являются братьями-близнецами?

Сколько литературных и исторических прототипов было у великого комбинатора и князя тьмы?

Какой факт лег в основу знаменитой фразы Остапа: «А может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?».

Что общего между Воландом и Христом?

Почему Остап не хочет быть «первым учеником» и заявляет о «серьезнейших разногласиях» с советской властью?

Как соотносятся друг с другом Киса Воробьянинов и кот Бегемот?

Кто скрывается под личиной «артиста в смокинге», призывающего зрителей в театре сдавать валюту?

Существуют ли параллели между ранними фельетонами Ильфа и Петрова и романами «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»?

На все эти и многие другие вопросы дает подробные ответы данная книга.

УДК 821.161.1
ББК 83.3

ISBN 978-5-4469-2065-5

9 785446 920655 >

© Корман Я.И., 2022

© Издательство «Нестор-История», 2022

Личные взаимоотношения Михаила Булгакова, Ильи Ильфа и Евгения Петрова

Известно, что художники, живущие в одно и то же время и работающие в одном жанре, зачастую независимо друг от друга разрабатывают родственные мотивы, – это называется типологическим сходством мышления. Как изящно выразился Виктор Шкловский: «Существуют шаблоны мышления, возникающие из общей культурной атмосферы»¹.

Поэтому Михаил Булгаков, Илья Ильф и Евгений Петров, работавшие в одной и той же газете железнодорожников «Гудок», где писали сатирические фельетоны, нередко придумывали одинаковые сюжетные ходы и похожих персонажей. Отсюда и множество параллелей между их произведениями, которые мы в свое время подробно рассмотрим. А помимо того, существуют прямые цитаты из произведений Булгакова – главным образом, в романе «Двенадцать стульев» (1927). Например, в начале главы «Муза дальних странствий» отец Федор слышит на вокзале пение беспризорных, которые «играют на деревянных ложках “Жила-была Россия, великая держава”»². Здесь содержится «аллюзия на поставленную МХАТом осенью 1926 года пьесу М.А. Булгакова “Дни Турбиных”, точнее, эффектную реплику одного из персонажей этой пьесы: “Была у нас Россия – великая держава”»³.

Еще одна отсылка к пьесе «Дни Турбиных» обнаруживается в главе «Знойная женщина, мечта поэта», где Остап и отец Федор соревнуются в перетягивании карандаша через замочную скважину: «Победила молодость, и карандаш, упираясь, как заноза, медленно выполз из скважины. С этим трофеем Остап возвратился в свой номер. Компаньоны еще больше развеселились. “И враг бежит, бежит, бежит!” – пропел Остап». Речь здесь идет о монархистской строевой песне: «Так громче, музыка, играй победу! / Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит! / Так за царя, за родину, за веру / Мы грянем громкое ура, ура, ура!», – которая фигурирует в следующем фрагменте «Дней Турбиных»:

Н и к о л к а (трогает струны гитары, поет):

Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль на радость соседей-врагов
Могильной засыплюсь землею?
Так громче, музыка, играй победу,
Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит!

М ы ш л а е в с к и й (поет). Так за Совет Народных Комиссаров...

Все, кроме Студзинского, подхватывают:

Мы грянем громкое «Ура! Ура! Ура!».

---

¹ Цит. по: *Борев Ю.* Краткий курс истории XX века. М.: «Звонница – МГ», 1995. С. 273.

² Романы Ильфа и Петрова цитируются без указания страниц как по традиционным – цензурным – версиям, так и по восстановленным редакциям: *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. Золотой теленок / Подг. текста, статьи и комментарий М. Одесского и Д. Фельдмана. СПб.: Азбука, 2017. 960 с.; *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев / Подг. текста и комментарий М. Одесского и Д. Фельдмана. М.: АСТ, 2017. 720 с.; *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок / Подг. текста и комментарий М. Одесского и Д. Фельдмана. М.: АСТ, 2018. 560 с.

³ *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев: Первый полный вариант романа с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана. М.: Вагриус, 1999. С. 453.

Студзинский. Ну, это черт знает что!.. Как вам не стыдно!⁴

Третья отсылка к этой пьесе присутствует в главе «Голубой воришка»: «Один только Паша Эмильевич по-гурмански крутил головой и, снимая с усов капустные водоросли, с трудом говорил: “Такую капусту грешно есть помимо водки”». Сравним с репликой Мышлаевского: «Как же вы будете селедку без водки есть?»⁵.

И четвертое упоминание пьесы Булгакова находим в главе «Могучая кучка или Золотоискатели», где Хунтов размышляет о судьбе только что задуманной пьесы: «Хунтов подсчитал авторские проценты. По его расчетам, пьеса должна была пройти в сезоне не меньше ста раз. Шли же “Дни Турбиных”, думалось ему. Гонорару набегало много. Еще никогда судьба не сулила Хунтову таких барышей»⁶.

А в обращении Остапа к Паниковскому: «Если вам, как истинному джентльмену, взбретет в голову делать записки на манжетах, вам придется писать мелом» («Золотой теленок»; глава «Антилопа-Гну»), явно воспроизводится название автобиографической повести Булгакова «Записки на манжетах» (1922 – 1923).

Все эти переключки обусловлены тем, что Булгаков, Ильф и Петров несколько лет работали в газете железнодорожников «Гудок» и тесно общались друг с другом.

Сохранилась короткая заметка Евгения Петрова «Хроника», где он иронически высказался по поводу премьеры в Камерном театре 11 декабря 1928 года пьесы Булгакова «Багровый остров»: «В связи с постановкой в Камерном театре “Багрового острова” наш сотрудник беседовал с небезызвестным театральным автором Булгаковым.

– Наше драматическое дело – хлопотливое, – сказал автор, – пока напишешь пьесу, пока ее возьмут, пока ее запретят, пока она пойдет...

(P.S. Сотрудник наш, конечно, не беседовал. И Булгаков не высказывался. Но мог бы высказаться. И именно так, как указано выше)⁷.

А в мемуарах сотрудника газеты «Гудок» Арона Эрлиха рассказывается о том, как Ильф защищал Булгакова от нападков своих коллег за его повести «Дьяволиада» и «Роковые яйца», в которых высмеивалась советская действительность: «Ну, что вы все скопом напали на Мишу?.. Что вы хотите от него? – сказал Ильф. – Миша только-только, скрепя сердце, примирился с освобождением крестьян от крепостной зависимости, а вы хотите, чтобы он сразу стал бойцом социалистической революции. Подождать надо!»⁸. Данную картину дополняет Михаил Львов, рассказавший о том, как на Булгакова ополчился ответственный секретарь газеты:

---

⁴ *Одесский М., Фельдман Д.* Комментарий к роману «Двенадцать стульев» // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: АСТ, 2017. С. 661.

⁵ *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев: Первый полный вариант романа с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана. М.: Вагриус, 1999. С. 474.

⁶ Существует гипотеза, что в образе Хунтова был выведен Булгаков: «...один из “золотоискателей”, Хунтов, является автором “героических романов из эпохи гражданской войны” и “бытовых повестей” и намеревается, созвучно требованиям эпохи, сочинить пьесу для МХАТа: “По его расчетам, пьеса должна была пройти в сезоне не менее ста раз. Шли же “Дни Турбиных”».

Становясь соавтором авантюрной оперы, Хунтов проделывает совершенно тот же путь, что и автор “Белой гвардии” и “Дней Турбиных”, взявшийся сочинять авантюрную пьесу-буфф. Еще в 1924 г. Булгаков опубликовал в газете “Накануне” фельетон “Багровый остров” (с подзаголовком: “Роман тов. Жюль Верна. С французского на эзопский перевел Михаил А. Булгаков”), а в начале 1926 г. заключил с Московским Камерным театром А. Таирова договор на постановку одноименной пьесы. Время работы Ильфа и Петрова над “Двенадцатью стульями” совпадает со временем работы Булгакова над пьесой; замысел Булгакова ехидным соавторам наверняка был известен в деталях, тем более что о нем широко сообщал сам Таиров. Так, в интервью “Вечерней Москве” (от 7 сентября 1926 г.) он характеризует будущую пьесу как “современную буффонаду” и “народное балаганное представление» (*Шаргородский С.* Заметки о Булгакове: Необъявленный визит // *Nota Bene: Литературно-публицистич. журнал.* Иерусалим, 2004. № 3 (май). С. 150).

⁷ *Хроника* // *Чудак* [журн.]. М., 1929. № 5. Янв. С. 14. Перепечатано: *Петров Е.* День борьбы с мухами / Сост. И.Е. Катаев и А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 161.

⁸ *Эрлих А.* Они работали в газете // *Знамя.* 1958. № 8. С. 173.

Но однажды Август Потоцкий влетел к нам в комнату не на шутку рассерженный.
– Ребята, вы сук-кины дети! – объявил он со своей обычной прямоотой. – Лóвите блох чёрт знает где, а что у вас под носом происходит, не видите.
– А что у нас происходит под носом, Август? – спросили мы.
– Посмотрите, как ваш друг Михаил Булгаков подписывает уже второй фельетон! Посмотрели: «Г.П. Ухов». Ну и что ж тут такого?
– Нет, вы не глазом, вы вслух прочтите!
Прочитали вслух... Мамочки мои! «Гепеухов»! М-да, действительно...
Мы были обескуражены, а Булгаков получил по заслугам и следующий свой фельетон подписал псевдонимом – «Эмма Б.»⁹.

Дружба Булгакова с Ильфом и Петровым продолжалась и за пределами редакции газеты «Гудок»: «Собственно говоря, Булгаков дружил не с Ильфом и Петровым, а с Ильфом, и пунктир их знакомства уходит к началу 20-х годов.

Где-то там, в начале 20-х, была редакция газеты “Гудок”, а в ней оба – Ильф и Булгаков – обработчики рабочих корреспонденций... Комната в страшной коммунальной квартире на Большой Садовой, где Булгаков жил со своей первой женой Татьяной Николаевной и куда так часто приходили трое, и чаще всего вместе – Валентин Катаев, Юрий Олеша, Илья Ильф... <...> А вот и более поздний найденный мною архивный след: в записной книжке Ильфа за август-сентябрь 1927 года, той самой, где первые записи к “Двенадцати стульям”, на внутренней стороне обложки адрес и телефон: Б. Пироговская, 35-б, кв. 6, тел. 2-03-27. Фамилии нет. Но я знаю: это адрес и телефон Михаила Булгакова, только что переехавшего на Большую Пироговскую со своей второй женой, Любовью Евгеньевной. Сюда, на Большую Пироговку, Ильф обыкновенно приходил уже вместе с Петровым.

Это было время тяжких литературных скандалов вокруг имени Булгакова, время газетной травли и запрещения булгаковских пьес. Любовь Евгеньевна уверяла, что по одному только виду Е. Петрова, по тону его сразу же можно было определить, какая погода на дворе стоит вокруг имени Михаила Булгакова. А Ильф был неизменно ровен, как будто не было никаких скандалов, или он о них не знал, или они не имели никакого значения. Ровен, доброжелателен, божественно остроумен...

Это ее слова: божественно остроумен...

Позже, в королевстве Елены Сергеевны – в квартире Булгаковых в Нащокинском переулке, – Ильф, по-видимому, бывал реже. Хотя до начала 1937 года, до переезда в Лаврушинский (что произошло в последние месяцы жизни Ильфа), жил почти рядом – в соседнем подъезде этого двухподъездного писательского дома»¹⁰.

Остроумием отличался и Михаил Булгаков. Это проявлялось как в жизни, так и в творчестве. А Виктор Ардов отметил еще одно сходство между ним и Ильфом: «...Михаил Афанасьевич очень похож был на свои сочинения. Та поразительная легкость и живость фантазии, которой отличаются все его рассказы и пьесы, буквально изливалась из него. Он фантазировал в вашем присутствии, рассказывая о своих впечатлениях. А впечатлений непосредственных, недавних, вот сегодняшних, у Булгакова всегда было очень много. Тут он напоминал мне только одного человека: Илья Ильф так же жадно наблюдал за тем, что делалось и случалось вокруг него. Ильфа мы называли “зевакой”, ибо он мог часами наблюдать уличный скандал или репетицию симфонического оркестра, футбольный матч или заседание в Арбитраже. И потом с воодушевлением всё это не только рассказывал, но даже разыгрывал в лицах...»¹¹.

Иногда в разговорах Ильф повторял фразы из обоих романов. Например, реплика Остапа в «Золотом теленке» об исчезновении Скумбриевича: «Это уже мистика,

⁹ Штих (Львов) М.Л. В старом «Гудке» // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 97 – 98.

¹⁰ Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. Иерусалим: Изд-во «Мория», 1997. С. 58.

¹¹ Ардов В. Этюды к портретам. М.: Сов. писатель, 1983. С. 45.

– сказал Бендер, вертя головой, – только что был человек, – и нет его»¹², – отсылает к мемуарам Валентины Ходасевич о ее общении с Ильфом в Париже в конце 1933 года:

Метрах в десяти впереди меня – Ильф и три дамы: наши дамы, из лондонского полпредства и из Варшавы. Ильф «объяснял» им картины очень как будто «профессионально», но на самом деле бог знает что говорил. Я некоторое время шла за ними, незамеченная, и слушала. Это было занятно, я понимала, что он просто развлекается, пародируя некоторых вульгарных искусствоведов. Вечером я начала цитировать его сентенции. Сначала он сказал, что это какая-то мистика, – откуда я знаю, но мгновенно овладел положением. «Опять вы ничего не понимаете, – сказал он мне самым серьезным тоном, – они все равно ничего не запомнят, зато у них останется воспоминание о том, как знаменитый писатель Ильф беседовал с ними об искусстве». Ну, как с ним было спорить?

Один раз Ильф сказал вещь, которая меня очень тронула: он поблагодарил меня за то, что я ни разу не спросила о том, как они с Петровым пишут вместе и отчего у него синее пятно на губе. Он сказал это шутливо, но в то же время серьезно. Мне было жаль, когда они уехали, прогулки и разговоры с Ильфом вносили что-то очень приятное в мою парижскую жизнь.

Мы увиделись, когда я приехала в Москву перед съездом писателей. В дни съезда я почти все время была с Ильфом и Петровым, потом уехала на Клязьму, в дом отдыха Наркоминдела, и Ильф приезжал туда ко мне. Первый его приезд был сенсацией (когда выяснилось, кто это такой, обитатели дома отдыха даже разволновались, и я воочию убедилась в популярности Ильфа и Петрова). Он только одну свою книгу подарил мне: «Как создавался Робинзон». Ильф, мне кажется, был рад, когда я хвалила книгу.

Потом мы опять увиделись в Париже, когда они возвращались из поездки по Америке. Ильф был уже очень болен (в Америке у него обнаружили каверну в легком). Петров на этот раз не отпускал его ни на шаг от себя. Мне кажется, это был февраль 1936 года¹³.

---

¹² Кстати, описание данного персонажа: «А ведь подкачал Скумбриевич. И как подкачал! Мелкая летняя волна доставила на берег уже не дивное женское тело с головой бреющегося англичанина, а какой-то бесформенный бурдюк, наполненный горчицей и хреном» (глава «На суше и на море»), – перешло сюда из фельетона Ильфа «Разбитая скрижаль» (1929): «Был он сочинителем противнейших объявлений, человеком, которого никто не любил. Неприятнейшая была эта личность, не человек, а бурдюк, наполненный горчицей и хреном. <...> Такие-же чувства внушал мне сосед по квартире, – бурдюк, наполненный горчицей и хреном, человек по фамилии Мармеламедов» (*Ильф И.* Разбитая скрижаль // Чудак. М., 1929. № 9. Март. С. 10). Оба персонажа имитируют кипучую деятельность, скрывая за этим свою пустоту: если «геркулесовцы сидели на собраниях по три часа кряду, слушая унижительную болтовню Скумбриевича. <...> “Вот скотина, – думали они, тоскливо вертя в руках карандаши и чайные ложечки, – симулянт проклятый!”». Но придраться к Скумбриевичу, разоблачить его было не в их силах. Егор произносил правильные речи о советской общественности, о культработе, о профучебе и о кружках самодеятельности», то Мармеламедов «своей бьющей в нос справедливостью и пунктуальностью <...> изнурял посетителей не меньше, чем всех, живших с ним в одной квартире». Фамилия «Мармеламедов», представляющая собой контаминацию русской фамилии «Мармелад» и еврейской «Меламед», фигурирует также в первом книжном издании романа («Годы страданий начались с тех пор, когда в город приехал новый художник Феофан Мармеламедов») и в рассказе «Вице-король» (1931): «Я Тихон Маркович Мармеламедов, бывший компаньон вашего отца. У нас же был торговый дом “Мармеламедов, Берлага и сын”. И вы были сын. Но вы тогда были маленький».

¹³ *Ходасевич В.* Встречи. Из книги «Портреты словами» // Новый мир. 1969. № 6. С. 209. Объяснение того, почему Ильф не подарил Валентине Ходасевич «Двенадцать стульев» и «Золотого тельца», мы находим в тех же мемуарах: «Шел мелкий парижский дождик, приятный и не надоедливый. Не знаю, до сих пор не знаю, что со мной тогда случилось, обычно я не бывала такой бестактной. Факт тот, что я вздумала выражать свое мнение о романах Ильфа и Петрова, хотя Ильф меня ни о чем не спрашивал. В общем, я сказала то, что я думала, и то, что тогда казалось мне справедливым, и высказалась резко: что это книги для советских обывателей, что нельзя всерьез считать такой юмор первосортным, когда на свете существовал, например, Марк Твен, и так далее и тому подобное».

Видимо, эта неожиданная, невежливая и ничем не вызванная тирада произвела на Ильфа впечатление. Он перешел в оборону, и горячо. Он мне сказал, что я сноб, что их книги читают миллионы людей в разных странах и что это – литература, а не второй сорт. Мы уже подходили к дому № 148 на рю де Вожирар, я как-то сразу стала совсем трезвой и чувствовала себя очень неловко» (Там же. С. 208).

Слова Ильфа «*это какая-то мистика*» (1933) чуть позже повторит и Михаил Булгаков: «14 декабря 1934 года у Булгаковых гости, среди них Жуховицкий. “Пикантейшее сообщение, – записывала, как обычно, той же ночью Е<лена> С<ергеевна>, – оказывается, что Анатолий Каменский, который года четыре тому назад уехал за границу, стал невозвращенцем, шельмовал СССР, – теперь находится в Москве! Тут Миша не выдержал и сказал: “Ну, *это уже мистика*, товарищи!”. Жуховицкий был сам не свой, что-то врал, бегал глазами и был дико сконфужен. Для меня он теперь совсем понятен; мы не раз ловили его с Мишей на лжи»¹⁴. По словам Мариэтты Чудаковой: «Цепочку “наушников” замыкает Алоизий Могарыч (Е.С. Булгакова называла мне имя его реального прототипа – переводчик Эммануил Жуховицкий, секретный – что ни для кого в московской среде не составляло секрета – сотрудник “органов”, ими же в конце концов и расстрелянный и, по иронии судьбы, реабилитированный в 1990-е годы по моему запросу...)»¹⁵.

В краткой заметке, посвященной выходу Большой Советской Энциклопедии, Ильф обратил внимание на неточность, касающуюся биографии Булгакова: «О М.А. Булгакове осведомленно сообщается, что он “годы 1921 – 1923 жил за границей, где сотрудничал в Берлинской газете “Накануне””. Между тем он в эти годы жил в Москве и работал – увы! – в “Гудке”»¹⁶. В Берлине Булгаков действительно не жил, но в газете «Накануне» печатался с 1922 по 1924 год. Выпускал эту газету А.Н. Толстой.

Сохранилось фото, сделанное Ильфом на похоронах Маяковского 17 апреля 1930 года. На фото запечатлены: М.А. Файнзильберг (брат И. Ильфа), В. Катаев, М. Булгаков, Ю. Олеша, И. Уткин¹⁷.

26 ноября 1934 года происходит одна из редких задокументированных встреч наших героев: «Вечером – Ильф и Петров. Пришли к М.А. советоваться насчет пьесы, которую они задумали»¹⁸. Вероятно, речь идет о комедии Ильфа, Петрова и Катаева «Под куполом цирка», с 23 декабря 1934 года шедшей в театре «Мюзик-холл»¹⁹ (годом ранее с «Мюзик-холлом» пытался сотрудничать Булгаков, но договор на его пьесу «Блаженство» – будущего «Ивана Васильевича» – был расторгнут).

Ильф же упомянул Булгакова еще в своем фельетоне «Принцметалл» (1924), заглавный герой которого восклицает: «Калош я не ношу! Дешевое удовольствие! Калоши носит в Москве только один человек – Михаил Булгаков»²⁰. Здесь содержится явная отсылка к рассказу Антона Чехова «Человек в футляре» (1898), где учитель гимназии Буркин говорит: «Да вот, недалеко искать, месяца два назад умер у нас в городе некий Беликов, учитель греческого языка, мой товарищ. Вы о нем слышали, конечно. Он был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате».

Более того, уже в 1924 году, на самой заре их литературного творчества, когда они работали в «Гудке», Ильф и Булгаков написали вместе цикл из трех фельетонов, куда входил и тот самый «Принцметалл»:

В марте 1924 г. в «Бакинском рабочем» публикуется рассказ Булгакова «Бурнаковский племянник». В библиографии произведений Булгакова, составленной Б.С. Мягковым,

¹⁴ Чудакова М. Осведомители в доме М.А. Булгакова в середине 1930-х годов // Седьмые Тыняновские чтения. Вып. 9. Рига; Москва, 1995 – 1996. С. 404. Впервые: Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. С. 548.

¹⁵ Чудакова М. О «закатном романе» Михаила Булгакова. История создания и первой публикации романа «Мастер и Маргарита». М.: Эксмо, 2019. С. 43.

¹⁶ Сплетни на букву Б // Чудак. М., 1929. № 4. Янв. С. 11.

¹⁷ Дневник Елены Булгаковой / Сост. В. Лосев и Л. Яновская. М.: Изд-во «Кн. палата», 1990. С. 62.

¹⁸ Там же. С. 79.

¹⁹ См., например, объявление: «МЮЗИК-ХОЛЛ. Сегодня и ежедневно. Ильф, Петров, Катаев. ПОД КУПОЛОМ ЦИРКА. Нач. 8 в. Касса с 12 дня. Бил. прод.» (Вечерняя Москва. 1935. 15 апр. № 87. С. 4).

²⁰ Ильф И.А. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 86.

отмечено, что рассказ этот опубликован в рубрике «Московский Вавилон». Но такой рубрики в газете до публикации «Бурнаковского племянника» не было. Эта, говоря точнее, «шапка» впоследствии встретится в газете только один раз: всего через два дня, над заглавием рассказа Ильфа «Изобретение мистера Принцметалла»²¹. Поскольку перед заглавием булгаковского рассказа стоит цифра 1 <...> есть основания считать, что «Московский Вавилон» – название цикла, задуманного и осуществленного Булгаковым и Ильфом. Этот цикл представляет собой триптих. Его третьей «створкой» стал рассказ Ильфа «Катя-Китти-Кэт», опубликованный вскоре «Желонкой»²². Очевидно, все три части триптиха редакция планировала приурочить к 1 апреля, но выход очередного номера журнала по каким-то причинам задержался, сроки отодвигались неоднократно, о чем газета не раз уведомляла читателей. Выход в свет этого номера был проанонсирован 30 марта, т.е. в том же номере газеты, где был опубликован «Бурнаковский племянник» Булгакова. При этом указывалось, что очередной номер «Желонки» «выходит сегодня, 30 марта. Следующий, номер <...> выйдет 10 апреля»²³. Фактически же номер журнала с рассказом Ильфа появился только в мае. Здесь обозначена и рубрика – «Рабкория», – в которой был помещен этот рассказ. Ниже крупным жирным шрифтом было обозначено: «Московский Вавилон», еще ниже – полужирным – «Катя-Китти-Кэт».

Что же, помимо общего названия цикла, объединяет три рассказа и создает триптих? Его первую и центральную «створку» здесь, видимо, образует рассказ Булгакова, две другие – рассказы Ильфа. Не только потому, что рассказ Булгакова несколько больше по объему ильфовских. Его центральное место, на наш взгляд, оправдано и тем, что здесь наиболее полно дана картина нового столпотворения, «Нового Вавилона». Сюжетообразующим стержнем здесь является пресловутый «квартирный вопрос», который не раз еще будет обыгран Булгаковым.

Этот же стержень и в рассказе Ильфа «Катя-Китти-Кэт». В другом ильфовском рассказе появляется, в ироничном свете, и фигура Булгакова и один из атрибутов его будущего романа (бриллиантовая подкова).

Триптих Булгакова и Ильфа не открывал, но и не закрывал тему «Нового Вавилона» в произведениях писателей – тему, достаточно распространенную в искусстве 1920-х гг., но получившую у Булгакова и Ильфа особую трактовку²⁴.

Собственно говоря, это была первая и последняя попытка их сотрудничества, хотя они продолжали работать в «Гудке», но если Ильф писал фельетоны с большим удовольствием, то Булгаков этой работой явно тяготился, с чем связано признание в дневнике (запись от 5 января 1925 года): «Сегодня в “Гудке” в первый раз с ужасом почувствовал, что я писать фельетонов больше не могу – физически не могу. Это надругательство надо мной и над физиологией»²⁵. Однако дружеские отношения между писателями сохранялись и позднее, когда Ильф и Петров написали два больших романа-фельетона, принесшие им всемирную славу (в одной из первых рецензий «Двенадцать стульев» были названы «многостраничным фельетоном»²⁶).

---

²¹ Бакинский рабочий. 1924. 2 апреля. № 73 (1096). <...> Интересно, что фамилия персонажа Ильфа прежде него была использована М. Булгаковым в «Белой гвардии», законченной в начале 1924 г. и неоднократно читавшейся автором на литературных вечерах. Булгаков дал эту фамилию несколько в другом написании: «Зубной врач Берта Яковлевна Принц-Металл». Эти фамилии происходят от имени американского кардиолога Мирона Принцметала (ум. в 1908 г.), впервые описавшего редкую разновидность стенокардии. По-видимому, использование Ильфом этой фамилии было стимулировано булгаковским романом.

²² Желонка [сатирико-юмористический журнал; приложение к газете «Бакинский рабочий»]. 1924. № 9 (май). С. 143 (пагинация сквозная из номера в номер).

²³ Бакинский рабочий. 1924. 30 марта. № 70 (1093).

²⁴ Балонов Ф.Р. «Московский Вавилон» и «Кривое зеркало»: М.А. Булгаков в соавторстве с И. Ильфом и В.П. Катаевым // De visu: Историко-литературный и библиографический журнал. М., 1994. № 5/6. С. 91 – 92.

²⁵ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Голос, 2000. С. 135.

²⁶ Л.К. Илья Ильф и Евг. Петров. «Двенадцать стульев». Роман. ЗИФ. 1928 г. Ц. 2 р. 50 к. // Вечерняя Москва. 1928. 21 сент. № 220. С. 3.

Интересную деталь о взаимоотношениях Ильфа и Булгакова привела Лидия Яновская, общавшаяся с вдовой Булгакова Еленой Шиловской летом 1967 года: «Елена Сергеевна записывала не всё. Вот что она рассказала мне об Ильфе сразу же, когда я познакомилась с нею.

Когда в жизни Булгакова – а было это в марте 1936 года – в очередной раз разразилась катастрофа и пьесы его снимали со сцены, а театры требовали возвращения авансов и в доме не было ни гроша, приходил Ильф и предлагал деньги – так же, как некогда, в 1929 году, это сделал В.В. Вересаев. Булгаков предложения не принял: к этому времени у него было твердое решение – в долги, подобные вересаевскому, более не входить.

Помнится, меня тогда поразило сочетание двух слов: “Ильф” и “деньги”. <...> Мое простодушное изумление вызвало гнев Елены Сергеевны. Мне была дана достойная отповедь (дескать, если она говорит, то знает, что говорит, и никакие сомнения здесь неуместны). И повторено: “Приходил Ильф. Предлагал деньги”²⁷.

26 ноября 1936 года Елена Сергеевна записывает в дневнике: «Вечером у нас – Ильф с женой, Петров с женой, Сережа Ермолинский с Марикой. За ужином уговорили Мишу прочитать сценарий (“Минина”). М.А. прочитал первые два действия. Слушали очень хорошо. Мне очень нравится Петров. Он очень остроумен, это первое. А кроме того, необыкновенно серьезно и горячо говорит, когда его заинтересует вопрос. К М.А. они оба (а главным образом, по-моему, Петров) относятся очень хорошо. И потом – они настоящие литераторы. А это редкость»²⁸.

В 1960-е годы Елена Булгакова отредактировала эту запись, и получилось вот что: «Вечером у нас: Ильф с женой, Петров с женой и Ермолинские. За ужином уговорили М.А. почитать “Минина”, М.А. прочитал два акта. Ильф и Петров – они не только прекрасные писатели. Но и прекрасные люди. Порядочны, доброжелательны, писательски, да, наверно, и жизненно – честны, умны и остроумны»²⁹. Упомянутые здесь Сергей и Марика Ермолинские были друзьями Булгакова. А в мемуарах Сергея Ермолинского описан один из визитов к Булгакову Ильфа, но без Петрова и без жены.

Связи с литературной жизнью, литераторами почти совсем прервались. Он [Булгаков] перестал встречаться даже с приятелями по «Гудку». А ведь в той беспорядочной, полуголодной жизни было приятельство, и очень сердечное. Теперь заходили лишь Ильф и Петров. Может быть, забегал и еще кто-нибудь, но это мимоходом, случайно, он об этом никогда не упоминал. А Ильфа и Петрова любил. Особенно Ильфа.

Я встречал его у Булгакова несколько раз. Он приходил в суконной курточке вместо пальто, в кепи, сдвинутом набок. Смотрел на Булгакова с нескрываемым интересом, с любопытством женщины, словно примеривался к нему, старался уловить, понять самое главное в поведении этого человека, избравшего столь нелегкий и, как казалось тогда, безнадежный литературный путь. Булгаков оживлялся в его присутствии, с головой окунаясь в разговор.

В шутках их, подчас беспощадных, когда говорили они о писателях-делягах, способных на подлость, было полнейшее единодушие. И, странно сказать, Булгаков выглядел намного мягче и снисходительнее, чем Ильф, порядком издерганный литературной маетой.

Именно таким я видел его вскоре после возвращения из Америки, которую он изъездил вместе с Петровым вдоль и поперек на автомобиле. Это было уже незадолго до его смерти. Он вернулся угрюмым, больным, рассказывал отдельные главы «Одноэтажной Америки», и то, что я слышал в устном рассказе, было гораздо более зло, чем потом написано, – не так смешно, а, скорее, желчно. По ходу рассказа то и дело возникали у него сравнения с нашей жизнью. И, мрачней, он говорил, что нельзя было не думать об этом во время путешествия, душу выкручивало от досады, от обиды, черт знает от чего, но хитроумный Евгений Петров вовремя исправлял его черновые записи, а то и книги бы никакой не получилось...

---

²⁷ Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. Иерусалим: Изд-во «Мория», 1997. С. 61 – 62.

²⁸ Там же. С. 59.

²⁹ Дневник Елены Булгаковой. М.: Изд-во «Кн. палата», 1990. С. 126.

Рассказывая, он оживлялся, но затем им опять овладевала какая-то полусонная вялость. Он нетерпеливо пригубливал некрепкую нежинскую рябиновку и к концу вечера совсем помрачнел. Булгаков развлекал его как мог.

– Вы не думайте, мне тоже удалось показать себя на международной арене, – говорил он, подзадоривая гостя. – Я был недавно в числе приглашенных на прием в американское посольство. Должен сказать, что сначала поехал – стоит ли пускаться в столь опасное путешествие? Вообще я иностранцев побаиваюсь. Они могут окончательно испортить мне жизнь. Послушайте, ну что они там про меня пишут? Будто я арестован, замучен в чека, помер... Голубчик мой, хоть вы объяснили бы, что так нельзя! А вы заметили, что они приходят в возбуждение не от литературы нашей, а лишь от тех писателей, которые у нас хоть чуточку проштрафились. Эх, эх. Вот и за меня схватились. Не нравится мне это, Илья Арнольдович. Но, знаете ли, в американское посольство я пошел. Я нарочно пошел! Мне хотелось доказать, что я жив и что я необыкновенно хорошо воспитан – готов к светской беседе и не растеряюсь перед любым набором ножицков и вилочек – знаю, за какую взяться. Словом, я был во всеоружии (это был как бы мой ответ вашим заграницам), но светская беседа меня все-таки подвела. Любезный советник Наркоминдела представил меня некоему полноватому, краснощекому немцу и исчез. Немец, приятнейше улыбаясь, сказал:

– Здравствуйте... Откуда приехали?

Вопрос был, как говорится, ни к селу ни к городу, но немец говорил по-русски, и это упрощало дело.

– Недавно я был в Сухуми, в доме отдыха.

– А потом? – спросил немец, совсем уже очаровательно улыбаясь.

– Потом я поехал на пароходе в Батум. Мне хотелось показать жене те места, в которых я бывал в молодости.

– А потом?

– Потом мы поехали в Тбилиси.

– А потом?

Я с некоторой тревогой взглянул на немца.

– Потом по Военно-Грузинской дороге мы приехали в Орджоникидзе, раньше он назывался Владикавказ...

– А потом?

– Потом в Москву.

– А потом?

Въедливая назойливость немца решительно мне не нравилась, я оглядывался с беспокойством.

– А потом? – с той же интонацией повторил немец.

– Потом... вот... я в Москве и никуда не собираюсь.

– А потом? – продолжал немец.

Но тут, к счастью, промелькнул советник из Наркоминдела, я не дал ему улизнуть и схватил его под локоть.

– Послушайте! – начал я возмущенно.

– А! – вскричал наркоминделец. – Я совсем забыл! Он ни черта не знает по-русски, кроме двух-трех слов. Плюньте на него! – И потащил меня от немца, который стоял, по-прежнему нежнейше улыбаясь, с застывшим вопросом на губах: – А потом?

Ильф слушал с коротким смешком, неотрывно следя за рассказчиком, а затем перестал смеяться, опустил голову и произнес хмуро, повторяя интонацию немца, как только что делал это Булгаков:

– А потом? – И, посмотрев на него, добавил другим тоном. – Что все-таки потом, Михаил Афанасьевич?

Булгаков комически развел руками.

– О чем вы говорите, Ильф? Вы же умный человек и понимаете, что рано или поздно все станет на свои места.

– Да, конечно, – сказал Ильф, – вы счастливый человек. Без смуты внутри себя. Главное – здоровье, дай бог, чтобы оно у вас было.

– Верно, верно, – говорил Булгаков и сокрушался, – думаете, не вижу, что поездка по Америке далась вам нелегко. Бросало из жары в холод, такие контрасты. Так что теперь извольте заняться собой, милостивый государь!.. Но я-то хорош! Доктор называется! Подсунул

рябиновку вместо водки, решил – все же полегче, в ней градусов тридцать, а вы выхлестали чуть не всю бутылку. Я-то пил водку. Эх, эх! Меня ничто не берет. И вы правы, я здоров, совершеннейше здоров!

Он разговаривал с Ильфом, как с ребенком, беспокоился о нем. Но ведь он был врач и знал о себе поболее, чем о здоровье Ильфа. Он знал о себе всё – задолго до появления очевидных симптомов болезни. Но она уже подавала ему тайные знаки. Он-то знал, но мы не знали³⁰.

Во время путешествия по Америке в январе 1936 года Ильф заболел туберкулезом, в связи с чем будет уместно процитировать малоизвестный документ – дневник Сергея Львовича Бертенсона, который был администратором МХАТа и ассистентом В.И. Немировича-Данченко, а в конце 1920-х эмигрировал в Америку:

Из дневника С.Л. Бертенсона

15 февраля 1936. В прошлом году у меня было очень интересное знакомство: в Голливуд приезжали Ильф и Петров, авторы знаменитых «Двенадцать стульев». Я имел возможность наблюдать за их работой. Пишут они всё сообща, а не каждый свой собственный отрывок. При мне они обсуждали кусок своего нового произведения, причем не общее содержание, а каждую отдельную фразу. Мы купили у них сценарий «Честные люди»³¹, один из трюков которого – перенесение на другое место целого замка. Ряд эпизодов взят из «Двенадцати стульев». И, вдруг, мы узнаем, что выпущен фильм «Привидение идет на запад», в котором разыграны трюки нашего сценария. Кроме того стало известно, что лондонская фирма готовит к выпуску фильм «Двенадцать стульев». Майльстон³² был вне себя от ярости, а я сказал: «Как же можно было ожидать, чтобы люди, написавшие великого комбинатора Остапа Бендера, не “скомбинировали” бы в Голливуде?». Эта фраза рассмешила Майльстона и успокоила, но он просил меня написать Ильфу и Петрову, выяснить это дело и затребовать у них новый сценарий. Сегодня получен ответ от Петрова, датированный 27-м января, он пишет:

В связи с неожиданным заболеванием Ильфа (по определению американских врачей: туберкулез легких) мы срочно выехали в Москву, даже не успев ответить на последнее письмо Сергея Львовича.

Перед отъездом я посмотрел «Привидение идет на запад». К сожалению, история с переноской замка для нас теперь пропала. Однако, **в основном фильм ничего общего с нашим не имеет**. Мы, разумеется, пришлем Вам из Москвы сценарий, но было бы страшно жалко, если бы «Честные люди» не попали на экран. Мы подумаем над тем как изменить сюжет и оставить нетронутым основное положение с ограблением бандита, в том сценарии есть то ценное, что постепенно исчезает из американского кино, настоящее, чисто кинематографическое действие.

По причине, которую я указал в начале письма, мы едем не через Лондон, а через Париж без остановок. Поэтому не сможем увидеться с лондонскими жуликами по поводу «12 стульев». Если Вы услышите еще что-нибудь об этом фильме, обязательно напишите нам. Быть может там еще ничего не выйдет и тогда можно будет воспользоваться стульями для «Честных людей». Что же касается замка, то он не играет особенной роли и свободно может быть заменен хорошим американским домом.

Это известие о болезни талантливого Ильфа очень неприятно поразило как меня, так и Майльстона³³.

---

³⁰ Ермолинский С. Из записок разных лет: Михаил Булгаков, Николай Заболоцкий. М.: Искусство, 1990. С. 72 – 74.

³¹ Правильно: «Честные люди» (см. последующее письмо Евгения Петрова). – Я.К.

³² Льюис Майлстон – американский режиссер.

³³ Аренский К. Письма в Голливуд: По материалам архива С.Л. Бертенсона. München: K. Arensburger, Monterey, Calif, 1968. С. 233 – 234.

13 апреля 1937 года Ильфа не стало, а 14-го Елена Булгакова записывает в дневнике: «Тяжелое известие – умер Ильф. У него был сильнейший туберкулез»; и на следующий день: «Позвонили из Союза писателей, позвали М.А. – в караул почетный ко гробу. В то время, как М.А. стоял в карауле, я стояла недалеко от гроба, смотрела на цветы, на жену Ильфа, стоявшую ко мне спиной...»³⁴. В этот день состоялись похороны и кремация: «Сегодня, 15 апреля, доступ к телу И.А. Ильфа в Доме советского писателя будет открыт с 11 час. утра до 4 ч. 30 мин. дня.

Гражданская панихида – в 4 ч. 30 мин. Вынос тела в крематорий в 5 час. Кремация в 6 час. вечера»³⁵.

Судя по мемуарам Виктора Ардова, Ильф высоко ценил талант Булгакова: «Писатель И.А. Ильф, который работал с Михаилом Афанасьевичем в двадцатых годах в “Гудке”, с восхищением отзывался о заметках, что давал в железнодорожную газету Булгаков. А Ильфа удивить было трудно. И понравиться ему – еще труднее: больно взыскателен был Илья Арнольдович. Но я помню, как Ильф со смехом пересказывал мне, через десять лет после напечатания, какие-то забавные сюжеты и выражения из произведений Булгакова, опубликованных в “Гудке”»³⁶.

В свою очередь, и Булгаков отдавал должное таланту Ильфа и Петрова, выделяя их из писательской среды, но при этом сожалел, что они не оценили серьезные «ершалаимские» главы «Мастера и Маргариты», которые он читал им в 1935 году³⁷: «Характерен эпизод, сообщенный мне Е.С. Булгаковой (в конце 50-х годов по ее просьбе я делал выписки, касающиеся Булгакова, в Архиве Музея Горького). И. Ильф и Евг. Петров, прочитав роман “Мастер и Маргарита” (в одном из ранних вариантов), убеждали автора “исключить все исторические главы” и переделать произведение в юмористический детектив.

– Тогда мы гарантируем, что он будет напечатан.

Когда они ушли, Булгаков горько сказал:

– Так ничего и не поняли... А ведь это еще лучшие...»³⁸.

Этой же историей вдова писателя поделилась позднее с Мариэттой Чудаковой: «...Булгаков, как рассказывала нам Елена Сергеевна, читал роман (или часть его) И. Ильфу и Е. Петрову. И едва ли не первой их репликой после чтения была такая: “Уберите ‘древние’ главы – и мы беремся напечатать”. Реакцию Булгакова Елена Сергеевна передавала своим излюбленным выражением: “Он побледнел”. Он был поражен именно неадекватностью реакции на услышанный текст тех людей, которых он числил среди слушателей квалифицированных»³⁹. Данный эпизод со слов Елены Булгаковой описала и Вера Прохорова: «Это было еще при жизни Булгакова. Дали Ильфу и Петрову прочесть этот роман. Они сказали: “Ну что ж, это очень интересно всё. Знаете что, Михаил Афанасьевич, выкиньте вы всю эту библейскую часть, и мы вам устроим этот роман. Настолько интересный, всё здорово в другом плане, что это пойдет”. Естественно, Булгаков на это не пошел»⁴⁰.

---

³⁴ Дневник Елены Булгаковой. М.: Изд-во «Кн. палата», 1990. С. 139, 371.

³⁵ От комиссии по похоронам И.А. Ильфа // Литературная газета. 1937. 15 апр. С. 1.

³⁶ Ардов В. Этюды к портретам. М.: Сов. писатель, 1983. С. 41.

³⁷ Датировка выводится из свидетельства Лидии Яновской, в 1967 году общавшейся с вдовой Булгакова: «Итак, Елена Сергеевна ничего не записала о том, что Ильф и Петров слушали роман. Может быть, и не говорила о таком чтении? Все-таки говорила. <...> И даже называла дату: 1935 год. <...> И я, уточняя и расспрашивая, пометила в своей тетради с ее слов: “В 1935 г. читал Ильфу”» (Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. Иерусалим: Изд-во «Мория», 1997. С. 63 – 64). По мнению Яновской, Булгаков читал Ильфу и Петрову третью редакцию «Мастера и Маргариты» – 1934 – 1936 годов.

³⁸ Михайлов О.Н. Страницы советской прозы. М.: Современник, 1984. С. 114.

³⁹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. С. 629.

⁴⁰ О Елене Булгаковой, публикации романа «Мастер и Маргарита» и последних днях Михаила Булгакова / С Верой Ивановной Прохоровой беседуют Дмитрий Борисович Споров и Сигурд Оттович Шмидт, 29.10.2001 // <http://oralhistory.ru/talks/orh-1149/text>

Общие мотивы в «Мастере и Маргарите», «Двенадцати стульях» и «Золотом теленке». Бендер и Воланд

Осенью 1936 года, после визита к Булгакову, Ильф сделал наброски к роману о римском легате, где в нэповскую Одессу приходят римские солдаты, имеющие определенное сходство с обладателем «шаркающей кавалерийской походки» Понтием Пилатом, а также с Воландом и его свитой, посетившими Москву в преддверии Пасхи, которая пришлась на 5 мая 1929 года (в другие годы Страстная неделя была в апреле):

Это был молодой римский офицер. Впрочем, не надо молодого. Его обязательно будут представлять себе кавалером в красивом военном наряде. Лучше, чтоб это был пожилой человек, грубоватый, может быть, даже неприятный. Он уже участвовал в нескольких тяжелых, нудных походах против каких-то голых и смуглых идиотов. Он уже знает, что одной доблести мало, что многое зависит от интендантства. Например, доставили такие подбородные ремни, что солдаты отказываются их носить. Они раздирают подбородки в кровь, такие они жесткие. Итак, это был уже немолодой римский офицер. Его звали Гней Фульвий Криспин. Когда вместе с своим легионом он прибыл в Одессу и увидел улицы, освещенные электрическими фонарями, он нисколько не удивился. В персидском походе он видел и не такие чудеса. Скорее его удивили буфеты искусственных минеральных вод. Вот этого он не видел даже в своих восточных походах. <...>

«Ну, ты, колдун, – говорили римляне буфетчику, – дай нам еще два стакана твоей волшебной воды с сиропом «Свежее сено». Фамилия буфетчика была Воскобойников, но [он] уже подумывал об обмене ее на более латинскую. Или о придании ей римских имен. Публий Сервилий Воскобойников. Это ему нравилось.

Легат посмотрел картину «Спартак»⁴¹ и приказал сжечь одесскую кинофабрику. Как настоящий римлянин, он не выносил халтуры.

Мишка Анисфельд, известный босьяк, первым перешел на сторону римлян. Он стал ходить в тоге, из-под которой виднелись его загорелые плебейские ноги. Но по своей родной Костецкой он не рисковал ходить. Там над ним хихикали и называли консулом, персидским консулом. Что касается Яшки Ахрона, то он уже служил в нумидийских вспомогательных войсках, и друзья его детства с завистливой усмешкой говорили ему: «Слушай, Яша, мы же тебя совсем не держали за нумидийца». Яшка ничего на это не отвечал. Часто можно было видеть его на бывшей улице Лассалья. Он мчался по ней, держась за хвост лошади, как это принято среди нумидийцев. Шура Кандель, Сеня Товбин и Трубочистов-второй стали бриться каждый день. Так как они и раньше, здороваясь, вытягивали руку по-римски, то им не особенно трудно было примениться к новому строю. На худой конец они собирались пойти в гладиаторы и уже сейчас иногда задумчиво бормотали: «Идущие на смерть приветствуют тебя». Но мысль о необходимости сражаться голыми вызывала у них смех. Впрочем, крайней нужды в этом еще не было, потому что от последнего налета они еще сберегли несколько десятков тысяч сестерций и часто могли лакомиться сиропом «Свежее сено» и баклавой у старого Публия Сервилия Воскобойникова. Они даже требовали, чтобы он начал торговлю фазаньими языками. Но Публий отговаривался тем, что не верит в прочность римской власти и не может делать капиталовложений. Римлян, поляков, немцев, англичан и французов Воскобойников считал идиотами. Особенно его раздражало то, что римляне гадают по внутренностям животных. Громко он, конечно, говорить об этом не мог, но часто шептал себе под нос так, чтобы солдаты, сидящие за столиками, могли его слышать: «Если бы я был центурион, я бы этого не делал». Если бы он был центурион, то открыл бы отделение своего буфета на углу Тираспольской и Преображенской, там, где когда-то было кафе Дитмана. В легионе, переправившемся через Прут и занявшем Одессу, было пятнадцать тысяч человек, это был легион, полностью укомплектованный – грозная военная сила. Легат Рима жил во дворце командующего округом, среди громадных бронзовых подсвечников. Так как раньше здесь был музей, то у основания подсвечников помещались объяснения, в которых бичевался цар-

---

⁴¹ «Спартак» (1926) – советско-турецкий фильм, реж. Эртугрул (Примечание Александры Ильф).

ский строй и его прислужники. Но легат не знал русского языка. Кроме того, он был истинный республиканец и к царям относился недоброжелательно. В своей душевной простоте он принимал девушек, нанятых среди бывших фигуранток «Альказара», за финикийских танцовщиц. Но больше всего ему нравилась «Молитва Шамиля» в исполнении танцоров из «Первого государственного храма малых форм». И иногда легат сам вскакивал с ложа и, прикрыв глаза полой тоги, медленно начинал «Молитву». Об этом его безобразном поведении уже дважды доносил в Рим один начинающий сикофант⁴² из первой когорты. Но в общем жизнь шла довольно мирно, пока не произошло ужасающее событие. Из лагеря легиона, помещавшегося на Третьей станции Большого фонтана, украли все значки, случай небывалый в военной истории Рима. При этом нумидийский всадник Яшка Ахрон делал вид, что ничего не может понять. Публий же Сервилий же Воскобойников утверждал, что надо быть идиотом, делая такие важные значки медными, а не золотыми.

Двух солдат легиона, стоявших на карауле, распяли, и об этом много говорили в буфете искусственных минеральных вод Публия Сервилия Воскобойникова. На другой день значки были подкинута к казармам первой когорты с записочкой: «Самоварное золото не берем». Подпись: «Четыре зверя». После этого разъяренный легат распял еще одного легионера и в тоске всю ночь смотрел на наурскую лезгинку в исполнении ансамбля «Первой госконюшни малых и средних форм».

Вот доломаем вашу ногу и пойдем домой.

Резкий звук римских труб стоял каждый вечер над Одессой. Вначале он внушал страх, потом к нему привыкли. А когда население увидело однажды Мишку Анисфельда, стоящего в золотых доспехах на карауле у канцелярии легата, резкий вой труб уже вызывал холодную негодяйскую улыбку. У Мишки Анисфельда были красивые белые ноги, и он пользовался своей новой формой, чтобы сводить одесситок с ума. Он жаловался только на то, что южное солнце ужасно нагревает доспехи, и поэтому стоял в карауле с тремя сифонами сельтерской воды. Легат угрожал ему распятием на кресте за это невероятное нарушение военной дисциплины, но Анисфельд, дерзко улыбаясь, заявил на обычном вечернем собрании у Воскобойникова: «А может, я его распну. Это еще неизвестно»⁴³. И если взглянуть в холодное красивое лицо легионера, то действительно становилось совсем неясно, кто кого распнет.

Приезд в Одессу Овидия Назона и литературный вечер в помещении Артистического клуба. Овидий читает стихи и отвечает на записки.

Драка с легионерами на Николаевском бульваре. Первый римский меч продается на толчке. В предложении также наколенники, но спроса на этот товар нет.

Возобновление частной торговли.

Одесса вступает в сраженье. Черное море, не подкачай! Бой на ступеньках музея Истории и Древностей. Бой в городском саду, среди позеленевших дачных львов. Публий Сервилий Воскобойников выходит из своего буфета и принимает участие в битве. Яшка Ахрон давно изменил родному нумидийскому войску и дезертировал. В последний раз он промчался по улице бывшей Лассалья, держась за хвост своего верного скакуна. Уничтожение легионеров в Пале-Рояле, близ кондитерской Печеского. Огонь и дым. По приказанию легата поджигают помещение «Первой госконюшни малых и средних форм».

Режиссеры говорят: «Назад к Островскому», а публика орет: «Деньги обратно».

Сенька Товбин – голубоглазый, необыкновенно чисто выбритый, пугающий своей медлительной любезностью. Глаза у него, как у молодого дога, ничего не выражают, но от взгляда его холодеет спина. Трубочистов-младший – дурак, но способен на все. Жизнерадост-

⁴² «Доносчик (в Афинах с V в. до н.э. так называли клеветников с целью наживы)» (Прим. Александры Ильф). Аналогичный термин упоминает Михаил Булгаков в рабочих записях к «Мастеру и Маргарите»: «В самой ранней сохранившейся тетради запись: “Delatores – доносчики”. Термин из истории социального устройства Рима. Но для Булгакова доносчики бессмертны. Они проходят в его сочинениях о Мольере, Пушкине. “Великий монарх, видно, королевство-то без доносов существовать не может?” – говорит в “Каббале святош” шут короля, “справедливый сапожник”» (Яновская Л. Понтий Пилат и Иешуа Га-Ноцри: в зеркалах булгаковедения // Вопросы литературы. 2010. № 3 (май – июнь). С. 53).

⁴³ Ср. с рассказом Ильфа «Многие частные люди и пассажиры...» (1923), где описывается собрание кондукторов, а Петька Клиш, которого пригрозили выкинуть, говорит участникам: «Посмотрим, кто кого выкинет. Увидим» (Ильф И. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 64). Причем если в набросках 1936 года «легат угрожал ему распятием», то в рассказе 1923 года звучала угроза избиения: «Мы тебя отучим. Мы с тобой биться будем. А нет – из союза выкинем».

ный идиот. На гладиаторских играх, устроенных по приказу легата, он кричал: «В будку!», вел себя, как в дешевом кино, как в кино «Слон» на Мясоедовской улице. У него громадная улыбка, она занимает много места. <...>

«Божественный Клавдий! Божественный Клавдий! Что вы мне морочите голову вашим Клавдием! Моя фамилия Шапиро, и я такой же божественный, как Клавдий! Я божественный Шапиро и прошу воздавать мне божеские почести, вот и всё». <...>

Яшка Ахрон, герой романа⁴⁴.

И хотя роман, основанный на давних впечатлениях Ильфа от съемок фильма «Спартак» (Одесса, 1926), обещал быть интересным, но, к сожалению, он так и не был написан, поскольку Ильф тяжело заболел и весной 1937 года умер. Но впечатления от съемок «Спартака» нашли отражения в «Золотом теленке», где Остап посещает 1-ю Черноморскую кинофабрику, и в рассказе Ильфа «Путешествие в Одессу» (1929).

Что же касается религиозной тематики, то Ильф и Петров, в отличие от Булгакова, не были верующими, однако существуют мемуары Сергея Бондарина о том, как болезненно Ильф воспринял снос храма Христа Спасителя 5 декабря 1931 года, то есть уже после написания «Золотого теленка»:

– А нам отсюда будет отлично видно, запоминайте все – не каждому суждено видеть отречение от престола или извержение Везувия. Входите же, – Ильф стоял в дверях со стаканом холодного чая в руках. Он был возбужден, на скуластом лице играли пятна румянца – всегда признак возбуждения.

В комнате, кроме Маруси (Мария Николаевна Тарасенко, жена Ильфа), был Саша Казачинский и Соколик, соседи Ильфов...

<...> Окна комнаты Ильфа были обращены в сторону Кремля и храма Христа Спасителя. <...> и вот наступил день, когда все мы увидели падение храма.

Вокруг сооружения, уже лишеного и главного, и угловых куполов, и всех скульптурных деталей, было так тихо, что через открытую форточку слышался скрип валенок на снегу. Человек в валенках, в буденовке, с биноклем через плечо, шагал к стенам храма, с ним – еще человек пять, штатских и военных.

С шипением взлетела ракета и разорвалась. Мы прижались к стеклам. Подрывники скрылись в блиндаже. Над храмом летела птица, зияла тишина, мы ждали.

Как из ноздрей курильщика, вдруг изо всех щелей здания повалил дым (а может, пыль) розовато-кирпичный и белый, и раздался звук взрыва, как чудовищная отрыжка.

Пыль и дым клубились над зданием. В щели поблескивал какой-то крестик. Продолжала лететь испуганная птица.

Дым рассеялся, пыль осела, смертельно раненное сооружение стояло – белое и жалкое в ясном морозном воздухе.

Опять побежали люди, они что-то рассматривали на доске, прикрепленной к стене какого-то временного сарая. Может быть, там был сейсмограф.

И вот снова взвилась ракета. Кто-то из нас начал отсчитывать секунды, казалось, мы ждем чересчур долго. Но вот опять глухо, чудовищно рыгнул аммонал. Ильф вскинул и нацелил свою «лейку»:

– Что-нибудь да получится.

Башня не покачнулась.

– Ничего не получится, – трезво заметил Саша Казачинский.

– Не вышло, – сказал еще кто-то.

Но в следующее же мгновение стало ясно: барабан храма шевельнулся. Неторопливо, важно громадная башня начала садиться и вваливаться во внутрь самое себя. Она исчезала, как исчезает жидкость, кружащаяся по воронке.

---

⁴⁴ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2000. С. 536 – 540. Кстати, «Яшка Ахрон» заставляет вспомнить роман «Двенадцать стульев», где фигурирует похожий персонаж в сочетании с древнеримской тематикой: «Кто же этот розовощекий индивид – обжора, пьянчуга и сластун? <...> Легендарный солдат Яшка – Красная Рубашка? Лукулл?...» (глава «Среди океана стульев»). Лукулл, как известно, был римским полководцем.

– Почему же не снимаешь? – спросила Мария Николаевна.
Но Ильф побледнел и молча опустил аппарат
Аммонал действовал безотказно. Его сила обняла, сжала кости и сухожилия всего здания, сломала и разорвала их в могучих бурных своих объятиях...
Долго молчали.
– Фантастично! – недоуменно проговорил Ильф и сердито почти выкрикнул: – Как ни в чем не бывало! Смотрят ясными глазами, как ни в чем не бывало!..
Мы переглянулись, полагая, что этот упрек относится к нам.
– Печальная реальность, – сказал Саша Казачинский.
То, что сейчас произошло у нас перед глазами, не было неожиданностью – долго подготавливалось, – и тем не менее, зрелище потрясло всех... <...>
– Скажите, найдется ли еще стакан чая? Что это было – фантазия или печальная реальность?.. Недоброе утро.
(В устах Ильфа эти слова приобретали особенное значение. <...>⁴⁵).

Итак, древнеримская тематика использовалась Ильфом для сатирического изображения советской действительности, так же как и религиозные мотивы (вспомним сатирическую линию отца Федора в «Двенадцати стульях» и ксендзов в «Золотом теленке»), в отличие от Булгакова, который трактовал религиозную тему достаточно серьезно, хотя и по-другому, нежели в христианских канонах.

Несмотря на все только что отмеченные различия между писателями, именно с «Мастером и Маргаритой» у «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка» наблюдается наибольшее количество совпадений. Следовательно, можно частично согласиться с А. Вулисом, который утверждал в послесловии к первой публикации в СССР «Мастера и Маргариты», что Булгаков «черпает их, эти факты, из тех же почти источников, какие питали сатирическую дилогию Ильфа и Петрова. Учреждения в “Мастере и Маргарите” по своей сути напоминают “Геркулес”, литераторы-конъюнктурщики вполне сродни Никифору Ляпису. И отношение к разного рода негодьям, жуликам, проходимцам у Булгакова такое же, как у Ильфа и Петрова: беспощадно-презрительное»⁴⁶.

Впервые же подробное сопоставление всех трех романов было проведено израильскими учеными Майей Каганской и Зеевом Бар-Селлой в начале 1980-х годов:

Глава 27 – «Конец квартиры № 50» – полностью укладывается в «Конец “Вороньей слободки”», главу 21-ю. В обеих квартирах пожар есть результат не самовозгорания, а поджога. В обоих случаях поджигатели – бесы. <...>

Но самое замечательное – оба пожара кончаются одинаково: полетом – «Вместе с дымом из окон пятого этажа вылетели три темных, как показалось, мужских силуэта и один силуэт обнаженной женщины».

«К небу поднялся сияющий столб, словно бы из дома выпустили ядро на луну. Так погибла квартира № 3, известная больше под названием “Вороньей слободки”».

<...>

Например, действие обоих романов начинается в аллее – сквере на Патриарших прудах в «Мастере» и Бульваре Молодых Дарований в «Золотом теленке». В обоих романах возникает проблема с пивом, поскольку в «Мастере» его «привезут к вечеру», а в «Теленке» – «отпускается только членам профсоюза», из-за чего одна парочка – Берлиоз и Бездомный – удовлетворяется желтой абрикосовой, а вторая – Бендер и Балаганов – лиловым квасом. <...>
А принудительное пение? В Зрелищной комиссии поют «Славное море, священный Байкал...», а пассажиров литерного поезда ожидает «Вниз по матушке по Волге...» («– Мы не будем петь. – Запоете, голубчики. Это неизбежно. Уж мне известно. – Не будем петь. – Будете»). И разве не удивительно, что в обоих романах появление иностранцев заставляет обсуждать метафизические проблемы?

⁴⁵ Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. М.: Сов. Россия, 1971. С. 43 – 44.

⁴⁶ Москва. 1966. № 11. С. 130.

«– Слушайте, Гейнрих, почему вы так хорошо говорите по-русски?»

«Вы по-русски здорово говорите, – заметил Бездомный».

«– И на это вы можете представить доказательства в течение двух дней? – возопил Гейнрих.

– Хоть сейчас, – любезно ответил Остап. – Если общество позволит, я расскажу о том, что произошло с так называемым Вечным жидом».

«– Но требуется же какое-нибудь доказательство... – начал Берлиоз.

– И доказательств никаких не требуется, – ответил профессор и заговорил негромко, причем его акцент почему-то пропал: – Всё просто: в белом плаще с кровавым подбоем...».

Конец романов – это подведение итогов и сведение счетов:

«– Ну что же, – обратился к нему Воланд с высоты своего коня, – все счета оплачены? Прощание свершилось?

– Да, свершилось, – ответил мастер и, успокоившись, поглядел в лицо Воланду прямо и смело».

«Остап обернулся к советской стороне и, протянув в тающую мглу котиковую руку, промолвил: “Всё надо делать по форме. Форма номер пять – прощание с родиной. Ну что ж, адье, великая страна”»⁴⁷.

По словам Л. Яновской, «портрет Ивана Бездомного в первой главе романа “Мастер и Маргарита” неожиданно похож на портрет Шуры Балаганова; причем роман “Золотой теленок” был опубликован все-таки раньше, чем сложился портрет героя Булгакова»⁴⁸. А Я. Лурье отмечает: «В изображении бюрократии Булгаков так же близок Ильфу и Петрову, как и в изображении “Вороньей слободки”. В “Мастере и Маргарите” есть свои “Геркулесы” и “Учебно-показательные комбинаты” – Акустическая комиссия, Зрелищная комиссия, МАССОЛИТ. Столь же далекие от какого бы то ни было реального дела, они совершенно идентичны учреждениям Ильфа и Петрова. Если у Булгакова пустой костюм временно унесенного нечистой силой председателя зрелищной комиссии Прохора Петровича налагает резолюции, которые затем вернувшийся на свое место председатель полностью одобряет, то у Ильфа и Петрова “резиновый Полыхаев” – набор резиновых факсимиле, которые в отсутствие начальника пускает в ход его секретарша Серна Михайловна (состоящая, кстати, со своим патроном в таких же отношениях, как и секретарша Прохора Петровича Алиса Ричардовна⁴⁹), вполне заменяет настоящего. Егор Скумбриевич использует “взаимный и всесторонний обман, который незаметно прижился в ‘Геркулесе’ и почему-то носил название общественной нагрузки”. <...> Тем же делом занимается в “Мастере и Маргарите” заведующий городским филиалом Зрелищной комиссии. <...> отношение его [Остапа] к Корейко и Полыхаеву такое же, как отношение воландовской свиты к Лиходееву и Семплеярову. “...Лично мне вы больше не нужны. Вот государство, оно, вероятно, скоро вами заинтересуется”, – с великолепным презрением заявляет Остап разоблаченному Полыхаеву»⁵⁰. А другая реплика Остапа, обращенная к Полыхаеву: «Полное спокойствие может дать человеку только страховой полис», – восходит к записи Ильфа за май – октябрь 1928 года: «Полное спокойствие может дать только

⁴⁷ Каганская М., *Бар-Селла 3*. Мастер Гамбс и Маргарита. Тель-Авив: Книготороварищество Москва – Иерусалим, 1984. С. 50, 166 – 169.

⁴⁸ Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. Иерусалим: Изд-во «Мория», 1997. С. 64.

⁴⁹ Правильно: Анна Ричардовна.

⁵⁰ Курдюмов А.А. (*Лурье Я.С.*). В краю непуганых идиотов: Книга об Ильфе и Петрове. Paris: La Presse Libre, 1983. С. 134, 135, 139.

полис»⁵¹; и к его же фельетону «Дом с кренделями» (1928): «Он меня просто оболстил, – рассказывал Лохвицкий хозяину. – Говорит, что счастье может дать только страховой полис. Так меня рассмешил, что я застраховался»⁵². К данному рассказу отсылает нас и мотив *огненного погребения* в «Золотом теленке» (глава «Обыкновенный чемоданишко»): «Пробежав по инерции несколько шагов, вошедший остановился перед стариком-швейцаром в фуражке с золотым зигзагом на околыше и молодецким голосом спросил: “Ну, что, старик, в крематорий пора?” – “Пора, батюшка, – ответил швейцар, радостно улыбаясь, – в наш советский колумбарий”. Он даже взмахнул руками. На его добром лице отразилась полная готовность хоть сейчас предаться *огненному погребению*. <...> И удивительное дело, идея *огненного погребения* старикам очень понравилась, так что веселые шутки вызывали у них полное одобрение» ~ «Дом, как феникс, готов был возродиться из грядущего пепла на деньги Госстраха. Все приготовились к *огненному погребению*, и неделя прошла в лихорадочном ожидании всепожирающего пламени». Этот же мотив встречается в ранней редакции «Золотого теленка» – романе «Великий комбинатор» (июль – август 1929), где Остап, оказавшись в Арбатове, нанял рикшу, дабы обойти большую лужу: «И уже на сухом берегу, именовавшемся Бульваром Молодых Дарований, приезжий воскликнул:

– За неимением передней площадки, схожу с задней. В Москве за такие штуки виновного предадут *огненному погребению*, но у вас, я думаю, такого делячества еще не наблюдается.

На этом он и расстался с арбатовским рикшей, выдав ему весь наличный капитал – двенадцать копеек»⁵³. Да и в рассказе «Собачий поезд», вошедшем в цикл «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска», читаем: «Ну что, старик, – дружелюбно спросил профессор, – в крематорий пора?» – “Пора, батюшка, – радостно ответил полуторавековой старик, – в наш, советской крематорий. В наш-то колумбарий!”⁵⁴. Поэтому и в «Золотом теленке» монархисту Хворобьеву снится «председатель общества друзей кремации» (глава «Кризис жанра»)⁵⁵. Как сообщает Александра Ильф, «в одном из номеров “Чудака” (1929, № 10), в разделе “Семейный альбом”, под фотографией благообразного господина в пенсне стоит: “С.С. Войт – председатель добровольного общества друзей кремации”»⁵⁶ (кстати, эта фамилия в искаженном виде появится и в романе «Великий комбинатор»: «...председатель общества друзей кремации товарищ Войтов»; глава «Овес и сено»). А учитывая тот факт, что в 10-м номере журнала «Чудак» был опубликован фельетон Ильфа «Странное племя» и завершалась публикация «Необыкновенных историй из жизни города Колоколамска», гипотеза Александры Ильф получает стопроцентное доказательство.

Если в «Золотом теленке» действует *Паниковский*, то в редакции «Великого канцлера» за 07.01.1934 появляется *Понковский* – так звали предателя Алоизия Мога-

⁵¹ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 182.

⁵² Ильф И. Дом с кренделями // Смехач [приложение к газете «Гудок»]. М., 1928. № 48. Дек. С. 8.

⁵³ Цит. по факсимиле машинописи: РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 8.

⁵⁴ Толстоевский Ф. Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска: Собачий поезд // Чудак. М., 1929. № 9. Март. С. 8.

⁵⁵ Кстати, фамилия «Хворобьев» восходит к рассказам Евгения Петрова «Даровитая девушка» (1927), где фигурирует студент Хведоров; «Невероятно, но...» (1927), где упомянут глава Инициативной двойки Хведоров; и «Будни» (1927), где главный герой – председатель завкома Хведоров (а сам Евгений Петров нередко подписывал рассказы псевдонимом «Иностранец Федоров», взятым из первой главы «Мертвых душ» Гоголя: «...магазин с картузами, фуражками и надписью: “Иностранец Василий Федоров”»). Но и Ильф любил так же переиначивать слова. Например, по словам его свояченицы Надежды Рогинской: «Как-то решили устроить маленький праздник у Юрия Карловича Олеши. <...> И.А. (тоже уже подвыпивший) смотрел на него и повторял одно и то же: “Юра, станцюемо хфокстрот!” – и заливался счастливым детским смехом» (Рогинская Н. Об Илье Ильфе. Воспоминания свояченицы // Фонтан [журн.]. Одесса, 1999. № 8 (21). С. 10).

⁵⁶ Ильф А. Без подписи. Ильф и Петров в журнале «Чудак» // Вопросы литературы. 2007. № 6. Ноябрь – дек. С. 271. Действительно, такую подпись можно найти в выпуске: Чудак. М., 1929. № 10. Март. С. 15.

рыча⁵⁷ (заметим, что инициалы этого персонажа – такие же, как у дяди Берлиоза Максимилиана Андреевича Поплавского, и почти такие же, как у Михаила Александровича Берлиоза и у самого Михаила Афанасьевича Булгакова; все эти персонажи являются негативными двойниками автора – теми, в кого он сам мог бы превратиться, если бы пошел на службу к советской власти).

Да и произвольное хоровое исполнение песни «Славное море, священный Байкал» сотрудниками Городской зрелищной комиссии в «Мастере и Маргарите» идентично эпизоду из «Двенадцати стульев»: «Нега охватила всех плывущих на пароходе “Скрябин”. Члены тиражной комиссии томно прихлебывали чай. <...> председатель месткома, человек вполне положительный, открывши рот для произнесения речи об условиях труда в необычной обстановке, неожиданно для всех и для самого себя запел: “Пароход по Волге плывал, / Волга-матушка река...”. А остальные суровые участники заседания пророкотали припев: “Сире-энь цвяте-от...”⁵⁸.

Резолюция по докладу председателя месткома так и не была написана.

Помимо того, все три романа объединены дьявольской тематикой. Сравним, например, 7-ю главу «Мастера и Маргариты» с 11-й главой «Золотого тельца»:

1) Нехорошая квартирка.

<...>

Надо сказать, что квартира эта – № 50 – давно уже пользовалась если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией. <...> И вот два года тому назад начались в квартире необъяснимые происшествия: из этой квартиры люди начали бесследно исчезать. <...>

Набожная, а откровеннее сказать – суеверная Анфиса так напрямик и заявила очень расстроенной Анне Францевне, что это колдовство и что она прекрасно знает, кто утащил и жильца и милиционера, только к ночи не хочет говорить.

2) В одном из таких номеров, в номере пятом, останавливался в 1911 году знаменитый писатель Леонид Андреев. Все геркулесовцы это знали, и номер пятый почему-то пользовался в учреждении дурной славой. Со всеми ответственными работниками, устраивавшими здесь свой кабинет, обязательно приключалась какая-нибудь беда. Не успевал номер пятый как следует войти в курс дела, как его уже снимали и бросали на иную работу. Хорошо еще, если без выговора. А то бывало и с выговором, бывало с опубликованием в печати, бывало и хуже, о чем даже упоминать неприятно.

– Демонский номер, – в один голос утверждали потерпевшие. – Ну кто мог подозревать?

<...> Индокитайского повели на отсидку. Действительно, нехороший был этот номер пятый.

Сходства очевидны: «Нехорошая квартирка» = «нехороший был этот номер пятый»; «квартира эта – № 50 – давно уже пользовалась если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией» = «номер пятый почему-то пользовался в учреждении дурной славой»; «колдовство» = «демонский номер».

Наблюдается сходство и с 27-й главой «Мастера и Маргариты» – «Конец квартиры № 50»: «Как Индокитайский ни *вертелся*, как ни *доказывал* в соответствующих инстанциях, что 03 коп. он израсходовал на пользу государства и что он может представить на указанную сумму оправдательные документы, ничто ему не помогло» ~ «Заведующий программным отделением зрелищной комиссии Китайцев *клялся и божился*, что никакой программы представления никакого Воланда пропавший Степа Лиходеев ему на утверждение не присылал и ничего о приезде такого Воланда Китайцеву не телефонировал».

⁵⁷ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М.: Новости, 1992. С. 158.

⁵⁸ Ср. еще в рассказе Булгакова «Воспаление мозгов»: «Затем он подобрал медяки и запел громким и тонким голосом: “Ата-цвели уж давно-о! / Хэ-ри-зан-темы в саду-у!...”» (Булгаков М. Рассказы. Л.: Гос. типография им. тов. Зиновьева, 1926. С. 6. Юмористич. иллюстрир. б-ка журнала «Смехач», № 15).

Кроме того, «номеру пятому» соответствует номер «нехорошей квартирki» – пятьдесят. И если в «Золотом теленке» говорится о демонском номере, в котором ранее останавливался писатель Леонид Андреев, то в квартире № 50, где ранее жил писатель Михаил Булгаков⁵⁹, поселился дьявол со своей свитой. Да и в «Двенадцати стульях» «номер пять» фигурирует именно в связи с дьявольщиной и таинственными исчезновениями: «А в доме № 5, раскрытом настезь, происходили ужасные вещи: с чердаков крали мокрое белье, и однажды вечером украли даже закипающий во дворе самовар. Виктор Михайлович лично принимал участие в погоне за вором, но вор, хотя и нес в вытянутых вперед руках кипящий самовар, из жестяной трубы которого било пламя, – бежал очень резво и, оборачиваясь назад, хулил держащегося впереди всех Виктора Михайловича нечистыми словами».

Закипающий самовар, по меткому наблюдению Майи Каганской и Зеева Барселлы, является символом «портативного ада»⁶⁰, а эпитет *нечистые* отсылает к одному из синонимов дьявола: нечистый. Данный эпитет часто встречается и в «Двенадцати стульях»: «Не спала только одна *нечистая* пара. Великий комбинатор вышел из своей каюты в первом часу ночи. За ним следовала бесшумная тень верного Кисы», «Кобелировать – это значит ухаживать за молодыми девушками с *нечистыми* намерениями», «В спальне на кровати сидела сама хозяйка и, опираясь локтями на восьмиугольный столик, покрытый *нечистой* скатертью ришелье, раскладывала карты. Перед нею сидела вдова Грицацуева в пушистой шали»; и в «Золотом теленке»: «После этого нищий [Паниковский] высунул толстый *нечистый* язык и понес совершенную уже чепуху. Это был обыкновенный нищий полуидиот, какие часто встречаются в южных городах», «И вообще, – продолжал Остап, – у вас *нечистая* хватка. Только что мы были свидетелями отвратительной сцены. За вами гнались арбатовцы, у которых вы увели гуся», «Вот куда завели тебя, бухгалтер, твои странные связи с господином Фунтом, председателем многих акционерных обществ со смешанным и *нечистым* капиталом»⁶¹, «Остап не стал медлить и полез за Скумбриевичем в воду, нисколько не смущаясь тем, что важный разговор о *нечистых* акционерных делах придется вести в Черном море».

В романе «Двенадцать стульев» гробовых дел мастер Безенчук фактически сравнивается с котом Бегемотом, который состоит в свите дьявола и крадет из гроба голову Берлиоза: «От частого употребления алкоголя глаза его были желтые, как у кота. И когда он говорил о своих выпивках, они горели неугасимым огнем. <...> Безенчук всё еще ошалело стоял над своими гробами. В наступившей темноте его глаза горели желтым неугасимым огнем» ~ «Ничего не соображая и ничего не видя, кроме двух искр, горящих в кошачьих глазах, Поплавский выхватил из кармана паспорт, как кинжал».

Неугасимый огонь – это, несомненно, адское пламя, обрекающее грешников на вечные муки: «...Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Мф. 3:12), то есть поместит грешников в ад. Сравним еще описание Безенчука: «В наступившей темноте его глаза горели желтым неугасимым огнем», – со сном Никанора Ивановича Босого: «Тут ему приснилось, что зал погрузился в полную тьму и что на стенах выскочили красные горящие слова:

⁵⁹ С 1921 по 1924 год он проживал по адресу: Москва, ул. Большая Садовая, д. 10, кв. 50.

⁶⁰ Каганская М., Бар-Селла З. Мастер Гамбс и Маргарита. Тель-Авив: Книготорговство Москва – Иерусалим, 1984. С. 41.

⁶¹ По словам одесского краеведа, «на Ришельевской – угол Успенской, была часовая мастерская Фунта» (телепередача «Между строк. Ростислав Александров об Ильфе и Петрове» на одесском канале РИАК. Ведущий – Аркадий Ромм, 2013). Эту же фамилию упоминает одесская знакомая Ильфа Тая Лишина: «Смешно он видел там, где мы ничего не замечали. Проходя подворотни, где висели доски с фамилиями жильцов, он всегда читал их и беззвучно смеялся. Запомнились мне фамилии Бенгес-Эмес, Лейбедев, Фунт, которые я потом встречала в книгах Ильфа и Петрова» (Лишина Т. Веселый, голый, худой // Воспоминания об Ильфе Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 75).

“Сдавайте валюту!”⁶²; и с внешностью слесаря Полесова: «Его черное лицо блестело на солнце. Белки глаз были желтоваты». Во всех трех случаях используется одинаковый прием контраста, причем глаза Безенчука и Полесова наделяются желтым цветом, что является сталинской характеристикой: «Он дурной человек, – говорил мне о Сталине Крестинский – у него желтые глаза»⁶³; «Откуда вы родом, товарищ Мессинг? – спросил Сталин спокойно, но пристальный взгляд его желтых глаз не позволял расслабиться»⁶⁴. Маргарита же, открыв коробочку, подаренную ей Аззелло, увидела в ней «жирный желтоватый крем», а сам Аззелло был «с желтым клыком», да и у прокуратора Иудеи Пилата, являющегося прообразом Сталина, – «желтоватые щеки». Но очевидно, что ни Булгаков, ни Ильф с Петровым не имели в виду подобный подтекст, а желтые глаза Безенчука и желтоватые белки глаз Полесова указывают лишь на дьявольскую сущность персонажей, без каких-либо политических намеков.

Однако в «Золотом теленке» (1930) появится один персонаж, который будет слишком уж явно напоминать Сталина: «...бравый Гигиенишвили за самоуправство просидел в тюрьме четыре месяца и вернулся оттуда злой как черт. <...> При этом глаза у него были решительно дьявольские» (глава «Васисуалий Лоханкин и его роль в русской революции»). Сравним действия этого персонажа с тем, как ведут себя в «Мастере» спутники дьявола – Аззелло и кот Бегемот: «А вещи на лестницу выкинуть, к чертям собачьим! – грудным голосом воскликнул бывший князь, а ныне трудящийся Востока, гражданин Гигиенишвили» = «Разрешите, мессир, его выкинуть ко всем чертям из Москвы? – Брысь!! – вдруг рявкнул кот, вздыбив шерсть». И в обоих случаях взамен выброшенных жильцов в квартиру вселяется нечистая сила.

В характеристике *бывший князь, а ныне трудящийся Востока, гражданин Гигиенишвили* обыгрывается название учебного заведения Коминтерна, которое существовало в Москве с 1921 по 1938 год, а с 1923 года стало называться: «Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина», то есть Джугашвили. Следовательно, образ Гигиенишвили приобретает политический подтекст, который, думается, всё же не подразумевался соавторами, а порка розгами Лоханкина, произведенная по инициативе Гигиенишвили, неожиданно становится метафорой репрессий: «Через минуту в дверях лоханкинской комнаты показался гражданин Гигиенишвили. Он был в голубых полотняных сапогах и в плоской шапке из коричневого барашка.

– Идем, – сказал он, маня Васисуалия пальцем. Он крепко взял его за руку, повел по темному коридору, где Васисуалий почему-то затосковал и стал даже легонько брыкаться, и ударом в спину вытолкнул его на середину кухни. <...>

– А что с ним говорить, с нехорошим человеком! – сказал гражданин Гигиенишвили. И, присев на корточки, принялся шарить по талии Лоханкина, отстегивая подтяжки. <...> Васисуалия Андреевича положили животом на пол. Ноги его молоч-

---

⁶² Данный мотив восходит к фельетону Булгакова «Главполитбогослужение» (1924): «Тут ему приснилось, что зал погрузился в полную тьму и что на стенах выскочили красные горящие слова: “Сдавайте валюту!”» = «Не могу больше, отец настоятель! – взвыл отец дьякон, – замучили, окаянные. <...> Какое тут богослужение, когда рядом в голову зудят эту грамоту. <...> Верите ли, вчера за всюнощной разворачиваю требник, а перед глазами огненными буквами выскакивает: “Религия есть опиум для народа”. Тыфу! Дьявольское наваждение. <...> И сам не заметишь, как в кам... ком... мун... нистическую партию уверуешь» (Гудок. М., 1924. 24 июля). Такие же коммунистические кошмары снятся в «Золотом теленке» монархисту Федору Хворобьеву, причем его жалобы Остапу на советскую власть дословно совпадут с сетованиями дьякона на большевиков в фельетоне Булгакова: «Не могу больше, отец настоятель! – взвыл отец дьякон, – замучили, окаянные. <...> Замучили, проклятые!» = «Снятся, проклятые, – донесся до Остапа голос старика. <...> Монархист ревел во сне. <...> Советский строй ворвался даже в сны монархиста»; «Дьякон зарыдал» = «Всё те же сны! – заключил Хворобьев плачущим голосом. – Проклятые сны!»; «Дьявольское наваждение» = «Все эти советские антихристы». В обоих случаях разрабатывается мотив дьявольской сущности советской власти, но с разных ракурсов.

⁶³ *Троцкий Л.Д.* Преступления Сталина. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 165.

⁶⁴ *Мессинг В.Г.* Магия моего мозга: Откровения «личного телепата Сталина». М.: Яуза-пресс, 2016. С. 114.

но засветились. Гигиенишвили размахнулся изо всей силы, и розга тонко запищала в воздухе». В таком свете «голубые полотняные сапоги» предвосхищают антисталинскую эпиграмму Мандельштама (1933): «Тараканьи смеются глазища, / И сияют его голенища». Но на самом деле это словосочетание не имеет подобного подтекста, так как позднее оно встретится в очерке Ильфа и Петрова, посвященном поездке журналюгов на Турксиб в апреле 1930 года, где упомянут «корреспондент одной комсомольской газеты в голубых полотняных сапогах» («Осторожно! Овеяно веками!»).

Впервые же фамилия «Гигиенишвили» появилась в записной книжке Ильфа за октябрь 1927 года⁶⁵. А происхождение ее предельно простое: «...здесь авторы почти ничего не придумали: есть реальная грузинская фамилия *Гигинеишвили*. Мастерство писателей заключается в том, что они лишь удачно переставили в ней звуки (буквы), благодаря чему фамилия, “пересаженная в иную языковую среду”, и к тому же в комическое окружение, сама обрела новый комический смысл»⁶⁶.

Если же говорить о причинах подобной переделки, то и здесь всё легко объяснимо: *гигиена* связана с *чисткой*, то есть с происходившей в 1920-е годы борьбой за чистоту партийных рядов, которой посвящено множество фельетонов Ильфа и Петрова. И неслучайно «бухгалтер Берлага бежал в сумасшедший дом, опасаясь *чистки*» («Золотой теленок»; глава «Ярбух фюр психоаналитик»).

Помимо Гигиенишвили, еще одно возможное присутствие Сталина в «Золотом теленке» связано с его кавказским акцентом: «На базаре была куплена старая пишущая машинка “Адлер”, в которой не хватало буквы “е”, и ее пришлось заменить буквой “э”. Поэтому первое же отношение, отправленное Остапом в магазин канцелярских принадлежностей, звучало так: “Отпуститэ податэлю сэго курьэру т. Паниковскому для Черноморского отдэлэния на 150 рублэй (сто пятьдэсят) канцпринадлэжностэй в крэдит за счэт Правлэния в городэ Арбатовэ.

Приложэниэ: бэз приложэний”.

– Вот послал бог дурака уполномоченного по копытам! – сердился Остап. – Ничего поручить нельзя. Купил машинку с турецким акцентом! Значит, я начальник отдэлэния? Свинья вы, Шура, после этого!»⁶⁷.

Может показаться странным, что сын турецкоподданного возмущен турецким акцентом, однако последний является эвфемизмом кавказского, который фигурирует в записной книжке Ильфа за май – октябрь 1928 года: «В машинке нет буквы “е”. Ее заменяют буквой “э”. И получают деловые бумаги с кавказским акцентом»⁶⁸. В том же году эта тема получит развитие в фельетоне Ильфа «Пешеход»: «Обыкновенно мандат напечатан на пишущей машинке с давно выбывшей из строя буквой “е”, но это единственный изъян, во всем остальном мандат великолепен и читается так:

УДОСТОВЭРЭНИЭ

Дано сиз в том, что т. Василий Плотский вышэл в сэмилэтнээ путэшэствиз по СССР с цэлью изучэния быта народностэй. Тов. Плотский пройдэт сорок двэ тысячи килоэтров со знамэнэм Н-го Совэта физкультуры в правой рукэ.

Просьба ко всэм учрэждэниям и организациям оказыватэ тов. Плотскому всячэскоэ содэйствиз.

*Прэдсэдатэль Совэта – В. БОГОРЭЗ
Сэкрэтэрь – А. ПУЗЫНЯ.*

<...>

⁶⁵ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 140.

⁶⁶ Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. С. 34.

⁶⁷ Отмечено: Каганская М., Бар-Селла З. Мастер Гамбс и Маргарита. С. 27 – 28.

⁶⁸ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 183.

Удостоверение, написанное с турецким акцентом, оказывает магическое воздействие даже на осторожных журналистов»⁶⁹.

Легко заметить, что «тов. Плотский» превратится в «Золотом теленке» в «тов. Плотского-Поцелуева»⁷⁰, а в целом рассказ «Пешеход» будет использован Ильфом и Петровым при написании первой главы романа: «Пешеходов надо любить». Сравним фрагмент этой главы с рассказом «Пешеход»: «Дано сие в том, что т. Василий Плотский вышел в сэмилиэтнээ путэшэствиэ по СССР с цэлью изучэния быта народностэй. Тов. Плотский пройдэт сорок двэ тысячи киломэтров со знамэнэм Н-го Совэта физкультуры в правой рукэ» (1928) ~ «Вот идет он из Владивостока в Москву по сибирскому тракту, держа в одной руке знамя с надписью: “Перестроим быт текстильщиков” и перекинув через плечо палку, на конце которой болтаются резервные сандалии “Дядя Ваня” и жестяной чайник без крышки. Это советский пешеход-физкультурник...» (1930). При всех очевидных различиях обнаруживаем и не менее очевидные сходства: «пройдэт сорок двэ тысячи киломэтров» = «идет он из Владивостока в Москву» (расстояние от Владивостока до Москвы составляет 9000 километров); «Совэта физкультуры» = «физкультурник»; «со знамэнэм... в правой рукэ» = «Перекинув через плечо палку»⁷¹.

А «Черноморскоэ отдэлэниэ», о котором идет речь в письме Остапа, называется «Рога и копыта», что прямо указывает на его дьявольскую сущность⁷², устанавливая связь с Воландом, поскольку ранняя редакция «Мастера и Маргариты» называлась «Копыто инженера» (1929). *Копыто* же говорит о сросшихся пальцах на ноге – известной примете Сталина, отмеченной царской охранкой. Но в итоговой редакции романа Булгаков отказался от этой детали, дабы ни у кого не возникло нежелатель-

⁶⁹ Смехач. М., 1928. № 43. Ноябрь. С. 9.

⁷⁰ В записной книжке Ильфа за май 1928 года встречаем такую запись: «Плотский поцелуй» (*Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 174*). Впрочем, фамилия «Поцелуев» взята соавторами из «Мертвых душ» Гоголя, где фигурирует «штаб-ротмистр Поцелуев».

⁷¹ Любопытно, что эпиграф к «Золотому теленку»: «Переходя улицу, оглянись по сторонам. (*Правило уличного движения*)», – Ильф и Петров позаимствовали из своего фельетона «Под знаком Рыб и Меркурия»: «Подойдя к оживленному перекрестку, Иван Антонович увидел плакат:

ПЕРЕХОДЯ УЛИЦУ, ОГЛЯНИСЬ ПО СТОРОНАМ

Для пущей внушительности на плакате был изображен милиционер с улыбкой манекена и с красной палкой в руке» (Чудак. М., 1929. № 44. Ноябрь. С. 11).

⁷² В плане романа «Великий комбинатор» имеется такая фраза: «Организация конторы по заготовке рогов и копыт. Пародия на сов[етское] учреждение» (Планы и наброски к «Великому комбинатору» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок (*авторская редакция*) / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2016. С. 367). Этой же теме посвящен фельетон Ильфа «Случай в конторе»: «В конторе по заготовке рогов и копыт высшим лицом был Николай Константинович Иванов. <...> Возвращаясь, однако, к конторе по заготовке рогов и копыт для нужд гребеночной и пуговичной промышленности...» (Смехач. М., 1928. № 47. Дек. С. 8). Сразу возникают в памяти фразы Остапа: «Прекрасно! Рога и копыта для нужд гребеночной и мундштучной промышленности! Чем не учреждение?» (глава «Рога и копыта»), «Он [Козлевич] до сих пор не сомневается в том, что мы заготавливаем рога для нужд мундштучной промышленности» (глава «Командор танцует танго»). А описание завконтрой Иванова: «Николай Константинович был, если можно так сказать, человек пустяковый...», – напоминает описание тещи Воробьянинова: «Пустая старуха была Клавдия Ивановна». Упомянем заодно рассказ «Борьба гигантов» из цикла «1001 день, или Новая Шахерезада» (1929): «Была в Москве контора по заготовке Когтей и Хвостов». И возглавлял ее Фанатюк, который тоже описывается как «человек пустяковый»: «...он был глуп как пробка». А про тещу Воробьянинова сказано: «Клавдия Ивановна была глупа...». Добавим, что лексика Остапа, возглавляющего отделение по заготовке рогов и копыт, совпадает с лексикой начальника Ливреинова, «ведавшего снабжением граждан Горчицей и Щелоком» (рассказ «О выдвигенце на час»): «Если Паниковский пустит еще одного рогоносца, – сказал Остап, дождавшись ухода посетителя, – не служить больше Паниковскому! Уволю без выходного пособия!» ~ «В таком случае, – гневно воскликнул Ливреинов, вы достойны немедленного увольнения без выдачи выходного пособия...» (*Толстоевский Ф. 1001 день или Новая Шахерезада* // Чудак. М., 1929. № 13. Апр. С. 8). И если Остапу известны «четырееста сравнительно честных способов отъема» денег, то Ливреинов говорит своим секретарям, что «есть сорок способов, и на каждый способ сорок вариантов, и на каждый вариант сорок тонкостей, при помощи которых можно изжить любого выдвигенца в неделю».

ных ассоциаций, и 28 марта 1930 года сжег рукопись (между тем прообраз *рогов и копыт* уже встречался в «Двенадцати стульях», где после борьбы Воробьянинова и отца Федора «стул был обглодан. От него остались *рожки да ножки*»).

Стало быть, Остап выполняет функцию дьявола, но с известной поправкой: «...Бендер при всей реальности, выпуклости его изображения часто выступает как лицо условное, как современный Мефистофель в его комедийном варианте и наделенный вместо всё отрицающего скепсиса чувством юмора. Бендер – лакмусовая бумажка, в соприкосновении с которой проявляются недостатки окружающих явлений. Он не столько реальный проходимец, сколько проявитель всего подлинно комического в жизни»⁷³. А раз Остап выведен в образе дьявола, вполне естественно, что в «Двенадцати стульях» он ведет себя с Эллочкой-людоедкой так же, как Коровьев с Маргаритой, превратившейся в *ведьму*.

Остап «галантно раскланялся», а Коровьев «почтительнейше раскланялся»⁷⁴ (про Азazelло же сказано: «...поклонился он Маргарите чрезвычайно галантно»).

Остап говорит: «Вас, конечно, удивит ранний визит незнакомого мужчины». И ему вторит Коровьев: «Вас, без сомнения, удивляет отсутствие света?»⁷⁵.

Оба говорят женщинам похожие комплименты, хотя первый льстит, а второй говорит правду: «Только вы с вашим женским чутьем могли выбрать такую художественную вещь» ~ «Вы женщина весьма умная и, конечно, уже догадались о том, кто наш хозяин».

Эллочка названа «хозяйкой», а Коровьев скажет Маргарите: «В Москве мы обнаружили девяносто шесть Маргарит, и только одна из них, а именно вы, были признаны вполне достойной исполнить роль хозяйки»⁷⁶.

Остап толкует Эллочке про этикет: «Вы знаете, сейчас в Европе и в лучших домах Филадельфии возобновили старинную моду – разливать чай через ситечко. Необычайно эффектно и очень элегантно». А Коровьев наставляет гостью: «Следует учесть масштаб, Маргарита Николаевна... И подчиняться этикету...»⁷⁷.

Но самое удивительное сходство заключается в одинаковой реакции Элочки на ситечко Остапа, и Маргариты на очки Абадонны: «На Эллочку вещь произвела такое же неотразимое впечатление, какое производит старая банка из-под консервов на людоеда племени Мумбо-Юмбо. В таких случаях людоед кричит полным голосом, Эллочка же *тихо застонала*: “Хо-хо!”» = «Эти очки почему-то произвели на Маргариту такое сильное впечатление, что она, *тихонько вскрикнув*, уткнулась лицом в ногу Воланда» (Остап выполняет функцию дьявола, а Абадонна – ангел бездны).

Кстати, по поводу Маргариты. Остап уверяет Воробьянинова: «Батистовые портянки будем носить, крем Марго кушать!». Крем Марго в романе Булгакова превратится в волшебный крем, которым мажется Маргарита и превращается в *ведьму*⁷⁸,

⁷³ Боров Ю. Комическое. М.: Искусство, 1970. С. 94.

⁷⁴ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 362.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 364.

⁷⁷ Там же. С. 364.

⁷⁸ А делался этот крем из жира человеческих младенцев: «Прежде всего взглянем на процедуру подготовки къ шабашу. С этою цѣлью дамы, желавшія принять въ немъ участіе, должны были, какъ извѣстно, натираться особенною мазью. О составѣ и свойствахъ этой мази мы находимъ сообщенія, между прочимъ, у много разъ уже упомянутаго нами Іоганна Вира. Вотъ что онъ говорить: “Онѣ (то есть вѣдьмы) кипятятъ младенца въ мѣдной посудинѣ и вытопившійся жиръ счерпываютъ и хранятъ, тщательно спрятавши, пока въ немъ будетъ надобность. На этомъ жирѣ и составляется волшебная шабашная мазь”» (Орловъ М.А. Исторія сношеній челоуѣка съ дьяволомъ. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелева, 1904. С. 30). Как показала М. Чудакова, в архиве Булгакова хранятся многочисленные выписки, сделанные им из книги Орлова и впоследствии использованные при написании «Мастера» (Чудакова М.О. Архив М.А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя // Записки Отдела рукописей ГБЛ [Государственной библиотеки им. Ленина]. Вып. 37. М.: Книга, 1976. С. 73, 74, 76, 77, 111, 112).

причем мастер также называет ее «Марго»: «Марго, не позорь себя!» (а в начале «Двенадцати стульев» уже фигурировало имя Маргарита: «...мужская сила и красота Бендера были совершенно неотразимы для провинциальных Маргарит на выданье»).

Однако есть еще более тесное сходство – между обращениями Авессалома Изнуренкова к «смешливой девушке из предместья» и Коровьева к Маргарите: «Ах, ах! Высокий класс!.. Вы – королева Марго!» ~ «Так на чем мы остановились, драгоценная королева Марго? – говорил Коровьев...»⁷⁹.

Изнуренков обращается к девушке: «Ах, ах!.. *Очаровательно!*..»; а Коровьев говорит Маргарите: «Ах! Он наблюдал за квартирой! <...> Непременно придут [арестовывать], *очаровательная* королева, непременно!». При этом в первом случае речь идет о богине и царице пира, а во втором – о ведьме и хозяйке бала у сатаны: «Ах, ах, – вскрикивал Авессалом Владимирович, – божественно, божественно!.. “Царица голосом и взором свой пышный оживляет пир”» ~ «Ежегодно мессир дает один бал. Он называется весенним балом полнолуния, или балом ста королей. <...> Но нужна хозяйка, – Коровьев развел руками, – согласитесь сами, без хозяйки...». Кстати, если Изнуренков постоянно острит, то Коровьев – шутит; и если у Изнуренкова – блеющий голос, то у Коровьева – дребезжащий.

А дьявольскую природу Остапа подчеркивает еще одно сходство с Коровьевым: «В половине двенадцатого с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород *вошел молодой человек* лет двадцати восьми» ~ «Но тут вдруг на каминных часах прозвенел один удар – половина двенадцатого, – и разом смолкла музыка в зале и остановились пары. И тотчас меж расступившихся *прошел Фагот-Коровьев*, всё в том же кургузом пиджачке и своих поганых гетрах» (глава «Шабаш», запись от 09.11.1933). При этом *гетрам* соответствуют *штиблеты* Остапа на босу ногу.

Оба – неудачливые рыцари: «Да, – ответил Остап, – я типичный Евгений Онегин, он же рыцарь, лишенный наследства советской властью» ~ «Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, – ответил Воланд, поворачивая к Маргарите свое лицо с тихо горящим глазом, – его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош».

Оба используют одинаковую лексику: « Попрошу свидетелей указать фамилии и адреса. <...> Где же свидетели? – повторил Остап» ~ «А где же свидетели? – шепнул в другое ухо Коровьев, – я вас спрашиваю, где они?»; и прибегают к одинаковому способу обмана слушателей: «А теперь, товарищи, я расскажу вам несколько поучительных историй из практики наших уважаемых гипермодернистов Капабланки, Ласкера и доктора Григорьева» ~ «Как-нибудь за рюмкой я вам расскажу несколько фактов из моей биографии, вы обхохочетесь!».

Остап обличает моральный облик Воробьянинова, а Коровьев – Лиходеева, причем оба говорят о них в третьем лице: «...какая теперь молодежь пошла! Ужасная молодежь! Преследует чужих жен! Растрчивает чужие деньги... Полная упадочность» ~ «Вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают, да и делать ничего не могут, потому что ничего не смыслят в том, что им поручено».

Воробьянинов хочет отомстить избившему его Коле Калачеву: «Я его вызову на дуэль», – на что Остап реагирует так: «Чудно! Могу вам отрекомендовать моего хорошего знакомого. Знает дуэльный кодекс наизусть и обладает двумя венниками, вполне пригодными для борьбы не на жизнь, а на смерть». И так же восклицает Коровьев в разговоре с Никанором Ивановичем Босым: «Ну и чудно! – орал Коровьев».

А во время беседы с продавщицей магазина Коровьев воспользуется той же лексикой, что и Остап в разговоре с Коробейниковым: «Голуба, – пропел Остап, – ей-богу, клянусь честью покойного батюшки. Рад душой, но нету, забыл взять с теку-

---

⁷⁹ Да и оценка «Ах, ах! Высокий класс!..» будет повторена гримером театра Варьете при виде действий кота Бегемота: «...гример восхищенно шепнул: “Ай, класс!”»

щего счета. <...> Тише, дурак, – сказал Остап грозно, – говорят тебе русским языком – завтра, значит, завтра» ~ «Душенька, милочка, красавица, – засипел Коровьев, переваливаясь через прилавок и подмигивая продавщице, – не при валюте мы сегодня... ну что ты поделаешь! Но, клянусь вам, в следующий же раз, и уж никак не позже понедельника, отдадим все чистоганом» («Голуба» = «Душенька, милочка, красавица»; «пропел Остап» = «засипел Коровьев»⁸⁰; «ей-богу, клянусь честью» = «клянусь вам»; «нету, забыл снять с текущего счета» = «не при валюте мы сегодня»; «уж никак не позже понедельника» = «завтра, значит, завтра»).

Кроме того, бендеровский оборот «говорят тебе русским языком» напоминает вопрос Азazelло: «Варенуха, – отозвался все тот же гадкий голос, – ты русский язык понимаешь?». Поэтому действия Остапа совпадают с действиями Азazelло. Если Остап «нежно обнял очумевшего дворника и выставил его за дверь прежде, чем тот понял, что случилось», то Азazelло «одной рукой поднял чемодан, другой распахнул дверь и, взяв под руку дядю Берлиоза, вывел его на площадку лестницы». Вот еще некоторые сходства между этими персонажами: «Я иду по неверному пути Паниковского, – прошептал Остап. С этими словами он поднял курицу к себе и съел ее без хлеба и соли. Косточки он засунул под твердый холщовый валик» ~ «Оставшийся наверху Азazelло вмиг обглодал куриную ногу и кость засунул в боковой карманчик трико...»; «А я к вам по делу, товарищ Щукин» ~ «Откуда же вам меня знать! А между тем я к вам послан по дельцу»; «Влезайте, – предложил Остап, – черт с вами! Но больше не грешите, а то *вырву руки с корнем*» ~ «Кухарка, застонав, хотела поднять руку для крестного знаменья, но Азazelло грозно закричал с седла: “*Отрежу руку!*”»; «Что ж вы молчите, как архиерей на приеме?», «Вы что, на именинах у архиерея были? – хмуро спросил Остап» ~ «...он такой же директор, как я архиерей!». Как видим, с одной стороны, Азazelло боится крестного знаменья, а с другой – повторяет лексику Христа, например: «Мир вам» (Ин. 20:26), – в главе «Пора! Пора!». Также и Остап, с одной стороны, постоянно обличает священников, а с другой – в его номере гостиницы «Карлсбад» находится гравюра «Явление Христа народу», и сам он часто выступает в роли Христа, как, например, в диалоге с Паниковским: «Но больше не грешите» ~ «Иисус сказал ей: И Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Ин. 8:11). Но в том же диалоге Остап чертыхается: «...черт с вами!», – что говорит о его двойственной природе. Кстати, обращение Остапа к Паниковскому: «Влезайте, – предложил Остап, – черт с вами! Но больше не грешите, а то *вырву руки с корнем*», – восходит к главе «Изгнание из рая» романа «Двенадцать стульев», где излагается история писателя-халтурщика Агафона Шахова: «Так ты иди, братец, – сказал Шахов, – и не греш больше. Нечистоплотно это». Перед нами – явный сатирический двойник Бендера, тем более что Шахов, предвкушая четвертое издание своего романа «Бег волны», «сделал по комнате несколько танцевальных движений и промурлыкал: “Бейте в бубны, пусть звенят гитары...”». А Остап, закончив работу над папкой с «делом Корейко», также танцует в конторе «Рога и копыта» и, предвкушая получение миллиона, поет песню «Под знойным небом Аргентины...» («Золотой теленок»; глава «Командор танцует танго»). Поэтому между данными персонажами имеется еще одно сходство: «...и промурлыкал: “Бейте в бубны, пусть звенят гитары...”» ~ «...и мурлыкал слова романса: “И радость первого свиданья мне не волнует больше кровь”».

Автомобиль «Антилопа-Гну» в «Золотом теленке» символизирует райский сад, где живут антилопы и первый человек – Адам (Козлевич) (поэтому, когда Козлевич покупал «Антилопу-Гну», оказалось, что «автомобиль почему-то продавался вместе с искусственной пальмой в зеленой кадке. Пришлось купить и пальму»; пальмы – это очередной атрибут рая). Соответственно, Паниковский, умоляющий Остапа взять его в «Антилопу-Гну», является грешником, который просит пропустить его в рай. А

⁸⁰ А в другом эпизоде Коровьев тоже *пропел*: «Они, они! – козлиным голосом *запел* длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе...».

этим раем заведуют: Бог (Остап), строгий страж (Балаганов) и «ангел без крыльев» (Козлевич). Поэтому диалог Паниковского с Бендером и Балагановым приобретает откровенно религиозные интонации, хотя и подается в пародийном ключе:

– Спасите! – закричал Паниковский, когда *Антилопа* с ним поравнялась.
– Бог подаст! – ответил Балаганов, свешиваясь за борт.
<...>
– Возьмите меня! – вопил Паниковский, из последних сил держась рядом с машиной.
– Я хороший!
Голоса преследователей сливались в общий недоброжелательный гул.
<...>
– Влезайте, – предложил Остап, – черт с вами! Но больше не грешите, а то вырву руки с корнем.

Кстати, сравнение Балаганова со строгим стражем, охраняющим вход в рай, встретится и в другом эпизоде романа: «При виде ксендзов Козлевич прятался в самый дальний угол учреждения. <...> При этом ксендз Кушаковский поднимал к небу палец, а ксендз Алоизий Морошек перебирал четки. Тогда навстречу служителям культа выходил Балаганов и молча показывал им *огненный кулак*. И ксендзы уходили, печально поглядывая на “Антилопу”». Сравним: «Изгнал человека, а у Эдемского сада, на востоке, поставил стражу – херувимов и *огненный меч*, во все стороны разящий, чтобы они охраняли дорогу к дереву жизни» (Быт. 3:24).

Что же касается Коровьева, который представляется переводчиком при иностранце (Воланде), то его действия неотличимы от действий переводчика при иностранных туристах в «Золотом теленке»:

1) – Ведь ему безразлично, покойнику, – шепотом сипел Коровьев, – ему теперь, сами согласитесь, Никанор Иванович, квартира эта ни к чему?

Никанор Иванович в некотором недоумении возразил, что, мол, иностранцам полагаются жить в «Метрополе», а вовсе не на частных квартирах...

– Говорю вам, капризен, как черт знает что! – зашептал Коровьев, – ну не желает! Не любит он гостиниц! Вот они где у меня сидят, эти интуристы! – интимно пожаловался Коровьев, тыча пальцем в свою жилистую шею, – верите ли, всю душу вымотали! Приедет... и или на шпионит, как последний сукин сын, или же капризами все нервы вымотает: и то ему не так, и это не так!.. А вашему товариществу, Никанор Иванович, полнейшая выгода и очевидный профит. А за деньгами он не постоит, – Коровьев оглянулся, а затем шепнул на ухо председателю: – Миллионер!

<...>

Тут Коровьев окончательно поразил председателя. Ворovski подмигнув в сторону спальни, откуда слышались мягкие прыжки тяжелого кота, он просипел:

– За неделю это выходит, стало быть, три с половиной тысячи?

Никанор Иванович подумал, что он прибавит к этому: «Ну и аппетитик же у вас, Никанор Иванович!», – но Коровьев сказал совсем другое:

– Да разве это сумма! Просите пять, он даст.

2) – А ну их к черту! – со скорбью сказал переводчик. – Третий день уже носимся по деревням, как угорелые. Замучили меня совсем. Много я имел дела с иностранцами, но таких еще не видел, – и он махнул рукой в сторону своих румяных спутников. <...>

– Это похвально, – сказал Остап. – Широкие массы миллиардеров знакомятся с бытом новой, советской деревни.

<...>

Переводчик с негодованием посмотрел на Остапа и воскликнул:

– Как же! Так им и нужна новая деревня! Деревенский самогон им нужен, а не деревня!

<...>

Переводчик стал жаловаться на иностранцев:

– Поверите ли, на меня стали бросаться: расскажи да расскажи им секрет самогона. А я не самогонщик. Я член союза работников просвещения. У меня в Москве старуха мама.

– А вам очень хочется обратно в Москву? К маме?

Переводчик жалобно вздохнул.

– В таком случае заседание продолжается, – промолвил Бендер. – Сколько дадут ваши шефы за рецепт? Полтораستا дадут?

– Дадут двести, – зашептал переводчик. – А у вас, в самом деле, есть рецепт?

Сходства вполне очевидны: «иностранцам» = «иностранцами»; «Говорю вам, капризен, как черт знает что!» = «А ну их к черту!»; «зашептал Коровьев» = «зашептал переводчик»; «Миллионер» = «миллиардеров»; «интимно пожаловался Коровьев» = «со скорбью сказал переводчик»; «верите ли» = «Поверите ли»; «всю душу вымотали <...> все нервы вымотает» = «Замучили меня совсем»; «Просите пять, он даст» = «Дадут двести». Кроме того, сцена прощания переводчика и иностранных туристов с Бендером напоминает сцену прощания Коровьева с буфетчиком Соковым: «Американцы легко отдали двести рублей и *долго трясли руку Бендера*. <...> Переводчик на радостях чмокнул Остапа в твердую щеку и просил захаживать, присовокупив, что старуха мама будет очень рада. Однако адреса почему-то не оставил» ~ «Тут же выскочил из кабинета Коровьев, вцепился в *руку буфетчику*, стал ее *трясти* и упрашивать Андрея Фокича всем, всем передать поклоны».

Одинаково ведут себя также Остап и Бегемот: «Гип, гип, ура! – закричал Остап» = «Ремиз, – заорал кот, – ура!». После этого в первом случае «Козлевич *открыл огнетушитель*, и машина выпустила шлейф синего дыма», а во втором кот «*выхватил из-за спины браунинг*», но его опередил один из чекистов, у которого «в руке полыхнуло огнем». И далее в обоих случаях упоминается бензин: «Как с бензином? – спросил Остап. – До Удоева хватит?»⁸¹ ~ «Единственно, что может спасти смертельно раненого кота, – проговорил кот, – это глоток бензина... – И, воспользовавшись замешательством, он приложился к круглому отверстию в примусе и напился бензину».

Оба сравниваются с крупными животными семейства кошачьих: «Он прошелся по комнате, *как барс*» = «Затем прыгнул, *как тигр*, прямо на грудь к несчастному Чембукчи и пухлыми лапами вцепился в его жидкую шевелюру...»⁸². А их «адскую» принадлежность подчеркивает связь с огнем и дымом – атрибутами преисподней. Уходя от Коробейникова, Остап «быстро шел мимо моста. Проезжавший через виадук локомотив осветил его своими огнями и завалил дымом», а после того, как Бегемот поджег «нехорошую квартиру», «гостиная уже была полна огнем и дымом».

Во время сеанса одновременной игры в шахматы Остап «играет восемнадцать испанских партий», и Воланд с Бегемотом тоже разыгрывают испанскую партию, причем в самом буквальном смысле: «Белый король наконец догадался, чего от него хотят, вдруг стащил с себя мантию, бросил ее на клетку и убежал с доски». Речь идет о короле Испании Альфонсо XIII, который 14 апреля 1931 года после всенародного требования отставки правительства бежал из страны, и там была провозглашена Вторая Испанская Республика⁸³ (а дата «14 апреля» синхронизирует эти события с иудейским сюжетом «Мастера», где действие происходит в Ершалаиме в течение Страстной недели 29-го года нашей эры: «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром *четырнадцатого числа весеннего*

---

⁸¹ Под Удоевым подразумевается город Одоев Тульской области. В главе «Антилопа-Гну» сказано, что между Удоевым и Черноморском (Одессой) – «тысяча километров грунтовой и шоссейной дороги», а расстояние от Одоева до Одессы как раз составляет 1136 километров.

⁸² Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 7. М.: Голос, 1999. С. 684.

⁸³ Реальными же источниками партии между Бегемотом и Воландом явились две партии Н. Рюмин – М. Ботвинник: одна была сыграна в 1934 году в «живые шахматы», а другая – на Втором Международном шахматном турнире в Москве (6-й тур, 22.02.1935), где получила приз за красоту. См. об этом: Пимонов В. Загадка Маргариты // Шахматное обозрение. М., 1985. № 17 (сент.). С. 24 – 25.

месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат»; и с романом «Двенадцать стульев», где события разворачиваются на следующий день, но в другом году: «В пятницу 15 апреля 1927 года Ипполит Матвеевич, как обычно, проснулся в половине восьмого и сразу же просунул нос в старомодное пенсне с золотой дужкой»; 24 апреля того же года, на Пасху, в Старгород приходит Остап Бендер и встречается с Воробьяниновым; 14 апреля 1930 года покончил с собой Маяковский; 18 апреля 1930 года – в Страстную пятницу – состоится телефонный разговор Булгакова со Сталиным; а 13 апреля 1937 года от туберкулеза умер Илья Ильф).

Остап незаметно для одноглазого крадет с доски черную ладью, а Бегемот так же незаметно убирает белого короля (причем Воланд – тоже «одноглазый», поскольку его левый глаз – «пустой и черный»).

В первом случае «Остап проанализировал положение, позорно назвал “ферзя” “королевой” и высокопарно поздравил брюнета с выигрышем», и такую же картину наблюдаем во втором: «Положение серьезное, но отнюдь не безнадежное, – отозвался Бегемот, – больше того: я вполне уверен в конечной победе. Стоит только хорошенько проанализировать положение».

Брюнет ставит Остапу мат, а Воланд объявляет Бегемоту шах: «Мат! – пролепетал насмерть перепуганный брюнет» ~ «Шах королю». В результате Остап «поздравил брюнета с выигрышем», а Бегемот произнес: «Сдаюсь», – причем Воланд как раз является брюнетом («Выбрит гладко. Брюнет»).

Остап именуется себя гроссмейстером, и Бегемот в редакции за май 1938 года так же обращается к Воланду, хотя этот титул фигурирует в негативном контексте: «Мессир! Я в ужасе! – завыл кот, изображая ужас на морде, – вас ли я слышу? Можно подумать, что перед собой я вижу одного из сапожников-гроссмейстеров!»⁸⁴.

Отметим еще совпадение в репликах Остапа и Воланда: «Сдавайтесь, сдавайтесь, что это за кошки-мышки такие!» ~ «Ты сдаешься или нет? – прокричал страшным голосом Воланд» (кстати, Воланд играет в шахматы именно с *кошкой*; но если здесь «прокричал» он, то в первом случае это сделал противник Остапа: «Это возмутительно! – заорал одноглазый. – Отдайте мою ладью!»).

Одинаково описывается также поведение одноглазого и Бегемота: «Одноглазый сейчас же схватил свои уши руками и стал напряженно думать» = «Разрешите подумать, – смиренно ответил кот, положил локти на стол, уткнул уши в лапы и стал думать». Да и Остап, спасаясь от васюкинских шахматистов, поступил так же, как Бегемот, убежавший от милиции: «“Пора рвать когти!” – подумал Остап <...> Не теряя драгоценного времени, Остап швырнул шахматную доску в керосиновую лампу и <...> выбежал на улицу» = «Извините, не могу больше беседовать, – сказал кот с зеркала, – нам пора. Он швырнул свой браунинг и выбил оба стекла в окне. Затем он плеснул вниз бензином, и этот бензин сам собою вспыхнул, выбросив волну пламени до самого потолка» («Пора рвать когти» = «нам пора»; «швырнул шахматную доску» = «швырнул свой браунинг»; «керосиновую» = «бензином»).

В «Золотом теленке» Остап говорит Балаганову: «...я буду показывать антирелигиозные карточные фокусы», – что можно сравнить с соответствующим эпизодом во время сеанса черной магии (то есть антирелигиозной пропаганды) в театре Варьете: «Фагот и кот разошлись в разные стороны по рампе. Фагот щелкнул пальцами, залихватски крикнул: “Три, четыре!” – поймал из воздуха колоду карт, стасовал ее и лентой пустил коту. Кот ленту перехватил и пустил ее обратно. Атласная змея фыркнула, Фагот раскрыл рот, как птенец, и всю ее, карту за картой, заглотал».

Остап недоволен действиями румынских пограничников, а кот Бегемот – советских чекистов: «Ах, такое отношение! – пронзительно запел Остап, дико озираясь»

---

⁸⁴ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. М.: Голос, 1999. С. 479.

= «Я совершенно не понимаю, – говорил он сверху, – причин такого резкого обращения со мной...».

Оба одинаково разговаривают со своими оппонентами: «Великий комбинатор вертел в руках клочок бумаги и сурово допрашивал: “Изнуренков здесь живет? Это вы и есть?”» = «На какой предмет? – сурово спросил кот» (кстати, Изнуренков тоже возится с котом: «...совал ей кота и заискивающе спрашивал: “<...> Скажите, он действительно пушист до чрезвычайности?”»); а в его квартире на стенах висели «цветные фотографии котов, котиков и кошечек»).

Остап изготовил афишу своего выступления, где написал о себе: «Пророк Самуил отвечает на вопросы публики» (в одном из тезисов к роману сказано: «Остап выдавал себя за пророка, достигнув большой популярности»⁸⁵). А вот реплика Бегемота, обращенная к Воланду: «Уж вы мне верьте, – добавил кот, – я форменный пророк». Здесь кот пародийно сравнивается с Христом, который говорил фарисеям о разрушении и восстановлении Иерусалимского храма, а Коровьев и Бегемот обещают построить новое здание писательского дома взамен только что сгоревшего:

1) На это Иудеи сказали: каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать?

Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его.

На это сказали Иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его?

А Он говорил о храме тела Своего (Ин. 2:18-21).

2) – Ах, вы вернулись? – сказал Воланд, – ну, конечно, тогда здание сгорело дотла. <...> А что делал Коровьев в то время, когда ты мародерствовал? – спросил Воланд.

– Я помогал пожарным, мессир, – ответил Коровьев, указывая на разорванные брюки.

– Ах, если так, то, конечно, придется строить новое здание.

– Оно будет построено, мессир, – отозвался Коровьев, – смею уверить вас в этом.

– Ну, что ж, остается пожелать, чтобы оно было лучше прежнего, – заметил Воланд.

– Так и будет, мессир, – сказал Коровьев.

– Уж вы мне верьте, – добавил кот, – я форменный пророк.

Остап же сожалеет, что не смог повторить чудеса Иисуса Христа: «Мне тридцать три года, – поспешно сказал Остап, – возраст Иисуса Христа. А что я сделал до сих пор? Учения я не создал, учеников разбазарил, мертвого Паниковского не воскресил...». Однако в другом месте он рассказывает о том, как совершил подобные чудеса: «Ксендз! Перестаньте трепаться! – строго сказал великий комбинатор. – Я сам творил чудеса. Не далее как четыре года назад мне пришлось в одном городишке несколько дней пробыть Иисусом Христом. И все было в порядке. Я даже накормил пятью хлебами несколько тысяч верующих. Накормить-то я их накормил, но какая была давка!».

Между тем Остап наделяется чертами не только Бога, но и дьявола, поэтому его внешность мало чем отличается от внешности чертовки Геллы: «Перед ним сидел атлет с точеным, словно выбитым на монете лицом. Смуглое горло перерезал хрупкий белый шрам» = «Сложением девица отличалась безукоризненным, и единственным дефектом в ее внешности можно было считать багровый шрам на шее»; «Там бесновался Остап, и на дне ущелья поблескивало золотое пенсне предводителя» = «Оттащите от меня *взбесившуюся* чертовку! – завывал кот, отбиваясь от Геллы...» (а «золотое пенсне предводителя», которое «поблескивало», до боли напоминает внешность Коровьева, который говорил, «сверкая глазом из разбитого пенсне»; причем пенсне Воробьянинова в самом начале романа тоже было разбито: «У делопроизводи-

---

⁸⁵ Планы и наброски к «Великому комбинатору» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок (авторская редакция) / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2016. С. 368.

теля загса от злобы свалилось с носа пенсне и, мелькнув у колен золотой дужкой, грянулось об пол»).

Как и положено демонам, Остап и свита Воланда отражаются в зеркалах и тут же пропадают (причем Аззелло даже выходит из зеркала): «На секунду большое зеркало в конце коридора отразило фигуру Бендера. <...> Вслед за тем зеркало очистилось. Затем в зеркале снова появился великий комбинатор», «...Остап вернулся в гостиницу “Карлсбад” и, отразившись несчетное количество раз в вестибюльных, лестничных и коридорных зеркалах <...> вошел к себе...» ~ «Тут Степа повернулся от аппарата и в зеркале, помещавшемся в передней <...> отчетливо увидел какого-то странного субъекта – длинного, как жердь, и в пенсне <...> А тот отразился и тотчас пропал. <...> в зеркале прошел здоровеннейший кот и также пропал. <...> Прямо из зеркала трюмо вышел маленький, но необыкновенно широкоплечий, в котелке и с торчащим изо рта клыком, безобразящим и без того невиданно мерзкую физиономию».

Соответственно, спутники Бендера и Воланда должны иметь много общего: «Вот Ипполит Матвеевич Воробьянинов. Даже не знай мы о его кошачьих повадках, по одному только имени мы должны были понять, что он Бегемот – Киса. Рыжий, широкоплечий Балаганов – Аззелло⁸⁶. Его дублер – кроткий Адам Казимирович, поскольку Козлевич, то есть “козел отпущения” – Аззел⁸⁷. Всё на того же Аззелло указывает и золотой зуб Паниковского»⁸⁸. А Аззелло, напомним, был «с желтым клыком». Кроме того, *Козлевича* дублирует Коровьев: «Они, они! – *козлиным* голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе...».

Остановимся более подробно подробнее на тождестве «*Киса* Воробьянинов = кот Бегемот».

Во-первых, Воробьянинов напрямую сравнивается с котом: «Ипполит Матвеевич свернулся, как *старый худой кот* после стычки с молодым соперником – кипучим владетелем крыш, чердаков и слуховых окон», «И походка у Ипполита Матвеевича была уже не та, и выражение глаз сделалось дикое, и отросший ус торчал уже не параллельно земной поверхности, а почти перпендикулярно, как у *пожилого кота*», «Предводитель *кошачьим* шагом вернулся в комнату...».

Во-вторых, Воробьянинов красится в «радикальный черный цвет», а Бегемот предстает «черным, как сажа».

У первого – «горизонтальные усы», а второй – «с отчаянными кавалерийскими усами».

Воробьянинов хочет отомстить Коле Калачеву за избивание: «Я его вызову на дуэль!»; и так же ведет себя Бегемот: «Вызываю на дуэль! – проорал кот, пролетая над головами на качающейся люстре...».

Если «Ипполит Матвеевич сообщил главному концессионеру обо всех подлостях отца Федора», то Бегемот сообщает Воланду «обо всех подлостях» Степана Лиходеева: «Машину зря гоняет казенную! – наябедничал и кот, жуя гриб». А отчество Лиходеева – *Богданович* – имеет такую же религиозную окраску, что и сан отца Федора – *священник*; соответственно, им обоим противостоят *демоны* – кот и Киса. Причем последний и выглядит, как исчадие ада: «...глаза метнули огонь, а из ноздрей, как

---

⁸⁶ Действительно: Аззелло – «необыкновенно широкоплечий», а Паниковский смотрел на «широкую спину Балаганова» (да и Козлевич, вернувшись от ксендзов, «упал в широкие, как ворота, объятия Балаганова»); Аззелло – «рыжий, как огонь», а Балаганов – «рыжеволосый». Правда, Козлевич тоже рыжий: «Остап <...> посмотрел на своего рыжего компаньона и сказал: “<...> Вы просто ягненок...”».

⁸⁷ Если быть точным, то слово «аззел» на иврите означает «черт». Ср. в ветхозаветной книге «Левит» (16:8,10): «Пусть он также возьмет двух козлов <...> один предназначен для Господа, другой – для Аззела. <...> А козел, который по жребию предназначен для Аззела, пусть стоит пред Господом, живой, для совершения искупительного обряда, – чтобы отправить его в пустыню для Аззела».

⁸⁸ *Каганская М., Бар-Селла З.* Мастер Гамбс и Маргарита. Тель-Авив: Книготороварищество Москва – Иерусалим, 1984. С. 58.

показалось Остапу, повалил густой дым»⁸⁹. Перед этим же было сказано: «Ипполит Матвеевич мигом преобразился. Грудь его выгнулась, как дворцовый мост в Ленинграде...», – что напоминает метаморфозу с Бегемотом во время сеанса черной магии в театре Варьете: «И произошла невиданная вещь. Шерсть на черном коте встала дыбом <...> Затем сжался в комок и, как пантера, махнул прямо на грудь Бенгальскому...». Здесь кот сравнивается с *пантерой*, а Кису Остап назвал *коньком*-горбунком, причем слову *горбунок* соответствует сравнительный оборот: «Грудь его *выгнулась, как дворцовый мост*» (сравнение Воробьянинова с *коньком* обусловлено его именем «Ипполит», которое переводится с греческого как «распрягающий коней»).

Далее «кот вцепился в жидкую шевелюру конференсье и, дико взыв, в два поворота сорвал эту голову с полной шеи», а Киса Воробьянинов перерезал великому комбинатору шею: «Он приблизился к изголовью и, далеко отставив руку с бритвой, изо всей силы косо всадил все лезвие сразу в горло Остапа, сейчас же выдернул бритву и отскочил к стене». Заметим, что он *отскочил к стене*, а кот Бегемот *перескочил на голову* Бенгальскому⁹⁰.

Если Воробьянинов, «оборотив помятое лицо к мутно-багровому солнечному диску, *завыл*», то Бегемот прыгнул, *дико взыв*. И в обоих случаях кот ведет себя, как собака: «Ипполит Матвеевич *залаял* и, подхватив стул, побежал за Остапом» = «Паспорт! – *тявкнул* кот и протянул пухлую лапу». Более того, Остап называет Кису Воробьянинова *кобелем*: «Нашли время для кобеляжа! В вашем возрасте кобелировать просто вредно!»; а *кот* Бегемот *рывает*, как собака, обращаясь при этом к человеку так, как человек обращается к котам: «Брысь!! – вдруг рывкнул кот, вздыбив шерсть». Сравнение кота с человеком и одновременно с собакой присутствует и в другой цитате: «А тут еще кот выскочил к рампе и вдруг рывкнул на весь театр человеческим голосом: “Сеанс окончен! Маэстро! Урежьте марш!!”», – что повторяет эпизод в сумасшедшем доме из «Золотого теленка»: «Но человек-собака неожиданно всплеснул руками и спросил человеческим голосом: “Скажите, вы не сын Фомы Берлаги?”» («рывкнул» = «собака»; «человеческим голосом» = «человечьим голосом»).

---

⁸⁹ А в другом эпизоде Воробьянинов выходит из ЗАГСа, «мечтая об огнедышащем супе». Опять дьявольщина! Причем она находит прямую аналогию в «Мастере и Маргарите», где Никанор Иванович Босой собрался есть «огненный борщ». Однако Булгакову этого показалось мало, и он прибег к усилению мотива, чтобы всем стало понятно, о чем идет речь: «Супруга побежала в переднюю, а Никанор Иванович разливательной ложкой поволок из огнедышащего озера – ее, кость, треснувшую вдоль». *Огнедышащее озеро* – это почти точная цитата из «Откровения Иоанна Богослова»: «И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их; а диавол, прельщавший их, ввержен в *озеро огненное* и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков» (Откр. 20:9-10). То же самое относится и к *огнедышащему супу*, о котором мечтает Воробьянинов.

⁹⁰ Поэтому сценарий «Шея», который Остап написал в «Золотом теленке» и принес на 1-ю Черноморскую кинофабрику, мог быть посвящен описанию попытки его убийства Воробьяниновым, тем более что жанр этого сценария Остап определил так: «народная *трагедия* в шести частях»; но до покушения своего компаньона Остап называл поиски сокровищ *комедией*: «Приближается финита-ля-комедия, Воробьянинов! <...> Помните, Воробьянинов, наступает последний акт комедии “Сокровище моей тещи”». Вместе с тем сценарий «Шея» уже фигурировал в качестве примера халтуры в одном из фельетонов Ильфа и Петрова: «“Ш е я” (Народная трагедия в 7-ми актах). <...> Ведь где-то идет народная трагедия в семи актах “Шея”. Ведь по радио уже передают вечер затейников под названием “Поп Федор нашел помидор”. Идет и “Фанька-забойщица”, идет и “Овин”, и “Пахота”. Спасите, кому ведать надлежит! Защищайте социализм! Гоните пошляков!» (*Толстоевский Ф.* Пьеса – в пять минут // Чудак. М., 1930. № 6. Февр. С. 84; название вечера затейников «Поп Федор нашел помидор» построено по той же схеме, что и картина, которую Остап видел в Москве: «Дед Пахом и трактор в ночном»). А после того, как у Остапа увели сценарий «Шея», он все же получил за него гонорар у сотрудника кинофабрики Супругова. По словам редактора Одесской кинофабрики ВУФКУ (Всеукраинского фотокиноуправления) Микола Бажана, имеется в виду 24-летний Юрий Иванович Яновский, в 1926 году ставший главным редактором этой самой кинофабрики: «Боюсь, что Ильф и Петров в “Золотом теленке” списали с Юры образ того щедрого редактора, который так охотно предлагал авансы и мог доверчиво давать их даже Остапам Бендерам, которых в ту пору у кабинетов киностудии было предостаточно» (*Бажан М.П.* Раздумья и воспоминания. М.: Сов. писатель, 1983. С. 54).

Оба «Кисы» названы чревовещателями: «Никогда, – принялся вдруг *чревовещать* *Ипполит Матвеевич*, – никогда Воробьянинов не протягивал руки» = «Ну-с, неприкосновенный *чревовещательский кот*, пожалуйста сюда»; и прибегают к одинаковым приемам: «Ипполит Матвеевич *отчаянно подмаргивал* Остапу *глазом*, но тот сделал вид, что не заметил этого, и вышел на улицу» = «Этот анализ он начал производить довольно странным образом, именно стал *кроить какие-то рожи и подмигивать* своему королю».

Остап именует Воробьянинова фельдмаршалом, а Бегемот, играя в шахматы с Воландом, смотрит на доску через бинокль, также выступая в роли полководца (да и любимая присказка самого великого комбинатора: «Командовать парадом буду я!»).

Остап называет Кису *дамским любимцем* («Ну, вы, дамский любимец, стойте здесь и никуда не выходите»), и в такой же роли выступает кот Бегемот во время работы *дамского магазина* на сцене театра Варьете: «Кот суетился, помогал и для пущей важности повесил себе на шею сантиметр. <...> кот, изнемогая под грудами сумочек и тувель, таскался от витрины к табуреткам и обратно...». А позднее на груди у Бегемота будет висеть «перламутровый *дамский бинокль* на ремешке».

В главе «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта» Остап говорит Балаганову: «Это происходит от того, что в вашей черепной лоханке чего-то не хватает, – любезно разъяснил Остап» (ранняя редакция «Золотого тельца» – роман «Великий комбинатор», лето 1929⁹¹). И то же самое скажет Бегемот об иностранце, зашедшем в продуктовый магазин: «В лице сиреневого джентльмена чего-то не хватает, по-моему».

---

⁹¹ Похожий оборот встретится в концовке фельетона Ильфа из рубрики «Слезай – приехали!», которой он заведовал: «Либо Рахматов считает граждан нашего Союза дураками, либо в черепной лоханке самого Рахматова что-то неладно. Мы, лично, склоняемся к последнему» (Черепная лоханка Рахматова // Чудак. М., 1929. № 41. Окт. С. 14). Отсюда и фамилия Васисуалия *Лоханкина*, который размышляет при помощи *черепной лоханки* о судьбах русской интеллигенции. И в «Великом комбинаторе» Остап говорит: «Паниковский! Берегите свою *черепную лоханку!*» (глава «Американские скотоводы»). Вместе с тем в окончательной редакции романа «лоханкой» будет названа машина «Антилопа»: «Да, – сказал Остап, – в город на этой зеленой лоханке теперь не въедешь. Арестуют». А в «Двенадцати стульях» Остап применил это слово к стульям в Старсобесе: «Но посидеть у вас со вкусом абсолютно не на чем. Одни садовые лоханки»; и к пароходу «Скрябин»: «...нам нужно обогнать тиражную лоханку». Впервые же это слово возникло в рассказе Ильфа «Антон Половина-на-Половину» (1923): «...Ленька-Гец увивался возле пустой кафедр, пока на нас не вылезла городская лоханка, кошмарный юноша» (*Ильф И.* Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 44). А о прототипе Лоханкина рассказала внучка Евгения Петрова – Екатерина Катаева: «Знаете, кто является прототипом Васисуалия Лоханкина? Никогда не догадаетесь! Жена Петрова! Они жили в Мельниковом переулке в коммунальной квартире. Валентина Леонтьевна была женщиной воздушной и экзальтированной, никогда не работала. Посещая уборную, она никогда не гасила за собой свет! Соседи гноили ее так, что она рыдала с утра до ночи. Тогда Евгений Петров стал платить за электричество за всю квартиру, правда, гноить его жену после этого все равно не перестали. <...> Кстати, в этой же коммуналке действительно на антресолях жила “ничья бабушка”. У нее были стерильные половики, накидки на подушечках. Когда у кого-то из соседнего дома народились щенки сеттеров и соседи из коммуналки взяли себе по одному, “ничья бабушка” по утрам ходила всем за керосином и выгуливала этих сеттеров» (Жена Ильфа и Петрова в роли Васисуалия Лоханкина // Российская газета. М., 2002. 14 дек. № 235. С. 6). Если же говорить о литературном прототипе Лоханкина, то им, бесспорно, является Алексей Спиридонович Тишин из романа Ильи Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921): «...Алексей Спиридонович любил высказывать свое преклонение перед “сермяжной Русью”, противопоставлять тупой и сытой Европе ее “смирненную наготу”. Ничем он не занимался и в анкетах гостиниц в рубрике “профессия” гордо ставил – “интеллигент”, чем немало смущал швейцаров» (глава 5). Подробнее о сходствах между Тишиным и Лоханкиным см.: *Щеглов Ю.* Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 480. Упомянем также один из фельетонов Ильфа и Петрова (1929): «И оба они осторожно пробрались в кабинет любимого шефа.

Избаченков сидел перед американским шкафом, за стеклами которого церковным золотом мерцали корешки энциклопедического словаря, и работал» (*Толстоевский Ф.* Шкуры барабанные // Чудак. М., 1930. № 1. Янв. С. 11) ~ «Обо всем этом было легко и покойно думать, разгуливая по комнате в фетровых сапожках, купленных на Варварины деньги, и поглядывая на любимый шкаф, где мерцали церковным золотом корешки брокгаузовского энциклопедического словаря» («Золотой тельца»).

Чем ближе к концу романа, тем больше повадки Воробьянинова напоминают кота Бегемота: «Ипполит Матвеевич ловко *вскарабкался на карниз*, толкнул раму и *бесшумно прыгнул в коридор*» = «По этой трубе кот *взобрался на крышу*. Там его, к сожалению, также безрезультатно обстреляла охрана, стерегущая дымовые трубы, и *кот смылся в заходящем солнце, заливавшем город*». Все эти сходства подчеркивают тождество «Киса Воробьянинов = кот Бегемот», которое неизбежно приводит нас к другому смысловому равенству: «Бендер = Воланд», рассмотренному ниже. А пока что укажем еще на несколько «кошачьих» параллелей.

Коровьев сообщает Босому, что Воланд «в спальне *дрессирует* кота», а Остап возмущается разгильдяйством Кисы: «Три месяца я кормлю его, пою и *воспитываю*».

Остап прогоняет Воробьянинова после аукциона: «Ну, теперь пошел вон!»; и такая же ситуация повторится с котом Бегемотом после бала у сатаны: «Пошел вон, – сказал ему Воланд».

Поскольку Остап тождественен Воланду, оба пользуются одинаковой лексикой в разговоре со своими котами: «Ах, Киса, Киса, чтоб вас черт забрал!» = «Молчи, черт тебя возьми! – сказал ему Воланд»; «*Вылезайте*, Конрад Карлович, *приехали!*» = «*Вылезай!* Партия отменяется. *Прибыла гостья*».

Остап называет Кису *мальчиком*: «...со мною еще мальчик-ассистент. <...> Мальчишка у меня шустрый. Привык к спартанской обстановке»; и говорит ему: «Как нехорошо лгать в таком *юном* возрасте, – с грустью сказал Остап, – придется, Киса, поставить вам четверку за поведение и вызвать родителей!». Об этом же читаем в тексте от автора: «Ипполит Матвеевич добровольно выполнял обязанности *мальчика*. <...> Воробьянинов, который уже свыкся с амплуа всеобщего *мальчика*, осторожно нес за Полканом съемочный аппарат». А кот в концовке «Мастера» превращается в *юношу*: «Тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей, демоном-пажом, лучшим шутком, какой существовал когда-либо в мире». Остап же как раз воспринимает Кису как шута: «“Без него не так смешно жить”, – думал Остап. И он весело поглядывал на Воробьянинова...».

Надо сказать, что общение с дьяволом-Остапом не прошло для Воробьянинова бесследно, поскольку к концу романа ему виделось по ночам, что «разверзшаяся земля пускала в глаза серный дым», то есть ему снилась преисподняя, извергающая серу, которая является неизменным атрибутом дьявола. Поэтому и Маргарита, придя в квартиру Воланда, почувствовала, как «в комнате пахло серой и смолой».

Так что бывший предводитель уездного дворянства вполне мог бы оказаться в свите Воланда. В самом деле: Воланд появился в кабинете профессора Кузьмина в образе «крупного прыгающего *воробья*», а фамилия «Воробьянинов» образована от существительного *воробей*.

Берлиоз скажет о Воланде: «Что такое, в конце концов, что он несет?»⁹²; а в «Двенадцати стульях» «воробьи несли разный вздор» (начало главы «Знойная женщина, мечта поэта»).

В первой редакции «Мастера и Маргариты» – «Копыто инженера» – Воланд носит имя «Теодор» («D-г Theodor Volland»⁹³), которое означает по-гречески «Божий дар», и точно так же переводится с иврита отчество Воробьянинова – «Матвеевич», которое происходит от еврейского имени «Матитьягу» (Матвей) – «дар Яхве».

Воланд называет себя немцем, и Остап именуется Воробьянинова немецкими словами: «...либер фатер Конрад Карлович Михельсон»; и даже говорит Елене Боур: «Мы с коллегой прибыли из Берлина, но об этом не рекомендуется говорить».

Воланд – дьявол, а поступки Воробьянинова «закрепили за ним репутацию демонического человека» (глава «Прошлое регистратора ЗАГСа»).

⁹² Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 492.

⁹³ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М.: Новости, 1992. С. 238.

Поэтому Воланд со своей свитой назван «нечистой силой», а Остап с Кисой – «нечистой парой»: «Шепот “*Нечистая сила...*” слышался в очередях, стоявших у молочных, в трамваях, в магазинах, в квартирах, в кухнях, в поездах, и дачных и дальнего следования, на станциях и полустанках, на дачах и на пляжах» = «Не спала только одна *нечистая пара*. Великий комбинатор вышел из своей каюты в первом часу ночи. За ним следовала бесшумная тень верного Кисы».

Если в «Двенадцати стульях» упоминается дремлющий попугай как атрибут гадалки Елены Боур, то в «Мастере и Маргарите» фигурирует дремлющая сова как атрибут дьявола Воланда (и гадалка, и Воланд предсказывают будущее): «*Попугай в красных подштанниках, дремавший на жердочке*, испугался шумного разговора, перевернулся вниз головой и в таком виде замер» = «Маргарита сидела, заткнув пальцами уши, и глядела на *сову, дремавшую на каминной полке*. Кот выстрелил из обоих револьверов, после чего сейчас же взвизгнула Гелла, убитая сова упала с камина и разбитые часы остановились». Помимо того, мадам Боур «была почти старухой, была почти грязна», а Воланд одет в «рубашку, грязную и заплатанную на левом плече» (кстати, и спина Остапа была «несколько *грязноватая*»). Поэтому вся обстановка в квартире гадалки предвосхищает описание «нехорошей квартиры» № 50:

1) На окнах висели темные коричневые занавеси с блямбами, и в квартире преобладали темно-коричневые тона. Над пианино висела репродукция картины Беклина «**Остров мертвых**» в раме *фантази* темно-зеленого полированного дуба под стеклом. Один угол стекла давно вылетел, и обнаженная часть картины была так отделана мухами, что совершенно сливалась с рамой. Что творилось в этой части острова мертвых – узнать было уже невозможно.

2) Сквозь цветные стекла больших окон (*фантазия* бесследно пропавшей ювелирши) лился необыкновенный, похожий на церковный, свет. <...> у буфетчика <...> мелькнула мысль о том, что уж не служили ли, чего доброго, по Берлиозу церковную **панихиду** <...> Тот, что жарил мясо, повернулся, причем ужаснул буфетчика своими клыками, и ловко подал ему один из темных дубовых низеньких табуретов. Других сидений в комнате не было.

А сцена аукциона в «Двенадцати стульях», где продается «бронзовый бюстик Александра Третьего», послужила предметом пародии в «Черном маге», где буфетчик Варьете после встречи с Воландом на «нехорошей квартире» напрямик ринулся к Церкви Николы Стрелецкого, но когда он заказал священнику молебен, тот «взобрался на амвон <...> стукнул подсвечником по аналою <...>

– Шуба императора Александра Третьего, – нараспев начал отец Иван, – ненадеванная, основная цена 100 рублей!»⁹⁴.

Еще одна неожиданная пара «дублеров» – это Варенуха и Воробьянинов.

Во-первых, полностью совпадают сцены их избиения Бегемотом и Бендером: «Очень, очень приятно, – писклявым голосом отозвался котообразный толстяк *и вдруг, развернувшись, ударил Варенуху по уху* <...> От удара толстяка вся уборная осветилась на мгновение трепетным светом, и в небе отозвался громовой удар» = «*И Остап ударил Воробьянинова медной ладонью по шее*. В эту же минуту по переулку промчался пожарный обоз с факелами, и при их трепетном свете Ипполит Матвеевич увидел на лице Бендера такое страшное выражение, что мгновенно покорился и отдал стул». Перед этим же Азazelло и Остап обращались к Варенухе и Воробьянинову с одинаковым требованием: «Дай сюда портфель, гад!» = «Ну, теперь давайте стул. <...> Отдайте стул. Слышите?».

Во-вторых, совпадают сцены избиения Варенухи Бегемотом и Воробьянинова Колей Калачевым: «Добрый вечер, – решительно сказал он и, не в силах сдержаться, *ударил Ипполита Матвеевича в ухо*» = «Это вы, Иван Савельевич? <...> Очень, очень приятно, – писклявым голосом отозвался котообразный толстяк и вдруг, развернув-

⁹⁴ Там же. С. 209.

шись, ударил Варенуху по уху так, что кепка слетела с головы администратора...» (а Воробьянинов тоже назван администратором: «Стул! – закричал Остап. – Администратор! Наш стул плывет»; кроме того, Бегемот ответил Варенухе *писклявым голосом*, а про Колю, ударившего Воробьянинова, читаем: «Так будет со всеми, – сказал Коля *детским голосом*, – кто покусится...»⁹⁵).

Фамилии обоих начинаются на «В», а отчества образованы от имен апостолов Иисуса Христа: Савельевич – Савл (он же – Павел), Матвеевич – Левий Матфей.

Варенуха превратился в вампира, который готов выпить кровь у своего начальника – финдиректора Римского, а Воробьянинов перерезал бритвой шею «главного руководителя концессии» Остапа Бендера, из которой тут же хлынула кровь (да и Левий Матфей в романе Булгакова собирался убить ножом своего учителя Иешуа Га-Ноцри, чтобы тот избежал казни на столбе). То есть оба эти «апостола» как бы издевательски выполняют завет Иисуса Христа: «Тот, кто ест Мою плоть и пьет Мою кровь, имеет вечную жизнь» (Ин. 6:53 – 54).

Еще больше сходств обнаруживают между собой Бендер и Воланд: «Как и Воланд, О.Б. наказует порок и не посягает на добродетель. Подобно Воланду, повелевающему царством теней, О.Б. промышляет на теневой стороне советской действительности, в ее подворотнях, медвежьих углах, вороньих слободках. Принципиальное отличие картины мира, воссозданной в дилогии, от orbis pictus булгаковского романа: территория, на которой обитает О.Б. с его компаньонами и жертвами, имеет тесный, ограниченный характер, а за ней расстилаются широкие просторы торжествующего социализма. По ходу сюжета эти светлые дали все более расширяются, тогда как пространство Бендера сжимается, уменьшается в объеме, наподобие шагреновой кожи, и к концу второго романа Бендер не находит места, где бы он мог себя применить, а главное, потратить собственный миллион, добытый с таким трудом»⁹⁶; «...у них обоих нет не только квартир, но и вещей; каждый начинает знакомство с новым городом, встречаясь с образом собственной неприкаянности – беспризорным и Бездомным»⁹⁷.

Остап называет себя теплотехником («И меня похоронят, Киса, пышно, с оркестром, с речами, и на памятнике моем будет высечено: “Здесь лежит известный теплотехник и истребитель Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендер-бей...”»), а Воланд в ранней редакции «Копыто инженера» будет выведен в образе инженера.

Теплотехник ответственен за работу дымоходов и печей, поэтому Остап, представляясь инспектором пожарной охраны, спрашивал завхоза второго дома Старсобеса Альхена: «Дымоходы прочищаются регулярно? Печи в порядке?». А с точки зрения подтекста печи и дымоходы символизируют адскую атмосферу советской действительности, за которой и наблюдает Остап-дьявол.

После того, как Остап выступил в роли художника на тиражном пароходе «Скрябин», «буквы лозунга были разной толщины и несколько скошены в разные стороны», а «лицо Воланда было скошено на сторону» (глава «При свечах»).

И оба эти дьявола по контрасту наделяются церковными атрибутами: если «Остап небрежно помахивал своим мешком, как *кадилом*» («Золотой теленок»; глава «Александр-ибн-Иванович»), то в квартире Воланда, как заметил буфетчик Соков, «пахло не только жареным, но еще какими-то крепчайшими духами и *ладаном*» (глава «Неудачливые визитеры»), при этом *духи* невольно пародируют Святого Духа.

⁹⁵ Данная фраза встречается и в рассказе Петрова «Семейное счастье» (1927): «Так будет со всеми, – говорит Жоржик хмуро, – кто покусится на мое “я”» (Петров Е. Семейное счастье // Петров Е. Случай с обезьяной. М. – Л.: «Земля и Фабрика», 1927. С. 29. Б-ка сатиры и юмора).

⁹⁶ Стахорский С.В. Энциклопедия литературных героев. М.: Аграф, 1997. С. 300.

⁹⁷ Каганская М., Бар-Селла З. Мастер Гамбс и Маргарита. Тель-Авив: Книготороварищество Москва – Иерусалим, 1984. С. 37. Кстати, в набросках к «Мастеру и Маргарите» (1931) Иван Бездомный тоже назван Беспризорным: «Антону Мироничу нужно было большое антирелигиозное стихотворение в очередную книжку журнала. Вот он и предлагал кой-какие установки Ване Беспризорному» (Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М.: Новости, 1992. С. 264).

На портсигаре и часах Воланда изображен треугольник: «Он был громадных размеров, червонного золота, и на крышке его при открывании сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник»; «Незнакомец дружелюбно усмехнулся, вынул большие золотые часы с алмазным треугольником на крышке...». И в своей тетради рядом с различными именами дьявола Булгаков нарисовал треугольник: «Я рассматриваю сохранившуюся в архиве рабочую тетрадь Михаила Булгакова, – пишет Л. Яновская. – Тетрадь датирована 1938 годом и называется так: “Роман. Материалы”. На стр. 7 рукою писателя начертан маленький треугольник. По-видимому, этот самый. Приблизительно равнобедренный, пожалуй даже равносторонний, покоящийся на основании. Рядом записи о свите Князя тьмы: “Азazel – демон безводных мест. Абадонна, ангел смерти”. Ниже несколько наименований дьявола: слово “дьявол”, аккуратно выписанное по-гречески, с малой буквы, далее по-русски, с большой: “Дьявол. Сатана. Люцифер. Царь тьмы”. Треугольник пуст»⁹⁸. По утверждению Яновской, треугольник здесь обозначает заглавную греческую букву «дельта» – прообраз славянской буквы «д», с которой начинается слово «дьявол» (по-гречески – Διάβολος)⁹⁹. Однако дьявольский треугольник неоднократно упоминался и в книге Александра Чаянова «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей», в январе 1926 года подаренной Булгакову: «Трепетной рукой взял я дьявольский треугольник»¹⁰⁰, «На огромном круглом, покрытом черным сукном, столе сверкали перемешанные с картами золотые треугольники»¹⁰¹, «...нашли мы старый мой студенческий мундир, из кармана которого выпал золотой треугольник моей души»¹⁰². Кстати, фамилия главного героя этой книги – Булгаков. По сюжету он отыгрывает свою душу у сатаны: “Ничего ты не понимаешь, Булгаков!”, – резко остановился передо мной мой страшный собеседник. “Знаешь ли ты, что лежит вот в этой железной шкатулке?” – сказал он в пароксизме пьяной откровенности. “Твоя душа в ней, Булгаков!”»¹⁰³. Надо заметить, что у дьявольского треугольника есть одно важное отличие от божественного: «По Откровению діаволь возмнил о себѣ, что онъ подобенъ Всевышнему (Ис. XIV, 14). Кабалистическая тетраграмма, или масонская “Соломонова” печать посему и изображаетъ діавола тоже равностороннимъ треугольникомъ, равнымъ первому, но только обращеннымъ вершиною внизъ, а не вверхъ <...> Въ фигурѣ этой мы видимъ, что треугольникъ Божій представленъ темнымъ и на вершинѣ его поставлена буква альфа. На той же фигурѣ треугольникъ діавола изображенъ свѣтлымъ, и на вершинѣ его стоитъ омега»¹⁰⁴. А в «Золотом теленке» спутники Остапа тоже совершают магические действия при помощи треугольника: «Тут Паниковский соединил обе линии третьей, так что на песке появилось нечто похожее на треугольник <...> Балаганов с уважением посмотрел на треугольник». Существуют и другие упоминания треугольника в «Золотом теленке», но уже без аналогичного «магического» подтекста: например, «на груди великого комбинатора была синяя пороховая татуировка, изображавшая Наполеона в *треугольной* шляпе и с пивной кружкой в короткой руке». А про миллионера Корейко читаем: «Для защиты от солнца голова его была прикрыта газетной *треуголкой*».

Разговор же Остапа с Балагановым напоминает диалог Воланда с Бездомным («Копыто инженера», 1928 – 1929): «*Идите, идите*, – сказал он, – я подаю только по

⁹⁸ Яновская Л. Треугольник Воланда и Фиолетовый рыцарь // Таллин. 1987. № 4. С. 103.

⁹⁹ Там же. С. 104.

¹⁰⁰ Чаянов А. Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей: Романтическая повесть. М.: V год республики [1922]. С. 44.

¹⁰¹ Там же. С. 34.

¹⁰² Там же. С. 63.

¹⁰³ Там же. С. 33.

¹⁰⁴ Ницусь С. Близъ грядущій Антихристь. М.: Типографія Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1911. С. 143 – 144.

субботам, нечего тут заливать» = «*Брысь, брысь отсюда*, – проговорил Воланд, да и... чего ты торчишь здесь... Не подают здесь... Божий человек...»¹⁰⁵.

Перед этим же Воланд схватил Иванушку, кинувшегося на него, «чтобы сдать его в ГПУ»: «Тот *тяжелой рукой сдавил* Иванушкину кисть и... он попал как бы в капкан, рука стала наливаясь... обвисла, колени задрожали». Это напоминает хватку Бендера: «Тут только Ипполит Матвеевич понял, какие *железные лапы схватили* его за горло» («Двенадцать стульев»), «...*железная рука командора ухватила* его за ковбойскую рубаху» («Золотой теленок»). Кстати, и словосочетание *тяжелая рука* применяется к великому комбинатору: «Высказывать свои подозрения он не смел, зная *тяжелую руку* Остапа и непреклонный его характер» («Двенадцать стульев»).

Иванушка называет Воланда *мосье*: «Что это за слово – “чернь?” Толпа состоит из пролетариата, *мосье!*»¹⁰⁶; а Балаганов Остапа – *мосье*: «Я знаю такого миллионера. <...> Честное слово, *мосье Бендер...*». В свою очередь, обращение *мосье Бендер* идентично тому, как представляет Воланда Жорж Бенгальский: «Итак, выступит знаменитый иностранный артист *мосье Воланд* с сеансом черной магии!». Кстати, в афише про Остапа сказано: «Заслуженный артист союзных республик» (глава «Антилопа-Гну»). В этой же афише читаем: «!!! ПРИЕХАЛ ЖРЕЦ !!! знаменитый бомбейский брамин (йог) <...> Индийский факир». Очевидно, что йогу и факиру соответствуют фокусы, которые проделывает свита Воланда, названного магом.

Воланд говорит Берлиозу: «Я – историк <...> я люблю разные истории. Смешные. И сегодня будет смешная история»¹⁰⁷; а Остап – Балаганову: «Я люблю рассказы о мелких жульничествах» (про Паниковского).

Оба представляются заговорщиками: «...я лично присутствовал при всем этом. И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте, но только тайно, инкогнито, так сказать, так что прошу вас – никому ни слова и полный секрет!» = «Крепитесь. Полная тайна вкладов, то есть организации»; и разыгрывают маскарад перед молодыми людьми – Иванушкой и экскурсоводом: «Ах! – кокетливо *прикрыв глаза ладонью*, воскликнул Воланд...» («Копыто инженера»). Глава «Шестое доказательство»¹⁰⁸) = «Что делается! – воскликнул великий комбинатор, *закрывая лицо руками*. <...> Ай, что делается! – сказал Остап с фальшивым смехом» («Золотой теленок»; глава «Багдад»); а те, в свою очередь, сердятся: «Всё, что угодно мог вынести Иванушка, за исключением последнего. Ярость заиграла на его лице»¹⁰⁹ = «Молодой человек рассердился: “Это для вас красиво, для приезжих, а нам тут жить приходится”». При этом и Воланд, и Остап констатируют значительные перемены, произошедшие с городом – Москвой и Самаркандом: «Горожане сильно изменились... внешне, я говорю, как и сам город, впрочем» = «Я знал ваш город, но он как-то переменялся».

Реакция Остапа на Арбатов и Воланда на Москву также похожа: «Он двигался по улицам Арбатова пешком, со *снисходительным* любопытством озираясь по сторонам. <...> Город, видимо, ничем не поразил пешехода в артистической фуражке» («Золотой теленок»; глава «О том, как Паниковский нарушил конвенцию») ~ «...иностранец окинул взглядом высокие дома <...> причем заметно стало, что видит это место он впервые и что оно его заинтересовало <...> чему-то *снисходительно* усмехнулся...» («Мастер и Маргарита», глава 1)¹¹⁰.

¹⁰⁵ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М.: Новости, 1992. С. 516.

¹⁰⁶ Там же. С. 236.

¹⁰⁷ Там же. С. 34.

¹⁰⁸ Там же. С. 240.

¹⁰⁹ Там же. С. 239.

¹¹⁰ Отмечено: Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. Т. 2. Золотой теленок. Wien, 1991. С. 391.

Слова Остапа о советской власти в «Золотом теленке» совпадают с репликой Воланда буфетчику Сокову в первой редакции «Мастера и Маргариты»: «Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм» ~ «Я не хочу вам платить. Это скучно платить»¹¹¹.

Еще одна похожая параллель – обращение Бендера к Воробьянинову и Воланда к Сокову: «Вы довольно пошлый человек, – *возражал Бендер, – вы любите деньги больше, чем надо*» ~ «Делается то, что, увы, от жадности в глазах мутится, – *пояснил Воланд, вдруг смягчаясь, – любите деньги, плут, сознайтесь?*»¹¹². Причем если Бендер говорит Воробьянинову: «Вы же скоро умрете, вы же старенький», – то и Воланд скажет Сокову: «Вы померете скоро, через год...»¹¹³. И риторический вопрос Бендера: «Ну, зачем вам, зачем вам столько денег?», – предвосхищает аналогичный вопрос Воланда: «...куда вы их возьмете?»¹¹⁴. Любопытно еще, что Бендер оценивает богатство, спрятанное в воробьяниновских стульях, в *полтора ста тысяч*, а Воланд называет точную сумму сбережений Сокова: «У вас, наверно, порядочно припрятано? *Тысчонки сто тридцать четыре*, я полагаю, э?»¹¹⁵.

Оба поют песни о скалах: «Технический директор спускался вниз, крича во всё горло: “Дробясь о мрачные скалы, / Кипят и пенятся валы!..”» ~ «Набрав после этого номер лихоевской квартиры, Варенуха долго слушал, как густо гудит в трубке. Среди этих гудков откуда-то издали послышался тяжкий, мрачный голос, пропевший: “...Скалы, мой приют...”».

В «Золотом теленке» Остап мечтает о том, что за границей у него будут *латиновые зубы* (глава «Первое свидание»), а у «иностранца» Воланда «с левой стороны <...> были *латиновые коронки*, а с правой – золотые» (глава «Никогда не разговаривайте с неизвестными»).

Диалог инженера Щукина с Остапом предвосхищает беседу Лихоевца с Воландом: «“Только уж вы, пожалуйста, никому не говорите. Неудобно, право”. – “О, пожалуйста! *Антр-ну, тет-а-тет*”» ~ «“Я хочу вас попросить, чтобы это осталось *между нами*”, – заискивающе сказал Степа. – “О, конечно, конечно!”» (а оборот *заискивающе сказал* отсылает к описанию Воробьянинова: «О вас, товарищ Бендер, сегодня в газетах писали, – *заискивающе сказал* Ипполит Матвеевич»; данное словосочетание встречается также в рассказе Евгения Петрова «Беспокойная ночь»: «Пожалуйста, соедините меня с милицией! – *заискивающе сказал* Обухов»¹¹⁶).

В разговоре с Коробейниковым Остап называет себя Вольдемаром, а сатану в «Мастере и Маргарите» зовут Воланд (в самой ранней редакции 1928 года поперек первой страницы Булгаков записал возможные имена для главного героя: «Антессер. Аззелло. Велиар»¹¹⁷). Но откуда же взялось само имя «Вольдемар»? Ответ дает сопоставление «Двенадцати стульев» с повестью Льва Толстого «Юность» (1857):

- 1) – Не Елены ли Станиславовны будете сынок?
- Да. Именно.
- А она в каком здоровье?
- **Маман** давно в могиле. <...>
- Все умирают, – сказал он, – вот и бабушка моя тоже... зажила. А... все-таки разрешите узнать, по какому делу, уважаемый, вот имени вашего не знаю...

¹¹¹ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновики романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 41.

¹¹² Там же. С. 42.

¹¹³ Там же. С. 42.

¹¹⁴ Там же. С. 42.

¹¹⁵ Там же. С. 42.

¹¹⁶ Петров Е. Беспокойная ночь // Смехач. М., 1928. № 48. Дек. С. 10.

¹¹⁷ Цит. по факсимиле рукописи: Чудакова М.О. Архив М.А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 37. М.: Книга, 1976. С. 75.

– *Вольдемар*, – быстро сообщил Остап.

2) Но княгиня, которой он, по-видимому, очень боялся, сказала ему: «Не правда ли, как *Вольдемар* (она забыла, верно, мое имя) похож на свою **маман**?».

Остап приходит в Старгород на Пасху в воскресенье Христово – 24 апреля 1927 года, а Воланд появляется в Москве в Страстную среду – 1 мая 1929-го.

Оба часто прибегают к театральным эффектам – и великий комбинатор: «“Ну, председатель, эффектно? – спросил Остап. – Что бы, интересно знать, вы делали без технического руководителя?” Ипполит Матвеевич счастливо ухнул», «Остап Бендер любил эффекты. Только перед третьим гудком, когда Ипполит Матвеевич уже не сомневался в том, что брошен на произвол судьбы, Остап заметил его: “Что же вы стоите, как засватанный? Я думал, что вы уже давно на пароходе”»; и Воланд, который возникает на *Патриарших* прудах, по контрасту, прямо с Вальпургиевой ночи – шабаша *ведьм*, состоявшегося в ночь с 30 апреля на 1 мая на горе Брокен в Германии, – после чего разыгрывает спектакль перед Берлиозом и Бездомным, меняя внешность и акцент, а также притворно удивляясь тому, что его собеседники – атеисты. Такой же театр Воланд разыграет перед Соковым, который жалуется ему на червонцы, превратившиеся в бумагу: «“Покажите вашу резаную бумагу”. Буфетчик, волнуясь, вытащил из кармана пачку, развернул ее и остолбенел. В обрывке газеты лежали червонцы. “Дорогой мой, вы действительно нездоровы”, – сказал Воланд, пожимая плечами».

Остап говорит ксендзам: «...я сам старый католик и латинист». А Левий Матвей называет Воланда старым софистом. Католиком же видит Воланда и буфетчик Соков: «На хозяине было что-то, что буфетчик принял за халат и что на самом деле оказалось католической сутаной, а на ногах черт знает что»¹¹⁸. Поэтому у ранней редакции романа был вариант названия – «Черный богослов». А *католическая* сутана протягивает ниточку к словам Воланда о том, что его пригласили в Москву для разбора «подлинных рукописей чернокнижника Герберта Аврилакского», который возглавлял *католическую* церковь под именем римского папы Сильвестра II (999 – 1003 гг.): «Я единственный в мире специалист»¹¹⁹. Да и сам Булгаков симпатизировал католицизму: «Вот поедете за границу, – возбужденно стал говорить Жуховицкий. – Только без Елены Сергеевны!.. – Вот крест! – тут Миша истово перекрестился – почему-то католическим крестом, – что без Елены Сергеевны не поеду! Даже если мне в руки паспорт вложат»¹²⁰. Этот эпизод нашел отражение в варианте романа от 14.09.1934, где Азazelло уговаривает поэта (будущего мастера) покинуть Москву вместе с Воландом и его свитой: «Тут только поэт всмотрелся в ее лицо, и горькая нежность подступила к его горлу, как ком, слезы выступили на глазах.

– С ней, – глухо сказал он, – с ней. А иначе не поеду»¹²¹.

Подобная же автобиографичность присутствует в эпизоде, приведенном М.О. Чудаковой: «Е.С. Булгакова рассказывала нам, что писатель вернулся к роману еще во время первой их совместной поездки в Ленинград, во второй половине окт. 1932 г. (когда он сообщил ей о намерении своем вернуться к роману, она возразила: “Но ведь черновики твои в Москве” – и услышала в ответ: “Я всё помню”. Ср.: “роман возьми с собой <...> – я помню его наизусть”»)¹²². Полная версия диалога между мастером и

¹¹⁸ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 463.

¹¹⁹ Таким «единственным в мире специалистом» по Герберту Аврилакскому был профессор Н.М. Бубнов – автор двухтомника: «Сборник писем Герберта как исторический источник (983 – 997): Критическая монография по рукописям» (1888 – 1889). Поэтому Воланд и именуется профессором.

¹²⁰ Дневник Елены Булгаковой. М.: Книжная палата, 1990. С. 51.

¹²¹ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 280.

¹²² Чудакова М.О. Архив М.А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 37. М.: Книга, 1976. С. 105.

Маргаритой выглядит так: «Но только роман, роман, – кричала она мастеру, – роман возьми с собою, куда бы ты ни летел. – Не надо, – ответил мастер, – я помню его наизусть». А глава «Последний полет», написанная 6 июля 1936 года и посвященная отлету мастера и Маргариты из Москвы в иной мир, имеет своим источником дарственную надпись Булгакова жене Елене на экземпляре книги «Дьяволиада» в 1933 году: «Тайному другу, ставшему явным, жене моей Елене. Ты совершишь со мной мой последний полет. Твой М. 21 мая»¹²³. И, наконец, слова Булгакова из его письма правительству СССР от 28.03.1930: «И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе...», – позднее повторит мастер, отвечая на просьбу Воланда показать роман о Пилате: «Я, к сожалению, не могу этого сделать, – ответил мастер, – потому что я сжег его в печке».

Остап анализирует прошлое и на этом основании предсказывает будущее: «Мне необходимо, – сказал он [Козлевичу], – пофилософствовать в одиночестве обо всем происшедшем и сделать необходимые прогнозы в будущее». А Воланд говорит Берлиозу, что знание прошлого является залогом успешного предсказания будущего: «Для того, кто знает хорошо прошлое, будущее узнать не составляет особенного труда, – сообщил инженер»¹²⁴.

Остап задает вопрос: «Рассказать вам, Паниковский, как вы умрете?»; а Воланд спрашивает буфетчика Сокова: «Вы когда умрете?»; и если Остап сообщает Паниковскому: «Вы умрете так», – рассказывая далее, как тот будет умирать, то Воланд столь же уверенно говорит Берлиозу: «Вы умрете другой смертью». Разница лишь в том, что Остап выдумывает, а Воланд говорит правду.

Оба одиноки: «У меня нет родственников, товарищ Шура, – я один на белом свете» ~ «Один, один, я всегда один, – горько ответил профессор».

Остап говорит своим спутникам: «Я невропатолог, я психиатр. Я изучаю души своих пациентов. И мне почему-то всегда попадаются очень глупые души». Также и Воланд, попав в Москву, хочет «изучить души» советских людей и говорит, что его интересует «вопрос: изменились ли эти горожане внутренне?».

Остап обращается к Персицкому: «*Как же, как же!* И еще, по вашему меткому выражению, я якобы отделался легким испугом». А Воланд использует ту же лексику в разговоре с мастером, говоря о Бездомном: «*Как же, как же,* – отозвался Воланд, – я имел удовольствие встретиться с этим молодым человеком на Патриарших прудах».

Остап говорит Воробьянинову при их первой встрече: «У нас хотя и не Париж, но *милости просим к нашему шалашу*»; а Воланд точно так же прощается с буфетчиком Соковым: «Гм... Ну, тогда приходите *к нам* опять. *Милости просим!* Рад нашему знакомству».

Остап именуется «великим комбинатором», а Воланд – «великим канцлером».

Первый титул пародирует высшую (95-ю) степень посвящения в масонском ордене Мемфис-Мицраим: Великий Консерватор Устава¹²⁵. В Одессе же *комбинатор* означал ловкача, афериста. Таким образом, Великий Консерватор превратился в великого комбинатора. А должность «Великий канцлер» существовала в Мальтийском ордене рыцарей – с 1799 года ее занимал фаворит императора Павла I, граф Федор Васильевич Ростопчин (1765 – 1826). Сам же Павел I был гроссмейстером Мальтийского ордена, что отчасти напоминает «гроссмейстера О. Бендера».

Однако более вероятной всё же представляется здесь отсылка не к масонской иерархии, а к иерархии демонической. Так, Мариэтта Чудакова сообщает: «В этой же главе упоминается еще один герой, неизвестный по ранним главам: “Ты у канцлера был? – спросил Воланд”. Среди “Материала” к роману есть выписка: “Аддраммелех –

¹²³ Дневник Елены Булгаковой. М.: Книжная палата, 1990. С. 327.

¹²⁴ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М.: Новости, 1992. С. 235.

¹²⁵ <https://memphis-misraim.ru/rite/stepeni-ordena-memphis-misraim/>

великий канцлер ада”. Наименование это, видимо, очень нравилось автору: оно жирно подчеркнуто и сопровождается восклицательным знаком в скобках. Выписка эта – в прямой связи с репликой Воланда. Новый герой был “попробован” и тут же отставлен (в последующих редакциях не встречается), – возможно, как фигура, дублирующая Воланда»¹²⁶. Информацию об этом персонаже Булгаков почерпнул из книги Папюса «Практическая магия»: «А д р а м м е л е х ъ – великий канцлер ада»¹²⁷ (сравним, кстати, с «правителем канцелярии» Варфоломеем Коробейниковым в «Двенадцати стульях» – с учетом того, что имя «Варфоломей» указывает на Варфоломеевскую ночь, упомянутую и в рукописной редакции «Мастера и Маргариты» за май 1938 года: «Я знаком с королевой, – каким-то пустым бескрасочным голосом, как будто простучал, отозвался Абадонна, – правда, при весьма прискорбных обстоятельствах. Я был в Париже в кровавую ночь 1572-го года»¹²⁸; интересная деталь: «Коробейников жил на Гусище, окраине Старгорода»; имеется в виду Гусиновка – рабочая окраина Луганска, где в конце 1926 года побывали с командировкой от газеты «Гудок» Ильф и Петров; как сказано в романе, «на Гусище жили преимущественно железнодорожники <...> Иногда над домами, по насыпи <...> проходил задним ходом паровоз», а «в 1895 году в Луганске было решено построить паровозостроительный завод. Прибывающий в поисках работы люд заселял прилегающие к заводу территории <...> В этой части города длительное время сохранялась хуторская архитектура и крупный Гусиновский рынок-ярмарка»¹²⁹).

Прощаясь, Остап говорит архивариусу Варфоломею Коробейникову: «Вашу руку, *правитель канцелярии*». Выделенное словосочетание представляет собой в том числе масонскую должность: «Масоны – особенно из кружка Новикова – смотрели на Шварца чуть ли не как на святого. Членом Новиковского кружка был Семен Иванович Гамалея, малоросс по происхождению, питомец киевской духовной семинарии, *правитель канцелярии масона* же, графа Захара Григорьевича Чернышева, главнокомандующего в Москве, честного и просвещенного человека и покровителя масонов»¹³⁰. А кроме того, существует масонская должность «великий архивариус» – главный специалист по правовым вопросам великой ложи и заведующий документами.

---

¹²⁶ Чудакова М.О. Архив М.А. Булгакова. Материалы для творческой биографии писателя // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 37. М.: Книга, 1976. С. 77.

¹²⁷ Папюс. Практическая Магия / Пер. с франц. А.В. Трояновскаго. СПб., 1912. С. 208.

¹²⁸ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. М.: Голос, 1999. С. 477.

¹²⁹ Район ремесленников – Гусиновка (13.11.2016) // <https://kraeved18.livejournal.com/6728.html>. Некоторые подробности о паровозостроении сообщает Клим Ворошилов: «С правого берега Лугани, где расположен населенный ремесленным людом район Гусиновка, город перешагнул на левый и поглотил левобережное село Каменный Брод. Три района – центр, Гусиновка и Каменный Брод (названия эти сохранились до сих пор) – и составляли тогда Луганск. Уже в то время город производил сильное впечатление своей индустриальной мощью. Больше всего меня привлекал паровозостроительный завод Гартмана – один из самых крупных на Украине, да, пожалуй, и во всей России. Он выпускал свыше двухсот паровозов в год, много паровозных и вагонных осей и рессор, котлов, цистерн, различные конструкции для железнодорожных мостов» (Ворошилов К.Е. Рассказы о жизни // Октябрь. 1967. № 9. С. 38). Поэтому Остап, выйдя от Коробейникова, увидел железнодорожный мост: «Он быстро шел мимо моста». А после этого столкнулся с паровозом: «Проезжавший через виадук локомотив осветил его своими огнями и завалил дымом. <...> колеса машины сильнее задержали стальные локти кривошипов, и паровоз умчался». Приведем также легенду о появлении названия «Гусиновка» из книги Юрия Темника «Первые журналисты Донецкого края» (Луганск, 2006): «Путешественник, некий В. Донецкий, побывав в поселке при Луганском заводе в середине 19 века, отмечал, что воровство здесь случалось редко. Выходя из дому, жители не запирали двери своих домов. И вот, в начале XIX века на выгоне паслись гуси. Якобы одному отставному инвалиду вздумалось полакомиться однажды гусятинкой. Он украл несколько гусей, ведь за ними никто не присматривал. Виновного быстро нашли. Но никто не смог забыть этого случая, поэтому, когда начали заселять это место, прозвали его Гусиновкой» (<https://kraeved18.livejournal.com/6728.html>). Не здесь ли кроются истоки образа Паниковского – гусеграда и инвалида? Вспомним: «Я старый, больной человек» (глава «Командор танцует танго»).

¹³⁰ Окультизм России / Сост. А. Колпакиди. СПб.: Северо-Запад, 1998. С. 209.

В «Золотом теленке» Остап называет себя командором, что имеет отношение к автомобильной теме: «Командором пробега назначаю себя». Сравним с сообщением советской прессы об автопробеге «Москва – Вологда – Архангельск – Москва», проходившем с 10 августа по 7 сентября 1929 года: «Командор пробега везет обращение оргкомитета ВЦИК Московской области 1-му съезду советов Северного края, в котором оргкомитет предлагает установить регулярный обмен опытом работы между областью и краем»¹³¹. Но вообще *командор* – это еще и масонское звание: «Командор (Великий Командор) – в Средние века глава рыцарского Ордена, в масонстве – высшая должность в Командорстве (Йоркский Устав) и Верховном Совете 33^о»¹³².

Данный термин использовал Михаил Булгаков в письме к Павлу Попову от 19.03.1932, где назвал Пушкина командором масонского ордена (а Пушкин, как известно, с 4 мая 1821 года состоял в кишиневской масонской ложе «Овидий»): «Когда сто лет назад командора нашего русского ордена писателей пристрелили, на теле его нашли тяжелую пистолетную рану»¹³³.

Содержание последней фразы предполагает, что адресат письма находится «в теме». И действительно, Павел Сергеевич Попов состоял в Ордене российских тамплиеров¹³⁴ (имеется в виду «Орден света»), был учеником Аполлона Андреевича Карелина (1863 – 1926) – командора данного ордена.

Некоторые исследователи считают, что Булгаков тоже был масоном и чуть ли не на каждой странице «Мастера и Маргариты» видят масонскую символику: дескать, и мастер, и Воланд, и Пилат были масонами-тамплиерами. Но никаких доказательств, а тем более документов, подтверждающих это, нет, хотя термин «мастер» при желании можно истолковать как одну из степеней масонской иерархии.

С гораздо большей степенью вероятности «масонскую» трактовку допускают романы Ильфа и Петрова. Например, в «Золотом теленке» Остап назван *великим командором* («Запутавшись в шубе, великий командор упал и тут же почувствовал, что у него из штанов вытаскивают драгоценное блюдо»), что является 31-й степенью посвящения в ордене Мемфис-Мицраим. А кроме того, «белое масонство включает в себя степени с 30-й по 33-ю с наименованиями “рыцарь Кадош”, “великий командор”, “прекрасный рыцарь королевского секрета” и “генеральный инспектор”»¹³⁵. Впрочем, мы уже говорили, что основное значение термина «командор» связано с автомобильной тематикой: имеется в виду командор автопробега.

Между тем в некоторые высказывания Остапа проникает масонская тематика. Например, при первой встрече с Балагановым он говорит ему: «У меня с советской властью возникли за последний год серьезнейшие разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм. Что я, каменщик, каменщик в фартуке белом?..», – сравнивая советскую власть с тюрьмой и апеллируя к стихотворению Валерия Брюсова «Каменщик» (1901): «Каменщик, каменщик в фартуке белом, / Что ты там строишь? кому? / – Эй, не мешай нам, мы заняты делом, / Строим мы, строим тюрьму»¹³⁶. А риторический вопрос: «Что я, каменщик, каменщик в фартуке белом?» говорит о том, что Остап отвергает сравнение себя с франкмасоном (в переводе с французского *franc-mason* означает «вольный каменщик»): «Масону нужны:

---

¹³¹ Все на встречу автопробега [Начался Северный автомобильный пробег] // Красный Север. Вологда, 1929. 11 авг. № 183. С. 2.

¹³² <https://memphis-misraim.ru/library/glossary/letter-rus-k/komandor-velikiy-komandor/>

¹³³ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Голос, 2000. С. 299.

¹³⁴ <http://www.rmuseum.ru/data/authors/p/popovps.php>

¹³⁵ Соловьев О. Хирам, Кадош и другие: о клятвах масонов // Уралия. М.: ИПО «Орбита», 1996. № 1. С. 56.

¹³⁶ Поэтому и позднее Ильф сравнивает здание МОПР (Международной организации помощи революции) с тюрьмой. Об этом извещает дневниковая запись Корнея Чуковского от 07.06.1933: «Проходя мимо дома МОПРа, Ильф указал на архитектуру: тюремная» (Чуковский К. Дневник 1901 – 1969. Т. 2: 1930 – 1969. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 91).

белый фартук, указывающий на чистоту сердца и нравов; белые перчатки в знак того, что каменщик не должен осквернять рук своих дурными деяниями...»¹³⁷. Впрочем, соавторы могли ориентироваться не на стихотворение Брюсова, а на его ироническую переделку Дмитрием Цензором (1877 – 1947), который также печатался в журнале «Смехач»: «Каменщик, каменщик в фартуке белом! / Что ты там строишь, кому? / “Строим – строителю... В общем и целом... / “Камеру” строим ему...” – / “Каменщик, каменщик с верной лопатой, / Как это надо понять?!” – / “Жилил, подлец, с матерьялом, зарплатой, / Ну, и пора ‘припаять’” – / “Каменщик, понял! Засыпался, ‘малый’?.. / Стало быть, – лес, кирпичи?!..” – / “Ясно! Воруй, разживайся, пожалуй, / Да уж потом не взыщи...” – “Каменщик, правильно! В долгие ночи / Пусть поразмыслит о том...” – / “Определенно. На то и рабочий / Строит ему исправдом”»¹³⁸.

Между тем, задавая риторический вопрос «Что я, каменщик, каменщик в фартуке белом?..», Остап вроде бы дистанцируется от масонов, однако в «Двенадцати стульях» он так представлял свои похороны: «Тело облачено в незапятнанные белые одежды, на груди золотая арфа с инкрустацией из перламутра и ноты романса...». Эта же инкрустация из перламутра будет упомянута в «Золотом теленке», где Остап размышляет: «Инкрустировать “Антилопу” перламутром?» (35-я глава).

Еще одно упоминание фартука в качестве масонского символа находим в «Золотом теленке»: «“Это был прекрасный агитационный гроб, который по большим праздникам геркулесовцы вытаскивали на улицу и с песнями носили по всему городу... Скумбриевич очень уважал этот гроб и придавал ему большое значение. Иногда, навесив на себя фартук, Егор собственноручно перекрашивал гроб заново...”. Как известно, масоны кладут посвящаемого в бутафорский гроб, а затем вручают церемониальный фартук»¹³⁹. А в 1936 году, описывая свои заграничные впечатления, Ильф и Петров еще раз упомянут белые фартуки: «Это хоронили старого ковбоя, служившего в парке. Старый ковбой был при жизни масоном, и все люди в белых фартуках тоже были масоны» («Одноэтажная Америка»; 26-я глава).

Интерес соавторов к эзотерической тематике подтверждают наброски к «Золотому теленку»: «Спокойный, тихий, лояльный человек. Оказался сатанистом, членом ордена тамплиеров. Поклонялся черному козлу. Считал, что все от дьявола» (первоначальный вариант главы «Блудный сын возвращается домой»¹⁴⁰). Прочитируем также запись начала 1928 года: «Кольцо с масонскими знаками. Череп и кости. Имеется отделение для яда»¹⁴¹.

Более того, в главе «Сердце шофера» пародируется сцена приема в итальянский Орден тамплиеров: «“Адам! – сказал великий комбинатор, останавливаясь перед шофером. – У нас ничего не осталось. Мы нищие, Адам! Примите нас! Мы погибаем”. Козлевич встал. Командор униженный и бедный стоял перед ним с непокрытой головой» ~ «Во время этой рѣчи кандидат долженъ былъ съ непокрытой головой склоняться до земли, выражая этимъ почтеніе идолу. По окончании обряда, идолъ снова укладывался въ футляръ и заботливо запирался»¹⁴².

Расклеенная в Васюках афиша извещала о том, что состоится «сеанс одновременной игры в шахматы на 160 досках гроссмейстера (старший мастер) О. Бендера» («Двенадцать стульев»). Вообще-то слово «гроссмейстер» переводится с немецкого как «большой мастер», а «старший мастер» – это руководитель ложи у масонов.

¹³⁷ Сакулин П.Н. История новой русской литературы. Эпоха классицизма. М., 1919. С. 83.

¹³⁸ Цензор Д. Каменщик // Смехач. М., 1928. № 34. Сент. С. 5.

¹³⁹ Бузиновская О., Бузиновский С. Тайна Воланда: опыт дешифровки. СПб.: Лев и Сова, 2007. С. 385.

¹⁴⁰ Планы и наброски к «Великому комбинатору» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок (авторская редакция) / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2016. С. 410.

¹⁴¹ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 152.

¹⁴² Шустеръ Г. Тайныя общества, союзы и ордена / Переводъ съ нѣмецкаго О.А. Волькенштейнъ. С.-Петербургъ: Издательство О.Н. Поповой, 1905. С. 192.

В главе «Антилопа-Гну» («Золотой теленок») Остап достает из «волшебного мешка» различные предметы, и среди них – «красная нарукавная повязка, на которой золотом вышито слово “Распорядитель”», что также имплицитно подразумевает масонскую тему: «Ложа Распорядителей и самые ранние Ложи Мастеров стали первыми в ряду масонских надстроечных структур, которые вскоре переросли систему и номенклатуру цехового масонства Великой Ложы Англии и проложили дорогу размножению так называемых Высших Степеней»¹⁴³.

В той же главе «Антилопа-Гну» имеется еще одна знаковая сцена:

- Я больше не буду! – взмолился Паниковский. – Я нервный!
- *Станьте на колени*, – сказал Остап. Паниковский так поспешно опустился на колени, словно ему подрубил ноги.
- Хорошо, – сказал Остап, – ваша поза меня удовлетворяет. Вы приняты условно, до первого нарушения дисциплины, с возложением на вас обязанностей прислуги за все.

Здесь в пародийной форме описан обряд посвящения в масоны: «Затем происходит посвящение: новичок *становится у алтаря на колена*, а председатель произносит формулу посвящения, во время которого держит над головою новичка меч и молоток: “Во славу Великого Строителя мира... и в силу данной мне власти я... делаю, принимаю и поставляю Вас масонским учеником первой степени обряда и членом этой ложи”...»¹⁴⁴. А заключительная часть речи Остапа («с возложением на вас обязанностей *прислуги за все*») также отражает положение начинающих масонов. Например, выпускник Военно-юридической академии Владимир Кузьмин-Караваев (р. 1859), «когда ему исполнилось почти 65 лет, поступает в ложу “Астрея”. Я помню, как на первой агапе после своего посвящения Владимир Дмитриевич, как все ученики, *прислуживал ко столу*»¹⁴⁵.

О масонстве Остапа говорит и мельком брошенная им фраза в беседе со студентами: «Меня давно интересовала проблема всеобщего, равного и *тайного обучения*...» (глава «Дружба с юностью»). Паниковский же, став масоном-неофитом, через пару страниц сравнивается с ветхозаветным Богом, являвшимся людям в образе огненного столпа, и одновременно с дьяволом: «Неопытный Паниковский развел такой большой костер, что казалось – горит целая деревня. Огонь, сопя, кидался во все стороны. Покуда путешественники боролись с *огненным столбом*, Паниковский, пригнувшись, убежал в поле и вернулся, держа в руке теплый кривой огурец. <...> У Паниковского оказалось морщинистое лицо <...> Такое лицо бывает у человека, который <...> пописывает в учрежденческой стенгазете под псевдонимом “*Антихрист*”» (данный псевдоним уже встречался в одном из рассказов Ильфа и Петрова: «И он махнул рукою в сторону стенгазеты “Под копирку”. <...> Стихи были подписаны странным псевдонимом – Антихрист»¹⁴⁶).

Теперь вернемся к сопоставлению Бендера и Воланда.

Преследовавшие Бендера и Воробьянинова васюкинские шахматисты упали с барки в воду, и Остап сказал им: «Эх, пажоны, пажоны!». А Воланд то же самое говорит во время шахматной партии Бегемоту: «Ах, мошенник, мошенник...».

После падения васюкинцев «Остап описал вокруг потерпевших крушение круг». Вне всякого сомнения, имеется в виду магический круг защиты, который использовали в своих ритуалах масоны. Это же касается и вроде бы иронической

¹⁴³ *Пятигорский А.* Кто боится вольных каменщиков? Феномен масонства. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 110.

¹⁴⁴ *Булгаков А.И.* Современное франкмасонство в его отношении к церкви и государству // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1903. № 12. С. 444. Обратим внимание, что автор этой статьи – Афанасий Булгаков – был отцом Михаила Булгакова.

¹⁴⁵ *Серков А.И.* История русского масонства 1845 – 1945. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 1997. С. 165.

¹⁴⁶ *Толстоевский Ф.* Гибельное опровержение // Чудак. М., 1929. № 47. Дек. С. 7.

реплики Остапа, обращенной к Воробьянинову: «В таком случае повторите заклинание». Речь идет опять же о магических заклинаниях. Впрочем, и сам великий комбинатор произнесет подобное заклинание – во время диспута с ксендзами в «Золотом теленке»: «Знаю, знаю, – сказал Остап, – я сам старый католик и латинист. Пуэр, соцер, веспер, генер, либер, мизер, аспер, тенер!». Казалось бы, здесь перечисляются обычные «латинские исключения, зазубренные Остапом в третьем классе частной гимназии Илиади и до сих пор бессмысленно сидевшие в его голове», однако они «произвели на Козлевича магнетическое действие. Душа его присоединилась к телу, и в результате этого объединения шофер робко двинулся вперед». *Магнетическое* – читай: *магическое* (в «Двенадцати стульях» прямо сказано: «Холодный рассудительный голос великого комбинатора оказал свое обычное *магическое* действие. Воробьянинов вытянул руки по швам и замолчал»). А поскольку Козлевича зовут Адам, здесь в скрытом виде повторяется ветхозаветная история сотворения первого человека: сначала из земного праха было создано тело, а затем Бог вдохнул в него душу (ср. с описанием Козлевича в результате действий Остапа: «Душа его присоединилась к телу»). Поэтому Остап прямо сравнивает себя с Богом: «Живу как бог или как полубог, что, в конце концов, одно и то же»; часто выступает в роли религиозного проповедника: «Не делайте из еды культа»; «Сколько раз я вам говорил, что красть грешно!»; «Почему вы продаете свою бессмертную душу? Человек не должен судиться»¹⁴⁷; «Набил бы я тебе рыло, – мечтательно сообщил Остап, – только Заратустра не позволяет»¹⁴⁸; «Заметьте себе, Остап Бендер никогда никого не убивал»; и примеряет на себя роль Иисуса Христа. Например, в главе «Гомер, Мильтон и Паниковский» Корейко разоблачает Паниковского, притворившегося слепым и пытавшегося его обокрасть:

Паниковского бьют! – закричал Балаганов, картинно появляясь в дверях.

<...>

Увидев командора, Паниковский жалобно понурился.

– Вот этот? – сухо спросил Остап, толкая Паниковского в спину.

– Этот самый, – радостно подтвердили многочисленные правдолюбцы. – Своими глазами видели.

Остап призвал граждан к спокойствию, вынул из кармана записную книжку и, посмотрев на Паниковского, властно произнес:

– Попрошу свидетелей указать фамилии и адреса. Свидетели, записывайтесь!

<...> при слове «свидетели» все правдолюбцы поскущели, глупо засуетились и стали пятиться. В толпе образовались промоины и воронки. Она разваливалась на глазах.

– Где же свидетели? – повторил Остап.

Началась паника. Работая локтями, свидетели выбирались прочь, и в минуту улица приняла свой обычный вид.

Налицо пародирование известного эпизода из Евангелия от Иоанна (8:3-11):

Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? <...>

Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень. <...>

Они же, услышав *то* и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди.

---

¹⁴⁷ Данная реплика Остапа, обращенная к Балаганову, восходит к записной книжке Ильфа за октябрь 1928-го – апрель 1929 годов: «И снова Г. продал свою бессмертную душу за 8 р[ублей]» (*Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 192*).

¹⁴⁸ Здесь перед нами – вывернутая наизнанку фраза из книги Ницше «Так говорил Заратустра» (1885): «Оставь, – сказал старик и вскочил с земли, – не бей больше, о Заратустра!».

Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя?

Она отвечала: никто, Господи. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши.

В самом деле, заимствования очевидны как на сюжетном, так и на лексическом уровне: «Паниковского бьют!» ~ «побивать таких камнями»; «Этот самый, – радостно подтвердили многочисленные правдолюбцы» ~ «эта женщина взята в прелюбодеянии»; «глупо засуетились и стали пятиться» ~ «стали уходить один за другим»; «Где же свидетели? – повторил Остап» ~ «женщина! где твои обвинители?».

Кроме того, обращение к свидетелям Остап «властно произнес», а Иисус «учил их как власть имеющий» (Мф. 7:29). Что же касается эпизода с женщиной, уличенной в прелюбодеянии, то к нему отсылает еще одна реплика Остапа – на этот раз из «Двенадцати стульев»: «Вот это ваш мальчик? – спросил завхоз подозрительно. – Мальчик, – сказал Остап, – разве плох? Типичный мальчик. Кто скажет, что это девочка, пусть первый бросит в меня камень!» ~ «Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (реплику Остапа повторит и Евгений Петров в одном из фельетонов: «Дирижер Л. Штейнберг был на высоте. Кто скажет, что он не был на высоте, пусть первый бросит в меня камень. Он возвышался над оркестром и был виден всему зрительному залу»¹⁴⁹).

Юрий Щеглов верно отмечает связь реплики Остапа во время автопробега: «Хватит с нас триумфов, пальмовых ветвей и бесплатных обедов на постном масле» («Золотой теленок»; глава «Сладкое бремя славы»), – с Евангелием от Иоанна (12:12-13), где «говорится, что при входе Христа в Иерусалим “множество народа... взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна!”»¹⁵⁰.

А спор Паниковского и Балаганова, которым Бендер поручил ограбление Корейко, явно пародирует спор учеников Иисуса: «Вы жалкая, ничтожная личность, – заявил Паниковский, с отвращением глядя на собеседника. – А вы калека, – заметил Балаганов. – Сейчас я начальник. – Кто начальник? – Я начальник. Мне поручено. – Вам? – Мне. – Тебе? – А кому же еще? Уж не тебе ли?» ~ «Был же и спор между ними, кто из них должен почитаться бóльшим» (Лк. 22:24).

Однако Остап – не только бог, но и дьявол, поскольку при своем появлении в Старгороде он дает беспризорнику яблоко, повторяя действия библейского Змея, уговорившего Еву взять яблоко с древа познания добра и зла. Кроме того, на просьбу беспризорника дать ему десять копеек Остап отвечает: «Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?». Продолжая библейские аналогии, вспомним легенду о том, что апостол Петру были вручены ключи от рая. Остап же отказывается открыть ворота рая («двери квартиры») для беспризорника, поскольку у него не было никаких ключей. А в «Золотом теленке» Остап обратится к Корейко: «Я обещаю вам райский ужин на белой скатерти», – что можно соотнести со словами Иисуса, сказанными разбойнику, который был распят с ним на кресте: «Обещаю тебе, сегодня же будешь со Мной в раю» (Лк. 23:43). Или, например, отправив посылку с миллионом наркому финансов, Остап спохватился и решил забрать ее обратно, сказав сотруднику почты: «Понимаете, забыл вложить банку варенья. Из райских яблочек» (а одно из этих «яблочек» он уже отдал беспризорнику в «Двенадцати стульях»).

И даже самый первый разговор Остапа с дворником Тихоном в «Двенадцати стульях» содержит отсылку к евангелию от Матфея:

– А что, отец, – спросил молодой человек, затянувшись, – невесты у вас в городе есть?

¹⁴⁹ *Иностранец Федоров*. Нюрнбергские мастера пения (в Большом театре) // Чудак. М., 1929. № 7. Февр. С. 13.

¹⁵⁰ *Щеглов Ю.* Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. Т. 2. Золотой теленок. Wien, 1991. С. 465.

Старик дворник ничуть не удивился.
– Кому и кобыла невеста, – ответил он, охотно ввязываясь в разговор.
<...>
– В таком доме, да без невест?
– наших невест, – возразил дворник, – давно на том свете с фонарями ищут. У нас тут государственная богадельня, старухи живут на полном пенсионе.

Приведем комментарий современного исследователя: «Эпизод, вероятно, отсылает к невестам Христовым из Евангелия от Матфея: “Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху” [Мф. 25:1-13]. Выход дев навстречу жениху полунощному в притче ассоциируется с земной смертью и встречей с Христом. В *Двенадцати стульях* в роли жениха полунощного как бы выступает Остап, расспрашивающий о возможных невестах. Не случайно, что невесты эти – старухи, которые вскоре должны умереть. И вместо полунощного жениха Христа интересуется ими “жених” совсем другой»¹⁵¹.

Таким образом, природа Остапа, подобно природе Воланда, двойственна: в ней есть и божественное, и дьявольское.

На афише своего выступления в «Золотом теленке» Остап пишет: «Адская палатка» (глава «Антилопа-Гну»), поскольку в данном случае исполняет роль дьявола. Поэтому Корейко испытывает перед ним страх, подобно финансовому директору театра Варьете Римскому, к которому с минуты на минуту должны войти превратившийся в вампира Варенуха и вампирша Гелла: «Корейко прошибло погребной сыростью. В страхе он выглянул из-под кровати» ~ «И здесь ему показалось, что из-под двери кабинета потянуло вдруг гниловатой сыростью. Дрожь прошла по спине финдиректора. <...> в комнату ворвался запах погребя» (с другой стороны, лексика Римского совпадает с лексикой Остапа: «Ну, если это так, – бледнея от злобы, заговорил финдиректор, – то *уж это действительно свинство*, которому нет названия!» = «Ну, это уже свинство. Деньги истрачены на вас же. Не занимайтесь формалистикой»).

Также одинаково описывается исчезновение Римского и Корейко: «Через пять минут из-под стеклянного купола вокзала исчез курьерский и начисто пропал в темноте. *С ним вместе пропал и Римский*» ~ «В этом периоде одним из наиболее удачных его дел было похищение маршрутного поезда с продовольствием, шедшего на Волгу. Корейко был комендантом поезда. Поезд вышел из Полтавы в Самару, но до Самары не дошел, а в Полтаву не вернулся. Он бесследно исчез по дороге. *Вместе с ним пропал Александр Иванович*»¹⁵² (глава «Обыкновенный чемоданишко»).

Во время визита Воланда в Москву вся атмосфера пронизана дьявольщиной: «...сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо». Нетрудно догадаться, что перед нами – описание адского пекла, которое естественным образом отражается и на внешности Воланда: «Кожу на лице Воланда как будто бы навеки сжег загар». Но и Бендер в «Золотом теленке» предстает в таком же виде: «Остап похудел, в глазах появилась рассеянность, лицо было покрыто колониальным загаром» (глава «Врата великих возможностей»). Подобное же сходство наблюдается во внешности слесаря Полесова и кота Бегемота:

¹⁵¹ Шанурина М. «Храм Спаса на картошке»: Десакрализация библейского текста и травестия религиозных мотивов в романе И. Ильфа и Е. Петрова *Двенадцать стульев* // *Slavia Orientalis*. Krakow, 2021. Vol. LXX. № 1. С. 91.

¹⁵² Здесь описан реальный факт, имевший место в конце ноября 1921 года: «Из Пугачева телеграфировали в конце декабря, что переадресованные ему из Самары 6 вагонов до сих пор не получены. Отдел распределения Губпродкома сообщил, что упомянутые 6 вагонов были отправлены из Самары 25 ноября по накладным за №№ 93520, 21, 22, 23, 24 и 26.

Это было больше месяца тому назад.

Не скажет ли Упр. Сам.-Зл. ж. д., где путешествуют эти вагоны» (На голодном фронте. Дневник Самгубкомпомголода: Ну и порядки // Коммуна. Самара, 1922. 22 янв. № 932. С. 2).

«Она поднялась и поцеловала слесаря-аристократа *в закопченный лоб*» ~ «Да я полагаю, что у него и удостоверения-то никакого не было! Как ты думаешь? – обратился Коровьев к Бегемоту. – Пари держу, что не было, – ответил тот, ставя примус на стол рядом с книгой и вытирая пот рукою *на закопченном лбу*»¹⁵³.

Бегемот говорит милиционерам: «Не шалю, никого не трогаю, починяю примус»; а на слесарной мастерской Полесова висела вывеска: «Починка примусов».

Если «*рожа* Бегемота была *в саже*, а кепка обгорела», то «у Полесова было лицо оперного дьявола, которого тщательно *мазали сажей* перед тем, как выпустить на сцену»; при этом Бегемот находится в свите дьявола, а Полесов – сам дьявол, к тому же *оперный*, что соответствует *театру* Варьете, в котором выступает Воланд, и, конечно же, опере Шарля Гуно «Фауст», где Мефистофель в буквальном смысле является *оперным дьяволом*.

Если Бегемот разговаривал с Воландом во время шахматной партии, *прижимая лапы к груди*, то Полесов обещал Елене Станиславовне Боур найти Воробьянинова, «приподымаясь и *прижимая руки к груди*».

Дьявольскую сущность Полесова подчеркивает помещение его в библейский контекст: «Проезжал пожарный обоз, и Полесов, взволнованный звуками трубы и испепеляемый огнем беспокойства, бежал за колесницами». *Звуки трубы* отсылают к «Откровению» Иоанна Богослова: «После сего я взглянул, и вот, дверь отверста на небе, и прежний голос, который я слышал как бы *звук трубы*, говоривший со мною, сказал: взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего» (Отк. 4:1), «И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных *трубных голосов* трех Ангелов, которые будут трубить!» (Отк. 8:13). Таким образом, дьявол Полесов был «взволнован звуками трубы» божественных ангелов, так как те сулили ему кару! Кроме того, он был «*испепеляем огнем беспокойства*», что также отсылает к Библии: «Двух начальников, вместе с их отрядами, *испепелил огонь*, сошедший с неба» (4-я Царств 1:14). То же самое касается и *колесниц*, за которыми бежал Полесов, – речь идет о божественной колеснице, наделяемой эпитетом «огненная» (ср. с «пожарным обозом» в «Двенадцати стульях»): «Когда они шли и дорогою разговаривали, вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо» (4-я Царств 2:11). Как пародия на божественную колесницу «пожарный обоз» встретится и позднее: «Хочущего священника на пожарной колеснице увезли в психиатрическую лечебницу» (читай: вознесли на небо). По контрасту с *божественной колесницей*, в «Золотом теленке» машина «Антилопа-Гну», символизирующая *райский сад*, «покатила дальше, колыхаясь, как *погребальная колесница*». А «погребальная» тема является лейтмотивом «Золотого теленка»: «Шел трамвай девятый номер, / *На площадке кой-то помер*, / *Тянут, тянут мертвеца*, / Ламца-дрица. Ца-ца», «Грянем, бра-а-тцы, удалу-у-ую / *На помин ее души!*», «“Что день, то короче к могиле наш путь”, – томно выводили пассажиры», «Корейко следил за его действиями с совсем уже *похоронным* лицом», «Позавчера мне, например, снились *похороны* микадо...», «Остап открыл дверь и увидел *черный гроб*. <...> “Видите, Шура, что здесь написано? – сказал он. – ‘Смерть бюрократизму!’”. <...> Это был прекрасный агитационный *гроб*, который по большим праздникам геркулесовцы вытаскивали на улицу и с песнями носили по всему городу. <...> Скумбриевич очень уважал этот *гроб* и придавал ему большое значение». Впрочем, уже в «Двенадцати стульях» через всё повествование красной нитью проходила тема гробовых дел мастера Безенчука, а про Воробьянинова в первой главе сказано: «Стол, за которым работал Ипполит Матвеевич, походил на старую надгробную плиту». Напрашивается вывод: место действия в обоих романах – СССР – это царство мертвых или одно большое кладбище.

¹⁵³ Данная переключка отмечена: Каганская М., Бар-Селла З. Мастер Гамбс и Маргарита. Тель-Авив: Книготоварищество Москва – Иерусалим, 1984. С. 34.

Прототипы Воланда

Представляя свои похороны в «Двенадцати стульях»: «Тело облачено в незапятнанные белые одежды, на груди золотая *арфа* с инкрустацией из перламутра и *ноты романса...*», – Остап, возможно, имеет в виду следующий исторический факт: «Этот намек поймет лишь тот, кто знает о знаменитом автографе Сен-Жермена – нотном листке с мелодией для арфы. Его приобрел на аукционе в Петербурге русский коллекционер Пыляев. Граф писал музыку, был известен как превосходный музыкант и даже дирижировал оркестром, – об этом свидетельствуют многие мемуаристы»¹⁵⁴.

Граф Сен-Жермен (1710 – 1784) был известным алхимиком и масоном, который «лично знал» Иисуса Христа и Понтия Пилата: «Парижские газеты XVIII в. писали, будто Сен-Жермен утверждал, что “был прекрасно знаком с Иисусом Христом и был рядом с ним на свадьбе в Кане, где он обратил воду в вино”»¹⁵⁵; «Мы были друзьями, – снисходительно отзывался он, например, о Христе. – Это был лучший человек, какого я знал на земле, но большой идеалист. Я всегда предсказывал ему, что он плохо кончит»¹⁵⁶; «...он хорошо знал Понтия Пилата в Иерусалиме, он детально описал дом этого римского правителя и рассказал о блюдах, которые были поданы на его столе однажды вечером, когда тот ужинал в своем доме»¹⁵⁷.

В этом же Бездомному и Берлиозу признаётся Воланд: «Дело в том... – тут профессор пугливо оглянулся и заговорил шепотом, – что я лично присутствовал при всем этом. И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте, но только тайно, инкогнито, так сказать...».

Воланд сообщает Бездомному: «О, я вообще полиглот и знаю очень большое количество языков»; а «Сен-Жермен говорил на множестве языков, причем настолько свободно, что его принимали за уроженца той страны, на языке которой он разговаривал. В число этих языков входили французский, английский, немецкий, итальянский, испанский, португальский, русский, санскрит, греческий, китайский, арабский и другие»¹⁵⁸.

Оба являются из ниоткуда, имеют одинаковый возраст и носят драгоценности: «Говорит мадам д'Адемар: “...Он появился при дворе французского короля задолго до меня. Это было в 1743 году. Распространились слухи, что в Версаль прибыл несметно богатый, судя по *великолепию его драгоценностей*, незнакомец. Откуда он прибыл? Никто не смог об этом узнать. <...> На вид он казался лет сорока – сорока пяти”»¹⁵⁹ ~ «Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. <...> По виду – лет сорока с лишним. <...> Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар <...> Он был громадных размеров, *червонного золота*, и на крышке его сверкнул синим и белым огнем *бриллиантовый* треугольник».

Граф Сен-Жермен обладал способностью превращать металлы в золото, а свита Воланда во время сеанса в театре Варьете создает из воздуха червонцы, которые впоследствии превращаются в резаную бумагу и обратно в червонцы.

Некоторые черты Воланда были взяты Булгаковым и у графа Калиостро (1743 – 1795): «Грудь Калиостро украшала лента изумрудного цвета с изображением жуков-

¹⁵⁴ Бузиновские О. и С. Тайна Воланда: опыт дешифровки. СПб.: Лев и Сова, 2007. С. 462 – 463.

¹⁵⁵ Шаргородский С. Заметки о Булгакове: Необъявленный визит // Nota Bene. Иерусалим, 2004. № 3 (май). С. 137.

¹⁵⁶ Цит. по: Парнов Е. Глаз в треугольнике // Парнов Е. Трон Люцифера. Критические очерки магии и оккультизма. М.: Политиздат, 1991. С. 203.

¹⁵⁷ Saint-Germain (le Comte de) // Dictionnaire Infernal / Par J. Collin de Plancy. Paris, 1853. P. 434.

¹⁵⁸ Самый загадочный человек XVIII века // Сириус [газ.]. Омск: ООО «Издательский дом «Сириус», 2013. № 1(4). Февр. С. 4.

¹⁵⁹ The Comte de St. Germain: The Secrets of Kings / By Isabel Cooper-Oakley. Milan, 1912. P. 29 – 30.

скарабеев»¹⁶⁰ ~ «...разглядела Маргарита на раскрытой безволосой груди Воланда искусно из темного камня вырезанного жука на золотой цепочке и с какими-то письменами на спинке». Речь идет об амулете с изображением древнеегипетского священного жука-скарабея, который является еще и символом Повелителя мух – Вельзевула; другими словами – Воланда.

Азazelло во время финальной встречи с мастером и Маргаритой упоминает фалернское вино, которое пил Понтий Пилат: «Ведь мессир прислал вам подарок, – тут он отнесся именно к мастеру, – бутылку вина. Прошу заметить, это то самое вино, которое пил прокуратор Иудеи. Фалернское вино». А о Калиостро «поговаривали, будто итальянская красавица [Лоренца Феличиани – его жена] была когда-то вавилонской царицей Семирамидой, а сам Калиостро якобы хорошо знал Христа и частенько беседовал за чашей фалернского с Юлием Цезарем, Суллой и Понтием Пилатом»¹⁶¹. Эти сведения Булгаков мог почерпнуть из романа М. Загоскина «Искушение» (1838):

Сама экспозиция предвосхищает булгаковскую в «Мастере и Маргарите», где полемика о религии ведется на фоне раскаленной Москвы. Загоскинский герой – наивный юноша Александр и его друзья в жаркий день прогуливаются по Подмосквью, беседуя и любясь величественными видами родной Москвы. Разговор, принимая несколько поэтический характер, переходит в спор о колдовстве и прочих потусторонних явлениях. Один из персонажей, насмешливый материалист, решительно отрицает метафизику и всяческую чертовщину; среди прочего, он саркастически упоминает о притязаниях Калиостро, уверявшего, будто он «был коротко знаком с Юлием Цезарем, что, несмотря на свою приязнь к Антонию, волочил за Клеопатрою и имел честь знать лично Александра Македонского» (часть II, гл. 1). Стремясь разубедить скептика, его теософски настроенный ученый оппонент, магистр (ср. Мастер) Дерптского университета, рассказывает, как он встретился в Риме с некой таинственной личностью – чуть позже он узнал, что это сам Калиостро.

Знаменитый маг при встрече поведал магистру, как на его глазах римский император «торжествовал открытие Колизея» (где приняло мученическую кончину множество христиан) <...> Антураж древних эпизодов булгаковского романа, в частности упоминание о Тиберии, вообще переключается с римскими реминисценциями Загоскина.

Повествование живого свидетеля античного праздника оказывает на магистра такое же ошеломляющее воздействие, как на собеседников Воланда – его сообщение о завтраке у Канта или о личном присутствии на допросе Иешуа во дворце Пилата.

Загоскинский персонаж тоже сначала принимает Калиостро за сумасшедшего или за мистификатора и проходимца: «Вы можете судить, какое впечатление произвели на меня странные слова этого чудака, который рассказывал о празднике, данном за восемьдесят лет до Рождества Христова, как о бале, на котором он танцевал неделю тому назад. – Если это не сумасшедший, подумал я, так уж верно какой-нибудь балагур, который хочет надо мною позабавиться».

Сомнения рассеиваются, однако, во время следующей встречи с незнакомцем, и по той же «дорожно-транспортной» причине, что в «Мастере и Маргарите». Взглянув на коляску самодовольного щеголя, Калиостро предрекает ему неминуемую гибель, ибо «лошадьми правит не кучер, а его приятельница, которая сидит рядом с ним на козлах» – то есть сама Смерть. И действительно, коляска сразу же опрокидывается, и седок погибает – ср. у Булгакова предсказанную Воландом гибель Берлиоза под колесами трамвая, управляемого женщиной.

Интерьер Калиостро аскетичен, как в ранних сценах у Воланда, и дополнен «черной огромной кошкой» Биондеттой (имя дьявола во «Влюбленном дьяволе» Жака Казотта), выказывающей паразитильную сметливость¹⁶².

¹⁶⁰ Раков Ю. Мистический Петербург: по страницам истории и литературы. СПб.: ТЕССА, 2001. С. 85.

¹⁶¹ Парнов Е. Глаз в треугольнике // Парнов Е. Трон Люцифера. Критические очерки магии и оккультизма. М.: Политиздат, 1991. С. 206.

¹⁶² Вайскопф М. Булгаков и Загоскин: О мистико-охранительной традиции в «Мастере и Маргарите» // Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н.И. Харджиева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 817 – 818.

Однако Калиостро как прототип Воланда мог придти к Булгакову не только из романа Загоскина: «Из конкретных источников, с которыми имеются текстуальные параллели, назовем стихотворение Каролины Павловой “Разговор в Трианоне” (1848). По свидетельству Л.Е. Белозерской-Булгаковой, имя поэтессы было, что называется, “на слуху” в том кругу московской творческой интеллигенции, в котором вращался Булгаков во второй половине 20-х и в начале 30-х годов»¹⁶³. Действительно, и в стихотворении Павловой (1848), и в романе Булгакова действие начинается под липами, где беседуют двое: «Шли, избегая шумных встреч, / В тот час, под липами густыми, / Два гостя тихо, и меж ними / Иная продолжалась речь» ~ «В час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах появились двое граждан. <...> Дышать стало гораздо легче, и голоса под липами звучали мягче, по-вечернему».

В первом случае разговаривают граф Калиостро и граф Мирабо накануне Великой Французской революции 1789 года, а во втором – Берлиоз и Бездомный, к которым присоединяется Воланд. И он, и Калиостро говорят о себе как о свидетелях распятия Христа: «Я был в далекой Галилее; / Я видел, как сошлись евреи / Судить мессию своего» ~ «Дело в том <...> что я лично присутствовал при всем этом. И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте, но только тайно, инкогнито, так сказать...». Однако Калиостро просто пересказывает евангельский сюжет («Я слышал вопли исступленья: / “Распни его! Распни его!”»), а Воланд с ним полемизирует: «Скажите, пожалуйста, – неожиданно спросил Берлиоз, – значит, по-вашему, криков ‘распни его!’ не было?». Инженер снисходительно усмехнулся: “Такой вопрос в устах машинистки из ВСНХ был бы уместен, конечно, но в ваших!.. Помилуйте! Желал бы я видеть, как какая-нибудь толпа могла вмешаться в суд, чинимый прокуратором, да еще таким, как Пилат!»¹⁶⁴.

Однако совпадает их отношение к черни: «Узнал я вопли черни жадной» ~ «Толпа, Владимир Миронович, во все времена толпа – чернь, Владимир Миронович!»

В 1779 году Калиостро совершает визит в Петербург, а 150 лет спустя – в 1929 году – в Москву прибывает Воланд. Правда, Калиостро остается в Петербурге почти на год, а Воланд посещает Москву всего на несколько дней.

Калиостро регулярно устраивал так называемые магические сеансы, а Воланд и его свита проводят в театре Варьете сеанс черной магии (причем если графу помогает его жена Лоренца, то Воланду оказывает содействие ведьма Гелла).

Калиостро выдает себя за гипнотизера, а Воланд и его сподручные названы «шайкой гипнотизеров и чревоушителей».

Калиостро называет себя также астрологом, а Воланд при помощи астрологии предсказывает Берлиозу смерть под трамваем: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть – несчастье... вечер – семь... <...> Вам отрежут голову!».

Калиостро был обвинен римской инквизицией в чернокнижии и попытке создать масонскую ложу в Риме, а во время судебного процесса на вопрос «Кто вы?» ответил: «Знатный путешественник»¹⁶⁵. Воланд же говорит, что прибыл с целью раздобыть рукописи «чернокнижника Герберта Аврилакского»¹⁶⁶, и также называет себя путешественником («Позвольте вас поблагодарить <...> за очень важное сведение, которое мне, как путешественнику, чрезвычайно интересно»). Все эти совпадения, конечно, не случайны, поскольку «из имен известных алхимиков Булгаков упоминает

¹⁶³ Соколов Б. Комментарий // Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». М.: Высшая школа, 1989. С. 501.

¹⁶⁴ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 493.

¹⁶⁵ Кузминъ М. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро. Петроградъ, 1919.

¹⁶⁶ Слухи о том, что будущий папа Сильвестр II был чернокнижником, взяты Булгаковым из словаря Брокгауза, где сказано, что Герберт «въ 967 г. отправился въ Испанію, гдѣ ознакомился съ арабскою образованностью, и даже, какъ передаетъ среднеѣвковая легенда, учился въ кордовскомъ и севильскомъ унив<ерситетах> арабскому чернокнижному искусству» (Гербертъ Аврилакскій // Энциклопедическій словарь. Томъ VIII. С.-ПЕТЕРБУРГЪ: Типо-Литографія И.А. Ефрона, 1892. С. 453).

Калиостро¹⁶⁷, приводя даты его жизни и смерти, место рождения и полное имя, причем слово Калиостро подчеркнуто тремя чертами»¹⁶⁸.

Сценические фокусы иллюзиониста Касфикиса могли стать основой для сцены с падающими сверху червонцами и «чертями» Коровьевым, Бегемотом и Геллой:

Грек Костано Касфикис (1892 – 1934) попал в Россию во время первой мировой войны как военнопленный и в годы нэпа выступал перед советскими зрителями в цирке. Он сооружал на манеже специальную небольшую сцену и отгораживался от части зрителей палаткой. Касфикис показывал «летающую женщину» и другие обычные для тех лет иллюзионы в нелепом мистическом оформлении; ему помогали ассистенты, одетые чертями.

На нэпманов был рассчитан примитивный трюк «фабрика денег». В небольшой аппарат с двумя параллельными вращающимися валиками вкладывались чистые листы бумаги такого же размера, как денежные купюры. Касфикис поворачивал ручку – и из-под валиков вылетали настоящие деньги, влажные, как будто и в самом деле только что отпечатанные. Само собой понятно, что несколько настоящих денежных купюр заранее специально вкладывались в аппарат.

Очевидцы рассказывают, что однажды два нэпмана, уже несколько раз приходившие смотреть этот фокус, всерьез захотели купить у Касфикиса «фабрику денег». Тот, не моргнув глазом, тут же «отпечатал» червонец и подарил им. Нэпманы предъявили эту купюру эксперту госбанка и, убедившись, что деньги настоящие, уплатили обманщику огромную сумму за аппарат, который, естественно, очень скоро перестал «печатать» червонцы.

<...>

В том же 1928 году в Советском Союзе гастролировал Данте (Гарри Янсен, 1883–1955), американец, родившийся в Дании. Он был прежде драматическим актером и лишь с 1924 года стал выступать с фокусами. Данте продолжал традицию иллюзионистов, выступавших в образе Мефистофеля. Остроконечная бородка и характерный грим помогали ему создать образ Мефистофеля-философа, который со снисходительной улыбкой смотрел на зрителей, удивлявшихся его «чудесам»¹⁶⁹.

Данную информацию подтверждает современник Данте – иллюзионист Эмиль Кио (1894 – 1965): «Одет был Данте во фрак, но лицо, украшенное остроконечной бородкой, он явно гримировал “под Мефистофеля”»¹⁷⁰. Во фрак будет одет и Воланд в главе «Черная магия и ее разоблачение»: «Прибывшая знаменитость поразила всех своим невиданным по длине фраком дивного покроя и тем, что явилась в черной полумаске». Такая деталь внешности Данте, как «остроконечная бородка», перейдет в черновую тетрадь романа за 1928 – 1929 годы, где буфетчик Соков, придя в квартиру № 50, увидел, что на лице Воланда «борода торчит клином» (глава «Якобы деньги»¹⁷¹). А то, что фокусник Данте был загримирован «под Мефистофеля», тоже соответствует замыслу Булгакова, который в ранних редакциях романа наделяет Воланда некоторыми чертами гетевского Мефистофеля (об этом мы поговорим ниже).

Известно, что Данте «строил свои выступления на появлениях и исчезновениях людей. Эффектен был финал номера Данте: он дотрагивался “волшебной” палочкой до своих ассистентов, и у них из голов, ушей и носов начинали бить фонтаны.

Новым был в то время у Данте масштаб номера: большое число ассистентов, обилие и роскошь реквизита, появление и исчезновение людей, а не предметов, как это бывало у старых фокусников»¹⁷².

---

¹⁶⁷ РО ГБЛ. Ф. 562, К. 8, ед. хр. 1, л. 34.

¹⁶⁸ Белобровцева И., Кульюс С. Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как эзотерический текст // Блоковский сборник. Вып. XII. Тарту, 1993. С. 170.

¹⁶⁹ Вадимов А.А., Тривас М.А. От магов древности до иллюзионистов наших дней. М.: Искусство, 1966. С. 239, 240, 242.

¹⁷⁰ Кио Э. Фокусы и фокусники. М.: Искусство, 1958.

¹⁷¹ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 463.

¹⁷² Дмитриев Ю. Советский цирк: Очерки истории 1917 – 1941. М.: Искусство, 1963. С. 130 – 131.

Подобно этому, сеанс черной магии в театре Варьете тоже сопровождался появлением и исчезновением предметов (кресло Воланда, дамский магазин), а также самих выступавших («И видно было, что сцена внезапно опустела и что надувало Фагот, равно как и наглый котяра Бегемот, растаяли в воздухе, исчезли, как раньше исчез маг в кресле с полинявшей обивкой»).

В своих воспоминаниях Эмиль Кио упоминает «шутливый разговор, который Касфикис вел, демонстрируя свои трюки.

Грек по национальности (он был сыном рыбака), Касфикис говорил на забавном, ломаном языке. Нельзя было не улыбнуться, слушая, как смешно он коверкал слова. Нередко, к сожалению, Касфикис шел по пути откровенного шарлатанства. Например, он объявлял сеансы “массового гипноза публики”, хотя о гипнозе имел самое смутное представление. <...> В Баку в цирке Касфикис объявил, что в свой бенефис он расскажет, как организовать сеансы гипноза. И он действительно это сделал.

– Граждане, – сказал Касфикис, выйдя на арену, – если вы хотите делать то же, что и я, пойдите на биржу труда, наймите там безработных, прорепетируйте с ними день или два, и можете выступать.

За такую откровенность публика едва не отколотила и “гипнотизера” и “гипнотизируемых”¹⁷³.

Если «Касфикис говорил на забавном, ломаном языке», то и Воланд на таком же языке разговаривал с Берлиозом и Бездомным, а сеансы «массового гипноза публики» вновь отсылают к сеансу черной магии в театре Варьете, где конферансье Бенгальский объявляет: «Вот, граждане, мы с вами видели случай так называемого массового гипноза». Что же касается «шутливого разговора», который вел Касфикис, то эта деталь перейдет к шутовскому гаеру Коровьеву.

Нельзя не остановиться еще на одном гипнотизере, сеансы которого нашли отражение в главе «Черная магия и ее разоблачение». Речь идет о Николае Смирнове (1883 – 1958), выступавшем под сценическим псевдонимом «Орнальдо». Об этом сообщил критик Владимир Лакшин, но при этом неправильно назвал его настоящую фамилию: «Кто из читателей романа забудет сцену массового гипноза, которому подверглись москвичи в Варьете вследствие манипуляций “консультанта с копытом”? В памяти современников Булгакова, которых мне приходилось расспрашивать, она ассоциируется с фигурой гипнотизера Орнальдо (Н.А. Алексеева), о котором в 30-е годы много говорили в Москве. Выступая в фойе кинотеатров и домах культуры, Орнальдо проделывал с публикой опыты, чем-то напоминающие представление Воланда: он не просто угадывал, но подшучивал и изобличал. В середине 30-х годов он был арестован. Дальнейшая его судьба темна и легендарна. Говорили, что он загипнотизировал следователя, вышел из его кабинета, как ни в чем не бывало прошел мимо охраны и вернулся домой. Но затем снова таинственно исчез из виду...»¹⁷⁴.

Про Орнальдо было известно, что он сотрудничал с Чека, поэтому встречи с ним не рекомендовались: «В Ленинграде он на эстраде Таврического сада сразу погружал в сон 30 – 50 зрителей. Мне очень хотелось познакомиться с Орнальдо, но Дубровский [сотрудник Института мозга в Ленинграде. – Я.К.] отклонял мою просьбу об этом, а однажды резко сказал, что искать встречи с Орнальдо не следует, а если он сам пожелает ее, то это сулит большие неприятности»¹⁷⁵. Прямо как с нечистой силой, столкновение с которой в романе Булгакова не сулит ничего хорошего...

---

¹⁷³ Кио Э. Фокусы и фокусники. М.: Искусство, 1958. Имеется в виду следующий эпизод: «В феврале в Баку гастролировал иллюзионист Касфикис, который демонстрировал “сеансы гипноза”. После одного из “сеансов” последовало разоблачение – Касфикис объяснил, что он просто дурачил публику, вербуя “гипнотизируемых” из безработных. Публика устроила Касфикису скандал» (Цирк и эстрада. М., 1928. № 5. С. 15). А «разоблачение» коррелирует с названием главы «Черная магия и ее разоблачение».

¹⁷⁴ Лакшин В. Открытая дверь: Воспоминания и портреты. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 430.

¹⁷⁵ Шахнович М.И. Петербургские мистики. СПб.: Невский глашатай, 1996. С. 10.

Впрочем, некоторые писатели встречались с Орнальдо без вреда для себя. Как свидетельствует журналист Валентин Вирен, родственник факира Дмитрия Лонго:

Однажды М. Зощенко вместе с писателем В. Поляковым зашли в ленинградский Таврический сад, где давали представление артисты цирка. На афише значилось, что выступает в шапито «знаменитый гипнотизер Орнальдо». Купили билеты. Начался сеанс с «лечением» <...>

После представления писатели дождались Орнальдо и вместе с ним вышли из сада. Оказалось, что он русский и настоящая фамилия его – Смирнов.

– Что бы вы хотели, чтобы я сделал? – спросил гипнотизер.

– Пусть вот этот прохожий, идущий впереди нас, остановится, – попросил Зощенко.

– Он остановится по счету «десять», – сказал Орнальдо и начал тихо считать: «Раз, два, три...». И как только он произнес «десять», гражданин, идущий впереди, остановился. Все трое подошли к нему.

– Что с вами? – спросил его гипнотизер.

– Да вот что-то непонятное, – сказал незнакомец. – Не могу сдвинуться с места.

– Пустяки. Идите. Все будет в порядке.

И гражданин сначала робко, потом уверенно зашагал дальше¹⁷⁶.

Некоторые детали могли перейти к Воланду и из романа Михаила Загоскина «Искуситель»: «Сатана появляется в облике богатого иностранца барона Брокена – ср. немецкую, фольклорно-фаустовскую ауру булгаковского Воланда (с которым “искусителя” роднит, между прочим, и необъятная лингвистическая эрудиция. Брокен, по его признанию, “выучился говорить почти на всех известных языках” – ср. заявление Воланда: “О, я вообще полиглот и знаю очень большое количество языков”).

Если Воланд вмешивается в беседу московских атеистов, доказывая им существование Иисуса, то Брокен, напротив, занимается в Москве сатанинским растлением умов, разглагольствуя на безбожные, вольнодумные темы, подсказанные французским Просвещением и революцией»¹⁷⁷.

Множество деталей были перенесены в роман из трагедии И.В. Гете «Фауст» (1831), начиная с эпиграфа, появившегося в тетради 1938 года: «“...так кто ж ты, наконец?” – “Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо”». Здесь воспроизведен диалог между Фаустом и Мефистофелем. Применительно же к роману Булгакова этот вопрос переадресуется Воланду. Соответственно, именно он является центральным персонажем, несмотря на название «Мастер и Маргарита».

Известно, что Булгаков пользовался, в частности, прозаическим переводом «Фауста», выполненным Александром Соколовским. Именно в этом переводе – и только в нем – встречается имя Voland. Так называет себя сам Мефистофель в сцене «Вальпургиева ночь»: «Место! Идет господин Воланд!». Оригинал: «Platz! Junker Voland kommt»¹⁷⁸. К этой строке Соколовский дает следующий комментарий: «Въ подлинникѣ: “Junker Voland”, т.е. юнкеръ Воландѣ. Юнкеръ значить знатная особа (дворянинъ), а Воландѣ – было одно изъ именъ чорта»¹⁷⁹. Такое написание фамилии

¹⁷⁶ Литературная Россия. М., 1986. 12 дек. С. 24. Цит. по: *Мягков Б.* Булгаковская Москва. М.: Моск. рабочий, 1993. С. 145.

¹⁷⁷ *Вайскопф М.* Булгаков и Загоскин: О мистико-охранительной традиции в «Мастере и Маргарите» // Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н.И. Харджиева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 819.

¹⁷⁸ Ср. в переводе Н. Холодковского: «Дорогу! – Черт идет! Дорогу, чернь, живее!».

¹⁷⁹ *Соколовский А.Л.* Объяснительныя примечанія // Гете. Фаустъ. Трагедія. Въ переводѣ и объясненіи А.Л. Соколовскаго. Съ рисунками. СПб.: Типографія Бр. Пантелеевыхъ, 1902. С. 320. Этот источник первым ввел в научный оборот В. Лакшин в своей статье: Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Новый мир. 1968. № 6. С. 291, 293. О переводе Соколовского известно следующее: «...книга находилась в личной библиотеке писателя, и в ней много булгаковских помет» (*Лосев В.* Комментарии // Булгаков М. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 5. СПб.: «Азбука-классика», 2002. С. 564).

фигурирует в редакции романа за 1929 год, где на визитке Воланда написано: «Dr Theodor Voland». Но в этом случае фамилия по правилам немецкой орфографии читалась бы как «Фоланд», поэтому в окончательной редакции Булгаков меняет начальную букву на W, которую и заметил Бездомный. И здесь же встречается отглаголок фамилии «Фоланд» – кассирша театра Варьете пытается вспомнить, как зовут иностранца: «Во... Кажись, Воланд. А может быть, и не Воланд? Может быть, и не Воланд. Может быть, Фаланд». Но смысловая связь с Воландом всё же осталась, поскольку в примечаниях к своему переводу Соколовский указывает: «Основное слово “Faland” (что значило обманщик, лукавый) употреблялось уже старинными писателями в смысле чорта»¹⁸⁰. Эту информацию переводчик наверняка почерпнул из следующего исследования трагедии «Фауст»: «Толкотня и суматоха бурной массы вѣдьмъ, которыя мчатся вверхъ на козлахъ, метлахъ, вилахъ, палкахъ, отгѣснила Фауста отъ Мефистофеля. Послѣдній, замѣтивъ это, говорить: “Пустить надо въ ходъ право хозяина дома” и кричить толпѣ: “Мѣсто знатному господину Фоланду! Мѣсто, мѣсто, милый народъ! Здѣсь, докторъ, схватись за меня!”. Именами Фаландъ, Воландъ, Фоландъ въ XII и XIII вѣкахъ называли дьявола»¹⁸¹.

Из многочисленных переключек «Мастера» с «Фаустом» назовем лишь те, которые имеют прямое отношение к Воланду. Например, Мефистофель говорит ведьме: «Не уважаешь красный мой камзол? / *Петушьего пера* узнать не можешь?»¹⁸². И эта же деталь встречается в концовке 2-й редакции романа Булгакова: «Тут последовало преобразование Воланда. С него упал черный бедный плащ. На голове у него оказался берет и свисло набок *петушье перо*»¹⁸³.

Мефистофель является в кабинет Фауста в образе черного пуделя: «Но что я вижу? Явь или сон? / Растет мой пудель, страшен он, / Громаден! Что за чудеса! / В длину и в ширину растет. / Уж не походит он на пса! / Глаза горят; как бегемот, / Он на меня оскалил пасть. / О, ты мою узнаешь власть! / Ключ Соломона весь свой вес / Тебе покажет, полубес!». Сравнение пуделя с бегемотом наверняка привлекло внимание Булгакова, сделавшего кота Бегемота одним из слуг Воланда. Последний же возникает перед Берлиозом и Бездомным, неся под мышкой «трость с черным набалдашником в виде головы пуделя». Да и в главе «Великий бал у сатаны» этот образ возникнет еще раз: «Откуда-то явился Коровьев и повесил на грудь Маргариты тяжелое в овальной раме изображение черного пуделя на тяжелой цепи».

А в утраченных фрагментах 5-й главы первой редакции «описывалось появление в ресторане Иванушки и последующая сцена в психиатрической лечебнице – в основных чертах близко к печатной редакции, за исключением конца главы, повторяющегося только во второй редакции и исчезнувшего в последующих (двое санитаров видят ночью огромного пуделя, выпрыгнувшего из больничного окна)»¹⁸⁴. Есть и более подробное описание данного эпизода: «Глава 5-я»¹⁸⁵ описывала появление Иванушки в ресторане Дома Грибоедова и последующую сцену в психиатрической лечебнице – близко к окончательной редакции, но конец главы не повторяется ни в одной из последующих редакций: ночью два дежурных санитаров психиатрической больни-

¹⁸⁰ Соколовский А.Л. Объяснительныя примечанія. С. 320.

¹⁸¹ Юрьевъ С. Опытъ объясненія трагедіи Гете «Фаустъ» // Русская мысль. М., 1884. № 12. С. 231 – 232.

¹⁸² Здесь и далее мы используем перевод Н. Холодковского (1878) как наиболее близкий к оригиналу.

¹⁸³ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 291.

¹⁸⁴ Чудакова М. Опыт реконструкции текста М.А. Булгакова // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1977. М.: Наука, 1977. С. 99.

¹⁸⁵ Она называлась сначала «Интермедия в [Хижине Грибоедова]», потом – «в Шалаше Грибоедова»: Шалашом ресторан Дома Грибоедова «[прозвал известный лгу]нишка Козобоев, [театральный рецензент, в первый же день] после открытия р[есторана напившийся в нем] до положения риз» (6. 1, л. 61) (Примечание Мариэтты Чудаковой).

цы видят в больничном саду огромного («[в] шесть аршин») черного пуделя; одному из санитаров кажется, что пудель этот прыгнул из больничного окна. Пудель воет в саду; затем он устремил морду “к окнам больниц[ы...] обвел их глазами, [полными боли], как будто его му[чили в этих стенах,] и покати́л [перегоняя свою] тень, то выраст[ая до огромных?] размеров, то...”. Как выясняется впоследствии, в 9-й главе, в эту ночь из лечебницы бежал Иванушка Бездомный»¹⁸⁶. В пуделя превратился Воланд, который в редакции 1933 года явился к Иванушке в больницу и рассказал ему «Евангелие от Воланда»¹⁸⁷ (осенью 1934 года вместо Воланда к Иванушке приходит мастер и рассказывает ему главу из своего романа, что говорит о тождестве романа с «Евангелием от Воланда»). При этом и у Гете, и у Булгакова пудель как символ дьявола восходит к одному и тому же источнику – магу и чернокнижнику Агриппе: «Совсѣмъ въ иномъ освѣщеніи является передъ нами личный геній знаменитаго врача и философа Корнелія Агриппы († 1534). У него была черная собака, жившая при немъ и часто его сопровождавшая, и собака эта была не кто иной, какъ самъ дьяволъ. Обычно этотъ песь пребывалъ въ кабинетѣ у ученаго, лежа на грудѣ книгъ и бумагъ, въ то время какъ его хозяинъ что-нибудь читалъ или писалъ. Какимъ путемъ Агриппа приобрѣлъ себѣ такого домашняго генія, это осталось невыясненнымъ»¹⁸⁸.

Так что здесь Воланд – «личный гений» Ивана Бездомного¹⁸⁹, открывший для него путь духовного восхождения.

В «Фаусте» хор ведьм кричит: «На Брокен все! Толпа густа». А Воланд в разговоре с Маргаритой упомянет и гору Брокен, и одну из ведьм: «Приближенные утверждают, что это ревматизм, но я сильно подозреваю, что эта боль в колене оставлена мне на память одной очаровательной ведьмой, с которой я близко познакомился в 1571 году в Брокенских горах, на Чертовой Кафедре». Такое место действительно есть – это один из нескольких холмов, расположенных на вершине Брокена: «Суевѣрный народъ и поэты освятили Броккенъ таинствомъ преданій. Тутъ услышите чудныя названія: “Чертова кафедра”, “Алтарь вѣдьмъ”, “Сѣдалка волшебниковъ”»¹⁹⁰ (а где чертова кафедра – там профессор черной магии Воланд). Данную информацию Булгаков скорее всего взял из словаря Брокгауза и Ефрона: «...создался цѣлый рядъ приуроченныхъ къ Брокену легендъ (шабашъ вѣдьмъ въ Вальпургіеву ночь и др.), а разнымъ отдѣльнымъ скаламъ были даны прозвища “Hexenbrunnen”, “Hexenaltar”, “Teufelskanzel” и т.п.»¹⁹¹. Позднее эта информация была повторена в другом источнике: «О Брокенѣ создалась цѣлая масса народныхъ легендъ: рассказывали про шабашъ вѣдьмъ въ Вальпургіеву ночь на Брокенѣ. Разнымъ отдѣльнымъ скаламъ вокругъ его, представляющимъ, по всей вѣроятности, обломки нѣкогда обвалившейся еще болѣе высокой пирамидальной оконечности горы, – даны были даже страшныя прозвища, въ родѣ “Колодезь вѣдьмъ”, “Чортова кафедра” и т.д.»¹⁹². Кстати, в редакции романа, законченной 14 мая 1939 года, дано именно такое написание: на Чортровой Кафедре¹⁹³.

¹⁸⁶ Чудакова М. Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы литературы. 1976. № 1. С. 222 – 223.

¹⁸⁷ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 222 – 223.

¹⁸⁸ Орловъ М.А. Исторія сношеній чловѣка съ дьяволомъ. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1904. С. 54 – 55.

¹⁸⁹ Абрахам П. Роман «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова. Брно: Университет Масарика, 1993. С. 155.

¹⁹⁰ Струговицковъ А. Случай изъ жизни Гете и его зимняя поѣздка на Гарць // Русская бесѣда. Собрание сочиненій русскихъ литераторовъ. Томъ II. САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1841. С. 5.

¹⁹¹ Энциклопедическій словарь. Томъ IVа. С.-ПЕТЕРБУРГЪ: Типо-Литографія И.А. Ефрона, 1891. С. 704.

¹⁹² Нива: иллюстрированный журналъ литературы и современной жизни. СПб., 1899. № 45. С. 872.

¹⁹³ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 2. М.: Пашков дом, 2019. С. 393.

Воланд же счел нужным упомянуть в разговоре с Маргаритой 1571 год, потому что 24 августа 1572-го состоялась свадьба французской королевы Маргариты Валуа с Наваррским королем Генрихом IV Бурбоном. То есть Воланд намекает Маргарите на ее прежнее воплощение, о чем Коровьев говорил уже прямым текстом: «...тут вопрос переселения душ... В шестнадцатом веке вы были королевой французской... Воспользуюсь случаем принести вам сожаления о том, что знаменитая свадьба ваша ознаменовалась столь великим кровопролитием...» (полная рукописная редакция, 22 – 23 мая 1938¹⁹⁴). Великое кровопролитие – это Варфоломеевская ночь, упомянутая и Абадонной: «Я знаком с королевой, – каким-то пустым бескрасочным голосом, как будто простучал, отозвалась Абадонна, – правда, при весьма прискорбных обстоятельствах. Я был в Париже в кровавую ночь 1572-го года»¹⁹⁵.

Но вернемся к сопоставлению романа с «Фаустом» Гете.

Зибель видит, что Мефистофель хромает: «(Взглянув искоса на Мефистофеля, в сторону.) Но отчего прихрамывает он?». А в главе «Великий бал у сатаны» есть такой эпизод: «Прихрамывая, Воланд остановился возле своего возвышения...». Да и в кабинете профессора Кузьмина Воланд появлялся в образе хромящего воробья: «Паскудный воробушек припадал на левую лапку, явно кривлялся, волоча ее...».

Вопрос Мефистофеля Фрошу: «Какого же вина отведать вам угодно?», – напоминает вопрос Воланда Сокову: «Вино какой страны вы предпочитаете в это время дня?». В целом же диалог между Воландом и Фрошем: «Какого же вина отведать вам угодно? – Что за вопрос! Иль много их у вас? – Чего желает кто, всяк выбирай свободно», – послужил основой для разговора Воланда с Бездомным:

– Вы хотите курить, как я вижу? – неожиданно обратился к Бездомному неизвестный.
– Вы какие предпочитаете?

– А у вас разные, что ли, есть? – мрачно спросил поэт, у которого папиросы кончились.

– Какие предпочитаете? – повторил неизвестный.

– Ну, «Нашу марку», – злобно ответил Бездомный.

Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар и предложил его Бездомному:

– «Наша марка».

Также и предполагаемая национальность Воланда: «Вы немец? – Я-то? Да, пожалуй, немец...», – отсылает к «немцу» Мефистофелю.

Заметим, что пара «Фауст – Маргарита» из пьесы Гете фигурировала и в редакции за осень 1933 года, причем в разметке глав от 06.10.1933 одна из них (под номером 14) именовалась «Ночь Фауста и Маргариты»¹⁹⁶. А работая над 7-й главой, Булгаков сделал ряд набросков для будущего сюжета: «Встреча поэта с Воландом.

Маргарита и Фауст.

Черная месса.

– Ты не поднимешься до высот. Не будешь слушать мессы. Не будешь слушать романтические –

Маргарита и козел.

Вишни. Река. Мечтание. Стихи. История с губной помадой»¹⁹⁷.

Но в дальнейшем автор убирает Фауста, чтобы не было слишком буквальных ассоциаций с Гете.

Фауст говорит Мефистофелю: «Софист и лжец ты был и будешь!».

---

¹⁹⁴ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. М.: Голос, 1999. С. 472 – 473.

¹⁹⁵ Там же. С. 477.

¹⁹⁶ Чудакова М. Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы литературы. 1976. № 1. С. 235.

¹⁹⁷ Там же.

А Левий Матвей так же обратится к Воланду: «Я не буду с тобой спорить, старый софист».

Один из голосов во время Вальпургиевой ночи говорит: «Триста лет я здесь копаюсь / И к своим попасть пытаюсь»; а Воланд скажет Маргарите по поводу своего ревматизма: «Вздор! Лет через триста это пройдет».

Причем Воланд в конце романа сам устанавливает связь с трагедией «Фауст», обращаясь к мастеру: «Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула? Туда, туда. Там ждет уже вас дом и старый слуга...». Здесь Булгаков сознательно заменяет Фаустом его ученика Вагнера, который как раз и создал в колбе гомункула и которого застают за этим занятием Мефистофель (сцена «Лаборатория»). Подобная замена легко объяснима, поскольку если бы Воланд сказал: «Неужели вы не хотите, подобно Вагнеру, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?», – это вызвало бы ненужную ассоциацию с композитором Вагнером, и мастер (а с ним и читатели) просто не поняли бы вопроса Воланда, в то время как имя Фауст сразу же заставляет вспомнить одноименную трагедию Гете. Но, скажем, в полной рукописной редакции романа, законченной 22 – 23 мая 1938 года, колбы упоминались вне связи с Фаустом, так как эта связь, видимо, подразумевалась: «Днем вы будете сидеть над своими ретортами и колбами, и, быть может, вам удастся создать гомункула»¹⁹⁸. Между тем Мариэтта Чудакова отмечает автобиографичность данного мотива, поскольку «здесь прямая связь с всегда привлекательными для Булгакова аксессуарами профессии врача, осознаваемой им, видимо, как неосуществившийся, вытесненный вариант своей биографии <...> Работа врача или биолога-экспериментатора всегда рисуется у Булгакова в ореоле таинственности и притягательности: “Глубокими вечерами или ночью, когда все уже сходились, и Турбин, таинственно погруженный в свои склянки и бумаги, сидел, окрашенный зеленым светом у себя в спальне...” (корректурой третьей части романа “Белая гвардия”); “Он повернулся к фигуре, склонившейся у стола над бутылкой и какими-то блестящими коробками” (“Белая гвардия”)...»¹⁹⁹.

Скрытую отсылку к образу Фауста можно обнаружить и в диалоге между мастером и Иваном Бездомным: «“Вы – писатель?” – с интересом спросил поэт. Гость потемнел лицом и погрозил Ивану кулаком, потом сказал: “Я – мастер...”». Дело в том, что кулак по-немецки – «фауст» (*der Faust*)²⁰⁰.

Нельзя не отметить также переключки с пьесой «Мольер» (1929), где впервые в творчестве Булгакова повествователь называет главного героя словом «мастер»: «Но ты, мой бедный и окровавленный мастер! Ты нигде не хотел умирать – ни дома и ни вне дома!» (Пролог). А в «Мастере и Маргарите» слово «мастер» появилось лишь в 1934 году (до этого герой именовался Фаустом и поэтом). Что же касается пьесы «Мольер», то в том же «Прологе» мы обнаруживаем прототипа мастера из будущего романа. Повествователь говорит о себе: «И вот: на мне кафтан с громадными карманами, а в руке моей не стальное, а гусиное перо. Передо мною *горят восковые свечи*, и мозг мой воспален». Сразу же вспоминаются слова Воланда: «О, трижды романтический мастер <...> Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? <...> Там ждет уже вас дом и старый слуга, *свечи уже горят*, а скоро они потухнут, потому что вы немедленно встретите рассвет».

Кроме того, слова повествователя *мозг мой воспален* соответствуют *исколотой памяти* мастера; а характеристика Мольера «бедный и окровавленный мастер» напоминает слова Бегемота, адресованные Азazelло: «...я являлся бы к тебе в таком же лунном одеянии, как и бедный мастер...». В целом же обращение повествователя в

¹⁹⁸ Там же. С. 247.

¹⁹⁹ Там же. С. 247.

²⁰⁰ *Кораблев А.А.* Рукописи из частной коллекции Воланда // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX – XXI вв. М.: Музей М.А. Булгакова, 2012. С. 109.

«Мольере»: «Но ты, мой бедный и окровавленный мастер!», – отзовется в словах Маргариты, обращенных к мастеру: «Как ты страдал, как ты страдал, мой бедный!».

Целый ряд переключек содержится между «Мастером и Маргаритой» и оперой Шарля Гуно «Фауст» (1859), написанной на сюжет первой части трагедии Гете. Необходимость сопоставления продиктована прямым упоминанием оперы в романе Булгакова. Так, в 13-й главе мастер спрашивает Ивана Бездомного: «Простите, может быть, впрочем, вы даже оперы “Фауст” не слыхали?». А в главе «Великий бал у сатаны» из шестой редакции (май 1938) Коровьев говорит Маргарите: «Имею честь рекомендовать вам, королева, директора театра и доктора прав господина Гете и также господина Шарля Гуно, известнейшего композитора»²⁰¹. По словам сестры писателя Надежды Земской, «Михаил, который умел увлекаться, видел “Фауст”, свою любимую оперу, 41 раз – гимназистом и студентом. Это точно. Он приносил билетки и накалывал, а потом сестра Вера, она любила дотошность, сосчитала...»²⁰².

В самом начале оперы, при перечислении действующих лиц, дается ремарка: «Мефистофель (бас)»²⁰³. А Воланд говорит именно басом: «Ошеломленный буфетчик неожиданно услышал тяжелый бас: “Ну-с, чем я вам могу быть полезен?”»; «Дурак! – отчетливо сказал где-то бас, не принадлежащий ни одному из Иванов и чрезвычайно похожий на бас консультанта».

На призыв Фауста: «Ко мне, злой дух! Ко мне!», – следует мгновенная реакция черта: «Мефистофель (*Появляется внезапно.*) Вот и я! Ну, чем удивлен ты?». Реплику «Вот и я!» повторит и Воланд в кабинете Степы Лиходеева: «Одиннадцать! И ровно час, как я дожидаюсь вашего пробуждения, ибо вы назначили мне быть у вас в десять. Вот и я!». Более того, данное восклицание Булгаков рассматривал даже в качестве одного из возможных вариантов названия романа: «Фантастический роман. 1932 г. Великий канцлер. Сатана. Вот и я. Шляпа с пером. Черный богослов. Он появился. Подкова иностранца»²⁰⁴. Кстати, *Шляпа с пером* тоже отсылает к первому появлению Мефистофеля перед Фаустом в опере Гуно: «Право же, я совсем не страшен! / При шпаге я, и шляпа с пером, / и денег много, и плащ мой драгоценен». В свою очередь, и шпага, и драгоценный плащ будут атрибутами Воланда: «...на спинку стула брошен был траурный плащ, подбитый огненной материей, на подзеркальном столике лежала длинная шпага с поблескивающей золотой рукоятью» (18-я глава).

Последующая беседа между Мефистофелем и Фаустом: «Веришь ты, что я всемогущ? – Быть может!», – превратится в диалог между Воландом и мастером: «Но вы-то верите, что это действительно я? – Приходится верить», – и возглас Маргариты после того, как Воланд вернул роман мастера из небытия: «Всемогущ, всемогущ!». Данный тезис подтверждает и сам автор: «Ничто не исчезало, всемогущий Воланд был действительно всемогущ, и сколько угодно, хотя бы до самого рассвета, могла Маргарита шелестеть листами тетрадей, разглядывать их и целовать и перечитывать слова».

Вопрос Фауста Мефистофелю: «Ты ль можешь возратить мне младость!», – также найдет отражение в романе Булгакова, где Маргарита с помощью крема Азазелло возвращает себе молодость, а Фауст становится молодым, выпив вина, которое ему предлагает Мефистофель. Маргарита же хорошеет, надев драгоценности, оставленные Мефистофелем в качестве подарка. После этого ее застаёт служанка Марта: «Боже мой, что я вижу! / Как вы похорошели. / Скажите, откуда это всё?». И такой же восторг испытает домработница Наташа при виде Маргариты, намазавшейся

---

²⁰¹ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. М.: Голос, 1999. С. 495.

²⁰² Земская Е.А. Из семейного архива: Материалы из собрания Н.А. Булгаковой-Земской // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Сов. писатель, 1988. С. 53.

²⁰³ Русский перевод оперы «Фауст» цитируется по следующим источникам: https://classic-online.ru/uploads/000_notes/9000/8998.pdf; http://www.murashev.com/opera/Faust_libretto_Russian

²⁰⁴ Цит. по факсимиле рукописи: Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 136.

кремом Азазелло: «...Наташа всплеснула освободившимися руками. <...> Как же это? – шептала Наташа, пятась, – как вы это делаете, Маргарита Николаевна?».

Мефистофель говорит Марте, служанке Маргариты: «Я в мире одинок! Друга нет, нет жены любимой! Ах!». И подобным же образом отреагирует Воланд на вопрос Берлиоза: «А вы одни приехали или с супругой? – Один, один, я всегда один, – горько ответил профессор». Правда, Мефистофель ёрничает, а Воланд серьезен.

Мефистофель предсказывает Вагнеру скорую смерть, гадая по его руке, то есть при помощи хиромантии: «У вас ужасный знак! / Да, будете убиты вы в первом же бою!». А Воланд предскажет смерть Берлиозу, прибегнув к астрологии. И если Мефистофель говорит Валентину, брату Маргариты: «А вам, мой милый, скажу я, / что знаю хорошо, кто будет ваш убийца», – то и Воланд заявит Берлиозу о своем знании: «Например, знаю, кто будет жить в вашей квартире»; и также расскажет ему о будущем убийце: «Вы умрете другою смертью. – Может быть, вы знаете, какой именно? – с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз <...> – Охотно... <...> Вам отрежут голову! <...> русская женщина, комсомолка». И, наконец, реплика оперного Мефистофеля: «Сатана там правит бал», – послужит для Булгакова отправной точкой при создании главы «Великий бал у сатаны».

Как уже отмечалось исследователями: «В ходе работы образ Князя Тьмы эволюционировал. Если Воланд первой редакции очень напоминал Коровьева последней своим ерничеством и фиглярством и по духу был близок гетевскому Мефистофелю, то в окончательном тексте сатана обрел истинную демоничность»²⁰⁵. Вместе с тем, «в отличие от Мефистофеля, презирующего род людской, булгаковский Воланд совсем не “зол”. О людях он судит гораздо мягче, чем гётевский дьявол, – и если Мефистофель считает, что “искра божья”, разум, не спасает человечество от “скотского” существования, то Воланд, ищущий, подобно его “ведомому” – Мастеру, “сердца”, совести, сострадания как опоры истинно человеческого, не отказывает людям в склонности к милосердию. <...> Скептический гётевский Мефистофель не верит в изначальное “добро” человеческой природы и, желая доказать справедливость своего неверия, пытается соблазнить лучшего из людей, являя собой тип демона искушающего. Ироничный булгаковский Воланд, напротив, обнажает и морально, и физически (вспомним сеанс “черной магии” в варьете) тех, кого не надо искушать, а тех, кого надо разоблачать и наказывать. Демон разоблачающий, Воланд, таким образом, не сомневается в наличии добрых и честных людей, а помогает этим людям в утверждении истины и добра»²⁰⁶. Поэтому, «сохранив за Воландом внешнее сходство с Мефистофелем, Булгаков наделяет его противоположными качествами и функциями, возлагая миссию справедливого воздаяния человеку после его смерти, то есть суда и вынесения приговора...»²⁰⁷.

Внешность и манеры Воланда во многом совпадают и с описанием дьявола (редактора-издателя журнала «Родина» Ильи Ивановича Рудольфи²⁰⁸) в «Театральном романе» (другое название – «Записки покойника», 1936 – 1937), писавшемся параллельно с «Мастером и Маргаритой». Главный герой «Записок покойника» носит фамилию Максудов, которая вызывает ассоциацию с домашним именем Булгакова «Мака», а также с мастером, на шапочке которого вышита буква «М», поскольку с этой буквы начинается имя автора «Мастера и Маргариты».

²⁰⁵ Малкова Т.Ю. Полигенетичность демонических образов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. Кострома, 2012. С. 4.

²⁰⁶ Якушева Г.В. Фауст и Мефистотель в литературе XX века // Гётевские чтения-1991. М.: Наука, 1991. С. 184 – 185.

²⁰⁷ Рыжкова Т.В. Диалоги с Булгаковым. Книга для учителя. СПб.: САГА, Азбука-классика, 2005. С. 187.

²⁰⁸ Прототип издателя журнала «Россия» Исая Григорьевича Лежнева (1891 – 1955), в 1925 году напечатавшего две первые части романа Булгакова «Белая гвардия».

В одной из первых редакций романа, которую Булгаков читал своим друзьям в начале 1930 года, упоминалось копыто Воланда (отсюда раннее название – «Копыто инженера»). По словам Сергея Ермолинского: «Описывая Воланда, Булгаков – не вскользь, а подчеркнуто – сообщал, что у него, необыкновенного иностранца, на ноге были сросшиеся пальцы. В народе эту аномалию называют “копытом дьявола”. Во всех поздних редакциях я этой детали уже не встречал»²⁰⁹. Также и копыто Рудольфи, упоминавшееся в ранней редакции «Записок покойника» – в повести «Тайному другу» (1929): «Плаща не было, его заменила шуба на лисьем меху, и обыкновенные полосатые штаны облегали ноги, из которых одна была с копытом, упрятым в блестящую галошу», – в дальнейшем исчезло.

Появление Рудольфи перед Максудовым вызывает в памяти обращение Воланда к Лиходееву: «Снизу донесся *тяжкий басовый голос*: “Вот и я!”. Я повернулся к двери» ~ «Молчание нарушил этот неизвестный, произнеся *низким, тяжелым голосом* и с иностранным акцентом следующие слова: “Добрый день, симпатичнейший Степан Богданович! <...> Одиннадцать! И ровно час, как я дожидаюсь вашего пробуждения, ибо вы назначили мне быть у вас в десять. Вот и я!”». Также *тяжкий басовый голос* Рудольфи напоминает голос Воланда, который слышит Варенуха в телефонной трубке: «...*тяжкий, мрачный голос*, пропевший: “...Скалы, мой приют...”» (помимо того, здесь бас Воланда, поющий песню Шуберта, ассоциируется еще и с басом Мефистофеля из оперы Шарля Гуно «Фауст»).

Появление обоих дьяволов сопровождается звучанием религиозной музыки из граммофона и патефона: «Я приложил дуло к виску, неверным пальцем нашарил собачку. В это же время снизу послышались очень знакомые мне звуки, сипло заиграл окрестр, и тенор в граммофоне запел: “Но мне Бог возвратит ли всё?!”. “Батюшки! ‘Фауст’! – подумал я. – Ну, уж это, действительно, вовремя. Однако подожду выхода Мефистофеля. В последний раз. Больше никогда не услышу”» ~ «Тут за стенкой, в комнате дочери профессора, заиграл патефон фокстрот “Аллилуйя”, и в то же мгновение послышалось воробьиное чириканье за спиной у профессора. Он обернулся и увидел на столе у себя крупного прыгающего воробья...».

Вполне естественно, что внешность Рудольфи похожа на внешность Воланда: «Дверь распахнулась, и я окоченел на полу от ужаса. Это был он, вне всяких сомнений. В сумраке в высоте надо мною оказалось лицо с властным носом и разметанными бровями. Тени играли, и мне померещилось, что под квадратным подбородком торчит острие черной бороды. *Берет был заломлен лихо на ухо*. Пера, правда, не было. Короче говоря, передо мною стоял Мефистофель. Тут я разглядел, что он в пальто и **блестящих глубоких калошах**, а под мышкою держит портфель» ~ «Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. *Серый берет он лихо заломил на ухо...*»²¹⁰, «Этого незнакомца в черном берете, в черном костюме, **в лакированной обуви**, с острой бородкой под медным подбородком, со странным лицом, с беретом с крысыим хвостиком решительно не было во вчерашнем дне. Он не был в кабинете у Степы»²¹¹.

Реплика Максудова *Пера, правда, не было* воспринимается как полемический диалог с оперой Шарля Гуно «Фауст», где впервые появившийся Мефистофель говорит Фаусту: «Право же, я совсем не страшен! / При шпаге я, и *шляпа с пером...*». Кстати, слова «При шпаге я» Булгаков превратил в заголовок 4-й главы «Записок покойника», где как раз и описывается появление Рудольфи.

В «Записках покойника» дьявол спрашивает героя: «Вы написали роман? – строго осведомился наконец Рудольфи». И такой же вопрос задаст мастеру Воланд:

²⁰⁹ Ермолинский С. Из записей разных лет // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Сов. писатель, 1988. С. 448.

²¹⁰ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. М.: Голос, 1999. С. 159.

²¹¹ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 56.

«Еще, – строго сказал Воланд. <...> Верно ли, что вы написали роман? – спросил Воланд» (вторая полная рукописная редакция, 22 – 23 мая 1938²¹²).

Самое же начало диалога Максудова с Рудольфи является калькой с разговора мастера и Воланда: «А нельзя ли зажечь лампу? – спросил Рудольфи. – К сожалению, не могу этого сделать, – отозвался я, – так как лампочка перегорела, а другой у меня нет» ~ «Дайте-ка посмотреть, – Воланд протянул руку ладонью кверху. – Я, к сожалению, не могу этого сделать, – ответил мастер, – потому что я сжег его в печке» (обращают на себя внимание и семантически близкие глаголы: перегорела, сжег). В ответ на реплику Максудова Рудольфи «вынул из портфеля тут же электрическую лампочку», и Воланд мгновенно восстановил роман мастера из пепла: «“Простите, не поверю, – ответил Воланд, – этого быть не может. Рукописи не горят”. Он повернулся к Бегемоту и сказал: “Ну-ка, Бегемот, дай сюда роман”».

Совпадает и бесстрастная реакция обоих дьяволов на прочитанный роман: «Рудольфи между тем глотал страницу за страницей, и я тщетно пытался узнать, какое впечатление роман производит на него. *Лицо Рудольфи ровно ничего не выражало*» ~ «Воланд проглядел роман с такой быстротой, что казалось, будто вращает страницы струя воздуха из вентилятора. Перелистав манускрипт, Воланд положил его на голые колени и *молча, без улыбки*, уставился на мастера»²¹³. И если Рудольфи успешно добивается публикации роман Максудова, протолкнув его через цензурный барьер, то Воланд легко восстанавливает сожженный роман мастера.

Чтобы преодолеть цензуру, Рудольфи требует от Максудова: «...надо будет вычеркнуть три слова – на странице первой, семьдесят первой и триста второй. Я заглянул в тетради и увидел, что первое слово было “Апокалипсис”, второе – “архангелы”, и третье – “дьявол”». Как видим, слово «дьявол» находится на триста второй странице, а в «Мастере» дьявол Воланд будет жить в доме № 302-бис; да и в «Дьяволиаде» «под номером 302 значится некая совершенно неуловимая комната, где помещается Бюро претензий»²¹⁴. А суммарное значение номера 302 – пять, так же как и у квартиры № 50, в которой живет Воланд (сам же Булгаков с 1921 по 1924 год жил по адресу: Москва, ул. Большая Садовая, д. 10, кв. 50).

И Рудольфи, и Воланд говорят о присутствующих рядом Максудове и мастере в третьем лице: «Интересно. *Человек окончил приходскую школу, бреется каждый день и лежит на полу возле керосинки*» ~ «Не думаю, – сквозь зубы сказал Воланд и продолжал: – Итак, *человек, сочинивший историю Понтия Пилата*, уходит в подвал, в намерении расположиться там у лампы и нищенствовать?». При этом ремарка «*сквозь зубы сказал* Воланд» находит буквальную аналогию в действиях Рудольфи: «Помню также, как екнуло мое сердце, когда Рудольфи сказал: “А покажите-ка векселя”, – и как оно стало на место, когда он *сказал сквозь зубы*: “Всё в порядке”». В свою очередь, требование «А покажите-ка векселя» напоминает требование Воланда показать ему роман: «Дайте-ка посмотреть». Более того, описание Рудольфи: «...он сказал сквозь зубы: “Всё в порядке”», – дословно совпадает с описанием Воланда в редакциях романа 1934 – 1936 годов: «Что же, всё в порядке, – тихо, сквозь зубы, проговорил замаскированный, – алчны, как и прежде, но милосердие не вытравлено вовсе уж из их сердец. И то хорошо»²¹⁵.

Восклицание Максудова: «*Ах, Рудольфи, Рудольфи!* Спасибо вам и за Макара и за Алоизия», – сразу вызывает в памяти слова Маргариты, обращенные к мастеру: «*О, дьявол, дьявол!* Придется вам, мой милый, жить с ведьмой». Причем имя «Алоизий» переключает и в «Мастера», где будет фигурировать отрицательный персонаж Алоизий Могарыч.

²¹² Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. М.: Голос, 1999. С. 513.

²¹³ Там же. С. 514.

²¹⁴ Лёвшин В. Садовая, 302-бис // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Сов. писатель, 1988. С. 182.

²¹⁵ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 7. М.: Голос, 1999. С. 684.

А реакция Максудова на появление Рудольфи совпадает с реакцией мастера на преобразование Воланда в концовке романа: «Дверь распахнулась, и я окоченел на полу от ужаса. Это был он, вне всяких сомнений. В сумраке в высоте надо мною оказалось лицо с властным носом и разметанными бровями. Тени играли, и мне померещилось, что под квадратным подбородком торчит острие черной бороды» ~ «Мастер, вздрогнув, всмотрелся в самого Воланда, тот преображался постепенно или, вернее, не преображался, а лишь точнее и откровеннее обозначался при луне. Нос его ястребино свесился к верхней губе, рот вовсе сполз на сторону, еще острее стала раздвоенная из-под подбородка борода. Оба глаза стали одинаковыми, черными, провалившимися, но в глубине их горели искры. Теперь лицо его не оставляло никаких сомнений – это был он» (вариант от 06.07.1936²¹⁶) («окоченел... от ужаса» = «вздрогнув»; «Это был он, вне всяких сомнений» = «лицо его не оставляло сомнений – это был он»; «властным носом» = «Нос его ястребино свесился к верхней губе»; «под квадратным подбородком торчит острие черной бороды» = «еще острее стала раздвоенная из-под подбородка борода»). Кроме того, страх Максудова перед дьяволом Рудольфи напоминает предполагаемую реакцию Босого на Азazelло, который в редакции 1933 года представился ему сотрудником «Интуриста» Кавуновым: «Дверь распахнулась, и я окоченел на полу от ужаса. Это был он, вне всяких сомнений» ~ «...Босой ужаснулся бы, конечно, ибо это был не кто иной, как назвавший себя Кавуновым. Кривой глаз, рыжие волосы, широк в плечах, ну, словом, он»²¹⁷.

Если в «Записках покойника» (1936 – 1937) фигурирует Илья Иванович Рудольфи, то в ранней редакции – неоконченной повести «Тайному другу», написанной в сентябре 1929 года, чуть позже «Копыта инженера», – Рудольф Рафаилович.

В повести «Тайному другу» сказано: «Дверь отворилась беззвучно, и на пороге предстал Дьявол»; а в «Мастере и Маргарите», входя в квартиру № 50, «Азazelло бесшумно открыл дверь своим ключом».

Рудольфи говорит Максудову: «Роман вам никто не напечатает. Ни Римский, ни Агреев. А я вам не советую его даже носить никуда». Азazelло же говорит по телефону Варенухе: «Не валяйте дурака, Иван Савельевич, а слушайте. Телеграммы эти никуда не носите и никому не показывайте».

И Рудольф в ранней редакции повести, и Воланд изъявляют желание прочесть роман, написанный главным героем, но делают это с разными интонациями: «А дайте-ка посмотреть, – сказал, скучая, Сатана, – благо у меня сейчас время свободное» ~ «Дайте-ка посмотреть, – Воланд протянул руку ладонью кверху».

Максудов говорит дьяволу Рудольфу, что раздумал представлять свой роман в какую бы то ни было редакцию, на что следует реплика: «Почему? – *спросил, прищурившись, Рудольф*». И точно такое же описание дьявола встретится в «Мастере»: «Что это за критик Латунский?» – *спросил Воланд, прищурившись* на Маргариту».

Максудов отвечает, что не будет отдавать свой роман в печать, поскольку «его цензура не пропустит», а мастер на предложение Воланда начать описывать Алоизия Могарыча скажет: «Этого Лапшенникова не напечатает».

О своем романе герой повести «Тайному другу» говорит Рудольфу: «Право... он мне разонравился...». И ровно это же скажет мастер Воланду: «Он мне ненавистен, этот роман, – ответил мастер, – я слишком много испытал из-за него».

В повести «дьявол выразил на лице вежливое официальное сожаление», а в романе сказано о Воланде: «Тот в ответ улыбнулся ей вежливо и равнодушно». И если в первом случае читаем: «Графу Толстому подражаете, – заметил черт и похлопал пальцем по тетради», – то и во втором дьявол ведет себя так же: «Ну, теперь все ясно, – сказал Воланд и постучал длинным пальцем по рукописи».

²¹⁶ Там же. С. 722.

²¹⁷ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М.: Новости, 1992. С. 66.

Таким образом, важнейшим художественным прототипом-двойником Воланда стал издатель Рудольф из повести «Тайному другу» (1929), позднее превратившийся в Рудольфи («Записки покойника», 1936), а прототипом Рудольфи послужили издатель Исай Лежнев и сосед Булгакова по квартире № 34 дома № 10 на ул. Большая Садовая Рудольф Федорович Киббель (Рудольф Теодор Матиас; не отсюда ли – доктор Теодор Воланд?): «Из анкеты ОГПУ и автобиографии Киббеля видно, что в феврале 1922 года Булгаков и Киббель вместе работали в Научно-Техническом Комитете Академии Воздушного Флота. Булгаков – в редакционном совете, Киббель – заведующим литографией. Рудольф Рудольфович полагает, что <...> его отец, печатник Рудольф Теодор, послужил прообразом редактора Рудольфа, “тореодора из Гренады” (“Тайному другу”) и редактора-издателя Рудольфи (“Театральный роман”). В связи с этим упомяну, что в 1922 – 1925 Булгаков и Киббель были коллегами и по другой линии. Киббель работал иностранным корреспондентом в Тресте “Полиграф”. Именно в те годы Булгаков создает Полиграфа Полиграфовича [Шарикова], а в Мосполиграфе издаются первые булгаковские сборники»²¹⁸.

Целый ряд параллелей наблюдается между образами Воланда у Булгакова и черта в романе Достоевского «Братья Карамазовы». Например, черт говорит Ивану Карамазову: «Я был при том, когда умершее на кресте Слово восходило в небо...»; и Воланд повторит эту мысль: «Дело в том... – тут профессор пугливо оглянулся и заговорил шепотом, – что я лично присутствовал при всем этом».

Черт Ивана носит клетчатые панталоны, а в романе Булгакова эта деталь будет передана клетчатому переводчику Коровьеву. Но если черт появляется перед Иваном Карамазовым после того, как тот сходит с ума, то в «Мастере» происходит наоборот: Иван Бездомный попадает в сумасшедший дом после встречи с Воландом.

Черт говорит Ивану Карамазову: «И наконец, если доказан черт, то еще неизвестно, доказан ли бог?». А Воланд утверждает, что для существования Иисуса «и доказательств никаких не требуется», то есть что это вполне очевидно. Однако «доказанность черта» во втором случае отсутствует, поскольку Иван Бездомный говорит, что «нету никакого дьявола», и поэтому Воланд обращается к Берлиозу: «Но умоляю вас на прощанье, поверьте хоть в то, что дьявол существует! О большем я уж вас и не прошу. Имейте в виду, что на это существует седьмое доказательство, и уж самое надежное! И вам оно сейчас будет предъявлено».

Наконец, если Иван Карамазов ищет черта в суде: «...он, наверно, здесь где-нибудь, вот под этим столом с вещественными доказательствами...», – то Иван Бездомный ищет Воланда под ресторанными столиками: «Я чувю, что он здесь!», после чего «Иван... начал... заглядывать под столы»²¹⁹.

А одним из первых на связь «Мастера» с «Братьями Карамазовыми» обратил внимание М. Йованович: «...Воланд и члены его свиты во многом вышли из главы “Черт. Кошмар Ивана Федоровича”. Демонические герои Достоевского и Булгакова явно “очеловечены”. Воланд, так же как и черт Ивана, страдает ревматизмом и, оспаривая научные достижения медицины, принимает “домашние” лекарства. Его внешний вид – повседневен. В главе “При свечах” Воланд появляется в ночной рубашке, “грязной и заплатающей на левом плече”, в главе “Великий бал у сатаны” он сохраняет все тот же вид (к “грязной заплатающей сорочке” добавлены “стоптанные ночные туфли”), настолько поразивший Маргариту; в первых же главах романа он напоминает “иностранца”, однако внешняя характеристика черта в “грязноватом белье” и с “потертым шарфом” передана – Коровьеву в “клетчатых брючках” и с “грязными белыми носками”. <...> герои принимают деятельное участие в беседах о существовании Бога и дьявола. У Достоевского вопрос о Боге задает Иван, у Булгакова же в роли Ивана

²¹⁸ Паршин Л. Чертовщина в американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М.: Кн. палата, 1991. С. 109.

²¹⁹ Все эти переключки отмечены в кн.: Зеркалов А. Этика Михаила Булгакова. М.: Текст, 2004. С. 49.

находится сам Воланд, явно провоцирующий Берлиоза и Бездомного; что касается проблемы существования дьявола, то отправным пунктом в поведении Воланда в этом отношении следует считать мысль оппонента Ивана Карамазова, что черт “доказан”, несмотря на то, что действия героя Достоевского намного безобиднее воландовской деятельности. <...> Разоблачительные фокусы Фетюковича с Ракитиным, Трифоном Борисычем, поляками и другими напоминают сеанс в Варьете в “Мастере и Маргарите”; действия героя Достоевского и свиты Воланда направлены к срыванию масок со лживых представителей повседневности двух романов»²²⁰. А у ведущего сеанса черной магии в театре Варьете был реальный исторический прототип: «Кто известен ныне как Жорж Бенгальский, претерпел две любопытные модификации: Мелунчи (Мелузи) и Чембукчи с аккуратным намеком на известного в те годы конференсье Гаркави, жившего, кстати, неподалеку в Ермолаевском переулке»²²¹. И именно из этого переулка выходит на Патриаршие пруды Воланд в первой (частично уничтоженной) черновой тетради романа: «В это время из Ермолаевского переулка и вышел гражданин...»²²².

Следующий литературный прототип Воланда сравнительно малоизвестен:

У Воланда есть еще один прототип – из современной Булгакову версии «Фауста». Написанное литератором и журналистом Эмилием Львовичем Миндлиным (1900 – 1980) «Начало романа “Возвращение доктора Фауста”» (продолжения так и не последовало) было опубликовано в 1923 г. в том же самом втором томе альманаха «Возрождение», что и повесть «Записки на манжетах» (экземпляр альманаха сохранился в архиве Булгакова).

В «Возвращении доктора Фауста» действие происходит в начале XX в., причем Фауст, во многом послуживший прототипом Мастера ранней редакции «Мастера и Маргариты», живет в Москве, откуда потом уезжает в Германию. Там он встречает Мефистофеля, на визитке которого курсивом черным по белому выведено: «Профессор Мефистофель».

Точно также у Воланда на визитной карточке значится «профессор Воланд». В редакции 1929 г. эта надпись цитируется латиницей, а в окончательном тексте не воспроизводится: литераторы на Патриарших видят ее на визитной карточке, но не запоминают. Портрет Воланда во многом повторяет портрет Мефистофеля из романа Миндлина: «Всего... замечательнее было в фигуре лицо ее, в лице же всего замечательнее – нос, ибо форму имел он точную до необычайности и среди носов распространенную не весьма. Форма эта была треугольником прямоугольным, гипотенузой вверх, причем угол прямой приходился над верхней губой, которая ни за что не совмещалась с нижней, но висела самостоятельно... У господина были до крайности тонкие ноги в черных (целых, без штопок) чулках, обутые в черные бархатные туфли, и такой же плащ на плечах. Фаусту показалось, что цвет глаз господина менялся беспрестанно».

В таком же оперном облике Воланд предстает перед посетителями Нехорошей квартиры, и в его лице сохранены те же неправильности, что и у миндлиновского Мефистофеля, а также разный цвет глаз <...> У Миндлина Мефистофель – это фамилия, а зовут профессора из Праги (такого же иностранца в Германии, как Воланд в России) Конрад-Христофор. В редакции 1929 г. Воланда звали Теодор, что отражалось и на его визитке. Интересно, что оба имени оказываются парадоксально связаны с Богом. Христофор значит в переводе с греческого «Христоносец», что у Миндлина имеет пародийное значение. В «Возвращении доктора Фауста» Мефистофель с Богом не связан и предлагает Фаусту участвовать в организации коллективного самоубийства человечества, для чего они должны вернуться в Россию. Возможно, под самоубийством подразумевалась первая мировая война. Нельзя исключить и намек на Октябрьскую революцию, и поэтому продолжение романа не увидело свет.

У Булгакова Воланда в ранних редакциях звали Теодор, что в переводе с древнегреческого значит «божий дар». Здесь это не только пародия, но и указание на связь Воланда с

²²⁰ *Йованович М.* «Братья Карамазовы» как литературный источник «Мастера и Маргариты» // Сборник за славистику. Нови Сад (Сербия), 1982. № 23. С. 42 – 43.

²²¹ *Кандауров О.З.* Евангелие от Михаила. Т. 1. М.: Изд. дом «Грааль», 2002. С. 345.

²²² Цит. по: *Чудакова М.* Опыт реконструкции текста М.А. Булгакова // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1977. М.: Наука, 1977. С. 95.

Иешуа Га-Ноцри, который решает судьбу Мастера и Маргариты, но выполнить это решение просит Воланда²²³.

Если же говорить об исторических, а не художественных, прототипах Воланда, то, в первую очередь, следует назвать самого Булгакова:

Одна из таких незначительных, но узнаваемых примет – разговор об осетрине «второй свежести». Это ведь голос Булгакова, его интонация, его слова. Он любил (я знала это от Елены Сергеевны) не спеша прогуляться в «Елисеевский», со знанием дела выбрать балык или осетрину – деликатесы в рыбном отделе, у него здесь был «свой», хорошо знавший его продавец, всегда бросавшийся его обслужить...

Или колено Воланда, в которое втирает обжигающую мазь Маргарита... Разумеется, Воланд шутит, ссылаясь не то на ревматизм, не то на некую болезнь, оставленную ему «одной очаровательной ведьмой». На самом деле, это традиционное колено мятежного Сатаны, Хромого беса, прихрамывающего Мефистофеля... Но как не услышать здесь присутствия больного колена Булгакова (он упоминает в своих письмах и о ревматизме, которым страдал, и о боли в колене²²⁴) и не увидеть в Маргарите, склонившейся над ним, легкий абрис Елены Сергеевны...

А эти канделябры в Воландовой спальне: «Перед кроватью стоял дубовый на резных ножках стол, на котором помещался канделябр с гнездами в виде когтистых птичьих лап. В этих семи золотых лапах горели толстые восковые свечи... Был еще один стол с какой-то золотой чашей и другим канделябром, ветви которого были сделаны в виде змей».

<...> мессир, как и Михаил Булгаков, не любит резкого электрического света и, как Булгаков же, предпочитает мягкий свет свечей. Золотой семисвечник Воланда – явно собрат (а может быть, и подлинник) того самого великолепного семисвечника, что был заповедан Моисеем еврейскому народу для скинии завета: «И сделай светильник из золота чистого... И сделай к нему семь лампад, и поставь на него лампы его, чтобы светили на переднюю сторону его» (Исход, 25, 31 – 37). Того самого семисвечника, по образцу которого и поныне зажигают семисвечники в православных храмах.

Булгаков любил работать при свечах, предпочитая их электричеству, и на письменном его столе помещались два прекрасных канделябра, подарок Ляминих. Правда, не золотые, а всего лишь бронзовые, и не на семь, а только на пять свечей каждый, и свечи в них были не восковые, а обыкновенные, стеариновые, и «когтистых птичьих лап» в ляминских канделябрах, конечно, не было. Впрочем, источник «когтистых лап» известен. Л.Е. Белозерская-Булгакова запечатлела в своих мемуарах подробность интерьера в их квартире на Большой Пироговской – дверь в кабинет Булгакова: «Дверь эта очень красива, темного дуба, резная. Ручка – бронзовая птичья лапа, в когтях держащая шар».

А Воланду с чего мелочиться? У него всё на высшем уровне – подлинное золото семисвечника и толстые восковые свечи, его сочинителю недоступные...

Шахматы Воланда! <...> Михаил Булгаков любил шахматы. Самым частым его партнером был Лямин. С каким увлечением рассказывала мне Наталия Абрамовна Ушакова-Лямина о том, как к этому вот дивану обычно приставляли табурет, на нем шахматная доска, Лямин на диване, Булгаков на стуле с противоположной стороны... <...> А с каким удовольствием Булгаков играл с маленьким Сережей, своим пасынком! Иногда в педагогических целях проигрывал. А иногда проигрывающий Сережа хитрил, обижался, как Бегемот...

Есть и другие штрихи, еще мельче. Вот Воланд сидит, «широко раскинувшись» на постели: «Одну ногу он поджал под себя...». Это Булгаков любил так сидеть – поджав под себя одну ногу. По его мнению, очень удобная – удобнее не бывает – поза...²²⁵.

---

²²³ Соколов Б. Расшифрованный Булгаков. «Мастер и Маргарита». М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 289 – 291.

²²⁴ Ср. в записке Булгакова своей сестре Надежде Земской за лето 1923 года: «...доктора нашли, что у меня поражены оба коленных сустава <...> Что будет дальше, я не знаю – моя болезнь (ревматизм) очень угнетает меня» (Земская Е.А. Михаил Булгаков и его родные. Семейный портрет. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 296 – 297). Здесь перед нами – «хромающий дьявол», но уже в письме к сестре от 24.11.1926 читаем: «Милая Надя, буду крестить. В пятницу 26-го (в 12. ч.) жду Лелю. Целую всех. Михаил» (Там же. С. 297). Следовательно, образ Булгакова, как и образ Воланда, двойственен.

²²⁵ Яновская Л. Последняя книга, или Треугольник Воланда. М.: ПРОЗАИК, 2013. С. 457 – 459.

Другая поза Воланда, которую любил сам Булгаков: «Воланд повернул *голову, подпер кулаком* подбородок, стал смотреть на город»²²⁶ ~ «Бывало, усядется в кресло или на диван в своей любимой позе – поджав под себя ногу и *подперев голову кулаком*, прищурит серо-голубой свой пристальный глаз, и начинается...»²²⁷.

В 1931 году, когда автор в третий раз заново приступил к написанию романа, появилось его новое название «Консультант с копытом», которое также отчасти автобиографично: «1 апр. 1930 г. Булгаков, после известного письма правительству, поступает на службу в ТРАМ [Театр рабочей молодежи] – на должность консультанта. Он пишет отзывы на пьесы, подписываясь – “Консультант Московского ТРАМа”. К вынужденному своему титулу Булгаков не мог относиться без значительной доли горькой иронии, и именно этот титул, много раз выведенный собственной его рукой, мог подсказать ему всем запомнившийся вариант названия романа»²²⁸.

Другая важная деталь, подчеркивающая автобиографичность Воланда, – это его реплика в рабочей записи за 11.11.1933: «Отвратительный климат в вашем городе, то солнышко, то сырость, холод... А?», – повторяющая, в свою очередь, слова Бегемота: «На меня здешний климат неблагоприятно действует»²²⁹.

Всё это соответствует дневниковым записям Елены Булгаковой о московском климате: «07.11.1933. «Погода ужасная»; 09.11.1933. «Холодно. Первый снег. Вьюга»²³⁰.

А вот что можно прочитать в дневниковой записи сестры писателя Надежды Земской от 08.02.1940: «Снова разговор о нелюбви к Москве <...> московский климат»²³¹. Да и сам Булгаков 24 января 1940 года будет жаловаться Павлу Попову: «Меня морозы совершенно искалечили, и я чувствую себя плохо»²³².

Реплика Воланда мастеру по поводу Ивана Бездомного: «*Как же, как же*, – отозвался Воланд, – я имел удовольствие встретиться с этим молодым человеком на Патриарших прудах», – отсылает к письму Булгакова своей жене Елене от 03.06.1938, где он иронизирует по поводу В. Немировича-Данченко: «*Как же, как же!* Я прямо горю нетерпением роман филистеру показать»²³³.

А в варианте романа от 04.01.1934 приводится следующее высказывание Воланда по поводу реакции Маргариты на его согласие вернуть мастера: «Я никак не ожидал, чтобы в этом городе могла существовать *истинная любовь*»²³⁴. Именно так охарактеризует любовь мастера и Маргариты сам Булгаков: «За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете *настоящей, верной, вечной любви?*» (глава 19).

Остановимся теперь на двух симметричных диалогах, имеющих одинаковый смысл: между мастером и Воландом, а также между регистраторшей посетителя в ресторане писательского дома Грибоедова и Бегемотом: «Я, к сожалению, не могу этого сделать, – ответил мастер, – потому что я сжег его в печке. – **Простите, не поверю**, – ответил Воланд, – этого быть не может. *Рукописи не горят*. – Он повернулся к Бегемоту и сказал: – Ну-ка, Бегемот, дай сюда роман» ~ «Достоевский умер, – сказала гражданка, но как-то не очень уверенно. – **Протестую**, – горячо воскликнул Бегемот. – *Достоевский бессмертен!*»

²²⁶ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 170.

²²⁷ Виленкин В. Незабываемые встречи // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Сов. писатель, 1988. С. 294.

²²⁸ Чудакова М.О. Архив М.А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 37. М.: Книга, 1976. С. 79.

²²⁹ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 152.

²³⁰ Дневник Елены Булгаковой. М.: Книжная палата, 1990. С. 44.

²³¹ Земская Е.А. Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 192.

²³² Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Голос, 2000. С. 560.

²³³ Там же. С. 507.

²³⁴ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 156.

Как отмечала Лидия Яновская, идею неуничтожимости рукописей Булгаков выдвинул еще в «Записках на манжетах» (1923): «Я начал драть рукопись. Но остановился. Потому что вдруг, с необычайной чудесной ясностью, сообразил, что правы говорившие: написанное нельзя уничтожить! Порвать, сжечь... от людей скрыть. Но от самого себя – никогда! Кончено! Неизгладимо!»²³⁵. А с фразой «Достоевский бессмертен!» коррелируют также авторская реплика в романе «Белая гвардия» (1924): «Фауст, как Саардамский плотник, – совершенно бессмертен»; и реакция Людовика XIV на известие о смерти Мольера: «Государь! Мольер умер!» – «Мольер бессмертен!» (роман «Жизнь господина де Мольера», 1933). В результате «брошенный в печку роман Мастера не горит, а писательская организация МАССОЛИТ, т.е. “массовая литература”, – сгорает дотла, как выразился Воланд и как горестно подтвердил Коровьев. Огонь предстает как критерий истины: подлинно то, что не горит»²³⁶.

Еще один выразительный эпизод имеется в «Копыте инженера», где Воланд, обращаясь к Берлиозу, высказывает сокровенные авторские мысли о красном терроре: «Желал бы я видеть, как какая-нибудь толпа могла вмешаться в суд, чинимый прокуратором, да еще таким, как Пилат! Поясню, наконец, сравнением. Идет суд в ревтрибунале на Пречистенском бульваре, и вдруг, вообразите, публика начинает завывать: “Расстреляй, расстреляй его!” Моментально ее удаляют из зала суда, только и делов. Да и зачем она станет завывать? Решительно ей все равно, повесят ли кого или расстреляют. Толпа, Владимир Миронович, во все времена толпа – чернь, Владимир Миронович!»²³⁷. Сравним с дневником Булгакова (21.12.1924): «...публика, конечно, ни уха, ни рыла не понимает в этой книге [«Уроки Октября» Троцкого] и ей глубоко все равно – Зиновьев ли, Троцкий ли, Иванов ли, Рабинович»²³⁸.

В предпоследней цитате «суд, чинимый прокуратором, да еще таким, как Пилат» напрямую соотносится Воландом с большевистским террором. И в таком контексте обращение Марка Крысобоя к распятому Иешуа «Славь великодушного игемона!» (то есть Пилата) прочитывается как аллюзия на процессы 1930-х годов, когда осужденные перед расстрелом кричали: «Слава великому Сталину!». Сам же Крысобой оказывается сотрудником ОГПУ, избивающим заключенных: «Вот... – сказал Пилат, отдуваясь, – вы такой крупный человек. Очень крупный. А между тем подследственных калечите. Деретесь. Сапогами стучите. Впрочем... что ж... у вас должность такая. Плохая должность у вас, Марк»²³⁹.

Да и сам Пилат, по словам Воланда, «говорит, что и при луне ему нет покоя и что у него плохая должность».

***

Некоторые исследователи считают одним из прототипов Воланда итальянского журналиста Курцио Малапарте (1898 – 1957), который приезжал в Москву весной 1929 года и общался с Булгаковым. Сам факт его приезда подтверждает заметка в «Вечерней Москве»: «Вчера наркома по просвещению – тов. А.В. Луначарского – посетил находящийся в Москве редактор крупной фашистской газеты “**Стампа**” и редактор итальянского журнала “**Итальянская литература**” – **Маллапарте**.

Итальянский журналист очень интересовался положением народного просвещения в Советской России. Тов. Луначарский в кратких чертах рассказал о системе

---

²³⁵ Яновская Л. Последняя книга, или Треугольник Воланда. М.: ПРОЗАиК, 2013. С. 459.

²³⁶ Кораблев А.А. Рукописи из частной коллекции Воланда // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX – XXI вв. М.: Музей М.А. Булгакова, 2012. С. 108.

²³⁷ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 493.

²³⁸ Булгаков М. Дневник. Письма. 1914 – 1940. М.: Современный писатель, 1997. С. 73.

²³⁹ Первая редакция романа (1928 – 1930) // Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 73.

народного образования и подарил г. Маллапарте книгу о народном просвещении, написанную на итальянском языке.

Из вопросов Маллапарте, заданных т. Луначарскому, видно, что в Италии довольно слабо информированы о положении дела в СССР. Так, например, итальянский журналист спрашивал: **есть ли в наших библиотеках произведениях других писателей, кроме пролетарских; правда ли, что в СССР в литературе больше политики, чем в других странах.** Тов. Луначарский ввел редактора “Стампа” в курс дела и дал ему соответствующие раз’яснения»²⁴⁰.

В мемуарах Маллапарте «Бал в Кремле» встреча с Луначарским описана гораздо подробнее и с множеством выдуманных деталей: например, Маллапарте пишет, что «отправился к наркому Луначарскому, чтобы он попросил милицию выдать мне пропуск и я смог побывать в комнате, где покончил с собой Маяковский»²⁴¹, в то время как Маяковский застрелился год спустя – 14 апреля 1930 года. Поэтому и к описанной им беседе с Булгаковым 5 мая 1929 года нужно подходить крайне осторожно:

«Быть христианами не нужно ни для чего. И все же нужно быть христианами», – часто повторял я Михаилу Афанасьевичу Булгакову, знаменитому автору драмы «Дни Турбиных», с которым мы вместе любили бродить по городу.

– *Pas la peine*²⁴², – отвечал Булгаков.

– И все же люди должны страдать, – говорил я, – христианство – это страдание.

– Не только страдание делает нас христианами, – возражал Булгаков, – христианами нас делает отказ от бессмысленного страдания. Страдать надо ради чего-то. Прежде всего ради других.

– Значит, ты полагаешь, что коммунисты тоже христиане? Что достаточно страдать ради других, чтобы быть христианами?

– Разумеется, они тоже христиане. Эти проклятые коммунисты и христиане *тоже*, – говорил Булгаков.

– Люди становятся христианами, соглашаясь на бессмысленные страдания, – возражал я, – разве люди не захотели появления Христа, разве не они призвали его на землю? Тогда пусть страдают! Но страдают бессмысленно, раз хотят быть до конца христианами.

– *Pas la peine*, – повторял Булгаков, поглаживая ладонью бледное одутловатое лицо.

Вся проблема в этом: призывали ли люди Христа, просили ли они его спуститься на землю, или Христос спустился на землю без призывов людей. Вопрос о коммунизме сводится к тому же самому: призывали ли его люди, хотели ли они его на самом деле или нет. <...>

– *Pas la peine*, – повторял Булгаков.

Как раз в эти дни в театре Станиславского шла пьеса Булгакова «Дни Турбиных» по его знаменитому роману «Белая гвардия». Пискатор недавно поставил пьесу в Берлине, где она имела большой успех²⁴³. <...>

– В котором из персонажей твоей пьесы спрятан Христос? – спрашивал я у Булгакова. – Кого из персонажей зовут Христом?

– В моей пьесе у Христа нет имени, – отвечал Булгаков дрожащим от страха голосом, – нынче в России Христос – никчемный персонаж. В России ни к чему быть христианами. Христос нам больше не нужен.

– Ты боишься назвать мне его имя, – говорил я, – ты боишься Христа.

– Да, я боюсь Христа, – тихо отвечал Булгаков, глядя на меня с испугом.

---

²⁴⁰ Иностраный журналист у тов. А.В. Луначарского // Вечерняя Москва. 1929. 31 мая. № 122. С. 1.

²⁴¹ *Маллапарте К.* Бал в Кремле / Перевод с итальянского Анны Ямпольской. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 158.

²⁴² Не стоит (*фр.*).

²⁴³ И вновь мы сталкиваемся с недостоверной информацией, поскольку немецкий режиссер-коммунист Эрвин Пискатор отрицательно отнесся к спектаклю «Дни Турбиных»: «В эти же дни в Москве гостили Эрвин Пискатор, Леон Муссиак и другие зарубежные деятели искусства. В МХАТе они видели “Дни Турбиных” М. Булгакова. Спектакль гостей огорчил, больше того, они были возмущены: как на сцене советского театра могли поставить пьесу, в которой сквозит явное сочувствие белогвардейцам, врагам Советской власти» (*Лацис А.* Красная гвоздика: Воспоминания. Рига: Лиесма, 1984. С. 127).

– Вы все боитесь Христа, – говорил я Булгакову, с силой сжимая ему запястье, – но отчего вы боитесь Христа?

Булгакова я любил. Любил с того дня, когда я увидел, как он тихонько плачет, сидя на лавочке на площади Революции, а перед ним течет московская толпа – нищая, оборванная, бледная, грязная толпа, люди с мокрыми от пота лицами, влажными и мягкими лицами моллюсков. <...>

– Христос нас ненавидит, – негромко повторял Булгаков.

Стояли пасхальные дни, однако колокола молчали. На колокольнях тысяч московских церквей колокола висели молча, свесив распухшие языки, словно вывешенные вялиться на солнце коровьи головы.

<...> Стаи голубей летали, оглушительно хлопая крыльями, вокруг куполов собора Василия Блаженного, собора Христа Спасителя, Сухаревской башни, зубчатых стен Кремля.

Из громкоговорителей, висящих на электрических столбах перед воротами церквей, громко раздавался густой голос Демьяна Бедного, главы Союза безбожников²⁴⁴ и автора Евангелия от Демьяна, в котором рассказана история некоего Христа, родившегося в доме терпимости у молодой проститутки по имени Мария: «Товарищи! Христос – контрреволюционер, враг пролетариата, саботажник, грязный троцкист, продавшийся международному капитализму! Ха! Ха! Ха!». На стене рядом с часовней Иверской Божией Матери, стоящей на входе на Красную площадь, под крупной надписью «Религия – опиум для народа» болталось повешенное пугало в терновом венце, похожее на Христа, на груди – табличка: «Шпион и предатель народа». Густой голос Демьяна Бедного вопил из громкоговорителя на колонне Большого театра, на площади Свердлова: «Христос не воскрес! Христос не воскрес! Когда он возносился на небеса, его сбила славная красная авиация. Ха! Ха! Ха!». Хриплый смех Демьяна Бедного отдавался, словно удар хлыстом, от стен Китай-города. В трамваях молодые рабочие с издевкой показывали руками на небо и кричали: «Вон он, вон он! Смотрите, летит!» Люди поднимали глаза, вглядывались в небо, многие говорили: «Наплевать!».

<...> Пробежавшие стайками мимо девчонки говорили: «Христос воскрес!» – и хохотали, глядя на меня с вызовом. Демьян Бедный тоже хохотал: «Ха! Ха! Ха!», и его грубый хриплый смех перелетал от одного громкоговорителя к другому, с одной улицы на другую, с одной площади на другую по всему городу.

<...> Я шагал рядом с Булгаковым и чувствовал, что на меня смотрит зеленое око весны, чувствовал затылком горячее дыхание коровы-весны и то и дело оборачивался.

– Ты зачем оборачиваешься? – спрашивал Булгаков. – Неужели надеешься увидеть, что сзади кто-то плачет?²⁴⁵

Не зная о том, что Малапарте – фантазер, можно было бы принять нарисованную им картину за чистую монету и сказать, что диалоги автора с Булгаковым о Христе послужили основой бесед Воланда с Берлиозом и Бездомным, хотя достоверность рассказа Малапарте косвенно подтверждает его реплика: «Ты боишься назвать мне его имя, – говорил я, – ты боишься Христа», – в которой можно увидеть отсылку к ранней редакции романа (1928 – 1929): «Необходимо быть последовательным, – отозвался на это консультант. – Будьте добры, – он говорил вкрадчиво, – наступите ногой на этот портрет, – он указал острым пальцем на изображение Христа на песке.

– Просто странно, – сказал бледный Берлиоз.

– Да не желаю я! – взбунтовался Иванушка.

– Бойтесь, – коротко сказал Воланд.

– И не думаю!

– Бойтесь!

Иванушка, теряясь, посмотрел на своего патрона и приятеля²⁴⁶.

Хотя Малапарте выступает в роли обличителя Булгакова, который боится Христа, а Воланд искушает атеиста Иванушку, внешнее сходство ситуаций налицо.

²⁴⁴ Главой Союза безбожников был Емельян Ярославский, а Демьян Бедный активно сотрудничал с этим Союзом и публиковался в журнале «Безбожник».

²⁴⁵ Малапарте К. Бал в Кремле. С. 125 – 133.

²⁴⁶ Булгаков М.А. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 238 – 239.

И поскольку Булгаков боялся евангельского Христа с его грозными обличениями и пророчествами о Страшном Суде, то решил в своем романе вывести его в образе обычного проповедника – слабого человека, лишенного божественных свойств, который не только никого не ненавидит (вспомним приписываемые Булгакову слова «Христос нас ненавидит»), но, напротив, считает всех людей добрыми.

Между тем доказать подлинность диалогов между Малапарте и Булгаковым уже не представляется возможным, поэтому назвать Малапарте одним из прототипов Воланда мы не рискуем.

Впрочем, какое-то общение между ними всё же имело место: «...Михаила Афанасьевича Булгакова он видел только один-единственный раз – в поездке с четой Пиччини, с Марией Артемьевной Чимишкиан [Марикой] и Михаилом Афанасьевичем с Любовью Евгеньевной Булгаковыми в Архангельское, где все они провели весело и беззаботно всего-то с 9-ти до 15-16 после полудня <...> Потом Малапарте вернулся в Италию, и Марика его более никогда не видела...»²⁴⁷.

***

Много информации для романа Булгаков почерпнул из книги «Оккультизм и магия»: «Шабашъ происходить по ночамъ въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, въ лѣсу, на горахъ, на пустынной равнинѣ. Вѣдьмы и колдуны переносились туда съ помощью дьявола въ мгновение ока. Иногда они усаживались для этого на кочергу или метлу, иногда дьяволь посылалъ имъ козловъ, драконовъ, а иногда просто переносилъ ихъ по воздуху.

На шабашѣ предсѣдательствуетъ сатана въ видѣ козла. Его зовутъ messire Léopard. Между рогами у него играетъ синее пламя, такъ что надъ головой его получается изображеніе еврейской буквы шинъ.

Всѣ присутствующіе должны были цѣловать у козла anus, затѣмъ мессиръ Леонардъ раздавалъ колдуньямъ порошки и жидкости, которые служили для приготовления ядовъ и любовныхъ напитковъ.

Колдуньи приносили въ жертву живыхъ младенцевъ и затѣмъ варили ихъ въ котлахъ. Онѣ убивали также жабъ, лягушекъ, кошекъ и приготовляли изъ ихъ костей магическіе предметы.

Одна изъ дѣвушекъ объявлялась царицей шабаша. Совершенно голая, ложилась она на алтарь, и мессиръ Леонардъ на глазахъ всѣхъ дефлорировалъ ее»²⁴⁸.

Последняя деталь, разумеется, в романе отсутствует, так же как и жертвоприношения живых младенцев; целование ограничено коленом Маргариты – со стороны гостей бала, и рукой Воланда – со стороны Маргариты; да и в целом многое из того, что касается демонов, было Булгаковым значительно облагорожено (разве что голая царица шабаша у демона Леонарда стала голый королевой бала у сатаны).

Козлиная голова Леонарда трансформировалась в козлий голос Коровьева²⁴⁹, а синее пламя, сверкающее между рогами мессира Леонарда, оставлено в качестве эффектного атрибута портсигара мессира Воланда: «...на крышке его при открытии сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник».

---

²⁴⁷ Шапошникова Н.В. Михаил Афанасьевич Булгаков, выдуманный Курцио Малапарте. М.: Изд-во Благотворительного фонда имени М.А. Булгакова, 2018. С. 6.

²⁴⁸ Тухолка С.В. Оккультизмъ и Магія. СПб.: Изданіе А.С. Суворина, 1907. С. 89. Данная отсылка впервые отмечена в статье: Золотонос М. «Сатана в нестерпимом блеске...». О некоторых новых контекстах изучения «Мастера и Маргариты» // Литературное обозрение. 1991. № 5. С. 104.

²⁴⁹ Между тем в варианте от 08.11.1933 среди участников шабаша был и козлоногий: «Под дубками весело плясали после купания четыре ведьмы и один козлоногий, вроде того толстяка. Зудящая музыка исходила от толстомордых лягушек, которые, подвесив кусочки святающихся гнилушек на согнутые ивовые прутья, играли на дудочках» (Булгаков М.А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 6. М.: Голос, 1999. С. 637).

Но почему Воланд называет себя специалистом по черной магии? Да потому, что демон Леонард – «гранд-мастер шабашей и главный инспектор магии и колдовства»²⁵⁰; «главный инспектор колдовства, черной магии и колдунов»²⁵¹.

Также об этом персонаже читаем: «Мэтр (Maitre) Леонард молчалив и меланхоличен; но на всех собраниях колдунов и дьяволов, где он обязан появляться, он показывает себя благосклонно и демонстрирует превосходную серьезность»²⁵². Именно так ведет себя с мастером и Маргаритой булгаковский Воланд: «А вот этого нельзя, – серьезно сказал Воланд и махнул рукой Абадоне, и того не стало».

Слово *maitre* переводится с французского в том числе как «мастер» (другие значения – «хозяин, адвокат, господин, учитель, старшина, мэтр»). Следовательно, титул Леонарда – *grand maitre des sabbats* – можно перевести и как «гранд-мастер шабашей», и как «великий повелитель суббот», что в свою очередь, пародирует слова Иисуса о себе: «Ибо Сын Человеческий есть господин и субботы» (Мф. 12:8). Кроме того, *grand maitre* – это еще и великий мастер (гроссмейстер).

Внешность Воланда – черное лицо и темные ноги («Кожу на лице Воланда как будто бы навеки сжег загар», «Колено этой темной ноги и натирала какою-то дымящеюся мазью Гелла») – соответствует очередному титулу Леонарда: «Его часто называют великим негром» (*On l'appelle souvent le grand negre*)²⁵³.

Также Леонард является предводителем младших (низших) демонов (*chef des demons subalternes*)²⁵⁴ и рыцарем Мухи (*chevalier de la Mouche*)²⁵⁵, что говорит о нем как об одном из частных проявлений Вельзевула (на иврите «бааль-звув» означает «повелитель мух»). А шабаш, которыми руководит Леонард, объясняют прибытие Воланда в Москву сразу после шабаша ведьм, проходившего в ночь с 30 апреля на 1 мая 1929 года на горе Броккен в Германии («Вы – немец? – Я-то? Да, пожалуй, немец...»). Да и внешний облик Воланда, который при встрече с Маргаритой «был одет в одну ночную длинную рубаху, грязную и заплатанную на левом плече», соответствует облику колдуна на шабаше: «Всѣхъ этихъ своихъ жертвъ злой колдунъ водилъ на шабашу. Тамъ онъ служилъ мессу, причемъ *одѣвалъ грязнѣйшую рубаху*, которую, очевидно, нарочно держалъ для этой цѣли. Всѣмъ своимъ обольщеннымъ жертвамъ онъ показывалъ книгу, сшитую изъ двухъ дестей бумаги, и заставлялъ ихъ въ этой книгѣ расписываться. Магдалина прибавляла къ этому, что когда она уходила съ перваго шабаша домой, то обольститель заставилъ ее надѣть на себя ту самую рубаху, въ которой онъ былъ на шабашѣ, и все время, пока эта адова одежда была на ней, она чувствовала себя истязуемою самыми смрадными вожделѣніями»²⁵⁶. Булгаков же заменил Магдалину на Маргариту, а «грязнейшую рубаху» – на засаленный халат, и, конечно, убрал все «смрадные вожделения»: «Да, пора, – совсем смутившись от этого, повторила Маргарита и обернулась, как будто ища накидку или плащ. Ее нагота вдруг стала стеснять ее. Она поднялась из-за стола. Воланд молча снял с кровати свой вытертый и засаленный халат, а Коровьев набросил его Маргарите на плечи. – Благодарю вас, мессир, – чуть слышно сказала Маргарита и вопросительно поглядела на Воланда. Тот в ответ улыбнулся ей вежливо и равнодушно».

---

²⁵⁰ «Leonard, grand-master of the Sabbaths, and inspector-general of magic and sorcery» (The book of days: A miscellany of popular antiquities / Edited by R. Chambers. In two volumes. Vol. II. London; Edinburgh: W. & R. Chambers, 1869. P. 722).

²⁵¹ Dictionnaire infernal / Par J.A.S. Collin de Plancy. Paris, 1818. P. 380.

²⁵² Ibid.

²⁵³ Ibid.

²⁵⁴ Ibid.

²⁵⁵ Ibid. P. 143.

²⁵⁶ Орловъ М.А. Исторія сношеній челоѣка съ дьяволомъ. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1904. С. 32. Впервые отмечено: Чудакова М.О. Архив М.А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 37. М.: Книга, 1976. С. 74.

Только что процитированная книга послужила основой еще некоторых сцен романа. Как пишет М.О. Чудакова (1976): «Главным источником для “демонической” сферы романа послужила книга М.А. Орлова “История сношений человека с дьяволом” (Спб., 1904). Начиная с л. 117 об. в тетради попеременно делаются выписки то из этой книги, то из различных статей энциклопедического словаря Брокгауза – Ефрона, имеющих отношение к демонологии. Выписки очень кратки: длинный список имен демонологов (помогающий проследить, какие главы книги Орлова были прочитаны Булгаковым с особенным вниманием), без видимой границы переходящий в заметки по римской и греческой истории и литературе, а также по истории раннего Возрождения, с которыми непосредственно связан появившийся на л. 169 об. список разнообразных научных тем, озаглавленный “Работы Феси” (материал для 11-й главы романа). На многих страницах книги Орлова встречаются подробности действия нечистой силы, нашедшие впоследствии прямое или косвенное отражение в романе. Специальная глава “Шабаш” у Орлова начинается так: “Шабаш ведьм – одно из грандиознейших созданий народной творческой фантазии, увлекавшее величайших поэтов и художников. Вспомните шабаш в “Фаусте” Гете!» (с. 30). Сам этот патетический зачин и дальнейшее изобилие подробнее описанных колдовских превращений не могли не подействовать заражающе на фантазию писателя <...> В книге несколько раз описываются, например, различные манипуляции с отрезанной головой, которую сатана может избирать “орудием для своих проявлений” (с. 322 – 323), есть эпизоды, которые прямо отразились в описании сеанса Воланда, например, рассказ о помощнице сатаны, некой девице Диане Воган: “Некто Бордоне произносил речь, заключавшую в себе какие-то нападки на Диану Воган. В самом патетическом месте этой речи оратор вдруг взревел благим матом, и в тот же миг его голова повернулась на своей оси ровно на 180°...” (с. 327); далее он должен просить прощения у Дианы, “Диана девица добрая, она простила: и все пришло в порядок” (с. 327) – все это, начиная с техники выполнения “фокуса” до мотива прощения использовано в первой и последующих редакциях романа»²⁵⁷. Действительно, тут же вспоминается сцена с отрыванием головы у Жоржа Бенгальского во время сеанса черной магии в театре Варьете, которая закончилась прощением конферансье.

Также и втирание мази в большую ногу Воланда сначала ведьмой Геллой, а затем Маргаритой имеет соответствие в «Истории сношений человека с дьяволом», где отмечена «подробность шведских сказаний. Иногда дьяволъ, присутствовавший на шабашахъ, сказывался больнымъ. Чѣмъ именно и въ чемъ выражалась болѣзнь, объ этомъ исторія умалчиваетъ; но зато объясняется, что гости шабаша усердно ухаживали за больнымъ хозяиномъ и лечили его – ставили ему банки»²⁵⁸.

Описанное в книге Орлова отрубание головы дьяволопоклонниками: «И съ этими словами онъ выхватилъ у Батайля изъ рукъ мечъ, взмахнулъ имъ и мгновенно, однимъ ударомъ, отсѣкъ голову Иео-Хуа-Цзы. Горячая кровь китаецца брызнула на Батайля, и его мертвое тѣло растянулось у его ногъ»²⁵⁹, – напоминает сцену убийства барона Майгеля: «...барон стал падать навзничь, алая кровь брызнула у него из груди и залила крахмальную рубашку и жилет». А далее голове задается вопрос, на который она отвечает «да» или «нет»: «Глаза отрубленной головы медленно открылись и сдѣлали явный утвердительный знакъ своими вѣками. И вслѣд за тѣмъ лицо поблѣднѣло и стало мертвенно-неподвижнымъ»²⁶⁰. Этот эпизод нашел отражение в диалоге Воланда с головой Берлиоза: «Михаил Александрович, – негромко обратился Воланд к голове, и тогда веки убитого приподнялись, и на мертвом лице Маргарита, содрогнувшись, увидела живые, полные мысли и страдания глаза. – Все сбылось, не правда

²⁵⁷ Чудакова М. Архив М.А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя. С. 73 – 74.

²⁵⁸ Орловъ М.А. Исторія сношеній челоуѣка съ дьяволомъ. Спб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1904. С. 247.

²⁵⁹ Там же. С. 314.

²⁶⁰ Там же. С. 314.

ли? – продолжал Воланд, глядя в глаза головы. – Голова отрезана женщиной, заседание не состоялось, и живу я в вашей квартире».

Из той же книги Орлова было взято и имя кота Бегемота: «Пятый бѣсъ былъ Бегемотъ, происходившій изъ чина Престоловъ. <...> Этотъ бѣсъ изображался въ видѣ чудовища со слоновой головой, съ хоботомъ и клыками. Руки у него были чело-вѣческаго фасона, а громаднѣйшій животъ, коротенькій хвостикъ и толстыя заднія лапы, какъ у бегемота, напоминали о носимомъ имъ имени»²⁶¹ (ср. в первой черновой тетради романа: «“Бегемот!” На зов из черной пасти камина вылез черный кот на толстых, словно дутых лапах и вопросительно остановился. “Дрессированный, – подумал буфетчик, – лапы до чего гадкие!”»²⁶²).

Что же касается мастера Леонарда как управителя ведьминского шабаша, то он фигурирует и в романе Валерия Брюсова «Огненный ангел» (1907), который был знаком Булгакову (поэтому и в сохранившихся обрывках первой редакции романа Воланд назван Леонардом²⁶³), так же как и повесть Николая Вагнера «Мирра (Рождественскій рассказъ)», где красавица-еврейка Мирра соблазняет князя Павла отречься от креста: «Князь, – спросила она какимъ-то искреннимъ полушепотомъ, но съ чувствомъ ужаса. – Вы... вы... атеистъ?!...»²⁶⁴ = «Иностранец откинулся на спинку скамейки и спросил, даже привизгнув от любопытства: – Вы – атеисты?»; «Князь! – сказала она, зажавъ крестъ въ рукѣ и прямо смотря на него. – Это предразсудокъ, дѣтская привычка, но если бы я попросила васъ бросить этотъ крестъ на землю и наступить на него ногами?.. Если бы вамъ привелось попать его?..»²⁶⁵ = «Будьте добры, – он говорил вкрадчиво, – наступите ногой на этот портрет, – он указал острым пальцем на изображение Христа на песке»²⁶⁶ («я попросила вас... наступить на него ногами» = «наступите на этот портрет»; «этот крест» = «этот портрет... Христа»; «на землю» = «на песке»); «И она смотрѣла на него прямо, въ упоръ своими искрящимися глазами»²⁶⁷ = «Два глаза уперлись Маргарите в лицо. Правый, с золотою искрой на дне, сверлящий любого до дна души...» («в упор» = «уперлись»; «искрящимися» = «искрою»; «глазами» = «Два глаза»).

И если Мирра называет свою просьбу наступить на крест «*предрассудком, детской привычкой*», то Берлиоз так же реагирует на просьбу Воланда: «Ни в какого Христа он не верит, но ведь это же *детски нелепо* доказывать свое неверие таким способом!»²⁶⁸.

Но далее наблюдается существенное различие, поскольку князь отказывается наступать на крест, чудесным образом преобразившийся в самого Христа, а Иван в бешенстве топчет нарисованный им портрет Христа на песке: «Затѣмъ онъ поднялъ надъ нимъ свою святотатственную ногу. Но въ то же самое мгновенье отшатнулся и весь задрожалъ. Крикъ ужаса невольно вырвался изъ его груди.

Передъ нимъ, прямо на землѣ, все пространство словно раздвинулось въ какомъ-то неопредѣленномъ тускломъ бѣловатомъ свѣтѣ. И въ этомъ свѣтѣ вдругъ ясно вырисовывался распростертый образъ *Его* во всемъ величии страданія, въ яркомъ ореолѣ кротости и любви.

---

²⁶¹ Там же. С. 247.

²⁶² Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновики романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 40.

²⁶³ «...гражданин Ле<онард> артист, снабже<нный> реко<мендациями> от <Всесоюзного общества культурной> связи с заграницей...» (Там же. С. 98). А далее Никодим Поротый (будущий Никанор Босой) говорит Королькову: «...первый раз в жизни <я видел> Леонарда, Христом <клянусь>» (Там же. С. 99).

²⁶⁴ Вагнеръ Н.П. Повѣсти, сказки и рассказы Кота-Мурлыки. Томъ первый. Изданіе второе. СПб.: Типографія М.М. Стасюлевича, 1890. С. 285.

²⁶⁵ Там же. С. 286.

²⁶⁶ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 238.

²⁶⁷ Вагнеръ Н.П. Повѣсти, сказки и рассказы Кота-Мурлыки. С. 286.

²⁶⁸ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 238.

Онъ смотрѣлъ такъ нѣжно, такими добрыми, любящими глазами, прямо въ сердце князя, въ сердце брата, который дерзнулъ поднять ногу на *Него*, окровавленнаго страдальца за любовь, свободу, за все лучшее, святое, великое во всемъ челоуѣствѣ.

И князь отшатнулся, точно оттолкнутой невидимой силой»²⁶⁹ → «И Иванушкин сапог вновь взвился, послышался топот, и Христос разлетелся по ветру серой пылью.

И был час девятый.

– Вот! – вскричал Иванушка злобно»²⁷⁰ (девятый час вечера – это время смерти Христа в Новом Завете – см. Лука 23:44; таким образом, Иванушка виртуально повторил убийство Иисуса; помимо того, авторская фраза «И был час девятый» повторяет концовку рассказа Воланда о распятии Иешуа: «И был, достоуважаемый Иван Николаевич, час восьмой»²⁷¹). Но вместе с тем совпадают обличения Миррой «трусости» князя Павла, и Булгаковым – «трусости» Иванушки: «...все блѣдное лицо ея было искажено бѣшенствомъ злобы. “Не можешь!? – хрипѣла она въ безсиліи отчаянія. – Не можешь... безчестный *трусъ!*...”»²⁷² = «“Ну, тогда вот что! – сурово сказал инженер и сдвинул брови, – позвольте вам заявить, гражданин Бездомный, что вы – врун свинячий!” <...> По теории нужно бы было сейчас же дать в ухо собеседнику, но русский человек не только нагловат, но и *трусоват*»²⁷³.

Мистическую атмосферу происходящего в повести Н. Вагнера подчеркивает и то, что Мирра просит князя Павла наступить на крест до наступления полуночи:

– Скорѣе, спѣши!.. – торопила она... – Сейчас ударить полночь и снова народится Онъ – и снова будетъ раздѣленіе и борьба²⁷⁴.

– Я не могу! – прошептала князь, задыхаясь и весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

– Не можешь? – вскричала она и, какъ ужаленная, поднялась съ дивана... – Не можешь!.. Презрѣнный!²⁷⁵

А в романе Булгакова в полночь начинается «великий бал у сатаны» – так называется 23-я глава, название которой восходит к стихотворному наброску Пушкина «Фауст в аду» (1825): «Сегодня бал у сатаны – / На именины мы званы...».

Повесть «Мирра» названа «*Рождественским* рассказом» (отсюда – «и снова народится Он», то есть Христос), а Воланд дает бал в ночь со Страстной пятницы на Великую субботу в канун христианской Пасхи. Поэтому появление Воланда в Москве приводит к тому, что Страсти Христовы превращаются в Страсти Воландовы. Напомним, что «в Великую субботу Церковь воспоминает погребение Иисуса Христа, пребывание Его тела во гробе, сошествие душою во ад для возвещения там победы над смертью и избавления душ, с верою ожидавших Его пришествия»²⁷⁶, а на балу, который в субботу устраивает Воланд, также оживают мертвые, выскакивая из напоминающего преисподнюю «совершенно необъятного камина, в холодную и черную пасть которого мог свободно въехать пятитонный грузовик».

Князю Павлу казалось, что в глазах Мирры «виднѣлись пути, ведущіе прямо въ сердце»²⁷⁷, а Маргарита видела правый глаз Воланда, «сверлящий любого до дна ду-

²⁶⁹ Вагнеръ Н.П. Повѣсти, сказки и рассказы Кота-Мурлыки. С. 287 – 288.

²⁷⁰ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 240.

²⁷¹ Там же. С. 230.

²⁷² Вагнеръ Н.П. Повѣсти, сказки и рассказы Кота-Мурлыки. С. 289.

²⁷³ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 239.

²⁷⁴ Отсылка к словам Христа: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его» (Мф. 10:34-36).

²⁷⁵ Вагнеръ Н.П. Повѣсти, сказки и рассказы Кота-Мурлыки. С. 288.

²⁷⁶ Владимирова Е. Великие иконы России. М.: Эксмо, 2011. С. 54.

²⁷⁷ Вагнеръ Н.П. Повѣсти, сказки и рассказы Кота-Мурлыки. С. 278.

ши». При этом Мирра вся усыпана бриллиантами, а на часах и портсигаре Воланда изображен бриллиантовый треугольник: «Бриллиантовый вѣнец сверкаль на ея гла-
вѣ...»²⁷⁸ = «...на крышке его при открывании сверкнул синим и белым огнем брилли-
антовый треугольник».

Если про Мирру сказано: «Затѣмъ взгляды ея потухъ»²⁷⁹, – то в 3-й редакции «Мастера и Маргариты» Степа Лиходеев «увидел, что глаз Воланда – левый – потух и провалился»²⁸⁰ (а глагол «провалился» применяется и к глазам Мефистофеля в романе Эмилия Миндлина «Возвращение доктора Фауста», 1923: «Быть со мной! – глаза Мефистофеля провалились, их не было видно, – хотите?»).

Мирра сообщает князу Павлу, что ее отец занимается магией: «...мой отецъ владѣть той наукой, которая досталась человѣчеству отъ древнихъ маговъ и въ которой заключена премудрость Единаго»²⁸¹. Воланд же называет себя «специалистом по черной магии», но наряду с этим также отстаивает первостепенное значение «Единаго»: «...ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?».

Отец Мирры «умѣть видѣть въ великомъ зеркалѣ то, что совершается теперь въ странахъ отдаленныхъ»²⁸², а Воланду в этом помогает волшебный глобус.

Отец Мирры «умѣть читать по звѣздамъ судьбы народовъ и каждаго человѣка»²⁸³, а Воланд предсказывает судьбу Берлиозу при помощи астрологии.

Роднит Мирру с Воландом и описание ее дома: «Напротивъ зеркала вся стѣна была увѣшана досками съ кабалистическими фигурами и надписями на неизвѣстномъ языкѣ. <...> “Это вѣроятно, – подумалъ онъ [князь], – одинъ изъ тайныхъ масонскихъ вертеповъ какой-нибудь особенной мистической секты, которая не брезгуетъ кабалой и подобными магическими таинствами”»²⁸⁴ = «Еще разглядела Маргарита на раскрытой безволосой груди Воланда искусно из темного камня вырезанного жука на золотой цепочке и с какими-то письменами на спинке».

Соответственно, атмосфера в доме Мирры и в коридоре, ведущем в квартиру Воланда, также совпадает: «Они вступили въ длинный невысокій корридоръ со сводами, ихъ обдало той холодной, затхлой сыростью, которая бываетъ въ подземельяхъ»²⁸⁵ = «Ничего не было видно, как в подземелье, и Маргарита невольно уцепилась за плащ Азazelло, опасаясь споткнуться», – как и реакция князя и Маргариты: «*Прежде всего поразилъ князя странный входъ: онъ напоминалъ входъ въ египетскія пирамиды, косяки какъ-будто падали другъ къ другу*»²⁸⁶ = «Нет, – ответила Маргарита, – *более всего меня поражает*, где все это помещается».

В обоих случаях упоминаются лампы, которые держат сопровождающие князя и Маргариту люди: «На верхней ступенькѣ небольшой каменной лѣстницы стоялъ высокій смуглый человѣкъ, закутанный въ широкій полосатый бурнусъ и въ бѣлой чалмѣ на головѣ. Въ одной рукѣ онъ держалъ небольшую лампу, напоминавшую древнія римскія лампы...»²⁸⁷ = «...Маргарита увидела освещенное лицо мужчины, длинного и черного, держащего в руке эту самую лампадку. <...> Это был Коровьев, он же Фагот» (разница лишь в том, что в первом случае фигурирует «небольшая каменная лестница», а во втором – «бесконечная лестница»). И если «чело-

278 Там же. С. 279.

279 Там же. С. 279.

280 Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 6. М.: Голос, 1999. С. 554.

281 Вагнеръ Н.П. Повѣсти, сказки и рассказы Кота-Мурлыки. С. 280.

282 Там же.

283 Там же.

284 Там же. С. 273 – 274.

285 Там же. С. 272.

286 Там же. С. 272.

287 Там же. С. 272.

вѣкъ медленно повернулся и пошелъ впередъ, освѣщая путь»²⁸⁸, то «Коровьев... широко проведя лампадой по воздуху, пригласил Маргариту следовать за ним».

Обращение Мирры к князю Павлу отзовется в разговоре Коровьева с королевой Марго: «Такимъ образомъ, въ вашей крови есть кровь древнихъ нормановъ, а въ вашемъ гербѣ существуетъ черный левъ и черная роза, несомнѣнный знакъ этой крови»²⁸⁹ = «Да и притом вы сами – королевской крови»; «Князь невольно отшатнулся отъ нея. <...> “Сударыня! Откуда это вамъ известно?” – спросилъ онъ»²⁹⁰ = «Почему королевской крови? – испуганно шепнула Маргарита, прижимаясь к Коровьеву». А эпизод, где князя уговаривают приехать в дом Мирры, послужил основой для сцены в Александровском саду, где Азazelло приглашает Маргариту к Воланду:

1) – Но чѣмъ же я гарантированъ, *meine... gnädige Frau*, – спросилъ князь по-нѣмецки, – что все, что вы продѣлываете **со мной, не будетъ злая, оскорбительная мистификація**.

– О! Ihr Erlaucht, – встрепенулась спутница. – Здѣсь идетъ дѣло о серьезной, весьма серьезной вещи. Здѣсь нѣтъ мѣста для мистификации: клянусь вамъ, что **вы ничѣмъ не рискуете**.

<...>

Какъ только князь, вмѣстѣ съ своей *таинственной спутницей* достигъ верхней ступеньки, человекъ медленно повернулся и пошелъ впередъ, освѣщая путь²⁹¹.

2) «“**Я приглашаю вас к иностранцу совершенно безопасному**”. <...> Маргарита помолчала, потом ответила: “<...> Ну что же, я прекрасно понимаю, что меня подкупают и тянут в какую-то **темную историю, за которую я очень поплачусь**”. <...> *таинственный собеседник* Маргариты Николаевны исчез».

Кстати, просьба князя гарантировать ему, «что всё, что вы продѣлываете *со мной*, не будетъ злая, оскорбительная *мистификація* <...> “Ну! что же, – подумалъ онъ. – **Mystère такъ Mystère!**”», находитъ буквальную аналогию в словах Маргариты, обращенных к Азazelло: «**Перестаньте вы меня мистифицировать и мучить вашими загадками**» (французское слово «mystère» переводится как «тайна, загадка»).

Завязка же романа о дьяволе могла быть подсказана Булгакову рассказом Владимира Набокова «Сказка» (1926), подписанным псевдонимом «В. Сирин»:

Напомним первые страницы этой вещи. Ее герой Эрвин однажды легким майским вечером сидел в открытом кафе. Это было на закате: «Небо было сплошь розоватое, и в сумерках каким-то неземным огнем горели фонари, лампочки вывесок». К его столику подсе- ла пожилая дама. Картина вечера вбирает в себя и пролетающие трамваи: «Огромное небо, налитое розовой мутью, темнело, мигали огни, промахнул трамвай и разрыдался райским блеском в асфальте. И проходили женщины». Последнее важно для сюжета рассказа: герой мысленно подбирает кандидаток для своего гарема. Дама угадывает мысли Эрвина и предлагает ему помочь в осуществлении его мечтаний. «Эрвин от изумления привстал. Дама смотрела на него в упор, медленно расстегивая и стягивая с руки перчатку. Ее подтушеванные глаза, как яркие поддельные камни, блестели равнодушно и твердо, под ними взбухали темные мешочки, снятая перчатка обнаружила большую морщинистую руку с миндалевидными, выпуклыми, очень острыми ногтями. – Не удивляйтесь, – усмехнулась дама – и затем, с глухим зевком, добавила: – Дело в том, что я – черт». За кратким описанием ее последних воплощений, вызывающим у Эрвина желание уйти, следует ее предсказание: «А если вы еще не верите в мою силу... Видите, вон там через улицу переходит господин в черепаховых очках. Пускай на него наскочит трамвай». Пожелание, высказанное чертом, немедленно выполняется: «Господин в очках, дойдя до рельс, вынул на ходу носовой платок, хотел в него чихнуть – и в это мгновение блеснуло, грянуло, прокатило. Люди в кафе ахнули, повскачили

²⁸⁸ Там же. С. 272.

²⁸⁹ Там же. С. 278.

²⁹⁰ Там же. С. 277 – 278.

²⁹¹ Там же. С. 270, 272.

с мест, некоторые побежали через улицу. Господин, уже без очков, сидел на асфальте. Ему помогли встать, он качал головой, тер ладони, виновато озирался». Роль масла, пролитого Аннушкой, у Набокова выполняет сам пострадавший, замешкавшийся на путях. Но черт в этом рассказе и не хочет его убивать. Примечательно, что эта возможность обсуждается самим чертом, выступающим в облики госпожи Отт, в его комментарии к происшествию: «– Я сказала: наскочит, – могла сказать: раздавит, – холодно проговорила госпожа Отт. – Во всяком случае, это пример». Этот вариант, набоковским чертом только намеченный, в повествовании Булгакова осуществлен²⁹².

Действительно, Булгаков мог отсюда позаимствовать способ расправы с Берлиозом, который тоже был «в черепаховых очках»: «очки в черной роговой оправе», – и еще несколько деталей: «В рассказе “Сказка” и в первой главе романа Булгакова совпадает и разговор на открытом воздухе. Одинаково и время дня, и время года. Даже перчатки на руках черта, по весенней поре не вполне уместные, совпадают в обоих повествованиях»²⁹³. Похоже также появление трамвая: «...и в это мгновение блеснуло, грянуло, прокатило» (Набоков), «Тотчас и подлетел этот трамвай <...> он внезапно осветился изнутри электричеством, взвыл и наддал» (Булгаков).

В разговоре с Сергеем Ермолинским Булгаков сказал: «Не хочу давать повода любителям разыскивать прототипы. Думаешь, не найдется человека “с копытом”? Обязательно найдется. А у Воланда никаких прототипов нет. Очень прошу тебя, имей это в виду»²⁹⁴. Однако имеется и противоположное свидетельство: «Мне рассказывал человек, который лично знал Булгакова: Булгаков прямо говорил, что прототипом Воланда является Сталин. Вот как надо понимать Сталина, если подниматься на уровень Булгакова: как абсолютное зло, карающее зло второстепенное»²⁹⁵. Вместе с тем подобная трактовка ошибочна, поскольку в образе Воланда имеются черты и самого Булгакова, и Иисуса Христа. Да и художественных прототипов у Воланда существует немало. Одним из его двойников является даже жулик Милославский из булгаковской пьесы «Иван Васильевич» (1934 – 1936):

- 1) Дьяк. Не гневайся боярин, не признаю я тебя... Али ты князь?
Милославский. Я, пожалуй, князь, да.
- 2) – Вы – немец? – осведомился Бездомный.
– Я-то? <...> Да, пожалуй, немец.

Воланд из потустороннего мира прибывает в Москву XX века, а Милославский благодаря машине времени попадает в Москву XVI века. То есть оба они являются пришельцами. При этом Жорж Милославский пользуется лексикой не только Воланда, но и Бендера. Например, Милославский говорит дьяку о себе: «...царский любимец и приближенный человек». А Остап отрекомендовался Хворобьеву так: «Слуга царю, отец солдатам»; и тоже называет себя «любимцем», хоть и не царя, а Рабиндраната Тагора. Кроме того, «царскому любимцу и приближенному человеку» соответствует титул Воробьянинова, которым его наделяет Остап: «особа, приближенная к императору». Милославский же говорит Бунше: «Надевай шапку... Будешь царем...». Поэтому пара *Милославский – Бунша* закономерно дублирует пару *Бендер – Воробьянинов*. Остроумным и находчивым Милославскому и Бендеру сопутствуют недалекие и туповатые Бунша и Воробьянинов.

---

²⁹² Иванов Вяч. Вс. Черт у Набокова и Булгакова // Звезда. 1996. № 11. С. 146.

²⁹³ Там же. С. 147.

²⁹⁴ Ермолинский С.А. Из записок разных лет: Михаил Булгаков. Николай Заболоцкий. М.: Искусство, 1990. С. 52.

²⁹⁵ Закон сохранения художественности: С Вадимом Кожиновым беседует Владимир Славецкий // Литературная учеба. М., 1991. № 6 (нояб. – дек.). С. 58.

Религиозная тематика в «Мастере и Маргарите»

По словам второй жены Михаила Булгакова Любови Белозерской, в январе 1926 года художница Наталия Ушакова подарила ее мужу экземпляр книги Александра Чаянова «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей» (Москва, 1922):

Н. Ушакова, иллюстрируя книгу, была поражена, что герой, от имени которого ведется рассказ, носит фамилию Булгаков. Не меньше был поражен этим совпадением и Михаил Афанасьевич.

Всё повествование связано с пребыванием сатаны в Москве, с борьбой Булгакова за душу любимой женщины, попавшей в подчинение к дьяволу. <...>

Сатана в Москве. Происходит встреча его с Булгаковым в театре Медокса...

<...>

Судьба сталкивает Булгакова с Венедиктовым, и тот рассказывает о своей дьявольской способности безраздельно овладевать человеческими душами.

«Беспредельна власть моя, Булгаков, – говорит он, – и беспредельна тоска моя, чем больше власти, тем больше тоски...». Он повествует о своей бурной жизни, о черной мессе, оргиях, преступлениях, и неожиданно: «Ничего ты не понимаешь, Булгаков! – резко остановился передо мной мой страшный собеседник. – Знаешь ли ты, что лежит вот в этой железной шкатулке?.. Твоя душа в ней, Булгаков!». Но душу свою у Венедиктова Булгаков отыгрывает в карты.

После многих бурных событий и смерти Венедиктова душа Настеньки обретает свободу, и полюбившие друг друга Настенька и Булгаков соединяют свои жизни.

С полной уверенностью я говорю, что небольшая повесть эта послужила зарождением замысла, творческим толчком для написания романа «Мастер и Маргарита».

Это легко проследить, сравнив вступление первого варианта романа со вступлением повести Чаянова. Невольно обращает на себя внимание общий речевой их строй²⁹⁶.

Чуть раньше, в начале января 1925 года, Булгаков зашел в редакцию журнала «Безбожник у станка» и приобрел комплект за прошлый год, после чего написал в дневнике: «Когда я бегло проглядел у себя вечером номера “Безбожника”, был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне... Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены»²⁹⁷ (данная запись от 5-го января послужила источником и одного из эпизодов 19-й главы романа: «Да, чем-нибудь всё это кончится. Верую!»²⁹⁸ ~ «Я верую! – шептала Маргарита торжественно, – я верую! Что-то произойдет!»).

Очевидно, что это событие стало толчком к сбору информации для будущего романа, так же как и публикация в газете «Правда» (апрель – май 1925) поэмы Демьяна Бедного «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна», в которой были, например, такие строки: «Крещенья не было никогда, / Не было духа в виде голубине, / И не было гласа о божьем сыне. <...> Эта тайна проста: / Не было воскресенья Иисуса Христа». Но еще раньше, в 1923-м, Булгаков создал повесть «Дьяволиада», прямым продолжением которой и стал роман о дьяволе.

Существует также информация, что «Булгакову было лет двенадцать, когда, таинственно блестя глазами, он сказал однажды сестре Наде: “Ты думаешь, я сегодня ночью спал? Я был на приеме у сатаны!..”»²⁹⁹. А вскоре после «приема у сатаны» у молодого Булгакова появилась привычка, о которой рассказала его первая жена Та-

²⁹⁶ Белозерская-Булгакова Л.Е. О, мед воспоминаний. Ann Arbor: Ardis, 1979. С. 122 – 124.

²⁹⁷ Булгаков М. Дневник. Письма. 1914 – 1940. М.: Современный писатель, 1997. С. 87.

²⁹⁸ Там же. С. 85.

²⁹⁹ Яновская Л. Треугольник Воюнда: Главы из книги // Октябрь. 1991. № 5. С. 183.

тьяна Лаппа: «Он еще тогда всё время Мефистофеля рисовал. Так, на бумажке какой-нибудь, на листочках... Лицо одно. Бородка такая. Цветными карандашами раскрашивал. Вот письменный стол, и обязательно рожица Мефистофеля висит»³⁰⁰.

Кстати, долгое время именно Воланд был главным героем романа, и именно он (и только он) рассказывал «древние» главы, поскольку не было еще никакого мастера.

Помимо письма Булгакова правительству СССР (март 1930): «И лично я своими руками бросил в печку черновик романа о дьяволе...»³⁰¹, – можно привести запись его жены от 27.09.1933: «Миша читал Коле Л<ямину> новые главы романа о дьяволе, написанные в последние дни или, вернее, – ночи»³⁰². И, несмотря на то, что в дальнейшем появились мастер и Маргарита, вынесенные даже в заголовок романа³⁰³, центрообразующей фигурой все равно остался Воланд, с появления которого на Патриарших начинается сюжет и отлетом которого из Москвы сюжет заканчивается. Более того, уже в 1937 году Булгаков написал на титульном листе: «Князь тьмы». Само же название «Мастер и Маргарита» закрепилось лишь в начале 1938 года – об этом есть запись в дневнике Елены Булгаковой от 01.03.1938: «Миша днем у Ангарского³⁰⁴, сговаривается почитать начало романа. Теперь, кажется, установилось у Миши название “Мастер и Маргарита”. Печатание его, конечно, безнадежно. Теперь Миша по ночам правит его и гонит вперед, в марте хочет кончить. Работает по ночам»³⁰⁵.

Между тем работа над романом началась весной 1928 года³⁰⁶ – почти в одно время с публикацией в журнале «30 дней» (с января по июль 1928-го) «Двенадцати стульев», где главным героем также является дьявол, но не иностранец, а «наш, советский человек» Остап Бендер. Видимо, подобная образность витала в воздухе, и писатели улавливали ее независимо друг от друга.

В разговоре с Бездомным Берлиоз перечисляет восточных богов, в том числе персидского бога солнца Митру, что коррелирует с изображением на груди Воланда жука-скарабея, символизирующего египетского бога утреннего солнца Хепри и воскрешение в загробном мире. Так что Воланд – это не только дьявол, который чурается света, но и бог солнца. Поэтому «кожу на лице Воланда как будто бы навеки сжег загар». Да и появляется он на Патриарших, когда «сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо».

Перечислив разных богов, Берлиоз упомянул и «менее известного грозного бога Виципуцли, которого весьма почитали некогда ацтеки в Мексике». И появляет-

---

³⁰⁰ Паршин Л. Чертовщина в американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М.: Книжная палата, 1991. С. 103.

³⁰¹ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Голос, 2000. С. 258.

³⁰² Михаил и Елена Булгаковы. Дневник Мастера и Маргариты. М.: Вагриус, 2004. С. 135.

³⁰³ Точности ради заметим, что имя «Маргарита» появилось уже в двух черновых тетрадах 1931 года.

³⁰⁴ Председатель Всесоюзного внешнеторгового объединения «Международная книга».

³⁰⁵ Булгаков М. Дневник. Письма. 1914 – 1940. М.: Современный писатель, 1997. С. 483.

³⁰⁶ «Здесь же, на Большой Пироговской, был написан “Консультант с копытом” (первый вариант в 1928 году), легший в основу романа “Мастер и Маргарита” [ранняя редакция называлась «Копыто инженера», а название «Консультант с копытом» появилось лишь в 1931 году. – Я.К.]. Насколько помню, вещь была стройней, подобранней: в ней меньше было “чертовщины”, хотя событиями в Москве распоряжался все тот же Воланд с верным своим спутником волшебным котом. Начал Воланд также с Патриарших прудов, где не Аннушка, а Пелагеюшка пролила на трамвайные рельсы роковое постное масло. Сцена казни Иешуа была так же прекрасно-отточенно написана, как и в дальнейших вариантах романа. Из бытовых сцен очень запомнился аукцион в бывшей церкви. Аукцион ведет бывший диакон, который продает шубу бывшего царя...» (*Белозерская-Булгакова Л.Е.* О, мед воспоминаний. Ann Arbog: Ardis, 1979. С. 121). Об этом же говорит М.О. Чудакова: «Мы не знаем, в какой из дней 1928 года Булгаков вновь обратился к покинутой им уже несколько лет назад беллетристике. Достоверным представляется лишь то, что именно в этом году был начат роман, ставший впоследствии романом “Мастер и Маргарита”. Сам Булгаков на титульном листе рукописей более поздних редакций выставлял начальной датой 1928 год. <...> В 1928 году действие романа начиналось в середине июня...» (*Чудакова М.* Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. С. 384, 391).

ся Воланд «как раз в то время, когда Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицлипуцли». По словам комментатора:

Сведения об этом божестве <...> Булгаков, скорее всего, почерпнул из книги В. Рожицына «Умирающий бог. Происхождение христианского культа страдающего и воскресающего бога Иисуса» (2-е изд. Харьков, 1925), где, в частности, говорится, что во время праздника в честь Вицлипуцли – бога войны, которому ацтеки приносили человеческие жертвы, «девушки, заранее запертые в храме, приготавливали из маисовой муки и меда изображение бога, соответствующее по размеру его деревянной статуе. В тесто вставляли стеклянные глаза, зубы делали из зерен маиса». Вицлипуцли введен в текст романа не случайно. Во-первых, календарное время его праздника совпадает со временем действия романа. Во-вторых, в немецких легендах о докторе Фаусте фигурирует Вицлипуцли дух ада, первый помощник сатаны (см.: Легенда о докторе Фаусте / Под ред. В. М. Жирмунского. 2-е изд., испр. М., 1978. С. 139, 144). Перед тем как Берлиоз произнес имя Вицлипуцли, «соткался из воздуха» Фагот-Коровьев – старший из окружающих Воланда демонов, предтеча сатаны. Упоминание же имени мексиканского бога, ставшего в немецких народных преданиях предвестником сатаны, вызвало появление на Патриарших самого дьявола – Воланда³⁰⁷.

А кто такой Коровьев? Ближайшая параллель ему отыскивается в романе «Белая гвардия» (1924): «Только под утро он разделся и уснул, и вот во сне явился к нему маленького роста кошмар в брюках в крупную клетку и *глумливо* сказал <...> – Ах ты! – вскричал во сне Турбин. – Г-гадина, да я тебя. – Турбин во сне полез в ящик стола доставать браунинг, сонный, достал, хотел выстрелить в кошмар, погнался за ним, и кошмар пропал». В виде такого же кошмара является Коровьев Берлиозу: «И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок <...> и физиономия, прошу заметить, *глумливая*». А погоня Турбина за кошмаром будет передана Бездомному: «Ты нарочно под ногами путаешься? – зверея, закричал Иван. – Я тебя самого предам в руки милиции!»

Иван сделал попытку ухватить негодя за рукав, но промахнулся и ровно ничего не поймал. Регент как сквозь землю провалился» (сравним: «вскричал» = «закричал»; «гадина» = «негодяя»; «да я тебя» = «Я тебя самого предам в руки милиции!»; «кошмар пропал» = «Регент как сквозь землю провалился»).

В повести Булгакова «Тайному другу» (1929) к писателю Максудову (alter ego автора) приходит дьявол Рудольф, о котором сказано так: «*Рудольф сиял* и встретился меня теплым рукопожатием». И ровно так же будет охарактеризован демон Коровьев: «*Коровьев просиял*, встал, почтительно поклонился, показав как по шнуру ровный пробор, и пригласил Маргариту идти с ним»³⁰⁸. Поэтому и наставления переводчика Коровьева Маргарите перед балом у Воланда похожи на инструкции, которые давал редактор Рудольф Максудову перед его встречей с издателем Рвацким: «Так вот, вы изъявите полное свое согласие на все, что он ни скажет. И хорошо было бы даже, если бы вы сказали ему какой-нибудь комплимент» («Тайному другу», 1929) ~ «Поцелуйте руку, назовите его “мессир”, отвечайте только на вопросы и сами вопросов не задавайте» (редакция от 11.11.1933³⁰⁹). В свою очередь, Максудов и Маргарита одинаково реагируют на слова дьявола Рудольфи и демона Коровьева: «И тем не менее я этот роман у вас беру, – сказал строго Рудольфи (сердце мое сделало перебой)...» («Записки покойника», 1936 – 1937) ~ «“Вы женщина весьма умная и, конечно, уже догадались о том, кто наш хозяин”. Сердце Маргариты стукнуло...». Еще одно сходство между Рудольфи и Коровьевым: «Но Рудольфи *заговорщически подмигнул* мне и

³⁰⁷ Соколов Б.В. Введение в комментарий. Комментарий // Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: Высшая школа, 1989. С. 495 – 496.

³⁰⁸ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастера и Маргарита». С. 364.

³⁰⁹ Там же. С. 151.

спросил: “А что такое?”» ~ «*Воровски подмигнув* в сторону спальни, откуда слышались мягкие прыжки тяжелого кота, он просипел: “За неделю это, стало быть, выходит три с половиной тысячи?”». И если Рудольфи *командовал*, то в голосе Коровьева слышались «категорическое *приказание*, настойчивые внушения»³¹⁰.

Однако Коровьев – это не только кошмар и демон, но еще и – в пародийном отношении – Святой Дух из Нового Завета. После нисхождения *Святого Духа* люди начинают говорить на иностранных языках, а после действий переводчика Коровьева, состоящего при иностранце, сотрудники городского филиала Комиссии зрелищ и увеселений начинают петь песню «Славное море, *священный Байкал*» и не могут остановиться (напомним, что Коровьев постоянно представляется бывшим регентом и запевалой, а регент – это «руководитель и дирижер *церковного хора*»³¹¹). Да и в одной из поздних редакций Коровьев, инструктирующий Маргариту перед балом, прямо наделяется функцией Святого Духа, дающего знание иностранных языков: «Да, еще... – Коровьев шепнул, – языки, – дунул Маргарите в лоб. – Ну, пора!»³¹² Поэтому и буфетчик, придя в «нехорошую квартиру», увидел, что «на столе стояла подставка, а на ней совершенно ясно и определенно золотая на ножке чаша для *святых даров*»³¹³, и из этой чаши ему предлагает выпить Азазелло, пародируя христианское таинство причащения крови Христовой – в виде символического вина.

И поскольку Коровьеву доверена роль Святого Духа, он говорит Маргарите: «Среди гостей будут различные, ох, очень различные, но никому, королева Марго, никакого преимущества! Если кто-нибудь и не понравится... <...> Нужно полюбить его, полюбить, королева». Сравним в послании апостола Павла к римлянам: «...любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. 5:5).

А на балу у Воланда показано в миниатюре грядущее воскресение мертвых: из камина появляются гробы, откуда выскакивают грешники. Коровьев же исполняет роль ангела-обвинителя на Страшном Суде, перечисляя Маргарите все их грехи. И в самом конце Коровьев наполняет кровью убитого барона Майгеля чашу: «Я пью ваше здоровье, господа, – негромко сказал Воланд и, подняв чашу, прикоснулся к ней губами». Здесь видно переосмысление эпизода из Евангелия от Луки, когда Иисус «взял и чашу после ужина и сказал: “Эта чаша – новый завет, скрепленный Моей кровью, которая за вас проливается”» (Лк. 22:20). Христос предлагает ученикам выпить чашу с вином, символизирующим его кровь, а Воланд пьет из чаши, сделанной из черепа атеиста Берлиоза, кровь доносчика Майгеля, превратившуюся в вино. Выпив сам, Воланд протягивает чашу Маргарите: «Пей!». А далее Коровьев выступает в роли Святого Духа, названного в Новом Завете Утешителем: «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам» (Ин. 14:26). Поэтому Коровьев утешает Маргариту, отсылая нас к таинству евхаристии: «Не бойтесь, королева, кровь давно ушла в землю. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья»³¹⁴, – поскольку Святой Дух как раз ответственен за евхаристию: превращение Святых Даров – хлеба и вина – в Тело и Кровь Христовы. Однако в романе происходит «евхаристия наоборот» – в вино превращается кровь доносчика Майгеля, поскольку Маргарита находится на балу у сатаны.

³¹⁰ Там же. С. 364.

³¹¹ Монастыри и храмы России / Авт.-сост. Н.В. Белов. Минск: Современный литератор, 2007. С. 124.

³¹² Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 730. Ср. с фрагментом Нового завета, где воскресший Иисус появляется перед апостолами: «И с этими словами Он дунул на них и сказал: “Примите Духа Святого!”» (Ин. 20:22).

³¹³ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 204.

³¹⁴ Здесь кровь доносчика Майгеля сливается с кровью предателя Иуды, пролившейся на винограднике и давно ушедшей в землю (*Гаспаров Б.* Новый Завет в произведениях М.А. Булгакова // *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука; Восточная литература, 1993. С. 91). В итоге «Маргарита выпивает чашу с кровью Иуды/Майгеля на балу у Воланда в качестве причастия» (Там же. С. 100).

Кстати, характеристика *Утешитель* в отношении Коровьева реализуется и в других эпизодах – например, перед началом бала «Коровьев понравился Маргарите, и трескучая его болтовня подействовала на нее *успокоительно*». При этом его троекратный совет: «И вообще я позволю себе смелость посоветовать вам, Маргарита Николаевна, никогда и ничего не бояться», «Не теряйтесь и ничего не бойтесь», «Не бойтесь, королева, кровь давно ушла в землю», – в точности повторяет наказ Иисуса своим ученикам: «Итак, не бойтесь их <...> И не бойтесь убивающих тело <...> не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц» (Мф. 10:26, 28, 31). Ср. еще с обращением Иисуса к начальнику синагоги: «не бойся, только веруй» (Мк. 5:36); и к своим ученикам: «ободритесь; это Я, не бойтесь» (Мк. 6:50).

В Библии Святой Дух часто появляется в образе *огненного столпа*, а поскольку Коровьев пародийно воплощает функции Святого Духа, от него также исходит *огненный столп*, по контрасту сравниваемый с адской (зияющей) пастью, так как Коровьев состоит в свите дьявола: «“Ни с места!” – И тотчас все трое открыли стрельбу на веранде, целясь в голову Коровьеву и Бегемоту. Оба обстреливаемые сейчас же растаяли в воздухе, а из примуса ударил столб огня прямо в тент. Как бы *зияющая пасть* с черными краями появилась в тенте и стала расползаться во все стороны. Огонь, проскочив сквозь нее, поднялся до самой крыши грибоедовского дома. Лежащие на окне второго этажа папки с бумагами в комнате редакции вдруг вспыхнули, а за ними схватило штору, и тут *огонь*, гудя, как будто кто-то его раздувал, *столбами пошел* внутрь теткинго дома». Сравним в Ветхом Завете: «Господь же *шел* пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью *в столпе огненном*, светя им, дабы идти им и днем и ночью» (Исх. 13:21). Так что Коровьев в перевернутом виде повторяет функцию Спасителя – Иешуа Га-Ноцри, который также сопровождается появлением *огненного столпа*: «Прокуратор поднял глаза на арестанта и увидел, что возле того *столбом загорелась пыль*» (кстати, «пыль» тоже упомянута не случайно, поскольку это очередная отсылка к Библии, а именно – к книге пророка Наума 1:3: «...в вихре и в буре шествие Господа, облако – пыль от ног Его»). Неудивительно, что совпадает точка зрения на человеческие пороки у Иешуа и Коровьева в ранней редакции: «Тут Пилат вздрогнул. В последних строчках пергамента он разобрал слова: “...большого порока... трусость”. Пилат свернул пергамент и резким движением подал его Левию» = «Нет греха горшего, чем трусость. Этот человек был храбр и вот испугался кесаря один раз в жизни, за что и поплатился»³¹⁵ (эту же позицию разделял Булгаков: «Трусость – вот главный порок, потому что от него идут все остальные»³¹⁶; сюда примыкает свидетельство Сергея Ермолинского: «Он любил повторять, как ненавидит трусость. От нее, говорил он, происходит вся подлость человеческая. И в литературе тоже: от трусости, ну еще, конечно, от мелкого тщеславия. Тоже еще и от зависти»³¹⁷). Более того, в разговоре с Босым Коровьев прямо цитирует Христа, хотя, разумеется, в пародийном ключе: «*А где же свидетели?* – шепнул в другое ухо Коровьев, – я вас спрашиваю, где они?» ~ «Иисус, восклонившись и, не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! *где твои обвинители?* никто не осудил тебя?» (Ин. 8:10). А в 5-й и 6-й редакциях романа он еще раз апеллирует к Евангелию от Иоанна, приравнивая себя к Христу: «Стара штука, – послышалось с галерки, – этот в партере из той же компании”. – “Вы полагаете? – заорал Фагот, прищуриваясь на галерею, – в таком случае, Фома неверный, и вы в одной шайке с нами, потому что она у вас в кармане!”»³¹⁸ ~ «После восьми дней опять были в доме ученики Его, и

³¹⁵ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 194.

³¹⁶ Виленкин В. Незабываемые встречи // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Сов. писатель, 1988. С. 294.

³¹⁷ Ермолинский С. Из записей разных лет // Воспоминания о Михаиле Булгакове. С. 429.

³¹⁸ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновигов романа. Основной текст. Т. 2. М.: Пашков дом, 2019. С. 248.

Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим» (Ин. 20:26-27). Таким образом, Коровьев называет зрителя Фомой неверующим, поскольку тот не верит в чудеса черной магии, являющиеся сниженной версией чудес, совершенных Иисусом Христом. А далее в одной из редакций встречается примечательный эпизод, связанный с возвращением головы конферансье: «Ради Христа, не мучьте его! – вдруг на весь театр прозучал женский голос в партере, и видно было, как замаскированный повернул в сторону голоса лицо»³¹⁹. Просьбу простить несчастного конферансье «ради Христа» Воланд согласился выполнить «и громко приказал: “Наденьте голову!”». А в окончательной редакции просьба женщины выглядит так: «Ради Бога, не мучьте его!». В обоих случаях Воланд прощает провинившегося ради Бога и Христа, то есть он является дьяволом лишь формально, а по сути воплощает собой функции суда и милосердия, свойственные ветхозаветному Богу: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это» (Ис. 45:7). Еще одно сходство между Богом и Воландом проявляется в близкой манере повествования: «И сказал Господь Моисею, говоря: <...> в первый месяц, в четырнадцатый <день> месяца вечером Пасха Господня» (Левит 23:1,5) ~ «И доказательств никаких не требуется, — ответил профессор <...> ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана...»³²⁰. А из Нового завета известно, что в пятницу 14-го нисана Иисус совершил Пасху и был распят. Всё это, естественно, учитывалось Булгаковым.

Коровьев же в итоговой редакции, будучи ближайшим слугой князя тьмы, предстает «темно-фиолетовым рыцарем с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом», а в записи от 14.09.1934 фиолетовый рыцарь был посланником Иешуа, олицетворяющего собой силы света: «Но не успели всадники тронуться с места, как пятая лошадь грузно обрушилась на холм и фиолетовый всадник соскочил со спины. Он подошел к Воланду, и тот, прищурившись, наклонился к нему с лошади.

Коровьев и Бегемот сняли картузики, Азazelло поднял в виде приветствия руку, хмуро скосился на прилетевшего гонца. Лицо того, печальное и темное, было неподвижно, шевелились только губы. Он шептал Воланду.

Тут мощный бас Воланда разлетелся по всему холму.

– Очень хорошо, – говорил Воланд, – я с особенным удовольствием исполню волю пославшего. Исполню»³²¹.

Двойственную природу Коровьева подчеркивает также анализ его каламбура: «Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, – ответил Воланд, поворачивая к Маргарите свое лицо с тихо горящим глазом, – его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого пошутить немного больше и дольше, чем он предполагал».

Лидия Яновская пишет: «В конце 1991 года, за полгода до моего выезда из России, всплыла – буквально сама собою вынырнула из небытия – еще одна книга из библиотеки Михаила Булгакова: “Фауст” Гете в прозаическом переводе А. Соколовского (СПб., 1902). <...> Здесь <...> красным булгаковским карандашом отчеркнут монолог Мефистофеля: “Я часть той тьмы, из которой родился свет, гордый свет, оспаривающий в настоящее время у своей матери, тьмы, и почет, и обладание вселенной, что, впрочем, ему не удастся, несмотря на все его старания”».

На полях слева две маленькие буквы рукою Булгакова: “к-в” (и еще третья, пониже, которую я не могу расшифровать). “К-в” – Коровьев?!

³¹⁹ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 292.

³²⁰ Отмечено: Кушлина О., Смирнов Ю. Некоторые вопросы поэтики романа «Мастер и Маргарита» // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: Сб. статей. М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1988. С. 297.

³²¹ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 178.

Важно отметить: «Я часть той тьмы» – безусловно, речь отнюдь не Коровьева. Цитируемый Мефистофель для Булгакова предшественник Воланда. Точнее – один из ликов Воланда. Говорит Мефистофель-Воланд, и реплику его о том, что свет порожден тьмою, парирует – уже за пределами трагедии Гете, в мире булгаковского романа – дерзкий Коровьев: «Свет порождает тень, но никогда, мессир, не бывало наоборот»³²². Данная реплика Коровьева представляет собой отдельную запись на верхнем поле 364-й страницы черновой тетради «Мастера и Маргариты» за 1933 год: «Евангелисты. (Свет порождает тень, но никогда, мессир, не бывало наоборот)»³²³. Но вряд ли это тот самый каламбур, за который можно было наказать, тем более что данная реплика представляет собой обращение к мессиру (Воланду), а Коровьев был наказан силами света, перед которыми Воланд теперь собирается ходатайствовать: «Он неудачно однажды пошутил, – шепнул Воланд, – и, вот, осужден был на то, что при посещениях земли шутит, хотя ему и не так уж хочется этого. Впрочем, надеется на прощение. Я буду ходатайствовать»³²⁴. Вообще Коровьев – необычайно загадочный персонаж, как загадочна и его фамилия:

Исходящее от него ощущение нелепости, глумливости, насмешливой развязности... можно придумать еще много определений в этом духе – обманчиво. Коровьев жесточе, опаснее расхожего представления о нем. «Те, кто имел уже несчастье в эти дни попасться на его дороге...».

Да, Коровьев приносит несчастье. При первом же своем появлении в тексте (даже, строго говоря, до появления) он наводит ужас на Берлиоза, почуввшего свою смерть.

Коровьев послал на смерть Берлиоза. Он приказал Бегемоту оторвать голову Бенгальскому. Он вынудил Босого принять взятку, а затем выдал его ГПУ.

Он склонен к злumu, преступному: помнит все преступления гостей бала и рассказывает о них Маргарите.

Он был рыцарем, то есть сражался и проливал кровь. Кровь влечет его, она слышна в его речах, видна в поступках. «Ах, королева, – игриво трещал Коровьев, – вопросы крови – самые сложные вопросы в мире!» И Воланд выражает согласие с ним: «Да, прав Коровьев! Как причудливо тасуется колода! Кровь!».

И это Коровьев наполняет чашу – череп убитого им Берлиоза – кровью барона Майгеля.

И из всего этого следует, что фамилия *Коровьев*, с ее нелепостью и неуместностью, призвана играть роль отвлекающего псевдонима; призвана не дать персонажам романа испугаться раньше времени, узнав, что подлинная фамилия нашего героя – *Кровьев*³²⁵.

Помимо того, Коровьев, находящийся в свите дьявола, часто ассоциируется с библейским змеем – сатаной, о котором в Откровении Иоанна Богослова сказано: «И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим» (Откр. 12:3), «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаною...» (Откр. 12:9). Поэтому в открытом Коровьевым «дамском магазине» находятся «пижамы с драконами», а сам он сравнивается со змеей: «Фирма просит вас принять это на память, – заявил Фагот, *извиваясь, как змея*. <...> Женщины текли со сцены в бальных платьях, в пижамах, разрисованных драконами...»³²⁶, «Регент с великой ловкостью на ходу сел в первый проносящийся трамвай под литерой “Б”, *как змея, ввинтился* на площадку и, никем не оштрафованный, исчез бесследно среди серых мешков и бидонов...».

³²² Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. Иерусалим: Изд-во «Мория», 1997. С. 107 – 108.

³²³ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновики романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 222.

³²⁴ Там же. С. 356.

³²⁵ Корман Э. Зачем горят рукописи. Иерусалим: Изд-во «Скопус», 2004. С. 219 – 220.

³²⁶ Булгаков М. Князь тьмы: Полная история «Мастера и Маргариты». СПб.: Азбука, 2018. С. 543 – 544.

Что же касается Иешуа и Воланда, то это не враждебные силы, как Бог и дьявол в Новом Завете, а своего рода коллеги. Похожий взгляд на дьявола представлен в иудаизме: «Впервые Сатана является въ качестве существа высшаго порядка въ кн. Иова, где онъ фигурируетъ среди “сыновъ Божіихъ” (I, 6). Въ діалогъ между нимъ и Богомъ, Сатана определяется какъ участникъ верховнаго Божественнаго совѣта и какъ обвинитель человѣка. Однако, являясь преслѣдователемъ человека, видящимъ въ его поступкахъ одну лишь несправедливость и грѣхи, Сатана лишень права действовать самостоятельно, безъ разрѣшенія на то отъ Бога, вслѣдствіе чего на него нельзя смотрѣть какъ на противника Бога. Доктрина монотеизма ничуть не страдаетъ отъ его существованія, какъ и отъ признанія другихъ небесныхъ силъ. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и пророкъ Захарія (3, 1 – 2), изображая Сатану противникомъ и обвинителемъ первосвященника Юшуи. Противъ Сатаны выступаетъ “Ангель Господа”, налагающій на него молчаніе именемъ Бога. В обоихъ случаяхъ Сатана является только въ роли прокурора и дѣйствуетъ лишь съ разрѣшенія... <...> Онъ спускается съ неба, вводитъ человѣка во грехъ, затѣмъ поднимается, чтобы обвинить его предъ Богомъ. По Божьему велѣнью онъ вынимаетъ душу, другими словами, убиваетъ (В. Талмуд, Бава Батра 16а)»³²⁷. Именно по «Божьему веленю», то есть по распоряженію «сил света» (Иешуа), Воланд приказал Азazelло отравить мастера и Маргариту, чтобы даровать им вечный покой, о котором мечтал сам Булгаков, написавший своей жене 22 июня 1938 года: «Мне нужен абсолютный покой (твое выражение, и оно мне понравилось). Да, вот именно абсолютный! Никакого “Дон-Кихота” я видеть сейчас не могу»³²⁸.

Кстати, согласно вавилонскому Талмуду, Иисус был не распят на кресте, а повешен на столбе³²⁹, что также нашло отражение во вставном романе: «Когда пыль унеслась, кентурион крикнул: “Молчать на втором столбе!”». Однако крест много раз упоминался в первой редакции романа: «...нужно, чтобы гроза началась, а когда гроза начнется, и этого мало, нужно, чтобы молния ударила, да ударила именно в крест Иешуа. <...> С левого креста доносилась дикая хрипая песня. <...> На среднем кресте, куда попал Иешуа, ни качания, ни шевеления не было. <...> Центурион с достоинством ответил: “Молчи. Не полагается на кресте говорить”»³³⁰ и т.д. Смену креста на столб Лидия Яновская объясняет так: «...в 1936 году (может быть, еще позже, 1937-м) Булгаков случайно приобрел связку годовых комплектов журнала “Труды Киевской духовной академии”, в котором некогда печатался его отец, и в комплекте за 1891 год обнаруживает публиковавшееся из номера в номер, с продолжением, сочинение профессора той же Академии Н. Маккавейского “Археология истории страданий Господа Иисуса Христа”. <...> Маккавейский утверждал, что казнимых на кресте пригвождали не всегда, но всегда непременно привязывали веревками, притом привязывали не на земле, а к уже стоящим крестам, подробно описал виды крестов казни, и Булгаков старательно перерисовал их в свою тетрадь, снабдив найденными у Маккавейского латинскими названиями (Отдел рукописей РГБ. Ф. 562. К. 8. Ед. хр. 1. С. 22). <...> Для Булгакова-художника это была очень важная находка: она позволяла

---

³²⁷ Сатана // Еврейская энциклопедія: въ 16 томахъ. Т. 14. СПб.: Типографія Акционернаго Общества «Брокгаузъ – Ефронъ», 1912. С. 27 – 29.

³²⁸ Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. М.: Худ. лит., 1990. С. 576.

³²⁹ «Однако передают: в канун Пасхи повесили Иешу. И за сорок дней провозгласили, что его должны побить камнями за то, что он занимался колдовством и соблазнял Израиль: кто может сказать что-либо в его защиту, пусть придет и скажет. Но никто не выступил в его защиту, и его повесили в канун Пасхи. Сказал Улла: допустим, он был бунтовщиком, тогда можно было искать [поводов для] защиты; но ведь он был совратителем, а о таком Милосердный говорит: “не жалея его и не прикрывай его” (Вт. 13:8). С Иешу, однако, иное дело, ибо он был близок к царскому двору» (трактат «Сангедрин», 43а; цит. по: Иисус Христос в документах истории. Изд. 6-е, испр. и доп. / Сост. Б.Г. Деревенский. СПб.: Алетейя, 2013. С. 281). Подобными перлами заполнены многие страницы Талмуда.

³³⁰ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 70 – 71.

убрать с первого плана “древних” глав кровь»³³¹. Действительно, кровь в избытке фигурирует в московских главах, поэтому в «древних» ее почти нет. А в труде Маккавейского мы обнаруживаем неоднократное упоминание *столба*: «На столбъ, вкопанный въ землю или другимъ какимъ способомъ прочно поставленный въ вертикальномъ направлении, накладывали сверху поперечный брусъ, къ концамъ котораго, имѣвшимъ одинаковую длину, прикрѣпляли руки осужденнаго на смерть. Такимъ образомъ, тѣло должно было висѣть вдоль вертикальнаго столба, приче́мъ для большей устойчивости прикрѣпляли къ столбу и его ноги»³³².

Другая отсылка к Талмуду содержится в первой редакции романа: «И еще один вопрос задал Пилат арестанту, пока вернулся секретарь. “Почему о тебе пишут – египетский шарлатан?”. – “А я ездил в Египет с Бен-Перахиа три года тому назад, – объяснил Ешуа”»³³³ ~ «Учили раввины: пусть всегда твоя левая рука отталкивает, а правая приближает <...> не так, как Иошуа бен Перахия, который оттолкнул Иисуса [Назоря] обеими руками... А с р. Иошуа бен Перахия, что случилось? Когда царь Янай казнил раввинов, р. Иошуа бен Перахия [и Иисус] отправился в Александрию, в Египте. <...> А учитель сказал: “Иисус назарянин занимался чародейством и свел Израиля с пути”» (трактат «Сангедрин», 107б³³⁴). Следующая же цитата из Талмуда, где Иисус назван «бен Стада», проливает свет на другой фрагмент романа, где Иуда спровоцировал Иешуа на антигосударственное высказывание: «Ко всем виновным в смертных грехах не применяют мер тайного розыска, за исключением подстрекателя. А как поступают с ним? К нему приставляют двух ученых мужей во внутреннем помещении, а он сидит в наружном помещении, и зажигают у него светильник, чтобы его видели и слышали его голос. Так поступили с бен Стада в Луде: назначили к нему двух ученых и побили его камнями»³³⁵ ~ «Дело было так, – охотно рассказывал арестант, – я познакомился на площади возле храма с одним юношей, который назвал себя Иудой из Кириафа. Он пригласил меня к себе в дом, угостил похлебкой... – Добрый человек? – спросил Пилат, и дьявольский огонь сверкнул в зеленых его глазах. – Очень добрый и любознательный человек, – подтвердил арестант, – выказал величайший интерес к моим мыслям, принял меня радушно... – Светильники зажег, двух гостей пригласил, – как бы в тон Ешуа сквозь зубы говорил Пилат, и глаза его мерцали. – Да, – удивленный осведомленностью прокуратора, продолжал Ешуа, – попросил меня высказать свой взгляд на государственную власть. Его этот вопрос почему-то чрезвычайно интересовал»³³⁶. Здесь возникает вопрос: откуда Булгакову был известен этой иудейский обычай? Ответ находим в книге Ренана «Жизнь Иисуса»: «Когда кто-либо обвиненъ въ такого рода “прельстительномъ ученіи”, то посылаются тайкомъ два свидѣтеля, которыхъ садятъ за перегородку; а между тѣмъ обвиненнаго стараются привлечь въ смежную комнату, такъ, чтобы оба свидѣтеля могли его слышать, не будучи сами замѣчены имъ. Передъ нимъ зажигаютъ две свѣчи, дабы утвердительно можно было сказать, что свидѣтели “его видѣли”. Тогда подстрекають его повторить свое кощунство. Уговариваютъ отступить отъ своихъ словъ, и если онъ упорствуетъ, то къ нему выходятъ подслушавшіе его свидѣтели, ведутъ его въ судилище и побиваютъ камнями. Талмудъ присовокупляетъ, что эта именно процеду-

³³¹ Яновская Л. Понтий Пилат и Иешуа Га-Ноцри: в зеркалах булгаковедения // Вопросы литературы. 2010. № 3 (май – июнь). С. 48 – 49.

³³² Маккавейский Н. Археологія исторіи страданій Господа Иисуса Христа // Труды Кіевской Духовной Академіи. 1891. № 3. Март. С. 430 – 431.

³³³ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 55.

³³⁴ Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства: Античные критики христианства. М.: Политиздат, 1990. С. 209 – 210.

³³⁵ Там же. С. 210.

³³⁶ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. С. 509 – 510.

ра и была употреблена против Иисуса, что онъ былъ обвиненъ въ силу показанія двухъ подсланныхъ свидѣтелей, что, впрочемъ, “прельщеніе в религіи” есть единственное преступленіе, противъ котораго ставятъ свидѣтелей такимъ образомъ»³³⁷. У Булгакова же «прельщение в религии» заменено антигосударственными высказываниями.

Из той же книги Ренана взята идея о сирийском происхождении Иешуа: «Кто ты по крови? – Я точно не знаю, – живо ответил арестованный, – я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец». Вот что писал об этом Ренан: «Природнымъ языкомъ Иисуса был смѣшанный съ еврейскимъ діалектъ сирійскій, на которомъ тогда всѣ говорили въ Палестинѣ»³³⁸. Дело том, что Палестина в те времена была провинцией Сирии и в таком качестве входила в состав Римской империи. Вообще же «сириец» в устах Иешуа показывает его как чужестранца в иудейской земле, где он проповедует свои идеи, а заодно и чуждость этих идей иудейской религии.

Что же касается Воланда, излагающего Берлиозу и Бездомному одну из глав романа мастера, то он несет в себе множество черт Христа (это же касается и свиты Воланда). Да и сам Иешуа выведен в рассказе Воланда и во всем вставном романе с явной симпатией, тогда как талмудический Йешу назван коварным колдуном.

Булгаков же мог ориентироваться не только на Ренана и Талмуд, но и на пьесу Сергея Чевкина «Иешуа Ганоци. Беспристрастное открытие истины в 5 д. и 6 карт.» (Симбирск, 1922), а также на рецензию Сергея Городецкого в «Красной ниве» (№ 12, 25.03.1923)³³⁹. Между тем в пьесе Чевкина Иешуа «получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж»; а у Булгакова Иешуа является положительной фигурой, хотя и лишенной божественных черт. Такой взгляд на Иисуса был представлен в вышеупомянутой книге Ренана «Жизнь Иисуса»³⁴⁰. Этот ученый относился к представителям «исторической школы», утверждавшим, что Иисус существовал, но был обычным проповедником. Такую же точку зрения отстаивает Воланд (а с ним и Булгаков), который полемизирует с представителем «мифологической школы» Берлиозом, утверждающим, что «Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф». Кроме того, создавая своего Иешуа, Булгаков явно отталкивался от образа князя Мышкина из романа Достоевского «Идиот»³⁴¹ и от учения Льва Толстого («толстовства»), так как слова Иешуа о царстве истины и о том, что всякая власть является насилием, «представляют собой квинтэссенцию христианского анархизма Л.Н. Толстого»³⁴²; соответственно, «Булгаков тщательно старается подчеркнуть человеческую сущность Иешуа»³⁴³, который показан человеком, «мужественно и бескомпромиссно отстаивающим свои убеждения»³⁴⁴, то есть фактически alter ego самого автора.

Формально Воланд олицетворяет тьму, а Иешуа – свет. Но в действительности они выполняют одну и ту же задачу, хотя и с разных позиций: Воланд является «частью той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо», как сказано в эпитафии (поэтому его можно уподобить двуликому Янусу, символизирующему добро и зло),

³³⁷ Ренанъ Э. Жизнь Иисуса / Перев. с франц. СПб.: Тип. Спб. акц. общ. «Слово», 1906. С. 180 – 181.

³³⁸ Там же. С. 10.

³³⁹ Фиалкова Л. К генеалогии романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1981. Т. 40. № 6. С. 532 – 537.

³⁴⁰ Подробнее об этом см.: Галинская И. Литературные источники черновых вариантов «древних» глав «Мастера и Маргариты» // Галинская И.Л. Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях: сб. науч. трудов. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 38 – 51.

³⁴¹ Дворкин А.Л. Булгаков и Достоевский: некоторые соображения о генезисе образа Иешуа Га-Ноцири из «Мастера и Маргариты» // Альфа и Омега: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 2007. № 3 (50). С. 331 – 339.

³⁴² Эльбаум Г. Анализ иудейских глав «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. Ann Arbor: Ardis, 1981. С. 41.

³⁴³ Там же. С. 43.

³⁴⁴ Там же. С. 123.

но совершать благо призывал и Иешуа, согласно доктрине которого все люди добрые и злых людей нет. Причем рассказывает об этом Воланд, являющийся авторским рупором, и после окончания бала тоже говорит о доброте, обращаясь к Маргарите после того, как она попросила за Фриду: «Вы, судя по всему, человек исключительной доброты? Высокоморальный человек?». Поэтому «можно говорить о написании Булгаковым острополюемического по отношению к христианству “мирского” евангелия, ибо центральная идея романа, противоречащая догмату первородного *греха* человека, – это органически присущая человеку *доброта*»³⁴⁵ (скорее даже так: доброта Иешуа противопоставляется грозным обличениям Христа). И сам Булгаков при всей беспощадности своего сатирического дара был добрым человеком. Вот как охарактеризовал Виктор Ардов его наставления приемному сыну Сереже: «Если бы не бесконечная доброта Михаила Афанасьевича и его лучистый юмор, такие нотации производили бы впечатление нудных»³⁴⁶. Да и Сергей Ермолинский, глядя на смертельно больного Булгакова, думал: «Какое у него доброе лицо. Как у ребенка»³⁴⁷. В целом же идея Иешуа близка философии Жан-Жака Руссо, который писал, что «человек по натуре своей добр, и только общество делает его плохим» («Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми», 1755), и Льва Толстого, говорившего: «Люди добры, но эти обманы губят их»³⁴⁸.

Как видим, Иешуа и Воланд являются двойниками, чем и объясняются многочисленные сходства между ними (скажем, смерть Иешуа на столбе и уход Воланда из Москвы сопровождаются чудовищной грозой: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город» = «Эта тьма, пришедшая с запада, накрыла громадный город»; «Поглотив его [солнце], по небу с запада поднималась грозно и неуклонно грозная туча» = «Гроза, о которой говорил Воланд, уже скоплась на горизонте. Черная туча поднялась на западе и до половины отрезала солнце»; «Становилось все темнее. Туча залила уже полнеба...» = «Еще через некоторое время стало темно»³⁴⁹), а также настойчивое желание Воланда доказать Берлиозу и Бездомному, что «Иисус существовал», и его успешное противодействие публикации Берлиозом поэмы Бездомного, очерняющей Христа, путем ликвидации самого Берлиоза.

На сходствах между Иешуа и Воландом следует остановиться подробнее: «А вы один приехали или с супругой? – Один, один, я всегда один» = «Жены нет? – почему-то тоскливо спросил Пилат <...> – Нет, я один»; «Вы – немец? – осведомился Бездомный. – Я-то?.. <...> Да, пожалуй, немец» = «Кто ты по крови? – Я точно не знаю»; «Вы где остановились? – Я? Нигде, – ответил полоумный немец...» = «Где ты живешь постоянно? – У меня нет постоянного жилища»; «...очень важное сведение, которое мне, как путешественнику, чрезвычайно интересно» = «...я путешествую из города в город»; «...приехал сумасшедший немец или только что спятил на Патриарших. <...> Он перестал хохотать внезапно и, что вполне естественно *при душевной болезни*, после хохота впал в другую крайность...» = «“И не тебе, безумный преступник, рассуждать о ней!” <...> Бродячий философ оказался *душевнобольным*»; «Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть – несчастье... вечер – семь... <...> Вам отрежут голову!» = «У меня, игемон, есть предчувствие, что с ним случится несчастье...» (причем если Воланд предсказывает Берлиозу смерть «сегодня вечером» и

³⁴⁵ Якушева Г.В. Фауст и Мефистотель в литературе XX века // Гётевские чтения-1991. М.: Наука, 1991. С. 182.

³⁴⁶ Ардов В. Этюды к портретам. М.: Советский писатель, 1983. С. 47.

³⁴⁷ Ермолинский С. Из записей разных лет // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Сов. писатель, 1988. С. 478.

³⁴⁸ Толстой Л.Н. Изложение Евангелия: с примечаниями взятыми из книги «Соединение и перевод 4-х Евангелий». England: A. Chertkoff, Christchurch, Hants, 1901. С. 178.

³⁴⁹ Свой рассказ о Иешуа Воланд заканчивает описанием его кончины на столбе, а не его Воскресения, которого по логике должен бояться дьявол, поэтому Воланд и его свита покидают Москву в субботу на закате, не дожидаясь следующего дня – воскресенья. В этом видна двойственность фигуры Воланда.

говорит, что ему отрежет голову «русская женщина, комсомолка», то Иешуа предсказывает смерть Иуде из Кириафа «сегодня ночью» и говорит, что с ним «случится несчастье при участии женщины»³⁵⁰); «Сейчас придет гроза, последняя гроза, она довершит всё, что нужно довершить...» = «Гроза начнется, – арестант повернулся, прищурился на солнце, – позже, к вечеру»; «...но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?» = «Бог один, – ответил Иешуа, – в него я верю»; «Винуват, – мягко отозвался неизвестный, – для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок» = «И в этом ты ошибаешься, – светло улыбаясь и заслоняясь рукой от солнца, возразил арестант...»; «Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он <...> неизвестно почему вдруг возьмет – поскользнется и попадет под трамвай! Неужели вы скажете, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой?» = «...согласись, что перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил?»; «Всё будет правильно, на этом построен мир» = «Человек перейдет в царство истины и справедливости...»; «Кожу на лице Воланда как будто бы навеки *сжег загар*» = «...другой бог <...> никогда не допустил бы, чтобы человек, подобный Иешуа, был *сжигаем солнцем* на столбе»; «Два глаза уперлись Маргарите в лицо. Правый с золотой искрой на дне, сверлящий любого до дна души, и левый – пустой и черный <...> правый угол рта оттянут книзу...» = «Под левым глазом у человека был большой синяк, в углу рта – ссадина с запекшейся кровью»; «Голос Воланда был так низок, что на некоторых слогах давал оттяжку *в хрип*» = «Га-Ноцри шевельнул вспухшими губами и отозвался *хриплым* разбойничьим голом: “Что тебе надо? Зачем подошел ко мне?”» (причем если у Иешуа – *разбойничий* голос, то Варенухе, позвонившему на квартиру Воланда, «почудился в трубке свист, пустой и далекий, *разбойничий* свист в поле», который предшествует прощальному свисту Коровьева и Бегемота на Воробьевых горах); «Воланд <...> был одет в одну ночную длинную *рубашку, грязную и заплатанную* на левом плече» = «Этот человек был одет в старенький и разорванный голубой *хитон* <...> *грязные тряпки*, лежащие на земле у столбов»; «Сознавайтесь, кто вы такой? – глухо спросил Иван» = «Сознайся, – тихо по-гречески спросил Пилат, – ты великий врач?»; «Не притворяйтесь! – грозно сказал Иван <...> Вы – убийца и шпион!» = «...перестань притворяться сумасшедшим, разбойник, – произнес Пилат...»; «Ах, если так, то, конечно, придется строить новое здание. <...> остается пожелать, чтобы оно было лучше прежнего, – заметил Воланд» = «Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины»; «...уж кто-кто, а вы-то должны знать, что *ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда...*» = «...ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет, но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. *Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил*»³⁵¹.

С последней переключкой связано еще одно совпадение. В ранней редакции Воланд рассказывает Берлиозу и Бездомному о своем тайном присутствии при разговоре Пилата с Иешуа, который «проговорил по-гречески, заикаясь: “Д-добрые свидетели, о игемон, в университете не учились. Неграмотные, и всё до ужаса перепутали, что я говорил”»³⁵². Рассказав эту историю, Воланд воскликнул, имитируя иностран-

³⁵⁰ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 381.

³⁵¹ Еще одна параллель: если у Воланда на балу «ноги были в *стоптанных* ночных туфлях», то и во время допроса у Пилата «луч пробрался в колоннаду и подползает к *стоптанным* сандалиям Иешуа» (Корман Э. В постановке Воланда // Огни столицы: Альманах. Иерусалим: Скопус, 2007. С. 390).

³⁵² Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. С. 51.

ный акцент: «Там тшиновник так все запутал, так запутал...», после чего «стал приплясывать рядом с Христом»³⁵³ (в первом случае Воланд находится рядом с живым Иешуа, а во втором – рядом с портретом Иисуса на песке). В окончательной же редакции романа реплика Иешуа выглядит так: «Эти *добрые люди*, – заговорил арестант и, торопливо прибавив: – игемон, – продолжал: – Ничему не учились и всё перепутали, что я говорил». Это перекликается с иронией повествователя «московских» глав, где говорится об аресте Босого, который «в сопровождении двух людей быстро проследовал в ворота дома и якобы шатался, как пьяный, и будто бы лицо у него было, как у покойника. Что проследовал, это верно, ну а насчет лица, может быть, и приврали добрые люди» (вариант 1933 года³⁵⁴).

В первой редакции Иешуа, согласно рассказу Воланда, «произнес уже совсем слабо: “Тетелеотам”, – и умер»³⁵⁵. Слово «Тетелеотам» является неточным прочтением греческого глагола «Тетелестай», который был последним словом Иисуса на кресте (Ин. 19:30)³⁵⁶. Означает он «*совершилось*», а буквальный его перевод: «Оплачено полностью». Воланд же перед уходом из этого мира спрашивает мастера: «Ну что же, все счета оплачены? Прощание *совершилось?*». И тот отвечает: «Да, *совершилось*»³⁵⁷. (Впрочем, Мариэтта Чудакова читает в рукописи не «Тетелеотам», а «Тетелестай»³⁵⁸).

Произнеся слова «и умер», Воланд заключает свой рассказ репликой: «И был, достоуважаемый Иван Николаевич, час восьмой». Не напоминает ли это библейскую историю сотворения мира: «И был вечер, и было утро: день первый» (Быт. 1:5). Кстати, Воланд лишь на один час изменил время смерти Иисуса в Новом Завете – девятый час вечера (Лк. 23:44).

Начальник тайной службы Афраний сообщает Пилату о предсмертных словах Иешуа: «Единственное, что он сказал, это что в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость» (есть версия, что Афраний придумал эти слова сам, чтоб упрекнуть Пилата за малодушие, проявленное в отношении судьбы Иешуа,

---

³⁵³ Там же. С. 79.

³⁵⁴ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 69.

³⁵⁵ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. С. 72.

³⁵⁶ «Ὅτε οὖν ἔλαβεν τὸ ὄχος εἶπεν τετέλεσται, καὶ κλίνας τὴν κεφαλὴν παρέδωκεν τὸ πνεῦμα» (в латинской транскрипции: «Ote oun elaben to oxos [ho Iêsous] eipen tetelestai, kai klinas tēn kephalēn paredōken to pneuma»; в синодальном переводе: «Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух»).

³⁵⁷ Уже после того, как мы сопоставили образы Иешуа и Воланда, выявив их родство, нам попала статья югославского слависта Милюево Йовановича, который еще в 1980 году набрел на эту тему: «...положение в мире Иешуа и Воланда одинаково, оба они, по собственному признанию, *одни*, к тому же (в глазах героев, с которыми сталкиваются), – “иностранцы”, причем подобное отождествление их ситуации сопровождается дополнительным веским доказательством: за обоими “неверно” записывают. Потом, Иешуа и Воланд пользуются одинаковыми определениями для характеристики образов доносчиков и предателей (Иуды и Майгеля); по их словам, они – “любопытательны”» (Йованович М. Евангелие от Матфея как литературный источник «Мастера и Маргариты» // Сборник за славистику. Нови сад (Сербия), 1980. № 18. С. 114); «С предсказаниями Иисусом собственных страданий, смерти во искупление грехов человечества и воскресения (начиная с XVI главы *Евангелия от Матфея*) перекликаются догадки Коровьева и Азazelло о том, что их придут арестовать» (Там же. С. 115); «Чудеса, совершаемые Воландом и его свитой, имеют вполне обоснованное подспорье в евангельском тексте (“насыщение” 5000 и 4000 человек – “дамский магазин” в главе “Черная магия и ее разоблачение”; хождение по воде – полеты Воланда и других; воскрешение дочери начальника – “воскрешение” Бенгальского). Разумеется, они даны в пародийном ключе, действующем также относительно чудес, совершившихся в минуту смерти Христа (землетрясение, разрывание завесы в храме); оба этих чуда спародированы в эпизоде со стрельбой в кота (“Грохот потряс квартиру”), в течение которой гардина сорвалась “вместе с карнизом”» (Там же. С. 116). И нельзя не согласиться с выводом исследователя о том, что Воланд – это «переосмысленный Христос из текста Матфея» (Там же. С. 123). Разумеется, не только Матфея, но и всего Нового Завета, что доказывают многочисленные переклички, приведенные в этой книге.

³⁵⁸ Чудакова М. Опыт реконструкции текста М.А. Булгакова // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1977. М.: Наука, 1977. С. 103.

но подробно останавливаться на ней мы не будем). Эту же мысль Пилат прочитал в пергаменте Левия Матвея, записывавшего вслед за Иешуа: «Тут Пилат вздрогнул. В последних строчках пергамента он разобрал слова: “...большого порока... трусость”. Пилат свернул пергамент и резким движением подал его Левию». С этим вполне солидарен Воланд, который скажет о Пилате и его собаке Банге: «Если верно, что трусость – самый тяжкий порок, – то, пожалуй, собака в нем не виновата. Единственно, чего боялся храбрый пес, – это грозы».

А слова иудейского первосвященника Каиафы из его разговора с Пилатом в передаче Воланда (первая редакция романа): «Какой страшный ниссан выдался в этом году...»³⁵⁹, – заставляют вспомнить идентичное описание Москвы в 1-й главе окончательной редакции: «Да, следует отметить первую странность этого страшного майского вечера». В первом случае упоминается «безжалостный ершалаимский солнцепек», а во втором «солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо». И на этом фоне начинаются разговоры об истине и Боге: Иешуа говорит об этом с Пилатом, а Воланд – с Берлиозом и Бездомным.

Итак, добро и зло у Булгакова являются частью единого целого, подобно тому, как тени неизменно сопровождают людей, а день сменяет ночь: «Двойственность мира, построенного Булгаковым, объясняется прежде всего тем, что им управляют одновременно Иешуа и Воланд, лишённые самодостаточности относительно друг друга, составляющие вместе единое целое...»³⁶⁰. И зло в булгаковском мире исходит не от дьявола, а от человека, причем настоящими дьяволами являются тоталитарная власть: «Добрый человек? – спросил Пилат, и дьявольский огонь сверкнул в его глазах»; и ее обслуга – официозные писатели, выступающие в образе ведьм на шабаше:

И ровно в полночь <...> что-то грохнуло, зазвенело, посыпалось, запрыгало. И тотчас тоненький мужской голос отчаянно закричал под музыку: «Аллилуйя!!». Это ударил знаменитый Грибоедовский джаз. Покрытые испариной лица как будто засветились, показалось, что ожили на потолке нарисованные лошади, в лампах как будто прибавили свету, и вдруг, как бы сорвавшись с цепи, заплясали оба зала, а за ними заплясала и веранда.

Заплясал Глухарев с поэтессой Тамарой Полумесяц, заплясал Квант, заплясал Жуков-романист с какой-то киноактрисой в желтом платье. Плясали: Драгунский, Чердакчи, маленький Денискин с гигантской Штурман Жоржем, плясала красавица архитектор Семейкина-Галл, крепко схваченная неизвестным в белых рогожных брюках. Плясали свои и приглашенные гости, московские и приезжие, писатель Иоганн из Кронштадта, какой-то Витя Куфтик из Ростова, кажется, режиссер, с лиловым лишаем во всю щеку, плясали виднейшие представители поэтического подразделения МАССОЛИТа, то есть Павианов, Богохульский, Сладкий, Шпичкин и Адельфина Бuzдяк, плясали неизвестной профессии молодые люди в стрижке боксом, с подбитыми ватой плечами, плясал какой-то очень пожилой с бородой, в которой застряло перышко зеленого лука, плясала с ним пожилая, доедаемая малокровием девушка в оранжевом шелковом измятом платьице. Оплывая потом, официанты несли над головами запотевшие кружки с пивом, хрипло и с ненавистью кричали: «Виноват, гражданин!» Где-то в рупоре голос командовал: «Карский раз! Зубрик два! Фляки господарские!!» Тонкий голос уже не пел, а завывал: «Аллилуйя!». Грохот золотых тарелок в джазе иногда покрывал грохот посуды, которую судомойки по наклонной плоскости спускали в кухню. Словом, ад.

Все эти наблюдения согласуются со статьей Владимира Фромера (2008), в которой высказываются во многом аналогичные мысли:

Основная идея романа – диалектическое единство добра и зла, которые друг без друга существовать не могут, ибо понятия эти неразделимы и единосущны. Эта идея определяет и

³⁵⁹ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 59.

³⁶⁰ Белобровцева И., Кулюс С. Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как эзотерический текст // Блоковский сборник. Вып. XII. Тарту, 1993. С. 172.

композицию книги: роман в романе. Один – о Воланде и судьбе Мастера, второй – об Иешуа и Понтии Пилате. Два этих романа и противопоставляются друг другу, и представляют собой единое целое. Читатель находится сразу в двух измерениях: в 30-х годах 20-го века и в 30-х годах первого века новой эры. Сюжетная линия развивается в одном и том же месяце, за несколько дней до пасхальных праздников, с промежутком в 1900 лет, но в самом конце романа Москва как бы сливается с Ершалаимом, ликвидируя этот разрыв во времени. <...>

Согласно Булгакову, добро и зло – это не полярные явления, вступающие в противоборство, а диалектическое единство противоположностей. <...>

Воланд – это тень. Иешуа – это свет. В романе идет постоянное чередование света и тени. Солнце – теплотвор жизни – это мир Иешуа. Луна, светящая отраженным светом, – мистический мир теней и загадок, мрачное царство Воланда и его свиты. К концу романа становится ясно, что сила света познается через силу тьмы. <...>

В России 30-х годов был чрезвычайно популярен Анатолий Франс, – несколько его книг имелись и в библиотеке Булгакова. Например, повесть «Сад Эпикура», где мы находим такие вот пассажи: «Зло необходимо. Если бы его не существовало, то не было бы и добра³⁶¹. Зло – единственная причина существования добра. Без гибели не было бы отваги. Без страдания – сострадания. На что бы годились самопожертвование и самоотверженность при всеобщем счастье? Разве можно понять добродетель, не зная порока? Любовь и красоту, не зная ненависти и безобразия? Только злу и страданию обязаны мы тем, что наша земля обитаема, а жизнь стоит того, чтобы ее прожить. Поэтому не надо жаловаться на дьявола. Он создал, по крайней мере, половину вселенной, и эта половина так плотно сливается с другой, что если затронуть первую, то удар причинит равный вред и второй».

Не исключено, что эта повесть Франса дала толчок творческой фантазии Булгакова. Воланд у него прибывает в Москву, как в командировку от небесной канцелярии, как гоголевский ревизор.

В советской Москве зло спрессовано до невероятной плотности, сгущено до предела. В таких условиях умножение зла – занятие бессмысленное. <...> Вмешательство Воланда требуется для восстановления равновесия. Кроме него, этого некому сделать.

Свита его, хоть и куролесит, но, придерживаясь генеральной линии, не только не делает ничего дурного, но и наказывает порок по своим глумливым правилам. Воланд же блестяще справляется с порученным ему заданием и спасает Мастера с его творением, а заодно и любимую им женщину.

Возникает вопрос: почему спасение Мастера оказалось столь важным делом, что им занялся сам Сатана?

Да потому, что в начале всего сущего, как известно, было Слово. Поэтому гении словесной магии становятся Демидургами и, подобно Создателю, творят свои собственные миры из самих себя, по своему образу и подобию. <...>

Мастера потому-то и не берут в свет, что там он лишился бы возможности творить. Свет – это полнота, а для творческого процесса нужна ущербность. Там, где голый свет, уже некуда стремиться, нечего искать. Пасись себе на тучных пастбищах и наслаждайся окружающим тебя совершенством. Интересно, скучают ли попавшие в рай праведники?

Лишь Воланд в состоянии обеспечить Мастеру все условия для творчества, у себя, в царстве теней. Ну, а свет? И с этим все в порядке. Ведь теней без света не бывает³⁶².

В похожем ключе высказывался Мирон Петровский: «Воланд – не столько все- сильный каратель, сколько инспектор, лучше сказать гоголевским словом – ревизор. Воланду вменено в обязанность только представить по ведомству доклад о нынешних москвичих. Его задача, так сказать, познавательная. Познание же подразумевает эксперимент – вот его-то и производит Воланд в Москве, подогревая, ускоряя, провоцируя события, которые и так, без него произошли бы, только растянулись бы во времени. <...> Провокации Воланда ослепительным светом адского огня выхватывают из тьмы повседневности мелочность, суетность, корыстность москвичих, их испорчен-

³⁶¹ Действительно, прямую параллель этому находим в словах Воланда, обращенных к Левию Матвею: «Что бы делало твое добро, если бы не существовало зла?». – Я.К.

³⁶² *Фромер В.* Сатанинские игры (*Эссе*) // Иерусалимский журнал. 2008. № 27. С. 226, 227, 230, 231.

ность “квартирным вопросом” и прискорбную отчужденность от духовности. Не обминул их и самый тяжкий грех – трусость и порождаемое ею предательство»³⁶³.

Поэтому Воланд фактически исполняет роль Христа, а его ближайший слуга Коровьев, как мы установили, воплощает функции Святого Духа. Маргарите же на балу у Воланда отведена роль Богородицы: «Образ Маргариты <...> выходит за рамки предписанной ей роли ведьмы, верховной жрицы сатаны, и она, выступая заступницей и защитницей, исполняет то, что культурной традицией приписывается Богородице и Христу. Знаменательно, что отпущение греха Фриде совершается под знаком христианской символики: Фрида “упала на пол ничком и простерлась крестом перед Маргаритой”. Время романа синхронизировано с событиями священной истории, случившимися на Страстной неделе, и прощение Фриды приходится на великую субботу, когда Христос спустился в ад и освободил грешников»³⁶⁴. Поэтому страдания Маргариты, вызванные распухшим от поцелуев грешников коленом, соотносятся с апокрифическим сказанием «Хождение Богородицы по мукам»: «“Хождение” описывает путешествие Богородицы по аду, где путеводителем ей служит архангел Михаил. Среди грешников в аду названы и те, кто “удушают своих детей”. Потрясенная картиной страшных адских мук Богородица взывает ко всему священному ареопагу, моля о помиловании грешников. И Христос “ради молитв матери” своей освобождает грешников от истязаний на период “от Великого четверга до Троицына дня”. И все отвечали: “Слава милосердию твоему”. Идея милосердия – главная в “Хождении”»³⁶⁵.

Сказанное здесь в полной мере коррелирует с балом у сатаны: роль архангела Михаила – путеводителя Богородицы по аду – исполняет Коровьев, который инструктирует и ободряет Маргариту; тема «удушения своих детей» воплотилась в образе Фриды; моление Богородицы о помиловании грешников реализовано в просьбе Маргариты: «Я хочу, чтобы Фриде перестали подавать тот платок, которым она задушила своего ребенка». Но если в «Хождении» просьбу матери исполняет Христос, то Воланд переадресует ее самой Маргарите, поскольку прощение относится к категории милосердия, за которое ответственны силы света, а не тьмы: «Я о милосердии говорю <...> какой смысл в том, чтобы сделать то, что полагается делать другому, как я выразился, ведомству? Итак, я этого делать не буду, а вы сделайте сами».

Далее Маргарита, вызвав Фриду, «сказала величественно: “Тебя прощают. Не будут больше подавать платок”». Сравним с Евангелием от Марка: «Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! *прощаются тебе грехи твои*» (Мк. 2:5). Следовательно, и хвала Христу из «Хождений Богородицы по мукам»: «Слава милосердию твоему», – должна быть адресована Маргарите, которая в данном эпизоде выступает еще и в роли Спасителя (подобные перемены ролей довольно часто встречаются в романе Булгакова). Поэтому Фрида «простерлась крестом перед Маргаритой». Еще один эпизод, в котором Маргарите отведена роль Христа, – это обращение к ней ее бывшей домработницы Наташи: «Маргарита! Королева! Упросите за меня, чтоб меня ведьмой оставили. Вам все сделают, *вам власть дана!*» ~ «И, приблизившись, Иисус сказал им: *дана Мне всякая власть* на небе и на земле» (Мф. 28:18), «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек» (Ин. 14:16).

То, что Булгаков читал «Хождения», бесспорно, так как эта поэма фигурирует в главе «Великий инквизитор» романа «Братья Карамазовы» (а оценку Булгаковым Достоевского можно понять из «Мастера и Маргариты»: «Достоевский умер, – сказала гражданка, но как-то не очень уверенно. – Протестую, – горячо воскликнул Беге-

³⁶³ Петровский М. Мастер и Город. Киевские контексты Михаила Булгакова. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. С. 99.

³⁶⁴ Сазонова Л.И., Робинсон М.А. Миф о дьяволе в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. L. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 780.

³⁶⁵ Там же.

мот. – Достоевский бессмертен!)). Здесь Иван Карамазов рассказывает: «Есть, например, одна монастырская поэмка (конечно, с греческого): “Хождение богородицы по мукам”, с картинами и со смелостью не ниже дантовских. Богоматерь посещает ад, и руководит ее “по мукам” архангел Михаил. Она видит грешников и мучения их. Там есть, между прочим, один презанимательный разряд грешников в горящем озере: которые из них погружаются в это озеро так, что уж и выплыть более не могут, то “тех уже забывает бог” – выражение чрезвычайной глубины и силы. И вот, пораженная и плачущая богоматерь падает пред престолом Божиим и просит всем во аде помилования, всем, которых она видела там, без различия. Разговор ее с богом колоссально интересен. Она умоляет, она не отходит, и когда бог указывает ей на пригвожденные руки и ноги ее сына и спрашивает: как я прощу его мучителей, – то она велит всем святым, всем мученикам, всем ангелам и архангелам пасть вместе с нею и молить о помиловании всех без разбора. Кончается тем, что она вымаливает у бога остановку мук на всякий год от великой пятницы до троицына дня, а грешники из ада тут же благодарят господина и вопиют к нему: “Прав ты, господи, что так судил”. Ну вот и моя поэмка была бы в том же роде, если б явилась в то время».

Вернемся еще раз к описанию Фриды, которая «простерлась *крестом* перед Маргаритой». Так же вел себя и дирижер оркестра на балу у сатаны: «Лишь только дирижер увидел Маргариту, он согнулся перед нею так, что руками коснулся пола, потом выпрямился и пронзительно закричал: “Аллилуйя!”. Он хлопнул себя по коленке раз, потом *накрест* по другой – два, вырвал из рук крайнего музыканта тарелку, ударил ею по колонне». И сам Воланд «перекрещивается», уподобляя себя Христу. Вот как, например, в редакции 1933 года описано его появление перед Иванушкой в психиатрической клинике: «В кресле перед ним, приятно окрашенный в голубоватый от колпачка свет, *положив ногу на ногу и руки скрестив*, сидел незнакомец с Патриарших Прудов»³⁶⁶. А в другом эпизоде возгласы «Аллилуйя», то есть «Славьте Бога», сопровождают появление Воланда в кабинете профессора Кузьмина: «...заиграл патефон фокстрот “Аллилуйя”, и в то же мгновенье послышалось воробьиное чириканье за спиной у профессора. Он обернулся и увидел на столе у себя крупного прыгающего воробья». Поэтому в романе наблюдается взаимное притяжение Воланда и христианских атрибутов, начиная с его появления на *Патриарших* прудах и заканчивая отлетом с Воробьевых гор, где до 5 декабря 1931 года находился Храм Христа Спасителя. Более того, в «нехорошей квартире», где обитал Воланд, «сквозь цветные стекла больших окон <...> лился необыкновенный, похожий на церковный, свет»; «стол был покрыт церковной парчой», на которой стояли винные бутылки, а буфетчик Соков почувствовал наряду с запахом жарившегося мяса еще и запах ладана (настоящие же черти бегут от ладана). Объясняется это тем, что Воланд – новый Христос, почему он и прибывает в Москву на Страстной неделе – накануне христианской Пасхи.

Итак, Воланд у Булгакова исполняет роль Христа; Коровьев – Святого Духа и архангела Михаила; а Маргарита – Богородицы (разница лишь в том, что, в отличие от Богородицы, Маргарита бездетная, и просит она о прощении не Христа, а дьявола).

Также и Иван Бездомный, объявивший о появлении Воланда своим коллегам-литераторам, пародийно отождествляется с апостолом Павлом, свидетельствующим о Христе: «Тут Иван Николаевич поднял свечу и вскричал: “*Братья* во литературе! (Осипший голос его окреп и стал горячее). **Слушайте меня все! Он появился!** Ловите же его немедленно, иначе он натворит неопишуемых бед!”» ~ «Павел, встав и дав знак рукою, сказал: мужи Израильские и боящиеся Бога! **послушайте.** <...> Мужья *братия*, дети рода Авраамова, и боящиеся Бога между вами! вам послано слово спасения сего. Ибо жители Иерусалима и начальники их, не узнав Его и осудив, исполнили слова пророческие, читаемые каждую субботу, и, не найдя в Нем никакой вины, достойной

³⁶⁶ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 222.

смерти, просили Пилата убить Его. Когда же исполнили все написанное о Нем, то, сняв с древа, положили Его во гроб. Но Бог воскресил Его из мертвых. Он в продолжение многих дней являлся тем, которые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим и которые ныне суть свидетели Его перед народом» (Деян. 13:26-31). А обращение Ивана *братья во литературе* пародирует клише *братья во Христе* (к Колоссянам 1:1-3).

Раскаяние же Иванушки в главе «Интермедия в Шалаше Грибоедова» ранней редакции романа восходит к признанию апостола Павла в его послании к Галатам: «Я господу нашего Христа истоптал сапожищами... Кайтесь, православные! – возопил Иванушка, – кайтесь! ...он в Москве! С ...учениями ложными... с бородкой дьявольской...»³⁶⁷ ~ «Вы слышали о моем прежнем образе жизни в иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию и опустошал ее...» (Гал. 1:13). При этом призыв Иванушки «Кайтесь, православные!», помещенный в сатирический контекст, является сниженной версией проповеди Иоанна Крестителя: «...покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3:2). И если Иоанн говорит: «Я крещу вас в воде в покаяние...» (Мф. 3:11), то Иванушка сам пройдет через символическое крещение в воде, искупавшись в Москве-реке. Отсюда – диалог между «ветхим» и «новым» Иваном, подразумевающий Ветхий и Новый заветы. Причем к крещению в воде Ивана привел Воланд, за которым он гнался: «...путь Бездомного лежит от одной точки приложения нечистой силы к Москве – через греховную квартиру, где бес попутал замужнюю гражданку согрешить с неким Кирюшкой, – к грандиозной строительной площадке на месте снесенного храма Христа Спасителя на берегу Москвы-реки. Таким образом, зловещая погоня, пародируя крестный путь Иешуа, стала путем зла, но при этом ее вышедший смысл раздвоился, и результатом этой сатанианы стало неожиданное крещение (!) Иванушки в московском Иордане, очищение водой от дьявольских сил. <...> именно сатана обманным путем привел Ивана к воде и крестил его “в покаяние”. Именно он сатана-креститель (!)»³⁶⁸. Вновь мы сталкиваемся со взаимным притяжением Воланда и христианских атрибутов. А «очищение водой от дьявольских сил» в булгаковском мире означает освобождение от атеизма и богоборчества, которые Ивану навязала дьявольская советская власть.

Следующий черновой вариант романа: «Друзья, – вдруг вскричал *Иванушка*, и голос его стал и тепел и горяч, – друзья, слушайте! Он появился! Иванушка значительно и страшно поднял свечу над головой. <...> Слушайте, кретины! – завопил Иванушка. – Говорю вам, что появился он!»³⁶⁹, – представляет собой парафраз Откровения *Иоанна* Богослова: «Знаю твои дела, ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3:15-16).

Также источником образа Ивана можно считать полкового попа из устного рассказа Булгакова о войне, вошедшего в неподцензурный вариант романа Юрия Слэзкина «Девушка с гор» (1925), где Булгаков выведен под именем журналиста Алексея Васильевича (имя и отчество Алексея Турбина из пьесы «Дни Турбиных», 1925): «Алексей Васильевич весь напрягается, весь обращается в слух и зрение. <...> И вот он видит, что поп поворачивает к бегущим свое лицо, величественное лицо Иеговы, и подымает длань – простирает ее перед собою. Лицо его бледно, но вдохновенно. “**Православные**, – грохочет он, и жилы напрягаются у него на лбу. – Православные, спасайся кто может!”»³⁷⁰ ~ «Иванушка значительно и страшно поднял свечу над головой. “Он появился! **Православные!** Ловите его немедленно, иначе погибнет

³⁶⁷ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. С. 397.

³⁶⁸ Королев А. Москва и Ершалаим: Фантастическая реальность в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // В мире фантастики: Сборник литературно-критических статей и очерков. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 87 – 89.

³⁶⁹ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 251.

³⁷⁰ Цит. по: Яновская Л. Последняя книга, или Треугольник Воланда. М.: ПРОЗАиК, 2013. С. 143.

Москва!»³⁷¹ В свою очередь, призыв «Православные, спасайся кто может!» отразится в комедии «Багровый остров» (1928): «Гвардия! Спасайся кто может! – кричит Кири, открывает чемодан, прячется в него и в чемодане ползком уезжает»³⁷². Наряду с этим возникает буквальная переключка «Мастера» с «Золотым теленком» (глава «Конец “Вороньей слободки”»): «На Иванушке надета была рубашка белая и белые же кальсоны с тесемками, ноги босые <...> “Друзья, – вдруг вскричал Иванушка, и голос его стал и тепел и горяч, – друзья, слушайте! Он появился!”. Иванушка значительно и страшно поднял свечу над головой. “Он появился! Православные! Ловите его немедленно, иначе погибнет Москва!” ~ «Один лишь Никита Пряхин дремал на сундучке посреди мостовой. Вдруг он вскочил, босой и страшный. “Православные! – закричал он, раздирая на себе рубаху. – Граждане!” Он боком побежал прочь от огня, врезался в толпу и, выкликая непонятные слова, стал показывать рукою на горящий дом» («рубашка» = «рубаху»; «ноги босые» = «босой»; «вскричал» = «закричал»; «Друзья» = «Граждане»; «страшно... Православные!» = «страшный. “Православные!”»; «погибнет Москва» = «горящий дом»)³⁷³. Некоторые параллели заметны и далее: «Вульф? – жалостно выкрикнула какая-то женщина» ~ «Остановите его! – закричала женщина в соломенной шляпке. – Он сгорит!». Но и различия весьма существенны, поскольку Иванушка предупреждает о появлении в Москве Воланда, а цель Никиты Пряхина – спасти бутылку вина из горящего дома. Таким образом, то, что у Булгакова подается на полном серьезе, у Ильфа и Петрова превращается в фарс.

До своего обращения в Дамаске Савл воевал с Христом, как и Иванушка с Воландом: «Подсолнечное масло здесь вот при чем, – вдруг заговорил Бездомный, очевидно решив объявить незваному собеседнику войну, – вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?» ~ «А Савл терзал церковь, входя в дома и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу» (Деян. 8:3); «Не притворяйтесь! – грозно крикнул Иван <...> Вы – убийца и шпион! Документы! – яростно крикнул Иван» ~ «Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришел к первосвященнику» (Деян. 9:1)³⁷⁴.

³⁷¹ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 251.

³⁷² Яновская Л. Последняя книга, или Треугольник Воланда. С. 144.

³⁷³ Стоит заметить, что возглас «Православные!» встречался и в одном из ранних рассказов Петрова: «Православные! – злобно кричал Дыркин, – убивают! Караул!..» (Петров Е. Последний из могикан // Смехач. М., 1927. № 10. Март. С. 10). Причем этот персонаж является двойником главного героя другого рассказа Петрова – «Идейный Никудыкин» (Красный перец. М., 1924. № 21): «Очутившись на мостовой, Никудыкин *потер ушибленное колено* и поплелся на Театральную площадь» = «И Дыркин, опрокинутый лихачом, уже лежал на мостовой. Когда Дыркин поднялся, *потирая ушибленное плечо*, перед ним стоял квартальный и зловеще улыбался»; «Никудыкин посмотрел на гривенник и заплакал. *Ночевал он в милиции*» = «Отец родной! Ангел!.. – заплакал Дыркин. <...> *Ночевал Дыркин в участке...*». Перед этим же говорилось, что Никудыкин в трамвае «уже пять минут задерживает вагон», а Дыркин лежит на мостовой и загораживает проезд машин: «Осади!!! – гаркнул городской, – почему скопление? Ты что здесь делаешь?». Также Дыркин фигурирует в «Святочном рассказе» (1927) Петрова, где вновь наблюдается сходство с поведением Никудыкина: «П...п... прохожий... ввввв... долой... ввввв... штаны... ввввв...» ~ «В-в-в... – пролепетал Дыркин, – в-в-ваше...» (Петров Е. Даровитая девушка: Ранние рассказы и фельетоны. М.: Правда, 1961. С. 23. Б-ка «Огонек», № 50). А Никудыкин далее тоже «пролепетал»: «Да ведь я же принципиально голый, – пролепетал Никудыкин, рыдая».

³⁷⁴ А реальным прототипом Ивана Бездомного стал поэт Иван Приблудный (1905 – 1937), у которого действительно не было своего дома. Вот что вспоминает его вдова: «На территории Дома Герцена у вторых ворот был <...> маленький домик. В нем жил писатель Свирский – старый добрый человек. И у него какое-то время ночует Иван. Летом там в садике стояли столы – утром и днем ресторан действовал как столовая. Вот так же, проснувшись, Иван мог выйти завтракать в одних трусах. След этого остался у Булгакова в “Мастере и Маргарите” – Иван Бездомный бегаёт в кальсонах по Дому Грибоедова» (Милонова Н. Воспоминания. Письма. Луганск: ООО «Пресс-экспресс», 2020. С. 32). Дополнительным аргументом в пользу данной гипотезы служит фраза Бездомного: «Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!», – которая может показаться странной, если не знать, что в 1931-м Приблудный был сослан на три года в Астрахань. А упоминание Бездомным словосочетания «года на три» появилось в редакции 1936 года, после возвращения Приблудного из ссылки в 1935-м.

Между тем в варианте от 11.11.1933 параллель Воланд/Иисус – Иван/Савл выписана еще более откровенно, поскольку ослепление Савла Христом по дороге в Дамаск повторится в отношении Иванушки, который, будучи мертвым, перед началом бала у сатаны входит в квартиру Воланда, где уже находилась Маргарита:

... слепой и неуверенной походкой он подошел к ложу.
– Узнаешь меня, Иванушка? – спросил сидящий.
Иванушка Бездомный повернул слепую голову на голос.
– Узнаю, – слабо ответил он и поник головой.
– И веришь ли, что я говорил с Понтием Пилатом?
– Верую.
– Что же хочешь ты, Иванушка? – спросил сидящий.
– Хочу увидеть Иешуа Га-Ноцри, – ответил мертвый, – ты открой мне глаза.
– В иных землях, в иных царствах будешь ходить по полям слепым и прислушиваться. Тысячу раз услышишь, как молчание сменяется шумом половодья, как весной кричат птицы, и воспоешь их, слепенький, в стихах, а на тысячу первый раз, в субботнюю ночь, я открою тебе глаза. Тогда увидишь его. Уйди в свои поля.
И слепой стал прозрачен, потом и вовсе исчез.
Маргарита, прижавшись щекой к холодному колену, не отрываясь, смотрела³⁷⁵.

Напрашивается цитата из «Деяний святых апостолов» (9:3-12):

Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба.
Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня?
Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна.
Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? и Господь сказал ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать.
Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя.
Савл встал с земли и с открытыми глазами никого не видел. И повели его за руки, и привели в Дамаск.
И три дня он не видел, и не ел, и не пил.
В Дамаске был один ученик, именем Анания; и Господь в видении сказал ему: Анания! Он сказал: я, Господи.
Господь же сказал ему: встань и пойди на улицу, так называемую Прямую, и спроси в Иудином доме Тарсянина, по имени Савла; он теперь молится, и видел в видении мужа, именем Ананию, пришедшего к нему и возложившего на него руку, чтобы он прозрел.

Помимо того, вопрос Воланда и ответ Иванушки: «И веришь ли, что я говорил с Понтием Пилатом? – *Верую*», – апеллирует к Евангелию от Иоанна:

Иисус, услышав, что выгнали его вон, и, найдя его, сказал ему: ты веруешь ли в Сына Божия?
Он отвечал и сказал: а кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него?
Иисус сказал ему: и видел ты Его, и **Он говорит с тобою**.
Он же сказал: *верую, Господи!* И поклонился Ему (Ин. 9:35-38).

А следующие реплики из диалога Воланда и Иванушки: «“Что же хочешь ты, Иванушка?” – спросил сидящий. “Хочу увидеть Иешуа Га-Ноцри, – ответил мертвый, – ты открой мне глаза”», – отсылают к известному диалогу Иисуса Христа со слепым: «Иисус, остановившись, велел привести его к Себе: и, когда тот подошел к Нему, спросил его: чего ты хочешь от Меня? Он сказал: Господи! чтобы мне прозреть» (Лк. 18:40-41).

---

³⁷⁵ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 152 – 153.

Что же касается действий будущего апостола Павла: «Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришел к первосвященнику» (Деян. 9:1), то их повторит Варенуха: «А, так вы не унимаетесь? – Закричал администратор в ярости. – Ну смотрите же! Поплатитесь вы за это, – он еще прокричал какую-то угрозу <...> Администратор был возбужден и полон энергии. После наглого звонка он не сомневался в том, что хулиганская шайка проделывает скверные шуточки и что эти шуточки связаны с исчезновением Лиходеева. Желание изобличить злодеев душило администратора». Поэтому отчество Варенухи – Савельевич, то есть Савлович³⁷⁶. А шайка Воланда, которую хочет изловить Варенуха, представляет собой сниженную версию Христа и его апостолов. После поцелуя Геллы Варенуха превращается в вампира, пьющего кровь, что пародирует слова Иисуса: «Пейте, ибо сие есть кровь Моя нового завета» (Мф. 22:28). Варенуха, став вампиром, «уверовал» в Воланда и его свиту³⁷⁷, а обращение в последователя Христа также происходило после вкушения вина, символизирующего кровь Христову.

В начале второй редакции романа Воланд, Коровьев и Бегемот пародируют христианскую Троицу, преследуемую Бездомным: «Озноб прошиб Иванушку оттого, что он ясно разглядел, что вся троица вдруг улыбнулась ему, в том числе и кот. Это была явно издевательская скверная усмешка могущества и наглости. Улыбнувшись, вся троица повернулась и стала уходить. Чувствуя прилив мужества, Иван устремился за нею. Тройка вышла на Садовое кольцо. Тут сразу Иван понял, что догнать ее будет очень трудно»³⁷⁸. Перед этим же Воланд отождествлялся с Христом, а Иван – с Савлом: «Черный и мутный хлам из головы Ивана вылетел, и ее изнутри залило очень ярким светом. <...> Не могло быть ни тени, ни зерна сомнения в том, что сумасшедший профессор знал, фотографически точно знал заранее всю картину смерти!

Свет усилился, и всё существо Ивана сосредоточилось на одном: сию же минуту найти профессора... а найдя, взять его»³⁷⁹ ~ «Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно *осиял его свет с неба*» (Деян. 9:3). И если в первом случае: «Кто вы такой? – хрипло и глухо спросил Иван», – то во втором: «Он сказал: кто Ты, Господи?» (Деян. 9:5). А описание того, как ослепшему Савлу было возвращено зрение, вновь возвращает нас к прозрению Ивана: «И тотчас как бы *чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел...*» (Деян. 9:18) ~ «*Черный и мутный хлам из головы Ивана вылетел, и ее изнутри залило очень ярким светом*».

Параллель *Воланд – Иисус* подчеркивает симметричный эпизод перед началом бала у сатаны и в Евангелии от Луки: Маргарита растирает колено Воланда мазью, а раскаявшаяся блудница намазывает ноги Иисуса миром (Лк. 7:36 – 50). Поэтому Маргарита называет Воланда так же, как апостол Иоанн – Христа: «...твой заступник – Воланд! Всё будет хорошо» (полная рукописная редакция 1938 года³⁸⁰) ~ «Я пишу вам об этом, чтобы вы не совершали грех, но если кто согрешит, то у нас есть заступник перед Отцом – Иисус Христос, Праведник» (1-е послание Иоанна, 2:1). И Булгаков приравнивает посещение Воландом Москвы ко второму пришествию Мессии (обратим заодно внимание на фонетическое сходство: мессир – мессия). Но советские атеисты, взорвавшие храмы и расстрелявшие священников, не заслуживают того, чтобы их посетил Христос. Поэтому его роль передоверена дьяволу.

³⁷⁶ Корман Э. Зачем горят рукописи. Иерусалим: Скопус, 2004. С. 200. *Он же*. В постановке Воланда // Огни столицы: Альманах. Иерусалим: Скопус, 2007. С. 381.

³⁷⁷ Неслучайно в одной из ранних редакций фамилия Варенухи была – «Благовест», то есть Благая Весть (именно так с греческого переводится слово «Евангелие»), а фамилия Римского – «Библейский». Кроме того, слово «Благовест» означает церковный звон – мерные удары в один большой колокол.

³⁷⁸ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновики романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 154.

³⁷⁹ Там же. С. 152.

³⁸⁰ Булгаков М. Князь тьмы: Полная история «Мастера и Маргариты». СПб.: Азбука, 2018. С. 757.

Христос говорил: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там *Я посреди них*» (Мф. 18:20). А Воланд появляется как раз во время беседы Берлиоза и Бездомного о Христе: «...иностранец ловко *уселся между ними* и тотчас вступил в разговор»³⁸¹.

Иисус говорил, что он «не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8:20), а Воланд на вопрос Берлиоза «Вы где остановились?» отвечает: «Я? Нигде».

Строго следует Воланд и другим словам Мессии: «Се, иду *как тать*: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы не увидели срамоты его» (Откр. 16:15) ~ «...непрощенный собеседник <...> почему-то *воровски* оглянувшись и приглушив свой низкий голос, сказал: “Простите мою навязчивость, но я так понял, что вы, помимо всего прочего, еще и не верите в Бога?»³⁸². А Иван Бездомный, искупавшись в Москве-реке, увидел, что вся его одежда украдена. Следовательно, он, повторив процедуру христианского крещения в воде, не исполнил заповеди Христа о «хранящем одежду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы не увидели срамоты его». Другие скрытые новозаветные ассоциации отмечает Б. Гаспаров: «Во время странствий Ивана по арбатским переулкам на груди у него оказывается бумажная иконка (ср. табличку на груди Иешуа во время следования на казнь); сам этот путь, совершаемый “в рубище”, неожиданно патетически назван “трудным путем” (мотив шествия на Голгофу). На этом пути Иван встречает в ванной “голую гражданку”, и та замахивается на него мочалкой (ср. губку, поданную Иешуа в сцене казни). Спасаясь от милиции, Иван разорвал об ограду щеку (ср. ссадину в углу рта у Иешуа). Наконец, в Грибоедове его связывают полотенцами (связанные руки Иешуа отмечаются несколько раз). Сама “рваная толстовка”, в которой герой появляется в Грибоедове, сопоставляется с “разорванным хитоном” Иешуа. Парадоксальность сопоставления еще больше увеличивается вовлечением в него фамилий Бездомный (бездомность Иешуа специально отмечена)...»³⁸³. Поэтому в черновиках 1931 года Бездомный, которого заключили в психбольницу, называет себя Спасителем: «Ну, пусть погибает Красная столица, я в лето от Рождества Христова 1943-е всё сделал, чтобы спасти ее! Но... но победил ты меня, сын погибели, и заточили меня, спасителя»³⁸⁴; а допрос Ивана в клинике Стравинского напоминает допрос Иешуа Пилатом: «В это время женщина тихо спросила Рюхина: “Женат он?”. – “Холост”, – испуганно ответил Рюхин. – “Родные в Москве есть?”. – “Нету”»³⁸⁵ ~ «“Родные есть?” – “Нет никого. Я один в мире”. <...> “Жены нет?” – почему-то тоскливо спросил Пилат, не понимая, что с ним происходит. – “Нет, я один”»³⁸⁶; «Санитары почему-то вытянули руки по швам и глаз не сводили с Ивана»³⁸⁷ ~ «Секретарь вытаращил глаза на арестанта и не дописал слова»³⁸⁸; «Прокуратор лично допросил бродягу и нашел, что Иешуа Ганоцри психически болен»³⁸⁹ ~ «“Доктор, – шепотом спросил потрясенный Рюхин, – он, значит, действительно болен?”. – “О, да, – ответил врач. <...> Шизофрения, надо полагать”»³⁹⁰; «...вполне соглашаясь с тем, что Иешуа опасен в Ершалаиме, прокуратор дает распоряжение о насильственном помещении его, Га-Ноцри, в лечебницу в Кесарии Филипповой при резиденции прокуратора... <...> “А я здоров, иге-

³⁸¹ Отмечено: Бузиновские О. и С. Тайна Воланда: опыт дешифровки. СПб.: Лев и Сова, 2007. С. 8.

³⁸² Там же. С. 10.

³⁸³ Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Slavica Hierosolymitana. 1978. Vol. III. С. 210 – 211.

³⁸⁴ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 117.

³⁸⁵ Там же. С. 116.

³⁸⁶ Там же. Т. 2. С. 556, 563.

³⁸⁷ Там же. Т. 2. С. 589.

³⁸⁸ Там же. Т. 2. С. 558.

³⁸⁹ Там же. Т. 1. С. 54.

³⁹⁰ Там же. Т. 2. С. 590 – 591.

мон”, – сказал бродяга озабоченно»³⁹¹ ~ «...меня, здорового человека, схватили и силой приволокли в сумасшедший дом!»³⁹². Кстати, и реальный прототип Ивана Бездомного – Иван Приблудный – сравнивал себя с Христом: «Но скрывая смертельную рану, / Как всегда неразгадан и прост, / Для спасенья из мертвых восстану, / Как в славянской легенде Христос. / И внимая слепому злословью, / За обиды, что вынесу тут, / Заплачу им огромной любовью, / О которой лишь в книгах не глут»³⁹³ (не потому ли Воланд скажет Бездомному: «А вы, почтеннейший Иван Николаевич, здорово верите в Христа»). Причем проживет он почти столько же, сколько Христос: 32 года. К тому же если Христос был распят, то Приблудный – расстрелян. Да и возраст Бездомного – 23 года – указывает на Приблудного, которому в 1928 году, когда была начата работа над романом, исполнилось 23. Вместе с тем обращение Бездомного к швейцару в «Копыте инженера» (1928 – 1929): «С дороги, арамей!», – отсылает к антисемитским настроениям в окружении Есенина (к которому относился и Приблудный), поскольку слово «арамей» является очевидным эвфемизмом слова «еврей».

В ранней редакции Воланд повторяет действия Иисуса, но при этом – как дьявол – искушает Иванушку, нарисовавшего портрет Христа, а фарисеи, наоборот, искушали самого Иисуса: «Необходимо быть последовательным, – отозвался на это консультант. – Будьте добры, – он говорил вкрадчиво, – наступите ногой на этот портрет, – он указал острым пальцем на изображение Христа на песке»³⁹⁴ ~ «Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания» (Ин. 8:6). Впрочем, когда Иванушка решил затоптать портрет Христа, Воланд попытался его остановить: «“Стойте!! – громовым голосом вскричал неизвестный, – стойте!”. Иванушка застыл на месте. “После моего евангелия, после того, что я рассказал о Иешуа, вы, Владимир Миронович, неужто вы не остановите юного безумца?!”». Здесь повторяется ветхозаветная история с жертвоприношением Исаака: сначала Бог, испытывая верность Авраама, побуждает его убить своего сына, а когда тот уже готов был принести эту жертву, останавливает его (Быт. 22:1-12).

Еще одно сходство с ветхозаветным Богом наблюдается в книге пророка Малахии: «И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он – как огонь расплавляющий и как щелок очищающий...» (Мал. 3:2). Сочетание слов *пришествия Его... Он явится* отсылает к вариантам названия романа за 1932 год: «Он явился. Пришествие. Черный маг. Копыто консультанта»³⁹⁵. Таким образом, прибытие Воланда и его свиты – это не что иное, как Страшный Суд: «Ибо вот, придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей» (Мал. 4:1). Поэтому свита Воланда и поджигает Москву. Но то же самое касается и Нового завета, поскольку слова Иисуса: «Огонь принес Я на землю, и как Я хочу, чтобы он скорей разгорелся!» (Лк. 12:49), – прямо соотносятся со словами Бегемота в ресторане Дома Грибоедова: «Я люблю пожары, мадам» (вариант от 12.07.1934 – 15.07.1934)³⁹⁶. Известно, что в 1915 году в киевской квартире Булгакова на стене была выведена надпись по-латыни: *Ignis sanat* (Огонь лечит)³⁹⁷. Поэтому и в его романе огонь играет роль обновляющей силы: «Тогда огонь! – вскричал Азazelло.

³⁹¹ Там же. Т. 1. С. 54.

³⁹² Там же. Т. 2. С. 588.

³⁹³ *Приблудный И.* Тополь на камне: стихи (1923 – 1925). М.: Никитинские субботники, 1926. С. 39.

³⁹⁴ *Булгаков М.* Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 238.

³⁹⁵ Цит. по: *Чудакова М.* Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы литературы. 1976. № 1. С. 233.

³⁹⁶ *Булгаков М.* Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 169.

³⁹⁷ *Земская Е.А.* Из семейного архива // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Сов. писатель, 1988. С. 54.

– Огонь, с которого всё началось и которым мы всё заканчиваем. – Огонь! – страшно прокричала Маргарита <...> Гори, гори, прежняя жизнь! – Гори, страдание!..».

В разговоре с фарисеями Иисус называет себя «Человеком, сказавшим вам истину, которую слышал от Бога» (Ин. 8:40). А Воланд то же самое говорит, беседуя с советским фарисеем – Берлиозом: «После моего евангелия, после того, что я рассказал о Иешуа, вы, Владимир Миронович, неужто вы не остановите юного безумца?! А вы, – инженер обратился к небу, – вы слышали, что я честно рассказал?!»³⁹⁸ Кроме того, последняя реплика отсылает к другому фрагменту Евангелия от Иоанна: «А вы, – инженер обратился к небу, – вы слышали, что я честно рассказал?!» ~ «Отче, благодарю Тебя, что Ты услышал Меня» (Ин. 11:40).

И Христа, и Воланда власти и обычные люди считают преступниками: «В тот час сказал Иисус народу: “Как будто на разбойника вышли вы – с мечами и кольями – взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня”» (Мф. 26:55) ~ «Представители следствия и опытные психиатры установили, что члены преступной шайки <...> являлись невиданной силы гипнотизерами»; и нечистью: «А фарисеи говорили: Он изгоняет бесов силою князя бесовского» (Мф. 9:34) ~ «Аннушка... понесла околесину о том, что она не отвечает за домоуправление, которое завело в пятом этаже нечистую силу, от которой житья нету».

Неудивительно, что лексика Воланда во многом совпадает с лексикой Христа. Например, обращение к голове мертвого Берлиоза на балу: «...все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере. Да сбудется же это! Вы уходите в небытие, а мне радостно будет из чаши, в которую вы превращаетесь, выпить за бытие», – содержит две отсылки к Евангелию от Матфея: «А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка...» (Мф. 1:22), «...и там был до смерти Ирода, да сбудется реченное Господом через пророка...» (Мф. 2:14), «По вере вашей да будет вам» (Мф. 9:29). Да и тост «за бытие» перекликается со словами Бога в Пятикнижии Моисея: «Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё» (Втор. 30:19). Еще одно сравнение Воланда с ветхозаветным Богом присутствует в записи за 07.01.1934: «Вечер наш окончен, – объявил Воланд, – светает, я хочу отдохнуть. Все свободны»³⁹⁹ ~ «И был вечер, и было утро: день шестой. <...> И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал» (Быт. 1:31; 2:3). А Воланд изъявил желание отдохнуть именно «в день седьмый», то есть в Субботу (по иудейскому календарю).

Очередной парафраз Нового Завета встречается в диалоге Воланда с мастером: «“Вы знаете, с кем вы сейчас говорите, – спросил у пришедшего Воланд, – у кого вы находитесь?” – “Знаю, – ответил мастер, – моим соседом в сумасшедшем доме был этот мальчик, Иван Бездомный. Он рассказал мне о вас”» ~ «Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Петр сказал Ему в ответ: Ты – Христос» (Мк. 8:29).

Воланд же следом задает мастеру другой вопрос: «Но вы-то верите, что это действительно я?», – что апеллирует к Евангелию от Иоанна: «Теперь сказываю вам, прежде нежели то сбылось, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я» (Ин. 13:19), как и приветствие Азazelло: «И в этот самый момент в оконце послышался носовой голос: “Мир вам”. Мастер вздрогнул, а привыкшая уже к необыкновенному Маргарита вскричала: “Да это Азazelло! Ах, как это мило, как это хорошо!”» ~ «Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них [апостолов] и сказал: мир вам!» (Ин. 20:26). Азazelло же еще раз цитирует Новый Завет: «Неужели вы слепы? Но прозрейте же скорей!» ~ «И сказал Иисус: на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы. Услышав это, некоторые из фарисеев, бывших с Ним, сказали Ему: неужели и мы слепы?» (Ин. 9:39-40).

³⁹⁸ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 239.

³⁹⁹ Там же. С. 159.

Вообще дихотомия *вы слепы... прозреть* часто встречается в Новом Завете: «Слепой сказал Ему: Учитель! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге» (Мк. 10:51-52), «Сказав это, Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому, и сказал ему: пойдй, умойся в купальне Силоам <...> Он пошел и умылся, и пришел зрячим» (Ин. 9:6-7).

Откровение Иоанна Богослова: «Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя *громкий голос, как бы трубный*, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний» (Откр. 1:10), – отразилось в концовке «Мастера», где действие происходит накануне «дня воскресного» – поздним вечером в субботу: «И тогда над горами прокатился, *как трубный голос, страшный голос* Воланда: “Пора!” – и резкий свист и хохот Бегемота».

А Маргарита увидела в квартире Воланда «канделябр с гнездами в виде когтистых птичьих лап. В этих семи золотых лапах горели толстые восковые свечи». Здесь очевиден как намек на семисвечник, заповеданный Богом Моисею для скинии завета: «И сделай светильник из золота чистого <...> И сделай к нему семь лампад, и поставь на него лампы его, чтобы светили на переднюю сторону его» (Исх. 25:31 – 37)⁴⁰⁰, так и отсылка к семи церквям Апокалипсиса: «Тайна семи звезд, которые ты видел в деснице Моей, и семи золотых светильников есть сия: семь звезд суть Ангелы семи церквей; а семь светильников, которые ты видел, суть семь церквей» (Откр. 1:20)⁴⁰¹. В то же время, создавая образ золотых семисвечников, Булгаков брал за основу стоявшие на его письменном столе два бронзовых канделябра по пять свечей каждый.

В редакции «Мастера», оконченной 22 – 23 мая 1938 года, читаем: «Маргарита заплакала и проговорила сквозь слезы: “Он – мастер, мастер, верьте мне! Вылечите его!”»⁴⁰². Что это, как не отсылка к Евангелию от Марка: «И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! Помоги моему неверию» (Мк. 9:24). Если «отрок» одержим бесом, то мастер называет себя душевнобольным и жалуется на галлюцинации. Но при этом отец «отрока» обращается к Христу, а возлюбленная мастера – к бесу (Воланду), который выполняет в данном случае функцию Христа.

В самом начале же Воланд говорил Берлиозу и Бездомному: «...прошу вас – никому ни слова и полнейший секрет!.. Тсс!», – что вновь отсылает к Новому Завету: «И говорит ему Иисус: смотри, никому не сказывай» (Мф. 8:4), «Тогда Иисус запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос» (Мф. 16:20).

Вообще разговор Воланда с атеистами Берлиозом и Бездомным повторяет многочисленные беседы Иисуса с фарисеями и саддукеями: «Но требуется же какое-нибудь доказательство... – начал Берлиоз» ~ «Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение» (Мф. 12:38). А Берлиоз – это как раз «книжник»: если «саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа» (Деян. 23:8), то Берлиоз отрицает существование Бога и Христа.

Кроме того, мастер говорит о Берлиозе: «Он человек не только начитанный, но и хитрый». И именно так характеризуются в Новом Завете книжники и фарисеи, которые, с одной стороны, начитанные, а с другой – хитрые: «Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы, и положили в совете взять Иисуса хитростью и убить» (Мф. 26:3-4).

Поэтому лицемерие Берлиоза сродни лицемерию фарисеев: «Видите ли, **профессор**, – принужденно улыбнувшись, отозвался Берлиоз, – *мы уважаем ваши большие знания...*» = «И, наблюдая за Ним, подослали лукавых людей, которые притворившись благочестивыми, уловили бы Его в каком-либо слове, чтобы предать Его

⁴⁰⁰ Яновская Л. Последняя книга, или Треугольник Воланда. М.: ПРОЗАиК, 2013. С. 458.

⁴⁰¹ Корман Э. В постановке Воланда // Огни столицы: Альманах. Иерусалим: Скопус, 2007. С. 385.

⁴⁰² Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. М.: Голос, 1999. С. 513.

начальству и власти правителей. И они спросили Его: **Учитель!** *мы знаем, что Ты правдиво говоришь...*» (Лк. 20:20-21).

Берлиоз обращается к Воланду: «Говорите вы всё какими-то подчеркнутыми загадками, – с некоторой досадой заметил Берлиоз, – впечатление такое, что вам известно не только глубокое прошлое, но даже и будущее»⁴⁰³, – в чем также угадывается реплика фарисеев: «Долго ли Тебе держать нас в недоумении? Если Ты – Христос, скажи нам прямо» (Ин. 10:24). Последняя фраза отразилась в 1-й (частично уничтоженной) редакции романа, где взбешенный Иванушка наседает на Воланда после гибели Берлиоза: «...возопил Иванушка, <приблизившись впло>тную к Воланду, и <увидел,> что достает ему только до подбородка.

Воланд испугался и сказал:

– Я же имел чест<ь показать вам свой паспорт, –> и полез в карман.

– К чертовой матери <паспорт!> – рывкнул на него <Иванушка. – Брось эт>и фокусы, здесь не <цирк. Гово>ри прямо, кто ты <такой!>»⁴⁰⁴.

Берлиоз и Бездомный решают, что Воланд – сумасшедший: «...приехал сумасшедший немец или только что спятил на Патриарших». А книжники и фарисеи говорят Иисусу, что он одержим бесом: «На это Иудеи отвечали и сказали Ему: не правду ли мы говорим, что Ты Самарянин и что бес в Тебе?» (Ин. 8:48), «Иудеи сказали Ему: теперь узнали мы, что бес в Тебе» (Ин. 8:52). И, подобно тому, как иудеи называют Иисуса самаритянином – а самаритяне были злейшими врагами иудеев, – Бездомный называет Воланда белым эмигрантом и шпионом.

После гибели Берлиоза Бездомный бросается за Воландом в погоню, чтобы его «предать в руки милиции», повторяя действия фарисеев, которые «искали схватить Иисуса» (Ин. 7:30), чтобы «предать Его начальству и власти правителей» (Лк. 20:20).

Наряду с параллелью «Берлиоз = книжники и фарисеи» Берлиоз играет еще и роль предтечи Воланда-Христа – Иоанна Крестителя, которому по требованию Саломеи, племянницы царя Ирода, отрубили голову (а Берлиозу отрезало голову трамваем, управляемым вагоновожатой – «русской женщиной, комсомолкой»). Причем поскальзывается атеист Берлиоз на постном масле, которое пролила Аннушка (эпитет *постное* отсылает к православному посту перед Пасхой Христовой, в романе превращающейся в Пасху Воландову), что пародирует библейское пророчество об Иоанне Крестителе, расчищающем дорогу для Христа: «В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное. Ибо он тот, о котором сказал пророк Исаия: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему (Мф. 3:1-3). То есть атеист Берлиоз (в роли Иоанна Крестителя) приготовил путь дьяволу Воланду (в роли Христа): «Слишком велико давление новозаветного текста, чтобы мы не увидели в этой голове Берлиоза отрезанную голову Иоанна Крестителя. Слишком мощны пучки ассоциаций, чтобы не заметить и то, что Михаил Александрович отправлен на тот свет с помощью двух женщин: Аннушки, пролившей масло, и вагоновожатой девушки-комсомолки в алой повязке; Аннушка и комсомолка – это Саломея и Иродиада московского евангелия. Словом, голова Берлиоза стала головой п р е д т е ч и всех дальнейших событий, первой жертвой нового пришествия, причем освященной и принятой жертвой (тут и Аннушкино подсолнечное масло – московское миро – идет в строку). Какая злая горечь!.. седьмое доказательство бытия божьего предъявляет Ивану Бездомному дьявол, и какое? – голову псевдокрестителя»⁴⁰⁵.

⁴⁰³ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 492.

⁴⁰⁴ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 87.

⁴⁰⁵ Королев А. Москва и Ершалаим: Фантастическая реальность в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // В мире фантастики: Сборник литературно-критических статей и очерков. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 86 – 87.

Но самое интересное, что встреча Воланда с Берлиозом воспроизводит еще и столкновение истинного Христа со лже-Христом или антихристом, отрицающим само существование Христа: «...подобно Иисусу Христу, Берлиоз имеет двенадцать апостолов-заместителей, членов правления Массолита, которые ожидают его появления к своего рода “вечере” у “Грибоедова”»⁴⁰⁶; «...в окончательном тексте романа в ожидании Берлиоза томятся двенадцать литераторов, что провоцирует на пародийное отождествление председателя и правления МАССОЛИТа с Христом и двенадцатью апостолами (в машинописной копии с авторской правкой конца 1939 – начала 1940 г. цифра для большей точности исправлена на “одиннадцать” из-за отсутствующего заместителя Берлиоза)...»⁴⁰⁷.

Реплика Воланда о том, что, хотя «горожане сильно изменились внешне», его интересует «гораздо более важный вопрос: *изменились ли эти горожане внутренне?*», – и ответ Коровьева: «Да, это важнейший вопрос, сударь», – имеют в своем подтексте обличение Иисусом книжников и фарисеев: «...вы по наружности кажетесь людям праведными, а *внутри исполнены лицемерия и беззакония*» (Мф. 23:28). Другое же его высказывание: «Пойдите, научитесь, что значит: “милости хочу, а не жертвы”» (Мф. 9:13), – реализовалось во время сеанса черной магии, когда один из зрителей крикнул: «Голову ему оторвать!», и Бегемот по приказу Фагота оторвал голову Бенгальскому (*жертва*), после чего остальная публика на вопрос Фагота, простить ли Бенгальского, стала кричать, чтобы его простили, и Бегемот исполняет приказ Воланда «Наденьте голову!» (*милость*). Поэтому Воланд ставит свой диагноз для будущего отчета: «Ну, легкомысленны... ну, что ж... и *милосердие* иногда стучится в их сердца».

А слова Воланда, обращенные к Левию Матвею: «Мне ничего не трудно сделать <...> и тебе это хорошо известно», – можно рассматривать как парафраз реплики Христа из Евангелия от Матфея: «А Иисус, возрев, сказал им: человекуам это невозможно, Богу же всё возможно» (Мф. 19:26).

Ряд важных наблюдений на данную тему был сделан в 1996 году Л. Сазоновой и М. Робинсоном:

Восхищенное восклицание Маргариты «Всесилен, всесилен!», обращенное к Воланду, вступая в интертекстуальные отношения с пасхальными церковными песнопениями, где определение «всесилен» лейтмотивом вплетается в прославление Христа, порождает игру и причудливую вязь смыслов: «Жизнь воздвигнул еси от сна и тления яко *всесилен*» (Канон во Святую и Великую субботу, песнь 5, ирмос); «Днесь Спасение миру, яко воскресе Христос яко *всесилен*» (Канон во Святую и Великую неделю Пасхи, песнь 4, ирмос); Христос – «*Все-сильнодетель*», совершающий всё своим всемогуществом (Канон в Великую субботу, песнь 4, тропарь 3). <...> Истоки «вечного покоя», уготованного героям романа, надо искать, по-видимому, в сфере литургической поэтики. <...> текст из церковной службы за умерших с обращением к Христу: «Ангел Божий, вземляй грехи мира, *даруй им покой!* <...> Ангел Божий, вземляй грехи мира, *даруй им вечный покой!*». Возникает знаменательная переключка с названием последней главы романа «Вечный приют», а в ее тексте – «вечный дом»⁴⁰⁸.

Действительно, именно Воланд по просьбе Иешуа даровал мастеру и Маргарите «вечный покой», что в очередной раз приравнивает его к Христу. А единственный случай, когда Воланд полемизирует с Христом: «...никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут» ~ «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам, ибо

⁴⁰⁶ Лесский Г.А. Последний роман Булгакова // Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. М.: Худ. лит, 1990. С. 632.

⁴⁰⁷ Белобровцева И., Кульюс С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. М.: «Книжный клуб 36.6», 2007. С. 47.

⁴⁰⁸ Сазонова Л.И., Робинсон М.А. Миф о дьяволе в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. L. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 780 – 781.

всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф. 7:7-8), «Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам» (Ин. 16:23), – объясняется проекцией на политическую ситуацию в стране. Например, 19 мая 1937 года Булгакова уговаривали пойти к председателю Комитета по делам искусств при СНК СССР Платону Керженцеву, чтобы тот разрешил спектакль «Дни Турбиных», но писатель «отказался наотрез от всего: “Никуда не пойду. Ни о чем просить не буду”»⁴⁰⁹. С другой стороны, заповедь Иисуса: «Просите, и дано будет вам», – пародийно обыгрывается в реплике Коровьева Босому: «Да разве это сумма! Просите пять, он даст».

В конце романа Левий Матвей выступает в роли посланника Иешуа перед Воландом: «“Он прочитал сочинение мастера, – заговорил Левий Матвей, – и просит тебя, чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем”. <...> “Передай, что будет сделано”, – ответил Воланд...». И через некоторое время Воланд вновь демонстрирует единство своей позиции с Иешуа, который ходатайствовал перед ним за мастера: «Тут Воланд повернулся к Маргарите: “Маргарита Николаевна! Нельзя не поверить в то, что вы старались выдумать для мастера наилучшее будущее, но, право, то, что я предлагаю вам, и то, о чем просил Иешуа за вас же, за вас, – еще лучше”». Да и «евангелие от Воланда» ясно говорит о том, что он является единомышленником Иешуа и симпатизирует ему. Это сразу понял Берлиоз в «Копыте инженера» (1929): «И вы любите его, как я вижу, – сказал Владимир Миронович, прищурившись. – Кого? – Иисуса. – Я? – спросил неизвестный и покашлял, – кх... кх..., – но ничего не ответил»⁴¹⁰. Прочитируем также вариант от 04.01.1934:

– Он написал книгу о Иешуа Ганоцри, – ответила Маргарита.

Великий интерес выразился в глазах Воланда, и опять что-то зашептал ему на ухо Коровьев.

– Нет, право, это город сюрпризов, – заметил хозяин, но слов своих не объяснил⁴¹¹.

Интерес Воланда обусловлен тем, что он сам во время прибытия в Москву исполняет роль Иисуса Христа, поэтому Иешуа Ганоцри – это своего рода его двойник. Отсюда – тяга Воланда ко всему христианскому. Вот, например, «разметка глав романа», сделанная 6 октября 1933 года:

10. Иванушка в лечебнице приходит в себя и просит евангелие вечером 23.VI. Ночью у него Воланд.

11. Евангелие от Воланда. Глава I»⁴¹².

Антиподом же Иешуа является Пилат, и в их диалогах четко просматриваются взаимоотношения Булгакова и Сталина. Так что «евангелие от Воланда», где Иисус представлен обычным человеком, которого казнят Каиафа и Пилат, это, по сути, рассказ Булгакова о своих взаимоотношениях с вождем, о своих «крестных муках» изгоя советского общества и о своем взгляде на советскую действительность, для описания которой и используется евангельский сюжет.

Реакция Иешуа на угрозу Пилата в «Копыте инженера» (1929): «Плеть мне, плеть! Избить тебя, как собаку! <...> – Только ты *не бей меня сильно*, а меня уже два раза били сегодня...»⁴¹³, – совпадает с первыми набросками «Кабалы святош» (также – 1929), где Мольер говорит Одноглазому (маркизу д’Орсиньи), угрожавшему ему побоями и убийством: «*Не бейте меня и не оскорбляйте... Я болен, клянусь вам. Я не*

⁴⁰⁹ Дневник Елены Булгаковой. М.: Изд-во «Книжная палата», 1990. С. 148.

⁴¹⁰ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 234.

⁴¹¹ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновигов романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 254.

⁴¹² Там же. С. 211 – 212.

⁴¹³ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 223 – 223.

знаю вас и не <понимаю> постигаю, за что вы ненавидите меня»⁴¹⁴. Разумеется, и этот мотив автобиографичен, поскольку 4 марта 1940 года, за 6 дней до смерти, Булгаков скажет своей жене: «За что меня жали? Я хотел служить народу... Я никому не делал зла»⁴¹⁵ (сравним: «не постигаю, за что вы ненавидите меня»). А фраза *Я никому не делал зла* отсылает к описанию Иешуа в восприятии Левия Матвея: «Он хотел одного, чтобы Иешуа, *не сделавший никому в жизни ни малейшего зла*, избежал бы истязаний». Эта переключка подчеркивает тождество «Иешуа = Булгаков», так же как и сходство в одежде молодого Булгакова, зимой 1922 – 1923 года поселившегося в доме № 10 по ул. Большой Садовой, и арестованного Иешуа из ранней редакции «Евангелия о Воланда» («Золотое копьё»): «Вещи на нем *старенькие*, но тщательно заштопанные и вычищенные»⁴¹⁶ ~ «Через некоторое время по ступенькам, ведущим с балкона в сад, двое солдат привели и поставили на балконе молодого человека в *стареньком*, многостиранном и заштопанном таллифе»⁴¹⁷.

Приведем также воспоминания Сергея Ермолинского: «В последние недели болезни он лежал в постели, исхудавший, в одной набедренной повязке (даже простыни причиняли ему боль), и вдруг спросил меня: “Похож я на Христа?”»⁴¹⁸. Более того, даже описание умирающего на кресте Иешуа в «Копыте инженера» оказалось пророчеством Булгакова о своей собственной смерти: «Гут Иешуа совсем разлепил глаза, и левый бандит *увидел в них свет*»⁴¹⁹ ~ «...Миша стал дышать всё чаще, чаще, потом открыл неожиданно очень широко глаза, вздохнул. В глазах было изумление, *они налились необычайным светом*. Умер. Это было в 16 ч. 39 м. – как записано в моей тетради»⁴²⁰ (кстати, Иешуа перед смертью тоже *вздохнул*: «Он обвис совсем, голова его завалилась набок, еще раз он *потянул в себя последний земной воздух*, произнес уже совсем слабо: “Тетелестай”, – и умер»⁴²¹).

А параллелизм мастера и описываемого им Иешуа также очевиден: «...крест мастера сродни крестным мукам Иешуа. <...> Как Иешуа Га-Ноцри предан на распятие ершалаимскими фарисеями, так и мастер распят московскими к н и ж н и к а м и за пилатчину. Сначала распят, затем убит Азазелло и, наконец, взят на небо Воландом»⁴²²; «Отражение Иешуа в герое “внешнего романа”, Мастере, закрепляется симметрией сюжетных обстоятельств. Оба диссидента объявлены душевнобольными и подвергнуты репрессиям за инакомыслие. В первом случае – явным, в случае с Мастером – латентным, но не менее трагичным. Характерно наличие у каждого из них персонального предателя (Иуда и Алоизий). А равно и ученика (Левий и Поньрев)»⁴²³. Более того, Маргарита напрямую сравнивает себя с Левием Матвеем, а мастера – с Иешуа: «Зимой, оставаясь одна, а Маргарита Николаевна пользовалась каждым случаем, чтобы остаться одной, она, сидя у огня возле печки, зажженного в память того огня, что горел тогда, когда он писал Понтия Пилата, отдавала себя на

---

⁴¹⁴ Отмечено: Чудакова М.О. Архив М.А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 37. М.: Книга, 1976. С. 91.

⁴¹⁵ Булгаков М. Дневник. Письма: 1914 – 1940. М.: Современный писатель, 1997. С. 542.

⁴¹⁶ Лёвшин В. Садовая, 302-бис // Театр. 1971. № 11. С. 113.

⁴¹⁷ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. М.: Голос, 1999. С. 340 – 341.

⁴¹⁸ Цит. по: Чудакова М. О «закатном романе» Михаила Булгакова. История создания и первой публикации романа «Мастер и Маргарита». М.: Эксмо, 2019. С. 50.

⁴¹⁹ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 230.

⁴²⁰ Дневник Елены Булгаковой. М.: Книжная палата, 1990. С. 322.

⁴²¹ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 230.

⁴²² Королев А. Москва и Ершалаим: Фантастическая реальность в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // В мире фантастики: Сборник литературно-критических статей и очерков. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 86, 96.

⁴²³ Бобров С.Д. «Второе Пришествие нищего духом» как лейтмотив романа «Мастер и Маргарита» // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX – XXI веков: Материалы Четвертых Международных научных чтений (Москва, ноябрь 2013). М.: Музей М.А. Булгакова, 2015. С. 5.

растерзание себе самой. Сделать это было чрезвычайно легко. Стоило только сравнить ей себя с Левием Матвеем, хорошо ей известным и памятным, и мучения Маргариты становились жгучими.

Запустив пальцы в волосы или сжав голову, она покачивалась у огня и бормотала: «Да, да, да, такая же самая ошибка! Зачем, зачем я тогда ушла ночью от него? Зачем? Ведь это же безумие! – Маргарита горько смеялась, – я вернулась на другой день, честно, как обещала, но было уже поздно. Да, я вернулась, как несчастный Левый, слишком поздно»⁴²⁴.

И еще одно доказательство родства Иешуа и мастера: 13-я глава, посвященная появлению мастера в больничной палате Бездомного, называется «Явление героя», что соотносится с гравюрой Александра Иванова «Явление Христа народу» (1857).

Впрочем, между ними наблюдается и важное отличие, поскольку Иешуа связан с солнцем (светом): «Печаль заволокла лицо Иешуа, как облако солнце», «Прокуратор поднял глаза на арестанта и увидел, что возле того *столбом загорелась пыль*»; а появление мастера в квартире Воланда после окончания бала сопровождается *лунным столбом* в окне⁴²⁵. Луна же – это ночное светило, которое находится в ведомстве Воланда. Это первая причина, почему мастер «не заслужил света, он заслужил покой». А вторая (и главная) состоит в том, что пошедший до конца Иешуа принял мученическую смерть и после вознесения возглавил «ведомство света»; мастер же сломался после травли, устроенной ему писателями и государством, и отрекся от своего романа, поэтому Иешуа через Левия Матвея просит Воланда даровать мастеру не блаженство, а покой, о котором он мечтал, при этом молитвенно обращаясь к луне: «...поднялся со стула, заломил руки и, обращаясь к далекой луне, вздрагивая, начал бормотать: “И ночью при луне мне нет покоя, зачем потревожили меня?”. О боги, боги...». Кстати, здесь замечаем еще одно отличие мастера от описываемого им Иешуа, так как первый призывает богов, а второй исповедует монотеизм: «...понижив голос, он [Пилат] спросил: “Иешуа Га-Ноцри, веришь ли ты в каких-нибудь богов?” – “Бог один, – ответил Иешуа, – в него я верю”». И в итоге судьбу мастера, написавшего роман о Иешуа, решает придуманный им герой.

Пилат спрашивает Иешуа: «Сознайся, ты великий врач?». На что получает ответ: «Нет, прокуратор, я не врач». А в редакции 1937 года звучало полупризнание: «Нет, игемон, право, нет. Мне случалось, правда, помогать людям, но лишь в случаях легких»⁴²⁶. Такой же вопрос задавали Булгакову большевики во время его 4-дневного ареста в апреле 1920 года во Владикавказе, поскольку он служил врачом в рядах деникинской армии⁴²⁷. В итоге Булгаков едва сумел избежать расстрела, назвав себя в «Записках на манжетах» (1922 – 1923) «с креста снятым писателем», так как арест случился во время Страстной недели. Отсюда – автобиографический образ распятого Иешуа в «Мастере», где действие вновь происходит в Страстную неделю, но уже в 1929 году. Как отмечает О. Этингоф: «Писатель выбирал разные варианты возраста Иешуа в соответствии с традициями исчисления возраста Христа и остановился на варианте (“человек лет двадцати семи”), ближайшем к своему возрасту ранней весной 1920 г., когда ему было двадцать восемь»⁴²⁸ (мастер же старше Иешуа на 10 – 11 лет: в главе «Явление героя» он назван «человеком примерно лет тридцати восьми», который рассказывает Ивану Бездомному, что он сжег свой роман в печке, и именно

---

⁴²⁴ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 2. М.: Пашков дом, 2019. С. 350.

⁴²⁵ Да и уже после своей физической смерти мастер и Маргарита появляются во сне Ивана Бездомного как раз из *лунного потока* и уходят обратно к луне (Эпилог).

⁴²⁶ Булгаков М. Князь тьмы: Полная история «Мастера и Маргариты». СПб.: Азбука, 2018. С. 455.

⁴²⁷ Подробнее об этом см.: Этингоф О.Е. Иерусалим, Владикавказ и Москва в биографии и творчестве М.А. Булгакова. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 109 – 149.

⁴²⁸ Там же. С. 159.

такой возраст был у самого Булгакова в конце марта 1930 года, когда он сжег в печке черновики романа о дьяволе). Видимо, это чудесное спасение от расстрела и стало поворотным пунктом в мировоззрении врача-атеиста, который после этого обратился к религии. В романе же он вывел себя еще и в образе помилованного в канун Пасхи разбойника Вар-Раввана, у которого в «Копыте инженера» (1928 – 1929) была вывихнута левая рука: «Именно такова была контузия самого Булгакова (спасенного на Страстной неделе), полученная в ноябре 1919 г., и она еще долго давала о себе знать»⁴²⁹. Эта контузия была получена во время похода деникинских войск на Шали-аул (Чечня). В таком контексте и обращение Иешуа к Пилату в том же «Копыте инженера»: «Д-добрые свидетели, о игемон, в университете не учились. Неграмотные, и все до ужаса перепутали, что я говорил»⁴³⁰, – читается как «параллель с крайней степенью безграмотности горских народов после революции и необходимостью их просвещения, с которой столкнулся М.А. Булгаков во Владикавказе»⁴³¹.

Что же касается Воланда, то может показаться, что наряду с симпатией к Иешуа и признанием над собой власти Бога («Но умоляю вас на прощанье, поверьте хоть в то, что дьявол существует! *О большем я уж вас и не прошу*») он разделяет дуалистическую концепцию зороастризма и манихейства о равноправии добра и зла: «Манихейство исходит изъ того неоспоримаго факта, что наша дѣйствительность есть смѣшеніе противоположныхъ элементовъ и противоборствующихъ силъ, которыя окончательно сводятся къ двумъ: добру и злу, или, говоря фигурально, – къ свѣту и тьме. Но “природа свѣта едина, проста и истинна”, слѣдовательно, не допускаетъ никакого положительнаго отношенія къ противоположному свойству зла или тьмы, которое, однако, несомнѣнно, существуетъ и, не вытекая изъ добра или света, должно имѣть свое собственное начало. Поэтому необходимо признать два безусловно самостоятельныхъ первоначала, от вѣка неизмѣнныхъ въ своемъ существѣ и образующихъ два отдельные міра»⁴³². Это же как будто следует из реплики Воланда Левию Матвею: «Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла...?».

Однако «своеобразие булгаковской концепции заключается в том, что Воланд и Иешуа вместе вершат земные судьбы. Землей правят и Справедливость, и Милосердие»⁴³³. Поэтому в романе представлен скорее не дуализм, а «демонстрация извечного закона борьбы и единства противоположностей, которому подчиняется в нашем мире и за пределами его все живое и неживое»⁴³⁴. Воланд же прямо говорит Маргарите о «разделении властей»: «Каждое ведомство должно заниматься своими делами. Не спорю, наши возможности довольно велики <...> Но просто, какой смысл в том, чтобы сделать то, что полагается делать другому, как я выразился, ведомству? Итак, я этого делать не буду, а вы сделайте сами».

И подлинным дьяволом в романе Булгакова является не Воланд, а советская атеистическая критика, которая травит мастера, написавшего роман на религиозную тему: «Однажды герой развернул газету и увидел в ней статью критика Аримана, которая называлась “Вылазка врага” и где Ариман предупреждал всех и каждого, что он, то есть наш герой, сделал попытку проташить в печать апологию Иисуса Христа».

---

⁴²⁹ Там же. С. 159.

⁴³⁰ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 51.

⁴³¹ Этингоф О.Е. Иерусалим, Владикавказ и Москва в биографии и творчестве М.А. Булгакова. С. 180.

⁴³² Манихейство // Энциклопедический словарь. Томъ XVIII-а. С.-ПЕТЕРБУРГЪ: Типо-Литографія И.А. Ефрона, 1896. С. 541.

⁴³³ Малкова Т.Ю. Полигенетичность демонических образов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Кострома, 2012. С. 10.

⁴³⁴ Утехин Н.П. «Мастер и Маргарита» М. Булгакова (об источниках действительных и мнимых) // Русская литература. Л.: Наука, 1979. № 4. С. 108.

Речь идет о разгромных статьях Леопольда Авербаха, а также о статье Ильи Бачелиса «Бег назад должен быть приостановлен» («Комсомольская правда», 23.10.1928), где говорилось, что постановка пьесы «Бег» – это попытка «протащить булгаковскую апологию белогвардейщины в советский театр, на советскую сцену, показать эту, написанную посредственным богомазом икону белогвардейских великомучеников советскому зрителю». Поэтому *богомазом* назван и булгаковский мастер: «Через день в другой газете за подписью Мстислава Лавровича⁴³⁵ обнаружилась другая статья, где автор ее предлагал ударить, и крепко ударить, по пилатчине и тому богомазу, который вздумал протащить (опять это проклятое слово!) ее в печать». Сравним с названием статьи «Ударим по булгаковщине!», напечатанной в «Рабочей Москве» (15.11.1928) и также направленной против пьесы «Бег».

А один из критиков мастера назван Ариманом, потому что это наименование дьявола в зороастризме: «Такъ, религія Зороастра основана на противуположеніи двухъ началъ: добраго – Ормузда, и злаго – Аримана...»⁴³⁶.

Из словаря Брокгауза и Ефрона Булгаков взял и материалы для диалога между Воландом и Берлиозом: «Доказательствъ бытія Божія существуетъ четыре вида: космологическое, телеологическое, онтологическое и нравственное. <...> считаютъ еще и пятое доказательство – историческое. Всеобщностью вѣры в Бога доказываютъ дѣйствительное существованіе Бога»⁴³⁷ ~ «...как же быть с доказательствами бытия божия, коих, как известно, существует ровно пять?»; «Всѣ изложенныя доказательства нашли суроваго и не вполне справедливаго критика въ лицѣ Канта, который не только отрицаетъ силу и обязательность этихъ доказательствъ, но и не признаетъ возможнымъ найдти какое бы то ни было доказательство бытія Божія въ области чистаго разума»⁴³⁸ ~ «Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования бога быть не может»; «Невѣріе, впрочемъ, не могло утѣшиться разрушительною работою Канта. Отрицаая силу и значеніе всехъ доказательствъ, онъ тѣмъ не мѣнее сформулировалъ новое, свое собственное доказательство бытія Божія»⁴³⁹ ~ «Браво! – вскричал иностранец, – браво! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу. Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, соорудил собственное шестое доказательство!» («разрушительною... Канта» = «Иммануила... разрушил»; «сформулировалъ новое, свое собственное доказательство бытія Божія» = «соорудил собственное шестое доказательство!»); «Шиллеръ говоритъ, что Кантъ проповѣдуетъ нравственность, пригодную только для рабовъ. Штраусъ насмѣшливо замѣчаетъ, что Кантъ къ своей системѣ, по духу противной теизму, пристроилъ комнатку, гдѣ бы помѣстить Бога»⁴⁴⁰ ~ «Доказательство Канта, – тонко улыбнувшись, возразил образованный редактор, – также неубедительно. И недаром Шиллер говорил, что кантовские рассуждения по этому вопросу могут удовлетворить только рабов, а Штраус просто смеялся над этим доказательством». Кстати, в рукописях романа за 1932 – 1936 годы фраза «Шиллеръ говоритъ, что Кантъ проповѣдуетъ нравственность, пригодную только для рабовъ» повторена почти буквально: «...и зря Шиллер говорил, что Кантово доказательство пригодно для рабов...»⁴⁴¹. Стоит доба-

⁴³⁵ Под этим псевдонимом выведен другой противник Булгакова – писатель Всеволод Вишневский.

⁴³⁶ Діаволь // Энциклопедическій словарь. Томъ X^a. С.-ПЕТЕРБУРГЪ: Типо-Литографія И.А. Ефрона, 1893. С. 728.

⁴³⁷ Богъ // Энциклопедическій словарь. Томъ IV. С.-ПЕТЕРБУРГЪ: Типо-Литографія И.А. Ефрона, 1891. С. 207.

⁴³⁸ Там же. С. 207.

⁴³⁹ Там же. С. 207 – 208.

⁴⁴⁰ Там же. С. 208.

⁴⁴¹ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 145.

вить, что вопрос Воюанда: «С великим интересом я услышал, что вы отрицаете существование бога? <...> Неужели вы атеисты?», и ответ Берлиоза: «...большинство нашего населения сознательно и давно уже перестало верить сказкам о бoге. – Улыбнувшись, он прибавил: – мы не встречаем надобности в этой гипотезе»⁴⁴², – воспроизводят диалог между Наполеоном и Лапласом. На реплику Наполеона: «Ньютоуь говорил о Богу въ своихъ работахъ. Я просмотрѣлъ уже Вашу книгу, и я не нашелъ тамъ этого имени ни разу», – ученый ответил: «Гражданинъ Первый Консуль, я не имѣлъ нужды въ этой гипотезѣ»⁴⁴³ (в оригинале эти две фразы выглядят так: «Newton a parlé de Dieu dans ses oeuvres. J'ai déjà parcouru le vôtre Livre et je n'y ai pas trouvé ce nom une seule fois. – Citoyen Premier Consul, je n'ai pas eu besoin de cette hypothèse»).

В 1925 году в СССР был опубликован перевод книги «Миф о Христе» одного из крупнейших представителей «мифологической школы», немецкого историка Артура Дреуса, и в предисловии к нему можно прочитать такой пассаж: «Задача – в том, чтобы добиться всеобщего признания этого факта, чтобы привлечь на свою сторону народные массы, чтобы каждый рабочий и каждый крестьянин знали, что Христа никогда не было, что их вера поддерживается обманом или самообманом»⁴⁴⁴.

В том же году Демьян Бедный написал антирелигиозную поэму «Новый Завет без изьяна евангелиста Демьяна», в апреле-мае опубликованную в газете «Правде». И в финале этой поэмы звучала похожая мысль: «Точное суждение о Новом Завете: / Иисуса Христа никогда не было на свете». Именно такую задачу и ставил перед собой в романе Булгакова Берлиоз – «редактор толстого художественного журнала и председатель одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой Массолит»: «Берлиоз же хотел доказать поэту, что <...> Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете...».

В послесловии к своей поэме Демьян Бедный писал: «Это – *первый этап* антирелигиозной работы: – “Посмотри, сколь твой бог омерзителен!”».

Второй этап: – “Ни хорошего, ни плохого бога не было. Выдумка!”»⁴⁴⁵

Как легко заметить, «первый этап» был выполнен Иваном Бездомным, и в его «антирелигиозной работе» (поэме) Бог действительно оказался *омерзителен*: «Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками <...> Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж». Ровно такой же типаж вывел в своей поэме Демьян Бедный: «Я настаиваю, что на основании евангелий только такой образ Иисуса и может быть дан: лгун, пьяница, бабник и т.д.»⁴⁴⁶. И именно это поразило Булгакова в январе 1925 года: «Когда я бегло проглядел у себя вечером номера “Безбожника”, был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне... Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены»⁴⁴⁷. И поэтому Берлиозу отрежут голову...

А «второй этап», упомянутый Демьяном Бедным: «Ни хорошего, ни плохого бога не было. Выдумка!», – вызывает в памяти поучения Берлиоза: «Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы

---

⁴⁴² Там же. С. 144.

⁴⁴³ Вѣра и Разумъ: журналъ богословско-философскій. Т. 1. Ч. 1-2. Харьковъ: Типографія Губернскаго Правленія, 1897. С. 259.

⁴⁴⁴ Красиков П.А. От издательства. Ко второму изданию // Дреус А. Миф о Христе / Перевод с 3-го немецкого издания; Под редакцией и с предисловием П.А. Красикова. Том 1. Издание второе, дополненное. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 9.

⁴⁴⁵ Бедный Д. Новый завет без из'яна евангелиста Демьяна. Л.: Прибой, 1925. С. 166.

⁴⁴⁶ Там же. С. 165.

⁴⁴⁷ Булгаков М. Дневник. Письма. 1914 – 1940. М.: Современный писатель, 1997. С. 87.

о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф». Сравним: «Ни хорошего, ни плохого бога» = «Иисус, плох ли, хорош ли»; «не было» = «не существовало»; «Выдумка!» = «выдумки». В свою очередь, «евангелисту Демьяну», отрицающему существование Христа, Булгаков противопоставляет свидетельство очевидца – «евангелиста Волада», отстаивающего историчность Иисуса, поэтому в ранних редакциях была глава «Евангелие от Волада». Также в начале поэмы Бедного были такие строки: «Начинаю я писать сию страницу / В Страстную Седьмицу»⁴⁴⁸; а в романе Булгакова действие как раз происходит в Страстную неделю – в начале мая 1929 года.

В той же книге Д. Бедного, выпущенной издательством «Прибой» в 1925 году, дано несколько приложений – извлечений из антирелигиозных книг. И там можно увидеть источники других реплик Берлиоза. Например, убежденность этого персонажа: «Нет ни одной восточной религии, в которой, как правило, непорочная дева не произвела бы на свет бога», – представляет собой квинтэссенцию главы «Благовещенье», входившей в «Календарь Коммуниста» издательства «Московский рабочий»:

Но откуда же, однако, могло получиться такое глупое верование, что дева, оставаясь девой, может родить ребеночка?

Это верование имеется не в одном только христианстве. У древних персов, задолго до щекотливого разговора архангела Гавриила с девой Марией, родился таким же порядком (от «девы», оставшейся «девою») бог Митра, и было обещано непорочное зачатие («девою» же) будущего спасителя людей – Саошианты. Вавилоняне рассказывали то же самое про своего солнечного бога – Шамаша, а греки про бога Дионисия-Загрея.

Индусский бог-спаситель, Будда, родился, правда, от замужней женщины (от Майи, жены царя Суддоданы, как говорят буддийские мифы), но зачат он был «непорочно»: ей снилось, что звезда с шестью лучами и изображением слона вошла к ней через правый бок в лоно. А в древнем Египте рассказывалось даже, что одна святая телка забеременела не от быка, а от... солнечного луча⁴⁴⁹.

Далее в том же «Календаре Коммуниста» (глава «Пасха») находим следующий фрагмент: «Известно, что в первые века у христианства было несколько соперников. Персидский бог Митра, египетский бог Сар-апис, финикийский Адонис, фригийский Аттис, сирийские “Ваалы” и бог Сабаций более 400 лет соперничали с христианским богом Иисусом, отбивая у него поклонников»⁴⁵⁰. Выделенные курсивом словосочетания также перейдут в монолог Берлиоза: «Ты, Иван, – говорил Берлиоз, – очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына Божия, но соль-то в том, что еще до Иисуса родился целый ряд сынов Божиих, как, скажем, *финикийский Адонис, фригийский Аттис, персидский Митра*».

В своем разговоре с Бездомным Берлиоз ссылается «на знаменитого Филона Александрийского, на блестяще образованного Иосифа Флавия, никогда ни словом не упоминавших о существовании Иисуса», что восходит к диспуту наркома просвещения Луначарского с митрополитом Введенским от 03.10.1927: «...еврейская история того времени прекрасно отображена в книге Иосифа Флавия; потому так важно и показательно то, что там об Иисусе ничего не сказано»⁴⁵¹; и, конечно, к книге Дрекса «Миф о Христе»: «С показаниями римских историков дело обстоит не лучше, чем со свидетельствами Иосифа. Правда, Тацит пишет в своих “Анналах” (15, 44), рассказывая о преследованиях христиан при Нероне, следующее: “Основатель этой секты, христос, был казнен в царствование Тиверия прокуратором Понтием Пилатом”. <...>

⁴⁴⁸ Правда. М., 1925. 12 апр. № 84. С. 3; Безбожник. М., 1925. № 3 (май). С. 13.

⁴⁴⁹ *Бедный Д.* Новый завет без из'яна евангелиста Демьяна. Л.: Прибой, 1925. С. 225 – 226.

⁴⁵⁰ Там же. С. 229.

⁴⁵¹ Личность Христа в современной науке и литературе: (Об «Иисусе» Анри Барбюса): Стенограмма диспута А.В. Луначарского с митрополитом Ал. Введенским. М.: Изд-во акц. об-во «Безбожник», 1928. 41 с. Цит. по перепечатке: А.В. Луначарский об атеизме и религии. М.: Мысль, 1972. С. 255.

Разве мы наверное знаем, что упомянутый отрывок из Тацита относительно преследований христиан при Нероне не является позднейшей вставкой, подделкой, вставленной в первоначальный текст? Но, ведь, именно такой вставкой она и оказывается, суда по превосходному и исчерпывающему исследованию Ошара»⁴⁵². Сравним с текстом романа: «Обнаруживая солидную эрудицию, Михаил Александрович сообщил поэту, между прочим, и о том, что то место в пятнадцатой книге, в главе 44-й знаменитых Тацитовых “Анналов”, где говорится о казни Иисуса, – не что иное, как позднейшая поддельная вставка». Подытоживая свой рассказ, Берлиоз говорит: «И христиане не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса...». Похожим образом высказывался очередной «мифологист» Р.Ю. Виппер: «Итак, ни в догматах, ни в обрядах, ни в морали христианство не дает ничего нового»⁴⁵³. А концовка первой главы: «Имейте в виду, что Иисус существовал. <...> просто он существовал, и больше ничего. – Но требуется же какое-нибудь доказательство... – начал Берлиоз», – восходит к книге Дрекса «Жил ли Христос?»: «Кто признает Христа личностью исторической, тот должен <...> привести в пользу своего взгляда веские доводы»⁴⁵⁴.

Впрочем, нельзя не сказать и о сходствах между Берлиозом и Булгаковым.

Во-первых, эрудицией Берлиоза обладал не только Демьян Бедный, имевший одну из лучших библиотек в Москве⁴⁵⁵, но и, конечно же, сам Булгаков.

Во-вторых, бросаются в глаза одинаковые инициалы: Михаил Александрович Берлиоз – Михаил Афанасьевич Булгаков. Объяснить это можно их одинаковым отношением к Евангелиям как к недостоверному источнику, с той лишь разницей, что Берлиоз отрицает историчность Христа, а Булгаков отстаивает ее: «Помилуйте, – снисходительно усмехнувшись, отозвался профессор, – уж кто-кто, а вы-то должны знать, что ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда, и если мы начнем ссылаться на евангелия как на исторический источник... – он еще раз усмехнулся, и Берлиоз осекся, потому что буквально то же самое он говорил Бездомному, идя с тем по Бронной к Патриаршим прудам». Выделенный курсивом фрагмент, как установил один из исследователей, восходит к малоизвестному сочинению немецкого теолога Давида Штрауса, который, не отрицая само существование Иисуса, отвергал его божественное происхождение: «...Если рассматривать Евангелия как подлинно исторические источники, то становится невозможным подлинно исторический взгляд на жизнь Иисуса» (Д. Штраус. Старая и новая вера. СПб, 1907. С. 20)»⁴⁵⁶. Парадокс, однако, заключается в том, что, не признавая Новый Завет достоверным источником о жизни Христа, Булгаков вводит в текст романа множество прямых и скрытых цитат из Евангелий, о чем уже говорилось выше.

Теперь вернемся к тезису о том, что Иешуа – это двойник и соратник Воланда. В этом случае другой alter ego Булгакова – мастер – является апостолом Воланда, написавшим его версию евангелия (кстати, Левий Матвей является единственным учеником Иешуа, и Иван Бездомный становится единственным учеником мастера). Как справедливо заметила М. Чудакова: «Это единство повествования, начатого Воландом, а далее отождествляемого с рукописями Мастера, приводит к тому, что роман

---

⁴⁵² Дрекс А. Миф о Христе / Перевод с 3-го немецкого издания; Под редакцией и с предисловием П.А. Красикова. Том 1. Изд. 2-е, доп. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 145 – 146.

⁴⁵³ Виппер Р.Ю. Возникновение христианства. М.: Фарось, 1918. С. 44.

⁴⁵⁴ Дрекс А. Жил ли Христос? / Перевод Н.В. Румянцев. М.: Атеист, 1924. Цит. по: Антирелигиозная хрестоматия / Сост. Г.А. Гурев. Изд. 4-е, доп. М.: Акционерное изд. об-во «Безбожник», 1930. С. 543.

⁴⁵⁵ «Надо сказать, Демьян Бедный был величайшим любителем, знатоком и собирателем книг и собрал у себя одну из самых богатых частных библиотек в нашей стране...» (Катаев В. Демьян рассказывает // Катаев В. Избранные произведения. Т. 1. Новая проза (1960 – 1973). М.: Худ. лит., 1977. С. 529). Это напоминает описание Булгаковым Берлиоза: «Надо заметить, что редактор был человеком начитанным и очень умело указывал в своей речи на древних историков...».

⁴⁵⁶ Зеркалов А. Этика Михаила Булгакова. М.: Текст, 2004. С. 39. Этот же автор отметил переключки с А. Дрекса и Р.Ю. Виппером: Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова. М.: Текст, 2006. С. 158, 159.

Мастера приобретает видимость некоего пратекста, изначально существовавшего и лишь выведенного из тьмы забвения в “светлое поле” современного сознания гением художника. “О, как я все угадал!” – восклицает Мастер, слушая рассказ Иванушки, и за этим восклицанием – целостная эстетическая позиция самого Булгакова»⁴⁵⁷.

Поскольку Иешуа родственен мастеру и в то же время является двойником Воланда, логично предположить такое же родство между мастером и Воландом.

Начнем с того, что слово «мастер» уже применялось при обращении Фагота... к Воланду (1931): «Виноват, мастер, я здесь ни при чем. Это он головой стукнулся об мотоциклетку» (глава «Полет Воланда»⁴⁵⁸). Объясняется это ориентацией Булгакова на книгу М. Орлова «История сношений человека с дьяволом» (1904), где говорилось о главе масонов-дьяволопоклонников, носящем титул «Великий Мастер»⁴⁵⁹.

Воланд является очевидцем евангельских событий, но не владеет литературным даром, в отличие от мастера, который нужен Воланду для создания собственной версии Евангелия, так как мастер – «историк по образованию», а Воланд иронически трактует термин «историк» по отношению к себе как «любитель забавных историй». На вопрос Берлиоза «Вы историк?» он отвечает: «Я – историк <...> Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история!» (в черновиках: «Я – историк <...> я люблю разные истории. Смешные. И сегодня будет смешная история»⁴⁶⁰). Кроме того, для Воланда «и доказательств никаких не требуется», а ведь доказательства – основа исторического исследования. Впрочем, и мастер, хотя по образованию историк, не прибегает ни к каким доказательствам и даже восклицает: «О, как я всё угадал!», – что говорит о нем скорее как о *поэте*, который интуитивно угадывает правду.

Мастер говорит Ивану Бездомному о покупке костюма после выигрыша в лотерею: «...у меня был прекрасный серый костюм». А вот как описывается появление Воланда на Патриарших: «Он был в дорогом сером костюме».

Если мастер «вынул из кармана халата засаленную черную шапочку», то после окончания бала «Воланд молча снял с кровати свой вытертый и засаленный халат».

Перед началом же бала Воланд «был одет в одну ночную длинную *рубашку, грязную* и заплатавшую на левом плече». Это объясняет признание мастера Ивану Бездомному: «Вообразите мое изумление, – шептал гость в черной шапочке, – когда я сунул руку в корзину с *грязным бельем* и смотрю: на ней тот же номер, что и в газете! Облигацию, – пояснил он, – мне в музее дали» (связь Воланда с *грязью* вызвана тем, что князь тьмы является *нечистой* силой). Соответственно, именно Воланд обеспечил эту облигацию выигрышем в сто тысяч рублей, дабы мастер мог спокойно написать свой роман, что подтверждает редакция романа от 22 – 23 мая 1938 года, где упоминается выигрышный номер 13, связанный с сатаной: «Можете вообразить мое изумление! – рассказывал гость, – я эту облигацию, которую мне дали в музее, засунул в корзину с бельем и совершенно про нее забыл. И тут, вообразите, как-то пью чай утром и машинально гляжу в газету. Вижу – колонка каких-то цифр. Думаю о своем, но один номер меня беспокоит. А у меня, надо вам сказать, была зрительная память. Начинаю думать: а ведь я где-то видел цифру “13”, жирную и черную, слева видел, а справа цифры цветные и на розоватом фоне. Мучился, мучился и вспомнил! В корзину – и, знаете ли, я был совершенно поражен!..»⁴⁶¹. Также и *черная шапочка* мастера коррелирует с внешностью Воланда, которого увидел в своей спальне Степа

---

⁴⁵⁷ Чудакова М. Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы литературы. 1976. № 1. С. 246.

⁴⁵⁸ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 263.

⁴⁵⁹ Чудакова М.О. Архив М.А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 37. М.: Книга, 1976. С. 111 – 112.

⁴⁶⁰ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 34.

⁴⁶¹ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 605.

Лиходеев как «неизвестного человека, одетого в черное и в *черном берете*», и с внешностью самого Булгакова, каким его застала осенью 1939 года сестра Надежда Афанасьевна: «Нашла его страшно похудевшим и бледным, в полутемной комнате в темных очках на глазах, в *черной шапочке Мастера на голове*, сидящим в постели»⁴⁶².

На шапочке мастера вышита буква «М», а на визитной карточке Воланда Бездомный заметил «напечатанное иностранными буквами слово “профессор” и начальную букву фамилии – двойное “В”», которое на латинице выглядит как «W», то есть перевернутая «М», что подчеркивает связь Воланда с мастером, которого он вдохновляет написание своего евангелия (в концовке редакции от 22 – 23 мая 1938 года имеется такой пассаж: «Слушайте меня, мастер, – заговорил Воланд, – в вашем романе вы [угадали] написали правду. Именно всё так и было, как рассказывали вы. Но есть в нем один порок: хотя я и видел в нем слово “конец”, но конца в нем нет. И вот, те, кто, кроме меня, читали его, просили меня показать вам вашего героя»⁴⁶³).

Более того, мастер откуда-то знает саму фамилию Воланда, хотя никогда ранее с ним не встречался: «Лишь только вы начали его описывать, – говорит он Бездомному, – я уже стал догадываться, с кем вы вчера имели удовольствие беседовать. <...> Его нельзя не узнать, мой друг! <...> А Берлиоз, повторяю, меня поражает. Он человек не только начитанный, но и очень хитрый. Хотя в защиту его я должен сказать, что, конечно, Воланд может запорошить глаза и человеку похитрее».

По распоряжению Воланда Азazelло убил предателя Иуду, как и позднее – барона Майгеля, «наушника и шпиона»: «...а Иуду я собственноручно зарезал в Гефсиманском саду, – прогнусил Азazelло»⁴⁶⁴ = «А скажите, – обратилась Марго, оживившаяся после водки, к Азazelло, – вы его застрелили, этого бывшего барона? – Естественно, – ответил Азazelло, – как же его не застрелить? Его обязательно надо застрелить». Всё это говорит о том, что «Воланд оказывается карающим мечом в руках справедливости и едва ли не волонтером добра»⁴⁶⁵; «Он и Иешуа всего лишь представляют “разные ведомства” единого божественного миропорядка, осуществляя некий нравственный закон равновесия возмездия и милосердия»⁴⁶⁶; «Воланд, на наш взгляд, – это образ-маска. И как всякий масочный персонаж используется функционально. Голос и позиция автора слышны и ощутимы почти в каждой реплике, когда работает функция возмездия. Воланд, собственно, и не наказывает, а приводит в исполнение, запускает механизм наказания за ложь и доносительство, за жадность и предательство, а самое главное – за малодушие, но сам он как бы “вне игры”»⁴⁶⁷. О масочной функции Воланда, но в другом ракурсе, говорил и священник Александр Мень: «Вот пришли некие гости из космоса, из духовного мира (какая разница?). Они в маскарадных костюмах, один – под Мефистофеля, другой – под кота, и они провоцируют нас, москвичей, и выявляют нашу пошлость. И даже Воланд, который выступает в маске дьявола, – какой он дьявол? У него нравственные понятия нормальные, он же не Варенуха, не Лиходеев – вот кто дьяволы-то, а он нормальный. Это только маски. <...> Думается, что явление Воланда в Москве 30-х годов имеет тот смысл, что сам дьявол и его компания кажутся порядочными мальчиками на фоне убогой и мерзкой действительности. Это великолепный сатирический прием»⁴⁶⁸.

---

⁴⁶² Михаил и Елена Булгаковы. Дневник Мастера и Маргариты. М.: Вагриус, 2004. С. 550.

⁴⁶³ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновики романа. Основной текст. Т. 1. С. 833 – 834.

⁴⁶⁴ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 194.

⁴⁶⁵ Лакшин В. Литературно-критические статьи. М.: Гелеос, 2004. С. 280.

⁴⁶⁶ Лесский Г.А. Последний роман Булгакова // Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. М.: Худ. лит, 1990. С. 647.

⁴⁶⁷ Барр М. Перечитывая Мастера: Заметки лингвиста на макинтоше. М.: Зебра Е, 2009. С. 101.

⁴⁶⁸ Отец Александр Мень отвечает на вопросы слушателей. М.: Фонд имени Александра Меня, 1999. С. 151 – 152, 154.

Религиозные и мистические мотивы в произведениях Ильфа и Петрова. Бендер и Воланд (*продолжение*)

Как мы уже говорили, в «Мастере и Маргарите» Воланд является своего рода божественным инструментом возмездия, карающим зло и до некоторой степени восстанавливающим справедливость: «Всё будет правильно, на этом построен мир», – говорит он Маргарите (глава 32. «Прощение и вечный приют»).

Таким же карающим мечом выведен Остап, который в своей воображаемой эпитафии называет себя истребителем («Здесь лежит известный теплотехник и истребитель Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендер-бей...»), имея в виду следующее место из Ветхого Завета: «И послал Бог Ангела в Иерусалим, чтобы истреблять его. И когда он начал истреблять, увидел Господь и пожалел о сем бедствии, и сказал Ангелу-истребителю: довольно! теперь опусти руку твою» (1-я Парал. 21:15). Впрочем, и сам Бог говорил: «...истреблю с лица земли человек, которых Я сотворил...» (Быт. 6:7).

В разговоре с Корейко Остап также сравнивает себя с ангелом-истребителем: «Я сын турецкоподданного и, следовательно, потомок янычаров. *Я вас не пощажу, если вы будете меня обижать.* Янычары не знают жалости ни к женщинам, ни к детям, ни к подпольным советским миллионерам». А вот что говорил Бог народу Израиля о своем Ангеле: «...блуди себя пред лицом Его и слушай гласа Его; не упорствуй против Него, потому что *Он не простит греха вашего*, ибо имя Мое в Нем» (Исход 23:21). Сравним также слова Остапа «Я вас не пощажу» с книгой пророка Иезекииля: «И не пощадит тебя око Мое, и не помилую» (Иез. 7:9); и с посланием апостола Павла римлянам: «Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя» (Рим. 11:21).

Во время собрания «Тайного союза меча и орала» Остап вновь предстает в образе беспощадного Ангела Господня: «Остап был неумолим: “В присутствии самого Ипполита Матвеевича считаю эти разговоры излишними”». А оказавшись в Пятигорске, он решил брать деньги за проход к Провалу (то есть в адский Тартар из греческой мифологии⁴⁶⁹), в очередной раз проявив себя как *истребителя*: «Я уничтожу это позорное пятно на репутации города, я исправлю досадное упущение».

Но иногда Остап выступает в роли великодушного Бога: «Вы же понимаете, васюкинские индивидуумы, что я мог бы вас поодиночке утопить, но я дарю вам жизнь. Живите, граждане!», «Ну, я вас прощаю. Живите. Размножайтесь» (последняя цитата из романа «Великий комбинатор» вновь отсылает к Библии: «И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь...» // Быт. 1:22), «Впрочем, мне все равно. Живите, как хотите», «Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте. Вам я оставляю жизнь только потому, что надеюсь вас перевоспитать».

В «Золотом теленке» свита Остапа состоит из трех человек: Балаганова, Паниковского и Козлевича, – как и свита Воланда: Коровьева, Азazelло, Бегемота (чертовка Гелла сопровождает их крайне редко, поэтому она не в счет). И если Остап – это человек, часто играющий роль дьявола («Адская палатка. <...> Материализация духов и раздача слонов», контора «Рога и копыта»), то Воланд – это дьявол, воплотившийся в образе человека.

---

⁴⁶⁹ Ср. в «Энеиде» Вергилия: «...В глубину уходит настолько / Тартара темный провал, что вдвое до дна его дальше, / Чем от земли до небес, до высот эфирных Олимпа». А сходство пятигорского Провала с адом подчеркивает характерный запах серы: «Посмотрели мы и знаменитый Провал. Это удивительное место. Машук да и все окружающие горы – это бывшие вулканы. <...> В Провале так разлило сероводородом, что становится понятным, почему древние греки запахом ада считали этот “аромат”. В Провале чувствовалось, какой была силища, прорвавшая эту гору, как старый футбольный мяч. Народ туда валом валил. Недаром Остап Бендер там торговал билетами» (Свешников В. Родные берега, 2019; электронная книга).

Но в то же время в гостиничном номере Остапа Бендера находилась гравюра «Явление Христа народу», а появление Воланда в Москве сравнивается со вторым пришествием Христа – вспомним варианты названия редакции романа 1932 года: «Он явился. Пришествие. Черный маг. Копыто консультанта»⁴⁷⁰ (впрочем, в других расшифровках рукописи встречается не «Пришествие», а «Происшествие»⁴⁷¹).

В «Двенадцати стульях» Остап назван «молодым человеком лет двадцати восьми»; в «Золотом тельце» ему «тридцати три года, возраст Иисуса Христа»; а Воланд – «по виду – лет сорока с лишним».

Еще одно отличие связано с внешностью: Воланд уродлив, а Остап – красив и могуч. Вместе с тем Воланд уродлив лишь внешне, но по сути олицетворяет собой справедливость, так как наказывает грешников и обличает людские пороки, а также является «инспектором по надзору» за людскими нравами, в обязанности которого входит сбор материала для предоставления в вышестоящие инстанции («очень важное сведение, которое мне, как путешественнику, чрезвычайно интересно», – говорит он Берлиозу, сообщившего, что «большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о божестве»; с этой же целью сбора информации устраивается сеанс черной магии в театре Варьете: «...просто мне хотелось повидать москвичей в массе, а удобнее всего это было сделать в театре», – признаётся он позднее Сокову).

Остап же, напротив, обладает безупречной внешностью, но при этом является законченным преступником и аферистом, который постоянно обманывает людей и знает «четыреста сравнительно честных способов отъема денег».

Но во всем остальном они похожи до неотличимости.

В начале «Золотого тельца» Остап назван «пешеходом в артистической фуражке», что соответствует «артисту Воланду», который носит берет.

Остап наделен эпитетами *гигантский* и *титанический*: «В голове процессии, делая *гигантские* шаги, неся командор», «Стой! – кричал Остап, делая *гигантские* прыжки», «И некому даже оценить мой *титанический* труд, – грустно сказал Остап, поднимаясь и зашнуровывая толстую папку». А противостояние Остапа и Корейко описывается так: «Враги подошли близко к настольной лампочке, и на стену легли их *исполиньские* тени» (кстати, и Воробьянинова Остап называет *гигантом* мысли). Это можно сравнить с описанием Воланда: «Глаза буфетчику показались необыкновенно злыми, а рост хозяина, раскинувшегося на этом... ну, Бог знает на чем, *неимоверным*»⁴⁷²; его кровати: «...на столике горели семь восковых свечей в золотом семи-свечнике, и в теплом их свете Маргарита рассмотрела *гигантскую* кровать на золотых ногах...»; и портсигар: «Он был *громоздких размеров*...» (в черновике: «*колоссальных размеров* золотой порсигар»⁴⁷³; сравним еще с одним черновым вариантом: «Тут принесли *колоссальных размеров*, ярко расписанную афишу, на которой крупными красными буквами стояло: ВОЛАНД, а ниже черными поменьше: “Сеансы белой магии с полным их разоблачением”»⁴⁷⁴). Подобные эпитеты, создающие мистическую атмосферу, применяются и к другим персонажам: «...на хорошо выбритом лице его помещались *сверхъестественных размеров* очки» (Берлиоз), «Как ни был расстроен Иван, все же его поразила та *сверхъестественная* скорость, с которой происходила погоня» (Бездомный), «*жутких размеров* кот» и «*громоздкий* черный кот» (Бегемот), «худ *неимоверно*» (Жоровьев), «...грозно спросила супруга Аркадия Аполлоновича, поднимаясь в ложе во весь свой *гигантский* рост» (жена Семплеярова), «Уплатив ко-

---

⁴⁷⁰ Цит. по: Чудакова М. Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы литературы. 1976. № 1. С. 233.

⁴⁷¹ Неизвестный Булгаков / Сост. В.И. Лосев. М.: Кн. палата, 1993. С. 408; Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 156.

⁴⁷² Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 463.

⁴⁷³ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 31.

⁴⁷⁴ Там же. С. 273.

лоссальные деньги проводнику, Алоизий приобрел у него старую и засаленную пару штанов и из Вятки повернул обратно» (Алоизий Могарыч); и даже к неодушевленным предметам: «Потом Маргарита оказалась в чудовищном по размерам бассейне...», «Гигантский черный Нептун выбрасывал из пасти широкую розовую струю». Похожая лексика используется в цикле рассказов Ильфа и Петрова «1001 день, или Новая Шахерезада» (1929): «Известная в деловых кругах Москвы контора по заготовке Когтей и Хвостов переживала смутные дни. В конторе шла борьба *титанов*: начальник учреждения товарищ Фанатюк боролся со своим заместителем товарищем Сатанюком.

Если бы победил *титан* Фанатюк, то всем сторонникам Сатанюка грозило бы увольнение. Победа же *титана* Сатанюка вызвала бы немедленное изгнание из конторы всех последователей Фанатюка. Причины спора были уже давно забыты, но отношения между *титанами* обострились все больше, и момент трагической развязки близился». Своеобразный гибрид титанов Фанатюка и Сатанюка появится в «Золотом теленке»: «РЕМОНТ ТРУБ, РАКОВИН И УНИТАЗОВ. М.Н. *Титанюк* <...> водопроводчик *Титанюк* с грохотом ударял молотком по ржавой трубе, и сажа от паяльной лампы садилась на нежный галантерейный товар. <...> *Титанюк* спился» (в другой редакции фигурирует М.Н. Фанатюк).

Вспомним в этой связи средство для окраски волос «*Титаник*» в «Двенадцати стульях» и – там же – «*титанические* кутежи», описанные в книге Агафона Шахова «Бег волны» (глава «Изгнание из рая»); помимо того, *титаническое* зубило в «Золотом теленке» (под псевдоним «Зубило» в газете «Гудок» публиковал свои фельетоны Юрий Олеша) и врача сумасшедшего дома *Титанушкина*, прототипом которого послужил Петр Ганнушкин – основатель Психиатрической клинической больницы г. Москвы. А вот как охарактеризована драка Балаганова и Паниковского с Корейко: «Покуда шла *титаническая* борьба на морском берегу, Остап Бендер решил, что пребывание в гостинице на виду у всего города выпирает из рамок затеянного им дела и придает ему ненужную официальность».

Мотив *сверхъестественности* также нередок у Ильфа и Петрова: «Здесь Паша Эмильевич, обладавший *сверхъестественным* чутьем, понял, что сейчас его будут бить, может быть даже ногами» («Двенадцать стульев»), «Нарушитель конвенции свалился на землю, но сейчас же вскочил и помчался с *неестественной* быстротой» («Золотой теленок»), «После этого великому комбинатору оставалось только сесть на венский стул и учинить на лице *сверхъестественную* улыбку» («Золотой теленок»), «Это было, правда, дороже боржома, но оправдывалось *сверхъестественными* свойствами минерального напитка» («Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска»), «Джентльменство, *сверхъестественное* джентльменство разлито в воздухе» (фельетон «Мы уже не дети», 1932).

На афише, изготовленной Остапом перед своим выступлением, написано: «Индийский *факир*». Воланд же выступает в театре Варьете и назван черным *магом*. Да и про Остапа сказано: «Холодный рассудительный голос великого комбинатора оказал свое обычное *магическое* действие» («Двенадцать стульев»; глава «Изгнание из рая»).

Оба смеются, как боги (или демоны): «Чистосердечный его смех продолжался еще минут десять», «Потом из его горла вырвались вулканические раскаты <...> ужасный смех раздался в газубежище» ~ «Воланд откинулся назад и захохотал громовым образом, но так добродушно и просто, что никого не испугал и не удивил»⁴⁷⁵.

Сюда примыкает другая переключка: ««Без него не так смешно жить», – думал Остап. И он весело поглядывал на Воробьянинова...» ~ «Воланд смеялся, поглядывая на Маргариту» (глава 32. «Прощение и вечный приют»).

---

⁴⁷⁵ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. М.: Голос, 1999. С. 514.

Оба, сражаясь за человеческие души, затевают диспут с богословами (ксендзами) и безбожниками (Берлиозом и Бездомным), но преследуют при этом разные цели – Остап доказывает ксендзам, «охмутившим» Адама Козлевича, что Бога нет, а Воланд уверяет атеистов Берлиоза и Бездомного, что Бог есть, давая первому шанс спастись от гибели, а второму – от сумасшествия и заключения в психбольнице:

1) – Эй вы, херувимы и серафимы! – сказал Остап, вызывая врагов на диспут.
– Бога нет!
– Нет, есть, – возразил ксендз Алоизий Морошек, заслоня своим телом Козлевича.
– Это просто хулиганство, – забормотал ксендз Кушаковский.
– Нету, нету, – продолжал великий комбинатор, – и никогда не было. Это медицинский факт.

<...>
– Как же вы утверждаете, что бога нет, – начал Алоизий Морошек задушевым голосом, – когда все живое создано им!..

2) – Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?

– Сам человек и управляет, – поспешил сердито ответить Бездомный на этот, признаться, не очень ясный вопрос.

При этом атеист Остап полемизирует с «*черными ксендзами*», за которыми Паниковский «признавал многие волшебные свойства», а атеисты Берлиоз и Бездомный – с «*черным богословом*» и «*черным магом*» Воландом.

Остап обращается к священнику Кушаковскому: «Ксендз! Перестаньте трепаться! – *строго* сказал великий комбинатор»; а Воланд – к атеисту Бездомному: «...трепаться, братишка, нечего было, – *закричал он сердито*, переходя абсолютно непонятным образом с немецкого на акцент черноморский»⁴⁷⁶. Кстати, в первом случае действие происходит именно в Черноморске.

Зеркально противоположная ситуация наблюдается и в вопросах, которые Остап задает Паниковскому, а Воланд – Берлиозу: «А вы верите в бога, Паниковский? – спросил Остап» (роман «Великий комбинатор»; глава «Американские скотоводы») ~ «...я так понял, что вы, помимо всего прочего, еще и не верите в Бога?»; и в ответах собеседников: «А как же, – заявил Паниковский» ~ «Да, мы не верим в Бога, – чуть улыбнувшись испугу интуриста, ответил Берлиоз».

Обращение Остапа к Воробьянинову совпадает с обращением Воланда к Бездомному: «Вы – свинья, гражданин предводитель!» («Двенадцать стульев»; глава «И др.») = «...позвольте вам заявить, гражданин Бездомный, что вы – врун свинячий!»⁴⁷⁷.

Священник Федор Востриков сошел с ума после столкновения в Дарьяльском ущелье с Остапом-дьяволом, после чего «хохочущего священника на пожарной колеснице увезли в психиатрическую больницу», а атеиста Бездомного после столкновения на Патриарших прудах с сатаной-Воландом («черным богословом») доставили в психиатрическую клинику Стравинского. Поэтому совпадают обращения Остапа к отцу Федору и Воланда к Ивану: «*Стой!* – загремел Остап. – *Стой*, тебе говорю!» = «*“Стойте!! – громовым голосом воскликнул консультант, – стойте!”*»⁴⁷⁸ Разница лишь в том, что отец Федор принялся бежать с удвоенной быстротой, а «Иванушка застыл на месте». Причем отец Федор называет себя *птичкой Божией*, а Иван Грозный говорит своему тезке Ивану Бездомному: «На тебе денежку, Иванушка-верижник, *Божий человек*, помолись за меня!»⁴⁷⁹. Но все эти варианты не вошли в итоговую редакцию «Мастера и Маргариты».

⁴⁷⁶ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 496.

⁴⁷⁷ Там же.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 242.

Интересно сопоставить вопрос Воробьянинова Бендеру в главе «Общежитие монаха Бертольда Шварца» и Бездомного Воланду в редакции 1933 года: «*Вы разве медик?* – рассеянно спросил Воробьянинов. – *Я буду медиком*» ~ «Да, да, очень хорошо, что вы пришли. Но почему вы в халате. *Разве вы доктор?* – Да, я доктор, но в такой же степени, как вы поэт»⁴⁸⁰. Причем если здесь Воланд явился, одетый «в белый халат, такой же, как у профессора Стравинского», то в акушерском саквояже Остапа будет *докторский халат* («Золотой теленок»; глава «Антилопа-Гну»). А обращение Иванушки к Воланду «очень хорошо, что вы пришли» повторяет обращение председателя Арбатовского исполкома к Бендеру: «Очень хорошо, что вы зашли» («Золотой теленок»; глава «О том, как Паниковский нарушил конвенцию»).

И Остап, и Воланд отрицательно относятся к мародерству: «Имейте в виду, – сказал Остап, строго оглядывая свое войско, – мародерства не допущу» = «А что делал Коровьев в то время, когда ты мародерствовал? – спросил Воланд».

Оба выводят на чистую воду подпольных богачей, притворяющихся скромными советскими служащими, – миллионера Корейко и буфетчика театра Варьете Сокова: «У вас, по моим сведениям, миллионов семь-восемь» = «У вас сколько имеется сбережений?». Остап ответил Корейко, «вежливо отводя его руку», а вопрос Воланда «был задан участливым тоном».

Остап называет Корейко *свалыжником*, а Гелла именует Сокова *скаредом* (да и кот Бегемот назовет его впоследствии «грустным *скупердяем-буфетчиком*»).

Совпадают даже советы, которые Остап дает Корейко, а Воланд – Сокову: «Идемте, идемте! И вообще бросьте *отшельничество*, спешите выпить вашу долю спиртных напитков, съесть ваши двадцать тысяч котлет» = «...что-то, воля ваша, недоброе таится в мужчинах, *избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, застольной беседы*. <...> Не лучше ли устроить пир на эти двадцать семь тысяч и, приняв яд, переселиться в другой мир под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями?» (отметим также похожие числа: 20 000 и 27 000).

А две встречи Остапа с Корейко предвосхищают встречу на балу Воланда с бароном Майгелем: «Гражданин Корейко? – спросил Остап, лучезарно улыбаясь» = «Милый барон, – говорил Воланд, радостно улыбаясь...»; «А ведь я к вам с поручением, – сказал он, становясь серьезным» = «Тут Воланд перестал улыбаться...»⁴⁸¹; «Лицо Александра Ивановича сохраняло нейтральность, но *его руки бесцельно шарили по столу, как у слепого*» = «Майгель проглотил слюну и, *вертя левой рукой брелок...*»⁴⁸²; «...вы погибнете» = «...не позже чем через месяц станет причиной вашей смерти»⁴⁸³.

И Остап, и Воланд используют одинаковую лексику: «Не давите на мою психику! – сказал Остап, оторвав от себя Корейко и переводя дыхание. – *Невозможно заниматься*» = «Что происходит в квартире? *Мне мешают заниматься*».

Остап обращается к Корейко: «Это я говорю вам как специалист по рогам и копытам» (то есть как специалист по дьявольщине); а Воланд сообщает Берлиозу: «Я – специалист по черной магии».

Оба связаны с огнем – атрибутом ада: «В эту же минуту по переулку промчался пожарный обоз с факелами, и при их трепетном свете Ипполит Матвеевич увидел на лице Бендера такое страшное выражение, что мгновенно покорился и отдал стул» = «На углу Ермолаевского неожиданно вспыхнул фонарь и залил улицу, и в свете его Иванушка увидел уходящего Воланда»⁴⁸⁴ (сравним: «по переулку» = «на углу Ермолаевского»; «при... свете... увидел» = «в свете его... увидел»).

⁴⁸⁰ Там же. С. 110.

⁴⁸¹ Там же. С. 396.

⁴⁸² Там же. С. 396.

⁴⁸³ Там же. С. 396.

⁴⁸⁴ Там же. С. 242.

Как Харон за один обол перевозит души умерших через реку Стикс в царство мертвых, так и Остап брал гривенник с туристов за проход к Провалу в Пятигорске, а в последней главе романа Булгакова «черный Воланд, не разбирая никакой дороги, кинулся в провал» (в преисподнюю).

В концовке «Золотого тельца» на шею Остапа надет орден Золотого Руна: «Поверх креста на замечательной ленте висел орден Золотого Руна – литой барашек». Маргарита же видит «на раскрытой безволосой груди Воланда искусно из темного камня вырезанного жука на золотой цепочке и с какими-то письменами на спинке».

Оба представляются вымышленными титулами: «Гроссмейстер О. Бендер! – заявил Остап, присаживаясь на стол» = «Профессор черной магии Воланд, – веско сказал визитер...». Далее Остап сообщает одноглазому: «Устраиваю у вас сеанс одновременной игры»; а Воланд информирует Лиходеева о сеансе черной магии. Кстати, описание Воланда «веско сказал» находит аналогию и в случае с Бендером: «Один мой знакомый, – сказал Остап веско, – тоже продавал государственную мебель», «Затем, – сказал Остап веско, – что вы сейчас пойдете к “Цветнику”, станете в тени и будете на французском, немецком и русском языках просить подавание...», «Вы не в церкви, вас не обманут, – веско сказал великий комбинатор». При этом Остап ищет бриллианты, а портсигар Воланда инкрустирован «бриллиантовым треугольником», да и Маргарите он подарит золотую подкову с бриллиантами.

В разговоре с Берлиозом (редакция 1937 года «Князь тьмы») Воланд упомянет английского ученого 13-го века Роджера Бэкона: «...тут в государственной библиотеке нашли интересные рукописи Бэкона и бенедиктинского монаха Гильдебранда, тринадцатый и одиннадцатый век...»⁴⁸⁵, – поскольку тот слыл чернокнижником: «Слава Б. быстро распространилась в Оксфордъ, хотя она нѣсколько и омрачилась подозрѣніями въ наклонности къ черной магіи и въ отступничествѣ отъ догматовъ истинной церкви. <...> Сочиненія Р. Бэкона чрезвычайно многочисленны. Они могутъ быть раздѣлены на два разряда: на остающіяся до сихъ поръ въ рукописи и напечатанныя. <...> Платя дань вѣку, Б. вѣрилъ въ астрологию, въ предзнаменованія, въ философскій камень и въ квадратуру круга»⁴⁸⁶. Что же касается «бенедиктинского монаха Гильдебранда» – будущего римского Папы Григория VII, то данную информацию Булгаков также почерпнул из словаря Брокгауза: «Г<ригорий> VII (1073 – 1085) Гильдебрандъ <...> сначала бенедектинскій монахъ въ Римѣ <...> Г. VII – величайшій изъ папъ и одинъ изъ наиболѣе крупныхъ государственныхъ людей во всемирной исторіи»⁴⁸⁷. А упомянул его Воланд потому, что ходили слухи о связи Гильдебранда с дьяволом. Эту информацию Булгаков мог взять из другого источника (1932): «...в действиях всякого крупного человека, который почему-либо казался церкви подозрительным, богословская мысль прежде всего искала “дьявольской подкладки”. Даже сам папа подвергался таким обвинениям. По словам Гфрера, против папы Григория VII возникло подозрение, что он действует с помощью магической книги, т.е. в сотрудничестве с дьяволом»⁴⁸⁸. Всякое новшество, всякая смелая мысль, все, что уклонялось даже в очень незначительной степени от привычного мышления и повседневной жизни, вызывало представление о вмешательстве дьявола, о его персте»⁴⁸⁹. Но в действительности папа Григорий VII чернокнижником не был, так же как и Герберт Аврилакский (папа Сильвестр II), который появится лишь в редакциях 1938 – 1940 годов. Но оба они были католиками, как и Воланд в «Черном маге» (1928 –

⁴⁸⁵ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. М.: Голос, 1999. С. 339.

⁴⁸⁶ Энциклопедическій словарь. Томъ II^a. С.-ПЕТЕРБУРГЪ: Типо-Литографія И.А. Ефрона, 1891. С. 745 – 747.

⁴⁸⁷ Там же. Томъ IX^a. С.-ПЕТЕРБУРГЪ: Типо-Литографія И.А. Ефрона, 1892. С. 712.

⁴⁸⁸ Прим. Gfrörer Aug. Friedr., Allgemeine Kirchengeschichte, том 2, 1841 – с. 46.

⁴⁸⁹ Лозинский С.Г. Предисловие. Роковая книга Средневековья // Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм / Перевод с латинского Н. Цветкова. М.: Атеист, 1932. С. 14.

1929): «На хозяине было что-то, что буфетчик принял за халат и что на самом деле оказалось католической сутаной, а на ногах черт знает что»⁴⁹⁰.

В 1932 году в издательстве «Атеист» вышел перевод упомянутой средневековой книги «Молот ведьм» с предисловием профессора С. Лозинского, где Булгаков прочитал следующее: «И о папе Сильвестре II говорили, что он заключил договор с дьяволом. Папа Сильвестр (Герберт) поражал век X-ый огромными математическими и философскими познаниями, которым и он был обязан будто бы пакту с дьяволом. Согласно бенедиктинскому историку Вильгельму Мальмесбэри, Герберт родился в Галлии и в свою бытность монахом бежал в Испанию, где изучал у сарацин астрологию и магию; вскоре один мусульманский философ взял его в свой дом и научил его чернокнижию, благодаря чему он вступил в дружбу с дьяволом. Последний обещал ему содействие в достижении папской тиары. Вернувшись во Францию, Герберт открыл школу и имел многочисленных учеников, между прочим французского короля Роберта. Шумный успех руководителя школы обеспечил ему епископское кресло в Реймсе. Но епископство его не удовлетворило, и он переселился в Рим, где нашел в подземельи хранившийся клад императора Октавиана. Золото открыло ему путь к папскому престолу, и Герберт стал папою Сильвестром II. Он изготовил магическую голову, которая отвечала на все его вопросы; от нее он узнал, что умрет лишь тогда, когда отслужит молитву в Иерусалиме. Сильвестр решил никогда не ездить в Иерусалим. Однажды ему пришлось совершить молитву в церкви “Святого креста, что в Иерусалиме”, и он после молитвы тяжело захворал. Магическая голова указала ему на ловушку, в которую он по собственной вине попал, и Сильвестр понял, что наступил час смерти. Он созвал кардиналов, открыл свою тайну и был живьем разрезан на части и выброшен из храма. По другой версии, его тело положили на телегу с волами, и он был похоронен на том месте, где волы стали; затем кости были положены в мраморный гроб, и с тех пор перед смертью каждого папы этот гроб покрывается большою массой пота. Хронист Зигеберт (ум. 1113), наоборот, не упоминает о гробовом поте и заявляет, что Сильвестр не покаялся и был унесен чертом»⁴⁹¹. Не отзовется ли подчеркнутый фрагмент в ответе Воланда мастеру и Маргарите в главе «Последний путь» из редакции за сентябрь 1934 года: «Велено унести вас...»⁴⁹²? Если рукописи «чернокнижника Герберта Аврилакского» (Сильвестра II) заменяют собой рукопись мастера о Иешуа и Пилате, которая и была истинной причиной визита Воланда в Москву, то на данный вопрос следует ответить утвердительно. Кстати, в упомянутой редакции *мастер* пока еще именуется *поэтом*, а *мастером* он станет лишь в ноябре 1934 года, когда Булгаков узнает о телефонном звонке Сталина Пастернаку, во время которого вождь допытывался о значимости Мандельштама, арестованного ОГПУ без его ведома: «Но ведь он же мастер, мастер?». Данную гипотезу первой выдвинула М. Чудакова на основе дневника Е.С. Булгаковой и сравнении его с рукописями романа:

17 ноября [1934]. «Вечером приехала Ахматова. Ее привез Пильняк из Ленинграда на своей машине. Рассказывала о горькой участи Мандельштама. Говорили о Пастернаке». Мандельштам находился в это время в ссылке (и был уже в Воронеже); последнюю фразу, на наш взгляд, можно прочесть только как краткую запись зашифрованного рассказа Ахматовой о телефонном звонке Сталина Пастернаку.

Скорее всего, именно из уст Ахматовой Булгаков узнал подробности разговора; он, несомненно, отнесся к ним с напряженным вниманием. Мы предполагаем, что слова, сказанные о Мандельштаме, – «Но ведь он же мастер, мастер?», могли повлиять на выбор именования главного героя романа и последующий выбор заглавия⁴⁹³.

⁴⁹⁰ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 463.

⁴⁹¹ Лозинский С.Г. Предисловие. Роковая книга Средневековья. С. 21 – 22.

⁴⁹² Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М.: Новости, 1992. С. 196.

⁴⁹³ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. С. 543 – 544.

Кто снится Босому?

Всем памятна 15-я глава романа Булгакова под названием «Сон Никанора Ивановича», где председатель жилтоварищества дома 302-бис, находясь в клинике Стравинского, видит странный сон: «В глаза ему снизу и спереди ударил свет цветных ламп, отчего сразу провалился в темноту зал с публикой.

– Ну-с, Никанор Иванович, покажите нам пример, – задушевно заговорил молодой артист, – и сдавайте валюту». Очевидно, что этот сон возвращает нас к событиям 9-й главы, где в квартире Босого ГПУ изъяло доллары: «Доллары в вентиляции <...> Ну что же, надо остальные сдавать». А в ранней редакции Босой прячет деньги в дымоходе, но поскольку дымоходами распоряжается дьявольская советская власть, деньги быстро обнаруживают – после звонка Коровьева в ГПУ. И вполне очевидно, что «артист в смокинге», ведущий представление в театре, которое снится Босому, – это чекист, манеры которого полностью идентичны манерам Воланда.

Доказательством служат переключки с сеансом черной магии в театре Варьете, где на сцене уже появлялся «артист Воланд»: «Гм... – заговорил задумчиво артист, – и как вам не надоест, я не понимаю? *Все люди как люди*, ходят сейчас по улицам, наслаждаются весенним солнцем и теплом, а вы здесь на полу торчите в душном зале!» = «Ну что же, – задумчиво отозвался тот, – *они люди как люди*»; «Затем он переменял и тембр голоса, и интонации и весело и звучно объявил: “Итак, следующим номером нашей программы – Никанор Иванович Босой...”» = «...и громко приказал: “Наденьте голову!”». Во время сеанса в Варьете «маг вместе со своим полинялым креслом исчез со сцены, причем надо сказать, что публика *совершенно этого не заметила*», а артист в смокинге «громко воскликнул: “Антракт, негодяи!”». После чего исчез со сцены совершенно бесшумно»⁴⁹⁴. И если Воланд говорит Коровьеву: «Покажи нам для начала что-нибудь простенькое», – то артист в смокинге обращается к Дунчилю: «Позвольте вам на прощание показать фокус!»⁴⁹⁵ (ср. еще с обращением Воланда к Берлиозу: «Но умоляю вас на прощанье, поверьте хоть в то, что дьявол существует!»; причем перед этим Воланд назвал скорую смерть Берлиоза именно фокусом: «Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!»). Далее артист в смокинге говорит о Дунчилье, не желавшем сдавать бриллианты, *охмурыло и врун*; а Воланд после ухода Босого из его квартиры с пачками денег назвал его *выжига и плут*. Также Дунчиль и Босой награждаются «зоологическими» характеристиками: «Тяжелый бас сказал в спальне: “Однако, этот Босой – *гусь!* Он мне надоел”»⁴⁹⁶ = «В лице этого Дунчиля перед вами выступил в нашей программе типичный *осел*». Кстати, и ведущий говорил о том, что Дунчиль ему *надоел*: «*Вы извели всех* за полтора месяца своим тупым упрямством».

Ведущий говорил, «уничтожая Дунчиля огненным взглядом»⁴⁹⁷, а Воланд «объяснил свои слова <...> не спуская с Маргариты огненного глаза».

Из глаз ведущего «брызнули лучи, пронизывающие Канавкина насквозь, как бы рентгеновские лучи», а правый глаз Воланда, упершийся в Маргариту, назван «сверлящим любого до дна души» (да и реакция ведущего на признание Канавкина: «Браво! – вскричал распорядитель»⁴⁹⁸, – совпадает с реакцией Воланда на слова Берлиоза: «Браво! – вскричал иностранец, – bravo!»; перед этим же ведущий и Воланд

⁴⁹⁴ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 342.

⁴⁹⁵ Там же. С. 343.

⁴⁹⁶ Там же. С. 179.

⁴⁹⁷ Там же. С. 344.

⁴⁹⁸ Там же. С. 347.

обращались к своим собеседникам подчеркнуто корректно: «Ваша фамилия? Виноват, – очень вежливо осведомился конферансье»⁴⁹⁹ = «Виноват, – мягко отозвался неизвестный, – для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок»; такой же голос Воланда услышит Бездомный в ресторане Дома Грибоедова: «Виноват, виноват, скажите точнее, – послышался над ухом Ивана тихий и вежливый голос, – скажите, как это убил? Кто убил?»).

Интересно, что в одном из фельетонов Евгения Петрова (1927) предвосхищено обращение ведущего к Канавкину: «Тогда друг сказал: “Верю вам. Вы действительно не были на боксе. Такие глаза не могут лгать”»⁵⁰⁰ ~ «Верю! Эти глаза не лгут». Точно так же начало фельетона Ильфа и Петрова «Бледное дитя века» совершенно случайно совпадает с началом «Мастера и Маргариты»: «Поэт Андрей Бездетный, по паспорту значившийся гражданином Иваном Николаевичем Ошейниковым...»⁵⁰¹ ~ «...поэт Иван Николаевич Поньрев, пишущий под псевдонимом Бездомный».

К этой же серии случайных переключек можно отнести сходство между фельетоном Петрова «Его профессия» (1929) и рассказом Коровьева Маргарите: «Ответ был такой странный, что агент финотдела уставился на маленького брюнета и завертел в руках карандаш. “Как вы сказали? – повторил агент вопрос. – Чем вы занимаетесь?” – “Расширением жилплощади, – ответил брюнетик. – Я расширяю жилищную площадь. Если у вас в комнате 10 метров, я могу довести их до 30, 40 метров, хоть до ста. Крошечную ванную мне ничего не стоит *превратить в целый дворец*”»⁵⁰² ~ «Я, впрочем, – продолжал болтать Коровьев, – знал людей <...> проделывавших чудеса в смысле расширения своего помещения. Так, например, один горожанин, как мне рассказывали, получив трехкомнатную квартиру на Земляном валу, без всякого пятого измерения <...> мгновенно *превратил ее в четырехкомнатную*, разделив одну из комнат пополам перегородкой».

Более того, и Петров в рассказе «День мадам Белополякиной» (декабрь 1929), и Булгаков в «Мастере и Маргарите» упоминают массовые ссылки в Соловецкий лагерь особого назначения: «Частников прижимают налогами. Половину знакомых выслали куда-то в Соловки. Жить становится труднее с каждым днем»⁵⁰³ ~ «Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! – совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич». Кстати, в романе Булгакова Соловки стали упоминаться лишь в начале 1930-х годов, так что и здесь Петров его опередил.

А описание Вороньей слободки в фельетоне «Гость из Южной Америки», вошедшем в цикл «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска» (1929), предвосхищает описание «нехорошей квартиры» в «Мастере и Маргарите»: «Подозрение падало на пятый этаж, этаж чрезвычайно подозрительный и уже названный Вороньей Слободкой»⁵⁰⁴ ~ «Квартира была давно уже под подозрением. Охраняли не только тот путь, что вел во двор через подворотню, но и черный ход; мало этого, на крыше у дымовых труб была поставлена охрана. Да, квартира № 50 пошаливала, а поделаться с этим ничего нельзя было» (глава 27. «Конец квартиры № 50»). Заметим, что «нехорошая квартира» тоже располагалась на пятом этаже. Причем если Воронью слободку громит один из жильцов по имени Никита *Псов*, то квартиру № 50 поджигает *кот* Бегемот.

Тема Вороньей слободки перейдет в роман «Золотой теленок», где появится глава «Конец “Вороньей слободки”», которая предвосхитит главу «Конец квартиры № 50». В обоих случаях квартиры гибнут от пожара: Воронью слободку поджигает

⁴⁹⁹ Там же. С. 633.

⁵⁰⁰ *Иностранец Федоров*. Караул! Милиция! // Смехач. М., 1927. № 49. Дек. С. 6.

⁵⁰¹ *Толстоевский Ф.* Бледное дитя века // Чудак. М., 1929. № 43. Ноябрь. С. 6.

⁵⁰² Чудак. М., 1929. № 13. Апрель. С. 14.

⁵⁰³ Чудак. М., 1929. № 49. Дек. С. 6.

⁵⁰⁴ Чудак. М., 1929. № 2. Январь. С. 9.

Никита Пряхин, у которого на ногах – «темные, панцирные ногти», то есть, попросту говоря, когти – атрибут дьявола. А «нехорошую квартиру» поджигает демон Бегемот, состоящий в свите дьявола.

Но вернемся к сопоставлению ведущего в театре и Воланда.

Ведущий разоблачает Дунчиля, хранившего у своей любовницы в Харькове «восемнадцать тысяч долларов и колье в сорок тысяч золотом», а Воланд адресует буфетчику Сокову вопрос: «У вас сколько имеется сбережений?», – после чего при помощи Коровьева узнаёт, что у Сокова «двести сорок девять тысяч рублей в пяти сберкассах <...> и дома под полом двести золотых десятков». В итоге ведущий называет Дунчиля «жадным пауком», а Воланд в первой редакции романа говорит Сокову: «Делается то, что увы от *жадности* в глазах мутится»⁵⁰⁵. При этом *жадному пауку* соответствуют *жадные твари*, как назвал Воланд зрителей сеанса черной магии, которые стали хватать падающие с потолка червонцы и потом пошли с ними в буфет: «О! Жадные твари! Но, позвольте, вы-то видели, что вам дают?»⁵⁰⁶.

Ведущий обращается к Босому: «Насколько я понял вас <...> вы хотели поклясться богом, что у вас нет валюты?», и «*участливо* поглядел на Никанора Ивановича»; а о Воланде, спросившем Сокова: «У вас сколько имеется сбережений?», – сказано: «Вопрос был задан *участливым* тоном». Поэтому ведущий характеризуется точно так же, как Воланд, беседующий с Соковым: «Гм... – заговорил задумчиво артист, – и как вам не надоест, я не понимаю?» = «Гм... – задумался артист, – ну, тогда приходите к нам опять. Милости просим! Рад нашему знакомству». Кстати, и выражение «Милости просим!» находит аналогию в первом случае: «Милости прошу на сцену! – вежливо пригласил конферансье, всматриваясь в темный зал». А ведущий и помощник Воланда Коровьев демонстрируют нарочитую *ласковость*: «...артист ласково осведомился у Канавкина: “Где же спрятаны?”» = «Позвольте глянуть, – ласково заговорил Фагот и надел пенсне». Аналогичным образом совпадают реплики ведущего в адрес Дунчиля, и Коровьева – в адрес Семплеярова: «...позвольте мне на прощанье показать вам еще один номер из нашей программы» = «...разрешите еще один крохотный номерок?».

И заканчивается всё это тем, что ведущий разоблачил Дунчиля, изменявшего своей жене с любовницей Идой Геркулановной Ворс, а Фагот раскрыл тайную жизнь Семплеярова, который накануне сеанса черной магии поехал не на заседание акустической комиссии, как сказал об этом жене, а к любовнице – артистке Милице Андреевне Покобатько: «...этот корыстный болван *добился* все-таки того, что был разоблачен при всех и на закуску нажил крупнейшую семейную неприятность» = «Вот, почтенные граждане, один из случаев разоблачения, которого так назойливо *добивался* Аркадий Аполлонович!». Совпадает и реакция жен Дунчиля и Семплеярова: «Тут дама без воротника вдруг пронзительно крикнула: “Негодяй!”»⁵⁰⁷ = «Мерзавка! – вскричала пожилая. – Как смела ты ударить моего мужа!»⁵⁰⁸ (в итоговой редакции: «Как смела ты, негодяйка, коснуться Аркадия Аполлоновича!»).

Сходство наблюдается и между разоблачением ведущим Дунчиля и Коровьевым Сокова: «Восемнадцать тысяч долларов и колье в сорок тысяч золотом...» = «Двести сорок девять тысяч рублей в пяти сберкассах <...> и дома под полом двести золотых десятков». Причем если «буфетчик стал желт лицом», то Дунчиля чуть не упал в обморок, «меняясь в цвете лица из желтоватого в багровый, из багрового в желтый»⁵⁰⁹. И в обоих случаях действие сопровождается бурной овацией: «Итак, сле-

⁵⁰⁵ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновигов романа. Основной текст. Т. 1. С. 42.

⁵⁰⁶ Там же. С. 41.

⁵⁰⁷ Там же. С. 344.

⁵⁰⁸ Там же. С. 327.

⁵⁰⁹ Там же. С. 344.

дующим номером нашей программы – Никанор Иванович Босой, председатель домового комитета. Попросим его! И тут громовой аплодисмент потряс ярко освещенный зал»⁵¹⁰ = «Через минуту на сцене стояли десять умопомрачительно одетых женщин, и весь театр вдруг разразился громовым аплодисментом»⁵¹¹.

Но еще больше лексических совпадений имеется между ведущим и Воландом: «Глядя с любопытством на сцену, Никанор Иванович увидел, как на ней появился хорошо одетый, *в сером костюме, гладко выбритый*, гладко причесанный молодой человек с приятными чертами лица»⁵¹² = «Он был *в дорогом сером костюме* <...> Выбрит гладко. Брюнет»; «Ведущий программы *установился прямо в глаза Канавкину* <...> из этих глаз брызнули лучи...» = «Неужели мошенники? – *вперяя в буфетчика свой сверкающий глаз*, тревожно допытывался хозяин у гостя...»⁵¹³; «*Произнеся, и с большим жаром*, эту очень убедительную речь, артист ласково осведомился у Канавкина...» = «Артист вытянул вперед руку, на пальцах которой сверкали камни, как бы заграждая уста буфетчику, *и заговорил с большим жаром*...»; «Целиком присоединяюсь, – *твердо сказал артист*, – и я спрошу вас: что могут подбросить?» = «Извинить не могу, – *твердо сказал тот*»; «Верю! – наконец, *воскликнул артист* и погасил свой взор» = «Ай-яй-яй! – *воскликнул артист*. – Да неужели ж они думали, что это настоящие бумажки?» (конструкция *погасил свой взор* вновь заставляет вспомнить описание Воланда: «Изумительно! – *воскликнул непрощенный собеседник* и, почему-то воровски оглянувшись и *приглушив свой низкий голос*, сказал...»); «Ах, да, да, да, да! Маленький особнячок? Напротив еще палисадничек? Как же, знаю, знаю!» = «Ах, ну да, ну да! Дорогой мой! Я открою вам тайну: я вовсе не артист...»; «Ну ладно, – *смягчился артист*, – кто старое помянет...» = «...пояснил Воланд, *вдруг смягчаясь*, – любите деньги, плут, сознайтесь?»⁵¹⁴; «...вот уже полтора месяца вы сидите здесь, упорно отказываясь сдать оставшуюся у вас валюту, в то время, как страна нуждается в ней, а *вам она совершенно ни к чему*...» = «Ну, конечно, это не сумма <...> хотя, впрочем, и *она, собственно, вам не нужна*»; «Чудаки, ей-богу! – пожав плечами, проговорил артист, и занавес скрыл его» = «Дорогой мой, вы действительно нездоровы, – сказал Воланд, пожимая плечами»; «...осведомился конферансье, любезно предлагая Канавкину папиросу и зажженную спичку» = «Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар и галантно предложил его Бездомному»⁵¹⁵ (а сочетание слов *осведомился... любезно* встречается и при описании обращения Воланда к буфетчику: «Куда же вы так спешите? – *любезно осведомился* хозяин, – останьтесь с нами, посидите, выпьемте»⁵¹⁶); «Так нет ли, по крайней мере, бриллиантов? – жалобно спросил артист. – И бриллиантов нет, – сухо отозвался Дунчиль»⁵¹⁷ ~ «А дьявола тоже нет? – плаксиво спросил немец и вцепился теперь в Ивана. – И дьявола...»⁵¹⁸ (сравним: «Так нет ли... бриллиантов?» = «А дьявола тоже нет?»; «жалобно спросил» = «плаксиво спросил»; «И бриллиантов нет» = «И дьявола»); «Если угодно, вы можете покинуть театр, Сергей Герардович, – и артист сделал царственный жест.

Дунчиль спокойно и с достоинством повернулся и пошел к кулисе.

– Одну минуточку! – остановил его конферансье, – позвольте мне на прощанье показать вам еще один номер из нашей программы, – и опять хлопнул в ладоши. <...> Дунчиль отступил на шаг, и лицо его покрылось бледностью. Зал замер.

---

⁵¹⁰ Там же. С. 341.

⁵¹¹ Там же. С. 327.

⁵¹² Там же. С. 341.

⁵¹³ Там же. С. 676.

⁵¹⁴ Там же. С. 42.

⁵¹⁵ Там же. С. 114.

⁵¹⁶ Там же. С. 42.

⁵¹⁷ Там же. С. 630.

⁵¹⁸ Там же. С. 150.

– Восемнадцать тысяч долларов и колье в сорок тысяч золотом, – торжественно объявил артист, – хранил Сергей Герардович в городе Харькове в квартире своей любовницы Иды Геркулановны Ворс, которую мы имеем удовольствие видеть перед собою...» ~ «...Берлиоз... устремился к тому выходу с Патриарших, что находится на углу Бронной и Ермолаевского переулка.

А профессор тотчас же как будто выздоровел и посветлел.

– Михаил Александрович! – крикнул он вдогонку Берлиозу.

Тот вздрогнул, обернулся <...> А профессор прокричал, сложив руки рупором:

– Не прикажете ли, я велю сейчас дать телеграмму вашему дяде в Киев?» («пошел к кулисе» = «устремился... к выходу»; «Одну минуточку!» = «Михаил Александрович!»; «хлопнул в ладоши» = «сложив руки рупором»⁵¹⁹; «отступил на шаг» = «обернулся»; «лицо его покрылось бледностью» = «вздрогнул»; «в городе Харькове» = «в Киев»; «своей любовницы» = «вашему дяде»⁵²⁰); «К сожалению, ничего сделать не могу, так как валюты у меня больше нет, – спокойно ответил Дунчиль. <...> Он тогда всё сдал, – волнуясь, ответила мадам Дунчиль» ~ «Увы! – с сожалением ответил Берлиоз, – ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив» («К сожалению» = «с сожалением»; «валюты у меня больше нет» = «ни одно из этих доказательств ничего не стоит»; «Он тогда всё сдал» = «человечество давно сдало их в архив»); «Вы, Сергей Герардович, охмуряло и врун, – сурово сказал молодой человек...»⁵²¹ = «Ну, тогда вот что! – сурово сказал инженер и сдвинул брови, – позвольте вам заявить, гражданин Бездомный, что вы – врун свинячий!»⁵²²; «Зал затих при его появлении, глядя на молодого человека с ожиданием и весельем»⁵²³ = «Маг поглядел на затихшую, пораженную появлением кресла из воздуха публику» («Зал затих» = «затихшую... публику»; «при его появлении» = «появлением»).

---

⁵¹⁹ Кстати, и артист в смокинге обращается к Босому через рупор – громкоговоритель: «...гулкий бас с небес весело сказал: “Добро пожаловать, Никанор Иванович! Сдавайте валюту”». А *гулкий бас* как раз принадлежит Воланду: «*Тяжелый бас* сказал в спальне ювелирши: “Однако, этот Босой – гусь! Он мне надоел”» (Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 6. М.: Голос, 1999. С. 560).

⁵²⁰ Как отметил еще в 1978 году Б. Гаспаров: «...всеведение и всемогущество, которые обнаруживает “симпатичный молодой человек” в сцене сна Никанора Ивановича, столь же сверхъестественны и безграничны, как и у самого Воланда. Он таким же необъяснимым образом знает все о тетке Канавкина и ее особняке, как Воланд – о киевском дяде Берлиоза; так же проникает в тайны семейной жизни Сергея Герардовича Дунчиля, как Коровьев – в аналогичные обстоятельства Аркадия Аполлоновича Семплеярова» (Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Slavica Hierosolymitana. 1978. Vol. III. С. 221). Поэтому свита Воланда не конфликтует с милицией и ГПУ, а сотрудничает с ними. Например, Коровьев звонит в ГПУ по поводу взятки, спрятанной Босым в вентиляции, а Азazelло кричит Аннушке, нашедшей подкову с бриллиантами: «Ты, старая ведьма, если когда еще поднимешь чужую вещь, в милицию ее сдавай, а за пазуху не прячь!»; и конференсье во сне Босого призывает сдавать валюту и ценности государству. Другое дело – если милиция и чекисты хотят арестовать свиту Воланда, последняя либо просто исчезает, либо – как в случае с попыткой ареста Бегемота – пользуется бутафорским оружием (мотив шутовства). А всемогущество ОГПУ, равное всемогуществу дьявола Воланда, говорит о том, советская власть по своей природе – дьявольская. Следовательно, образ Воланда многофункционален: в нем есть черты и дьявола, и Иисуса Христа (Иешуа), и ветхозаветного Бога, и самого Булгакова, и Мефистофеля, и Калиостро, и Остапа Бендера, и Сталина, и артиста в смокинге – всезнающего сотрудника ЧК, который явно дублирует Афрания. Например, артист знает, что Дунчиль хранил деньги и колье у своей любовницы в Харькове, а в первой редакции предшественник Афрания Толмай говорил Пилату, где живет Иуда, именуемый «страсть к деньгам»: «В Золотом переулке, в 9 номере» (Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. С. 75). Такой адрес действительно существует в Харькове (Золотой переулок, дом 9). А многие «ершалаимские» реалии списаны Булгаковым с Киева, где он жил до своего переезда в Москву в 1921 году: «Древний Ершалаим Булгаков писал с киевской натуры» (Петровский М. Мифологическое городоведение Михаила Булгакова // Театр. М., 1991. № 5. С. 22).

⁵²¹ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 7. М.: Голос, 1999. С. 708.

⁵²² Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 496.

⁵²³ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 7. М.: Голос, 1999. С. 704.

Вернемся еще раз к описанию Воланда из редакции романа 1932 – 1936 годов: «А дьявола тоже нет? – плаксиво спросил немец и вцепился теперь в Ивана», – поскольку мотив «плаксивости» реализуется и применительно к артисту в смокинге: «Не ругайте его, – мягко сказал конферансье, – он раскается. – И, обратив к Никанору Ивановичу полные слез голубые глаза, добавил: “Ну, идите, Никанор Иванович, на место!»; а голубые глаза были у самого Булгакова...⁵²⁴.

Далее ведущий объявляет выступление артиста Саввы Потаповича Куролесова, сыгравшего Скупого рыцаря, который сидел на своих сундуках с деньгами и внезапно «помер злою смертью, прокричав “Ключи! Ключи мои!”», повалившись после этого на пол, *хрипя* и осторожно срывая с себя галстук». В похожем состоянии находился буфетчик Соков (тоже «скупой рыцарь», названный «грустным скупердяем-буфетчиком») после того, как Коровьев рассказал, что он хранит «двести сорок девять тысяч рублей в пяти сберкассах и дома под полом двести золотых десятков»: «Буфетчик что-то *прохрипел*». И он тоже был близок к тому, чтобы «помереть злою смертью»: «Буфетчик сидел неподвижно и очень постарел... Темные кольца окружили глаза, щеки обвисли. Нижняя челюсть отвалилась». То есть с ним едва не случился удар, о котором предупреждал публику «артист в смокинге»: «Кончилось со скупым рыцарем очень худо – он умер от удара, так и не увидев ни нимф, ни муз, и с вами будет тоже очень нехорошо, если валюты не сдадите» (21.06.1935⁵²⁵). Этот сон, который видит «Босой, член кружка “Безбожник”», напоминает ему о недавних событиях, когда он сам едва не скончался от удара после обнаружения милицией трехсот долларов в уборной: «Мы не знаем, что спасло Никанора Ивановича от удара. Но он был к нему близок» (лето 1933⁵²⁶). Кроме того, диалог ведущего с Никанором Ивановичем Босым в перевернутом виде повторяет разговор Воланда с Иваном Николаевичем Бездомным (обратим внимание на зеркальное отражение имени-отчества, а также на говорящие фамилии: Босой, то есть без обуви, и Бездомный, то есть без дома⁵²⁷):

---

⁵²⁴ Гипотеза о том, что не только Воланд, но и артист в смокинге являются авторскими двойниками, уже выдвигалась в 1993 году: «...нам представляется, что конферансье из главы “Сон Никанора Босого” (“симпатичный молодой человек”) – это опять же проекция самого автора. Булгаков, как известно, в 20-х гг. сам выступал как конферансье; описание внешности голубоглазого человека совпадает с описанием автобиографического героя “Записок юного врача” (*Абрахам П.* Роман «Мастер и Маргарита») М.А. Булгакова. Брно: Университет Масарика, 1993. С. 169 – 170). Действительно, в письме к сестре Надежде Земской от 18.04.1922 Булгаков сообщал: «...служу... временно конферансье в маленьком театре» (*Земская Е.А.* Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 294). Добавим, что «артисту в смокинге» как представителю ОГПУ предшествует образ из фельетона Булгакова «Похождения Чичикова» (1922), где автор видит себя во сне начальником следственной комиссии, который с помощью угроз наводит порядок и раскрывает мошенничества Чичикова и его сообщников в советской России. Поэтому отношение «артиста» к находящимся в тюрьме гражданам, подозреваемым в хранении валюты и драгоценностей, совпадает с отношением автора к гоголевским персонажам в «Похождениях Чичикова»: «Антракт, негодяи! <...> А под вашу полную достоинства личиною <...> скрывается жадный паук и поразительный охмурыло и врун» ~ «У вас служит негодяй Мурзофейкин? <...> Взрезать его [Чичикова], мерзавца! У него бриллианты в животе!».

⁵²⁵ Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 315.

⁵²⁶ Там же. С. 68.

⁵²⁷ На родство этих персонажей указывает еще ряд обстоятельств: оба пытаются «разъяснить» Воланда и Коровьева: «Кто вы такой? – холодно и глухо спросил Иван» = «Да вы кто такой будете? Как ваша фамилия? – всё суровее спрашивал председатель»; Иван Бездомный публиковался в журнале Берлиоза «Богоборец», а Босой – «член кружка “Безбожник”», но после убийства Берлиоза Бездомный уверовал в Воланда, а Босой после обнаружения валюты – в Коровьева: «...дело в том, что он, консультант, он, будем говорить прямо... с нечистой силой знается» = «Товарищи! – неистово закричал председатель, – держите их! У нас в доме нечистая сила!» (в первой же редакции Босой поверил и в Бога: «А в Бога Господа верую. <...> Верую с сего 10-го июня и во дьявола...»); Бездомный же, гоняясь за Воландом, прицепил себе на грудь иконку, а в руки взял церковную свечку); Бездомный заключен в 117-ю палату клиники Стравинского, а Босой – в 119-ю; и обоим в палате снятся сны, наведенные Воландом и Коровьевым: о казни Иешуа и о сдаче валюты в театре, пародирующей сцены Страшного Суда (об этом – ниже); причем сон Бездомного начинается сразу же после того, как заканчивается сон Босого.

1) Тут Никанор Иванович вспомнил все те страстные, все убедительные слова, которые он приготовил, пока влекся в тюрьму, и выговорил так:

– Богом клянусь...

Но не успел кончить, потому что зал ответил ему негодующим криком. Никанор Иванович заморгал глазами и замолчал.

– Нету валюты? – спросил молодой человек, с любопытством глядя на Никанора Ивановича.

– Нету! – ответил Босой⁵²⁸.

2) Иностранец откинулся на спинку скамейки и спросил, даже привизгнув от любопытства:

– Вы – атеисты?!

– Да, мы – атеисты, – улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, рассердившись: «Вот прицепился, заграничный гусь!»

<...>

– А дьявола тоже нет? – вдруг весело осведомился больной у Ивана Николаевича.

– И дьявола...

– Не противоречь! – одними губами шепнул Берлиоз, обрушиваясь за спину профессора и гримасничая.

– Нету никакого дьявола! – растерявшись от всей этой муры, вскричал Иван Николаевич не то, что нужно, – вот наказание!

Сравним: «с любопытством» = «от любопытства»; «А дьявола тоже нет?» = «Нету валюты?»; «Нету!» = «Нету никакого дьявола!» (причем в первом случае находится и более полная аналогия словам: «*Нету* никакого дьявола! <...> вскричал Иван Николаевич...» = «*Нету! Нету! Нету* у меня! – страшным голосом прокричал Никанор Иванович...»). И вопрос Воланда: «...как же быть с доказательствами бытия божия, коих, как известно, существует ровно пять?», – травестируется в вопросе ведущего: «...откуда же появились триста долларов, которые оказались в сортире?». Далее следуют похожие реплики: «Браво, правильно! – сказал молодой человек...» = «Браво! – вскричал иностранец, – браво!». А в окончательной редакции романа ответ ведущего на реплику Босого «Богом клянусь, что...»: «Насколько я понял вас, – заговорил ведущий программу, – вы хотели поклясться богом, что у вас нет валюты?», – вновь представляет собой зеркальный перевертыш вопроса Воланда: «Простите мою навязчивость, но я так понял, что вы, помимо всего прочего, еще и не верите в Бога?» («Насколько я понял вас» = «я так понял»; «вы хотели поклясться богом, что у вас нет валюты?» = «вы... не верите в бога?»). И если «гулкий бас с небес *весело* сказал: “Добро пожаловать, Никанор Иванович! Сдавайте валюту”», то и реплика Воланда, обращенная к буфетчику, описывается идентично: «Впрочем мы замечались! – *весело воскликнул* хозяин, – к делу, к делу! Вы, конечно, хотите, чтобы вам вернули настоящие деньги»⁵²⁹. Опять перед нами зеркальная ситуация: в первом случае «артист в смокинге» призывает сдавать валюту, а во втором «артист Воланд» готов вернуть буфетчику деньги. И в обеих сценах звучит церковный колокол: «Тут и приснилось Босому, что будто бы все лампионы загорелись еще ярче и даже где-то якобы тренькнул церковный колокол»⁵³⁰ ~ «Фагот! – крикнул хозяин. Голос его ударил как колокол, на столе звякнули бутылки, – ты что же там такое устроил с бумажками?»⁵³¹ (обратим еще внимание на похожие глаголы: *тренькнул* – *звякнули*).

А начало сна Босого: «...гулкий бас с небес весело сказал: “Добро пожаловать, Никанор Иванович! Сдавайте валюту!”», – повторяет обращение Воланда к только

⁵²⁸ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновинов романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 342.

⁵²⁹ Там же. С. 677.

⁵³⁰ Там же. С. 357.

⁵³¹ Там же. С. 677.

что очнувшись с похмелья Степе Лиходееву: «И тут в спальне прозвучал *тяжелый бас* неизвестного визитера: “*Доброе утро, симпатичнейший Степан Богданович!*”»⁵³²

Неудивительно, что сдача валюты во сне Босого приравнивается к Страшному Суду из Откровения Иоанна Богослова: «Началось с того, что Никанору Ивановичу привиделось, будто бы какие-то люди с золотыми трубами в руках подводят его, и очень торжественно, к большим лакированным дверям. У этих дверей спутники сыграли будто бы туш Никанору Ивановичу, а затем гулкий бас с небес весело сказал: “Добро пожаловать, Никанор Иванович! Сдавайте валюту!”» ~ «Я был в духе в день воскресный, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний; то, что видишь, напиши в книгу и пошли церквам, находящимся в Азии <...> Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною; и обратившись, увидел семь золотых светильников и, посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому, облеченного в подир и по персям опоясанного золотым поясом» (Откр. 1:10-13), «После сего я взглянул, и вот, дверь отверста на небе» (Откр. 4:1), «И я видел семь Ангелов, которые стояли пред Богом; и дано им семь труб» (Откр. 8:2), «И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить» (Откр. 8:5), «И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их» (Откр. 21:3). Сравним: «привиделось» = «то, что видишь»; «какие-то люди» = «семь Ангелов»; «с золотыми трубами» = «золотых светильников», «семь труб»; «к большим лакированным дверям. У этих дверей» = «дверь отверста на небе»; «сыграли будто бы туш» = «приготовились трубить»; «гулкий бас с небес» = «громкий голос с неба»; «весело сказал» = «говорил». Кроме того, Иоанн «дивился удивлением великим» (Откр. 17:6), а в романе: «Удивившись крайне, Никанор Иванович увидел над собою черный громкоговоритель»; и, наконец, «гулкий бас с небес» соответствует «тяжелому басу» Волада, который звучал во время сеанса черной магии в театре Варьете. Поэтому зрители, не желающие сдавать валюту, – это мертвецы, которые воскресают из мертвых во время Страшного суда: «И тут в лампах загорелся зловещий фиолетовый свет, отчего лица у зрителей стали как у покойников, и во всех углах закричали страшные голоса в рупорах: “Сдавайте валюту! Сдавайте!”»⁵³³ ~ «И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить!» (Откр. 8:13). Эффект усилен повторением слов: *Сдавайте... Сдавайте = горе, горе, горе* (кстати, если Босой во сне видит, что «лица у зрителей стали как у покойников», то и лицо самого Босого после того, как у него дома обнаружили валюту и повели в милицию, было таким же: «...председатель правления в сопровождении двух людей быстро проследовал в ворота дома и якобы шатался, как пьяный, и будто бы лицо у него было, как у покойника»; вариант 1933 года⁵³⁴). А суд, который творит над Дунчилом ведущий, приравниваемый к Христу, завершается символической отправкой грешника в ад: «Ступайте же теперь домой, и пусть тот ад, который устроит вам ваша супруга, будет вам наказанием». В редакции за 21.06.1935 этот эпизод выглядел так: «Вы, Сергей Герардович, охмурило и врун, – сурово сказал молодой человек, *уничтожая Дунчиля огненным взглядом*, – ступайте же теперь домой и постарайтесь исправиться!»⁵³⁵. Здесь можно увидеть, с одной стороны, отсылку к словам Иоанна Крестителя о Христе, который идет вслед за ним и который «*солону сожжет огнем неугасимым*» (Мф. 3:12), то есть уничтожит грешников; а с другой – парафраз Откровения Иоанна Богослова: «И ниспал огонь с неба

⁵³² Там же. С. 166.

⁵³³ Там же. С. 633.

⁵³⁴ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 69.

⁵³⁵ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. С. 344.

от Бога и пожрал их» (Откр. 20:9). Однако в той же редакции романа за 21.06.1935 при описании сна Босого наряду с нагнетанием страха появляется и противоположный мотив: «...Никанора Ивановича повели по светлым, широким коридорам, в которых из-под потолка лампы изливали ослепительный, радостный и вечный свет»⁵³⁶. Здесь вновь пародируется религиозный дискурс: «Когда же я был в пути и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня великий свет с неба» (Деян. 22:6), «Господь будет для тебя вечным светом» (Ис. 60:20). Таким образом, «программа», которую видит во сне Босой, полностью соответствует описанию Страшного Суда⁵³⁷. Между тем «артист в смокинге», являясь сотрудником ГПУ, в то же время пародирует самую известную в театральном мире фигуру – артиста и режиссера К.С. Станиславского с его знаменитой фразой «Не верю!», аллюзия на которую присутствует в романе: «Верю! – наконец воскликнул артист и погасил свой взор». Это же касается и совета Станиславского актерам: «Говорите глазу, а не уху партнера», – что тоже было обыграно Булгаковым: «...вы недооцениваете значения человеческих глаз. Поймите, что язык может скрыть истину, а глаза – никогда!».

Примечательно, что в варианте от 06.07.1936 вскоре после сюжета с чекистом (будущим «артистом в смокинге»), названным «распорядителем», Босому снился священник Аркадий Элладов, прототипом которого послужил митрополит Александр Введенский, сотрудничавший с ГПУ и открыто выступавший против патриарха Тихона⁵³⁸: «Тут и приснилось Босому, что будто бы все лампионы загорелись еще ярче и даже где-то якобы тренькнул церковный колокол⁵³⁹. И тут с необыкновенною ясностью стал грезиться Босому на сцене очень внушительный священник. Показалось, что

---

⁵³⁶ Там же. С. 340.

⁵³⁷ В целом же сюжет со сдачей валюты написан Булгаковым на основе рассказов одного из друзей: «...сам Булгаков был скромным покупателем торгсиновских сокровищ, а сцена садистского “уговаривания” держателей золота и валюты написана им со слов купеческого сына Н.Н. Лямина, сидевшего в Бутырской тюрьме и выслушивавшего “уговоры” лекторов-чекистов, соединявшиеся с соленой пищей и отсутствием воды. Даже тетка первой жены Лямина, купчиха Прохорова, сохранилась в романе как забавный персонаж, хотя, конечно, ничего смешного в бесчеловечном государственном грабеже “бывших” людей не было» (*Сахаров В.И.* Михаил Булгаков: загадки и уроки судьбы. М.: Жираф, 2006. С. 193 – 194). Действительно, Николай Лямин стал прототипом Николая Канавкина и Никанора Босого. Об этом сообщила Леониду Паршину вдова Лямина Наталия Ушакова: «Николая Николаевича тоже вызвали. Уж не знаю, почему они решили, что у нас что-то есть. Может быть, потому, что они уже вызывали первую жену Николая Николаевича – Александру Сергеевну Лямину, которая была из известной купеческой семьи Прохоровых, кроме того, у них уже сидела ее тетка. Николай Николаевич просидел там недели две. <...> Тетка эта, Прохорова, у них уже долго сидела. Какое-то ожерелье или кольцо они искали... не помню, чье оно и у кого было спрятано. И Николая Николаевича все время об этом спрашивали, но он от всего отказывался и говорил, что ничего не знает. <...> А первую жену Николая Николаевича тоже туда вызывали и тоже кольцо спрашивали, но они заранее договорились ни в чем не признаваться. <...> В общем, он ничего не говорил о тетке до тех пор, пока ее не провели перед ним. Тогда он убедился, что они ее все равно знают. <...> Потом у нас сделали обыск, но у нас, конечно, ничего не было, и они унесли две дешевые побрякушки со стекляшками вместо камней, и Николая Николаевича выпустили. И вот, он Булгакову обо всем этом подробно рассказывал, и тот написал эту главу про сон Никанора Ивановича почти слово в слово» (*Паршин Л.* Чертовщина в американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М.: Кн. палата, 1991. С. 167 – 170). Между тем «здесь Наталия Абрамовна несколько схитрила (что вполне понятно и оправданно для советского времени наших бесед). По материалам уголовного дела № П-43249, в 1931 году Лямин сдал золото и бриллианты на сумму 2000 рублей золотом» (Там же. С. 170). А фамилия тетки первой жены Лямина – Прохорова – стала основой для фамилии тетки Канавкина – Клавдии Пороховниковой.

⁵³⁸ См.: *Никольский С.В.* В невидимой части ассоциативного спектра... // Славяноведение. М., 1994. № 5. С. 33 – 34. *Он же.* В зеркале иронии и сатиры (скрытые мотивы и аллюзии в прозе М. Булгакова) // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 1995. Т. 54. № 2. С. 52 – 54.

⁵³⁹ Сравним: «И от престола исходили молнии и громы и гласы, и семь светильников огненных горели перед престолом, которые суть семь духов Божиих» (Откр. 4:5). Сходство здесь очевидно: «лампионы загорелись еще ярче» = «семь светильников огненных горели». А лампионы уже упоминались перед началом сеанса черной магии Воланда: «...черный жирный кот, который, войдя в уборную на задних лапах, совершенно непринужденно сел на диван, шурясь на оголенные гримировальные лампионы».

на священнике прекрасная фиолетовая ряса – муар, наперсный крест на груди, волосы аккуратно смазаны и расчесаны, глаза острые, деловые и немного бегают»⁵⁴⁰.

Эта картина напоминает увиденное буфетчиком Соковым в квартире Воланда: «Сквозь гардины на двух окнах лился в комнату странный свет, как будто в церкви в пламенный день через оранжевое стекло. <...> Хозяин этот раскинулся на каком-то возвышении, одетом в золотую парчу, на коей были вышиты кресты, но только кверху ногами. <...> На хозяине было что-то, что буфетчик принял за халат и что на самом деле оказалось католической сутаной, а на ногах черт знает что. Не то черные подштанники, не то трико. Все это, впрочем, буфетчик рассмотрел плохо. Зато лицо хозяина разглядел. Верхняя губа выбрита до синевы, а борода торчит клином. Глаза буфетчику показались необыкновенно злыми, а рост хозяина, раскинувшегося на этом... ну, Бог знает на чем, невероятным. “Внушительный мужчина, а рожа кривая”, – отметил буфетчик»⁵⁴¹ («церковный колокол» = «как будто в церкви»; «на сцене» = «на каком-то возвышении»; «наперсный крест» = «вышиты кресты»; «внушительный священник» = «Внушительный мужчина»; «ряса» = «сутаной»; «Показалось... глаза острые» = «глаза... показались... злыми»⁵⁴²). В обоих случаях дается описание священника – православного и католического, и оба сюжета связаны с днями. Аркадий Элладов говорит: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Православные христиане! Сдавайте валюту!»⁵⁴³. А Соков показывает Воланду резаную бумагу, в которую превратились червонцы с сеанса черной магии в Варьете. Причем Соков – это как раз «православный христианин» (пускай формально): «...богобоязненный буфетчик вздрогнул: стол был покрыт церковной парчой. На парчовой скатерти стояло множество бутылок – пузатых, заплесневевших и пыльных»; по выходе из квартиры он говорит женщине с зеленой сумкой: «Оставь меня, Христа ради»; а когда у него в руках оказался бархатный берет с петушиным пером, «буфетчик перекрестился».

Как видим, сотрудничающий с ГПУ священник Элладов, имеет общие черты не только с «артистом в смокинге» (чекистом), но и с дьяволом Воландом, что говорит о дьявольской природе советских спецслужб. Отметим также сходство Аркадия Элладова с дьяволом Рудольфом в повести «Тайному другу» (1929): «Он улыбнулся, он сильный человек, он *Torreador* из Гренады», – говорит Максудов. А вот что сообщает Босому его сосед: «Э, да это Элладов! Он, он. Отец Аркадий. Поп-умница, в преферанс играет первоклассно и люто проповеди говорить. Против него трудно устоять. Он как таран»⁵⁴⁴. Причем если Элладов назван «попом-умницей», то о Рудольфи Максудов говорит: «Дело в том, что у Рудольфи было всё: и ум, и сметка, и даже некоторая эрудиция, у него только одного не было – денег». А Элладов тоже призывал: «Православные христиане! Сдавайте валюту!». Соответственно, если против его проповедей «трудно устоять», то и против речей Рудольфи Максудов устоять не может: «Тут я перестал бунтовать и решил подчиниться Рудольфи».

В редакции 1933 года буфетчик после посещения квартиры Воланда бежит к церкви святого Николая, где также застаёт священника Аркадия Элладова: «Он ничего

---

⁵⁴⁰ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. С. 357 – 358. Позднее церковные реалии были убраны, однако след их остался: слова «тренькнул церковный колокол» превратились в «послышался мягкий звон колокольчика» и «золотой колокольчик».

⁵⁴¹ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 463.

⁵⁴² Надо сказать, что описание священника: «глаза острые, деловые и немного бегают», – восходит к булгаковскому фельетону «Киев-город» (1923): «Умолчу о том, как выглядит сверкающая митра в сочетании с белесым лицом и живыми беспокойными глазами, чтобы приверженцы автокефальной церкви не расстраивались и не вздумали бы сердиться на меня (должен сказать, что пишу я все это отнюдь не весело, а с горечью)». В то же время Аркадий Элладов является сатирическим персонажем, а «артист в смокинге», как и Воланд, является авторским рупором.

⁵⁴³ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. С. 358.

⁵⁴⁴ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастера и Маргарита». С. 317.

не помнил, ничего не видел, ничего не соображал и отдышался только в переулке, в который попал неизвестно зачем и неизвестно как.

Потом он увидел себя в церковном дворе, немножко полегчало, решил кинуться в церковь. <...> В церкви получил облегчение. Осмотрелся и увидел на амвоне стоящего знакомого, отца Аркадия Элладова. “Молебен отслужить!” – подумал буфетчик и двинулся к отцу Аркадию. Но сделал только один шаг.

Отец Аркадий вдруг привычным профессиональным жестом поправил длинные волосы...»⁵⁴⁵. Далее текст отсутствует, однако о действиях отца Аркадия можно догадаться по сохранившимся черновикам романа за 1928 – 1929 годы, где священника звали «отец Иван», прототипом которого стал тот же митрополит Введенский:

Буфетчик ввалился в двери, перекрестился жадно, носом потянул воздух и убедился, что в храме пахнет не ладаном, а почему-то нафталином. Ринувшись к трем свечечкам, разглядел физиономию отца Ивана.

– Отец Иван, – задыхаясь, буркнул буфетчик, – в срочном порядке... об избавлении от нечистой силы...

Отец Иван, как будто ждал этого приглашения, тылом руки поправил волосы, всунул в рот папиросу, взобрался на амвон, глянул заискивающе на буфетчика, осатаневшего от папиросы, стукнул подсвечником по аналою...

«Благословен Бог наш...» – подсказал мысленно буфетчик начало молебных пений.

– Шуба императора Александра Третьего, – нараспев начал отец Иван, – ненадеванная, основная цена 100 рублей!

– С пятаком – раз, с пятаком – два, с пятаком – три!.. – отозвался сладкий хор кастратов с клироса из тьмы.

– Ты что ж это, оглашенный поп, во храме делаешь? – суконным языком спросил буфетчик.

– Как что? – удивился отец Иван.

– Я тебя прошу молебен, а ты...

– Молебен. Кхе... На тебе... – ответил отец Иван. – Хватился! Да ты откуда влетел? Аль ослеп? Храм закрыт, аукционная камера здесь!

И тут увидел буфетчик, что ни одного лика святого не было в храме. Вместо них, куда ни кинь взор, висели картины самого светского содержания

– И ты, злодей...

– Злодей, злодей, – с неудовольствием передразнил отец Иван, – тебе очень хорошо при подкожных долларах, а мне с голоду прикажешь подышать? Вообще, не мучь, член профсоюза, и иди с Богом из камеры...⁵⁴⁶.

Здесь священник отождествлен с нечистью из Нового Завета, где бес обращается к Христу: «что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю Тебя Богом, не мучь меня» (Мк. 5:7) ~ «Вообще, не мучь, член профсоюза, и иди с Богом из камеры». Кстати, и чекист во время сна Босого просит Канавкина «не мучить» его: «Ну и видно, что у тетки есть валюта! Ну, чего ты меня зря терзаешь?»⁵⁴⁷. А отец Иван тоже говорил о валюте буфетчика: «...тебе очень хорошо при подкожных долларах, а мне с голоду прикажешь подышать?». Отметим и сходство в обращении отца Ивана к буфетчику и Воланда к Бездомному: «Да ты откуда влетел? <...> Храм закрыт, аукционная камера здесь! <...> и иди с Богом из камеры...» = «...чего ты торчишь здесь? Не подают здесь... Божий человек...»⁵⁴⁸. Таким образом, мы имеем цепочку из трех связанных друг с другом образов: дьявол Воланд; чекист, представляющий дьявольскую советскую власть; и священник, сотрудничающий с ГПУ.

⁵⁴⁵ Там же. С. 135.

⁵⁴⁶ Там же. С. 209 – 210.

⁵⁴⁷ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. С. 634.

⁵⁴⁸ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 516.

А то, что для Булгакова чекисты и священники, сотрудничавшие с советской властью, были явлениями одного порядка, подтверждает и Елена Сергеевна Булгакова (01.08.1969): «Любимый рассказ [ее мужа] в последние годы – о собственных похоронах. Первыми придут из ЧК, и показывал (она показала), руку протягивая вдове: – Какое горе! – и стук-стук пальцами по стене и т.д. Потом священник и дьякон явятся на отпевание, тоже переодетые чекисты. Во время богослужения “священник” – “дьякону”: “Запиши всех”. А потом понесут гроб и заденут его об этот выступ. Так и случилось, мы даже переглянулись»⁵⁴⁹.

Кстати, о злодеяниях чекистов Булгаков писал еще в 1919 году⁵⁵⁰.

Но, несмотря на это, отношение автора в «Мастере и Маргарите» к чекисту («артисту в смокинге»), разоблачающему *охмуряло и вруна* Дунчиля, – в высшей степени положительное, поскольку функция ГПУ – наказание виновных – совпадает с амплуа Воланда – наказанием грешников и восстановлением справедливоасти; поэтому «артист в смокинге» является точной копией Воланда, который демонстрирует столь же негативное отношение к *выжиге и плуту* Босому. При этом Дунчиль хранил у любовницы восемнадцать тысяч долларов, а у Босого в вентиляции чекисты обнаружат триста (в окончательной редакции – четыреста) долларов. Разница лишь в том, что чекист разбирается с Дунчилем напрямую, а Воланд, чтобы избавиться от Босого, прибегает к помощи ГПУ через посредство Коровьева.

---

⁵⁴⁹ Семанов С. Свидетельства Маргариты о Мастере // Литературная Россия. М., 2015. 23 февр.

⁵⁵⁰ Мих. Б. Советская инквизиция: Из записной книжки репортера // Киевское эхо. Киев, 1919. Авг. – сент.

Афраний – один из ликов Воланда?

Мы уже говорили о том, что когда Воланд протягивает Маргарите чашу с вином, в которое превратилась кровь только что убитого барона Майгеля, эта кровь замещает собой кровь другого предателя – Иуды, поскольку Коровьев говорит: «Не бойтесь, королева, *кровь давно ушла в землю*. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья». Именно так всё и произошло в романе Булгакова: Иуда был зарезан в Гефсиманском саду среди растений.

Таким образом, Майгель – это реинкарнация Иуды (как Иуда предал Христа, так и Майгель хотел донести на Воланда – нового Христа): «Да, кстати, барон, – вдруг интимно понизив голос, проговорил Воланд, – разнеслись слухи о чрезвычайной вашей любознательности» = «Очень добрый и любознательный человек, – подтвердил арестант, – он выказал величайший интерес к моим мыслям, принял меня весьма радушно...». И оба убиты по приказу Воланда: «...а Иуду я собственноручно зарезал в Гефсиманском саду, – прогнусил Азazelло»⁵⁵¹ = «А скажите, – обратилась Марго, оживившаяся после водки, к Азazelло, – вы его застрелили, этого бывшего барона? – Естественно, – ответил Азazelло, – как же его не застрелить? Его обязательно надо застрелить». В таком свете «лужа крови, которая вытекает у кота в сцене его мнимой комической гибели/воскресения и на месте которой затем выступает труп Майгеля, – это в действительности кровь Майгеля и Иуды»⁵⁵².

Но здесь возникает вопрос: как согласуется признание Азazelло в том, что он зарезал Иуду, с итоговой редакцией романа, где Иуду убивают подчиненные Афрания по приказу Пилата? Всё дело в том, что в «древних» главах, то есть в романе мастера, Воланд наделяется чертами всеведущего начальника тайной службы Афрания и едва ли не приравнивается к нему.

Разговаривая с Берлиозом, Воланд ведет себя так же, как Афраний во время беседы с Пилатом: «...и крикнул сурово: “Так, стало быть, так-таки нету?”» = «...и вдруг спросил сурово: “Так зарежут, игемон?”».

Воланд приказывает Азazelло отравить мастера и Маргариту, чтобы исполнить просьбу Иешуа – взять их в иной мир, а Афраний после убийства Иуды приказывает исполнителям забрать у мертвого кошелёк с деньгами и подбросить первосвященнику Каиафе: «Воланд поманил пальцем Азazelло, тот подскочил к лошади и выслушал то, что негромко приказал ему Воланд. И слышны были только слова: “В мгновение ока. *Не задержи!*”. Азazelло скрылся из глаз»⁵⁵³ = «Тогда третья фигура показалась на дороге. Этот третий был в плаще с капюшоном. “Все деньги здесь?” – спросил третий. “Все, – ответил первый убийца”. “*Не медлите*”, – приказал третий»⁵⁵⁴.

После убийства Майгеля с Воландом происходит точно такая же перемена в одежде, что и с Афранием после убийства Иуды: «Тогда произошла метаморфоза. Исчезла заплатанная рубаха и стоптанные туфли. Воланд оказался в какой-то черной хламиде со стальной шпагой на бедре» = «Теперь на лошадь вскочил человек в военной хламиде и с коротким мечом на бедре»⁵⁵⁵.

Кстати, в обоих случаях убийство совершено «при участии женщины»: Гелла по телефону сообщает Майгелю, что его ждут на бал «к двенадцати ночи», а Пилат

⁵⁵¹ Булгаков М.А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 6. М.: Голос, 1999. С. 681.

⁵⁵² Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Slavica Hierosolymitana. 1978. Vol. III. С. 237.

⁵⁵³ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. С. 278.

⁵⁵⁴ Там же. Т. 2. С. 451.

⁵⁵⁵ Эта параллель отмечена: Яновская Л. Понтий Пилат и Иешуа Га-Ноцри: в зеркалах булгаковедения // Вопросы литературы. 2010. № 3 (май – июнь). С. 69.

говорит Афранию, что Иуду «зарезут этой ночью», после чего тот подговаривает возлюбленную Иуды Низу позвать его в Гефсиманский сад. Отсюда – параллелизм между Геллой и Низой: в словаре Брокгауза и Ефрона написано, что именем Гелла на *греческом* острове Лесбос называли девушек-вампиров⁵⁵⁶, а Низа – *гречанка*. Гелла названа *красавицей*, а Иуде показалось, что лицо Низы – «самое красивое лицо, какое он когда-либо видел в жизни, стало еще красивее».

Дополнительное сходство между Воландом и Афранием отмечает Л. Яновская. По ее словам, в 4-й редакции романа «Воланд просматривал рукопись мастера: “Ну, теперь все ясно, – сказал Воланд и постучал длинным пальцем *с черным камнем на нем по рукописи*”».

В окончательном тексте этого камня на пальце Воланда не будет – он появится в другом месте, в диалоге Пилата с Афранием: “Но, во всяком случае, – озабоченно заметил прокуратор, и тонкий, длинный палец *с черным камнем перстня* поднялся вверх...”».

И в третий раз возникает загадочный перстень, по-видимому, этот самый:

“Благодарю вас за все, что сделано по этому делу”, – благодарит Пилат Афрания за достойное погребение Иешуа, но главным образом, конечно, за убийство Иуды. “...Тут прокуратор вынул из кармана пояса, лежащего на столе, *перстень* и подал его начальнику тайной службы, – прошу принять это на память”».

Драгоценный перстень, подаренный Пилатом Афранию, носит Воланд... Не потому ли, что Воланд (в личине Афрания!) его и получил – за убийство Иуды?

<...> перстень на пальце Воланда при диктовке на машинку Булгаков убрал. Но вот совпадение: именно тогда, когда убирается перстень, вводятся, при той же диктовке на машинку, поправки в описание одежды Афрания и Воланда...»⁵⁵⁷.

Если Воланд наделяется чертами Афрания, то непосредственными убийцами Иуды должна быть свита Воланда, что и объясняет реплику Аззелло: «...а Иуду я собственноручно зарезал в Гефсиманском саду». В самом деле, если Аззелло назван «необыкновенно широкоплечим» и «с атлетическими плечами», то один из убийц Иуды – коренастым: «...вместо Низы, отлепившись от толстого ствола маслины, на дорогу выпрыгнула мужская коренастая фигура, и что-то блеснуло у нее в руке и тотчас потухло. Иуда шархнул назад и слабо вскрикнул: “Ах!”».

Второй человек сзади преградил ему путь. Первый, что был впереди, торопливо спросил Иуду: “Деньги, которые получил от Каифы, с тобою? Говори, если хочешь сохранить жизнь!”»⁵⁵⁸. То, что первый убийца – это Аззелло, доказывает и аналогичная конструкция в сцене убийства барона Майгеля: «...мужская коренастая фигура, и что-то блеснуло у нее в руке» = «...что-то сверкнуло в руках Аззелло, что-то негромко хлопнуло как в ладоши, барон стал падать навзничь». Разница лишь в том, что Иуду Аззелло убивает ножом, а в Майгеля стреляет из пистолета, однако в редакции

---

⁵⁵⁶ Как сообщает словарь Брокгауза и Ефрона: «...къ подобнымъ же демоническимъ существамъ относятся *Эмпуза, Ламіи, Геллы* (на Лесбосѣ – безвременно погибшія дѣвушки-вампиры)» (Чародѣйство // Энциклопедическій словарь. Томъ XXXVIII. С.-ПЕТЕРБУРГЪ: Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, 1903. С. 397).

⁵⁵⁷ Яновская Л. Понтий Пилат и Иешуа Га-Ноцри: в зеркалах булгаковедения. С. 70, 72. Помимо того, Афрания – как глава тайной полиции – наделяется чертами одного из трех чекистов, пришедших в кабинет к профессору Персикову в повести Булгакова «Роковые яйца» (1924): «Один из них, приятный, круглый и очень вежливый, был в скромном, защитном военном френче и рейтузах...» ~ «Явившийся к Пилату человек был средних лет, с очень приятным округлым и опрятным лицом...», «...и выразив на своем бритом лице вежливую улыбку...», «...пришедшему к прокуратору понадобилось очень мало времени, и вскорости он появился на балконе в сухих сандалиях, в сухом багряном военном плаще и с пригладенными волосами» (сравним: «приятный, круглый» = «приятным округлым»; «вежливый» = «вежливую»; «военном френче» = «военном плаще»). Сходство отмечено: Яновская Л. Треугольник Воланда: Главы из книги // Октябрь. 1991. № 5. С. 201.

⁵⁵⁸ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 2. С. 450 – 451.

за 06.07.1936 Аззелло покидает этот мир, держа руку на ноже как на своем исконном оружии: «На фланге, скорчившись, как жокей, летел на хребте скакуна, звенел бубенцами, держал руку убийцы на ноже, огненно-рыжий Аззелло»⁵⁵⁹.

Также мы замечаем похожее описание убийства Иуды, избияния Варенухи (с которым вновь расправляются двое – Аззелло и Бегемот; а голову Бенгальскому, напомним, оторвал Бегемот по приказу Коровьева) и убийства Майгеля. Если у Варенухи «кровь из носу хлынула на толстовку», то в первом случае упоминалась «кровь, бьющая из груди Иуды», а в сцене убийства Майгеля читаем: «...алая кровь брызнула у него из груди и залила крахмальную рубашку и жилет. Коровьев подставил чашу под бьющуюся струю...». И оценка Афранием убийства Иуды: «Убит он с чрезвычайным искусством, прокуратор», – совпадает с тем, как Маргарита воспринимает убийство Майгеля Аззелло: «Впервые при ней с таким искусством и хладнокровием зарезали человека» (черновая запись от 16.11.1933⁵⁶⁰).

Аззелло «одним взмахом выдрал у Варенухи портфель из рук», а «человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель», причем далее тоже упоминался «взмах»: «И в тот же миг за спиной у Иуды взлетел нож и как молния ударил влюбленного под лопатку». Сравнение «как молния» будет реализовано во время избияния Варенухи: «Удару толстяка отозвался громовой удар в небе, в уборной блеснуло...» (а в руках у первого убийцы Иуды тоже «блеснуло»). Отметим и похожие вопросы, которые задаются жертвам убийства и избияния: «Деньги, которые получил от Каифы, с тобою?» ~ «Что у тебя в портфеле, паразит? <...> телеграммы?».

После удара ножа «Иуду швырнуло вперед, и руки со скрюченными пальцами он выбросил в воздух», а после избияния и превращения в вампира «Варенуха, карауля дверь, подпрыгивал возле нее, подолгу застревая в воздухе и качаясь в нем. Скрюченными пальцами он махал в сторону Римского, шипел и чмокал...».

Первым на параллелизм всех этих сцен обратил внимание Борис Гаспаров:

Тут заслуживают внимания в первую очередь помощники Афрания. Их у него четверо – трое мужчин и женщина. Один из помощников руководит похоронами Иешуа, двое других (и женщина) участвуют в убийстве Иуды. Первого мы не видим непосредственно и узнаем о нем (со слов Афрания) только то, что его зовут «Толмай» (ср. ампула «переводчика» у Коровьева – «толмач»). Далее, гречанка Низа сопоставляется с Геллой, имя которой содержит отсылку к легенде о Фриксе и Гелле (отсылку, подтверждаемую ампула «утопленницы» у Геллы).

О внешности двух убийц мы узнаем только то, что один из них был «коренастым» (ср. неоднократно отмечаемый маленький рост кота и Аззелло, сохраняющийся во всех метаморфозах). Мизансценически убийство Иуды обнаруживает ряд параллелей с избиянием Варенухи: и в том, и в другом случае действие происходит в укромном месте, в глубине сада, перед жертвой возникают двое, они поочередно наносят удар и овладевают добычей – «сокровищем», которое было у жертвы убийства/избияния. При этом сопоставление ряда деталей имеет пародийный и комический характер: Гефсиманский сад – уборная театра Варьете; деньги, полученные Иудой за предательство, – портфель с бумагами, которые Варенуха несет в «одно учреждение». Но, помимо пародийной функции, данный параллелизм выявляет, кто были убийцы Иуды. Что касается роли самого Афрания в убийстве Иуды, то, помимо проявленного им всеведения и «изумляющей всех исполнительности», характерной является деталь с печатями: Афраний спокойно срывает храмовую печать, которой запечатан кошелек Иуды, так как у него имеются все печати (ср. эпизоды с опечатанной квартирой Берлиоза).

Возвращаясь, однако, к самой сцене убийства, обратим внимание также на то, что один из убийц обнаружил необыкновенную меткость, приняв падающего Иуду на нож и попав прямо в сердце (Афраний говорит Пилату, что Иуда был убит «с большим искусством»). Ср. разговор на балу у Воланда о необыкновенной меткости Аззелло, о том, что он попадает без промаха «в любое предсердие сердца или в любой из желудочков». Данный разговор

⁵⁵⁹ Там же. Т. 1. С. 356.

⁵⁶⁰ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 156.

возникает в связи с убийством барона Майгеля, которого Аззелло застрелил, обнаружив такое же необыкновенное искусство, как и при убийстве Иуды, – изменилось только, в соответствии с костюмом, оружие убийства. В связи с этим возникает также параллель Майгель – Иуда, и не просто сходство ампула доносчика (и притом занимающегося иностранцами – ср. отношения Иуды и Иешуа, недавно пришедшего в Ершалаим), но также мотивный параллелизм, позволяющий отождествить данные два образа как два коррелята мифологического повествования.

Действительно, сцены убийства Майгеля и Иуды имеют целый ряд общих деталей: праздничный, парадный костюм убитого; поза, в которой лежит убитый (труп Майгеля обнаружен «с заданным кверху подбородком» – Иуда лежит лицом вверх и с раскинутыми руками). Интересно также то, что Майгель назван *бароном*; с этим сопоставляется имя Иуды из Кириафа (т.е. «von Kyriath»). Наконец, перед убийством Воланд заявляет Майгелю о том, что *ходят слухи*, что его как наушника и шпиона ждет печальный конец «не далее, как через месяц»; совершенно аналогичным образом Пилат побуждает к убийству Иуды словами о том, что ему «стало известно», что Иуда будет убит⁵⁶¹.

А во многом одинаковое описание Воланда и Афрания (начальника тайной службы Пилата) симметрично одинаковому описанию Воланда и «артиста в смокинге» (чекиста) из сна Босого. Это говорит о том, что советская власть – дьявольская по своей природе и такая же всемогущая и всеведущая. Кстати, уже в повести «Записки на манжетах» (1922 – 1923) встречалось выразительное описание чекиста во френче и галифе, обладавшего таким же пронизывающим взглядом, что и «артист в смокинге»: «Наробраз. Литколлегия. Ходит какой-то между столами. В сером френче и чудовищном галифе. Вонзается в группы, и те разваливаются. Как миноноска, режет воду. На кого ни глянет – все бледнеют. Глаза под стол лезут. <...> Подошел. Просверлил глазами, вынул душу, положил на ладонь и внимательно осмотрел. Но душа – кристалл! Вложил обратно. Улыбнулся благосклонно. – Завлито? – Зав. Зав. Пошел дальше». Сравним в романе: «Ведущий программу уставился прямо в глаза Канавкину, и Никанору Ивановичу даже показалось, что из этих глаз брызнули лучи, пронизывающие Канавкина насквозь, как бы рентгеновские лучи. В зале перестали дышать. “Верю! – наконец воскликнул артист и погасил свой взор. – Верю! Эти глаза не лгут».

Что же касается источника имени «Афраний», то он содержится в книге Эрнеста Ренана «Антихрист» (1907), где есть описание ареста апостола Павла в Риме:

Обыкновенно префектовъ преторіи было два, но въ описываемый моментъ налицо былъ только одинъ. Съ 51-го года этотъ важный постъ былъ занятъ благороднымъ Афраніемъ Бурромъ, которому годъ спустя пришлось искупить весьма печальной смертью преступное желаніе дѣлать людямъ добро, считаясь со зломъ. Навѣрно Павелъ не имѣлъ съ нимъ никакихъ прямыхъ сношеній. Возможно однако, что гуманное обращеніе съ апостоломъ въ преторіи объясняется тѣмъ благодѣтельнымъ влияніемъ, какое оказывалъ на окружающихъ этотъ справедливый и добрый человекъ. <...> Въ мартѣ 62-го года умеръ Бурръ...⁵⁶².

Кроме того, Булгакова не могло не привлечь созвучие *Афраний* – *Агранов*, так как замначальника Секретного отдела ОГПУ СССР Яков Агранов был столь же всеведущ, как Афраний: «Об Агранове Булгаков говорил, что он друг Пильняка, что он держит в руках “судьбы русских литераторов”, что писатели, близкие к Пильняку и верхушкам Федерации, всецело в поле зрения Агранова, причем ему даже не надо видеть писателя, чтобы знать его мысли (“Я не шепотом в углу выражал эти мысли”))» (агентурно-осведомительная сводка 5-го Отделения СООГПУ от 10.11.1928⁵⁶³).

⁵⁶¹ Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Slavica Hierosolymitana. 1978. Vol. III. С. 235 – 237.

⁵⁶² Ренанъ Э. Исторія первыхъ вѣковъ христіанства. Томъ четвертый: Антихристъ / Переводъ съ французскаго М.А. Энгельгардта. С.-ПЕТЕРБУРГЪ: Изданіе Н. Глаголева, 1907. С. 32 – 33.

⁵⁶³ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Голос, 2000. С. 226.

Общие мотивы в «Мастере и Маргарите», «Двенадцати стульях» и «Золотом теленке» (продолжение)

Помимо Остапа Бендера, на Воланда отчасти похож и Генрих-Мария Заузе из «Золотого теленка» (глава «На суше и на море»).

Оба – немцы (Генрих Заузе и Теодор Воланд⁵⁶⁴); инженеры (вспомним раннюю редакцию «Мастера и Маргариты» – «Копыто инженера»); и специалисты: первый – в области механизации лесного хозяйства, а второй – в области черной магии.

Оба говорят с акцентом, хотя у Воланда акцент – притворный. При этом Заузе разговаривает с Бендером и Балагановым так же, как Воланд – с Берлиозом и Бездомным: «...правой рукой он подтащил к себе поближе Балаганова и произнес перед ними большую страстную речь» = «...профессор поманил обоих к себе и, когда они наклонились к нему, прошептал: “Имейте в виду, что Иисус существовал”».

Обратим также внимание на сходство между Вечным Жидом из рассказа Остапа («Золотой теленок»; глава «Позвольте войти наемнику капитала!») и Воландом.

Если первый «присутствовал на историческом заседании, где Колумбу так и не удалось отчитаться в авансовых суммах, взятых на открытие Америки», то второй «лично присутствовал при всем этом. И на балконе был у Понтия Пилата...».

Вечный Жид «еще совсем молодым человеком... видел пожар Рима», а Воланд сравнивает пожар в Грибоедове с пожаром Рима в 64-м году н.э.: «Мощное зрелище, – заговорил Воланд, – то здесь, то там повалит клубами, а потом присоединяются и живые трепещущие языки. Зелень сворачивается в трубки, желтеет. И даже здесь ветерок припахивает гарью. До некоторой степени это напоминает мне пожар Рима»⁵⁶⁵.

Вечный Жид «бывал везде: и на Рейне, и на Ганге, и на Миссисипи, и на Ян-Цзы, и на Нигере, и на Волге. И не был только на Днепре», а Воланд также называет себя путешественником, который посетил множество стран.

Оба носят рыцарскую одежду: Вечный Жид «штаны эти купил по случаю восемьсот лет назад в Палестине у какого-то рыцаря, отвоевавшего Гроб Господень», а Воланд на балу «оказался в какой-то черной хламиде со стальной шпагой на бедре».

Но поскольку Остап является двойником Воланда, Вечный Жид – это еще и сам Остап, носящий еврейскую фамилию «Бендер» и наделяющий своего героя собственными несбыточными мечтами: «Не так давно старик проживал в прекрасном городе Рио-де-Жанейро, пил прохладительные напитки, глядел на океанские пароходы и разгуливал под пальмами в белых штанах»⁵⁶⁶ (кстати, *стариком* Остап назовет

---

⁵⁶⁴ Впрочем, «фамилии Заузе и Бомзе – одесского происхождения (Заузе был художником, Бомзе – коммерсантом)» (Ильф А. Комментарии не излишни! // Ильф И., Петров Е. Как создавался Робинзон: Фельетоны и рассказы. М.: Текст, 2010. С. 466); «Безусловно, он [Ильф] проходил мимо Аптекарского и парфюмерного склада М.Я. Бомзе (ул. Кондратенко, бывш. Полицейская) <...> Генрих Мария Заузе, специалист из Германии (Золотой теленок), над происхождением фамилии которого напрасно бились американские слависты, обязан ею одесскому художнику В.Х. Заузе (1859 – 1939)» (Ильф А.И. Илья Ильф: Линия жизни 1897 – 1927 // Илья Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа. М.: Текст, 2004. С. 24). А Воланд в ранней редакции «Мастера и Маргариты» обращается к Ивану Бездомному с черноморским акцентом: «...трепаться, братишка, нечего было, – закричал он сердито, переходя абсолютно непонятым образом с немецкого на акцент черноморский» (Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 496).

⁵⁶⁵ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 170.

⁵⁶⁶ Между тем Остап наделил Вечного Жида еще и чертами другого еврея – Михаила Самуэлевича Паниковского, который часто жаловался на жизнь, за что сам великий комбинатор называл его «вздорный старик»: «...около двух тысяч лет этот пошлый старик шатался по всему миру, не прописываясь в гостиницах и надоедая гражданам своими жалобами на высокие железнодорожные тарифы, из-за которых ему приходилось ходить пешком» (отмечено: Каганская М., Бар-Селла З. Мастер Гамбс и Маргарита. С. 162). Следовательно, Вечный Жид – это собирательный образ Бендера и Паниковского.

себя при попытке перехода через румынскую границу: «Я *старый профессор*, бежавший из полуподвалов московской чека!»; а Левий Матвей назовет Воланда *старым софистом*; сам же Воланд представляется Лиходееву: «*Профессор* черной магии Воланд»). И далее Остап с точностью предсказывает свою судьбу: «Аккурат в 1919 году Вечный Жид в своих рыцарских брюках нелегально перешел румынскую границу. Стоит ли говорить о том, что на животе у него хранились восемь пар шелковых чулок и флакон парижских духов...», – поскольку в 1930 году Остап попытается точно так же перейти румынскую границу, но в противоположном направлении, и у него «на животе» тоже будет множество ценных вещей, в том числе и «рыцарские брюки»: «Один раз странный человек зацепился за мокрый корень и упал на живот. Тут раздался такой громкий звук, будто свалился на паркет рыцарский доспех. <...> Весь этот чудесный груз должен был обеспечить командору легкую, безалаберную жизнь на берегу теплого океана, в воображаемом городе детства, среди балконных пальм и фикусов Рио-де-Жанейро» (а «восемь пар шелковых чулков и флакон парижских духов» отсылают к первой встрече Бендера с Воробьяниновым в дворницкой, во время которой великий комбинатор проводил психологическую обработку своего будущего компаньона: «Тепло теперь в Париже? Хороший город. У меня там двоюродная сестра замужем. Недавно прислала мне шелковый платок в заказном письме»).

Помимо того, оба героя не хотят жить вечно: «Вчера на улице ко мне подошла старуха и предложила купить вечную иглу для примуса. Вы знаете, Адам, я не купил. Мне не нужна вечная игла, я не хочу жить вечно. *Я хочу умереть*» = «“А вот поставьте его к стенке”, – ласково сказал куренной. “Но ведь я же Вечный!” – закричал старик. *Две тысячи лет он нетерпеливо ждал смерти*, а сейчас вдруг ему очень захотелось жить». И судьба их постигает почти одинаковая: Вечного Жида «на берегу Днепра» зарубили петлюровцы, а Остап «до самого Днестра дошел без приключений», но там его избили румынские пограничники, при этом еще и ограбив (различается лишь вектор путешествий героев: Вечный Жид шел со свободного Запада в несвободный Советский Союз, а Остап – наоборот). Так что можно согласиться с мнением Юрия Щеглова, который писал: «В лице Вечного Жида обращаются в пыль многие ценности старой цивилизации, в том числе и такие, в которые верил Бендер, – ср. упоминания о Риме, Китае, Индии, Колумбе, Рио-де-Жанейро и др.»⁵⁶⁷.

Помимо Вечного Жида, Остапа кое-что роднит и с другим стариком – Федором Хворобьевым, названным «монархистом-одиночкой». О себе же Остап рассказывал, что он был «мистиком-одиночкой» (глава «Телеграмма от братьев Карамазовых»).

Оба негативно относятся к советской власти, причем обещание Остапа Хворобьеву устранить ее: «Я вам помогу <...> как только советской власти не станет, вам сразу станет как-то легче», – использует Евгений Шварц в своей пьесе «Дракон» (1943), где Ланцелот говорит бургомистру: «Вот я убью дракона, и вам станет легче».

У бургомистра «нервы... в ужасном состоянии», а у Хворобьева – говорящая фамилия: хвороба, болезни. И действительно, он страдает от «советских» снов, от чего его нервы также расшатались, и он проклинает советскую власть, перефразируя Тютчева: «Все отняла у меня советская власть, – думал бывший попечитель учебного округа, – **чины, ордена, почет и деньги в банке**. Она подменила даже мои мысли! Но есть такая сфера, куда большевикам не проникнуть. Это сны, ниспосланные человеку богом. Ночь принесет мне успокоение. В своих снах я увижу то, что мне будет приятно увидеть. <...> Федор Никитич проснулся среди ночи. *Он помолился богу*, указав ему, что, как видно, произошла досадная неувязка, и сон, предназначенный для ответственного, быть может, даже партийного, товарища, попал не по адресу» ~ «Всё отнял у меня казнящий бог: / **Здоровье, силу воли, воздух, сон**, / Одну тебя при мне оставил он, / *Чтоб я ему еще молиться мог*» (1873). В целом же тема снов Хворо-

⁵⁶⁷ Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. Т. 2. Золотой теленок. Wien, 1991. С. 640.

бьева восходит к записи Ильфа за июнь – сентябрь 1929 года: «Последнее утешение он хотел найти в снах, но даже сны стали современными и злободневными»⁵⁶⁸.

А основным литературным прототипом монархиста Хворобьева послужил «старый Дыркин, бывший столоначальник какого-то бывшего железнодорожного присутствия» из «Святочного рассказа» (1927) Евгения Петрова⁵⁶⁹, поскольку оба героя мечтают о царских временах: «Эх! – горько думал старый Дыркин <...> “Да разве это сочельник?! <...> Целый день ходил, как дурак, в окна заглядывал и ни одной елки не увидел”. <...> Дыркин сел в ближайший сугроб и замечтался. И представил себе глупый Дыркин, что он сидит в своем железнодорожном присутствии и принимает посетителей» ~ «По целым дням просиживал монархист-одиночка над обрывом и, глядя на город, старался думать о приятном: о молебнах по случаю тезоименитства какой-нибудь высочайшей особы, о гимназических экзаменах и о родственниках, служивших по министерству народного просвещения» («Целый день» = «По целым дням»; «сел в ближайший сугроб» = «просиживал... над обрывом»; «замечтался» = «старался думать о приятном»); «Хорошо! – мечтает Дыркин» ~ «Ах, как хорошо, – сказал старик»; «...старый Дыркин поплелся к месту своей старинной службы. На дверях Дыркин увидел табличку “Правление Энской дороги”. – “Ах ты боже мой! – пробормотал Дыркин, дрожа от волнения. – И домик тот, и двери те же, и вестибюль...”» ~ «Ах ты, господи! – заволновался старик» («старый» = «старик»; «Ах ты боже мой!» = «Ах ты, господи!»; «дрожа от волнения» = «заволновался»).

В обоих случаях фигурируют близкие даты – 2 и 3 февраля: «“А под сукном бумажки. Милые, заветные бумажки! Вот одна маленькая от 2 февраля 1883 г.”» ~ «А не снился ли вам приезд государя-императора в город Кострому? – В Кострому? Было такое сновиденье. Позвольте, когда же это, ну да, 3 февраля этого года».

Кроме того, Дыркин «постукивал беззубыми деснами», а о Хворобьеве сказано, что он «зашамкал»; Дыркин, «покачиваясь на худых старческих ногах <...> поплелся к месту своей старинной службы», а Хворобьев, «шаркая ногами, побежал по тропинке вокруг дома»; и если Дыркин говорит чиновнику, сидевшему в «Правлении Энской дороги»: «*Милый!* – прохрипел Дыркин. – Миленький ты мой! Потешил старичка на старости лет», – то и Хворобьев воспринимает Остапа как «милого»: «Одуревший от тяжелых снов монархист охотно разрешил *милому* и отзывчивому молодому человеку воспользоваться сараем». Вместе с тем старого Дыркина автор прямо называет глупым и вообще не считает за человека, а старик Хворобьев характеризуется уже не столь прямолинейно и вызывает сочувствие. Кроме того, Дыркин, тоскуя по старым временам, предстает в своих мечтах как царский чиновник-самодур: «Молчать! – кричит Дыркин. – Не разговаривать! Приходить через неделю!», – подобно советскому чиновнику из другого рассказа Петрова, написанного в 1927 году: «Молчать! – крикнул Уродоналов, багровея. – Без доклада не входить! Не курить! Не плевать! Не сорить! Рукопожатия отменены! Обратитесь к секретарю!...»⁵⁷⁰.

Как мы уже убедились, рассказ Бендера о Вечном Жиде автобиографичен, но то же самое можно сказать и про другой рассказ Остапа – о гусаре-схимнике Алексее Буланове («Двенадцать стульев»; глава «Знойная женщина, мечта поэта»).

Во-первых, *схимник*, то есть «монах-отшельник, принявший схиму – особый монашеский чин, налагавший строгие правила поста и молитвы»⁵⁷¹, отсылает к признанию Остапа в «Золотом теленке»: «Я сам когда-то был *мистиком-одиночкой* и дошел до такого состояния, что меня можно было испугать простым финским ножом» (глава «Телеграмма от братьев Карамазовых»).

⁵⁶⁸ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 230.

⁵⁶⁹ Петров Е. Даровитая девушка: Ранние рассказы и фельетоны. М.: Правда, 1961. С. 21 – 23 (Б-ка журнала «Огонек», № 50).

⁵⁷⁰ Петров Е. Сильная личность // Смехач. М., 1927. № 8. Февр. С. 8.

⁵⁷¹ Гоголь Н.В. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М. – Л.: ГИХЛ, 1931. С. 224.

Во-вторых, Алексей Буланов является *графом*, а в придуманной Остапом эпитафии на своем надгробном памятнике есть фраза: «Мать покойного была *графиней* и жила нетрудовыми доходами» («Двенадцать стульев»; глава «И др.»).

В-третьих, железные вериги, которые надел Буланов: «Говорили, что граф-монах носит вериги *в несколько пудов*», – травестируются в концовке «Золотого теленка» в тяжелые драгоценности, которые Остап попытался пронести на себе через румынскую границу: «Полы балахона намокли и весили *несколько пудов*».

В-четвертых, сражение схимника с *клопами* очень напоминает драку Остапа с румынскими пограничниками, которых он называет *пауками*.

В-пятых, потерпев неудачу со своей схимой, Буланов «служит кучером конной базы Московского коммунального хозяйства», а Остап после неудачной попытки перейти румынскую границу решил «переквалифицироваться в управдомы» (в рукописи, подготовленной для журнальной публикации: «в дворники»).

В-шестых, Воробьянинов не узнал старика-кучера Буланова, увиденного им в окно, а мысли этого кучера разделит и Остап: «Граф Алексей Буланов был сильно озабочен. Нахлестывая лошадей, он грустно размышлял о бюрократизме, разъедающем ассенизационный подотдел...» = «Что за банальный, опротивевший всем бюрократизм!» («Золотой теленок»; глава «На суше и на море»). Данный мотив встречается и в разных фельетонах Евгения Петрова, например: «Сказать, что всё это – бюрократизм, волокита, буквоедство, казуистика, крючкотворство?»⁵⁷².

Можно также предположить, что отрицательное отношение Остапа к религии и его неверие в Бога вызваны негативным опытом религиозного затворничества, о чем он и поведал Воробьянинову, рассказав о себе в третьем лице (как о гусаресхимнике) и от первого лица (как о «мистике-одиночке»).

Подобным приемом Остап пользовался довольно часто. Например, при первой встрече с Воробьяниновым в дворницкой он начал заваливать его историями о своих якобы знакомых, которые нелегально переходили границу, подделывали доллары и сидели в допре, а на самом деле излагал факты собственной биографии: «Уместно допустить, что Бендер, намекали авторы, очередной раз осужденный за мошенничество или аналогичного типа преступление на срок не менее шести месяцев и не более двух лет, отбывал указание на Украине – в допре, как и полагалось. Например, был арестован в августе или сентябре 1926 года, почему, кстати, оказался без пальто, и освобожден в апреле 1927 года»⁵⁷³.

Возвращаясь к образу Алексея Буланова, следует заметить, что у него был конкретный прототип – иеросхимонах Антоний (в миру – лейб-гусар Александр Булатович). На этот счет имеется «наблюдение И. Кацнельсона, указавшего, что подробности абиссинских путешествий Булатовича Ильф и Петров могли почерпнуть из его иллюстрированной биографии, опубликованной в № 9 журнала “Искры” за 1914 год. По устному свидетельству А.И. Ильф, соответствующий номер этого журнала (ныне утраченный) хранился в семье Ильфа до войны»⁵⁷⁴.

Эту информация подтверждается соответствующими переключками с романом «Двенадцать стульев».

Уже самая первая реплика Остапа: «Блестящий гусар, граф Алексей Буланов, как правильно сообщил Бендер, был действительно героем аристократического Петербурга», – отсылает к упомянутой публикации в журнале «Искры», на первой странице которого помещен портрет с подписью: «А.К. Булатович, герой аристократиче-

⁵⁷² Петров Е. Зачем мамаша родила меня ревизором? // Гудок. М., 1927. 19 апр. № 88. С. 3. Приведем название еще одного рассказа: Е.П. В бюрократической паутине // Гудок. М., 1928. 14 авг. № 187. С. 3.

⁵⁷³ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев: Первый полный вариант романа с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана. М.: Вагриус, 1999. С. 470.

⁵⁷⁴ Лекманов О. О чем могли (бы) поговорить Владимир Нарбут и Александр Булатович // Звезда. СПб., 2007. № 1. С. 164.

скаго Петербурга»⁵⁷⁵. Причем портрет этот точно описан Остапом: «Очень часто на страницах иллюстрированных журналов появлялся фотографический портрет красавца-гусара – куртка, расшитая бранденбурами и отороченная зернистым каракулем, высокие прилизанные височки и короткий победительный нос». Над портретом дана краткая биография Булатовича, где есть такой факт: «Въ 1897 году Булатовичъ въ отрядѣ абиссинскаго негуса Менелика участвовалъ въ сраженіяхъ съ дикими африканскими племенами. Неоднократно бывалъ на волосокъ отъ смерти». Эта подробность перешла в рассказ Остапа с незначительными изменениями: «Он был дерзок и смел. Он помогал абиссинскому негусу Менелику в его войне с итальянцами». А на 66-й странице того же номера «Искр» помещена история Булатовича в фотографиях, и под самой первой из них – подпись: «А.К. Булатовичъ передъ поступленіемъ въ монашество. Рядомъ съ нимъ – абиссинецъ Васька, котораго Булатовичъ спасъ отъ смерти во время одного изъ своихъ походовъ въ Абиссиніи, привезъ въ Россію и воспитывалъ до своего поступленія въ монашество. Теперь Васька находится въ Абиссиніи, и Булатовичъ собирается ѣхать къ нему»⁵⁷⁶. Все эти детали также нашли отражение в рассказе Остапа: «Он сидел под большими абиссинскими звездами, закутавшись в белый бурнус, и глядел в трехверстную карту местности. <...> У ног его сидел новый друг, абиссинский мальчик Васька. Разгромив войска итальянского короля, граф вернулся в Петербург вместе с абиссинцем Васькой». Когда же граф принял монашескую схиму, «княгиня Балтийская познакомилась с итальянским певцом, а абиссинец Васька уехал на родину».

Остальные детали биографии Алексея Буланова пародируют затворничество отца Сергия из одноименной повести Льва Толстого (1898), о чем рассказал гудковец Арон Эрлих: «Задолго до того, как два молодых автора сговорились писать вместе, я слышал изустные, на потеху товарищам сочиняемые, пародии то Ильфа, то Петрова. Темой этих пародий служили <...> веселые домыслы о том, что было бы с толстовским отцом Сергием, если бы тот дожил в своих религиозно-аскетических самоистязаниях до наших дней... <...> В другой раз мы знакомимся со вставной новеллой про гусара-схимника, графа Алексея Буланова, великолепного кавалериста и кутилу, красавца и богача <...> А некогда эту историю Петров импровизировал лишь в кругу нескольких своих товарищей по “Гудку”»⁵⁷⁷. Таким образом, идея вставной новеллы витала в воздухе еще до того, как будущие соавторы приступили к написанию романа «Двенадцать стульев».

***

В «Золотом теленке» Александр Корейко воспринимает действия Остапа и его посланника Паниковского по отношению к себе как чертовщину: «С этой вот встречи началась чертовщина. <...> Нищий. Ночные телеграммы. Книга о миллионах. Мнимый слепой. И наконец – нападение. *Чертовщина продолжалась*». И то же самое сказано о Берлиозе и Лиходееве с супругами, вселившимся в квартиру № 50: «Совершенно естественно, что, как только они попали в окаянную квартиру, и у них началось черт знает что». А после столкновения с Воландом Лиходеев думает: «Тут и чертовщина с черным беретом, холодной водкой и невероятным контрактом, – а тут еще ко всему этому, не угодно ли, и печать на двери!».

Однако и Остап – как человек – сталкивается с чертовщиной в виде суматохи на 1-й Черноморской кинофабрике:

---

⁵⁷⁵ Гусарь-схимникъ // Искры: Иллюстрированный художественно-литературный журналъ съ карикатурами. М., 1914. 2 марта. № 9. С. 1.

⁵⁷⁶ «Имеславцы» // Искры: Иллюстрированный художественно-литературный журналъ съ карикатурами. М., 1914. 2 марта. № 9. С. 66.

⁵⁷⁷ Эрлих А. Нас учила жизнь: Литературные воспоминания. М.: Сов. писатель, 1960. С. 92 – 93.

Между тем беготня по лестницам, *кружение, визг и гоготанье* на 1-й Черноморской кинофабрике достигли предела. Адъютантши *скалили зубы*. Помрежи вели *черного козла*, восхищаясь его фотогеничностью. Консультанты, эксперты и хранители чугунной печати сшибались друг с другом и *хрипло хохотали*. Пронеслась курьерша *с помелом*. Великому комбинатору почудилось даже, что один из ассистентов-аспирантов в голубых панталонах *взлетел над толпой* и, обогнув люстру, уселся на карнизе.

И в ту же минуту раздался бой вестибюльных часов. «Бамм!» – ударили часы.

Вопли и клекот потрясли стеклянное ателье. Ассистенты, консультанты, эксперты и редакторы-монтажеры катились вниз по лестницам. У выходных дверей началась свалка.

«Бамм! Бамм!» – били часы.

Тишина выходила из углов. Исчезли хранители большой печати, заведующие запятыми, администраторы и адъютантши. Последний раз мелькнуло *помело* курьерши.

«Бамм!» – ударили часы в четвертый раз.

В ателье уже никого не было. И только в дверях, зацепившись за медную ручку карманом пиджака, бился, жалобно визжал и рыл *копытцами* мраморный пол ассистент-аспирант в голубых панталонах. Служебный день завершился. С берега, из рыбацкого поселка, донеслось *пенье петуха*.

Вне всякого сомнения, здесь дано описание сатанинского шабаша, которое совпадает с описанием шабаша ведьм и бала у сатаны в «Мастере и Маргарите»:

1) «Пронеслась курьерша *с помелом*» = «Маргарита же пронзительно свистнула и, оседлав подлетевшую *щетку*, перенеслась над рекой на противоположный берег»;

2) «Помрежи вели *черного козла*, восхищаясь его фотогеничностью» = «Кто-то *козлогий* подлетел и припал к руке, раскинул на траве шелк, осведомляясь о том, хорошо ли купалась королева, предложил прилечь и отдохнуть»;

3) «Исчезли хранители большой печати, заведующие запятыми, администраторы и адъютантши. Последний раз мелькнуло *помело* курьерши. <...> В ателье уже никого не было. <...> Служебный день завершился» = «Островок опустел. В лунном пылении растворились *улетевшие ведьмы*»;

4) «Исчезли хранители большой печати, заведующие запятыми, администраторы и адъютантши. <...> С берега, из рыбацкого поселка, *донеслось пенье петуха*» = «Ей показалось, что *кричат оглушительные петухи*, что где-то играют марш. Толпы гостей стали терять свой облик. И фрачники и женщины распались в прах»;

5) «*Вопли и клекот* потрясли стеклянное ателье» = «*Дамы с визгом и воплем*: – Кольяк! – кинулись от краев бассейна за колонны»;

6) «Великому комбинатору почудилось даже, что один из ассистентов-аспирантов в голубых панталонах *взлетел над толпой* и, обогнув люстру, уселся на карнизе» = «Маргарите показалось, что она *пролетела где-то*, где видела в громадных каменных прудах горы устриц»;

7) «“Бамм! Бамм!” – били часы. Тишина выходила из углов» = «Когда она взшла на него, она, к удивлению своему, услышала, как где-то *бьет полночь*, которая давным-давно, по ее счету, истекла. С последним ударом неизвестно откуда слышавшихся часов молчание упало на толпы гостей».

Если по завершении шабаша на Черноморской фабрике «донеслось пение петуха», то в «Мастере» действия чертовки Геллы и вампира Варенухи также были прерваны криком петуха, возвестившим рассвет (глава 14. «Слава петуху!»).

Кстати, «Варенуха, карауля дверь, подпрыгивал возле нее, подолгу застревая в воздухе и качаясь в нем. Скрюченными пальцами он махал в сторону Римского, шипел и *чмокал*, подмигивая девице в окне», что повторяет действия Балаганова в присутствии Остапа: «Он поднялся и стал кружиться вокруг столика. Он жалобно *причмокивал* языком, останавливался, раскрывал даже рот, как бы желая что-то произнести, но, ничего не сказав, садился и снова вставал».

Оказавшись на шабаше в кинофабрике, великий комбинатор вынужден был принять в нем участие: «Остап, принявшийся было расхаживать по кинофабрике

обычным своим шагом, вскоре заметил, что никак не может включиться в этот кружащийся мир. Никто не отвечал на его расспросы, никто не останавливался.

– Надо будет примениться к особенностям противника, – сказал Остап.

Он тихонько побежал и сразу же почувствовал облегчение. Ему удалось даже перекинуться двумя словечками с какой-то адъютантшей. Тогда великий комбинатор побежал с возможной быстротой и вскоре заметил, что включился в темп».

Также и Маргарита «включается в темп» и «бежит с возможной быстротой» – сначала на шабаше ведьм: «Маргарита догадалась, что она летит с чудовищною скоростью»; а затем и на балу у сатаны: «И Маргарита вновь вылетела из комнаты с бассейном».

В «Двенадцати стульях» Остап смеется, видя покрасившегося «Титаником» Воробьянинова, а Маргарита – оставшегося в больничных кальсонах мастера: «...главный руководитель работ и технический директор содрогался, хватался за спинку кровати, кричал: “*Не могу!*” – и снова бушевал» = «Вместо ответа Маргарита обрушилась на диван, захохотала, заболтала босыми ногами и потом уж **вскричала**: “*Ой, не могу! Ой, не могу!* Ты посмотри только, на что ты похож!»; «Чистосердечный его смех продолжался еще минут десять. Отдышавшись, он сразу сделался очень серьезным» = «Отхохотавшись, пока мастер стыдливо поддерживал больничные кальсоны, Маргарита стала серьезной». Сравним также следующие цитаты: «**Вы с ума сошли!** – воскликнул Бендер» = «Фу ты черт! – неожиданно *воскликнул мастер* <...> стало быть, налицо вместо одного сумасшедшего двое!».

Неудивительно, что, помимо Воланда, Остап тождественен и мастеру.

Оба сетуют на советскую власть: «А меня оттерли, Зося. Слышите, меня оттерли. Я несчастен» = «...меня сломали, мне скучно» (конструкция *меня оттерли* идентична словам Воланда о мастере: «Да, *его хорошо отделали*»).

Бендер влюблен в Зосю, а мастер – в Маргариту: «Это от любви к вам» = «...ничто меня вокруг не интересует, кроме нее, – он опять положил руки на голову Маргариты». При этом Зося называет Остапа «*печальным* влюбленным» (сам же он говорит о себе: «*Я несчастен*»), а Бегемот говорит Азazelло: «...я являлся бы к тебе в таком же лунном одеянии, как и *бедный* мастер...».

Остап обращается к Козлевичу: «У нас ничего не осталось. *Мы нищие*, Адам! Примите нас! **Мы погибаем**»; мастер признаётся Ивану Бездомному: “*Я нищий!*”; а Булгаков 28 марта 1930 года пишет отчаянное письмо «Правительству СССР»: “...у меня <...> налицо, в данный момент, – *нищета*, улица и *гибель*»⁵⁷⁸.

Помимо того, Остап в разговоре с Корейко и мастер в разговоре с Воландом называют себя нищими поэтами: «Я останусь таким же *бедным поэтом* и многоженцем, каким был...» = «*Поэт* отозвался: “Да, пожалуйста. Я никогда ничего не видел. Я провел свою жизнь заключенным. Я слеп и *нищ*»⁵⁷⁹. А в вышеприведенной реплике Остапа «У нас ничего не осталось. Мы нищие, Адам! *Примите нас!* Мы погибаем» обыгрывается концовка притчи Христа о блудном сыне, промотавшем свою долю наследства: «“Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: Отче! Я согрешил против неба и перед тобою и уже недостойн называться сыном твоим; *прими меня* в число наемников твоих”. Встал и пошел к отцу своему» (Лк. 15:18-20). Причем Остап прямо называет Козлевича отцом: «Адам, – говорил командор, – вы наш отец, мы ваши дети». А чуть раньше, после ареста зиц-председателя конторы «Рога и копыта» Фунта, Остап и его свита, исполняющие роли демонов, были названы *поверженными ангелами*, в чем виден парафраз названия картины Михаила Врубеля «*Демон поверженный*» (1901 – 1902). И далее эти поверженные ангелы, то есть демоны, оказываются блудными сыновьями, которых Адам Козлевич, выступающий в роли милостивого Бога-

⁵⁷⁸ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Голос, 2000. С. 259.

⁵⁷⁹ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М.: Новости, 1992. С. 190.

Отца, принимает с распростертыми объятиями. А в другом эпизоде Козлевич сам становится блудным сыном, который благодаря антирелигиозной проповеди Остапа возвращается от «охмуривших» его ксендзов к Балаганову и Паниковскому (глава «Блудный сын возвращается домой»). Подобные парадоксы и смены ролей часто наблюдаются в «Двенадцати стульях» и в «Золотом теленке».

Остап говорит: «У меня нет родственников, товарищ Шура, – я один на белом свете»; и в этом же признаётся мастер Ивану Бездомному (полная рукописная редакция 1938 года): «Жил одиноко, не имея родных нигде и почти не имея знакомых»⁵⁸⁰.

Титулу булгаковского героя – мастер – соответствует обращение Остапа к Балаганову в ранней редакции «Золотого теленка»: «То, что произошло сегодня утром, – это даже не эпизод, а так, чистая случайность. Каприз мастера. Джентльмен в поисках десятки» (роман «Великий комбинатор», июль – август 1929). А в афише сеанса одновременной игры в шахматы Остап назвал себя так: «гроссмейстер (старший мастер)».

В «Двенадцати стульях» Остап-дьявол ищет бриллианты на сумму 150 тысяч рублей, а мастер с помощью дьявола Воланда выигрывает в лотерею 100 тысяч.

В «Золотом теленке» Остап поселяется в номере гостиницы «Карлсбад», где находится гравюра Александра Иванова «Явление Христа народу» (1857), а 13-я глава «Мастера и Маргариты» посвящена появлению мастера в больничной палате Ивана Бездомного и называется «Явление героя», что опять же соотносится с «Явлением Христа народу». Таким образом, Остап отождествляется еще и с Христом, поскольку часто сравнивает себя с ним: «Не далее как четыре года назад мне пришлось в одном городишке несколько дней пробыть Иисусом Христом», «Мне тридцать три года – возраст Иисуса Христа. А что я сделал до сих пор?» и т.д. А мастер, вдохновляемый дьяволом Воландом, пишет роман о Христе (Иешуа), то есть о самом себе.

Остап, получив от Кислярского 500 рублей, «купил дивный серый в яблоках костюм», а мастер говорит: «Сто тысяч – громадная сумма, и у меня был прекрасный серый костюм».

В августе 1928 года мастер заканчивает роман о Пилате («Он был дописан в августе месяце, был отдан какой-то безвестной машинистке, и та перепечатала его в пяти экземплярах»), а в августе 1930 года Остап завершает «Дело Александра Ивановича Корейко» («Начато 25 июня 1930 г. Окончено 10 августа 1930 г.»).

И оба эти романа – о Корейко и о Пилате – постигает одинаковая участь: «Жизнеописание он [Корейко] тут же сжег в железной печке, труба которой выходила сквозь крышу вагона» = «Я, к сожалению, не могу этого сделать, – ответил мастер, – потому что я сжег его в печке». Но поскольку печи и дымоходы находятся в ведении дьявола, Воланд легко возвращает роман мастера из небытия.

Очередной стул, найденный Остапом, после землетрясения проваливается в преисподнюю: «Вспыхнула спичка, и странное дело, стул сам собою скакнул в сторону и вдруг, на глазах изумленных концессионеров, провалился сквозь пол. <...> Непосредственно вслед за этим раздался третий удар, земля разверзлась и поглотила пощаженный первым толчком землетрясения и развороченный людьми гамбсовский стул...». И такие же опасения выскажет мастер Маргарите: «Я не уверен, что эта еда не провалится сейчас сквозь землю или не улетит в окно».

В первом случае «Тифлис в тысячах огней медленно уползал в преисподнюю», а во втором Маргарита увидела, что «нет уже давно и самого города, который ушел в землю», причем в черновиках «Мастера» тоже упоминались *тысячи огней*: «Воланд вдруг круто осадил коня в воздухе и повернулся к поэту.

– Вам, быть может, интересно видеть это?

Он указал вниз, где *миллионы огней* дрожа пылали»⁵⁸¹.

---

⁵⁸⁰ Там же. С. 329.

⁵⁸¹ Там же. С. 190.

Если «на груди великого комбинатора была синяя пороховая татуировка с Наполеоном *в треугольной шляпе*», то и мастер, покидая этот мир навсегда, выглядит так же: «Волосы его, забранные в косу, покрывала *треугольная шляпа*»⁵⁸².

Совпадают также концовки «Золотого теленка» и «Мастера и Маргариты»:

1) Он обернулся к советской стороне и, протянув в тающую мглу толстую котиковую руку, промолвил:

– Все надо делать по форме. Форма номер пять – *прощание с родиной*. Ну что же, адье, великая страна.

2) Азazelло, неся на плаще поэта, догнал Маргариту и властно указал на Запад, но поэт в этот момент потянул его за пояс и тихо попросил:

– Я хочу *попрощаться с городом*⁵⁸³.

Наряду с этим главные герои сталкиваются с вооруженными людьми:

1) В три часа ночи строптивый потомок янычаров ступил **на чужой заграничный берег**. <...> Тут прощание с отечеством по форме номер пять было прервано появлением нескольких *вооруженных фигур*, в которых Бендер признал румынских пограничников. <...> Запутавшись в шубе, великий комбинатор упал и тут же почувствовал, что у него из штанов вытаскивают драгоценное блюдо. Когда он поднялся, то увидел, что офицер с бесчеловечной улыбкой взвешивает блюдо на руках. Остап вцепился в свою собственность и вырвал ее из рук офицера, после чего сейчас же получил ослепляющий удар в лицо.

2) Из всех трех лодок высыпались **на берег вооруженные люди** и по команде «бегом!» бросились штурмовать холм. Лица их были как лица странных чудовищ, с огромными глазищами серого безжизненного цвета и с хвостом вместо носа.

– Э... да они в масках, – проворчал Азazelло⁵⁸⁴.

В свою очередь, последняя цитата возвращает нас к другому эпизоду из «Золотого теленка» (глава «Сердце шофера»):

Но Корейко не было. Вместо него на великого комбинатора смотрела потрясающая харя со стеклянными водолазными очами и резиновым хоботом, в конце которого болтался жестяной цилиндр цвета хаки. Остап так удивился, что даже подпрыгнул.

– Что это за шутки? – грозно сказал он, протягивая руку к противогазу. – Гражданин подзащитный, призываю вас к порядку.

Но в эту минуту набежала группа людей в таких же противогазах, и среди десятка одинаковых резиновых харь уже нельзя было найти Корейко. Придерживая свою папку, Остап сразу же стал смотреть на ноги чудовищ, но едва ему показалось, что он различил вдовьи брюки Александра Ивановича, как его взяли под руки и молодецкий голос сказал:

– Товарищ! Вы отравлены!

Сравним: «высыпались на берег вооруженные люди» = «набежала группа людей»; «Лица их были как лица странных чудовищ» = «потрясающая харя... ноги чудовищ»; «с огромными глазищами» = «со стеклянными водолазными очами»; «с хвостом вместо носа» = «резиновым хоботом»; «серого безжизненного цвета» = «цвета хаки»; «в масках» = «в таких же противогазах».

И в концовке «Золотого теленка» Остап оказывается в таком же положении, что и Маргарита на балу у сатаны: «Мощная выя командора стигбалась под тяжестью архиерейского наперсного креста с надписью “Во имя отца и сына и св. духа” <...>

---

⁵⁸² Там же. С. 506.

⁵⁸³ Там же. С. 183.

⁵⁸⁴ Там же. С. 186 – 187.

Поверх креста на замечательной ленте висел орден Золотого Руна – литой барашек» ~ «Откуда-то явился Коровьев и повесил на грудь Маргариты тяжелое в овальной раме изображение черного пуделя на тяжелой цепи. Это украшение чрезвычайно обременило королеву. Цепь сейчас же стала натирать шею, изображение тянуло ее согнуться» («выя» = «шею»; «сгибалась» = «тянуло ее согнуться»; «под тяжестью» = «тяжелой»). И хотя архиерейский крест на шее у Остапа контрастирует с изображением пуделя – одного из ликов дьявола – на шее у Маргариты, наблюдается важное «зоологическое» сходство: *пуделю на тяжелой цепи* соответствует *литой барашек* (а барашек или агнец – метафорическое наименование Христа в Новом Завете). Кроме того, Остап-дьявол с крестом на шее симметричен человеку-Маргарите, продавшей душу дьяволу (исполняющему роль Христа) и прошедшей обряд «раскрещения».

Вот еще некоторые параллели между «Золотым теленком» и «Мастером и Маргаритой»: «У Синицкого была наружность гнома. Таких гномов обычно изображали маляры на вывесках зонтичных магазинов. Вывесочные гномы стоят в красных колпаках и дружелюбно подмигивают прохожим, как бы приглашая их поскорее купить шелковый зонтик или *трость с серебряным набалдашником в виде собачьей головы*» ~ «Серый берет он [Воланд] лихо заломил на ухо, под мышкой нес *трость с черным набалдашником в виде головы пуделя*»⁵⁸⁵.

Синицкий составлял *ребусы*, а Воланд показывает в театре Варьете *фокусы*.

Фамилия первого образована от существительного *синица*, а аватаром второго является *воробей* (сцена в кабинете профессора Кузьмина).

Оба верят в Бога, но в Советской России их вера оказывается анахронизмом:

1) Зося заглянула в старческие каракули и сейчас же крикнула:

– Что ты тут написал? Что это такое? «Четвертый слог поможет бог / Узнать, что это есть предлог». Почему бог? Ведь ты сам говорил, что в редакции теперь не принимают шарад с церковными выражениями.

Синицкий ахнул. Крича: «Где бог, где? Там нет бога», он дрожащими руками втащил на нос очки в белой оправе и ухватился за листок.

– Есть бог, – промолвил он печально. – Оказался... Опять маху дал. Ах, жалко! И рифма пропадает хорошая.

– А ты вместо «бог» поставь «рок», – сказала Зося.

Но испуганный Синицкий отказался от «рока».

2) – Простите мою навязчивость, но я так понял, что вы, помимо всего прочего, еще и не верите в бога? – он сделал испуганные глаза и прибавил: – Клянусь, я никому не скажу.

– Да, мы не верим в бога, – чуть улыбнувшись испугу интуриста, ответил Берлиоз. – Но об этом можно говорить совершенно свободно.

Иностранец откинулся на спинку скамейки и спросил, даже привизгнув от любопытства:

– Вы – атеисты?!

– Да, мы – атеисты, – улыбаясь, ответил Берлиоз <...>

– Ох, какая прелесть! – вскричал удивительный иностранец и завертел головой, глядя то на одного, то на другого литератора.

– В нашей стране атеизм никого не удивляет, – дипломатически вежливо сказал Берлиоз, – большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о боге.

Тут иностранец отколол такую штуку: встал и пожал изумленному редактору руку, произнеся при этом слова:

– Позвольте вас поблагодарить от всей души!

– За что это вы его благодарите? – заморгав, осведомился Бездомный.

– За очень важное сведение, которое мне, как путешественнику, чрезвычайно интересно, – многозначительно подняв палец, пояснил заграничный чудак.

---

⁵⁸⁵ Отмечено: Каганская М., *Бар-Селла 3*. Мастер Гамбс и Маргарита. Тель-Авив: Книготороварищество Москва – Иерусалим, 1984. С. 165.

Важное сведение, по-видимому, действительно произвело на путешественника сильное впечатление, потому что он испуганно обвел глазами дома, как бы опасаясь в каждом окне увидеть по атеисту.

Сравним: «ахнул. Крича... испуганный» = «привизгнув... вскричал... испуганно». И в обоих случаях речь идет о публикациях в атеистической прессе: в «Золотом теленке» это «комсомольский журнал “Молодежные ведомости”», куда Синицкий носил свои ребусы, а в 1-й редакции «Мастера и Маргариты» Бездомный предлагает Воланду написать свое евангелие, и тот отвечает: «Блестящая мысль! Она мне не приходила в голову. Евангелие от меня, хи-хи...». А Берлиоз тут же подхватывает: «Кстати, некоторые главы из вашего евангелия я бы напечатал в моем “Богоборце” – правда, при условии некоторых исправлений»⁵⁸⁶ (журнал «Безбожник» издавал Емельян Ярославский, так что образ Берлиоза сложился из Д. Бедного и Е. Ярославского).

А отношение Остапа к религии: «Великий комбинатор не любил ксендзов. В равной степени он отрицательно относился к раввинам, далай-ламам, попам, муэдзинам, шаманам и прочим служителям культа» («Золотой теленок»; глава «Блудный сын возвращается домой»), – в точности выражает позицию Евгения Петрова, написавшего сатирический фельетон «Театр военных действий» (1929): «Х о р – из попов, ксендзев, патеров, мулл, раввинов и т.д.»⁵⁸⁷. При этом соседство *ксендзев* и *патеров* перейдет в обращение Остапа к Кушаковскому и Морошеку: «Прощайте, ксендзы! До свидания, патеры!». Кроме того, название главы «Блудный сын возвращается домой» совпадает с названием рассказа Ильфа, где герою снится, что он сын раввина и боится, что за это «комиссия по чистке» его отовсюду выгонит⁵⁸⁸.

В продолжение анализа религиозных мотивов стоит отметить различия в трактовке темы преобразования. Как и все другие «высокие материи», она подвергается в «Двенадцати стульях» и «Золотом теленке» сильнейшей травестии, что объясняется скептическим отношением Ильфа и Петрова к религии: «Знаете ли вы, что ваш “Шах-клуб четырех коней”, при правильной постановке дела, сможет *совершенно преобразить* город Васюки?», «Поэма в *преобразенном* виде носила название “Урок браконьеру”, а зайцы были заменены бекасами», «Ипполит Матвеевич мигом *преобразился*. Грудь его выгнулась, как Дворцовый мост в Ленинграде, глаза метнули огонь, и из ноздрей, как показалось Остапу, повалил густой дым» (здесь происходит преобразование в дьявола), «...одесские сандалии и тапочки *полностью преобразили* работников прессы капиталистического мира», «На рассвете следующего дня *преобразенная* Антилопа покинула гостеприимный сарай и взяла курс на юг», «“А я думаю, что, может, так надо, – сказал Васисуалий, приканчивая хозяйский ужин, – может быть, я выйду из пламени *преобразившимся*, а?”». Но он *не преобразился*».

В «Мастере и Маргарите» же тема преобразования подается на полном серьезе:

1) «Вчера в ресторане я одному типу по морде засветил, – мужественно признался *преобразенный* поэт. – Основание? – строго спросил гость. – Да, признаться, без основания, – сконфузившись, ответил Иван»;

2) «Приличнейший тихий старичок, одетый бедно, но чистенько, старичок, покупавший три миндальных пирожных в кондитерском отделении, вдруг *преобразился*. Глаза его сверкнули боевым огнем, он побагровел, швырнул кулечек с пирожными на пол и крикнул: “Правда!” – детским голосом»;

3) «Труп барона поехал вбок, но его подхватили ловкие руки, и кровь из горла хлынула в подставленную золотую чашу. И тут же в комнате начала бить полночь, и еще раз всё *преобра<зилась>*»⁵⁸⁹;

⁵⁸⁶ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 235.

⁵⁸⁷ Чудак. М., 1929. № 29. Авг. С. 14.

⁵⁸⁸ Ильф И. Блудный сын возвращается домой // Огонек. М., 1930. № 2. Янв. С. 11.

⁵⁸⁹ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 156.

4) «Тут последовало *преображение* Воланда. С него упал черный бедный плащ. На голове у него оказался берет и свисло набок петушиное перо. <...> Он [мастер] обернулся и <у>видел, что и Маргарита рассматривает, подавшись вперед, *преобразившихся* всадников, и ее глаза сверкают, как у кошки»⁵⁹⁰.

Вместе с тем многие образы и сюжеты перекочевали из «Золотого теленка» в «Мастера и Маргариту» почти без изменений: «На ковре, сцепившись и выбрасывая ноги, молча катались Паниковский и Балаганов. <...> Паниковский развернулся, опустил голову и с криком: “А ты кто такой?” – вне себя бросился на Остапа. <...> великий комбинатор толчком каучукового кулака вернул взбесившегося нарушителя конвенции на место...» = «Гелла, у которой одна рука была окровавлена, с воем вцепилась в шерсть коту, а он ей в ответ в волосы, и они, свившись в клубок, покатались по полу. <...> “Оттащите от меня взбесившуюся чертовку!” – завывал кот, отбиваясь от Геллы» («На ковре... катались» = «покатились по полу»; «сцепившись... Паниковский и Балаганов» = «Гелла... вцепилась в шерсть коту»; «взбесившегося» = «взбесившуюся»). А «бесовскую» природу Паниковского подчеркивает одинаковое описание его зуба и правого глаза Воланда: «Изредка... сверкал... золотой зуб нарушителя конвенции», «...подобно огоньку папиросы, пылал золотой зуб» = «Правый с золотой искрой на дне...», «Глаз Воланда горел так же...». Аналогичное сходство наблюдается между ухом Паниковского и портсигаром Воланда: «...одно ухо его было таким *рубиновым*, что, вероятно, светилось бы в темноте и при его свете можно было бы даже проявлять фотографические пластинки» = «...на крышке его при открывании сверкнул синим и белым огнем *бриллиантовый* треугольник».

Диалог Остапа с Балагановым и Паниковским, распилившими гири Корейко, предвосхищает диалог Воланда с Коровьевым и Бегемотом, спалившими ресторан Дома Грибоедова: «...они были перепачканы, как вредные *коты*» = «От Коровьева и Бегемота несло гарью, рожа *Бегемота* была в саже, а кепка наполовину обгорела»; «Ну, гуси-лебеди, что подделывали?» = «А что делал Коровьев в то время, когда ты мародерствовал?»; «Ей-богу, – сказал Балаганов, прикладывая руку к груди» = «Верите ли, мессир... – задумчивым голосом начал Бегемот». И если Паниковский «развел такой большой костер, что казалось – горит целая деревня», то и Коровьев с Бегемотом устраивают пожар в ресторане Дома Грибоедова.

Или – такая переключка: «Зоя, – сказал он, – я приехал, и отмахнуться от этого факта невозможно» ~ «Но факт все-таки остается фактом, и отмахнуться от него без объяснений никак нельзя: кто-то побывал в столице» (Эпилог). Оборот «*отмахнуться от этого факта невозможно*» Ильф и Петров уже использовали в повести «Светлая личность» (1928): «Трудно поверить в существование такого города, как Пищеслав, но он все-таки существовал, и *отмахнуться от этого было невозможно*».

Похожее высказывание принадлежит Воланду: «Это – факт. А факт – самая упрямая в мире вещь». Здесь уже обыгрывается любимое выражение вождя: «Таковы факты. А факты, как говорят, упрямая вещь»⁵⁹¹. А в главе романа «Последний путь» (октябрь 1934) зашифрованы содержание телефонного звонка Сталина Булгакову от 18.04.1930: «Мы ваше письмо получили. Читали с товарищами. **Вы** будете по нему *благоприятный ответ иметь*»⁵⁹²; и ответ Булгакову служащего Иностранного Отдела Мосгубисполкома от 17.05.1934 по поводу выдачи загранпаспортов ему и его жене: «Паспорта вы получите очень скоро, так как относительно вас есть распоряжение» (из письма Булгакова Сталину от 10.06.1934⁵⁹³). Сравним с диалогом Воланда и мастера:

⁵⁹⁰ Там же. С. 192 – 193.

⁵⁹¹ Доклад товарища Сталина И.В. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов о проекте Конституции Союза ССР // Морской сборник: Военно-морской журнал. Л., 1936. № 11 (нояб.). С. 16.

⁵⁹² Цит. по: *Лакшин В.* Открытая дверь: Воспоминания и портреты. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 421.

⁵⁹³ *Булгаков М.* Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Голос, 2000. С. 364.

– Я получил распоряжение относительно вас. *Преблагоприятное*. Вообще могу вас поздравить – **вы имели** успех. Так вот, мне было велено...

– Разве вам могут велеть?

– О, да. Велено унести вас...⁵⁹⁴

Слова Сталина: «Мы ваше письмо получили. Читали с товарищами», – вызывают в памяти и другую фразу Воланда, обращенную к мастеру: «Ваш роман прочитали». Что же касается заключительных слов диалога: «Велено унести вас...», – то здесь Булгаков обыгрывает свою письменную просьбу дать ему возможность выехать из СССР и ответ вождя: «А может быть, правда, пустить вас за границу? Что, мы вам очень надоели?»⁵⁹⁵. Впрочем, Мариэтта Чудакова связывает фразу «Ваш роман прочитали» с гипотетической реакцией Сталина в случае, если бы Булгаков прислал ему роман «Мастер и Маргарита»: «Осенью 1937 года он возьмется за роман заново, чтобы “выправить его и представить” (дневник Е.С. Булгаковой – 23 октября 1937 г.). <...> Роман заменил еще одно письмо. “Представить” означало – передать рукопись на суд Сталину (Это откликнется в финале романа – “Ваш роман прочитали...”)⁵⁹⁶.

В целом же именно телефонный звонок Сталина Булгакову, когда он отказался от своего прежнего желания выехать за границу и «тем самым он отдал свою судьбу в руки Сталина и вскоре понял, что оказался в ловушке», послужил толчком «к мысли о Фаусте, о сделке с Дьяволом – и повлияло на изменение замысла романа <...>. В 1930 – 1931 годах произошла существенная его перестройка. Теперь в него вошла автобиографическая тема – вместе с новыми героем и героиней»⁵⁹⁷.

О самом содержании телефонного разговора между писателем и вождем мы знаем от Татьяны Лаппы, Любови Белозерской и Елены Булгаковой. Но есть еще два свидетельства, в которых сообщаются другие подробности: «Он обратился за выездной визой. Он сказал мне, что однажды находился у себя дома в состоянии депрессии, как вдруг зазвонил телефон и голос произнес: “С вами желает говорить товарищ Сталин”. Булгаков подумал, что это была шутка одного из его друзей и, дав соответствующий ответ, повесил трубку. Через несколько минут телефон зазвонил снова и тот же голос сказал: “Я совершенно серьезен. Это на самом деле Сталин”. Так и было. Сталин спросил Булгакова, почему он решил покинуть свою родину. Булгаков объяснил, что, поскольку является профессиональным писателем, но не может работать в Советском Союзе, он решил это сделать за границей. Сталин сказал ему: “Не действуйте поспешно. Мы что-нибудь устроим”. Через несколько дней Булгаков был назначен режиссером-ассистентом МХАТа, и одна из его пьес, “Дни Турбиных”, превосходная революционная пьеса, была заново поставлена в том же театре»⁵⁹⁸; «...обнаружив, что его произведения запрещены, а пьесы сняты со сцены, он попросил у Сталина разрешения на выезд из страны. Как писателю, по его словам, ему нет места на советской сцене. Сталин отклонил его просьбу. Режиму, говорил Сталин, нужны все его таланты. Как добрый отец, он советовал Булгакову приспособиться к советским правилам. Затем он снял запрет на некоторые произведения Булгакова, назначил его режиссером-ассистентом МХАТа...»⁵⁹⁹.

---

⁵⁹⁴ Цит. по: Чудакова М. Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы литературы. 1976. № 1. С. 240.

⁵⁹⁵ Цит. по: Лакин В. Открытая дверь: Воспоминания и портреты. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 421.

⁵⁹⁶ Чудакова М. Пушкин у Булгакова и «соблазн классики» // Лотмановский сборник. Вып. 1. М.: Изд-во «ИЦ-Гарант», 1995. С. 558.

⁵⁹⁷ Чудакова М. О поэтике Михаила Булгакова // Чудакова М. Новые работы: 2003 – 2006. М.: Время, 2007. С. 408.

⁵⁹⁸ Witness to history 1929 – 1969 / By Charles E. Bohlen. New York: W.W. Norton & Co., 1973. P. 22. Этот же автор пишет о Булгакове: «Однажды он сказал мне, что никогда не вставит коммуниста ни в одну из своих пьес, так как считает их всего лишь двухмерными фигурами» (Ibid. P. 21).

⁵⁹⁹ Russia / By Charles W. Thayer & the editors of Life. New York: Time Incorporated, 1962. P. 131.

Подобно Воланду, Остап многолик, поскольку в нем есть черты и Бога (богов), и дьявола, а сам он часто меняет социальные маски.

Неудивительно, что он является двойником не только Воланда и мастера, но даже Ивана Бездомного (причем у Остапа тоже нет дома), несмотря на то, что один испытывает отвращение к социализму, а другой – убежденный пролетарий: «Ах, такое отношение! – пронзительно запел Остап, *дико озираясь*» = «Ах так?! – *дико и затравленно озираясь*, произнес Иван, – ну ладно же! Прощайте... – и голову вперед он бросился в штору окна»; «...истерически выкрикивал: “Эксплоататоры трудового народа! Пауки! Приспешники капитала! Гады!”» = «Бандиты! – прокричал Иван...».

Остап «нанес противнику ряд сокрушительных ударов», и Иван тоже пытается «нанести удар», прыгая в окно: «Раздался удар, но небьющиеся стекла за шторой выдержали его...».

После драки с румынскими пограничниками Остап остался «с расквашенной мордой», а у Ивана, которого пытались задержать, оказалась «рожа расцарапана» – из-за того, что он «махнул через забор и, видите, щеку изорвал».

Оба – вроде бы атеисты, однако у Остапа взят с собой «архиерейский крест с надписью “Во имя отца и сына и святого духа”», а Иван взял в погоню за Воландом свечечку и иконку с изображением Иисуса, потому как «он, консультант, он, будем говорить прямо... с нечистой силой знается». Поэтому Остап поднимает над головой крест, а Иван – свечу: «Был также момент, когда он, высоко *подняв архиерейский крест* с надписью “Во имя отца и сына и святого духа”, истерически выкрикивал: “Эксплоататоры трудового народа! Пауки! Приспешники капитала! Гады!”» = «Друзья, – вдруг вскричал Иванушка, и голос его стал и тепел и горяч, – друзья, слушайте! Он появился! Иванушка значительно и страшно *поднял свечу* над головой. <...> Слушайте, кретины! – завопил Иванушка. – Говорю вам, что появился он!»⁶⁰⁰. И если румынские пограничники набросились на Остапа, то писательская братия – на Ивана.

Ранее же Остап отрицал существование Бога, а Иван – дьявола: «Бога нет! <...> Ксендз! Перестаньте трепаться! – строго сказал великий комбинатор» = «Нету, нету никакого дьявола, – растерявшись, закричал Иван <...> Перестаньте психовать!»

А по отношению к Воланду Иван ведет себя так же, как Остап по отношению к отцу Федору в «Двенадцати сульях»: «Стой! – прокричал Иванушка и одним взмахом перебросился через ограду и кинулся догонять»⁶⁰¹ = «Тю-у-у! – кричал он, пускаясь вдогонку. <...> Стой! – загремел Остап. – Стой, тебе говорю!» («Стой! – прокричал» = «кричал... Стой!»; «кинулся догонять» = «пускаясь вдогонку»).

Также у Остапа имеется несколько общих черт с Пилатом: «В эту же минуту по переулку промчался пожарный обоз с факелами, и при их трепетном свете Ипполит Матвеевич увидел на лице Бендера такое страшное выражение, что мгновенно покорился и отдал стул» = «Оно никогда не настанет! – вдруг закричал Пилат таким страшным голосом, что Иешуа отшатнулся». А «страшное выражение» лица Бендера находит аналогию и во втором случае: «Пилат послал страшный взор говорящему...».

Оба не верят в Бога, но одинаково восклицают: «Кришна! – кричал великий комбинатор, бегая по своему номеру. – Вишну! Что делается на свете? Где сермяжная правда?» = «О боги, боги, за что вы наказываете меня?». С восклицанием Остапа «Где сермяжная правда?» перекликается вопрос Пилата: «Что есть истина?». Причем Пилат тоже кричит об отсутствии «сермяжной правды» – царства истины: «Оно никогда не настанет!». Но поскольку образ Остапа – синтетический, он имеет общие черты не только с Пилатом, но и с его антиподом – Иешуа Га-Ноцри: «Я не помню моих

⁶⁰⁰ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М.: Новости, 1992. С. 251.

⁶⁰¹ Там же. С. 242.

родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец» ~ «Из своей биографии он обычно сообщал только одну подробность: “Мой папа, – говорил он, – был турецко-подданный”». Сирия же «была к моменту рождения Остапа частью Оттоманской империи, а жители ее – сирийцы – соответственно турецкими подданными»⁶⁰².

В разговоре с Зосей Остап восклицает: «Разве я похож на старого глупого мавра?». А Иешуа спрашивает Пилата: «Разве я похож на слабоумного?».

Остап говорит Корейко: «Я – свободный художник и холодный *философ*». Перед этим же о нем было сказано: «Бендер присел над чемоданчиком, как бродячий китайский фокусник над своим волшебным мешком, и одну за другой стал вынимать различные вещи». А Иешуа назван «бродячим философом».

Остап утешает Хворобьева, страдающего от советских снов: «Я вам *помогу*. Мне приходилось лечить друзей и знакомых по Фрейду». А Пилат говорит, что «страдает злой болезнью – гемикранией», и спрашивает Иешуа, врач ли он, на что тот отвечает: «Нет, игемон, право, нет. *Мне случалось, правда, помогать людям*, но лишь в случаях легких»⁶⁰³. И далее Остап обнадеживает Хворобьева обманом: «Сон – это пустяки. Основной причиной является самое существование советской власти. <...> Я ее устраню на обратном пути»; а Иешуа уже на полном серьезе говорит об излечении пилатовской гемикрании: «О, это очень легко, – ответил арестант»⁶⁰⁴.

В таком свете естественной выглядит симметричность Пилата и Хворобьева.

Первый является *прокуратором* Иудеи, а второй «принужден был служить *заведующим* методологическо-педагогическим сектором местного Пролеткульта. Это вызывало в нем отвращение. <...> Он возненавидел слово “сектор”». Такую же ненависть испытывает и Пилат к Ершалаиму: «Ненавистный город».

Хворобьев говорит о новой власти: «Все эти советские антихристы»; а Пилат так же относится к евреям: «О племя греховнейшее, отвратительнейшее племя! О зловоние иудейское! (кстати, Хворобьев тоже склонен к антисемитизму, поскольку во сне «ему хотелось увидеть крайнего правого депутата Государственной думы Пуришкевича», а Пуришкевич был известным антисемитом).

Хворобьев мечтает увидеть во сне «приезд государя-императора в город Кострому», а Пилат восклицает: «На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной для людей власти, чем власть императора Тиверия!».

Остап спрашивает Хворобьева: «И давно вы живете таким *анакоретом*?». А Иешуа обращается к Пилату: «Беда в том, что ты *слишком замкнут*...».

И здесь мы переходим к сходствам между Остапом и Иешуа.

---

⁶⁰² Каганская М., Бар-Селла З. Мастер Гамбс и Маргарита. Тель-Авив: Книготорарищество Москва – Иерусалим, 1984. С. 13 – 14.

⁶⁰³ Булгаков М. Князь тьмы: Полная история «Мастера и Маргариты». СПб.: Азбука, 2018. С. 455. У эпизода с исцелением Пилата есть и конкретный литературный источник – роман Михаила Загоскина «Искуситель» (1838): «В числе других указаний на генезис булгаковского романа мы найдем здесь и мотив невыносимой головной боли, которая заставляет Понтия Пилата думать о самоубийстве.

У Загоскина ею страдает старик, обращающийся к Калиостро за помощью: “Вот третьи сутки глаз не смыкаю – такая головная боль, что не приведи Господи! Ни днем, ни ночью нет покою! Если это продолжится, то я брошусь в Тибр или размозжу себе голову”.

Булгаков воспроизводит загоскинскую фразу, передав ее прокуратору, который при лунном свете скорбит о своем малодушии, вспоминая того, кто излечил его от головной боли: “И ночью, и при луне мне нет покоя”. <...> Совпадают и подробности самого исцеления. В “Искусителе” мгновенно выздоровевший старик растерянно “схватил себя обеими руками за голову и закричал: – Боже мой!.. Что это?..”; “Теперь уж у тебя голова болеть не станет”, – заверяет его Калиостро. У Булгакова, как только мгновенно сбылось обещание Иешуа – “Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет”, – потрясенный прокуратор “сжал голову руками, и на желтоватом его бритом лице выразился ужас”» (*Вайс-копф* М. Булгаков и Загоскин: О мистико-охранительной традиции в «Мастере и Маргарите» // Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н.И. Харджиева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 818 – 819).

⁶⁰⁴ Булгаков М. Князь тьмы: Полная история «Мастера и Маргариты». СПб.: Азбука, 2018. С. 455.

Оба героя появляются с севера: «В половине двенадцатого с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород вошел молодой человек лет двадцати восьми» = «“Откуда ты родом?” – “Из города Гамалы”, – ответил арестант, головой показывая, что там, где-то далеко, направо от него, на севере, есть город Гамала» (последняя деталь взята Булгаковым из книги Анри Барбюса «Иисус против Христа», 1928: «Некоторые обстоятельства, изложенные в Евангелиях, заставили Даниэля Масе указать на город Гамалу, как на место рождения “распятого Понтием Пилатом”»).

У обоих нет родных и одинаковый возраст: «У меня нет родственников, товарищ Шура, – я один на белом свете» = «Жены нет? – почему-то тоскливо спросил Пилат <...> – Нет, я один»; «Обо мне написали бы так: “Труп второй принадлежит мужчине двадцати семи лет”» = «Прокуратор дернул щекой и сказал тихо: “Приведите обвиняемого”, – и сейчас же с площадки сада под колонны на балкон двое легионеров ввели и поставили перед креслом прокуратора человека лет двадцати семи».

Остап сетует на необразованность своих спутников: «Теперь я ясно вижу, что попал в общество некультурных людей, то есть босяков без высшего образования». А Иешуа «проговорил по-гречески, заикаясь: “Д-добрые свидетели, о игемон, в университете не учились. Неграмотные, и все до ужаса перепутали, что я говорил”» («Копыто инженера», 1929⁶⁰⁵). Остап же как раз учился в университете: «Я уже окончил один гуманитарный вуз» («Золотой теленок»; глава «Дружба с юностью»). Гуманитарное образование Остапа подтверждает множество цитат из мировых классиков и упоминания литературных персонажей: «В таком случае, простите, у меня есть не меньше основания, как говорил Энди Таккер...», «Ближе к телу, как говорил Мопассан», «Как ваша фамилия, мыслитель? Спиноза? Жан Жак Руссо? Марк Аврелий?», «Разве вы не видите, что эта толстая харя является не чем иным, как демократической комбинацией из лиц Шейлока, Скупого рыцаря и Гарпагона?», «Еще один великий слепой выискался – Паниковский! Гомер, Мильтон и Паниковский!», «А ну, поворотитесь-ка, сынку! Отлично!», «Ладно, сейте разумное, доброе, вечное, а там посмотрим!», «В песчаных степях аравийской земли три гордые пальмы зачем-то росли» и т.д.

Теперь вернемся к сходствам между великим комбинатором и Иешуа.

Остап говорит на прощание художнику Феофану Мухину (в ранней редакции – Феофан Копыто), делающему свои картины из овса⁶⁰⁶: «Ладно, сейте разумное, доброе, вечное, а там посмотрим!»; а Иешуа всех называет «добрый человек» (кстати, и свите Воланда не чуждо подобное обращение – в варианте от 01.02.1934 Коровьев в Торгсине преграждает путь милиционерам, пришедшим арестовывать его и Бегемота: «“Эх, добрые души! Ну чего вам-то ввязываться в это печальное дело?”». Он дунул и крикнул: “Исчезните!”. После этого оба милиционера растаяли в воздухе буквально так, как тает кусок рафинаду в горячем чаю»⁶⁰⁷).

В реплике Остапа «Ладно, сейте разумное, доброе, вечное, а там посмотрим!», помимо пародийной аллюзии на стихотворение Некрасова «Сеятелям» (1877): «Сейте разумное, доброе, вечное, / Сейте! Спасибо вам скажет сердечное / Русский народ», – пародируется повесть Степана Кибальчича «Поросль» (М.; Л.: ЗиФ, 1928), издательскую рецензию на которую Ильф опубликовал в журнале «Чудак». Речь там шла о «психологических переживаниях сознательного советского пахаря», который, умирая, говорит мужикам: «Следите за развитием животноводства!.. Развивайте площадь посевов!.. Сейте чистосортные культуры!..»⁶⁰⁸. Сравним с романом «Великий комби-

⁶⁰⁵ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 216.

⁶⁰⁶ Источником творчества Мухина послужила заметка «Портреты из... семян», опубликованная в журнале «30 дней» (М., 1927. № 7. С. 84). Здесь говорится о 17-летнем крестьянском парне, который подобным образом делал портреты Калинина и других советских вождей: «На фанеру наклеиваются столярным клеем различные семена, подобранные по цвету. Затем все это заливается лаком».

⁶⁰⁷ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 166.

⁶⁰⁸ Шагая за плугом // Чудак. М., 1929. № 9. Март. С. 11.

натор», где также представлена сцена прощания: «Но Феофан не смутился. “Это звучит парадоксом”, – заметил он, возобновляя *посевные* манипуляции. “Ладно, – сообщил Остап, прощаясь, – сейте разумное, доброе, вечное, а там посмотрим”» (глава «Овес и сено»). Перед этим же Остап рассказал Феофану о картине, которую видел в Москве: «Там один художник сделал картину из волос, большую картину со многими фигурами, *идеологически выдержанную*, хотя и пользовался волосами беспартийных, был такой грех. Но *идеологически, повторяю, картина замечательно выдержана*». Ирония Остапа относится к вполне реальной картине: «Работы парикмахера Г.А. Борухова, одна из которых, “портрет В.И. Ленина”, приобретена комиссией по увековечению памяти В.И. для музея, – представляют интерес как род искусства, в России совершенно нераспространенного.

Борухов вышивает волосом по шелку. <...> Длинный волос нашивается сначала сплошь по рисунку, причем с оборотной стороны закрепляется тщательно каждая отдельная волосинка. Сплошная масса волос коротко подстригается; затем стрижка неравная – получающиеся выпуклости и углубления создают нужные черты рисунка.

На изготовление такой работы, как портрет Ленина, Боруховым затрачено было свыше 200 рабочих часов»⁶⁰⁹. Кстати, если портрет вождя работы Борухова приобрел музей Ленина, то в главе «Овес и сено» сказано, что художники «писали портреты ответственных работников и сбывали их в местный музей живописи». А характеристику Остапом картины из волос как *идеологически выдержанной* можно сравнить с шутивным скетчем Е. Петрова, где фигурирует другой вождь: «“Дайте мне что-нибудь такое, чтоб с одной стороны было бы веселым, а с другой – *идеологически выдержанным*”. – “Возьмите граммофонную пластинку: с одной стороны фокстрот, а с другой – речь тов. Калинина”»⁶¹⁰; а также с упомянутой рецензией Ильфа «Шагая за плугом», где присутствует аналогичный сарказм, но уже с обратным знаком: «*Идеологическая линия страдает отсутствием достаточной четкости*. Почему, спросим мы, за кооперативным кушаком налегающего на плуг Гребенкина не торчит политграмота Бердникова и Светлова? Где серп и молот? Почему вместо неопределенных перезвонов в душе середняка, за пригорком не звучит интернационал? Где кумачевое знамя, бодро реющее на ветру?». Конструкция «Почему, спросим мы... *Где серп и молот?* <...> *Где кумачевое знамя...?*» перейдет в речь зицпредседателя Фунта: «*Где, спрашиваю я вас, второе общество взаимного кредита? Где товарищество на вере? Где акционерные компании со смешанным капиталом? Где это всё?*» («Золотой теленок»; глава «Рога и копыта»).

Возвращаясь к сопоставлению Остапа и Иешуа, остановимся также на отличиях, самыми серьезными из которых оказываются отношение к Богу и внешний вид.

Если Остап говорит ксендзам: «Эй вы, херувимы и серафимы! Бога нет!», – то Иешуа утверждает прямо противоположное: «Бог один, в него я верю».

Остап – рослый атлет, а Иешуа – хилый интеллигент. При этом все же можно разглядеть небольшое сходство: у Остапа «могучая шея была несколько раз обернута *старым шерстяным шарфом*», а Иешуа «был одет в *старенький* и разорванный голубой хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба».

В «Двенадцати стульях» у Остапа есть только один ученик – Воробьянинов, а у Иешуа единственным учеником будет Левий Матвей. При этом Воробьянинов убивает Остапа бритвой, а Левий Матвей крадет нож, чтобы убить им Иешуа, но цели у них – разные: Воробьянинов хочет единолично владеть сокровищем, а Левий Матвей надеется избавить невинного Иешуа от мучительной казни на столбе.

---

⁶⁰⁹ Ленин в изображении трудящихся // Огонек. М., 1925. 18 янв. № 4. С. 12. Ср. еще такую запись: «Борухов, парикмахер. Портрет Ленина, вышитый волосами в рамке» (Ленинский сборник. Вып. II. М.; Л.: Госиздат, 1924. С. 492). В том же 1924-м году Борухов изготовил гобелен «Взятие Зимнего дворца» (см.: Гобелен из наркомовских волос // <http://edemkavkaza.ru/biografii/483-boruhovstory.html>).

⁶¹⁰ В Музпреде // Чудак. М., 1929. № 5. Янв. С. 13.

Еще более разительное родство обнаруживается между такими, казалось бы, несовместимыми персонажами, как Воланд и отец Федор.

Начнем с того, что вторая редакция «Мастера и Маргариты» имела вариант названия «Черный богослов». А отец Федор находится в сане священника. В первой же редакции – «Копыто инженера» – Воланд демонстрирует Берлиозу и Бездомному визитку с надписью: «D-r Theodor Voland»⁶¹¹. Теодор – то есть Федор. В переводе с греческого «Теодор» означает «Божий дар», а фамилия «Воланд» является анаграммой слова «диавол». Возможно, Булгаков хотел показать божественное происхождение своего персонажа и дал ему имя по аналогии с именем дьявола «Люцифер», которое переводится с латинского как «несущий свет» (ср. «божий дар»).

Также Теодор Воланд (он же – Консультант с копытом) является двойником Феофана Копытто из романа «Великий комбинатор» (лето 1929).

Имя «Теодор» переводится как «Божий дар», а «Феофан» – «Богом явленный» (на балу у сатаны появится отравительница Тофана, то есть Теофания – Богоявление, названная «дамой с монашески опущенными глазами», которая, отвечая Маргарите, «монашески шептала»). Копыто же в обоих случаях указывает на дьявольскую сущность персонажей. Таким образом, мы имеем дело с богодьяволами (в одном из вариантов «Золотого теленка» Феофан Копытто назван Феофаном Мухиным, то есть Повелителем мух – Вельзевулом). Соответственно, фразу: «Годы страданий начались с тех пор, когда в город приехал новый художник Феофан Копытто», – можно переформулировать так: «Все беды начались с тех пор, как в Москве появился Теодор Воланд». И если о Феофане Копытто сказано: «Первый его портрет вызвал в городе большой шум», – то после отлета Воланда, «в течение долгого времени по всей столице шел тяжелый гул самых невероятных слухов» (Эпилог).

В том же Эпилоге дается следующий комментарий: «Пишущий эти правдивые строки сам лично, направляясь в Феодосию, слышал в поезде рассказ о том, как в Москве две тысячи человек вышли из театра нагишом в буквальном смысле слова и в таком виде разъехались по домам в таксомоторах».

Название города «Феодосия» переводится с греческого как «Богом данная», что опять же соотносится именем Воланда – Теодор («Божий дар»).

Сказанное объясняет и странную, на первый взгляд, позицию Воланда, который в разговоре с Берлиозом и Бездомным отстаивает существование Бога: «Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?»; и препятствует публикации антирелигиозной поэмы Бездомного.

Более того, в прощальном разговоре с мастером и Маргаритой (из редакции романа за конец сентября 1934 года) Воланд называет себя божьим посланником:

– Я получил распоряжение относительно вас. Преблагоприятное. Вообще могу вас поздравить – вы имели успех. Так вот, мне было велено...

– Разве вам можно велеть?

– О, да. *Велено унести вас...*⁶¹²

Этот же мотив встречается в другом черновом варианте (от 14.09.1934), где Воланд прямо цитирует Христа: «Иисус говорит им: Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин. 4:34), «ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца» (Ин. 6:38); причем, в отличие от отца Федора, делает это на полном серьезе, а отец Федор, хотя и является священником, лицемерит и поэтому подвергается сатире: «Очень хорошо, – гово-

⁶¹¹ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М.: Новости, 1992. С. 238.

⁶¹² Там же. С. 196.

рил Воланд, – я с особенным удовольствием исполню волю пославшего. Исполню»⁶¹³
~ «Не корысти ради, а токмо волею пославшей мя супруги!».

Итак, в Воланде имеются черты как Бога, так и дьявола: в итоговой редакции романа он представляется специалистом по черной магии, однако в редакции 1929 года «Копыто инженера» он называл себя специалистом по белой магии, а в редакции 1934 – 1935 годов 11-я глава называлась «Белая магия и ее разоблачение»⁶¹⁴, поскольку имя Воланда – Теодор – расшифровывается как «Божий дар»⁶¹⁵.

Одно из имен дьявола – Люцифер, и именно оно зашифровано в «Золотом теленке», где мы сталкиваемся с ответственным квартиросъемщиком «Вороньей слободки» (квартира № 3, дом № 8) Люцией Францевной Пферд:

Первое, что обращает наше внимание, – национальность: немка. Вспоминаем:

«– Вы – немец? – осведомился Бездомный.

– Я-то?.. – переспросил профессор и вдруг задумался. – Да, пожалуй, немец...».

Так оно и есть: ЛЮЦИЯ ФР... ЛЮЦИЯ пФЕРд! Отчего же Пферд? Оттого, что «лошадь» (по-немецки). А где лошадь – там копыто. Короче, Воланд в юбке. <...>

Квартира № 3 противостоит сидящему на холодной льдине летчику Севрюгову не как маленький мир большому, а как Космос своей собственной части. Дом № 8 стоит по Лимонному переулку, летчик же Севрюгов – на 84-ой параллели среди торосов и айсбергов. Таким образом, «Воронья слободка» раскинулась на необъятных просторах <...> Ответственным за столь обширную площадь может быть назначен только Князь Тьмы – мадам Люцифер, а населять – не малогабаритные домовые, а классические обитатели адской кухни, той самой кухни, где жильцы истязают Васисуалия Лоханкина.

«А может быть, так надо, – подумал он, дергаясь от ударов и разглядывая темные, панцирные ногти на ноге Никиты».

Нога эта, которая так привлекла внимание Васисуалия Андреевича, принадлежит Никите Пряхину. «Темный, панцирный ноготь» – это уже не ноготь, а извините, коготь. А вспомнив «Контору по заготовке Когтей и Хвостов», мы без труда устанавливаем подлинный, копытно-рогатый облик Никиты. Аналогичным образом идентифицируется «злой, как черт» Гигиенишвили с «дьявольскими глазами». <...> В адской перспективе объяснима и борьба обитателей «Вороньей слободки» с летчиком Севрюговым: это борьба исчадий ада с ангелом («А не летай, не летай! Человек ходить должен, а не летать. Ходить должен, ходить» – Н. Пряхин). <...> Лоханкин В.А., несмотря на многочисленные предупреждения, в том числе и письменные, упорно отказывался гасить свет, тот именно СВЕТ, который «и во тьме светит, и тьма не объяла его». То есть Васисуалий Лоханкин, говоря простыми словами, есть луч света в темном царстве, и трагедия его <...> трагедия интеллигента-просветителя...⁶¹⁶

---

⁶¹³ Там же. С. 178.

⁶¹⁴ Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 319.

⁶¹⁵ Кроме того, надпись в его визитной карточке – «Доктор Теодор Воланд» – заставляет вспомнить и доктора Грома в «Необыкновенных историях из жизни города Колоколамска» (1928 – 1929) Ильфа и Петрова, поскольку эти два персонажа очень похожи друг на друга: «Я попал под автомобиль, – сказал доктор Гром радостно...» = «...громко и радостно объявил: “Вам отрежут голову!”». Доктор Гром попал под автомобиль и стал хромать на левую ногу, а Воланд также хромал на левую ногу и предрек Берлиозу попадание под трамвай. Неизвестно, читал ли Булгаков «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска», но сходство здесь, видимо, абсолютно случайное.

⁶¹⁶ Каганская М., Бар-Селла З. Мастер Гамбс и Маргарита. С. 40 – 42. Как уже говорилось выше, прототипом Лоханкина стала жена Евгения Петрова Валентина Грюнзайд, которая не гасила за собой свет. А история летчика Севрюгова основана на реальном событии, упомянутом в рассказе Петрова «Римляне XX века» (журнал «30 дней», № 10 за 1928 год), который он написал после поездки в Италию летом 1928 года: «В пять минут Бабушкин стал популярнейшим человеком в Италии.

– Бабушкин исчез. Бабушкин пропал. Бабушкин прилетел. <...>

Я имел честь познакомиться на днях с Бабушкиным. Он был в синей военной блузе с одиноким красным орденом. <...> Это был человек, настоящий великолепный образец человека. <...>

О том, что было в Италии после полета Чухновского, я не знаю. Я уехал накануне этого замечательного дня. Когда я уезжал, надежды на спасение группы Вильери были потеряны».

1 августа 1927 года Булгаков заключил договор с архитектором-застройщиком Адольфом Францевичем Стуем (напоминающим квартиросъемщицу Люцию Францевну Пферд из «Золотого теленка»), а также бывшую владелицу «нехорошей квартиры» Анну Францевну де Фужере из «Мастера и Маргариты»⁶¹⁷) на аренду трехкомнатной квартиры по адресу: ул. Большая Пироговская, 35а, кв. 6, куда писатель и переехал в конце августа.

Итак, Люция Францевна Пферд (лошадь с копытами) является родственницей «консультанта с копытом» Теодора Воланда и художника Феофана Копытто, а своим предшественником она имеет Василия Ивановича Лошадь-Пржевальского из рассказа Ильфа «Дом с кренделями», где этот персонаж сдает дом в аренду четырем семьям, но в итоге застраховывает его и поджигает⁶¹⁸, что предвосхищает судьбу «Вороньей слободки» из «Золотого теленка»: Лошадь-Пржевальский сдал свою комнату Коте Лохвицкому, а в коммунальной квартире у ответственной съемщицы Люции Пферд одну из двух комнат сдает Васисуалий Лоханкин⁶¹⁹.

Имя «Люция» по-латыни означает «свет», а имя Воланда «Теодор» переводится с греческого как «Божий дар». Подобное столкновение противоположных понятий присутствует и в описании отца Федора из «Двенадцати стульев».

– Что ж, по-вашему, я у вас их украл? – вскипел инженер. – Украл? Слышишь, Мусик!⁶²⁰ Это какой-то шантаж!

– Ни боже мой, – шепнул отец Федор⁶²¹.

---

⁶¹⁷ Интересно, что Анна Францевна де Фужере названа «*пятидесятилетней* почтенной и деловой дамой», которая «три комнаты из пяти сдавала жильцам», а застройщику Адольфу Францевичу Стую (1874 – 1939), сдавшему квартиру Булгакову, в 1927 году исполнилось *пятьдесят три года*.

⁶¹⁸ Ильф И. Дом с кренделями // Смехач. М., 1928. № 48. Дек. С. 8.

⁶¹⁹ Что же касается имени «Василий Иванович Лошадь-Пржевальский», то это явная насмешка над начальником дивизии Красной Армии Василием Ивановичем Чапаевым с его пристрастием к лошадям. А документальная основа рассказа «Дом с кренделями» и главы «Конец “Вороньей слободки”» «заимствована из судебного репортажа А. Троля, опубликованного в “Гудке” в октябре 1926 г. “Дым без огня” (Моск. губсуд, 12 окт.) <...> В квартире, где возник пожар, проживали Спириин и Усанов. Выяснилось, что первый из них в феврале застраховал свое имущество в две тысячи рублей, а на следующий же день то же сделал и Усанов, оценив свой скарб в ту же сумму. Действительная же стоимость была много ниже.

Затем, незадолго до пожара они передали наиболее ценные вещи на хранение своим знакомым. Наконец, в утро пожара квартиру они оставили последними, когда все их соседи по квартире уже ушли на работу.

По этим основаниям оба были преданы суду по обвинению в поджоге» (Гудок. М., 1926. № 240. 17 окт. С. 4. Цит. по: *Маринин А.В.* Диалогия об Остапе Бендере: О чем умолчали авторы // Литературный факт. М., 2020. № 1 (15). С. 376 – 377).

⁶²⁰ Имя «Мусик» указывает на первую жену Валентина Катаева Анну Сергеевну Коваленко. Это имя упомянул прозаик Семен Гехт в письме к будущей жене Ильфа Марусе Тарасенко (Москва – Одесса, 30.04.1923): «Илья ушел, оставив меня с больным Олешей, Катаев где-то с Мусей в гостях» (Илья Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа. М.: Текст, 2004. С. 133). Прочитируем еще одно письмо Семена Гехта, адресованное Генриетте Адлер (Москва – Одесса, 22.11.1923): «Я как раз был у Катаева. Сидели: Катаев, Муся, Илья и я» (Там же. С. 284); а также письмо Ильфа Марусе Тарасенко от 02.08.1927: «Купим тебе шляпу и заживем очень элегантно. Как Муся» (Там же. С. 342) (кстати, словосочетание *очень элегантно* употребит и Остап Бендер во время разговора с Эллочкой Любоедкой: «Вы знаете, сейчас в Европе и в лучших домах Филадельфии возобновили старинную моду – разливать чай через ситечко. Необычайно эффектно и *очень элегантно*»). Сам Валентин Катаев тоже считал себя прототипом инженера Брунса: «Замечу лишь, что все без исключения его персонажи написаны с натуры, со знакомых и друзей, а один даже с меня самого, где я фигурирую под именем инженера, который говорит своей супруге: “Мусик, дай мне гусик” – или что-то подобное» (*Катаев В.* Алмазный мой венец // Новый мир. 1978. № 6. С. 109).

⁶²¹ Последние две фразы: «Что ж, по-вашему, я у вас их украл? – вскипел инженер. <...> – Ни боже мой, – шепнул отец Федор», – имеют своим источником рассказ Евгения Петрова «Радости Мегаса» (1926): «Контра... – загремел Делякин. – Ни боже мой, – пискнул Умиралов...» (*Петров Е.* День борьбы с мухами / Сост. И.Е. Катаев и А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 44).

– Если я их у вас украл, то требуйте судом и не устраивайте в моем доме пандемониума!

Слово *пандемониум* означает по-гречески «преисподняя». Таким образом, получается, что преисподнюю (ад) в доме инженера Брунса устроил священник Федор (он же – Теодор – Божий дар). Кстати, если отец Федор покупает у Брунса гарнитуру *генеральши Поповой*, то в редакции романа Булгакова за 1932 год появится *генеральша Петрова*: «28-летний Степа Бомбеев лежал 2-го июля на широкой постели [генеральши Петровой] вдовы ювелира Де-Фужерэ»⁶²².

Имя-отчество священника – Федор Иванович – соотносится с царем Федором Иоанновичем (1557 – 1598): «По словам историографа, в последние годы 16 столетия Россия на престоле видела царя постника и молчальника. Беспредельно набожный, равнодушный к мирскому величию, рожденный более для кельи, нежели для власти державной, Федор Иоаннович вверил, к счастью России, кормило государства руке искусной – Годунову, человеку с редким дарованием, дальновидному»⁶²³.

Фамилия священника – Востриков – также говорящая («востёр, остёр»)⁶²⁴. И она вновь коррелирует с описанием «черного богослова» Воланда: «Необходимо быть последовательным, – отозвался на это консультант. – Будьте добры, – он говорил вкрадчиво, – наступите ногой на этот портрет, – он указал *острым* пальцем на изображение Христа на песке»⁶²⁵; «Лицо Воланда было скошено на сторону, правый угол оттянут книзу, брови черные *острые* на разной высоте, высокий облысевший лоб изрезан морщинами параллельными бровям, кожа лица темная, как будто сожженная загаром»⁶²⁶; «Положив *острый* подбородок на кулак, скорчившись на табурете и поджав одну ногу под себя, Воланд, не отрываясь, смотрел на необъятное сборище дворян, гигантских домов и маленьких, обреченных на слом лачуг»⁶²⁷.

Поэтому и ведут себя эти персонажи одинаково: «*Закричав еще более страшным голосом*, отец Федор бросился спасать свое будущее богатство, но было уже поздно» = «Ты сдаешься или нет? – *прокричал страшным голосом* Воланд». Федор кричит на «большого одноглазого, известного всей улице своей порочностью *пса Марсика*» (глава «Зерцало грешного»), а Воланд – на *кота* Бегемота; Марсик назван *мерзавцем* («...мерзавец подскочил к Нерке с явно матримониальными намерениями»), а Воланд называет Бегемота *подлецом* («Ах ты подлец, – задумчиво сказал Воланд»).

⁶²² Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. М.: Пашков дом, 2019. С. 164.

⁶²³ Г. Самара, его храмы и монастыри: историко-статистическія свѣдѣнія. Самара: Земская Типографія, 1881. С. 7.

⁶²⁴ В плане книги «Мой друг Илья» Петров пишет: «Поездка на Кавказ. Братья Розановы. Зеленый мыс. Востриков и Кривицкий» (Петров Е. Мой друг Ильф. М.: Текст, 2001. С. 20). Здесь упомянуты знакомые Ильфа и Петрова, ехавшие с ними на пароходе «Пестель» в июне 1927 года: «Прибежит Луиза шепелявая и завопит: “Идите все сейчас-же кушать”. А кушать уже нечего будет. Всё проиграл Иван Иванович Востриков с супругой своей Екатериной Никаноровной, тоже Востриковой» (цит. по факсимиле рукописи: Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 96). В «Двенадцати стульях» Иван Иванович Востриков превратится в Федора Ивановича, а Екатерина Никаноровна – в «матушку Катерину Александровну» (глава «Зерцало грешного»). Причем в результате афёры отца Федора он и его супруга тоже останутся без денег, и им «будет нечего кушать». А литературным прототипом отца Федора оказывается даже заведующий Козолуповским отделением некоего комбината Трепыхалов (Петров Е. Неравная борьба // Смехач. М., 1927. № 17. Май. С. 8). В частности, оба одинаково останавливают извозчика, услугами которого они воспользовались: «Стой! – закричал Трепыхалов. – Стой, сатана!» = «Стой! – закричал вдруг отец Федор вознице. – Стой, мусульманин!». И оба произносят одинаковые угрозы: «Трепыхалов покажет родственникам, где раки зимуют» ~ «Ага! – крикнул отец Федор. – Я т-тебе покажу!».

⁶²⁵ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 495.

⁶²⁶ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 366.

⁶²⁷ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. М.: Голос, 1999. С. 488.

Если «лицо Воланда было скошено на сторону», то и постригшийся отец Федор выглядит точно так же: «Борода его оказалась скошенной на один бок...».

Воланд – сатана, который «расхохотался так, что из липы над головами сидящих выпорхнул воробей», а отец Федор «сатанински хохотал над пробежавшими внизу автомобилями», находясь при этом «в крошечной тьме и в адском гуле» (кстати, «сатанинский хохот» фигурирует и в первом случае: Маргарита услышала «грохот сатанинского смеха <...> Воланд смеялся, поглядывая на Маргариту»).

Берлиоз на первых порах считает Воланда сумасшедшим, так же как и инженер Брунс – отца Федора: «Вот тебе все и объяснилось! – подумал Берлиоз в смятении, – приехал сумасшедший немец или только что спятил на Патриарших» = «Вы сошли с ума! – воскликнул инженер, вскакивая. <...> С ума вы спятили?». Но очень скоро они меняют свое мнение: «Он русский, русский, он не сумасшедший, – внезапно загудело в голове у Берлиоза...»⁶²⁸ = «Мусик, он, кажется, не псих».

Готовясь в погоню за бриллиантами, отец Федор достает из сундука «двадцать золотых десятков». А у буфетчика театра Варьете Сокова, как сообщает Коровьев, хранятся «дома под полом двести золотых десятков».

Отец Федор достал золотые десятки и еще пятьдесят рублей: «На неделю хватит, – решил он». А вот как реагирует Воланд на реплику Коровьева о том, что Соков умрет через девять месяцев: «*Девять месяцев*, – задумчиво сказал Воланд, – двести сорок тысяч рублей. <...> Маловато, но при скромной жизни хватит».

В главе «Зеленый мыс» отец Федор подходит к сидящему на веранде своей дачи под большой пальмой инженеру Брунсу, а в «Мастере и Маргарите» инженер Воланд подходит к сидящим на скамейке в тени лип Берлиозу и Бездомному.

Появление священника Федора и дьявола Воланда описывается при помощи одинаковой лексики: «Из черно-зеленых бамбуковых зарослей вышел человек...» = «И тут-то в аллею и вышел человек»⁶²⁹. И в обоих случаях «сидящие» (инженер Брунс и Бездомный) называют тех, кто подходит к ним (отца Федора и Воланда), психами: «Это все-таки псих! Ей-богу, псих!» = «Перестаньте вы психовать!».

Интересно также провести сопоставление Воланда с делопроизводительницей Шахерезадой Федоровной Шайтановой из цикла сатирических новелл Ильфа и Петрова «1001 день, или Новая Шахерезада» (1929).

Здесь описывается «известная в деловых кругах Москвы контора по заготовке Когтей и Хвостов», которой руководят Фанатюк и его заместитель Сатанюк. Эти «титаны» сражаются друг с другом, борясь за руководство конторой.

На первом этапе побеждает Фанатюк и собирается уволить всех сторонников Сатанюка, в том числе делопроизводительницу Шахерезаду Федоровну Шайтанову. Однако она сумела заинтриговать его своими историями, поэтому он медлит с ее увольнением: «Комиссия по чистке аппарата стала поспешно подбирать портфели, а товарищ Фанатюк сказал про себя: “Клянусь Госпланом, я не вычищу ее, пока не узнаю об этом замечательном плане».

Сатанюк – дьявол (сатана), а фамилия Шайтанова образована от арабского «шайтан», то есть тоже дьявол. Поэтому Шайтанова является сторонницей Сатанюка, которого временно победил Фанатюк и которого она называет «*всеми нами уважаемый товарищ Сатанюк*». С высоты нынешнего времени здесь угадывается *товарищ Сталин*. А его противник – соответственно, Фанатюк-Троцкий, который был фанатиком мировой революции (в «Золотом теленке» также фигурирует «М.Н. Фанатюк»; здесь инициалы «М.Н.» невольно указывают на другого фанатика мировой революции – маршала Тухачевского; хотя вполне очевидно, что такой подтекст соавторами не предполагался).

⁶²⁸ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 492

⁶²⁹ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 28.

Так вот, Шахерезада в течение двух недель отвлекала внимание Фанатюка различными историями, а на 15-й день в контору по заготовке Когтей и Хвостов явился во всеоружии Сатанюк и отправил Фанатюка в ссылку – «в город Колоколамск на должность городского фотографа» (невольный намек на военный бинокль, который был неизменным атрибутом Троцкого; биноклем же будет пользоваться и кот Бегемот, играя в шахматы с Воландом; а отправка Фанатюка в Колоколамскую ссылку неожиданно пародирует высылку Троцкого в Алма-Ату в январе 1928 года).

Неудивительно, что сатана Воланд ничем не отличается от «главной клеветки» Сатанюка Шахерезады Шайтановой.

Имя Воланда «Теодор» соответствует отчеству Шахерезады – «Федоровна».

Оба рассказывают длинные истории: Шахерезада – о советских чиновниках, а Воланд – о Пилате и Иешуа; и одинаково обращаются к своим слушателям: «Сейчас, о *высокочтимый* товарищ Фанатюк, и вы, члены комиссии по чистке, я расскажу вам трагическую историю» = «Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история! <...> Да, было около десяти часов утра, *досточтимый* Иван Николаевич».

Мисаил Александрович Трикартов (герой одной из историй Шахерезады) едет лечиться в Кисловодск, и Михаил Александрович Берлиоз собирается ехать на лечение в Кисловодск.

Фанатюк говорит Шахерезаде: «...это все-таки интересно, *рассказывайте*»; и то же самое Берлиоз скажет Воланду: «Ваш *рассказ* чрезвычайно интересен, профессор, хотя он и совершенно не совпадает с евангельскими рассказами».

Помимо того, в «Мастере и Маргариты» дословно повторяется восклицание из «Золотого тельца»: «Михаил Александрович! – воскликнул прозревший бухгалтер. – Вот встреча!» = «Михаил Александрович! – крикнул он вдогонку Берлиозу».

Фамилия бухгалтера – Берлага, а председателя МАССОЛИТа зовут Берлиоз.

Имя отца Берлаги – Фома – отсылает к фразеологизму «Фома неверующий» (Евангелие от Иоанна, 20:25), а Берлиоз говорит Воланду: «Да, мы не верим в Бога».

Берлага прикидывается сумасшедшим, и его увозят в сумасшедший дом, а Воланд также имитирует сумасшествие («...приехал сумасшедший немец или только что спятил на Патриарших»), но он же и предрекает Бездомному диагноз «шизофрения». Еще одно подобное совпадение: в «Мастере и Маргарите» фигурирует Алоизий Могарыч, а в «Золотом тельце» – ксендз Алоизий Морошек.

Первый пишет донос на мастера и поселяется в его квартире, а второй со своим напарником Кушаковским «охмуряет» Козлевича и забирает его машину.

Теперь обратимся к главе «Зеленый мыс» романа «Двенадцать стульев». Здесь в дом инженера Брунса приходит отец Федор с целью купить у него гостинный гарнитур из двенадцати стульев. При поверхностном взгляде может показаться, что эта глава не содержит ничего, кроме обычного юмора. Однако это впечатление ошибочно. С целью доказательства сопоставим три пары персонажей – из «Мастера и Маргариты» и «Двенадцати стульев».

Первая пара: Пилат и Брунс.

Оба страдают от головной боли: «Да, нет сомнений! Это она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь гемикрания, при которой болит полголовы» = «Мусик! Возьми у него деньги! Дай ему стулья! <...> У меня мигрень» (слово «мигрень» как раз и происходит от греческого *hemicrania*).

Мотив пилатовских страданий сугубо автобиографичен, поскольку от головной боли мучился Булгаков. А инженер Андрей Михайлович Брунс, который «*жаловался на психа и на головную боль*», перейдет в рассказ Евгения Петрова «Домохозяйка-отравительница» (1929), где «Андрей Иваныч упорно продолжал жить, худеть и *жаловаться на головную боль* и отсутствие аппетита»⁶³⁰. Живя в Одессе, Илья

⁶³⁰ Чудак. М., 1929. № 3. Янв. С. 13. Перепечатано: Ильф и Петров в журнале «Чудак» / Публ. А. Ильф // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 302.

Ильф «безусловно, проходил <...> мимо пивной Брунса в доме Вагнера на Екатерининской (инженер Генрих Христофорович Брунс трудился в конторе на Дерибасовской, 14, а жил в собственном доме на Водопроводной, 3)»⁶³¹.

Пилат – прокуратор Иудеи, и Брунс – могущественный властелин, к ногам которого склоняется природа, а вся обстановка напоминает райский сад: «Инженер Брунс сидел на каменной веранде дачи на Зеленом Мысу под большой пальмой <...> Тропическая флора ластилась к инженеру. Кактусы протягивали к нему свои ежовые рукавицы. <...> Бананы и саговые пальмы отгоняли мух с лысины инженера, розы, обвивающие веранду, падали к его сандалиям»⁶³². Дача Брунса, изобилующая бананами и пальмами, – это вилла, расположенная на Зеленом мысе, на которой жил сам Ильф и откуда 12 июня 1927 года он написал своей жене письмо: «Здесь волшебные природы. Живу на вилле, пределы которой необозримы, пальмы, бананы и лимонные деревья с зреющими плодами внушают уважение. <...> Для разнообразия можно посидеть под араукарией, эвкалиптом или магнолией...»⁶³³. Поэтому араукария растет и на даче инженера Брунса: «Назначьте же цену! – стонал отец Федор, осмотрительно биясь головой о ствол араукарии». Но если Муся – это жена Катаева, то инженер Брунс, отдыхающий на Зеленом мысе, – это и сам Катаев, написавший в своих мемуарах о создании «Двенадцати стульев»: «Почему я выбрал своими неграми именно их – моего друга и моего брата? На это трудно ответить. Тут, вероятно, сыграла известную роль моя интуиция, собачий нюх на таланты, даже еще не проявившиеся в полную силу. <...> Они приветливо улыбнулись друг другу и согласились на мое предложение. Возможно, их прельстила возможность крупно заработать; чем черт не шутит! Не знаю. Но они согласились. Я же уехал на Зеленый мыс под Батумом сочинять водевиль для Художественного театра, оставив моим крепостным довольно подробный план будущего романа»⁶³⁴.

Отдыхая на Зеленом мысе, Ильф записывает: «Дамочки любят скользаться в суб. тропиках»⁶³⁵. Вскоре эта реплика прозвучит в устах Остапа: «Знойная женщина, – сказал Остап, – мечта поэта. Провинциальная непосредственность. В центре таких субтропиков давно уже нет, но на периферии, на местах – еще встречаются» («Двенадцать стульев»; глава «Знойная женщина, мечта поэта»).

Там же Ильф описывает одного из своих новых знакомых: «Баграт Сергеевич в высшей степени нравственный человек»⁶³⁶. Данная характеристика предвосхищает ироническую реплику Остапа из разговора с Воробьяниновым: «Конрад Карлович Михельсон, сорока восьми лет <...> в высшей степени нравственная личность, мой хороший знакомый, кажется друг детей...» (глава «Алфавит – зеркало жизни»).

Еще одна ильфовская фраза, записанная во время его пребывания на Зеленом мысе, представляет собой переделку стихотворения М.Ю. Лермонтова «Три пальмы»

---

⁶³¹ Ильф А.И. Ильф Ильф: Линия жизни 1897 – 1927 // Ильф Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа. М.: Текст, 2004. С. 24.

⁶³² Ср. с фантазией Воробьянинова во время покупки стульев на аукционе: «Эдельвейсы тихо падали на его голову, снова украшенную блестящей алюминиевой сединой. Ипполит Матвеевич катил в Эдем». Тот же мотив: «Кислярский был на седьмом небе. “Золотая голова”, – думал он». Оба героя – Воробьянинов и Кислярский – оказываются «на седьмом небе» в результате действий Остапа, который, таким образом, приравнивается к богу. Поэтому он так настойчиво и повторяет: «Молитесь на меня! Молитесь, молитесь, не бойтесь, голова не отвалится! <...> Молитесь на меня, молитесь! Не бойтесь, гофмаршал! Вино, женщины и карты нам обеспечены. <...> Молитесь на меня! – шептал Остап. – Молитесь, предводитель». И Воробьянинов следует его призыву: «Ипполит Матвеевич был готов не только молиться на Остапа, но даже целовать подметки его малиновых штиблет».

⁶³³ Ильф Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа. М.: Текст, 2004. С. 340.

⁶³⁴ Катаев В. Алмазный мой венец // Новый мир. 1978. № 6. С. 105.

⁶³⁵ Цит. по факсимиле рукописи: Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 68 (фото № II).

⁶³⁶ Там же. С. 70 (фото № IV).

(1839): «Стихотворение вызванное обстоятельствами / В песчаных степях Аравийской земли / Три (3) гордые пальмы безостановочно росли!»⁶³⁷. И такую же переделку произведет Остап в главе «Багдад» романа «Золотой теленок»: «В песчаных степях аравийской земли три гордые пальмы зачем-то росли» (у Лермонтова: «высоко росли»). В этом же романе Остап будет хвастаться студентам в купе поезда: «Живу как бог, – продолжал Остап, – или как полубог, что в конце концов одно и то же» (глава «Дружба с юностью»). Данное сравнение вновь отсылает к отдыху соавторов на Зеленом мысе в июне 1927 года. В записной книжке Ильфа на одной из фотографий изображены сидящие на берегу моря Ильф, Петров и прозаик Михаил Григорьевич Розанов (Николай Огнев); под фото – подпись: «Роскошные полубоги – из числа тонконогих»⁶³⁸. А сарказм Ильфа по поводу коммунистических штампов: «Я очень люблю природу / И пропасти идеологически выдержанной / Глубины»⁶³⁹, – перейдет в роман «Великий комбинатор» (1929), где Остап скажет Феофану Копытто: «Это чепуха <...> по сравнению с тем, что я видел в Москве. Там один художник сделал картину из волос, большую картину со многими фигурами, идеологически выдержанную, хотя и пользовался волосами беспартийных, был такой грех. Но идеологически, повторяю, картина замечательно выдержана. Называлась она “Дед Пахом и трактор в ночном”» (глава «Овес и сено»).

Но вернемся к сопоставлению Пилата и Брунса, которые, помимо того, что обладают большой властью, носят сандалии: «...розы, обвивающие веранду, падали к его сандалиям» ~ «Трамвай проехал по Бронной. На задней площадке стоял Пилат, в плаще и сандалиях, держал в руках портфель»⁶⁴⁰. А то, что Брунс и его жена наделены большой властью, понимает и отец Федор: «...не осмеливаюсь сидеть в присутствии высокопоставленных особ». Смысл этой фразы станет понятным, если согласиться с тем, что в образе Брунса выведен Катаев, называвший Ильфа и Петрова своими неграми, крепостными и рабами, да еще и не отвечавший на их «отчаянные телеграммы», которые они присылали ему на Зеленый мыс, «прося указаний по разным вопросам, возникающим во время сочинения романа»⁶⁴¹. Поэтому Катаев назван «высокопоставленной особой» и в отместку за свое высокомерие выведен в карикатурном образе лысого малоподвижного инженера...

Вторая пара дублеров – это Воланд и Брунс.

Если первый – черный маг, то второй – его сниженная вариация: «Но инженер не покорился. Он собрался было продолжить вызовы гусика, которые он безуспешно вел уже два часа...». Здесь пародийно обыгрывается процедура спиритического сеанса, во время которого вызывают потусторонних духов. Поэтому далее Брунс иронически именуется «заклинателем гусика», то есть тем же магом.

Воланд говорит о последствиях бала: «...эти дурацкие медведи, а также и тигры в баре своим ревом едва не довели меня до мигрени»; а Брунс уже прямо жалуется на мигрень: «Мусик! <...> У меня мигрень».

Воланд разговаривает «тяжелым басом», а Брунс отвечает отцу Федору «неожиданным басом». Впрочем, не столь уж неожиданным, поскольку инженер Брунс и инженер Воланд (вспомним вновь «Копыто инженера») – близнецы-братья (в эту компанию следует записать и Остапа Бендера, называющего себя теплотехником, то есть тем же инженером). Сравним, в частности, обращения Воланда к буфетчику Сокову и Брунса к отцу Федору: «Ошеломленный буфетчик неожиданно услышал тяжелый бас: “Ну-с, чем я вам могу быть полезен?”» = «Я инженер Брунс, – сказал заклинатель гусика неожиданным басом, – чем могу?».

⁶³⁷ Там же. С. 72 (фото № VI).

⁶³⁸ Там же. С. 79 (фото № XIII).

⁶³⁹ Там же. С. 75 (фото № IX).

⁶⁴⁰ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 241.

⁶⁴¹ Катаев В. Алмазный мой венец // Новый мир. 1978. № 6. С. 105.

Воланд ожидает, когда Аззелло пожарит баранину, а Брунс ждет, пока его жена пожарит «гусика».

Совпадают также сцены прощания с буфетчиком Соковым и отцом Федором.

Коровьев говорит: «Гелла, проводи!», – а инженер Брунс просит свою жену: «Позови Багратиона. Пусть проводит гражданина».

Женщина с зеленой сумкой обращается к Сокову: «*Да ну тебя к лешему, скаред!*», – а Брунс кричит отцу Федору: «*Черт с вами! Двести рублей! Только отвяжитесь*» (любопытно, что отец Федор тоже является «скаредом», поскольку долго торгуется, не желая платить заявленную Брунсом цену гарнитура – 250 рублей).

И кончается это тем, что «испустив крик отчаяния, буфетчик кинулся бежать вниз», а «отец Федор в страхе бежал». Причем Соков тоже был *в страхе*: «Оставьте меня, Христа ради, – испугался буфетчик и проворно спрятал деньги». Кроме того, «буфетчик перекрестился», что вновь уподобляет его священнику Федору.

И, наконец, третья пара дублеров: отец Федор и поэт Иван Бездомный.

Настойчиво педалируемый мотив безумия священника: «Вы с ума сошли! – воскликнул инженер, вскакивая. <...> С ума вы спятили? Мусик! Теперь для меня всё ясно! Это явный псих! <...> Это все-таки псих! Ей-богу, псих!», – протягивает смысловую цепочку к Ивану, которому ставят диагноз «шизофрения».

Глава «Зеленый мыс» начинается с того, что «Инженер Брунс сидел <...> под большой пальмой», а Иванушка слышит голос: «Гражданин! Петь под пальмами не полагается. Не для того их сажали».

Отец Федор – *священник*, а Иванушка говорит: «Мне бы у *Василия Блаженного* на паперти сидеть»⁶⁴². После этого он мистическим образом оказывается на паперти, и к нему выходит царь Иван Грозный, которого он просит: «...дай мне денежку, царь Иванушка, помолюся уж за тебя». А тот отвечает: «На тебе денежку, Иванушка-верижник, Божий человек, помолись за меня!» (Иванушке поставят диагноз «мания фурибунда», то есть яростная мания, а Иван Грозный тоже страдал приступами ярости, во время одного из которых убил своего старшего сына Ивана). После этого Иванушка снова «очнулся на траве в сумерках на Патриарших Прудах»⁶⁴³. Отсюда – неосознанное пародирование Бездомным слов и действий апостола Павла («Братья во литературе» ~ «Братья во Христе» и др.), рассмотренное выше.

Если «*ярость* отца Федора все увеличивалась», то Воланд предсказал Ивану диагноз «*яростная мания*»: «Где я только не бывал. Досадно только, что я не удосужился спросить у профессора толком, что такое мания фурибунда. Так что вы уж сами спросите об этом у него, Иван Николаевич!»⁶⁴⁴ И диагноз подтвердился:

- Какая же это болезнь у него?
- Мания фурибунда, – ответил доктор и добавил, – по-видимому.
- Это что такое? – спросил Рюхин и побледнел.
- Яростная мания, – пояснил доктор и закурил дрянную смятую папироску⁶⁴⁵.

Совпадают и концовки обоих сюжетов: «...и *побрел* Иванушка в одном белье по набережной...»⁶⁴⁶ = «А на батумском берегу стоял крохотный алчный человечек <...> Он *брел* по шоссе, согнувшись и прижимая к груди мокрый кулак». В первом случае действует Иван, а во втором – Федор Иванович Востриков. И обоих увозят в психушку: «Милиционера. Протокол. Машину. В психиатрическую» = «Хохочущего священника на пожарной колеснице увезли в психиатрическую лечебницу».

⁶⁴² Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 242.

⁶⁴³ Там же.

⁶⁴⁴ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. М.: Голос, 1999. С. 338.

⁶⁴⁵ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 516.

⁶⁴⁶ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 244.

Интересно и то, что диалог инженера Брунса с отцом Федором дублирует разговор Воробьянинова с гробовых дел мастером Безенчуком.

Брунс «представил себе большого коричневого гуся с шипящей жирной кожей», а Воробьянинов выходит из ЗАГСа, «мечтая об огнедышащем супе».

В первом случае: «Вы с ума сошли! – воскликнул инженер, вскакивая!»; а во втором читаем: «Ты что же это, с ума сошел? – кротко спросил Ипполит Матвеевич и двинулся к выходу».

Если «возмущенный Брунс потащил странного гостя в угол», то «Ипполит Матвеевич с гневом обернулся» к Безенчуку, которого сначала назвал «дорогим гостем» («Почет дорогому гостю, – улыбнулся Ипполит Матвеевич»).

Отец Федор начинает торговаться с Брунсом по поводу продажи стульев, а Безенчук – с Воробьяниновым насчет продажи гробов.

Первый «готов не поскушаться и уплатить за весь гарнитур рублей двадцать», а второй заявляет: «Уступлю за тридцать три рублика» (то есть за тридцать три серебряника или тридцать тетрадрахм, которые получил Иуда за предательство Иешуа в «Мастере и Маргарите»).

И далее происходит смешение сюжетных линий, поскольку, отвязавшись от Безенчука, Воробьянинов сталкивается с «пышущим жаром» отцом Федором, – так сатирически воплотилась в жизнь воробьяниновская мечта «об огнедышащем супе». А кроме того, словосочетание *пышущий жар* и эпитет *огнедышащий* указывают на преисподнюю, представителями которой являются Воробьянинов и отец Федор⁶⁴⁷.

Инженер Брунс, устав от приставаний отца Федора, «начал размеренно кричать: “*Черт с вами! Двести рублей! Только отвяжитесь!*”», а Воробьянинов «повернулся к Безенчуку: “*Черт с тобой! Делай! Глазетовый! С кистями!*”». Выделенные курсивом выражения вновь свидетельствуют о дьявольской природе священника и гробовых дел мастера.

Однако в отце Федоре заложены два противоположных начала.

---

⁶⁴⁷ Сравним еще с «Необыкновенными историями из жизни города Колоколамска» (1928 – 1929), где упомянут «дьякон живой церкви отец *Огнепоклонников*». Да и в тех же «Двенадцати стульях» жена Бендера, мадам Грицацуева, представляет, что «муж, ее милый муж в желтых ботинках лежал на далекой московской земле, и *огнедышащая* извозчицья лошадь била копытом по его голубой гарусной груди». А в «Золотом теленке» читаем: «Из всего *вулканического* кольца общественной деятельности, которым Скумбриевич охватил “Геркулес”, действовали только две *огнедышащие* точки: стенная газета “Голос председателя”, выходявшая раз в месяц и делавшаяся в часы занятий силами Скумбриевича и Бомзе, и фанерная доска с надписью “Бросившие пить и вызывающие других”, под которой, однако, не значилась ни одна фамилия». В таком контексте словосочетание «вызывающие других» может быть интерпретировано как «вызывающие духов» (вспомним двухчасовые «вызовы гусика», совершаемые инженером Брунсом). Поэтому чиновник Скумбриевич является нечистой силой, которая внезапно появляется и внезапно исчезает: «Один раз Остап увидел даже отражение Скумбриевича в лестничном зеркале. Он бросился вперед, но зеркало тут же очистилось, отражая лишь окно с далеким облаком. <...> Но, к величайшей досаде Остапа, Скумбриевич снова исчез, словно бы дематериализовался. “Это уже мистика, – сказал Бендер, вертя головой, – только что был человек, – и нет его!”». Остап же иронически обращается за помощью к милиции: «Матушка-заступница, милиция-троеручница! – воскликнул Остап, переводя дыхание. – Что за банальный, опротивевший всем бюрократизм!» (по христианскому канону, Богоматерь является заступницей людей перед Богом). Аналогичный прием встречался в рассказе «Выдвиженец на час» из цикла новелл «1001 день, или Новая Шахерезада» (1929), где «товарищ Фанатюк сказал про себя: “*Клянусь Госпланом*, я не вычищу ее, пока не узнаю об этом замечательном плане”» (ср.: *клянусь Богом*), поскольку «ведь один Госплан всеведущ и всемудр» (рассказ «Борьба гигантов») и «один лишь Госплан всемогущий знает всё» («Рассказ о “Гелиотропе”»). В этом же цикле новелл читаем: «И не было в Москве начальника удачливее, чем он, который выходил холодным из огня и сухим из воды. И ни одна чистка не повредила ему, да продлит ЦКК его дни» (ср. в романе Булгакова «Жизнь господина де Мольера», 1933: «Театр должен существовать. Это признаёт даже его величество, да продлит Господь его дни»). ЦКК – это Центральная Контрольная Комиссия при ЦК ВКП(б). А поскольку советская власть отменила Бога и встала на его место, то она наделяется всеми божественными атрибутами. Похожий прием встретится в лагерной песне В. Высоцкого «Побег на рыбок» (1977): «Но свыше – с вышек – всё предreshено».

С одной стороны, его действия неотличимы от действий Понтия Пилата: «В это время, в двух верстах от концессионеров, со стороны Тифлиса в Дарьяльское ущелье вошел отец Федор. Он шел мерным *солдатским шагом*, глядя только вперед себя твердыми алмазными глазами и опираясь на высокую клюку с загнутым концом, как **библейский первосвященник**» = «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей *кавалерийской походкой*, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудей Понтий Пилат» (а «белый плащ с кровавым подбоем» мог быть взят из романа М. Загоскина «Искуситель», 1838: «Наконецъ вдали, между миртовыхъ деревьевъ, мелкнула бѣлая шляпа и черезъ нѣсколько минутъ человекъ въ черномъ плащѣ съ краснымъ подбоемъ сошелъ подъ гору»⁶⁴⁸; впрочем, и в квартире Воланда «на спинку стула наброшен был траурный плащ, подбитый огненной материей», то есть тот же «черный плащ с красным подбоем»). Поэтому при встрече с Воробьяниновым отец Федор разговаривает с ним так же, как Пилат с Иешуа: «Он схватил Ипполита Матвеевича за тощий кадык и, сжимая пальцы, закричал охрипшим голосом: “Куда девал сокровище убиенной тобою тещи? <...> Говори! – приказывал отец Федор. – Покайся, грешник!» = «Мне не нужно знать, – придушенным злым голосом сказал Пилат, – интересно или неинтересно тебе говорить правду. Тебе придется ее говорить. <...> Преступник! Преступник! Преступник!»⁶⁴⁹.

А с другой стороны, обращение отца Федора к Остапу-дьяволу напоминает обращение директора театра Варьете Лиходеева к Воланду: «Что вам угодно? – прошептал отец Федор» = «Произошла пауза, после которой, сделав над собой страшнейшее усилие, Степа выговорил: “Что вам угодно?”». Объясняется это тем, что отчество Лиходеева – Богданович, то есть «*Богом данный*» (да и его имя – Степан – отсылает к христианскому первомученику Стефану), а отец Федор – *священник*. В итоге первого выбрасывает из квартиры кот Бегемот, после чего он «очутился на берегу Терека во Владикавказе»⁶⁵⁰, а второй в погоне за стульями «ночью... ревел так, что временами заглушал Терек». Но если Лиходеев – «Богом данный», а имя Воланда – Теодор – переводится как «Божий дар», то почему же Воланд говорит Лиходееву: «...кое-кто из нас здесь лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний – именно вы!»? Всё дело в том, что Лиходеев своим безобразным поведением («лихо деет») компрометирует отчество «Богданович» (а заодно и имя «Стефан»), то есть фактически порочит Бога. Поэтому свита Воланда и выбрасывает его вон.

Остап говорит Воробьянинову: «Конечно, вы приехали из Конотопа навестить свою покойную бабушку...». А Поплавский тоже приезжает из украинского города – Киева, чтобы навестить покойного племянника: «Я являюсь дядей покойного Берлиоза». При этом цель Воробьянинова – найти драгоценности в стульях, а цель Поплавского – получить квартиру в Москве.

Теща Воробьянинова – Клавдия Ивановна Петухова⁶⁵¹ – спрятала бриллианты в стул, а тетка Канавкина – Клавдия Ильинична Пороховникова – спрятала «тысячу долларов и двадцать золотых десятков <...> в погребке, в коробке из-под Эйнема».

Сразу обращают на себя внимание одинаковые инициалы тещи и тетки: Клавдия И-на П-ова. Здесь же следует вспомнить, что жену Понтия Пилата звали Клавдия

---

⁶⁴⁸ Отмечено: *Вайскопф М.* Булгаков и Загоскин: О мистико-охранительной традиции в «Мастере и Маргарите» // Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н.И. Харджиева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 819.

⁶⁴⁹ *Булгаков М.* Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. М.: Голос, 1999. С. 178 – 179.

⁶⁵⁰ Там же. Т. 8. М.: Голос, 1999. С. 557.

⁶⁵¹ Сначала у нее была фамилия «Осетрова», но потом Ильф записал: «Не Осетрова, а Петухова» (*Ильф И.* Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 125). Такие же «рыбные» фамилии будут у Элочки-Людоедки и ее мужа, инженера Щукина, а в «Золотом теленке» – у ответственного работника «Геркулеса» Скумбриевича и летчика Севрюгова.

Прокула, а любовницей Аркадия Аполлоновича Семплеярова была «очаровательная артистка Клавдия Парфеновна Гаугоголь»⁶⁵² (отчество *Аполлонович* функционально связано с отчеством *Парфеновна*, поскольку Парфенон был главным храмом в древних Афинах, посвященным покровительнице города богине Афине, а бог Аполлон также принадлежит греческой мифологии; вместе с тем отчество *Парфеновна* происходит от греческого *партенос* – девственница; то есть любовница Семплеярова названа девственницей – булгаковский юмор).

Клавдия Петухова «была глупа», как и жена Пилата (в его восприятии): «Передайте ее превосходительству супруге Клавдии Прокуле, – ответил вслух прокуратор, – что она дура».

Про Клавдию Петухову сказано: «Скупа она была до чрезвычайности». А про Клавдию Пороховщикову «артист в смокинге» (чекист, неотличимый по своим манерам от Воланда) говорит: «...эта старая сквалыга не то что племяннику – чёрту не скажет этого». И поскольку «Claudia» по-латыни означает «хромая», возникает связь обеих Клавдий с прихрамывающим Воландом.

Неудивительно, что у Клавдии Петуховой и у Воланда – одинаковой голос: «Голос у нее был такой силы и густоты, что ему позавидовал бы Ричард Львиное Сердце» = «Голос Воланда был так низок, что при некоторых словах давал оттяжку в хрип». Причем голос Воланда наделяется и такой характеристикой, как «густота»: в черновиках романа Иван Бездомный слышит «густой и тяжелый бас инженера»⁶⁵³.

Казалось бы, это обилие сходств говорит о большом влиянии дилогии о Бендере на образность и сюжетную линию «Мастера и Маргариты», но на самом деле речь идет лишь о типологических сходствах. И, несмотря на то, что Булгаков высоко ценил романы Ильфа и Петрова, он категорически отказался работать в их жанре, когда это предложил ему председатель Всесоюзного внешнеторгового объединения «Международная книга» Николай Ангарский, соблазняя большими тиражами, переводами на все языки мира и бешеными гонорарами. 3 мая 1938 года Елена Сергеевна записывает в дневнике: «Ангарский пришел вчера и с места заявил: “Не согласитесь ли написать авантюрный советский роман? Массовый тираж, переведу на все языки, денег тьма, валюта, хотите, сейчас чек дам – аванс?”». М.А. отказался, сказал – это не могу.

После уговоров Ангарский попросил М.А. читать роман [«Мастер и Маргарита»]. М.А. прочитал три первые главы. Ангарский сразу: “А это напечатать нельзя”. – “Почему?” – “Нельзя”»⁶⁵⁴. Катаев же, подарив Ильфу и Петрову сюжет «Двенадцати стульев», обозначил жанр именно как авантюрный роман: «Есть отличная тема, – сказал Катаев, – стулья. Представьте себе, в одном из стульев запрятаны деньги. Их надо найти. Чем не авантюрный роман?»⁶⁵⁵.

---

⁶⁵² Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». С. 294.

⁶⁵³ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. М.: Голос, 1997. С. 515 – 516.

⁶⁵⁴ Дневник Елены Булгаковой. М.: Изд-во «Книжная палата», 1990. С. 197.

⁶⁵⁵ Петров Е. Из воспоминаний об Ильфе // Ильф И. Записные книжки. М.: Сов. писатель, 1939. С. 14.

Политические подтексты в романах Ильфа и Петрова

В «Золотом теленке» часто наблюдается пародирование сталинских речей. Достаточно вспомнить купленную Остапом «машинку с турецким акцентом» («Тов. Бэрлагэ. С получением сэго прэдлагаэтся нэмэдлэнно явиться для выяснения нэкоторых обстоятэльств») и надгробную речь Остапа о Паниковском, выдержанную в духе сталинской стилистики: «“Но был ли покойный нравственным человеком? Нет, он не был нравственным человеком”. – Риторика вопросов и отрицательных ответов с повтором чрезвычайно типична для Сталина: “Случайны ли эти лозунги? Нет, к сожалению, не случайны”; “Можно ли утверждать, что у нас были уже все эти условия года два или три назад? Нет, нельзя утверждать этого”; “Есть ли в этих требованиях что-либо унижительное для людей, желающих остаться большевиками? Ясно, что тут нет и не может быть ничего унижительного” и мн. др. [О правом уклоне в ВКПб (апрель 1929); Политич. отчет 16-му съезду ВКПб (июнь 1930) – Сочинения, т. 12, стр. 13, 65; т. 13, стр. 8]»⁶⁵⁶. Кроме того, в своей речи «великий комбинатор <...> иронически контаминирует жанр панегирика с типичной риторикой обвинительного слова советского прокурора. <...> “А что он [подсудимый] сейчас представляет собой? Я не знаю, я теряюсь в подыскании слова, которое бы не звучало оскорбительно, так как это нам вовсе не нужно. Что он теперь для жизни, что он для нашего строительства, что он для нашей революции? Для революции он мародер в тылу революции, для нашего строительства он взрыватель. Он умер для нашей творческой жизни, он умер для нашего будущего...”»⁶⁵⁷.

В январе 1930 года Сталин публикует статью о кулачестве, где высказывает следующую мысль: «Эта политика [ограничения капиталистических элементов деревни] велась у нас не только в период восстановления <...> но и в период XVI конференции нашей партии (апрель 1929 г.), как и после этой конференции вплоть до лета 1929 года, когда наступила у нас полоса сплошной коллективизации, когда наступил перелом в сторону политики ликвидации кулачества как класса»⁶⁵⁸. Так же ведет себя и великий комбинатор, как бы в миниатюре реализует сталинскую политику: «Для Остапа уже не было сомнений. В игре наступил перелом. Всё неясное стало ясным». А играет он тоже с «кулаком» – подпольным миллионером Корейко.

Сталинскую борьбу с «перегибами в колхозном движении»⁶⁵⁹, то есть с превышением административной власти, Остап трактует в разговоре с Корейко с точностью до наоборот, поскольку называет перегибами успехи советской идеологии и строительства: «Сегодняшний день – это досадное недоразумение, перегибы на местах» («Золотой теленок»; глава «Багдад»).

В том же «Золотом теленке» Остап иронически говорит: «Меня давно влечет к административной деятельности. В душе я бюрократ и головотяп», – пародируя сталинскую речь «Головокружение от успехов»: «Артель еще не закреплена, а они уже “обобществляют” жилые постройки, мелкий скот, домашнюю птицу, причем “обобществление” это вырождается в бумажно-бюрократическое декретирование, ибо нет еще налицо условий, делающих необходимым такое обобществление. <...> Спрашивается, кому нужна эта головотяпская “работа” по сваливанию в одну кучу различ-

⁶⁵⁶ Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. Т. 2. Золотой теленок. Wien, 1991. С. 635.

⁶⁵⁷ Цит. по: Виницкий И. Что означает таинственная надпись на могиле Паниковского – «человека без паспорта»? (28.09.2020) // <https://gorky.media/context/chto-oznachaet-tainstvennaya-nadpis-na-mogile-panikovskogo-chelovek-bez-pasporta-rassledovanie-gorkogo/>

⁶⁵⁸ Сталин И. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса // Красная звезда. 1930. 21 янв.

⁶⁵⁹ Сталин И. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) (27 июня 1930 г.) // XVI съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 32.

ных форм колхозного движения?»⁶⁶⁰. А помимо Сталина, Остап часто пародирует высказывания Ленина, Маркса и других коммунистов:

1) «*А теперь действовать, действовать и действовать!* – сказал Остап, понизив голос до степени полной нелегальности» ~ «Важнейшей задачей для нас является *сейчас: учиться и учиться*» (доклад Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» на IV конгрессе Коминтерна, 13.11.1922);

2) «Прибежал на минуту Остап, убедился в том, что все обитатели парохода сидят в тиражном зале и, сказав: “Электричество плюс детская невинность – полная гарантия добропорядочности фирмы”, – снова убежал на палубу» ~ «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны...» (выступление Ленина на VIII Всероссийском съезде Советов, 22.12.1920);

3) «Когда будут бить, будете плакать, а пока что не задерживайтесь! Учитесь торговать!» ~ «Вы – люди торговые и торгуете прекрасно. Мы торговле еще только учимся и торгуем очень плохо» (реплика из доклада Ленина «О международном и внутреннем положении Советской Республики», обращенная к иностранным капиталистам в связи с предстоящей Генуэзской конференцией, 06.03.1922). Считается, что лозунг «Учитесь торговать!» Ленин выдвинул на 11-м съезде ВКП(б), который проходил с 27 марта по 2 апреля 1922 года, и через несколько лет его упомянет монархист Василий Шульгин: «А люди, когда “всю, всю, всю” торговлю уничтожили и явственно увидѣли, что “всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ” придется подохнуть, тогда великій Ленинъ “нэпнулъ” гениальное слово: “Учитесь торговать!..”»⁶⁶¹;

4) «Прежде всего система, – бормотал он, – *каждая общественная копейка должна быть учтена*» ~ «Ни один трудящийся и работник *не потеряет ни копейки*; напротив, ему будет оказана помощь. Кроме строжайшего учета и контроля, кроме взимания без утайки налогов, установленных раньше, никаких других мер правительство вводить не хочет» (Ленин. «К населению». Петроград, 05.11.1917);

5) «Остап наклонился к замочной скважине, приставил ко рту ладонь трубой и внятно сказал: “Почем опиум для народа?”» ~ «Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» (Маркс. «К критике гегелевской философии права», октябрь 1843);

6) «А в Арбатове вам терять нечего, кроме запасных цепей» ~ «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир» (Маркс и Энгельс. «Манифест Коммунистической партии», январь 1848)⁶⁶²;

7) «Ваше дело плохо, – сочувственно сказал Остап, – как говорится, бытие определяет сознание. Раз вы живете в Советской стране, то и сны у вас должны быть советские» ~ «Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот – их общественное бытие определяет их сознание» (Маркс. «К критике политической экономии. Предисловие»);

8) «Будем работать по-марксистски. Предоставим небо птицам, а сами обратимся к стульям» ~ «Предоставим небо птицам, а сами обратимся к земле» (данное выражение принадлежит немецкому социал-демократу Августу Бебелю, 1840 – 1913)⁶⁶³.

Упомянем также лозунг «Общества спасания на водах»: «Дело помощи утопающим – дело рук самих утопающих», – висевший в васюкинском клубе «Картонажник» и представляющий собой очередной парафраз высказывания Ленина: «...мы всегда говорили, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих» (доклад «IV конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы», 27 июня – 2 июля 1918), восходящего, в свою очередь, к Марксу: «Принимая во

⁶⁶⁰ Сталин И. Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Правда. 1930. 2 марта.

⁶⁶¹ Шульгинъ В. Три столицы: путешествие въ красную Россію. Берлинъ: Мѣдный всадникъ, 1927. С. 178.

⁶⁶² Ср. еще в «Зойкиной квартире» (1925) Булгакова, где Аметистов говорит: «Я старый боевик, мне нечего терять кроме цепей...». В свою очередь, эта цитата напоминает реплики Остапа румынским пограничникам: «Я старый профессор, бежавший из полуподвалов московской чека! Ей-богу, еле вырвался!»; и польским ксендзам: «Я сам старый католик и латинист». Поэтому Остап выводит себя в образе очередного старика – Вечного Жида.

⁶⁶³ С такой атрибуцией этот афоризм помещен на обложке 19-го номера журнала «Смехач» (май 1927).

внимание, что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом <...> нижеподписавшиеся члены комитета <...> предприняли необходимые шаги для основания Международного Товарищества Рабочих» («Временный устав товарищества», между 21 и 27 октября 1864). А сам Ильф в своих записных книжках за 1936 – 1937 годы привел такую фразу: «Когда я вырасту и овладею всей культурой человечества, я сделаюсь кассиршей»⁶⁶⁴. Здесь пародируется знаменитая фраза Ленина из его речи «Задачи союзов молодежи», произнесенной 2 октября 1920 года на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Что же касается Остапа, то у него даже фамилия основателя марксизма вызывала злобу: «Приехали на Губернаторскую, но она оказалась не Плеханова, а Карла Маркса. Озлобленный Остап возобновил поиски затерянной улицы имени Плеханова» («Двенадцать стульев»; глава «Союз меча и орала»).

Таким образом, он, с одной стороны, негативно относится к Ленину и Марксу как идеологам социализма и коммунизма, а с другой – заимствует их методы и пародийно воплощает их идеи на территории СССР. Например, когда сеанс одновременной игры в шахматы в Васюках подходил к концу, «гроссмейстер, поняв, что *промедление смерти подобно*, зачерпнул в горсть несколько фигур и швырнул их в голову одноглазого противника». Здесь обыгрывается ленинская фраза из письма в ЦК РСДРП(б) от 24.10.1917: «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, *промедление в восстании смерти подобно*»⁶⁶⁵.

В реплике Остапа: «Я не налетчик, а *идейный борец* за денежные знаки», – пародируется лексика Ленина: «...если мы соберем небольшую горсточку отважных борцов, которых бросим в пасть империализма, то этим самым мы оторвем от себя энергичных и *идейных борцов*, которые добыли нам свободу» («Речь на объединенном заседании фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК 23 февраля 1918 г.»).

А в «Двенадцати стульях» между Остапом и Коробейниковым происходит следующий диалог: «“Можно расписочку писать?” – осведомился архивариус, ловко выгибаясь. – “Можно, – любезно сказал Бендер, – пишите, *борец за идею*”». Перед нами – распространенный идеологический штамп, который часто использовали Ильф и Петров: «В то время из Москвы в Одессу прикатил поруганный в столице кинорежиссер товарищ Крайних-Взглядов, великий *борец за идею* кино-факта» («Великий комбинатор»; глава «Шарады, ребусы и шарадоиды»), «В родную свою деревню, отстоявшую за шестьдесят километров от столицы, приезжал уже не мощный профработник, не *борец за идею*, не товарищ Портищев, а Елисей Максимович Портищев» («1001 день, или Новая Шахерезада»; рассказ «Шестой служебный день»).

В 1925 году в СССР была создана Центральная комиссия по борьбе с абортami и изучению противозачаточных средств. Отсылку к этому событию мы находим в признании Остапа Корейко во время их совместной поездки по Самарканду: «Я тут был лет пять тому назад, читал лекции о борьбе с абортami» (глава «Багдад»). А учитывая, что «Золотой теленок» написан в 1930 году, слова «пять лет назад» оказываются документально точными. Еще важнее, что в 1925 году сам Ильф ездил в Самарканд и его окрестности по командировке от газеты «Гудок», после чего написал репортаж «В Средней Азии». Возможно, что во время этой командировки Ильф читал местным жителям лекции по борьбе с абортami и пять лет спустя во время работы над «Золотым теленком» подарил великому комбинатору фрагмент своей собственной биографии.

⁶⁶⁴ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 536 – 539.

⁶⁶⁵ Отмечено: Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 293.

Кроме того, об отношении Остапа к абортам можно судить и по частому упоминанию в «Золотом теленке» акушерского саквояжа.

Но вернемся к аллюзиям на Ленина и коммунизм в обоих романах.

Находясь в Доме отдыха в Остафьево (1936), Ильф записывает впечатления: «Поэма экстаза. Рухнули строительные леса, и ввысь стремительно взмыли строительные линии нового замечательного здания»⁶⁶⁶. Сразу возникает в памяти картина, нарисованная Остапом перед васюкинскими шахматистами: «Гнилые стены коннозаводского гнезда рухнули, и вместо них в голубое небо ушел стеклянный тридцатитрехэтажный дворец шахматной мысли» («Двенадцать стульев»; глава «Междупланетный шахматный конгресс»). А «ослепительные перспективы», которые Остап развернул перед васюкинцами, обещав превратить их город в «элегантнейший центр Европы, а скоро и всего мира», очень напоминают утопические лозунги большевиков о построении коммунизма в России и о мировой революции.

Обращение Остапа к васюкинцам: «Товарищи и братья по шахматам», – пародирует коммунистическую риторику: «Товарищи-братья! Ленина с нами нет. Прощай, Ильич! Прощай, вождь!» (статья Троцкого «Ленина нет», Тифлис, 22.01.1924). И вообще вся лекция Остапа представляет собой пародию на большевистский эксперимент: «Свою преобразовательскую деятельность в Васюках Бендер, как и положено русскому реформатору, начинает с акта переименования. Причем предлагаемые “гроссмейстером” названия имеют скрыто антисоветский оттенок. Бендеровская формула “потеря качества при выигрыше темпа” не только отсылает к стандартной шахматной комбинации, но и неплохо характеризует экономическую политику большевиков. Двусмысленное словосочетание “Красный эндшпиль” в первую очередь, конечно, пародирует безудержное стремление добавлять определение “красный” абсолютно ко всему, но воспринимается еще и как предсказание конца “красной” игры.

Лекция, которую “великий комбинатор” читает васюкинцам, посвящена уже не конечной, а начальной стадии игры: “Плодотворная дебютная идея”. Политико-сатирический подтекст ощутим и в этом выступлении великого комбинатора. “Дебют, товарищи, – это ‘Quasi una fantasia’”, – утверждает Бендер в начале своей речи. Определение, бессмысленное с точки зрения шахматиста, обретает смысл в ином контексте. Не только шахматный мир, но и вся советская жизнь представляет собой “нечто вроде фантазии”, и каждый новый успех страны социализма становится еще одним шагом в движении прочь от реальности»⁶⁶⁷. А в монологе зицпредседателя конторы «Рога и копыта» Фунта присутствует уже бесспорный намек на Ленина: «...Фунт сидел при Александре втором освободителе, при Александре третьем миротворце, при Николае втором – кровавом, при Александре Федоровиче Керенском...

И, считая царей и присяжных поверенных, Фунт загибал пальцы».

Многоточие после «Керенского» как раз и указывает на следующего после него правителя – Ленина, бывшего помощника *присяжного поверенного*, хотя в другом эпизоде Фунт уточняет, что с 1917 по 1920 год он был на свободе, а с 1921-го, когда Ленин ввел НЭП, снова сел: «При военном коммунизме я, правда, совсем не сидел, исчезла чистая коммерция, не было работы. Но зато как я сидел при нэпе!» (нэпом восторгается и Остап в набросках к роману: «Счастливые годы нэпа прошли, – сказал Остап, входя в акционерно-издательское общество “Огонек”. – Приходится кормиться по учрежденским буфетам»⁶⁶⁸, – поскольку нэп – это тот же капитализм).

Отрицательное отношение к Ленину видно и из записи Петрова, сделанной им уже после смерти Ильфа: «Ни в одном из современных энциклопедических словарей

⁶⁶⁶ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 544.

⁶⁶⁷ Куляпин А.И. Красные и белые: шахматы в СССР // Филология и человек: Научный журнал. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного ун-та, 2007. № 4. С. 43 – 44.

⁶⁶⁸ Планы и наброски к «Великому комбинатору» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок (авторская редакция) / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2016. С. 411.

нет слов: честь, честность, любовь, верность, преданность. Когда происходила Октябрьская революция, эти идеалистические понятия были заменены ленинской формулой о том, что морально то, что полезно пролетариату»⁶⁶⁹. А в ноябре 1936 года Ильф едко посмеялся над пропагандистской риторикой: «Наряду с достижениями есть и недочеты»⁶⁷⁰. Это вполне безопасно. Это можно сказать даже о библии. «Наряду с блестящими местами есть идеологические срывы, например, автор призывает читателя верить в бога»⁶⁷¹.

Так что же – авторы «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца» были яркими антисоветчиками? Скажем так: они были советскими писателями, написавшими два антисоветских романа, поскольку тотальная сатира на советское общество у них нередко оборачивалась «посягательством на основы советского строя». Поэтому граница между критикой «отдельных недостатков» (особенно если их чрезвычайно много) и антисоветчиной достаточно зыбка⁶⁷². Как говорил Михаил Булгаков в своем письме «Правительству СССР» от 28.03.1930: «...сатира в СССР абсолютно немислима».

---

⁶⁶⁹ Из записной книжки Евгения Петрова // Петров Е. Мой друг Ильф. М.: Текст, 2001. С. 231 – 232.

⁶⁷⁰ Ключ к этой цитате находим в записи, сделанной в конце марта 1929 года: «Наряду с недочетами есть и сдвиги. Лукьянычев – предместкома» (*Ильф И.* Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 205). Речь идет о заседании, посвященном вопросам Совкино.

⁶⁷¹ *Ильф И.* Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 523.

⁶⁷² По сравнению с Ильфом Петров всё же был более лояльным в плане политических убеждений – ср. с продолжением его записи: «Но революция победила. Следовательно, лозунг “Морально то, что полезно пролетариату” должен быть заменен лозунгом – “Морально то, что полезно народу”, то есть человечеству, проживающему в границах СССР и угнетенному человечеству в остальном мире. А если полезно народу, то полезно государству, которое этот народ действительно представляет. Государству полезна честность, преданность, верность. Еще год тому назад оно было на краю гибели только потому, что в партии было предательство и двурушничество. Почему же в школах до сих пор нет популярных учебников этики, которые с детских лет воспитывали бы в людях понятия честности, верности и любви. Была плоха буржуазия, которая пользовалась ими, чтобы утвердить свою власть. Теперь же, очищенные от власти денег, эти понятия, и только они, смогут привести наш народ к коммунизму» (Из записной книжки Евгения Петрова // Петров Е. Мой друг Ильф. М.: Текст, 2001. С. 232). Неудивительно, что в 1939 году Петров даже вступил в КПСС. Свое объяснение этому парадоксу дает Лидия Яновская: «Почти ровесники, разница в пять-шесть лет... Но Ильфу была присуща какая-то загадочная внутренняя свобода, безошибочность в нравственном отношении к жизни и к литературе. А у Е. Петрова, очень милого, талантливого, искреннего, такой прочной, такой твердой независимости не было. Когда Е. Петров осиротел, оставшись без Ильфа, у него появилась растерянность и некие нравственные промахи в творчестве и в отношениях с людьми. Потом я поняла: маленькая разница в возрасте между Ильфом и Петровым была, тем не менее, очень существенной» (*Яновская Л.* Последняя книга, или Треугольник Воланда. М.: ПРОЗАиК, 2013. С. 258). Действительно, к концу жизни Петров всё чаще делал различные верноподданнические заявления типа: «Для нас, беспартийных, никогда не было выбора – с партией или без нее. Мы всегда шли с ней. И нас всегда возмущали и сместили писатели, выяснявшие свое отношение к Советской власти. И с этими писателями возились» (*Петров Е.* Мой друг Ильф // Журналист. М., 1967. № 6. С. 64); и даже начал писать роман «Путешествие в страну коммунизма» (Литературное наследство. Т. 74: Из творческого наследия советских писателей. М.: Наука, 1965. С. 577 – 628). Ильф же мыслил более трезво и видел то, что происходит в стране: «Как указывали друзья писателей К.П. Ротов и Г.Н. Мунблит, Ильф был куда скептичнее Петрова, “оптимиста собачьего”, как называл его соавтор, и споры между ними касались часто именно политических вопросов. Ильф считал фальсификацией все, начиная с “вредительских”, показательные процессы. От государства, инсценировавшего такие судилища, вряд ли можно было ожидать осуществления “идеального социализма”» (*Лурье Я.С.* Невовлеченность в систему (Булгаков, Ильф и Петров, Домбровский) // IN MEMORIAM: Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб.: Atheneum – Феникс, 1997. С. 108 – 109); «Константин Ротов (отбывший два лагерных срока и доживший до 1959 г.) вспоминал о разногласиях между соавторами определеннее: по его словам, оптимизм одного из авторов и пессимизм другого проявлялся и в политических взглядах. Ильф, например, не верил в правдивость показаний подсудимых на вредительских процессах» (*Курдюмов А.А.* (*Лурье Я.С.*). В краю непуганых идиотов: Книга об Ильфе и Петрове. Paris: La Presse Libre, 1983. С. 244). А незадолго до смерти он записал: «Умирать все равно будем под музыку Дунаевского и слова Лебедева-Кумача» (*Ильф И.* Записные книжки 1925 – 1937. С. 546). Имеется в виду песня «Широка страна моя родная...» (1936) с ее фальшиво-патриотическим пафосом: «Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек».

Не мне выпала честь выразить эту криминальную мысль в печати. Она выражена с совершенной ясностью в статье В. Блюма (№ 6 “Лит. газ.”), и смысл этой статьи блестяще и точно укладывается в одну формулу:

ВСЯКИЙ САТИРИК В СССР ПОСЯГАЕТ НА СОВЕТСКИЙ СТРОЙ»⁶⁷³.

Это подтверждает и рассказ Виктора Ардова о работе в журнале «Чудак»: «Умонастроение нашего редактора четко проявлялось на тех совещаниях, где придумывали темы для карикатур “Чудака”, а потом – “Крокодила”. Сочиняя эти сюжеты, иные авторы предлагали свои выдумки, в которых сатира как бы “лилась через край”. Тогда Кольцов говорил иронически: “Эту темку пошлите в Париж в белогвардейскую газету ‘Возрождение’. Там возьмут охотно”. Вскоре формулировка эта была сокращена, и наш редактор говорил так: “Это для т о г о журнала!”. А впоследствии и мы сами уже отзывались о неподходящих темах: “В т о т журнал!”»⁶⁷⁴. Перед нами – яркий пример самоцензуры: есть хорошая советская сатира и плохая белогвардейская.

Вообще же самыми яркими получаются обычно не положительные, а отрицательные персонажи. Тот же великий комбинатор, вопреки желанию соавторов, вырос в такую сильную личность, что оказался им не по зубам: «Остап Бендер был задуман как второстепенная фигура. Для него у нас была одна фраза – “Ключ от квартиры, где деньги лежат”. Ее мы слышали от одного нашего знакомого, который дальше и был выведен в виде Изнуренкова. Но Бендер постепенно стал выпирать из приготовленных для него рамок, приобретая все большее значение. Скоро мы уже не могли с ним сладить»⁶⁷⁵; «К концу романа мы обращались с ним, как с живым человеком, и часто сердились на него за нахальство, с которым он пролезал в каждую главу»⁶⁷⁶.

Необходимо остановиться на прототипе Изнуренкова, каковым стал сотрудник газеты «Гудок», остроумец Михаил Александрович Глушков, расстрелянный в 1938 году. Смысл фамилии «Изнуренков» становится понятным в свете поздней записи Ильфа (осень 1936): «Книжная инфляция, болезнь изнурительная, вроде сахарного мочеизнурения»⁶⁷⁷. А у Изнуренкова «инфляции» подвергся юмор, поскольку он «выпускал не меньше шестидесяти первоклассных острот в месяц». Поэтому в первом издании «Двенадцати стульев» этот персонаж был назван Мочеизнуренковым.

Как свидетельствует писатель Семен Гехт, отсидевший позднее в ГУЛАГе, «Ильф всегда был рад шумному, доброму Глушкову, который был очень доволен образом Изнуренкова и даже поцеловал за это Ильфа в плечо»⁶⁷⁸. Об этом же вспоминал Виктор Ардов: «Я не стану подробно описывать внешность и характер Глушкова, ибо это удивительно точно и выпукло сделали Ильф и Петров <...> Там правильно описана даже профессия Глушкова, – создание тем для рисунков в газетах и журналах. Точно описаны его манера говорить, его внешние и внутренние черты и прочее...»⁶⁷⁹; «Очень точно и похоже написан портрет Ильфом и Петровым. Они, когда написали, то его вызвали, Глушкова, прочитали ему, и он сказал, что он не обижается на это. Глушков интересный человек был, великий бильярдист...»⁶⁸⁰. Увлечение Глушкова бильярдом упоминал и Евг. Петров: «Остап Бендер был задуман как второстепенная фигура, почти что эпизодическое лицо. Для него у нас была приготовлена фраза, которую мы слышали от одного нашего знакомого бильярдиста: “Ключ от квартиры,

---

⁶⁷³ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Голос, 2000. С. 256 – 257.

⁶⁷⁴ Ардов В. Этюды к портретам. М.: Сов. писатель, 1983. С. 124.

⁶⁷⁵ Петров Е. Мой друг Ильф. М.: Текст, 2001. С. 24.

⁶⁷⁶ Петров Е. Из воспоминаний об Ильфе // Ильф И. Записные книжки. М.: Сов. писатель, 1939. С. 19.

⁶⁷⁷ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 533.

⁶⁷⁸ Гехт С. Семь ступеней // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 116.

⁶⁷⁹ Ардов В. Этюды к портретам. М.: Сов. писатель, 1983. С. 129.

⁶⁸⁰ Цит. по: Беседа Виктора Ардова с Виктором Дувакиным, 20.12.1967 // <http://oralhistory.ru/talks/orh-32/text?hl=6891a85>

где деньги лежат?»⁶⁸¹. Эта фраза основана на конкретном факте биографии Михаила Глушкова, о чем рассказал его близкий приятель по Киеву Садя Фридман: «В годы НЭПа в Москве было открыто казино, где шла азартная игра в карты. Миша регулярно в ней участвовал. Однажды, выиграв крупную сумму, он затем не только проиграл ее, но оказался в большом долгу перед партнерами. Расплатиться он не мог и предложил выигравшему ключ от своей комнаты со всем находившимся в ней имуществом. Сделка состоялась, и выигравший изъясил все имевшиеся в ней вещи, состоявшие, главным образом, из платьев жены, гостившей в это время в Киеве у родителей»⁶⁸². Также и визит Воробьянинова к Изнуренкову отсылает к киевской биографии Глушкова: «В ту пору, о которой я рассказываю, он жил с матерью, вдовой, видимо, когда-то богатого человека. Однажды в их квартиру явился незнакомый пожилой человек и спросил, дома ли Миша. Несколько удивленная мать ответила, что нет, и поинтересовалась, зачем он ему нужен. И тут незнакомец рассказал, что полгода назад купил у Миши рояль, находящийся в этой квартире, и уплатил за него. По просьбе Миши он оставил рояль у него, а Миша обязался ежемесячно платить ему определенную сумму в виде арендной платы. Произошла задержка в оплате, и это вызвало беспокойство нового хозяина»⁶⁸³ ~ «Да, я сознаюсь. Я не платил за прокатное пианино восемь месяцев, но ведь я его не продал, хотя сделать это имел полную возможность» (глава «Авессалом Владимирович Изнуренков»). А реплика этого персонажа: «Нет! Сидите! – закричал Изнуренков, закрывая стул своим телом. – Они не имеют права! <...> А я вам говорю, что не имеете права. <...> Может быть, я уплачу!» (глава «Два визита»), – совпадает со словами героя рассказа Петрова «Встреча в театре» (1928): «Вы не имеете права! – кричал Наперекоров. – Мне, может быть, нужно по естественным надобностям!...»⁶⁸⁴ («закричал Изнуренков» = «кричал Наперекоров»; «не имеете права... Может быть, я» = «не имеете права... Мне, может быть»).

В «Золотом теленке» же, помимо Остапа, появятся и другие, тоже как будто бы отрицательные, персонажи, открыто критикующие советскую власть: «Кай Юлий Старохамский пошел в сумасшедший дом по высоким идейным соображениям.

– В Советской России, – говорил он <...> – сумасшедший дом – это единственное место, где может жить нормальный человек. Все остальное – это сверхбедлам. Нет, с большевиками я жить не могу. Уж лучше поживу здесь, рядом с обыкновенными сумасшедшими. Эти по крайней мере не строят социализма. Потом здесь кормят. А там, в ихнем бедламе, надо работать. Но я на ихний социализм работать не буду. Здесь у меня, наконец, есть личная свобода. Свобода совести. Свобода слова».

Легко заметить, что здесь повторяются мысли великого комбинатора. Так, слова Старохамского: «Эти по крайней мере не строят социализма. <...> Но я на ихний социализм работать не буду», – вызывают в памяти признание Остапа Бендера Шуре Балаганову: «Я хочу отсюда уехать. У меня с советской властью возникли за последний год серьезнейшие разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм»⁶⁸⁵.

В «Золотом теленке» Остап, дискутируя с ксендзами, говорит: «Пуэр, соцер, веспер, генер, либер, мизер, аспер, тенер!». А в рассказе «Вице-король» (1931), созданном по мотивам «Золотого теленка», эту фразу произносит Старохамский, обращаясь к своим сопалатникам, которые также симулируют сумасшествие.

⁶⁸¹ Петров Е. Из воспоминаний об Ильфе // Ильф И. Записные книжки. М.: Сов. писатель, 1939. С. 19.

⁶⁸² Фридман С. Фрагменты воспоминаний // Семь искусств [сетевой альманах]. 2013. № 7 (44). Июль.

⁶⁸³ Там же.

⁶⁸⁴ Смахач. М., 1928. № 13. Март. С. 5.

⁶⁸⁵ Аналогичная конструкция встречается в обращении самого Ильфа к Валентину Катаеву: «Она хочет строить социализм, а я не хочу» ~ «Валюн! Ваш брат меня мучит. Он требует, чтобы я работал. А я не хочу работать. Понимаете? Я не хочу работать. Я хочу гулять, а не работать» (Петров Е. Мой друг Ильф / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2001. С. 83).

При описании разговора Остапа с Корейко сказано, что «Остап говорил в скверной манере дореволюционного *присяжного поверенного*», а Старохамский в «Золотом теленке» назван «бывшим *присяжным поверенным*» (для сравнения – в «Вице-короле» он скажет о себе: «Но старый *присяжный поверенный* Старохамский на ихний социализм работать не будет»).

Остап называет себя «*идейным борцом за денежные знаки*», а Старохамский говорит, что «пошел в сумасшедший дом по высоким *идейным* соображениям» (в то же время идейность в советском смысле Остап отвергал, что следует из его рассказа «Как в городе N наступил рай», не вошедшего в канонический текст «Теленка»: «Дорогие девушки и дети, – начал Остап Бендер. – В одном из тех городов, которые я грабил в свободные минуты, жили чуткие и даже, выражаясь вульгарно, *идейные* граждане. Они маршировали в ногу с эпохой»⁶⁸⁶; сюда примыкает еще одна саркастическая реплика Остапа в главе «Три дороги»: «Чутье подсказывает мне встречу с неактивными колхозниками и прочими образцовыми гражданами»).

Следующий же монолог Старохамского из «Вице-короля»: «Погибло лечебное дело в России! Растоптано! Разрушено! Я всегда говорил, в Советской России всё идет прахом. Не дают человеку покоя! Нет личного благополучия. Уничтожено! Растоптано», – повторяет мотив из последнего письма интеллигента Алексея Тишина автору в «Необычайных похождениях Хулио Хуренито и его учеников» (1921) Ильи Эренбурга: «Где святые идеалы? Поруганы, осмеяны, убиты!». В том же 1921 году на данную тему выскажется Анна Ахматова в стихотворении «Всё расхищено, предано, продано...» (1921), опубликованном в ее сборнике «Anno Domini» (1923). Так что Старохамский неожиданно превратился в трагического персонажа, вопреки идейной установке Ильфа и Петрова. Но, возможно, Старохамский не был им целиком чужд, поскольку целый ряд фельетонов в журнале «Чудак» они подписали псевдонимом «А. Старосольский»⁶⁸⁷. Кстати, отсылку к работе Ильфа и Петрова в этом журнале мы находим и в следующей реплике Остапа: «А теперь – продолжим наши игры, как говорил редактор юмористического журнала, открывая очередное заседание и строго глядя на своих сотрудников» («Золотой теленок»; глава «Командовать парадом буду я»). Речь идет о редакторе «Чудака» Михаиле Кольцове: «Дверь открылась, в комнату быстро вошел Михаил Кольцов. Только теперь, когда он оказался рядом с высоким и плечистым Евгением Петровым, я поняла, что он небольшого роста <...> Оглядев присутствующих, он сказал полувопросительно:

– Ну что ж, продолжим наши игры?

Позже я узнала, что такой фразой редактора обычно начинались совещания, на которых обсуждались материалы и темы для будущего номера “Чудака”.

– Продолжим наши игры? – повторил Кольцов и прошел в следующую комнату. Вся ватага повалила за ним»⁶⁸⁸.

Прощаясь с СССР, Остап говорит: «Я не люблю быть первым учеником и получать отметки за внимание, прилежание и поведение». Данная тема получит развитие в фельетоне Ильфа и Петрова «Отдайте ему курсив» (1932), из которого становится ясно, кто подразумевается под «первым учеником»: «А главное, не надо было думать. Выпалил заученное, получил пятерку и пошел прочь. Завтра выпалил то же самое. Послезавтра – опять то же самое.

Хорошо быть первым учеником, критическим зубрилой литературной прогимназии! <...> Для названия статьи употребляется так называемая формула сомнения.

---

⁶⁸⁶ Планы и наброски к «Великому комбинатору» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок (авторская редакция) / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2016. С. 410.

⁶⁸⁷ Например: Старосольский А. Соревнование одиночек // Чудак. М., 1929. № 19. Май. С. 6; Он же. Два агитпропа // Чудак. 1929. № 24 (специальный церковный номер). С. 10; Он же. Кабинет восковых фигур // Чудак. 1929. № 27. Июль. С. 10; Он же. Кооп-генералы // Чудак. 1929. № 28. Июль. С. 14.

⁶⁸⁸ Тэсс Т.Н. В редакцию обратился человек... М.: Сов. Россия, 1964. С. 309.

Если рецензируемая книга называется “Жили два товарища”, статья о ней первого ученика имеет заголовок “Жили ЛИ два товарища?”.

Произведение носит название “Трагедийная ночь”. Рецензия – “Трагедийная ночь ли?”⁶⁸⁹.

Это хорошо. Это удобно. Автор сразу берется под сомнение. По заголовку статьи сразу видно, что писал ее первый ученик, а не какой-нибудь второй. Тут стесняться нечего. Формула заголовков удобная. <...> Начиная свою статью, первый ученик никогда не скажет: “Автор изобразил”, “Автор нарисовал”. Тут есть более осторожная фраза: “Автор пытался изобразить”, “Автор сделал попытку нарисовать”.

Привычка настолько велика, что даже о Шекспире стали писать: “В пьесе ‘Отелло’ автор попытался изобразить ревность”. Кстати, и статья называется “Мавр ли?” И читатель в полной растерянности. Может быть, действительно не мавр, а еврей? Шейлок? Тогда при чем тут Дездемона? Ничего нельзя понять! <...>

Под ударами первого ученика писатель клонится все ниже и ниже. А зубрила, бормоча (чтобы не позабыть): “Есть в нем скрытый мистицизм, биология в нем видна”, принимается за самую ответственную операцию (нечто вроде трепанации черепа) – вскрывание писательского лица. Тут он беспощаден и в выражениях совершенно не стесняется. Формула требует энергичного сравнения. Поэтому берутся наиболее страшные. Советского автора называют вдруг агентом британского империализма, отождествляют его с П.Н. Милюковым, печатно извещают, что он не кто иной, как объективный Булак-Балахович⁶⁹⁰, Пуанкаре или Мазепа, иногда сравнивают даже с извозчиком Комаровым⁶⁹¹.

Все эти страшные обвинения набираются курсивом и неуклонно (такова традиция) снабжаются замечанием: “Курсив мой”. <...>

Это его курсив. Курсив первого ученика»⁶⁹².

Данная тема будет продолжена в речи «Писатель должен писать», написанной Ильфом и Петровым и произнесенной последним на общемосковском собрании писателей 3 апреля 1937 года. Здесь получила развитие мысль Остапа о нелюбви к получению отметок «за внимание, прилежание и поведение»: «У нас в литературе создана школьная обстановка. Писателям непрерывно ставят отметки. Пленумы носят характер экзаменов, где руководители Союза перечисляют фамилии успевающих и неуспевающих, делают полугодовые и годовые выводы.

Успевающим деткам выдаются награды, и они радостно убегают домой, унося с собой подаренную книжку в золотом цыпинском переплете или “М-Г”, а неуспевающим читают суровую нотацию, так сказать отповедь. Неуспевающие плачут и ученическими голосами обещают, что они больше не будут. Один автор так и написал недавно в “Литературной газете” – “Вместе с Пильняком я создал роман под названием ‘Мясо’. Товарищи, я больше никогда не буду”»⁶⁹³.

---

⁶⁸⁹ Этот же прием обыгрывается в записной книжке Ильфа за май 1930 года: «“Стальные ли ребра?” “Двенадцать ли стульев?” “Растратчики ли?”» (*Ильф И.* Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 284). Как указывает Александра Ильф, «рецензия критика В.И. Блюма действительно называлась “Стальные ли ребра?” (Молодая гвардия, 1930)» (Там же. С. 289). Данная рецензия – «Стальные ли ребра? (По поводу романа Ив. Макарова)» – была опубликована в журнале: Молодая гвардия. 1930. № 9 (май). С. 106. А Владимир Блюм был яростным обличителем Ильфа и Петрова, утверждая, что при советской власти сатира не нужна и даже вредна.

⁶⁹⁰ Генерал Белой армии.

⁶⁹¹ Серийный убийца.

⁶⁹² *Холодный философ.* Отдайте ему курсив // Литературная газета. 1932. 29 мая. № 24. С. 3.

⁶⁹³ Литературная газета. 1937. 6 апр. № 18. С. 4. Евгений Петров имеет в виду следующую заметку: «Настоящим считаю необходимым совершенно ясно и открыто признать перед нашей советской писательской общественностью, что написанный мною совместно с Бор. Пильняком “роман” “Мясо”, опубликованный в “Новом мире”, является произведением халтурным, о чем совершенно правильно мне было указано нашей критикой. Я сделал недобросовестную работу. Больше так работать не буду» (*Беляев С.* Письмо в редакцию // Литературная газета. 1937. 15 марта. № 14. С. 6).

А впервые данная тема была поднята в фельетоне 1929 года, посвященном публичным «проработкам» того самого Бориса Пильняка за публикацию за границей повести «Красное дерево»: «На этот раз писателям был задан урок о Пильняке.

– Что будет? – трусливо шептала Вера Инбер. – Я ничего не выучила.

Олеша испуганно писал шпаргалку. Всеволода Иванова грызло сомнение: точно ли река Миссури является притоком Миссисипи. Зозуля, согнувшись под партой, лихорадочно перелистывал подстрочники, решебники и темники.

И один только Волин хорошо знал урок. Впрочем, это был первый ученик. И все смотрели на него с завистью.

Он вызвался отвечать первым и бойко говорил целый час. За это время ему удалось произнести все свои фельетоны и статьи, напечатанные им в газетах по поводу антисоветского выступления Пильняка.

На него приятно было смотреть»⁶⁹⁴.

Тут же приходит на память пьеса Евгения Шварца «Дракон» (1943), в концовке которой встречается знаменательный диалог между сыном бургомистра Генрихом и рыцарем Ланцелотом: «Но позвольте! Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чем не виноват. Меня так учили». – «Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?».

Требуют комментарии и следующие слова Остапа, обращенные к Балаганову: «Я хочу отсюда уехать. У меня с советской властью возникли за последний год серьезнейшие разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм». Что же такого произошло за этот последний год? Ну, конечно же, введение первой пятилетки (пятилетнего плана развития народного хозяйства), главная цель которой – строительство материально-технической базы социализма. О плане первой пятилетки было заявлено в апреле 1929 года на XVI конференции ВКП(б), а в мае этот план был утвержден на V Всесоюзном съезде Советов СССР. Остап же произносит свои слова в июне 1930-го («за последний год»), когда и состоялась его встреча с Балагановым.

Поэтому, несмотря на всю свою популярность, авторы «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца» ходили по острию ножа:

В декабре 1932 года в «Правде» был опубликован фельетон Ильфа и Петрова «Клооп». Арон Эрлих, в 30-е годы заведовавший отделом литературы в «Правде», много лет спустя рассказывал мне, как после публикации «Клоопа» его вызвал главный редактор «Правды» Л.З. Мехлис и спросил: «Вы хорошо знаете Ильфа и Петрова?». – «Да», – с готовностью ответил Эрлих. «И ручаетесь за них?». – «Д-да», – ответил Эрлих не так бодро. «Головой?» – «Д-да», – ответил Эрлих, окончательно угасая (и даже в пересказе слышалась эта его обреченная интонация). «Вчера я был у Иосифа Виссарионовича, – сказал Мехлис. – Эти вопросы были заданы мне. Я ответил на них так же, – продолжил он благосклонно. – Но помните: вы отвечаете за то, чтобы “Клооп” не повторился»⁶⁹⁵.

Более того, вдова Валентина Катаева Эстер Давыдовна Бреннер говорит, что власть фактически убила обоих писателей: «...Ильф – Илья Файнзильберг – бывал у нас не реже Жени [Евгения Петрова] и очень любил Валю, слушался его советов. Уже тяжелобольной, продолжал появляться у нас. Его могло спасти лечение в Давосе, но – не выпустили. Их вообще как писателей уничтожили, Женья в последние годы писал только сценарии и фельетоны, всё это – без вдохновения»⁶⁹⁶.

⁶⁹⁴ Толстоевский Ф. Три с минусом (Отчет о диспуте «Писатель и политграмма». Состоялся 7/X в театре Революции) // Чудак. М., 1929. №. 41. Окт. С. 7.

⁶⁹⁵ Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. Иерусалим: Изд-во «Мория», 1997. С. 51.

⁶⁹⁶ Эстер Катаева: «Когда попросила Мандельштама замолчать, муж месяц со мной не разговаривал» / Беседовал Дмитрий Быков (2000) // <http://izbrannoe.com/news/lyudi/intervyu-dmitriya-bykova-so-vdovoy-valentina-kataeva-ester/>

Уничтожение Ильфа и Петрова как писателей началось с негативных рецензий на «Двенадцать стульев» и задержки публикации «Золотого тельца».

По свидетельству художника-карикуриста Бориса Ефимова (младшего брата Михаила Кольцова), начальник Главлита Б.М. Волин «проявляет строгую партийную бдительность, вплоть до того, что не дает разрешение на выпуск в свет известного романа Ильфа и Петрова “Двенадцать стульев”, о котором он отзывался как о “похождениях жулика в стране дураков”. С точки зрения своей должности главного партийно-литературного цензора он правильно уловил смысл романа как беспощадную и острую сатиру на советский быт и нравы, на всю советскую систему. Тем не менее, роман со многими купюрами вышел в свет...»⁶⁹⁷. Тот же Волин 7 декабря 1931 года отправил в Оргбюро ЦК ВКП(б) пространную записку о советских журналах: «“30 Дней”. В ряде номеров печатался “Золотой Теленок” Ильфа и Петрова – пасквиль на Советский Союз, где банда жуликов совершенно безнаказанно обделывает свои дела. Дальнейшее печатание этого пасквиля, искажающего советскую действительность, было прекращено Главлитом. Редакция ответила на это помещением на всю страницу портретов авторов и возмутительной статьей Луначарского, где, между прочим, восхваляется сатирическое творчество Замятина»⁶⁹⁸.

А уже после журнальной публикации «Теленка» тем же Главлитом на один год был задержан выход романа отдельной книгой, о чем соавторам сообщил 19 февраля 1932 года глава Союза писателей А.А. Фадеев: «Похождения Остапа Бендера в той форме и в том содержании, как Вы изобразили, навряд ли мыслимы сейчас. И мещанин сейчас более бешеный, чем это кажется на первый взгляд. С этой стороны повесть Ваша устарела. Плохо еще и то, что самым симпатичным человеком в Вашей повести является Остап Бендер. А ведь он же – сукин сын. Естественно, что по всем этим причинам Главлит не идет на издание ее отдельной книгой»⁶⁹⁹.

Но сам Фадеев прекрасно осознавал ценность и «Золотого тельца», и «Двенадцати стульев». В этом отношении показательны мемуары режиссера и сценариста Александра Белинского: «Недавно наш петербургский писатель Даниил Гранин рассказал мне, что Александр Фадеев – незадолго до своего трагического самоубийства – во время очередного запоя сказал Гранину: “От нашей литературы этого времени навсегда останутся только романы Ильфа и Петрова”»⁷⁰⁰.

***

В 1942 году Петров описал свой разговор, состоявшийся в день знакомства с Ильфом: «Я помню, что когда мы познакомились с ним (в 1923 году), он совершенно очаровал меня, необыкновенно живо и точно описав мне знаменитый Ютландский бой, о котором он вычитал в четырехтомнике Корбетта, составленном по материалам английского адмиралтейства. “Представьте себе, – говорил он, – совершенно спокойное море, – был штиль, – и между двумя гигантскими флотами, готовящимися уничтожить друг друга, маленькое рыбацье суденышко с повисшими парусами”»⁷⁰¹.

На эту же тему сохранилось свидетельство гудковца Ильи Березарка, сообщившего о морском рассказе Ильфа «Приключения Мишки Бешабашного»:

Сотрудник «Гудка» Борис Перелешин рассказывал мне, что его друг Илья Арнольдович Файнзильберг в дни своей молодости (тогда он еще не был известен как Ильф) записы-

⁶⁹⁷ Ефимов Б. Десять десятилетий (О том, что видел, пережил, запомнил). М.: Вагриус, 2000. С. 619.

⁶⁹⁸ Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917 – 1991 гг. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2009. С. 210.

⁶⁹⁹ Цит. по факсимиле письма: Петров Е. Мой друг Ильф / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2001. С. 166.

⁷⁰⁰ Белинский А.А. Записки старого сплетника. СПб.: Библиополис, 1996. С. 149.

⁷⁰¹ Петров Е. Из воспоминаний об Ильфе: К пятилетию со дня смерти // Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: в 5 томах. Т. 5. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1961. С. 521.

вал морские рассказы и легенды. Илья Арнольдович работал в то время в одесской газете «Моряк».

По словам Перелешина, сохранилась у Ильфа с юношеских лет толстая тетрадь в клеенчатой обложке, на которой были наклеены рисунки пароходов и парусных судов. В этой тетради были записаны занимательные истории. Впрочем, Илья Арнольдович об этом говорить не любил и всегда переводил речь на другую тему. Но как-то жена Перелешина, воспользовавшись хорошим настроением Ильи Арнольдовича, упростила его рассказать что-нибудь из этой заветной тетради. Однако тетради с рисунками под рукой у него не оказалось, и он рассказывал нам по памяти или, может быть, импровизировал. Рассказчик он был мастерский, речь свою вел всегда серьезно и строго. Если кто-нибудь смеялся, он глядел укоризненно. Впрочем, рассказывал он лишь в дружеском кругу, выступать с эстрады не любил и не умел. Позднее, когда авторы «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца» стали широко популярны, читал их произведения на вечерах всегда Евгений Петров, а Илья Арнольдович сидел рядом с ним.

В юношеском морском рассказе Ильи Арнольдовича речь шла о некоем Мишке Бесшабашном. Это был любимец одесских моряков – полубродяга, полужулик. Он где-то приобрел небольшой баркас и решил «делать дела»: что-то покупал, что-то продавал. Но выходило все это плохо. «Коммерция» ему не удавалась. Однако моряки любили Мишку, любили слушать его «байки», его вранье и подкармливали болтуна. Но вот этот Мишка совсем обнаглел. Моряки даже считали, что он с ума сошел: объявил себя ни мало ни много... Летучим Голландцем. Его слушатели не могли перенести такого издевательства – это ведь как-никак популярный герой морского фольклора, персонаж, всеми моряками уважаемый. «Не будет тебе ни огня, ни воды», – сказал Мишке старшина одесских моряков Григорий. Все старались не иметь дел с Мишкой, для его маленького баркаса не нашлось места на одесских пристанях. Бедный Мишка очень страдал, готов был раскаяться. Пришлось ему на своем ветхом суденышке ехать в Феодосию. Но там уже знали о «преступлениях» Мишки. «Ты обидел морскую совесть! – сказал ему один феодосийский моряк.

И тут Мишка, у которого не было ни кола, ни двора, действительно стал Летучим Голландцем. Рассказ кончился совсем не комически – Мишка плачет, мучается и отправляется на своем баркасе в открытое море. По-видимому, едет на гибель.

Со слов супругов Перелешиных я знаю, что был и другой рассказ на близкую тему. Речь шла также о морской легенде, огнях святого Эльма. И здесь с юмором воспроизводились бытовые черты жизни моряков. Борису Перелешину Ильф рассказал эту историю, но как-то не полностью, поэтому Перелешин подробностей не знал. Я спрашивал об этом рассказе самого Илью Арнольдовича, но он не пожелал на эту тему со мной разговаривать. По словам писателя С. Гехта, когда он спросил Ильфа о тетради, где записаны морские рассказы, тот ответил, что она не то пропала, не то уничтожена.

Перелешин сообщил мне, что Евгений Петров не только знал об этой тетради, но даже искал ее после смерти Ильфа, однако найти не мог.

Как известно, Ильф к морской теме более не возвращался. У меня сложилось впечатление, что у этого Бесшабашного и его друзей-моряков были отдельные черты, характерные для героев будущих знаменитых романов. Но это – только впечатление. Настаивать на его верности не буду, не считаю возможным, так как оригинал не сохранился, а я слышал только один рассказ, к тому же, кажется, незаконченный⁷⁰².

Увлечение Ильфа военно-морской тематикой отразилось в одном из эпизодов «Золотого тельца», где Остап выступает в роли адмирала: «Выслать линейных в мое распоряжение. Частям прибыть в город Черноморск в наикратчайший срок. Форма одежды караульная. Ну, трубите марш! Командовать парадом буду я!» (глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»). Здесь пародируется риторика народного комиссара по военным и морским делам, председателя реввоенсовета Клим Ворошилова. По словам писателя Виктора Ардова: «...например, знаменитая фраза: “Командовать парадом буду я”. Теперь она стала чем-то вроде поговорки, а мы помним, как Ильф

---

⁷⁰² Березарк И. Устные рассказы писателей: Воспоминания // Нева. 1977. № 3. С. 203 – 204. Перепечатано с изменениями и сокращениями: Березарк И. Штрихи и встречи. Л.: Сов. писатель, 1982. С. 134.

выхватил ее из серьезного контекста официальных документов и долгое время веселился сам, повторяя эту фразу. Затем “командовать парадом буду я” было написано в “Золотом теленке”. Смеяться стали читатели»⁷⁰³.

2 ноября 1927 года Михаил Пришвин процитировал в своем дневнике одну из советских газет: «Приказ. “Командовать парадом буду я. Ворошилов”»⁷⁰⁴. И действительно, пять дней спустя состоялся «парад 7 ноября 1927 года, в день 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Принимал парад председатель ЦИК СССР М.И. Калинин, командовал парадом Председатель Реввоенсовета СССР К.Е. Ворошилов. В этом юбилейном параде участвовали военно-учебные заведения, линейные части, сводный полк моряков Балтики и Черного моря, подразделения других округов, войска СТПУ, особые вооруженные отряды НКПС, полк допризывников высших учебных заведений города Москвы и полк кружков Мосавиахима. Все это свидетельствовало о ярком воплощении в жизнь воззвания ЦК нашей партии “Ко всем организациям ВКП(б), ко всем рабочим и крестьянам”»⁷⁰⁵.

Упомянутые здесь *линейные части* вошли в приказ Остапа: «Выслать *линейных* в мое распоряжение»; фраза «Частям прибыть в город *Черноморск...*» является эхом «сводного полка моряков Балтики и *Черного моря*», который присутствовал на параде 7 ноября 1927 года; а словосочетание *в наикратчайший срок* вновь взято из лексикона Ворошилова: «...вокруг нас, как шакалы с разинутыми пастьями, стоят враги и злобно, грозно, угрожающе рычат. <...> Поэтому нам необходимо *в кратчайший срок* психологически мобилизоваться»⁷⁰⁶.

Появление же караульной одежды («Форма одежды караульная») можно объяснить тем, что в июле 1919 года, когда была объявлена мобилизация для борьбы с войсками Антона Деникина, Илья Ильф «был зачислен в 1-й Караульный советский полк, который квартировал в здании нынешнего Дворца моряков на Приморском бульваре. Он был сформирован из негодных к строевой службе»⁷⁰⁷. С этими же событиями невольно соотносится приказ «Частям прибыть в город Черноморск в наикратчайший срок», поскольку тогда (в 1919 году) шла ожесточенная борьба за Черноморский флот между деникинцами и большевиками.

Намек на битву за Одессу между красными и белыми содержится также в реплике Остапа из раннего варианта «Золотого теленка»: «Нам предстоят великие бои под Одессой. Вы тоже поедете, Балаганов. Готовьте перевозочные средства» (роман «Великий комбинатор»). При этом реплика «*Нам предстоят великие бои*» является парафразом очередного высказывания Ворошилова: «Нас окружают, как вы отлично знаете, наши классовые недруги. Со времени окончания гражданской войны мы твердо помним о том, что *битвы с классовыми врагами нам предстоят великие*, и об этих битвах нас предупреждал неоднократно не кто иной, как Владимир Ильич»⁷⁰⁸. А Владимир Ильич действительно предупреждал о подобных вещах: «Но, что бы ни случилось, *нам предстоят великие события, великая борьба*, великие победы. Это чувствует пролетариат повсюду...»⁷⁰⁹.

Морская (или *капитанская*) *фуражка*, в которой Остап вошел в город Арбатов, говорит о нем как о *капитане-командоре* – так назывался «в России нач. 18 – нач.

---

⁷⁰³ Ардов В. Ильф и Петров (воспоминания и мысли) // Знамя. 1945. № 7. С. 129.

⁷⁰⁴ Пришвин М. Дневники: 1926 – 1927. М.: Моск. рабочий, 2003. С. 514.

⁷⁰⁵ Грушевой К.С. Сто военных парадов. М.: Воениздат, 1974. С. 62.

⁷⁰⁶ К войне, которую навязывают империалисты, Советский Союз будет готов (Речь тов. Ворошилова на XV Московской губпартконференции) // Гудок. М., 1927. 16 янв. С. 2.

⁷⁰⁷ Из статьи Ростислава Александрова. Цит. по: Ильф А.И. Илья Ильф: Линия жизни 1897 – 1927 // Илья Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа. М.: Текст, 2004. С. 20.

⁷⁰⁸ Восьмой съезд профессиональных союзов СССР (10 – 14 декабря 1928 г.). Пленумы и секции. Полный стенографический отчет. М.: Книгоиздательство ВЦСПС, 1929. С. 14.

⁷⁰⁹ Ленин Н. (Ульянов В.). Собрание сочинений. Т. VI. 1905 год. М.: Госиздат, 1924. С. 207.

19 вв. флотский чин между капитаном 1-го ранга и контр-адмиралом 4-й степени»⁷¹⁰. Кроме того, *командор* – это еще и руководитель автомобильного пробега, который совершает «Антилопа-Гну». Отсюда – соответствующие титулы Остапа: командор и великий командор, которые, помимо всего прочего, коррелируют с должностью Ворошилова: комиссар.

Используется морская терминология и при описании экипажа «Антилопы»: «*Влево по носу – деревня!* – крикнул Балаганов, полочкой приставляя ладонь ко лбу». Сравним: «...он снял телефонную трубку и сообщил на мостик: “*Прямо по носу айсберг, сэр!*”»⁷¹¹. А в концовке романа Остап говорит: «Всё надо делать по форме. *Форма номер пять* – Прощание с родиной», – также прибегая к морской лексике: «Очень горевал краснофлотец Светлов. В затопленном кубрике у него поплыли форма номер три и *форма номер пять*. А он только что получил новое обмундирование»⁷¹², – и заодно обыгрывая название полонеза Огинского «Прощание с родиной» (1794), написанного после поражения польской революции 1793 года.

Неудивительно, что в «Золотом теленке» присутствует отсылка и к морскому эпизоду из «Путешествий Гулливера» Свифта, откуда было позаимствовано также название машины – «Антилопа»: «И однажды в бурную ночь шторм погнал “Антилопу” прямо на скалы. Ослабевшие руки матросов не могли справиться с управлением, и корабль в щепки разбился об утес. Лишь пять человек вместе с Гулливером сумели спастись в шлюпке» (2-я глава).

Такая же судьба постигла автомобиль «Антилопа», на котором ехали Бендер, Балаганов, Козлевич и Паниковский: «Раздался ужасный тошнотворный треск, и антилоповцы в секунду очутились прямо на дороге в самых разнообразных позах. Ноги Балаганова торчали из канавы. На животе великого комбинатора лежал бидон с бензином. Паниковский стонал, легко придавленный рессорой. Козлевич поднялся на ноги и, шатаясь, сделал несколько шагов. “Антилопы” не было. На дороге валялась безобразная груда обломков: поршни, подушки, рессоры».

Необходимо сказать и о пародировании Остапом лексики главы ВЧК – ОГПУ Феликса Дзержинского (1877 – 1926), который с 1921 года был еще и председателем Деткомиссии ВЦИК, занимавшейся помощью беспризорным детям.

Товарищи!

Наша молодая рабочая Республика вышла победительницей из ожесточенной кровавой борьбы с ее заклятыми врагами – внутренней и внешней контрреволюцией. <...> В результате титанической борьбы на организме страны остались глубокие раны, для окончательного излечения которых еще долгое время будут требоваться громадные усилия со стороны рабочих и крестьян Советской России. <...> на территории Союза Социалистических Республик осталось еще громадное число детей-сирот, не имеющих ни крова, ни призора. Несколько миллионов детей-сирот требуют немедленной реальной помощи.

Детская беспризорность, часто выявляющаяся в самых уродливых, ужасающих формах – как детская преступность, проституция – угрожает подрастающему поколению самыми тяжелыми последствиями и заставляет бить тревогу.

Существующая сеть детских учреждений не в силах вместить всей армии беспризорных детей, для открытия же новых не хватает средств. <...>

Учитывая это тяжелое положение громадного числа детей и все грозные последствия его, Деткомиссия ВЦИК <...> обращается ко всем рабочим и крестьянам и всем трудящимся Советской республики с горячим призывом прийти во время ее на помощь детям.

Не стесняйтесь ни формой, ни размером вашей помощи. Помните, что только общими объединенными усилиями широких рабоче-крестьянских масс мы можем выйти с честью из борьбы на этом тяжелом фронте детской беспризорности.

⁷¹⁰ Словарь иностранных слов. 11-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1984. С. 238.

⁷¹¹ *Скрягин Л.Н.* Последний SOS «Вольтурно». М.: Мысль, 1989. С. 55.

⁷¹² *Бондарин С.* Лирические рассказы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 348.

Одновременно с этим Деткомиссия ВЦИК обращается с просьбой к Исполкому Коминтерна, Профинтерну, Коминтерну молодежи и Межрабпому взять на себя задачу информировать наших товарищей рабочих и крестьян за границей о целях и задачах настоящей кампании и привлечь их к участию.

Деткомиссия надеется, что трудящиеся за границей откликнутся на ее призыв своею материально-финансовой помощью и помогут ей в борьбе с детской беспризорностью в России.

Деткомиссия обращается также ко всем заграничным организациям помощи голодающим в России с просьбой усилить до возможных пределов свою работу в части помощи детям.

Все на помощь детям!

*Председатель комиссии ВЦИК
по улучшению жизни детей
Ф. Дзержинский*⁷¹³

А вот речь Остапа перед участниками тайного «Союза меча и орала»:

Заграница нам поможет. Остановка за общественным мнением. <...> Граждане! – сказал Остап, открывая заседание. – Жизнь диктует свои законы, свои жестокие законы. Я не стану говорить вам о цели нашего собрания – она вам известна. Цель святая. Отовсюду мы слышим стоны. Со всех концов нашей обширной страны взывают о помощи. Мы должны протянуть руку помощи, и мы ее протянем. Одни из вас служат и едят хлеб с маслом, другие занимаются отхожим промыслом и едят бутерброды с икрой. <...> Одни лишь маленькие дети, беспризорные, находятся без призора. Эти цветы улицы, или, как выражаются пролетарии умственного труда, цветы на асфальте, заслуживают лучшей участи. Мы, господа присяжные заседатели, должны им помочь. И мы, господа присяжные заседатели, им поможем. <...> Товарищи! – продолжал Остап. – Нужна немедленная помощь! Мы должны вырвать детей из цепких лап улицы, и мы вырвем их оттуда! Поможем детям! Будем помнить, что дети – цветы жизни. Я приглашаю вас сейчас же сделать свои взносы и помочь детям. Только детям, и никому другому. Вы меня понимаете?

Совпадают и обращение «Товарищи!», и лексические обороты: «громадное число детей-сирот, не имеющих ни крова, ни призора» = «Одни лишь маленькие дети, беспризорные, находятся без призора»; «Несколько миллионов детей-сирот требуют немедленной реальной помощи» = «Нужна немедленная помощь! Мы должны вырвать детей из цепких лап улицы...»; «с горячим призывом прийти <...> на помощь детям» = «Мы должны протянуть руку помощи, и мы ее протянем»; «Деткомиссия надеется, что трудящиеся за границей откликнутся на ее призыв своею материально-финансовой помощью и помогут ей в борьбе с детской беспризорностью в России» = «Заграница нам поможет»; «Все на помощь детям!» = «Поможем детям!»⁷¹⁴ (стоит добавить, что реплика Остапа: «Будем помнить, что дети – цветы жизни», – обыгрывает редакционную статью в журнале «Смехач»: «Дети – цветы жизни! Помните это, товарищи-читатели “Смехача”!»⁷¹⁵).

Как видим, в подтексте многих высказываний и действий Остапа лежат пародии на коммунистических вождей и идеологов. Но эти пародии скрыты за таким пер-

⁷¹³ Дзержинский Ф. Все на помощь детям // Известия. М., 1923. 31 марта. № 71.

⁷¹⁴ Впрочем, тема беспризорности поднималась Ильфом еще в очерке «Беспризорные» и в фельетоне «Принцметалл» (оба текста – 1924).

⁷¹⁵ Смехач. М., 1927. № 32. Авг. С. 2. В этом же номере на с. 5 был опубликован рассказ Евгения Петрова «Всеобъемлющий зайчик», основная идея которого пригодилась при создании образа поэта-халтурщика Никифора Ляписа-Трубецкого: «Ходит зайчик по лесу / К северному полюсу» ~ «Гаврила ждал в засаде зайца, / Гаврила зайца подстрелил». В обоих случаях даны лишь две первые строчки, которые поэты предлагают в разные редакции, только в рассказе Петрова эти строчки остаются без изменений, а в романе претерпевают разнообразные модификации: «Гаврила шел кудрявым лесом, / Бамбук Гаврила порубал» и др. Поэтому зайчик назван *всеобъемлющим*, а Гаврила – *многоликим*.

воклассным юмором, что даже нарком просвещения Луначарский, написавший предисловие к американскому изданию «Золотого тельца», ничего не понял: «...Ильф и Петров в “Двенадцати стульях” позволили себе зубоскальствовать, не жалея никого, не бичуя, а просто хохоча во все горло над этим болотом, по которому революция шагает в своих семимильных ботфортах»⁷¹⁶.

Написанию статьи Луначарского предшествовала его встреча с Ильфом и Петровым, о которой подробно рассказал писатель Александр Дейч:

...Мне казалось, что Анатолий Васильевич даже обрадовался, когда я попросил его поговорить с Ильфом и Петровым, уже известными тогда авторами «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца». Анатолий Васильевич прочитал оба романа, называл авторов в разговоре «отличными мастерами веселого смеха», и, конечно, встреча с ними его заинтересовала. А Ильфу и Петрову, кроме всего прочего, эта встреча нужна была и практически: им очень хотелось, чтобы Луначарский, и никто иной, написал предисловие к американскому изданию «Двенадцати стульев». Эти авторы, которых Кольцов называл «писателями-близнецами», с торжественным видом принесли мне письмо на фирменном бланке нью-йоркских издателей и попросили помочь разобраться в этом документе.

Встреча состоялась у Луначарского на дому. Мы сидели в его кабинете, и когда Петров изложил просьбу написать статью к американскому изданию, Анатолий Васильевич задумался на мгновение и сказал:

– Не считайте, что это простое дело. Я очень смеялся, читая «Двенадцать стульев», даже завидовал блещущему и немного беззаботному веселью молодых авторов. Да, ваше веселье от избытка сил, от прекрасного чувства превосходства над той обывательской мелюзгой, которую вы так неподражаемо описали. Но, но...

Луначарский замолк, а темпераментный Петров, не выдержав этой паузы, воскликнул:

– Анатолий Васильевич, говорите все «но», мы не красные девицы, в обморок от вашей критики не упадем, и нашатырный спирт не понадобится.

Анатолий Васильевич улыбнулся и продолжал:

– Я хочу сказать, что вашему роману не хватает серьезности. Пожалуйста, не возражайте, что при веселости откуда же взяться серьезности. Я не сравниваю масштабов, но у таких веселых писателей, как Щедрин, Мольер, Вольтер, – у каждого на свой лад была глубокая серьезность. Они знали изречение «смех убивает». А ваш смех, быть может, слишком беспечен и добродушен. С одной стороны, это хорошо, потому что здесь видна убежденность в полном ничтожестве обывателей и мещан, в сущности не могущих затормозить наше великое дело. Но с другой стороны, вы как бы любуетесь вашим Остапом Бендером, порой читатель может прийти в восхищение, до того он ловок, находчив и изворотлив.

Авторы наперебой попробовали возразить: они, мол, отнюдь не имели этого в виду, они презирают не только Остапа Бендера, но и тот жизненный прототип, с которого они его писали. При этом Ильф многозначительно посмотрел на меня сквозь стекла очков, что означало – не выдавайте нашей тайны, кто этот Остап Бендер в жизни.

– Нет, нет, вы меня не разубедите, – говорил Луначарский, – мне нет никакого дела до того, есть ли в жизни такой Остап Бендер, с которого вы писали гротескную карикатуру. Тут дело в другом: вы отнеслись к этому взбесившемуся филистеру без возмущения, без гнева...

– А мы не хотели дидактики, – вставил Ильф.

– В том-то и трудность вашей задачи, – продолжал Луначарский. – Изобразить лилипутский мирок с таким ничтожным Гулливером и пустить его гулять не только по нашей стране, но и по капиталистической Европе, – конечно, не преступление, но в этом есть доля яда. Буржуа на Западе, враждебно к нам настроенный, может злорадствовать, читая ваш роман: «Вот оно, социалистическое общество, – все состоит из Остапа Бендера, Элочки-людоедки, Васисуалия Лоханкина и прочих ничтожеств». Я вас предупреждаю, что в предисловии я поступлю как врач, дающий противоядие.

И Луначарский, увлекаясь, стал рассказывать нам, ошеломленным блестящей импровизацией, о тех случаях, когда из глубины веков какой-нибудь поднимающийся класс возмечивает до дерзости смелого человека, любыми средствами, даже явно нечестными, борю-

---

⁷¹⁶ Луначарский А. Ильф и Петров // 30 дней. М., 1931. № 8. Авг. С. 64.

щегося за место на земле для себя и себе подобных. Таковы мольеровский Скапен, Фигаро у Бомарше, Жиль Блаз у Лесажа, многочисленные плуты испанских новеллистов, вплоть до современного немецкого авантюриста из пьесы нашего с вами друга (Луначарский обратился ко мне) Газенклевера «Господин что надо». Мне кажется, что советские авторы, следуя многовековой традиции, должны ее видоизменить, обличая обывательское болото и предостерегая нестойких людей нашей переломной эпохи, чтобы они не попали в эту трясиину. Возьмите, например, Гоголя. Он сумел поставить на место зарвавшегося Хлестакова и показать с яростью сатирика его внутреннюю пустоту. Скажу еще, что «Золотой теленок» с этой стороны гораздо серьезнее «Двенадцати стульев», и я приветствую в нем уже некоторые обличительные тенденции.

– Вот уже статья и готова! – воскликнул Петров. – Жаль, что я не умею стенографировать.

– Нет, – сказал Луначарский, – для статьи мне еще надо многое продумать, но написать ее, и именно для иностранного читателя, мне очень захотелось.

Действительно, через некоторое время статья была написана, появилась в американском и немецком изданиях, а по-русски была напечатана в журнале «30 дней»⁷¹⁷.

Сказав Луначарскому, что «они презирают не только Остапа Бендера, но и тот жизненный прототип, с которого они его писали», соавторы немного слукавили, так как отношение Ильфа к Бендеру ясно выражено в его блокноте за сентябрь – ноябрь 1931 года, когда продолжалась публикация «Золотого теленка» в журнале «30 дней»: «Это я хотел бы быть таким высокомерным, веселым. Он такой, каким я хотел быть. Счастливец, идущим по самому краю планеты, непрерывно лопочущим. Это я таким бы хотел быть, вздорным болтуном, гоняющимся за счастьем, которого наша солнечная система предложить не может. Безумец, вызывающий насмешки порядочных и успевающих»⁷¹⁸. Более того, соавторы откровенно восторгаются своим героем: «Но Остап Бендер, длинный *благородный* нос которого явственно чуял запах жареного, не дал дворнику и пикнуть», «В таком случае, простите, – возразил *великолепный* Остап, – у меня есть не меньше основания, как говорил Энди Таккер, предполагать, что и я один могу справиться с вашим делом», «Товарищи! – сказал он *прекрасным* голосом. – Товарищи и братья по шахматам...», «Остап вытер свой *благородный* лоб», «Остап спал тихо, не сопя. Его носоглотка и легкие работали *идеально, исправно* вдыхая и выдыхая воздух»⁷¹⁹, «Что за издевательство! – воскликнул Воробьянинов, начавший было освобождаться из-под ига *могучего интеллекта* сына турецкоподданного» и т.д.

---

⁷¹⁷ Дейч А. День нынешний и день минувший. М.: Сов. писатель, 1985. С. 29 – 31.

⁷¹⁸ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 338.

⁷¹⁹ Два года спустя (июнь 1929) Ильф похожим образом опишет своего соавтора: «А в это время Женя спит. Легкие его работают исправно, а нос, как всегда, заложен» (Там же. С. 232).

Прототипы Бендера, Корейко и Паниковского

И здесь стоит привести доказательства того, что соавторы дружили с прототипом великого комбинатора. Как вспоминал одесский краевед Ростислав Александров: «...жена друга Ильфа, художника Евгения Окса, Варвара Васильевна, чье имя тоже осталось в “Золотом теленке”⁷²⁰, рассказывала мне, как однажды, уже в Москве, Ильф встретил ее словами: “Вава, жаль, что вы не пожаловали раньше, только что ушел Остап Бендер”»⁷²¹. По словам Александры Ильф, данная история произошла в 1929 или 1930 году, когда ее отец жил в доме в Соймоновском проезде. Об этом она рассказала в фильме «Прототипы. Остап Бендер. Осип Шор» (ВГТРК, 2013). И там же она зачитала письмо к Ильфу его жены Маруси Тарасенко: «Сегодня был у меня Шор, настроил рояль. Звучит он сейчас изумительно, в настоящем смысле слова». Потом она зачитала фрагмент другого письма матери к отцу (1936): «Был у меня вечером Остап Шор. Он все-таки смешной человек. Расскажу тебе про него».

Осипа Беньяминовича Шора в миру звали Остапом Васильевичем.

В петербургском архиве сохранился документ о рождении Осипа Шора 30 мая 1899 года:

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Дано сіе от меня, Никопольскаго общественнаго Раввина, въ томъ, что въ метрической книгѣ о родившихся евреяхъ по м. Никополю Екатеринославскаго уѣзда и губерніи за 1899-ый годъ, подъ № 41-мъ записанъ актъ слѣдующаго содержания:

Тысяча восемьсотъ девяносто девятаго года мая 30-го дня, у Брацлавскаго 2-ой гильдии купческаго сына Беньямина Хаимовича Шора и жены его Куни родился сынъ Осипъ.

Въ чемъ подписью съ приложеніемъ казенной печати удостовѣряю.

Февраля 3-го дня 1900 года.

Общественный Раввинъ (подпись)

На основаніи 1086 ст. т. IX зак. о сост. издан. 1876 года, Никопольское Городское Упрощенное Управление свидѣтельствуетъ, что настоящее метрическое свидѣтельство составлено вѣрно.

Февраля 4 дня 1900 года

Помощникъ Городскаго Старосты (подпись)

Письмоводитель (подпись)⁷²².

Беньямин Шор был владельцем магазина колониальных товаров, мельницы и свечного заводика в г. Никополь Днепропетровской области, а умер в 1901 году *от сердечного приступа*. Поэтому Остап Бендер и говорит: «Был у меня папа, турецкий

⁷²⁰ Имеется в виду жена Лоханкина – Варвара, которая, уходя от него к Птибурдукову, говорит: «Я ухожу. Так надо». Данная фраза перекечовала сюда из плана повести «Летучий голландец» (1929): «Редактор покупал роман. Еврей – Вайнторг, который продавал роман. “Я ухожу. Так надо”» (Ильф И., Петров Е. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: «Изд-во АЛЬФА-КНИГА», 2020. С. 209). По словам Лидии Яновской, «в том же июне – июле 1929 года Ильф и Петров думали о повести “Летучий голландец”, для которой сделали много заметок, но которую так и не написали» (Яновская Л. «Дело № 2» (К творческой истории «Золотого теленка») // Вопросы литературы. 1963. № 2. Февр. С. 181).

⁷²¹ Александров Р. Истории «с раньшего времени». Очерки. – Одесса: Optimum, 2002. С. 103. Эта же история описана в мемуарах Людмилы Окс – дочери Евгения Окса (Окс Л. О том, что запомнилось // Илья Ильф и Евгений Окс: дружба длиной в десятилетия. М.: БОНФИ, 2008. С. 28).

⁷²² Цит. по факсимиле документа: Котов А.В. Бендер – невский франт, или «...Посещение музея входит в программу...». СПб.: Тускарора, 2010 (7-я страница фотоклейки).

подданный, да и тот давно скончался *в страшных судорогах*» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»). А свечной заводик станет фактом биографии священника Федора Вострикова: «Он достаточно обеспечен (небольшой свечной заводик в Самаре)...» («Двенадцать стульев»; глава «Зеленый мыс»).

Существует информация о том, что «в Никополе, как пишет местная газета “Репортер” (со ссылкой на краеведа П. Богуша⁷²³), проживало семь семейств Шоров, при этом Бенъямин Шор (папа Осипа) входил в состав попечительского совета гимназии. Шоры жертвовали немалые деньги на общественную библиотеку»⁷²⁴.

В 1903 семья Шоров перебирается из Никополя в Одессу, а осенью 1906-го Осип поступает учиться в только что открывшуюся Одесскую мужскую гимназию Н.К. Илиади⁷²⁵. И это также станет фактом биографии Бендера, поскольку в «Золотом теленке» будут упомянуты «латинские исключения, зазубренные Остапом в третьем классе частной гимназии Илиади» (глава «Блудный сын возвращается домой»). Одесское происхождение Бендера (а также самих соавторов) подчеркивает обращение к отцу Федору в «Двенадцати стульях»: «Как же насчет штанов, многоуважаемый служитель культа? Берете? Есть еще *от жилетки рукава*, круг от бублика и от мертвого осла уши. Оптом всю партию – дешевле будет». Сравним с мемуаром Паустовского: «Я вспомнил об Ильфе и его персонаже – бесстрашном плуте Остапе Бендере – потому, что даже в те суровые дни плутовство процветало в Одессе. Оно заражало даже самых бесхарактерных людей. Они тоже начинали верить в древний закон барахолки: “Если хочешь что кушать, то сумей *загнать на Толчке рукава от жилетки*”»⁷²⁶.

Также Бендер называет себя сыном турецкоподданного, поскольку в царской России это была распространенная практика среди еврейской молодежи: «Почему турецко-подданный? Покойный Павел Наумович Берков, человек огромной эрудиции, как-то в разговоре сказал мне, что в середине прошлого века на юге России лица “некоренного происхождения”, не желавшие идти в армию государя императора, заявляли, что они турецко-подданные, а потому призыву не подлежат. Документов, разумеется, никаких не было, и воинский начальник в подтверждение просил “иностранца” произнести что-либо на турецком языке. Тот плел какую-нибудь тарабарщину или читал молитву на своем языке...»⁷²⁷.

Так, в рапорте одесского полицмейстера, капитан-лейтенанта В.П. Перелешина одесскому градоначальнику С.Н. Гудим-Левковичу (1881) говорилось, что «большая часть евреев-иностранцев суть русскоподданные, приобретшие иностранные виды с целью укрывательства от воинской и других повинностей в России или избежания преследования за совершенные преступления или же сокрытия своей прежней судимости. Подобный фиктивный переход в иностранное подданство, практикуемый вследствие легкости в приобретении турецких и румынских паспортов, следует отнести не только к евреям без определенных занятий, но и к торговцам, ремесленникам, находящимся в услужении и другим. В этом убедила практика судебной и полицейской

---

⁷²³ Имеется в виду следующий источник: *Богуш П.* Видел Никополь... Днепропетровск: Пороги, 1994.

⁷²⁴ *Фельдман О.* Осип, он же Остап (20.12.2011) // <http://ntm.net.ua/last-news/2011-12-20-08-44-20/1379-2011-12-20-08-37-11>

⁷²⁵ «Николай Илиади в 1905 основал мужскую частную прогимназию (с 1906 – гимназия), которая находилась на Николаевском (Приморском) бульваре, № 1, в доме Маразли» (*Кишиневский С.Я.* Мои воспоминания. Одесса: Астропринт, 2019. С. 158). Сам Николай Илиади «первое время преподавал там русский язык» (Там же. С. 248). Известно также, что писатель Лев Славин «в 1906 – 1916 гг. учился в Одесской гимназии Илиади» (Русские советские писатели-прозаики. Т. 7 (Дополнительный): Абрамов – Ясенский. М.: Книга, 1972. С. 252). Как вспоминал Ростислав Александров: «А гимназия Илиади – я еще внуку его знал, Марию Николаевну Илиади. Он держал гимназию, одесский грек. А его внук был философ в Москве» (телепередача «Между строк. Ростислав Александров об Ильфе и Петрове» на одесском канале РИАК. Ведущий – Аркадий Ромм, 2013).

⁷²⁶ *Паустовский К.* Время больших ожиданий. Повесть // Октябрь. 1959. № 3. С. 6.

⁷²⁷ *Молдавский Д.М.* Товарищ смех. Л.: Лениздат, 1981. С. 251.

деятельности, но при крайней осторожности и круговой поддержке евреев трудно и не представляется никакой возможности обнаружить фактов проживания по подложным видам»⁷²⁸.

Зачастую же взятие евреями турецкого гражданства было вызвано желанием не только уклониться от службы в царской армии, но и вырваться из черты оседлости, получив возможность торговать и проживать там, где захочется:

Некоторые коммерсанты-евреи в Одессе принимали турецкое подданство. Конечно, выбор был связан с дополнительными расходами, менялся принцип налогообложения. Зато дети получали возможность обойти ряд ограничений для иудеев.

Кроме того, указание на турецкое подданство отца ассоциировалось с событиями конца XIX века. Сионистское движение было тогда весьма популярно. Еврейские общины по всему миру собирали деньги, чтобы выкупить земли в Палестине и поселить желающих «на исторической родине».

Палестина в ту пору – территория Османской империи. А турецкая администрация не разрешала покупать землю иностранным подданным. Соответственно, эмигранты меняли подданство.

Но жизнь в Палестине была очень трудна. Многие переселенцы возвращались на родину. У возвращавшихся была возможность сохранить иностранное подданство либо отказаться от него.

Можно спорить об этнической идентичности главного героя «Двенадцати стульев». Но бесспорно, что сочетание украинского имени Остап с фамилией Бендер, предсказуемо воспринимавшейся в качестве еврейской, обозначало противоречие комического характера. Как, допустим, Тарас Рабинович⁷²⁹.

То, что «сын турецкоподданного» означает «сын еврея», косвенно подтверждает водевиль Ильфа и Петрова «Сильное чувство» (1933):

Р и т а. <...> Лифшиц гораздо лучше Стасика.

М а м а. Да, но Лифшиц почти еврей, Риточка, – караим!

Р и т а. Надо, мама, смотреть на вещи глубже. Караим – это почти турок...

Речь идет о караимах Стамбула, которые «живут в Турции десять веков»⁷³⁰.

А об Остапе Шоре как прототипе Бендера впервые сообщил Валентин Катаев: «Он продолжал появляться на наших поэтических вечерах, всегда в своей компании, ироничный, громадный, широкоплечий, иногда отпуская с места юмористические замечания на том новороссийско-черноморском диалекте, которым прославился наш город, хотя этот диалект свойствен и Севастополю, и Балаклаве, и Новороссийску, и в особенности Ростову-на-Дону – вечному сопернику Одессы.

⁷²⁸ ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 211. Л. 227об. Цит. по: *Прокон Ю.В.* Социально-правовое положение евреев-иностранцев в Новороссийском крае в эпоху императора Александр II // Труды по иудаике: История и этнография. Вып. 9. СПб., 2014. С. 220 – 221.

⁷²⁹ *Одесский М., Фельдман Д.* Комментарий к роману «12 стульев» // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: АСТ, 2017. С. 644 – 645.

⁷³⁰ *Karaites of Turkey/Караимы Турции.* Вып. № 5. International Institute of Crimean Karaites, 2005. С. 53. Существует экзотическая гипотеза, что прототипом великого комбинатора послужил Илья Ефимович Леви-Майтоп (р. 1904): «...Илья Леви, проживавший в соседнем с своим тезкой Ильей Ильфом доме по той же улице, согласно московским караимским преданиям, стал одним из прототипов Остапа Бендера. И. Леви был человеком авантюрного склада, не любил работать, имел страсть к филателии и антиквариату, но самое главное – он был турецкоподданным и сыном турецкоподданного. В 1927 г. Леви, отказавшись принять советское гражданство, уехал в Турцию. В Москве до настоящего времени проживает его племянница» (*Михайлов С.С.* Московские караимы в 1920 – 1980-х годах // Восток (Oriens). М., 2005. № 5. С. 47). См. также на эту тему: *Казас М.М., Мангуби К.М.* Кем же был в жизни и действительности Остап Бендер // Караимские вести. М., 1994. № 4. Апр. С. 2; *Богославская Т.* Прототип Остапа Бендера из Евпатории // Аргументы и факты. Украина, 1998. № 3 (129). Янв.

Остапа тянуло к поэтам, хотя он за всю свою жизнь не написал ни одной стихотворной строчки. Но в душе он, конечно, был поэт, самый своеобразный из всех нас. Вот таков был прототип Остапа Бендера»⁷³¹.

Еще один фрагмент из воспоминаний Катаева об Остапе Шоре: «Прототипом Остапа Бендера был старший брат одного замечательного молодого поэта <...> Он был первым футуристом, с которым я познакомился и подружился. Он издал к тому времени за свой счет маленькую книжечку крайне непонятных стихов, в обложке из зеленой обойной бумаги, с загадочным названием “Зеленые агаты”⁷³². Брат футуриста был Остап, внешность которого соавторы сохранили в своем романе почти в полной неприкосновенности: атлетическое сложение и романтический, чисто черноморский характер. Он не имел никакого отношения к литературе и служил в уголовном розыске по борьбе с бандитизмом, принявшим угрожающие размеры. Он был блестящим оперативным работником. Бандиты поклялись его убить. Но по ошибке, введенные в заблуждение фамилией, выстрелили в печень футуристу, который только что женился и как раз в это время покупал в мебельном магазине двуспальный полосатый матрац»⁷³³. То, что Натан Шор был убит по ошибке, подтвердил его брат Остап в разговоре (1978) с краеведом Ростиславом Александровым: «Вот родимое пятно – это Каинова печать. Натана убили вместо меня»⁷³⁴ (у обоих было родимое пятно на руке).

В итоге Натан Бенъяминович Шор прожил всего 21 год (1897 – 1918), а его брату – оперативнику одесского угрозыска Осипу Бенъяминовичу Шору – повезло значительно больше. Он прожил долгую и интересную жизнь и умер в возрасте 79 лет (1899 – 1978) – именно столько на двоих прожили Ильф и Петров...

Вот как Ростислав Александров описывал свою первую встречу с Остапом Шором в мае 1978 года⁷³⁵: «...потребовалось немало дней, полных надежд, волнений, сомнений, разочарований и, порою, желаний послать этот поиск подальше, чем от Одессы до Москвы, прежде чем состоялся телефонный разговор, во время которого была назначена встреча на Тверском бульваре и я услышал подкупающий конкретикой вопрос: “А как же я вас опознаю, по газете ‘Правда’ в левой руке?”. Уловив иронию, я предупредил, что буду держать коробку папирос старинной одесской марки “Сальве”. “Я их не видел уже сорок лет”, – прозвучало на другом конце провода, и я позволил себе заверить собеседника, что он сможет их увидеть и даже покурить через сорок минут, которые провел в размышлении на предмет того, как я оказался на скамейке Тверского бульвара неподалеку от редакции “Литературной газеты” в разгар изумительного дня начала московского лета... <...>

“Кто здесь курит папиросы ‘Сальве’ с антеникотинным мундштуком фабрики братьев Поповых?” – будто цитируя давнишнюю рекламу, произнес кто-то надо мной. Я поднялся со своей уже “насиженной” скамейки и увидел высокого немолодого гражданина с выразительным лицом и, действительно, “медальным профилем”, одетого в выдавший виды серый макинтош и сандалии или, как их еще совсем недавно называли в Одессе, сандалеты. Как писали Ильф и Петров о появлении Остапа Бендера в Старгороде, “носков под штиблетами не было”.

Это был Осип Бенъяминович, в миру Остап Васильевич Шор, брат погибшего еще в 1918 году от пули налетчиков талантливого одесского молодого поэта Натана Шора, придумавшего себе псевдоним Анатолий Фиолетов, завсегдаята “Коллектива

⁷³¹ Катаев В. Алмазный мой венец // Новый мир. 1978. № 6. С. 111.

⁷³² Фиолетов Анатолий [Шор Натан Бенъяминович]. Зеленые Агаты: Поэзы. – Одесса: Изд-во С. Силвера, 1914. 32 с. Тираж – 500 экз.

⁷³³ Катаев В. Алмазный мой венец // Новый мир. 1978. № 6. С. 109 – 110.

⁷³⁴ Цит. по: Яворская А.Л. Забытые и знаменитые. Очерки. – Одесса: Optimum, 2006. С. 101.

⁷³⁵ Месяц май был назван самим Р. Александровым: «Это был май, в Москве, он был в макинтоше, как тогда было; в сандалях – как говорили в Одессе, в сандалетах» (телепередача «Между строк. Ростислав Александров об Ильфе и Петрове» на одесском канале РИАК. Ведущий – Аркадий Ромм, 2013).

поэтов”, приятель Эдуарда Багрицкого, Юрия Олеши, Ильи Ильфа, а потом и Евгения Петрова, гимназист, студент физико-математического факультета Новороссийского университета, милиционер при Временном правительстве, красноармеец с 1919 года, рыбак в 1920-м, снабженец, поклонник Бахуса, на вопрос о том, что он предпочитает пить, вино или водку, неизменно отвечавший: “И пиво!”. В середине двадцатых годов он перебрался в Москву, потом работал где-то на Урале, а в годы нашего знакомства тихо жил в крохотной комнатенке вблизи Тверского бульвара и по старости лет уже не появлялся в поле зрения “московских одесситов”.

В тот день мы с ним долго кружили по улицам, куда-то заходили, где-то поднимали заздравную чашу, о чем-то спорили и что-то вспоминали, вернее, вспоминал Остап, а я только старался “нежно” навести его на воспоминания. Он рассказывал о своей родной гимназии Раппопорта на углу Успенской и Александровского проспекта, об университете, из которого хотел перевестись в Петроградский политехнический институт, да “семнадцатый год помешал”, вспоминал, как долго не мог смириться с гибелью брата, как “любил Эдю Багрицкого и дружил с Юрочкой Олешей, у которого даже поселился в свою первую московскую осень, когда уже неуютно стало ночевать на бульварах”. Он расспрашивал об Одессе и своем старом милицейском начальнике, милейшем Илье Вениаминовиче Шерешевском, которого и я знал и любил, говорил об Ильфе и Петрове: “Способные были ребята Илюша и Женя. И ни того нет, ни другого”.

Конечно, я предвзято воспринимал своего собеседника, но и без того было бы совершенно ясно, что много в Остапе Бендере от Остапа Шора: внешность, манера разговора, неистребимый одесский юмор, разносторонность неглубоких познаний... Но самое главное – живость ума и человечность <...>

Были и другие встречи с Шором, но, преодолевая соблазн, я никогда не заговаривал с ним об Остапе Бендере. Дело в том, что, как я знал, после выхода популярных романов Осип Беньяминович, вроде бы, обижался на Ильфа и Петрова, потому как многие узнали его в Остапе Бендере, чему в немалой степени способствовали иллюстрации художника К. Ротова, который хорошо знал Шора и совершенно явственно придал его черты главному герою. Но обиды эти были, скорее всего, своего рода литературной игрой. По-моему, он втихомолку даже гордился таким поворотом судьбы»⁷³⁶.

Самыми же подробными воспоминаниями об Осипе Шоре поделилась его внучатая племянница Наталья Камышникова-Первухина:

Двадцать седьмое ноября 1978 года. На косяке двери в зал номер три нового московского крематория приколот листок со списком имен тех, кого сегодня надо обслужить. Номер двадцать три – Осип Вениаминович Шор, 1899 – 1978. Последний список, в котором стоит его имя. И подпись директора крематория – Воскресенский. Так я узнала, что Остап Васильевич, один из прототипов Остапа Бендера, был Осипом Вениаминовичем (Беньяминовичем, на самом деле). Среди провожающих сводная сестра Остапа, Эльза Давыдовна Раппорт, сын Анатолий с женой, соседка по коммунальной квартире и я, его внучатая племянница.

<...> Сестра моей бабушки, Клары Бергер (Койфман), Екатерина, или как ее называли в семье, тетя Куня, от первого брака имела сыновей Натана (1897 – 1918) и Осипа, а от второго – дочь, Эльзу Раппорт. Клару Герцевну Койфман в последние дни оккупации Одессы повесили немцы, а тетя Куня, переехавшая в Петербург еще до революции, умерла незадолго до войны. Эльза блокаду пережила, хотя провела одну зиму в квартире с трупами мужа и его родителей, представителей старой дворянской семьи Муравьевых (но не Муравьевых-Апостолов, спешила она всегда честно уточнить).

На жизнь сестры и брата мрачную тень бросила гибель Натана, уже известного под псевдонимом Анатолия Фиолетова, поэта-эгофутуриста. Он был убит бандитами 14 ноября 1918 г., в краткий период австрийской оккупации Одессы.

---

⁷³⁶ Александров Р. Истории «с раннего времени». Очерки. – Одесса: Optimum, 2002. С. 101 – 106.

С февраля 1917 года и до декабря 1918 власть в городе сменилась раз десять. Это привело к неслыханному прежде разгулу преступности. Жители города стали создавать отряды самообороны и народные дружины. Вскоре на основе такой дружины был сформирован отдел по борьбе с бандитизмом при одесском уголовном розыске, в котором на должности инспекторов служили Остап и Анатолий Шор, а также Евгений Петров, будущий соавтор Ильи Ильфа. Фиолетов был уже известен в литературных кругах Одессы, и его гибель была многими воспринята как мрачное предзнаменование. <...>

Бунин замечает, что Фиолетов «поступил в полицейские» из идейных побуждений, но вероятно для того, чтобы работать в отделе борьбы с бандитизмом в одесском уголовном розыске надо обладать и определенной авантюрной жилкой. Остапу был свойственен расчетливый авантюризм, Анатолий же, по рассказам сестры, был человеком более мягким, даже нежным. Остап очень успешно боролся с налетчиками, и может быть поэтому ходили толки, будто Анатолия убили, приняв его за Остапа. <...>

Остап ушел из угрозыска и навсегда оставил Одессу. Он уехал в Москву, где продолжал знакомства с одесскими литераторами, к тому времени также переехавшими в столицу. Он появлялся на литературных вечерах, был близок к кругу одесситов, работавших в газете «Гудок», всю жизнь дружил с Юрием Олешей. Думаю, что мой отец, недолго там работавший, попал в «Гудок» не без протекции Остапа.

Культ оригинальности и иронического отношения ко всему на свете был в духе времени и места – послереволюционной Одессы. Остап поражал авантюрными идеями, которые не боялся осуществлять, и независимостью суждений. Но особенно запоминались его сардонические остроты и своеобразная манера рассказывать о своих невероятных приключениях. <...> Остап раньше многих понял, что произошло в стране, и рассчитал свое дальнейшее поведение. Он прошел через все то, что его веселые современники в творческом предвидении обозначили выражением «переквалифицироваться в управдомы». За недолгими годами безумных надежд, озорных выходок, легкой и лихой популярности в живописном мире богемы 20-х годов наступило время притаиться, молчать, отплевываться своими язвительными шутками, забыть все амбиции и, главное, дать забыть о себе. Растущая популярность его литературного двойника становилась для него опасной. Многие его родственники успели эмигрировать, при любой попытке устроиться на официальную работу это бы открылось. И он ушел в «подполье».

Кажется, он прожил много жизней, осуществляя варианты судьбы разных персонажей Ильфа и Петрова. В конце сороковых – начале пятидесятых он «подпольный миллионер». В нашей семье существуют понятия «остаповы деньги», «остаповы инструменты», «остаповы материалы». Одно время он бывал у нас очень часто. Я помню, как они сидели с моим отцом на тахте и тихо обсуждали предполагаемые планы «хозяина». Доносилось только «сидел», «сидит», «посадили», «посадят» и покачивая головой и иронически усмехаясь, они повторяли: «бедный доверчивый старик». Имени не называли, но я прекрасно понимала, что речь идет о Сталине и что выражение «Кобины дети» относится к начальству и вообще ко всем новым людям в отличие от старого, честного человека, того, кому можно доверять. <...>

Остап редко снисходил до того, чтобы заметить мое существование, называя меня в таких случаях «молодой пионэр» или «Павлик Морозов», а когда очень хотел обласкать, называл «Натальей-каналей». Он со всеми, кроме, может быть, моего отца, говорил каким-то ерническим тоном.

Остап был нашим «богатым родственником». Только у него можно было одолжить крупную сумму для найма летней дачи или просто чтобы дотянуть до полочки. В те годы денег у него, казалось, было много. Сразу после войны он освоил шелкографию, организовал артель и стал монополистом этого подпольного бизнеса. Рулоны с какой-то тонкой тканью и с какими-то пленками, издающими противный химический запах, хранились у нас дома, у меня под кроватью. Остап время от времени заходил к нам, часто я уже спала, и меня будил яркий свет, когда он вытаскивал из-под кровати рулон и отрезал от него нужный кусок. Само собой разумелось, что держать эти рулоны у нас надежнее, но если их найдут, то, конечно, «посадят». Остап всегда жил под угрозой посадки – и товар «левый», и само предприятие «левое», и, главное, продукция своеобразная.

Дело в том, что в течение нескольких лет Остап Шор изготавливал методом шелкографии иконы для Троице-Сергиевского монастыря в Загорске. Во многих окраинных и пригородных домах можно было видеть эти дешевые иконки на месте старых, уничтоженных в

послереволюционные годы. Когда патриарх узнал, что иконописец оказался евреем с сомнительной репутацией подпольного артельщика, этот источник дохода для Остапа закрылся. Не знаю, на кого он работал потом, но занимался шелкографией он еще долго, первым в Москве разрабатывал многие технические приемы, разные методы крашения и зарабатывал одно время большие деньги.

Рядом с ним появлялись какие-то странные знакомые: то благородные старцы с тонкими лицами, то какие-то неопишуемые оборванцы. С некоторыми он выпивает в подъезде «на троих», других одевает, селит у себя. Его собственные неприятности тоже странные. Почтенный еврейский джентльмен, на базаре он жестоко избивает милиционера в присутствии многочисленных свидетелей. Дело происходило году в пятьдесят пятом, Остапу пришлось скрываться, не ночевать дома. Он чудом избежал посадки, но никому не рассказывал, за что избил, как это случилось.

Отрывочные и необъяснимые подробности его жизни доходили до меня из разговоров взрослых. Например, когда была смертельно больна его мать, которую он очень любил, на вопрос о ее здоровье он приподнятым голосом рапортует нечто в таком духе: «Старушка цветет, жалоб нет, старикам везде у нас почет!» Что это?! Может быть, какое-то извращенное целомудрие? Нежелание снимать маску циника и паяца?

Уже на моей памяти умерла его жена Полина. Помню их большую, как мне показалось, комнату на Воздвиженке (в доме, где когда-то была квартира художника Леонида Осиповича Пастернака), заставленную сундуками и железными кроватями, на которых спят какие-то явно посторонние, бледные люди. Полина была милая, тихая женщина, как-то одутловато полная и бледная. Остапа очень любила, сына назвали Анатолий в память Анатолия Фиолетова. Когда она умерла, довольно еще молодой, Остап не пошел на ее похороны и никогда больше не упоминал ее имени. Комнату разменял с сыном. Отношений с ним в последние годы не поддерживал. Позже внук Остапа крестился, стал настоящим иконописцем. Как-то он пришел к Эльзе Давыдовне узнать о прошлом своей семьи, но услышав от нее, что наш предок Бергер был менялой на одесской набережной, а потом стал крупным банкиром, в ужасе бежал и у Эльзы больше не появлялся. Она мне со смехом рассказала об этом в 1997 году, когда я ее видела в последний раз.

В той же комнате на Воздвиженке, за занавеской жила их домработница Татьяна, которая потом будет ездить через всю Москву из своей новенькой хрущевской квартирки в очередную коммуналку Остапа, «ходить за ним», до тех пор, пока он будет ее к себе допускать.

Было известно, что в трудную минуту Остапу можно позвонить в любое время дня и ночи, он немедленно придет, все, что нужно, сделает, организует, посоветует. Если другого способа помочь нет, даст денег, принесет билеты, отправит в другой город и адрес даст, где переночевать. И исчезнет, оставив ощущение какого-то унижения своим циничным, демонстративным равнодушием к сути самого дела и к твоим душевным переживаниям.

Когда умер мой отец, с которым он был, казалось, близок, Остап взял на себя организацию похорон, но высказал несколько практических соображений, невообразимых в других устах: «Незачем хоронить в новом костюме – все равно работники крематория снимут, и, жаль, золотые коронки вырвут».

Как многие старые одесситы, после войны в Одессу Остап не возвращался. Для него город стал кладбищем, а на похороны и на могилы Остап никогда не ходил.

Хотя его жизнью руководил сложнейший логический расчет, Остап был игрок по натуре. Страстный картежник. Рассчитывал, рассчитывал, а потом ставил все на карту – и часто проигрывал. А поражений не выносил (отсюда, может быть, его отказ ходить на похороны и кладбища?). Я думаю, что послереволюционный стиль жизни, безвкусица и ханжество советского языка, наступивший праздник дураков он ощущал своим личным жизненным проигрышем.

Остап никогда не говорил серьезно или весело. Это всегда было саркастическое остроумие, насадное ерничание, утомительное, но завораживающее. С вызовом и какой-то злобой подчеркивал свои полууголовные связи и интересы. Утверждал, что ничего не делает «за спасибо», что в карты играет только ради выигрыша, что не верит ни в Бога, ни в черта, а того пуще в какое бы то ни было бескорыстное доброе побуждение. Его циничная манера говорить о людях, жеманные обращения «Mon ange» к знакомым, вне зависимости от возраста, а иногда и пола, французские цитаты вперемежку с довольно сальными каламбурами,

явное ко всем презрение от него отталкивало, и все же были в нем следы когда-то могучего очарования. И, несмотря на его манеру общения, он вызывал к себе полное доверие. <...> Сардонический антипафос его речи действовал, как освежающий душ или, вспоминая постоянно им цитируемое, – «Как целительная клизма душу радость озарила. Будет дочкой коммунизма электрическая сила!» Я впоследствии узнала, что это строчка из некогда знаменитой шутильной поэмы молодых харьковчан «От Космоса до Соцвоса или Цик и Вуцик». К сожалению, авторов я не знаю, и могу только догадываться, что имеется в виду Центральный исполнительный комитет и Всеукраинский центральный исполнительный комитет. <...> Дома у нас шутили, что летом он заведует катком, а зимой лодочной станцией. В октябре 41-го года, слышала я от мамы, он умудрился получить направление в Среднюю Азию для сопровождения эвакуированного московского зоопарка. В Ташкенте и он, и его семья числились в составе сотрудников зоопарка, и на столе время от времени появлялся то сактированный як, то покусанный злым тигром кабан, то измученная малярией лама. Верность этой истории гарантировать не могу, но она соответствует «мифу» Остапа Бендера. <...> Все читатели помнят временную супругу Остапа Бендера, мадам Грицацуеву. Последняя жена Остапа была ее совершенной копией.

Где-то в конце пятидесятых годов, уже пожилым господином, в период своего наибольшего финансового процветания Остап вдруг появился с новой женой. Ее сходство с мадам Грицацуевой казалось мистическим, невероятным! В жаркий летний вечер в нашу коммунальную квартиру в Кисловском переулке вошла томная, в кружевных перчатках и черном панбархатном платье с кружевом, украшенная ювелирными изделиями и густой косметикой, чрезвычайно пухлая особа лет тридцати пяти <...> Звали ее Тамара. Она сначала сильно робела и молчала, а мы старались не показать изумления, увидев такое великолепие за нашим скромным семейным столом. Как выяснилось, раньше Тамара торговала овощами в палатке на базаре, а теперь Остап устроил ее на какую-то должность в меховое ателье на Арбате, около Смоленской площади. Наверное, тогда она еще не читала знаменитого романа, и ласкательные имена, с которыми обращалась к Остапу («Остапчик, мой ангел, мой пупсик») изобретала сама. Грустно было наблюдать последнюю слабость и вспышки непривычной щедрости у этого сурового, ироничного человека. <...>

Вскоре после смерти Остапа я познакомилась с Виктором Иоэльсом, соседом по Большому Тишинскому, где мы тогда жили. Виктор Михайлович Иоэльс, художник, шелкограф и незаурядный знаток исторической Москвы, по пятницам держал «открытый дом». В его однокомнатной квартирке собиралось человек по двадцать, завсегдатаев, и случайных знакомых и совсем незнакомых. Среди постоянных посетителей был легендарный Саша Асаркан, который направлял разговор, или, скорее, царил в нем. Пили чай, заваренный по асаркановскому рецепту и ели косхалву из магазина «Армения».

Как-то разговор случайно коснулся Остапа, и Виктор переменялся в лице, когда услышал это имя. Впервые я увидела человека, который знал другого Остапа Шора. Он говорил о нем не просто с симпатией или любопытством, а серьезно, с глубоким уважением.

Он рассказал о том, что вернувшись из детприемника для детей репрессированных, с помощью Остапа, которого и помнил-то плохо среди других знакомых погибшего отца, получил обратно свою комнату на Тверском бульваре. Остап обучил его шелкографии, и он оказался одним из многих детей и родственников осужденных, которых Остап спас, научил ремеслу, обеспечив куском хлеба на всю жизнь. Виктор ко времени нашей встречи был совсем не молодым человеком. Но об Остапе он говорил с юношеским почтением: «Вы его не знали. Не знали, кем он был для нас. Остап Васильевич был необыкновенным человеком, честнейшим, справедливейшим. Никто теперь не знает, что такое деловая этика, что такое честное слово. Мы всецело от него зависели, и никогда он не обманул никого ни на копейку. Вам это кажется естественным, потому что вы не знаете, что такое “левые артели”. А скольких людей он просто спас от голодной смерти, годами помогал семьям заключенных, часто малознакомых людей. Не много было домов в Москве, куда можно было придти переночевать, вернувшись из лагеря. Приходили почти чужие люди, оставались, иногда подолгу жили, пока он не устраивал их на работу, не находил им какую-нибудь возможность остаться в городе. А ведь это были какие годы – сорок девятый, пятьдесят первый, да и позже хватало»⁷³⁷.

---

⁷³⁷ Камышишникова-Первухина Н. Остап // Слово/Word. Нью-Йорк: Центр Культуры эмигрантов из бывшего Советского Союза, 2009. № 64. С. 19 – 25.

Упомянутый здесь Виктор Иоэльс рассказал и о конкретном зэке, которому помог Осип Шор: «Я знал семью, которую он опекал долгие годы, – человек отсидел десять лет и вернулся. Редчайший случай – я был свидетелем возвращения человека после десяти лет Магадана. Он был художник и был изобретатель, этот вернувшийся человек. Такой – Чимбриков. Остап первый бросился ему помогать, причем делал это он так спокойно и очень не любил, когда его благодарили»⁷³⁸.

Теперь вернемся к мемуарам Камышниковой-Первухиной и сопоставим их с романами Ильфа и Петрова: «Утверждал, что ничего не делает “за спасибо”, что в карты играет только ради выигрыша, что не верит ни в Бога, ни в черта, а того пуще в какое бы то ни было бескорыстное доброе побуждение. Его циничная манера говорить о людях, жеманные обращения “Mon ange” к знакомым, вне зависимости от возраста, а иногда и пола, французские цитаты вперемежку с довольно сальными каламбурами, явное ко всем презрение от него отталкивало, и все же были в нем следы когда-то могучего очарования. И, несмотря на его манеру общения, он вызывал к себе полное доверие»⁷³⁹. Всё это находит массу аналогий с Бендером: «в карты играет только ради выигрыша» ~ «Тогда Остап извлек из тайников своего походного пиджака колоду карт и, засев у дороги при выезде из города, затеял игру в три карты. Рядом с ним стоял проинструментированный Ипполит Матвеевич, который должен был играть роль восторженного зрителя, удивленного легкостью выигрыша»; «не верит ни в Бога, ни в черта» ~ «Эй, вы, херувимы и серафимы, – сказал Остап, вызывая врагов на диспут, – Бога нет!»; «Его циничная манера говорить о людях» ~ «Побольше цинизма. Людям это нравится»⁷⁴⁰; «жеманные обращения “Mon ange” к знакомым» ~ «Мон дье, Васисуалий Андреевич, – отвечал Остап беззаботно, – не мучьте себя. Ведь интеллигентный-то из всех трех я один, так что условие соблюдено»; «были в нем следы когда-то могучего очарования» ~ «мужская сила и красота Бендера были совершенно неотразимы для провинциальных Маргарит на выданье».

В своих мемуарах Катаев рассказывает, как Остап Шор после убийства бандитами своего брата Натана «узнал, где скрываются убийцы, и один, в своем широком пиджаке, матросской тельняшке и капитанке на голове, страшный и могучий, вошел в подвал, где скрывались бандиты, в так называемую хавиру, и, войдя, положил на стол свое служебное оружие – пистолет-маузер с деревянной ручкой. Это был знак того, что он хочет говорить, а не стрелять. Бандиты ответили вежливостью на вежливость и, в свою очередь, положили на стол револьверы, обрезы и финки.

– Кто из вас, подлецов, убил моего брата? – спросил он.

– Я его пришил по ошибке вместо вас, я здесь новый, и меня спутала фамилия, – ответил один из бандитов.

Легенда гласит, что Остап, никогда в жизни не проливший ни одной слезы, вынул из наружного бокового кармана декоративный платочек и вытер глаза.

– Лучше бы ты, подонок, прострелил мне печень. Ты знаешь, кого ты убил?

– Тогда не знал. А теперь уже имею сведения: известного поэта, друга Птицелова [Эдуарда Багрицкого. – Я.К.]. И я прошу меня извинить. А если не можете простить, то бери свою пушку, вот тебе моя грудь – и будем квиты.

Всю ночь Остап провел в хавире в гостях у бандитов. При свете огарков они пили чистый ректификат, не разбавляя его водой, читали стихи убитого поэта, его друга птицелова и других поэтов, плакали и со скрежетом зубов целовались в засос.

⁷³⁸ Д/ф «Прототипы. Остап Бендер. Осип Шор» (ВГТРК, 2013).

⁷³⁹ Камышниковой-Первухиной Н. Остап. С. 23.

⁷⁴⁰ Впрочем, цинизм к Остапу Бендеру мог перейти не только от Осипа Шора, но и от Валентина Катаева. Вот знаменательная запись Ивана Бунина от 25 апреля 1919 года: «Быль Катаевъ. Цинизмъ нынѣшнихъ молодыхъ людей прямо невероятенъ. “За 100 тысячъ убью кого угодно. Я хочу хорошо ѣсть, хочу имѣть хорошую шляпу, отличные ботинки...”» (*Бунинъ Ив.* Окаянные дни. Изъ одесскаго дневника 1919 г. 25 апрѣля // Возрождение [газ.]. Париж, 1925. 25 июля. № 53. С. 2).

Это были поминки, короткое перемирие, закончившееся с первыми лучами солнца, вышедшего из моря.

Остап спрятал под пиджак свой маузер и беспрепятственно выбрался из подвала, с тем чтобы снова начать борьбу не на жизнь, а на смерть с бандитами»⁷⁴¹.

Можно с уверенностью сказать, что это легенда, поскольку «Остап Васильевич и Эльза Давыдовна прочли вместе эти странички и отозвались приблизительно в том духе, что это “очередная типично советская брехня, но написано мило”»⁷⁴².

Однако бесспорным фактом является письмо в редакцию газеты «Аргументы и факты» (1997) сводной сестры Шора Эльзы Давыдовны Рапопорт: «Мне почти 90 лет, и я, наверно, последний живой свидетель происшедшего с человеком, без которого в нашей литературе не появился бы весьма примечательный герой. Я имею в виду моего брата Осипа Шора, которого мы, домашние, звали Остапом.

Брат уезжает из Одессы в Петроград, собираясь учиться в Политехническом институте⁷⁴³. Там его застает 1917 год. Пробираясь домой, на юг, Остап становится героем массы приключений и авантюрных историй⁷⁴⁴. Эпизоды “Двенадцати стульев” с сеансом одновременной игры в шахматы или с поездкой на пароходе под видом художника – вовсе не писательская выдумка.

В нашем доме в Одессе бывали будущие знаменитости – Багрицкий, Олеша, Катаев. Бывал и Ильф, с интересом слушавший рассказы моего брата. Именно Ильф подобрал своему персонажу фамилию Бендер, поскольку рядом с его домом располагалась мясная лавка, владелец которой был, как говорится, “по паспорту” Бендером.

В 20-е гг. Остап собирался ехать в Челябинск на строительство тракторного завода⁷⁴⁵. Он заступался за друга, обвиненного во вредительстве, помогал семьям арестованных и в конце концов сам стал скрываться от “органов”.

В военной неразберихе его, как негодного к службе по возрасту, эвакуируют в Ташкент. Он поступает на работу – проводником на товарные поезда.

Послевоенная судьба брата была невеселой. Он перенес два инфаркта, заболел раком и ослеп на один глаз. И все-таки до самой смерти в 1978 г. сохранял внутреннюю независимость, оптимизм и жизнестойкость»⁷⁴⁶.

Добавим сюда еще один неподтвержденный факт из биографии Шора, который мог найти отражение в «Двенадцати стульях»: «Когда все пропуска были выданы и в фойе уменьшили свет, Яков Менелаевич вспомнил: эти чистые глаза, этот уверенный взгляд он видел в Таганской тюрьме в 1922 году, когда и сам сидел там по пустяковому делу» (глава «В театре Колумба»). Есть информация, что именно в 1922 году Осип Шор попал в Таганскую тюрьму за драку с человеком, оскорбившим женщину. Когда же следователи узнали, что Шор служил в угрозыске, его быстро освободили⁷⁴⁷.

В 1999 году по просьбе директора Народного литературного музея Остапа Бендера в Санкт-Петербурге Анатолия Котова корреспондент московской газеты «Новые известия» Виктор Костюковский начал поиски «личного дела» Осипа Шора:

Сначала я осаждал Санкт-Петербургский государственный технический университет – так теперь называется один из старейших вузов страны. А когда, снабженный резолюцией ректора, добрался до его архива, мне сказали: все документы той поры следует искать в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Рассказал все, что знал,

⁷⁴¹ Катаев В. Алмазный мой венец // Новый мир. 1978. № 6. С. 110 – 111.

⁷⁴² Камышишникова-Первухина Н. Остап // Слово/Word. Нью-Йорк: Центр Культуры эмигрантов из бывшего Советского Союза, 2009. № 64. С. 20.

⁷⁴³ Правильно: в Технологическом институте (см. документ, приведенный ниже).

⁷⁴⁴ На самом деле эти приключения произойдут лишь два года спустя.

⁷⁴⁵ На Челябинском тракторном заводе Шор проработал с 13 июня 1931 года по 20 октября 1932-го.

⁷⁴⁶ Прототип великого комбинатора дожил до 1978 года. Остап Бендер – правозащитник? // Аргументы и факты. М., 1997. 8 окт. № 41. С. 19.

⁷⁴⁷ Телепередача «Как уходили кумиры. Осип Шор» (ДТВ, 2006).

заведующей читальным залом этого архива Наталье Александровне Чекмаревой, она принесла описи дел Политехнического, я добросовестно «рыл» с 1915-го по 1918 год, и... ничего не нашел.

Расстроенный, собрался уходить, и вот тут Наталья Александровна сказала:

– Подождите, давайте разберемся спокойно. Если такой человек был, то его следы все равно можно найти. Вы уверены, что он поступил именно в Политехнический?

– Ну так писала его сводная сестра...

– Она вполне могла ошибаться. Давайте посмотрим еще описи Технологического института.

И вот тут – удача. Сначала нахожу фамилию Шора в описании фондов, и вдруг оказывается, что сами они «временно недоступны»: после ремонта лежат в таком месте, где до конкретной папки не добраться.

– Позвоните на следующей неделе, – сжалась Наталья Александровна, – я попробую что-нибудь сделать.

На следующей неделе я трясущимися руками раскрывал драгоценную папку: «Технологический Институт Императора Николая I-го: “Дело о принятии в число студентов Осипа Шора. Начато 13 ноября 1917 г. Кончено 13 сентября 1919 г.”»⁷⁴⁸.

Сразу же после Октябрьской революции Осип Шор действительно приехал в Петроград и 13 ноября 1917 года подал заявление на имя директора Технологического института (этот и следующий документы опубликованы в газете «Новые известия» без “еров” и “ятей”, но мы решили восстановить все особенности оригинала, дабы документы обрели свой первоначальный вид):

Господину Директору Петроградскаго Института (отъ) окончившаго 8 классовъ Одесской частной гимназіи И.Р. Раппопорта, Осипа Бенъяминовича Шора, проживающаго въ г. Одессе по ул. Полтавской побѣды в д. 78, кв. 26.

Желая получить высшѣ техническое образование въ вверѣнномъ Вамъ Институтѣ, прошу допустить меня, Шора, къ конкурснымъ испытаніямъ, чтобы, въ случаѣ успешнаго выдержанія, быть зачисленнымъ на 1-ый семестръ механическаго отделения.

Прилагаю при семъ слѣдующія документы въ нотариальныхъ и собственноручныхъ копіяхъ:

1. Свидѣтельство объ окончаніи Одесской частной мужской гимназіи И.Р. Раппопорта, выданное Одесскимъ Учебнымъ Округомъ за № 16560/4461,

2. Метрическое свидѣтельство о рожденіи, выданное Никопольскимъ общественнымъ раввиномъ за № 10, завѣренное Никопольскимъ Городскимъ Упрощеннымъ Управленіемъ за № 199,

3. Свидѣтельство о приписке къ призывному участку г. Одессы, выданное Одесской Городской управой за № 2509, а также три фотографическія карточки.

О. Шорь⁷⁴⁹

Легко заметить, что Осип Шор поступил в гимназию Н.К. Илиади, а окончил гимназию И.Р. Раппопорта (по некоторым сведениям, Илья Рафаилович Раппопорт был сводным дедушкой Шора, поскольку Эльза Давыдовна Раппопорт была сводной сестрой Осипа; при этом фамилия «Раппопорт» пишется то с одной, то с двумя «п»).

Еще один интересный документ, который хранится в «личном деле» Осипа Шора в петербургском архиве, – это свидетельство об окончании Одесской гимназии:

Министерство народнаго просвѣщенія. Свидѣтельство.

Предъявитель сего, ученикъ 8-го класса частной мужской гимназіи И.Р. Раппопорта въ Одессе Шоръ Осипъ Бенъяминовъ, какъ видно из документовъ, сынъ купческаго сына, вѣроисповѣданія иудейскаго, родившійся 30 мая 1899 года, поступилъ въ 1912 году по удосто- вѣренію Одесской частной мужской гимназіи М. Иглицкаго въ четвертый классъ частной

⁷⁴⁸ Костюковский В. «Брат футуриста был Остап...» // Новые известия. М., 1999. 6 нояб. № 208. С. 5.

⁷⁴⁹ Там же.

мужской гимназии И.Р. Раппопорта в Одессе и, пробыв в этой гимназии до окончания полного курса учения, в продолжение всего этого времени был повѣденіи отличнаго.

Въ настоящемъ году, согласно заключенію педагогическаго совѣщанія, состоявшагося на основаніи постановленія Временнаго Правительства отъ 18 марта 1917 г. (предложеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 24 марта 1917 г. за № 2374) въ присутствіи депутата отъ Одесскаго Учебнаго Округа, онъ показалъ нижеслѣдующія познанія:

Въ Законе Еврейской вѣры: четыре (4), русскомъ языкѣ и словѣсности три (3), латинскомъ языкѣ четыре (4), математикѣ пять (5), математической географіи пять (5), физикѣ пять (5), природоведеніи пять (5), исторіи четыре (4), географіи пять (5), немецкомъ языкѣ четыре (4), французскомъ языкѣ пять (5), философской пропедевтике четыре (4), законоведеніи пять (5).

Въ удостовѣреніе сего выдано Шору Осипу.

Настоящее свидѣтельство, предоставляющее ему... право на поступленіе въ университетъ... на одинаковыхъ условіяхъ съ учениками, прошедшими полный курсъ правительственныхъ мужскихъ гимназій.

Одесса, 16 июня 1917 года⁷⁵⁰.

И, наконец, третий документ, хранящийся в «личном деле» Осипа Шора, – это уже знакомое нам свидѣтельство о рожденіи, заверенное Никопольским раввином.

Между тем, едва поступив в Технологический институт, Шор вынужден был бросить учебу, так как, по словам его сводной сестры Эльзы Раппопорт, у него обнаружился бронхит: «...в Питере брат сильно заболел. Однажды, стоя перед зеркалом, он поймал себя на мысли: в комнате кто-то есть. Оглянулся – никого. И тогда Осип понял, что не узнает свое отражение. “Еще два часа в этом городе, и я умру”, – сказал себе Ося и решил возвращаться домой»⁷⁵¹; «Эти дни Остап вспоминал так: “Как-то, проснувшись, я увидел, как с потолка моей комнаты капает вода. Все было серым. Мрачным и сырым. Я подошел к зеркалу. То, что я там увидел, повергло меня в уныние. Я решил рвануть на юг, в любимую Одессу, к маме, брату, сестре, друзьям”»⁷⁵².

Первопубликатор трех вышеприведенных документов Виктор Костюковский сообщает, что, «поступив в Технологический институт осенью 1917-го, он [Шор] уже 11 ноября этого же года писал из Одессы прошение в институт, чтобы ему выслали “удостоверение о состоянии моем в институте” и отпускной билет. Прошу заметить, как осенью 1917-го, сразу после переворота, работала российская почта. Он писал из Одессы 11-го числа, а уже 30 ноября ему из Петрограда был отправлен ответ!»⁷⁵³.

Что же было после возвращения в Одессу? Ответ на этот вопрос дает внучатая племянница Шора Наталья Камышникова-Первухина: «С февраля 1917 года и до декабря 1918 власть в городе сменилась раз десять. Это привело к неслыханному прежде разгулу преступности. Жители города стали создавать отряды самообороны и народные дружины. Вскоре на основе такой дружины был сформирован отдел по борьбе с бандитизмом при одесском уголовном розыске, в котором на должности инспекторов служили Остап и Анатолий Шор...»⁷⁵⁴. Впрочем, Евгений Петров сам в течение трех лет (1921 – 1923) проработал следователем, что объясняет некоторые фразы Остапа, которые в устах уголовника могут показаться довольно странными: «Я чту Уголовный кодекс. Это моя слабость» (роман «Золотой теленок»), «Вам известно мое почтение к Уголовному кодексу» (роман «Великий комбинатор»), «Почему вы продаете свою бессмертную душу? Человек не должен судиться. Это пошлое занятие.

---

⁷⁵⁰ Там же.

⁷⁵¹ Самодолова С. Бендериада: Где были Ося и Киса на самом деле // Московский комсомолец. 2002. 30 марта. № 70. С. 8.

⁷⁵² Лебедев В. Секретное досье Остапа // Совершенно секретно. М., 1998. № 9. С. 26 – 27.

⁷⁵³ Костюковский В. «Брат футуриста был Остап...» // Новые известия. М., 1999. 6 нояб. № 208. С. 5.

⁷⁵⁴ Камышникова-Первухина Н. Остап // Слово/Word. Нью-Йорк: Центр Культуры эмигрантов из бывшего Советского Союза, 2009. № 64. С. 20.

Я имею в виду кражи» (роман «Золотой теленок»). Не забудем, что и у Остапа Шора в свидетельстве об окончании Одесской гимназии стояла пятерка по законоведению. А его борьба с бандитской группировкой Мишки Япончика была чрезвычайно успешной: «С “красными” у Япончика тоже не сразу сложились отношения. Сначала его здорово потрепал не менее легендарный одесский чекист Осип Шор (с него Ильф и Петров писали Остапа Бендера). В очередной приход “красных” в 1918 году Шор только в течение одной недели устроил три облавы подряд, которые стоили “япончатам” девяти бандитских жизней. В ответ уркаганы устроили покушение на чекиста, но, перепутав, убили его брата – талантливого молодого поэта Анатолия Шора (Фиолетова). Правда, вскоре “красные” вновь оставили Одессу, так что и эта дуэль окончилась для Япончика благополучно»⁷⁵⁵.

14 ноября 1918 года Натан Шор погиб. Сохранились воспоминания его сводной сестры Эльзы Давыдовны Рапопорт: «Дед (по матери) был то ли ростовщик, то ли банкир. Он давал деньги займы морским офицерам. <...> Мать моя овдовела очень рано. Муж – Вениамин Шор – внезапно скончался от сердечного приступа, ему было тридцать лет. У матери остались двое мальчиков – двухлетний Осип (прототип Остапа Бендера) и четырехлетний Натан (будущий поэт Анатолий Фиолетов). Через восемь лет моя мать вышла замуж за Давида Рапопорта и родилась я»⁷⁵⁶.

Если Осип Шор родился в Никополе, то его старший брат – в Одессе. Читаем в одной из регистрационных записей «Метрической книги о рождении Одесского раввината»: «Тысяча восемьсот девятноста седьмого года июля 21 дня у Брацлавскаго 2 гильдии купеческаго сына Бенъямина Хаимовича Шора и жены его Куни родился 14 и обрезанъ 21 июля сынъ, нареченный имънемъ Натанъ»⁷⁵⁷.

По словам замдиректора Одесского литературного музея Алены Яворской, «до шестого класса Н. Шор учился в частной мужской гимназии М.М. Иглицкого, с шестого по восьмой – в частной гимназии И.Р. Рапопорта»⁷⁵⁸. В 1916-м зачислен сверх еврейской нормы на юридический факультет Новороссийского университета (судя по документам, благодаря службе дяди в действующей армии)⁷⁵⁹⁷⁶⁰; а «когда после Февральской революции студентов-юристов привлекли к работе в уголовном сыске, Фиолетов-Шор стал инспектором розыскного отдела»⁷⁶¹.

В частную гимназию Рапопорта Натан Шор поступил в 1912 году и окончил в 1916-м⁷⁶², а год спустя ее окончил Осип Шор – процитируем еще раз свидетельство об окончании им данной гимназии, датированное 16 июня 1917 года: «...поступилъ въ 1912 году по удостовѣренію Одесской частной мужской гимназіи М. Иглицкаго въ четвертый классъ частной мужской гимназіи И.Р. Рапопорта въ Одессе и, пробывъ въ этой гимназіи до окончанія полного курса ученія, въ продолженіе всего этого врѣмени былъ поведенія отличнаго»⁷⁶³.

---

⁷⁵⁵ Сидоров А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга первая (1917 – 1940 гг.). Ростов-на-Дону: МарТ, 1999. С. 182.

⁷⁵⁶ Рапопорт Э. На волнах памяти // Музей кино. Выставочный сериал «Жизнь моя – кинематограф». – Москва, октябрь 1997. С. 2.

⁷⁵⁷ ГАОО (Государственный архив Одесской области). Ф. 39. Оп. 5. Д. 83. Л. 235. Цит. по: Яворская А.Л. Одесская пресса 1918 – 1919 гг. о гибели Анатолия Фиолетова // Вестник РГГУ. М., 2011. № 6 (68). С. 49 (серия «Журналистика. Литературная критика»).

⁷⁵⁸ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 15115. Л. 3.

⁷⁵⁹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 15115. Л. 1, 2.

⁷⁶⁰ Цит. по: Яворская А.Л. Анатолий Фиолетов (Шор) на страницах одесской периодики 1918 – 1919 гг. (25.12.2017) // http://az.lib.ru/f/fioletow_a_w/text_2010_ob_avtore.shtml

⁷⁶¹ Яворская А.Л. История любви и смерти поэта Анатолия Фиолетова // Фиолетов А. Деревянные фাগоты: Собрание стихотворений. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. С. 11 (Б-ка авангарда, вып. XXI).

⁷⁶² Яворская А.Л. Одесская пресса 1918 – 1919 гг. о гибели Анатолия Фиолетова // Вестник РГГУ. М., 2011. № 6 (68). С. 49 (серия «Журналистика. Литературная критика»).

⁷⁶³ Костюковский В. «Брат футуриста был Остап...» // Новые известия. М., 1999. 6 нояб. № 208. С. 5.

Дополнительную информацию о Натане Шоре приводят составители сборника стихов Фиолетова «О лошадях простого звания» (Одесса, 2000) Евгений Голубовский и Александр Розенбойм:

Посчастливилось найти человека, который работал с Фиолетовым. По рассказу старейшего одесского юриста И.В. Шерешевского, после Февральской революции 1917 г. на Преображенской улице помещалась милиция, в которую входил и сам розыск. Состав сотрудников был чрезвычайно разношерстным. Тут и «король одесского розыска» Гончаров, который пришел из старого сыска, и новичок-интеллигент, который не умел даже держать оружие, и студенты университета. Среди них – будущий юрист, а пока что инспектор розыскного отдела Фиолетов.

– С Фиолетовым я познакомился, – рассказывал Илья Вениаминович, – в начале лета 1917 года, когда начал работать в милиции. Тогда там служил еще и брат Фиолетова – Остап Шор.

После этого показалась справедливой версия, по которой Фиолетова убили, спутав с Остапом. Но самое удивительное было впереди. Оказывается, что осенью 1917 года все студенты, в том числе и Анатолий с Остапом, были уволены из розыска. Выходит, что смерть Фиолетова никакой связи с угрозой не имела: ведь он погиб через год, в конце 1918-го.

– Осенью 1917-го, – заканчивал свой рассказ Илья Вениаминович, – я потерял из поля зрения Фиолетова. Слышал, что он погиб. А от Остапа Шора мне как-то через несколько лет передали привет из Москвы⁷⁶⁴.

Из свидетельства Ильи Шерешевского: «С Фиолетовым я познакомился в начале лета 1917 года, когда начал работать в милиции. Тогда там служил еще и брат Фиолетова – Остап Шор», – следует, что Остап начал работать в Одесском угрозыске как минимум с весны 1917 года, а в ноябре он поступил в Петроградский Технологический институт. Однако учеба там не сложилась, поскольку Остап заболел бронхитом и в том же ноябре вынужден был вернуться в Одессу, где вскоре снова стал работать инспектором угрозыска, как и его брат Анатолий. Об этом Осип Шор рассказал Александру Розенбойму во время их встречи на Тверском бульваре в мае 1978 года:

– О брате как о поэте вряд ли я могу вам что-нибудь сообщить, – сразу сказал Остап, – а вот обстоятельства его смерти я до сих пор помню во всех деталях.

Дело в том, что после уголовного розыска Анатолий вернулся... в уголовный розыск. Он все время ощущал потребность в острых действиях, в смене впечатлений. Это помогало ему писать стихи. В это время И.В. Шерешевский там уже не работал, поэтому он об этом, естественно, ничего не знал.

Днем 14 ноября 1918 года Анатолий и агент угрозыска Войцеховский были на задании в районе Толкучего рынка. Возвращаясь, они зашли позвонить по телефону в мастерскую, которая помещалась на Большой Арнаутской в доме № 100. Следом за ними туда вошли двое неизвестных. Один из них подбежал к Анатолию. Анатолий сделал попытку вынуть из кармана пистолет, но незнакомец, который стоял в стороне, опередил его. Пуля догнала и Войцеховского, опытного старого работника, хоть он и попытался выскочить из мастерской.

Как потом удалось выяснить, за Анатолием и Войцеховским неизвестные следили еще на толкучке и, воспользовавшись тем, что они вошли в небольшое помещение, свели счеты с сотрудниками уголовного розыска.

В старых одесских газетах за эти числа вы сможете найти некрологи и от семьи, и от «Зеленой лампы», и от жены Анатолия – поэтессы Зинаиды Шишовой.

Я был младше Анатолия и плохо помню его окружение. Часто к нам домой приходил Эдуард Багрицкий. Он дружил с Анатолием. Издавался какой-то гимназический журнал. Возможно, оба принимали в нем участие. Но точно не помню. Стихи Анатолия нужно искать в периодике⁷⁶⁵.

---

⁷⁶⁴ Голубовский Е., Розенбойм А. «Анатолий Фиолетов. О лошадях простого звания. Одесса, 2000» // <https://www.odessitclub.org/index.php/vko-literatura/596-anatolij-fioletov-o-loshadyakh-prostogo-zvaniya>

⁷⁶⁵ Там же.

Известно, что в апреле-мае 1919 года Шор был партизаном и даже участвовал в ликвидации отрядов атамана Никифора Григорьева, который в мае 1919-го возглавил вооруженное восстание против большевистской власти на Украине, а в июле был убит махновцами (возможно, именно поэтому в «Двенадцати стульях», разговаривая с инженером Щукиным, Остап упомянет «один из веселеньких промежутков между Махно и Тютюнником в девятнадцатом году»). Как выяснил заместитель директора Объединенного государственного архива Челябинской области Николай Антипин:

Спустя много времени, в 1930 году, уже живя в Москве и работая старшим референтом секретариата президиума Высшего совета народного хозяйства СССР, Осип Шор стал хлопотать о признании его красным партизаном. Он обратился в комиссию по делам бывших красногвардейцев и красных партизан Краснопресненского района столицы с просьбой выдать ему соответствующее удостоверение.

К своему заявлению он приложил справку, составленную в местном отделении ВСНХ со слов командира и комиссара отряда: «Мы, нижеподписавшиеся, бывший командир особого партизанского отряда Д.С. Дмитриев и бывший комиссар отряда В.Ф. Воля, настоящим удостоверяем, что товарищ Шор О.В. действительно состоял в рядах означенного отряда в апреле и мае месяце 1919 года сначала в качестве рядового бойца-партизана, а затем в должности помощника начальника разведки. Вместе с отрядом товарищ Шор О.В. принимал участие в ликвидации банд Григорьева на Украине. При этом в бою под Елисаветградом товарищ Шор О.В. был захвачен в плен григорьевскими бандами, откуда бежал, доставив в штаб боевого участка ценные сведения о количестве, вооружении и расположении банд.

С расформированием партизанского отряда, на базе которого сформирована была отдельная стрелковая бригада, товарищ Шор был назначен помощником начальника военно-контрольного пункта при отдельной стрелковой бригаде».

Личное дело с этими документами и фотографией Осипа Шора были обнаружены в Челябинском областном архиве в фонде комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан при Челябинском горисполкоме, куда Осип Шор, видимо, обратился за пенсией, и для подтверждения фактов героической биографии были запрошены документы из Москвы⁷⁶⁶.

А в 1931 году Шор оказался в Челябинске, поскольку решил поучаствовать в строительстве тракторного завода: «Обнаруженные документы доказывают: реальный Бендер действительно работал в Челябинске <...> с 13 июня 1931-го по 20 октября 1932 года, и это многое меняет. Гигант индустриализации начал выпускать тракторы в 1933-м. Значит, Шор не мог участвовать в самом производстве, а трудился снабженцем в период, когда “артистические” способности этого свободного художника были особенно востребованы в силу строительной специфики.

– Видимо, Осип Шор обладал очень авантюрным характером, – предполагает Николай Антипин. – 20 декабря 1931 года специальная комиссия обследовала работу отдела снабжения, сделав неутешительные выводы: трудовая дисциплина слаба, имеет место разбазаривание спецодежды, мебели, мануфактуры, других предметов...

27 января 1932 года Шор упоминается уже в протоколе заседания бюро ячейки ВКП (б) при управлении тракторного завода. На заседании обсуждается заметка в газете “Наш трактор”. Члены ячейки постановили: “Данную заметку расследовать и обсудить на фракции ИТР”. Но никаких данных о последствиях решения сотрудникам архива найти не удалось: завод только строился, и документы сохранялись фрагментарно.

<...> Поработав на стройке, Осип получил пять лет лагерей. Судя по всему, за какие-то махинации, а не хищения, комментирует Антипин. По его мнению, это был некий переход грани дозволенного, совершение сделок от имени предприятия. <...>

---

⁷⁶⁶ Антипин Н.А. По следам Остапа Бендера. Как снабженец на ЧТЗ стал великим комбинатором (04.12.2020) // <https://up74.ru/articles/obshchestvo/125616/>

– Судя по всему, он отсидел свой срок, – констатирует историк. – И мы не знаем, что происходило с ним дальше в 30-е годы»⁷⁶⁷. Еще более значимые подробности содержатся в самом раннем рассказе Николая Антипина (2017):

– В 1931 году Осип Шор имел встречу с Ильфом и Петровым, после этого решил изменить жизнь и по объявлению в газете нашел работу на строящемся в Челябинске тракторном заводе, куда и уехал из Москвы⁷⁶⁸. В архиве ЧТЗ хранилось дело Осипа Шора. Достаточно пухлое дело – 29 листов. В основном у работников предприятия дело насчитывало 3-4-5 листов. Что можно было вместить в эти 29 листов? Выговоры? Поощрения? Объяснительные записки? Очень интересно! Жаль, что это дело исчезло, потому что оно, конечно, могло пролить свет на личность нашего героя. К сожалению, по прошествии определенного периода времени личные дела сотрудников предприятий уничтожаются, но сохранилась опись уничтоженных дел. Из этой описи видно, что Шор Осип Вениаминович, 1899 года рождения, работал на предприятии с 13 июня 1931 года по 20 октября 1932 года.

Николай Антипин выяснил, что Осип Шор трудился в отделе снабжения.

– Что такое снабженец на советском предприятии? Это человек изначально ушлый. Его задача пробивать, выбивать, находить всякие схемы, часто не вполне законные. Шло строительство ЧТЗ, и снабженцы должны были подталкивать все сделки, заключать контракты на поставку различных материалов. А это еще начало 1930-х годов... Снабженца, видимо, можно было посадить в любой момент. Тем более, что Осип Шор, безусловно, обладал очень авантюрным характером. За ним водились достаточно значительные грехи.

Документы архива рассказывают, что к службе снабжения у руководства ЧТЗ было много вопросов. Удалось найти протокол партийного бюро партячейки управления ЧТЗ за январь 1932 года. На бюро рассматривался вопрос о заметке в газете «Наш трактор», где упоминался Осип Шор. Партийцы постановили: «заметку расследовать и обсудить на фракции ИТР».

– Номер газеты «Наш трактор» с заметкой о Шоре я не нашел, – рассказывает о своем расследовании Николай Антипин, – подшивка сохранилась фрагментарно. Но можно предположить, что к снабженцу Осипу Шору всегда могли найтись претензии, которые и были отражены на страницах газеты. Тем более, что я обнаружил еще и акт проверки работы отдела снабжения ЧТЗ за 20 декабря 1931 года, т.е. незадолго до заседания бюро. В акте вскрыты большие недостатки в работе снабженцев, в том числе обнаружено разбазаривание рабочей одежды, предметов обихода, а главное – мебели. В то время все было в дефиците: и цемент, и доски, и штаны, и стулья.

8 февраля 1932 года в заводской газете «Наш трактор» появилась небольшая заметка «Принимайте вызов». В ней говорилось: «Я, Алексеев И.М., сотрудник отдела кадров ЧТЗ, вношу в сберкасса № 255 социалистический червонец до конца пятилетки и вызываю сотрудников отдела кадров...» Видимо, призывал своих товарищей тоже внести деньги в фонд пятилетки. А еще персонально, «как красный партизан», вызывал... Шора на такое денежное соревнование. Но неизвестно, последовал ли Осип Шор примеру бывшего красного партизана.

– Документы об Осипе Шоре я собрал по крупичам. В архиве их практически нет. Мы не знаем дальше, что с ним происходило в 1930-е годы⁷⁶⁹.

---

⁷⁶⁷ *Китаев Е.* Остап Бендер строил тракторный завод: Следы великого комбинатора обнаружили на Южном Урале // Российская газета. М., 2021. 10 – 16 февр. № 28. С. 22 – 23.

⁷⁶⁸ В другой публикации решение Шора объясняется иначе, поскольку должность директора ЧТЗ с 11.05.1931 по 29.09.1932 занимал его старый друг, бывший комиссар Красной армии (1918): «Ну а в 1931 году <...> по приглашению своего друга Василия Ильичева приехал в Челябинск. Ильичева тогда назначили директором строящегося завода, и он написал Осипу: “Учитывая мои знания, опыт и твою деловую хватку, мы можем вместе сделать много полезного”. Шор это предложение принял. Став одним из помощников директора, снабженцем, он с увлечением приступил к работе» (*Первухин А.* «Великий комбинатор» Остап Бендер работал на челябинском заводе // Первухин А.А. 100 интересных фактов о Челябинской области. М.: Родина Медиа, 2013. С. 153). О судьбе В. Ильичева (1886 – 1942) известно следующее: «В сент. 1932 И. был отозван в Москву. В 1937 репрессирован; после освобождения жил в Ленинграде, где умер во время блокады в одной из больниц» (*Ерошкин А.С.* Ильичев Василий Иванович // <http://www.book-chel.ru/ind.php?what=card&id=379>).

⁷⁶⁹ Цит. по: *Рохацевич Е.* Остап Бендер в Челябинске (27.03.2017) // <https://archive74.ru/news/ostap-bender-v-chelyabinske>

Но вернемся в 1919 год, когда Осип Шор после гибели своего брата уходит из угрозыска и решает восстановиться на механическом факультете Петроградского технологического института, поскольку его «личное дело» заканчивается 13-м сентября 1919 года: «Из документов видно, что в сентябре 1919 года Осип Шор снова побывал в Петербурге. Этим днем датирован последний документ “Дела...”, написанный уже без еров и ятей, в соответствии с новыми правилами: “Прошу выдать мне студенческий билет и удостоверение для представления в Бюро учета технических сил”»⁷⁷⁰.

Далее Осип Шор вторично возвращается в Одессу, но тогда в стране шла Гражданская война, деньги обесценивались, работы не было. И, чтобы прокормить себя, Шору пришлось прибегать к всевозможным ухищрениям – в частности, к сеансу одновременной игры в шахматы, о чем писала его сводная сестра Эльза Рапопорт в редакцию «Аргументов и фактов» (1997)⁷⁷¹. Эта история стала реальным источником главы «Междупланетный шахматный конгресс», где Остап Бендер провел в Васюках аналогичный сеанс. А литературным источником данного сюжета послужил рассказ Валентина Катаева «Лекция Ниагарова» (1926) из цикла «Мой друг Ниагаров» (1923 – 1927). Здесь герой читает лекцию в Политехническом музее, и у него есть сообщник Бузя, так же как у Остапа – Киса. После продажи билетов сообщник Ниагарова собрал «пятьдесят червонцев», а у Кисы «через час в кассе было тридцать пять рублей».

Ниагаров, заблаговременно планируя бегство с лекции, спрашивает своего сообщника: «Извозчик стоит?». А в романе Ильфа и Петрова в роли извозчика выступит Воробьянинов, которому Остап скажет: «Нате вам пять рублей, идите на пристань, наймите лодку часа на два и ждите меня на берегу».

Перед началом лекций Ниагаров и Бендер надушились одеколоном: «Он снисходительно улыбался и благоухал» = «К шести часам вечера сытый, выбритый и пахнувший одеколоном гроссмейстер вошел в кассу клуба “Картонажник”».

А теперь сравним описание самих лекций: С этими словами Ниагаров открыл дверь и, величественно улыбаясь, вышел на эстраду. Раздались аплодисменты» = «Гроссмейстер вошел в зал. <...> Гроссмейстера встретили рукоплесканиями. <...> Остап поклонился, протянул вперед руки, как бы отвергая не заслуженные им аплодисменты, и вошел на эстраду»; «Милостивые государи, милостивые государыни, товарищи, я бы сказал, граждане, – начал Ниагаров баритоном, небрежно играя автоматической ручкой» = «Товарищи! – сказал он прекрасным голосом. – Товарищи и братья по шахматам...» (кстати, деепричастный оборот «небрежно играя автоматической ручкой» будет реализован при описании сеанса одновременной игры великого комбинатора: «“Пора рвать когти!” – подумал Остап, спокойно расхаживая среди столов и небрежно переставляя фигуры»); «Как вы, вероятно, догадались, предмет нашего сегодняшнего собеседования будет проблема междупланетного сообщения» = «...предметом моей сегодняшней лекции служит то, о чем я читал и, должен признаться, не без успеха в Нижнем Новгороде неделю тому назад⁷⁷². Предмет моей лекции – плодотворная дебютная идея»; «В сущности, господа, что такое междупланетное сообщение? Как и показывает самое название, междупланетное сообщение есть, я бы сказал, воздушное сообщение между различными планетами, кометами и звездами. То есть безвоздушное. В чем же, господа, разница между воздушным сообщением и сообщением безвоздушным? Воздушное сообщение – это такое сообщение, когда сообщаются непосредственно через воздух. Безвоздушное сообщение – это такое сообщение, когда сообщаются без всякого воздуха» = «Что такое, товарищи, дебют и что такое, товарищи, идея? Дебют, товарищи, – это *quasi una fantasia*. А что такое,

⁷⁷⁰ Костюковский В. «Брат футуриста был Остап...» // Новые известия. М., 1999. 6 нояб. № 208. С. 5.

⁷⁷¹ Прототип великого комбинатора дожил до 1978 года. Остап Бендер – правозащитник? // Аргументы и факты. М., 1997. 8 окт. № 41. С. 19.

⁷⁷² Сам Ильф побывал там в 1924 году в качестве корреспондента газеты «Гудок», результатом чего явилась серия очерков «Ярмарка в Нижнем» (Гудок. М., 1924. 4, 5, 6, 9 сент. № 1287, 1288, 1289, 1291).

товарищи, значит идея? Идея, товарищи, – это человеческая мысль, облеченная в логическую шахматную форму»; «Виноват, вы, кажется, что-то сказали?.. Вот здесь, в шестом ряду...» = «Например, вон тот блондинчик в третьем ряду».

Имеется также сходство между лекцией Ниагарова и сеансом одновременной игры Остапа: «Простите, эклептики. Совершенно верно. Ошибся, так сказать, этажом ошибся» = «Пардон, пардон, извиняюсь, – ответил гроссмейстер, – после лекции я несколько устал!». Причем слова Остапа «пардон, пардон» находят аналогию и в рассказе Катаева: «Изящно раздвигая толпу и рассыпая направо и налево “пардон, пардон”, с красивым желтым портфелем под мышкой, прямо на меня шел Ниагаров».

А тема лекции Ниагарова – *междупланетное сообщение* – будет фигурировать в монологе Остапа перед лекцией: «Шахматная мысль, превратившая уездный город в столицу земного шара, превратится в прикладную науку и изобретет способы *междупланетного сообщения*. Из Васюков полетят сигналы на Марс, Юпитер и Нептун. Сообщение с Венерой сделается таким же легким, как переезд из Рыбинска в Ярославль. А там, как знать, может быть, лет через восемь в Васюках состоится первый в истории мироздания междупланетный шахматный турнир!».

После срыва лекции и сеанса одновременной игры разъяренные слушатели и игроки преследуют главных героев: «Публика с ревом ринулась на эстраду, ломая скамьи» = «Васюкинские любители, падая друг на друга, ринулись за ним». При этом в рассказе Катаева читаем: «Бузя! Тушите свет! – крикнул Ниагаров, пролетая мимо меня как вихрь. – Грузите кассу на извозчика!..». А Бендер тоже *потушил свет*: «Не теряя драгоценного времени, Остап *швырнул шахматную доску в керосиновую лампу*» (кстати, если Ниагаров «пролетал как вихрь», то Остап «несся по серебряной улице легко, как ангел»). И в обоих случаях героям удастся спастись, только Ниагаров оказывается слегка побитым (на следующий день он меняет компресс на лице), а Бендер остается без единой царапины, но у Воробьянинова все-таки пострадало лицо: «Через минуту в лодку полетели камни. Одним из них был подбит Ипполит Матвеевич. Немного повыше вулканического прыща у него вырос темный желвак».

Добавим еще, что реплика Ниагарова, обращенная к автору, который пытается отговорить его от чтения лекции: «Мой друг, – строго остановил меня Ниагаров, – проблема междупланетного сообщения интересовала меня с детства», – отзовется в «Золотом теленке», где Остап скажет переводчику индийского философа: «Передайте учителю, – сообщил Остап, – что проблема народного образования волнует меня с детства»⁷⁷³. Концовка же другого рассказа из цикла «Мой друг Ниагаров» – «Ниагаров и рабочий кредит» – напоминает главу «Союз меча и орала» романа «Двенадцать стульев»: «Извозчик, в “Прагу”!» ~ «Извозчик! – крикнул он. – Вези в “Феникс”!».

А заключительная фраза Остапа в «Золотом теленке» повторяет реплику сыщика Стэнли Холмса в концовке романа В.П. Катаева «Повелитель железа» (1924): «Придется себе заблаговременно подыскать какую-нибудь тихую профессию...»⁷⁷⁴ ~ «Придется переqualифицироваться в управдомы»⁷⁷⁵.

Перед этим же Остап говорил: «Не надо оваций!», – что восходит к более раннему высказыванию сыщика: «Стэнли Холмс скромно улыбнулся. “Не надо оваций,

---

⁷⁷³ В черновых записях к «Золотому теленку» сохранилась фраза: «Визит Остапа к Рабиндранату Тагору» (Планы и наброски к «Великому комбинатору» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок (*авторская редакция*) / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2016. С. 376). Как известно, визит Тагора в СССР состоялся с 11 по 24 сентября 1930 года, когда и была описана соответствующая глава романа. Подробности встречи Остапа с индийским гостем в «Гранд-Отеле» в точности соответствуют встрече советской общественности с Тагором в его номере в отеле «Националь». Об этом рассказал (1970) востоковед Александр Губер: Встреча с индийским гостем // Огонек. М., 2005. 10 – 16 янв. № 1-2. С. 61 – 63.

⁷⁷⁴ Катаев В.П. Повелитель железа: Авантюрный роман с прологом и эпилогом. Великий Устюг: Советская мысль, 1925. С. 101.

⁷⁷⁵ Отмечено: Вулис А. Советский сатирический роман: Эволюция жанра в 20 – 30-е годы. Ташкент: Наука, 1965. С. 156.

не надо рукоплесканий»⁷⁷⁶. И еще одна переключка между словами Стэнли Холмса в концовке «Повелителя железа» и Остапа в главе «Врата великих возможностей»: «Ну его к черту с громкими делами»⁷⁷⁷ = «Ну его к черту! – с неожиданной злостью сказал Остап». Первый отказывается от опасной профессии сыщика, поскольку не сумел предотвратить революцию в Индии, которая была британской колонией, и возвращается в Лондон, а второй, потерпев неудачу на румынской границе, отказывается от эмиграции и возвращается в СССР.

Следует упомянуть и одесский юмор самого Катаева, вошедший в «Двенадцать стульев». Как писала Надежда Мандельштам, Катаев «приходил к нам в Москве с кучей шуток – фольклором Мыльникового переулка, ранней богемной квартиры одесситов. Многие из этих шуток мы прочли потом в “Двенадцати стульях” – Валентин подарил их младшему брату, который приехал из Одессы устраиваться в уголовный розыск, но, по совету старшего брата, стал писателем»⁷⁷⁸. Кстати, после переезда в Москву Ильф некоторое время жил в квартире Катаева в Мыльниковом переулке и поэтому в письме к Марусе Тарасенко от 28 февраля 1923 года сообщал: «Пишите мне на новый адрес – Чистые пруды – Мыльников пер., № 4, кв. 2б»⁷⁷⁹ (правильный номер квартиры Катаева: 2а).

Помимо произведений Катаева, важнейшим литературным источником образа великого комбинатора послужила пьеса Михаила Булгакова «Зойкина квартира» (1925), поскольку парочка Бендер и Воробьянинов из «Двенадцати стульев» (1927) является точной проекцией Аметистова и Обольянинова: фамилии *Аметистов* соответствуют *бриллианты*, которые ищут герои Ильфа и Петрова, а Аметистов «перед самым отъездом взялся продать... колье... с маленькими бриллиантами».

Обольянинов – бывший граф, а Воробьянинов – бывший предводитель уездного дворянства.

Аметистов угрожает своей сестре Зое: «И будь я не я, если я не пойду в ГПУ и не донесу о том, какую мастерскую ты организуешь в своей квартире»; и то же самое говорит Бендер Воробьянинову: «Вам некуда торопиться. ГПУ к вам само придет»; и Корейко: «Папка продается за миллион. Если вы ее не купите, я сейчас же отнесу ее в другое место. Там мне за нее ничего не дадут, ни копейки. Но вы погибнете».

Существуют и другие сходства, отмеченные в Интернет-статье Андрея Левина (2003):

Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендер-бей и Ипполит Матвеевич Воробьянинов – литературные младшие братья Александра Тарасовича Аметистова и Павла Федоровича Обольянинова, героев пьесы М.А. Булгакова «Зойкина квартира», премьера которой состоялась в театре имени Е.Б. Вахтангова 28 октября 1926 г., а последнее при жизни автора представление – 17 марта 1929 года.

<...>

В первую же встречу героев, как в пьесе, так и в романе, тот из них, которому отведена роль второй скрипки, лишается одной из частей своего костюма, которая достается главному герою. Остап получает ярко-голубой гарусный жилет Воробьянинова, как Аметистов – «великолепные» брюки Обольянинова.

В обоих произведениях герой второго плана поставлен судьбой перед необходимостью заняться деятельностью, к которой абсолютно не пригоден, и вынужден согласиться на сотрудничество с главным героем, только потому, что предполагает в нем выдающегося пройдоху:

«В конце концов, без помощника трудно, – подумал Ипполит Матвеевич, – а жулик он, кажется, большой. Такой может быть полезен».

⁷⁷⁶ Катаев В.П. Повелитель железа: Авантюрный роман с прологом и эпилогом. С. 54.

⁷⁷⁷ Там же. С. 101.

⁷⁷⁸ Мандельштам Н.Я. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970. С. 298.

⁷⁷⁹ Ильф Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа. М.: Текст, 2004. С. 112.

«О б о л ь я н и н о в (за сценой, глухо). Для этого я совершенно не гожусь. На такую должность нужен опытный прохвост».

Остап вручает Воробьянинову документ человека, поразительно похожего на того, чей документ есть и в распоряжении Аметистова. Описания истинных владельцев документов вполне можно поменять местами, и большая часть читателей никогда этого не заметит:

«Конрад Карлович Михельсон, сорока восьми лет, *член союза с тысяча девятьсот двадцать первого года, в высшей степени нравственная личность, мой хороший знакомый, кажется друг детей...*».

«И скончался у меня в комнате *приятель мой* Чемоданов Карл Петрович, *светлая личность, партийный*».

<...>

Фамилии Бендер и Аметистов носят одинаковый оттенок придуманности, они необычны истораживают:

«О б о л ь я н и н о в. Простите меня. Вы действительно дворянин?»

А м е т и с т о в. Мне нравится этот вопрос! Да вы сами не видите, что ли?

О б о л ь я н и н о в. Ваша фамилия мне, видите ли, никогда *не встречалась*».

– Спокойно, всё в порядке. Моя фамилия Бендер! Может, слышали?

– *Не слышал*, – нервно ответил Ипполит Матвеевич.

– Ну, да откуда же в Париже может быть известно имя Остапа Бендера? Тепло теперь в Париже? Хороший город. У меня там *двоюродная сестра* замужем...

Последняя фраза опять-таки отсылает читателя к «Зойкиной квартире». Как хорошо известно читателю, сюжет пьесы составляет отчаянная попытка «кузиночки» Аметистова, Зои Пельц, страстно мечтающей о Париже, добыть денег для того, чтобы «дать лататы из СеСеРе».

<...>

В любую минуту Бендер и Аметистов готовы во всеоружии встретить превратности судьбы. Оба всегда имеют с собой для этого всё необходимое. Свой «джентльменский набор» Остап хранит в «акушерском саквояже», а Александр Тарасович – в замызганном чемодане. Оба с нежностью относятся к этим изделиям кожгалантереи:

«Моя правая рука, – сказал великий комбинатор, похлопывая саквояж по толстенькому колбасному боку. – Здесь всё, что может понадобится эlegantному гражданину моих лет и моего размаха».

«А м е т и с т о в. Верный мой товарищ, чемодан. Опять с тобою вдвоем, но куда?».

Содержимое саквояжа и чемодана идентично. Кроме упомянутой милицейской фуражки и афиши мага, Остап возил с собой *четыре колоды карт* с одинаковой рубашкой, *пачку документов* с круглыми сиреневыми печатями, благотворительные открытки и *эмалевые нагрудные знаки*.

У Аметистова в чемодане *шесть колод карт*, портреты вождей, «*документов полный карман*», он появляется с *медальоном* (очевидно, с эмалевым нагрудным значком в форме медали с «портретом») *на груди*.

<...>

Очень похожи манеры речи Остапа и Аметистова. Оба говорят на странной смеси макаронического русского, характерного для людей «света» дореволюционной России и советского канцелярита. Аметистов чуть ли не в каждую реплику вставляет французское выражение, гораздо реже немецкое и не употребляет английских слов. Точно так и Остап никогда ни слова не говорит по-английски, изредка употребляет немецкие слова, но достаточно силен во французском, чтобы поучать Балаганова:

– Слушайте, Шура, если уж вы окончательно перешли на французский язык, то называйте меня не мосье, а ситуйаен, что значит – гражданин.

Остап даже более образован, чем его партнер, он позволяет себе критиковать Воробьянинова:

– Ну и произношение у вас, Киса! Впрочем, что от нищего требовать! Конечно, нищий в Европейской России говорит хуже, чем Мильеран.

Аметистов, в отличие от утонченно светского Обольянинова, говорит по-французски неважно и удостаивается вполне справедливого упрека Зои:

З о я. Слушай, гениальный Аметистов, об одном тебя прошу, не говори ты по-французски. По крайней мере, при Алле не говори. Ведь она на тебя глаза таращит.

А м е т и с т о в. Что это значит? Я плохо, может быть, говорю?

З о я. Ты не плохо говоришь... ты кошмарно говоришь.

<...>

Из советского новояза Бендер и Аметистов выбирают одинаковые штампы:

А м е т и с т о в. Ему! Прямо в глаза. Я старый боевик, мне *нечего терять, кроме цепей*. Я одно время на Кавказе громадную роль играл. И говорю, нет, говорю, Михаил Иванович, это не дело. Уклонились мы – раз. Утратили чистоту линии – два. Потеряли заветы... Я, говорит, так, говорит, так я тебя, говорит, в двадцать четыре часа, говорит, поверну лицом к деревне.

Обращаясь к Козлевичу, Остап говорит: «А в Арбатове вам *терять нечего, кроме запасных цепей*». <...> Аметистов шутит, что рукопожатия отменяются, и в конторе Бендера «висели обыкновенные учрежденческие плакаты насчет часов приема и вредности рукопожатий».

Оба героя на голубом глазу декларируют свою законопослушность:

А м е т и с т о в. Закон-с. А закон для меня свят. Ничего не могу.

И великий комбинатор говорит о себе в третьем лице так: «Заметьте себе, Остап Бендер никого не убивал. Его убивали – это было. Но сам он *чист перед законом*. Я, конечно, не херувим. У меня нет крыльев, но я чту Уголовный кодекс».

Представление об идеальном будущем у Аметистова и Бендера совпадает до мелочей. Цель, к которой они так стремятся, – город на берегу далекого теплого моря и белые брюки:

А м е т и с т о в. Ах, Ницца, Ницца, когда же я тебя увижу? Лазурное море, и я на берегу его в *белых брюках!*

Мотив белых штанов как символа беспечной, легкой, счастливой жизни появляется уже в «Двенадцати стульях». В самом начале «Золотого тельца» идея сформулирована окончательно:

«...у обширной бухты Атлантического океана... Мулаты, бухта, экспорт кофе, так сказать, кофейный демпинг, чарльстон под названием “У моей девочки есть одна маленькая штучка” и... о чем говорить! Вы сами видите, что происходит. Полтора миллиона человек, и все поголовно в *белых штанах*. Я хочу отсюда уехать»⁷⁸⁰.

Итак, из советских плутов Бендеру ближе всего Аметистов (пьеса Булгакова «Зойкина квартира») и Ниагаров (цикл рассказов Катаева «Мой друг Ниагаров»); а из дореволюционных – Чичиков, Хлестаков и Кречинский.

Обратимся сначала к Чичикову.

Некоторые переключки между «Мертвыми душами» и диалогией о Бендере уже отмечались исследователями⁷⁸¹, но до сих пор отсутствует целостный сравнительный анализ этих произведений.

⁷⁸⁰ Левин А.Б. «Двенадцать стульев» из «Зойкиной квартиры»: К 75-летию первой публикации романа И. Ильфа и Е. Петрова и первого запрещения пьесы М. Булгакова (08.04.2003) // https://www.net-slova.ru/ab_levin/12s.html

⁷⁸¹ Кузьмин А.И. Гоголевские традиции в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой тельца» // Классическое наследие и современность / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1981. С. 285 – 294; Худяков В.В. Афера Чичикова и Остап Бендер // В цветущих акациях город: (Бендеры: люди, события, факты). Бендеры: Полиграфист, 1999. С. 83 – 85; Саатчян Г.Р. Ильф и Петров в гоголевской шинели: заметки читателя-источниковеда // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М.: ИАИ РГГУ, 2004. С. 311 – 314; Соколянский М.Г. О гоголевских традициях в диалогии И. Ильфа и Е. Петрова // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2009. Т. 68. № 1. С. 38 – 44; Заварнищына Н.М. Герой-авантюрист: традиции гоголевской сатиры в прозе 20-30-х гг. XX в. (на примере романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев») // Н.В. Гоголь и языки культуры. Самара, 2009. С. 108 – 122; Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 98, 109, 216, 293, 387, 415, 500, 509 – 510, 560 – 561.

Начнем с того, что поэма «Мертвые души» прямо фигурирует в «Золотом теленке» в качестве прогрессивного элемента: «В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны “Мертвые души”, построена Днепровская гидростанция и совершен перелет вокруг света» (глава «Снова кризис жанра»). А упоминание Днепровской гидростанции подразумевает повесть Гоголя «Тарас Бульба», поскольку именно такое сочетание представлено в «Двенадцати стульях»: «Остап видел вулкан Фудзи-Яму, заведующего Маслотрестом и Тараса Бульбу, продающего открытки с видами Днепростроя» (глава «Бриллиантовый дым»). Более того, в «Мертвых душах» предвосхищено появление знаменитого гамбовского гарнитура, за которым охотятся Бендер и Воробьянинов: «Чичиков не то, чтобы украл, но попользовался. Ведь всякой из нас чем-нибудь попользуется: тот казенным лесом, тот экономическими суммами, тот крадет у детей своих ради какой-нибудь приезжей актрисы, тот у крестьян ради мебели Гамбса или кареты» (том 2, <одна из последних глав>). При этом архаичное слово *мебеля* перейдет и в реплику Коробейникова: «Кинутся тогда люди искать свои мебеля, а где они, мебеля? Вот они где! Здесь они! В шкафу. А кто сохранил, кто уберег? Коробейников» («Двенадцать стульев»; глава «Алфавит – зеркало жизни»). А подробное описание чиновника в «Мертвых душах»: «...в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии. Прошу смотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, – да просто от страха и слова не выговоришь!» (том 1, глава 3), – травестируется в словах Остапа, который иронически назовет Коробейникова правителем канцелярии: «Вашу руку, правитель канцелярии» (аналогично он обращался к Воробьянинову: «Ну, по рукам, уездный предводитель команчей!»).

Первая глава «Мертвых душ» и седьмая «Двенадцати стульев» начинаются с описания прибытия в город Чичикова и Бендера: «В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка...» ~ «В половине двенадцатого с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород вошел молодой человек лет двадцати восьми». Сравним также конструкцию «В ворота гостиницы губернского города NN» с началом первой главы «Двенадцати стульев»: «В уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий...». Здесь же упоминается «улица им. тов. Губернского»; а похоронному бюро «Нимфа» соответствует в поэме описание гостиницы, где остановился Чичиков: «...на одной картине изображена была нимфа...». И если в «Мертвых душах» сказано, что «город N уже давно не получал никаких совершенно вестей» (том 1, глава 9), то и в «Двенадцати стульях» будет похожая картина: «...в уездном городе N люди рождались, брились и умирали довольно редко. Жизнь города была тишайшей» (глава «Безенчук и “нимфы”»). Все эти сходства обусловлены тем, что советская провинция в середине 1920-х годов была по-прежнему похожа на российскую провинцию 1830-х.

Юрий Щеглов обращает внимание на сходство между главой «Баллотировка по-европейски» романа «Двенадцать стульев» и второй главой первого тома «Мертвых душ»: «За сим не пропустили председателя палаты, почтмейстера и таким образом перебрали почти всех чиновников города, которые все оказались самыми достойными людьми» ~ «Перебирая знакомых и родственников, выбрали: полицмейстера, заведующего пробирной палатой, акцизного, податного и фабричного инспектора; заполнили вакансии окружного прокурора, председателя, секретаря и членов суда; наметили председателей земской и купеческой управы, попечительства о детях и, наконец, мещанской управы»; и сопровождает своим комментарием: «Пассаж о чинах города отмечен влиянием гоголевских перечислений. В частности, вспоминается та сцена, где Чичиков и Манилов хвалят одного за другим всех должностных лиц – губернатора, вице-губернатора, полицмейстера и т.п. О Гоголе напоминает не только номенклатура чиновников, но и композиция сцены. У Ильфа и Петрова комментируемый абзац играет роль обобщающего заключения после серии более индивидуальных “выборов” Дядьева, Чарушникова, Кислярского и др. Аналогичным образом у

Гоголя за похвалами отдельным чиновникам следует суммирующая фраза <...>. Обратим внимание на лексико-грамматические сходства: *перебрали – перебирая*, эллипсис подлежащего»⁷⁸². В первом случае герои среди прочих чиновников перебрали *почтмейстера*, а во втором выбрали *полицмейстера*.

Чичиков посещает Маниловку и усадьбы других российских помещиков, а Бендер начинает свое путешествие по Советскому Союзу со Старгорода: «Для осуществления своих мошеннических планов и Чичиков и Бендер мечутся по громадной стране, сталкиваются со многими представителями различных слоев общества. Это дает возможность авторам показать целую галерею социальных типов. У героев, подобных Чичикову и Бендеру, не может быть “истинного друга”: их друзья, в лучшем случае, – это соучастники их преступлений»⁷⁸³.

У Гоголя «мертвыми душами» оказывается вся Россия – и живые, и мертвые; и те, кто покупают души, и те, кто их продают. Но такая же картина предстанет и в нашей диалогии: «...разве Полесов и Кислярский, Эллочка Людоедка и Талмудовский, Плотский-Поцелуев и Сашхен, Берлага и Полыхаев, Серна Михайловна и Паниковский не тождественно-конгруэнтны Коробочке и Ноздрёву, Петуху и Мижухе, Манилову и Собакевичу, Плюшкину и Костанжогло?!»⁷⁸⁴.

Получив от Супругова на 1-й Черноморской кинофабрике триста рублей, Остап говорит: «Навуходносор прав. Один здесь деловой человек – и тот Супругов» («Золотой теленок»; глава «Погода благоприятствовала любви»), что отсылает к реплике Собакевича из разговора с Чичиковым: «Один только и есть там порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья» (том 1, глава 5).

Более того, встреча Чичикова и Собакевича послужила прообразом встречи Бендера и Коробейникова: «Я хотел было поговорить с вами об одном дельце» ~ «Я к вам по делу. Вы служите в архиве Старкомхоза?» (глава «Алфавит – зеркало жизни»).

Далее в первом случае начинается торг по поводу стоимости мертвых душ, во время которого Чичикова посещают такие мысли: «Вишь, куда метит, *подлец!* – подумал Чичиков...». Подобные же мысли посетят и Бендера: «Остап, который к этому времени закончил свои наблюдения над Коробейниковым, решил, что “старик – типичная *сволочь*”». В свою очередь, Собакевич и Коробейников тоже составляют свое мнение о собеседниках: «Его не собьешь, неподатлив! – подумал Собакевич» ~ «Прыткий молодой человек, – подумал он». И оба заламывают огромную цену за мертвые души и ордера на гамбсовские стулья, на что Чичиков реагирует с ужасом, а Остап – с юмором, поскольку готовит своему оппоненту каверзу: «Да чтобы не запрашивать с вас лишнего, по сту рублей за штуку! – сказал Собакевич. – По сту! – вскричал Чичиков, разинув рот и поглядевши ему в самые глаза...» ~ «Ну что ж, семьдесят рублей положите. – Это почему ж так много? Овес нынче дорог?»⁷⁸⁵.

Наконец, «Чичиков попросил списочка крестьян. Собакевич согласился охотно и тут же, подошед к бюро, собственноручно принялся выписывать всех не только поименно, но даже со значением похвальных качеств», а Коробейников показывает Остапу ордера на стулья, после чего сообщает: «Изволите ли видеть. Все в порядке. Где что стоит – все известно. На корешках все адреса прописаны и собственноручная подпись получателя». И в обоих случаях фигурирует расписка: «Пожалуйста только

⁷⁸² Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. Т. 1. Введение. Двенадцать стульев. Wien, 1990. С. 248 – 249.

⁷⁸³ Кузьмин А.И. Гоголевские традиции в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» // Классическое наследие и современность. Л.: Наука, 1981. С. 285.

⁷⁸⁴ Цит. по заметке: Шиманский Ш. Александр Иванович Чичиков и Пал Иванович Корейко (2010) // <https://proza.ru/2010/09/22/1043>

⁷⁸⁵ Торг Чичикова с Собакевичем напоминает торг Бендера с монтером Мечниковым: «Ну, уж черт его побери, – подумал про себя Чичиков, – по полтине ему прибавлю, *собаке*, на орехи!» (том 1, глава 5) ~ «Хорошо излагает, *собака*, – шепнул Остап на ухо Ипполиту Матвеевичу, – учитесь» («Двенадцать стульев»; глава «Вид на малахитовую лужу»).

расписочку. <...> как только напишете расписку, в ту же минуту их [деньги] возьмете» ~ «Можно расписочку писать? – осведомился архивариус, ловко выгибаясь. – Можно, – любезно сказал Бендер, – пишите, борец за идею». Разница лишь в том, что Собакевич не хочет писать расписку и всячески отнекивается, а Коробейников с готовностью пишет ее, поскольку не знает, что его обманут.

Чичиков думает про Собакевича – «чертов кулак»; автор же пишет о нем: «Собакевич слушал все по-прежнему, нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выражение показалось на лице его. Казалось, в этом теле совсем не было души, или она у него была, но вовсе не там, где следует, а, как у бессмертного кощея, где-то за горами и закрыта такую толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на дне ее, не производило решительно никакого потрясения на поверхности». А Остап точно так же охарактеризует Корейко своим спутникам по «Антилопе»: «Здесь сидит еще на своих сундуках кулак Кашей, считавший себя бессмертным и теперь с ужасом убедившийся, что ему приходит конец» («Золотой теленок»; глава «Три дороги»). Причем глава, посвященная подпольной империи Корейко, прямо ассоциируется с владениями Кашея и названа «Подземное царство». Таким же «подземным царством» были усадьбы Собакевича и Плюшкина, куда «спускался» Чичиков, и увиденный Бендером «полный архив на дому» Коробейникова.

Поэтому образ Коробейникова содержит в себе черты не только Собакевича, но и Плюшкина: «Предложение, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Он, вытаращив глаза, долго смотрел на него и наконец спросил: “Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?”. – “Нет, – отвечал Чичиков довольно лукаво, – служил по статской» (том 1, глава 6) ~ «“А вы, простите, чем занимаетесь?” – “Свободная профессия. Собственная мясохладобойня на артельных началах в Самаре”»⁷⁸⁶.

Приведем еще одно совпадение в высказываниях Плюшкина и Коробейникова: «...ах, благодетель ты мой! <...> Вот утешили старика!» ~ «Вот господа спасибо и скажут старичку, помогут на старости лет...».

Если Коробейников «с сомнением посмотрел на зеленые доспехи» Бендера, то Плюшкин стал «на Чичикова посматривать подозрительно».

Далее «Чичиков *изъявил готовность* совершить [купчую] хоть сию же минуту и потребовал только списка всем крестьянам», а во втором случае уже Коробейников, получив заверения Бендера о наличии у него денег: «Остап с *готовностью* похлопал себя по карману», – говорит: «Тогда пожалуйста хоть сейчас». После этого выясняется, что и реестр мертвых душ, и все ордера на мебель находятся в полном порядке: «“Да, ведь вам нужен реестрик всех этих тунеядцев? Как же, я, как знал, всех их списал на особую бумажку, чтобы при первой подаче ревизии всех их вычеркнуть”. <...> Наконец вытащил бумажку, всю исписанную кругом. Крестьянские имена усыпали ее тесно, как мошки» ~ «Все здесь, – сказал он, – весь Старгород! Вся мебель! У кого когда взято, кому когда выдано. А вот это – алфавитная книга – зеркало жизни!».

Получив бумагу, Чичиков «спрятал ее в карман». Так же поступил и Остап с распиской: «...необыкновенно учтиво принял бумажку двумя пальцами правой руки и положил ее в тот же карман, где уже лежали драгоценные ордера». Подобный эпизод имеет место и в «Золотом теленке», где Остап попытается заставить Корейко написать расписку в получении десяти тысяч, но неудачно, а Чичиков смог уговорить Плюшкина написать расписку в получении денег за мертвые души: «Тут же заставил он Плюшкина написать расписку» ~ «Ровно десять тысяч. Потрудитесь написать расписку в получении» («Золотой теленок»; глава «Первое свидание»).

---

⁷⁸⁶ Отметим также сходство ситуации с «Золотым теленком», где с Остапом разговаривает студент Паровицкий: «“Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?”. – “Нет, – отвечал Чичиков довольно лукаво, – служил по статской”» ~ «“Служишь в банке?”. Остап внезапно сатирически посмотрел на студента и внятно сказал: “Нет, не служу. Я миллионер”» (глава «Дружба с юностью»). Похожи даже наречия, с помощью которых описываются реплики героев: *лукаво – сатирически*.

А запустение в усадьбе Плюшкина перейдет в квартиру гадалки, бывшей жены окружного прокурора Елены Боур: «На одном столе стоял даже сломанный стул и, рядом с ним, часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. <...> отломленная ручка кресел, рюмка с какой-то жидкостью и тремя мухами...» ~ «Над пианино висела репродукция с картины Беклина “Остров мертвых” в раме фантази темнозеленого полированного дуба, под стеклом. Один угол стекла давно вылетел, и обнаженная часть картины была так отделана мухами, что совершенно сливалась с рамой». Зброшенность подчеркивают многочисленные поломки – сломанный стул, отломленная ручка кресел, остановившиеся часы, разбитое стекло, и наличие насекомых – паука и мух. Причем усадьбу Плюшкина также можно назвать «островом мертвых»: «Вхождение Чичикова в дом напоминает “мифопоэтическое описание нисхождения в иной мир, в его тьму и холод, в хаотический беспорядок”⁷⁸⁷. Плюшкину в качестве “ключницы” или “ключника” приписана роль ““привратника мертвого царства”, “властителя преисподней”»; при этом активизируется признак ““бесплоности” обитателей потустороннего мира”⁷⁸⁸. Проникнув внутрь дома, Чичиков словно попадает в царство мертвых; если в замке, изображенном в готических романах, встречаются атрибуты физической смерти – “черепа, скелеты”⁷⁸⁹, то в “странном замке” Чичиков оказывается среди вещей, ставших атрибутами смерти духовной»⁷⁹⁰; «Посещение помещиков – стадии падения в грязь; поместья – круги дантова ада; владетель каждого – более мертв, чем предыдущий; последний, Плюшкин, – мертвец мертвцов...»⁷⁹¹.

Размышления Чичикова, читающего список мертвых душ, купленных у Плюшкина, похожи на размышления Воробьянинова при виде надписи «Коля и Мика, июль 1914 г.» на стенах Дарьяльского ущелья: «Абакум Фыров! ты, брат, что? где, в каких краях шатаешься? <...> Тут Чичиков остановился и слегка задумался» (том 1, глава 7) ~ «Задумался и Ипполит Матвеевич. Где вы, Коля и Мика? И что вы теперь, Коля и Мика, делаете?» («Двенадцать стульев»; глава «Под облаками»). А перед этим и Остап задавался вопросом: «Где вы сейчас, Коля и Мика?»⁷⁹².

Еще до покупки мертвых душ Чичиков размышлял о причинах своих неудач: «...я не ограбил вдову, я не пустил никого по миру, пользовался я от избытков, брал там, где всякой брал бы, не воспользуйся я, другие воспользовались бы» (том 1, глава 11). А Бендер как раз ограбил вдову – мадам Грицацуеву, но предварительно осчастливив ее кратковременной женитьбой. Впрочем, и он «пользуется от избытков», грабя в основном состоятельных людей. Между тем «Чичиков гонится за настоящими миллионерами. Бендер за призрачными»⁷⁹³. В самом деле, при советской власти быть миллионером можно только подпольно, как Корейко, который не может обнаружить свои

⁷⁸⁷ *Топоров В.Н.* Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 57.

⁷⁸⁸ *Фарино Е.* Введение в литературоведение. СПб., 2004. С. 502.

⁷⁸⁹ *Вацуро В.Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 59.

⁷⁹⁰ *Кривонос В.* «Станный замок» // Н.В. Гоголь и славянский мир: русская и украинская рецепции. Вып. 3. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. С. 193.

⁷⁹¹ *Белый А.* Мастерство Гоголя. М.; Л.: ОГИЗ, 1934. С. 103.

⁷⁹² Источник надписи «Коля и Мика, июль 1914 г.» – сугубо документален. Об этом мы узнаём из рассказа Петрова «Несантиментальное путешествие», посвященного той же теме, что и глава «Под облаками»: «Под нами – ледники (небольшие полоски снега), параллельно нам, за утесы цепляются облака (“Ночевала тучка золотая на груди утеса великана”). Нас беспощадно клюют орлы. Над нами – Казбек, а еще выше, чорт знает на какой высоте, яркими красками написано: “Коля Петунин, 1909 год”, “Маруся Глухонемых, 1893 г.”, “Верочка и Мика, 1914 год” <...> Привет тебе, Коля Петунин! Привет и вам, Верочка и Мика! Наверное, у вас уже большие дети!..» (*Петров Е.* Несантиментальное путешествие (*Записки отважного туриста*) // Невероятно, но...: Юмористические рассказы. М.: Гудок, 1928. С. 47 (Дешевая юмористическая иллюстрированная библиотека журнала «Смеяч», № 15).

⁷⁹³ *Шкловский В.* «Золотой теленок» и старый плутовской роман // Литературная газета. 1934. 30 апр. № 54. С. 4.

богатства из-за боязни быть арестованным. Остапу же, мечтающему построить на свой миллион «дом с минаретами <...> малую гостиную, биллиардную и какой-то конференц-зал», в строительной конторе отказывают на том основании, что он – частное лицо, а не организация («Золотой теленок»; глава «Индийский гость»). Таким образом, в СССР всем распоряжается коллектив, а отдельный человек бесправен, даже с миллионом.

Оба героя легко сходятся с людьми: Ноздрев Чичикову «после трех-четырёх слов начал говорить “ты”» (том 1, глава 1), а Остап «к вечеру <...> знал всех по имени и с некоторыми был уже на “ты”» («Золотой теленок»; глава «Дружба с юностью»); и могут поддержать любую беседу: «Приезжий во всем как-то умел найтись и показал в себе опытного светского человека. О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его...» (том 1, глава 1) ~ «Остап был, несомненно, центром внимания всего купе, и речь его лилась без запинки» («Золотой теленок»; глава «Дружба с юностью»). Чичиков через день после приезда в город NN пришелся по вкусу всем высокопоставленным лицам («Все чиновники были довольны приездом нового лица»), и Остап «достиг того, что студенты стали считать его своим».

У обоих – знатное происхождение: «Родители его были дворяне...» (том 1, глава 11) ~ «Мать покойного была графиней...» («Двенадцать стульев»; глава «И др.»); и оба скупно излагают факты своей биографии: «О себе приезжий, как казалось, избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами, с заметной скромностью...» (том 1, глава 1) ~ «Из своей биографии он обычно сообщал только одну подробность. “Мой папа, – говорил он, – был турецкоподданный”» («Двенадцать стульев»; глава «Великий комбинатор»).

Будучи нищими, оба мечтают о богатстве: «В таком случае я разбогатею, – сказал Чичиков, – потому что начинаю почти, так сказать, с ничего» (том 2, глава 3) ~ «У меня всегда так, – сказал Бендер, блестя глазами, – миллионное дело приходится начинать при ощутительной нехватке денежных знаков» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»); и о семье: «...подумывал он о многом приятном: о бабенке, о детской, и улыбка следовала за такими мыслями» (том 1, глава 11), «“Эх, право! заведу когданибудь деревеньку” – и стали ему представляться и бабенка и Чичонки...» (том 2, глава 3) ~ «Остап настроен лирически, мечтает о семье, ребенке» (наброски к «Золотому теленку»⁷⁹⁴), «Где же мои друзья, мои жены, мои дети?» («Золотой теленок»; глава «Командор танцует танго»).

Оба стараются не нарушать закон, совершая свои аферы: «...обязанность для меня дело священное, закон – я немею перед законом» (том 1, глава 2) ~ «...я чту Уголовный кодекс. Это моя слабость» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»). Данное свойство можно объяснить должностями, которые занимали их прототипы – Волынский губернский почтмейстер Семен Данилович Шаржинский (1786 – 21.08.1859⁷⁹⁵), познакомившийся с Гоголем благодаря Пушкину в 1834 году, и инспектор уголовного розыска Одессы Осип Беньяминович Шор (30.05.1899 – 06.11.1978). Обратим внимание на созвучие фамилий: Шаржинский –

⁷⁹⁴ ЦГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 111. Цит. по: *Ершов Л.Ф.* Советский сатирический роман в 20-е годы // Вопросы советской литературы. Т. IX. Советский роман. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 382. Перепечатано: *Ершов Л.Ф.* Советская сатирическая проза. М.; Л.: Худ. лит., 1966. С. 121.

⁷⁹⁵ Источник дат – надпись на могиле на Вильском кладбище Житомира. Прочитируем краткую справку: «ШАРЖИНСЬКИЙ Семен Данилович (1786 – 21.08.1859) – статский радник. Служив Волинським губерньським поштмейстером. <...> Похований на Вильському кладовищі. Зберігся надгробок у вигляді постаменту з мармуровою фігурою ангела. Епітафія: “Здесь покоится тело ст. советника Семена Даниловича Шаржинского. Сконч. 21.8.1859 г. на 73-м году от рождения”» (*Кондратюк Р.Ю.* Некрополь старого Житомира: Біографічний довідник. Київ, 2001. С. 119). Имеется еще один вариант эпитафии: «Здесь погребено тело статского советника Семена Даниловича Шаржинского, сконч. 21-го августа 1859-го г. На 73-мъ году отъ рожд.» (цит. по статье: *Дубман Б.* Дорога на Сингуры // <https://proza.ru/2017/02/11/985>).

Шор; и на то, что оба прототипа были родом с Украины и прожили семьдесят с лишним лет⁷⁹⁶.

Вторым прототипом Чичикова стал родственник Гоголя – помещик Харлампий Пивинский, скупавший мертвые души, чтобы иметь право открыть винокурню⁷⁹⁷. А саму идею поэмы Гоголю подсказал Пушкин. Петр Бартенева в примечаниях к мемуарам графа Владимира Сологуба писал: «Въ Москвѣ Пушкинъ былъ съ однимъ пріятелемъ на бѣгу. Тамъ былъ также нѣкто П. (старинный франтъ). Указывая на него Пушкину, пріятель разсказалъ про него, какъ онъ скупилъ себѣ мертвыхъ душъ, заложилъ ихъ и получилъ большой барышъ. Пушкину это очень понравилось. “Изъ этого можно было бы сдѣлать романъ”, сказаль онъ между прочимъ. Это было еще до 1828 года. Гоголь въ оставшейся между его бумагами Исповѣди подтверждаетъ самъ оба эти показанія»⁷⁹⁸. Действительно, в «Авторской исповеди» (1847) Гоголь говорит прямо: «...Пушкин заставил меня взглянуть на дело сурьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и <...> отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет “Мертвых душ”. (Мысль “Ревизора” принадлежит также ему)». Поэтому Гоголь в своей поэме передал Пушкину своеобразный привет, зашифровав его инициалы, на что обратил внимание Федор Двинятин: «В то же время фамилия Плюшкина, в свете сказанного выше, явно отсылает к совсем другой литературской фамилии: *Пушкин*. Это поддерживается именем дочери Плюшкина: Александра Степановна, т.е. Александра С. Плюшкина, указание, кажущееся довольно явным»⁷⁹⁹. Действительно, инициалы дочери Плюшкина и поэта Пушкина совпадают: А.С.П. Трудно удержаться от соблазна и не привести другие параллели между Плюшкиным и Пушкиным: «Но неужели это о Пушкине: “И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться!”. А разве не об этом же писал и сам Пушкин: <...> в моменты, когда “не требует поэта к священной жертве Аполлон”, – “...меж детей ничтожных мира, / *Быть может, всех ничтожней он*” (“Поэт”). “Пока не требует” – вот где граница между Пушкиным и Плюшкиным <...> Плюшкин – это постаревший Пушкин, которого мы не знаем и никогда не узнаем, ему, как сказано, седьмой десяток, а ведь когда-то и он был “пламенным юношей” <...> Чичиков произвел на Плюшкина настолько благоприятное впечатление, что тот даже решил его отблагодарить: подарить часы, правда, испорченные, и не сейчас подарить, а после своей смерти. Может, и не обратили бы мы на этот эпизод внимания, если бы нам не было известно, что Гоголь выпросил у Жуковского часы Пушкина, сломанные и остановленные на том времени, когда остановилась жизнь

---

⁷⁹⁶ Подробнее о Шаржинском см.: *Цявловский М.* Комментарий // Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартенева в 1851 – 1860 годах. Л.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1925. С. 117; *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. 5. М.: Русская книга, 1994. С. 552 – 553; *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем в семнадцати томах. Т. 10. Москва – Киев: Изд-во Московской патриархии, 2009. С. 275, 372 – 376; *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя в семи томах. Т. 2. 1829 – 1836. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 323 – 325. Гоголь в письме к М.А. Максимо-вичу от 18.07.1834 назвал Шаржинского «преинтереснейшим и прелюбезнейшим человеком», а Собакевич назовет Чичикова «преприятным человеком» (том 1, глава 1). В очередном своем письме к Максимо-вичу (от 14.08.1834) Гоголь сообщает, что Шаржинский «служил в таможенных», а Чичиков стал «таможенным чиновником» (том 1, глава 11). Кроме того, Шаржинский был статским советником, а Чичиков – коллежский советник. И оба путешествуют по стране.

⁷⁹⁷ См. об этом рассказ дальней родственницы писателя – Марии Григорьевны Анисимо-Яновской: *Гиляровский В.А.* На родинѣ Гоголя (Изъ поѣздки по Украинѣ). М.: Отделение типографии Товарищества И.Д. Сытина, 1902. С. 47 – 49.

⁷⁹⁸ Воспоминания графа В.А. Сологуба. Гоголь, Пушкинъ и Лермонтовъ: Новая свѣдѣнія о предсмертномъ поединкѣ Пушкина. М.: Въ Типографіи Грачева и Комп., 1866. С. 20.

⁷⁹⁹ *Двинятин Ф.Н.* Об одном возможном случае прототипического подтекста: персонажи Гоголя и литераторы // Текст и комментарий: круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова / Отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Наука, 2006. С. 179.

поэта»⁸⁰⁰. Кстати, сочетание слов *мелочности, гадости*, описывающее Плюшкина, обыгрывает известное высказывание Пушкина из его письма к Вяземскому за ноябрь 1825 года, где речь идет о том, как радовалась бы толпа унижению Байрона: «Врете, подлецы: он и *мал и мерзок* – не так, как вы, – иначе». В таком свете скупость Плюшкина объясняется следующей репликой Гоголя: «Никто из наших поэтов не был еще так скуп на слова и выраженья, как Пушкин...» («Выбранные места из переписки с друзьями», 1846; глава XXXI).

Пародийную соотнесенность Плюшкина с Пушкиным подчеркивает также фраза из статьи Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» (1834): «Гений – богач страшный, перед которым ничто весь мир и все сокровища». Поэтому в третьем томе поэмы «Плюшкин должен был “воскреснуть” и явить в себе черты, роднящие его с пушкинским гением»⁸⁰¹. В целом же пушкинские ассоциации в образе Плюшкина объясняются отсылкой к пьесе Пушкина «Скупой рыцарь» (1830), где «автобиографическим материалом послужила скупость отца и известная стычка с ним»⁸⁰². В этой пьесе «прототипомъ отношений Альбера со старымъ барономъ являются, несомненно, отношения самого Пушкина съ Сергѣемъ Львовичемъ»⁸⁰³. Основным же прототипом Плюшкина послужил профессор Московского Университета и страстный коллекционер Михаил Погодин, в подмосковном доме которого Гоголь писал главу о Плюшкине⁸⁰⁴.

Впрочем, сам Пушкин утверждал, что Гоголь украл у него сюжет «Мертвых душ», – так говорила родная сестра Пушкина Ольга Сергеевна Павлицева, чей монолог записал ее сын Лев Николаевич Павлицев и сообщил об этом редакции журнала «Русская старина» 19 января 1872 года:

– Гоголь, въ которомъ Александръ Сергѣевичъ первый открылъ громадный талантъ и много содѣйствоваль его успѣхамъ на литературномъ поприщѣ, сблизился съ Пушкинымъ въ 1832 – 1833 годахъ. Посѣщая Александра Сергеевича, онъ часто пользовался его совѣтами. Бесѣдовали же они, большею частию, глазъ-на-глазъ, такъ какъ Николай Васильевичъ въ присутствіи дамъ конфузился, въ чемъ неоднократно сознавался Александру Сергѣевичу.

«В одну изъ этихъ бесѣдъ, Пушкинъ передалъ Гоголю слышанную имъ новость, что какой-то господинъ, жившій въ Псковской губерніи (не подалеку от Михайловскаго), занимающійся покупкою мертвыхъ ревизскихъ душъ, попался въ этихъ подвигахъ властямъ предрержачимъ. Разсказавъ объ этомъ, онъ прибавилъ:

– «Знаете ли, Гоголь, что это отличный матеріалъ и какъ разъ мне на руку: я имъ займусь... Къ стихамъ я нынѣ охладѣлъ и, какъ вамъ извѣстно, занимаюсь прозою»...

«Николай Васильевичъ выслушалъ исторію о первообразѣ своего “Чичикова” съ видомъ полнѣйшаго равнодушія, не подавая вида, что онъ принимаетъ ее къ свѣдѣнію. Между тѣмъ, впослѣдствіи, Александръ Сергѣевичъ показывалъ своей сестрѣ самую программу повѣсти, или романа, на сюжетъ похождения скупщика мертвыхъ душъ. Но Гоголь предупредилъ его и когда трудъ его на столько продвинулся, что онъ сообщилъ о немъ Жуковскому и Плетневу – Александръ Сергѣевичъ былъ этимъ крайне недоволенъ.

– «Языкъ мой – врагъ мой, – говорилъ онъ жене своей. – Гоголь, хитрый малороссъ, воспользовался моимъ сюжетомъ. Исторію г-на N.N., которую я ему рассказывалъ, онъ какъ будто пропустилъ мимо ушей... Впрочемъ, – прибавилъ онъ, – я не написалъ бы лучше. Въ Гоголѣ бездна юмору и наблюдательности, которыхъ во мнѣ нѣтъ».

---

⁸⁰⁰ *Кораблев А.А.* История литературы в «Мертвых душах»: портреты и оригиналы // Н.В. Гоголь и русская литература: К 200-летию со дня рождения великого писателя. Девяты Гоголевские чтения. М., 2010. С. 243, 246.

⁸⁰¹ *Виноградов И.А.* Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: проблемы интерпретации и текстологии. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2003. С. 20.

⁸⁰² *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. С. 150.

⁸⁰³ *Ходасевичъ В.Ф.* Русалка: Предположения и факты (Глава изъ книги «Поэтическое хозяйство Пушкина») // Современныя записки. Парижъ, 1924. Кн. XX. С. 304.

⁸⁰⁴ *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. М.: РГГУ, 2002. С. 516.

«Чтение самимъ Гоголемъ первыхъ главъ его “Мертвыхъ Душъ” Пушкину не только примирило великаго поэта с похитителемъ его идеи, но заставило еще болѣе прежняго поощрять Николая Васильевича къ его литературнымъ трудамъ»⁸⁰⁵.

Ситуация, когда один писатель подсказывает другому сюжет будущего шедевра, повторится с Ильфом и Петровым, которым Катаев подарил сюжет «Двенадцати стульев», апеллируя к поэме Гоголя: «...тогда, увлекаясь гоголевским Чичиковым, я считал, что сила “Мертвых душ” заключается в том, что Гоголю удалось найти движущегося героя. В силу своей страсти к обогащению Чичиков принужден все время быть в движении – покупать у разных людей мертвые души. Именно это позволило автору создать целую галерею человеческих типов и характеров, что составляет содержание его разоблачительной поэмы.

Поиски бриллиантов, спрятанных в одном из двенадцати стульев, разбросанных революцией по стране, давали, по моим соображениям, возможность нарисовать сатирическую галерею современных типов времен нэпа.

Все это я изложил моему другу и моему брату...»⁸⁰⁶. Отсюда – множество совпадений между «Мертвыми душами» и диалогией о великом комбинаторе.

Чичиков говорит Манилову, что он «был чист на своей совести» (том 1, глава 2), а Остап скажет Балаганову, что он «чист перед законом» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»).

Оба умеют, когда нужно, говорить комплименты: «Автор хотел бы передать читателям некоторые комплименты, сказанные нашим Героем, но, к сожалению, никак не может припомнить; впрочем, он смеет уверить, что комплименты были хорошие»⁸⁰⁷ ~ «И, присыпая свои слова комплиментами по адресу хозяина, Бендер объявил ему о цели своего прихода» («Великий комбинатор»; глава «Овес и сено»).

Несмотря на свою безликую внешность, Чичиков обладал «обворожительными качествами и приемами, знавший в самом деле великую тайну нравиться» (том 1, глава 8). А Остап нравился именно благодаря своей внешности: «...мужская сила и красота Бендера были совершенно неотразимы для провинциальных Маргарит на выданье...» («Двенадцать стульев»; глава «Великий комбинатор»).

В третьей главе «Мертвых душ» подробно описывается строение шкатулки Чичикова, в которой, среди прочего, имеется «маленький потаенный ящик для денег, выдвигавшийся незаметно сбоку шкатулки». А в «Двенадцати стульях» сказано, что «Остап извлек из тайников своего походного пиджака колоду карт и, засев у дороги при выезде из города, затеял игру в три карты» (глава «Под облаками»).

Оба героя созданы как синтетические образы, включающие в себя заведомо противоположные черты. Поэтому высказывание о Чичикове: «В многослойной структуре образа главного героя поэмы соединились полярные культурные парадигмы: плута и богатыря, антихриста и апостола»⁸⁰⁸, – полностью применимо и к Бендеру.

Один из чиновников говорит, что с появлением Чичикова началось «у нас, просто, чорт знает что» (том 1, глава 9). А после встречи с Паниковским – посланником Бендера – в жизни Корейко «началась чертовщина» («Золотой теленок»; глава «Телеграмма от братьев Карамазовых»).

---

⁸⁰⁵ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, 1799 – 1837. Ч. VI // Русская старина. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1880. Т. XXVIII. № 5 (май). С. 79 – 80.

⁸⁰⁶ Катаев В. Алмазный мой венец // Новый мир. 1978. № 6. С. 105. И подобно тому, как Гоголь зашифровал образ Пушкина в Плюшкине и в инициалах его дочери, Ильф и Петров передали привет Валентину Катаеву, выведя его в сатирическом образе инженера Брунса, который обращается к своей жене – Мусику (домашнее имя первой жены Катаева Анны Коваленко).

⁸⁰⁷ Черновые редакции, наброски, заметки. Вторая редакция // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем в двадцати трех томах. Том седьмой. Книга первая. «Мертвые души». М.: Наука, 2012. С. 602.

⁸⁰⁸ Гольденберг А. Слово и живопись в поэтике Гоголя как проблема сюжета и стиля // Новые гоголевские студии: Сб. науч. статей. Нежин (Украина), 2007. Вып. 5 (16). С. 34.

Будучи дьяволом, Бендер основывает контору «Рога и копыта». Чичиков же приснился Коробочке за три дня до приезда в виде черта, у которого «рога-то длиннее бычачьих», а во время встречи с Коробочкой «посулил ей чорта» (том 1, глава 3); председатель палаты думает: «Кстати чорт принес этого Чичикова» (том 1, глава 9); старый повытчик, которого надул Чичиков, называет его «чортов сын», а сослуживцы Чичикова по таможне говорят, «что это был чорт, а не человек» (том 1, глава 11). Но и остальные помещики ненамного лучше: Манилов в изображении Гоголя – «чорт знает что такое»; о Ноздрева Чичиков говорит: «Эк его неугомонный бес как обуял!»; Собакевича автор сравнивает с «бессмертным кощеем», а Чичиков называет его «чортов кулак» и «бестия»; и, наконец, о Плюшкине покупщики говорят, «что это бес, а не человек».

«Апостольскую» же ипостась Чичикова объясняет его имя: Павел Иванович – апостол Павел. Последний сначала был гонителем христианства, но после обращения в Дамаске стал проповедовать воскрешение мертвых благодаря сошествию Христа в ад: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15:55). Однако у Гоголя ситуация вывернута наизнанку, поскольку еще «не обращенный» Чичиков-антихрист спускается в российский ад – усадьбы помещиков, – чтобы купить мертвые души; и лишь в концовке второго тома с ним происходит метаморфоза, аналогичная той, что была с фарисеем Савлом, после чего Чичиков раскаивается в своей прошлой жизни (причем раскаяние совершается буквально в евангельских выражениях), решая стать другим человеком⁸⁰⁹. Бендер же, в порыве отчаяния отослав миллион наркому финансов, вскоре спохватился и начал ругать себя: «Тоже, апостол Павел нашелся! – шептал он, перепрыгивая через клумбы городского сада. – Бессребреник, с-сукин сын! Менонит проклятый, адвентист седьмого дня! Дурак! Если они уже отправили посылку – повешусь! Убивать надо таких толстовцев!». Поскольку отношение к религии у Гоголя и Ильфа/Петрова было диаметрально противоположным, разнятся и их взгляд на апостола Павла.

Теперь продолжим сопоставление главных героев.

Мысли Чичикова про помещика Костанжогло совпадут с мыслями Остапа о Корейко: «Экой черт! – думал Чичиков, глядя на него в оба глаза, – загребистая какая лапа» (том 2, глава 3) ~ «Тут чувствуется лапа Корейко, – думал Остап...» («Золотой теленок»; глава «Рога и копыта»).

Во время разговора с тем же Констанжогло «как очарованный сидел Павел Иванович; в золотой области грез и мечтаний кружились его мысли. По золотому ковру грядущих прибытков золотые узоры вышивало разыгравшееся воображение, и в ушах его отдавались слова: “Реки, реки потекут золота”. И в таком же состоянии окажутся Бендер и Воробьянинов, изучая список сокровищ, зашитых в стул: «По темным углам зачумленной дворницкой вспыхивал и дрожал изумрудный весенний свет. Бриллиантовый дым держался под потолком. Жемчужные бусы катились по столу и прыгали по полу. Драгоценный мираж потрясал комнату» («Двенадцать стульев»; глава «Бриллиантовый дым»).

---

⁸⁰⁹ А помещиков в третьем томе тоже ожидало «воскресение из мертвых» – в частности, должен был духовно преобразиться Плюшкин, и в 15-й главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846) Гоголь говорил Н. Языкову: «О, если бы ты мог сказать ему то, что должен сказать мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома “Мертв<ых> душ”!». Приведем также свидетельство Александра Бухарева (архимандрита Феодора), который спросил Гоголя, «оживет ли, как слѣдует, Павелъ Ивановичъ. Гоголь, какъ будто съ радостію, подтвердилъ, что это непременно будетъ, и оживленію его послужить прямымъ участіемъ самъ царь, и первымъ вздохомъ Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма. <...> А прочіе спутники Чичикова въ мертвыхъ душахъ? спросилъ я Гоголя; и они тоже воскреснуть? – “Если захотятъ” – ответилъ онъ съ улыбкою; и потомъ сталъ говорить, какъ необходимо далѣе привести ему своихъ героевъ въ столкновение съ истинно хорошими людьми, и проч. и проч.» (*Архимандритъ Феодоръ*. Три письма къ Н.В. Гоголю, писанныя в 1848 году. САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ: Въ типографіи морскаго министерства, 1860. С. 138).

В ряде случаев мы встречаем прямые лексические заимствования: «Еще бы, – подумал Чичиков, – этакому дураку послал бог двести тысяч» (том 2, глава 4) ~ «Вот послал Бог дурака уполномоченного по копытам! – сердился Остап» («Золотой теленок»; глава «Рога и копыта»).

Оформляя у председателя палаты купчие крепости по мертвым душам, Чичиков произнес монолог с обличением либерализма и молодежи, но «в словах его была *какая-то нетвердость*, как будто бы тут же сказал он сам себе: “Эх, брат, врешь ты, да еще и сильно!”» (том 1, глава 7). Примерно так же будет вести себя и разбогатевший Бендер, встретив на Казанском вокзале Балаганова: «“Теперь я команду парадом! Чувствую себя отлично”. *Последние слова он произнес нетвердо*. Парад, надо сказать правду, не ладился, и великий комбинатор лгал, утверждая, что чувствует себя отлично» («Золотой теленок»; глава «Врата великих возможностей»).

Чичиков, подойдя к губернаторской дочке, «несколько замялся, и во всех движениях оказалась *какая-то неловкость*» (том 1, глава 8), а Остап во время разговора с Балагановым пытался скрыть от себя, что «ощущает некую неловкость» («Золотой теленок»; глава «Врата великих возможностей»).

Беседа с генералом Бетрищевым, Чичиков придумывает себе дядю, чтобы генерал продал ему мертвых душ: «Есть, ваше превосходительство, дряхлый старичишка дядя. У него триста душ и две тысячи <десятин> и, кроме меня, наследников никого. Сам управлять именем, по дряхлости, не может, а мне не передает тоже. И какой странный приводит резон: “Я, говорит, племянника не знаю; может быть, он мот. Пусть он докажет мне, что он надежный человек: пусть приобретет прежде сам собой триста душ; тогда я ему отдам и свои триста душ”» (том 2, глава 2). И такой же прием использует Остап в разговоре с работником почты, чтобы тот вернул ему посылку с миллионом: «Понимаете, забыл вложить банку варенья. Из райских яблочек. Очень вас прошу. Дядя страшно обидится. Понимаете... <...> Вы не знаете моего дяди! – горячо сказал Остап. – И потом я бедный студент, у меня нет денег» («Золотой теленок»; глава «Его любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина – зубной техник»).

Сыну помещика Петуха Чичиков задает вопрос: «А что, – спросил он вслух, – в каком состоянии именье *вашего батюшки?*»» (том 2, глава 3). И подобную же конструкцию встречаем в обращении Остапа к дворнику: «А что, отец, – спросил молодой человек, затаившись, – невесты у вас в городе есть?» («Двенадцать стульев»; глава «Великий комбинатор»). При этом словосочетание *имение вашего батюшки* найдет частичную аналогию в обращении Коробейникова к Бендеру: «*Вся вашего батюшки мебель тут*» (глава «Алфавит – зеркало жизни»).

Заверения помещика Костанжогло, что Чичиков может разбогатеть честным путем: «И непременно разбогатеете. <...> К вам потекут реки, реки золота. *Не будете знать, куды девать доходы*» (том 2, глава 3), – в устах Остапа превратятся в ложные обещания васюкинцам: «На первичные телеграммы хватит. А потом начнется приток пожертвований, и *денег некуда будет девать!*» (глава «Междупланетный шахматный конгресс»)⁸¹⁰. А иногда бывает так, что одинаковые конструкции наполняются противоположным содержанием: «То есть Чичиков лгал: у него было двадцать тысяч» (том 2, глава 4) ~ «Молодой человек солгал: у него не было ни денег, ни квартиры, где они могли бы лежать, ни ключа, которым можно было бы квартиру отпереть» (глава «Великий комбинатор»).

Некоторые же сцены «Золотого теленка» как будто целиком списаны с «Мертвых душ»:

---

⁸¹⁰ А другая реплика Костанжогло, обращенная к Чичикову: «Я и сам учился на медные деньги» (том 2, глава 3), – отразится в записи Ильфа за сентябрь 1936 – апрель 1937 годов: «Я родился в бедной еврейской семье и учился на медные деньги» (*Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 563*).

1) – Да что говорить! помилуйте, – сказал Вишнепокромов, – с десятью миллионами чего не сделать? Дайте мне десять миллионов, – вы посмотрите, что я сделаю!

«Нет, – подумал Чичиков, – ты-то не много сделаешь толку с десятью миллионами. А вот если б мне десять миллионов, я бы, точно, кое-что сделал».

«Нет, если бы мне теперь, после этих страшных опытов, десять миллионов! – подумал Хлобуев. – Э, теперь бы я не так: опытом узнаешь цену всякой копейки» (том 2, глава без номера).

2) – Дали бы мне миллион рублей! – сказал второй пассажир, суча ногами. – Я бы им показал, что делать с миллионом!

<...>

– Вот дура! – сказал второй пассажир. – Дали бы мне этот миллион!

И в ажитации он даже вырвал из рук соседа сухарик и нервно съел его. <...>

– Вот дура! Нашла кому рассказывать!.. Дали бы мне этот миллион, уж я бы... («Золотой теленок»; глава «Дружба с юностью»).

Слова Чичикова, обращенные к помещику Леницыну: «Как приятно встретить единомыслье! – сказал Чичиков. – Есть и у меня дело, законное и незаконное вместе; с виду незаконное, в существе законное» (том 2, глава 4), – заставляют вспомнить размышления Остапа во время первой встречи с Балагановым: «Как приятно, – сказал он задумчиво, – работать с легальным миллионером в хорошо организованном буржуазном государстве со старинными капиталистическими традициями. <...> Что может быть проще? Джентльмен в обществе джентльменов делает свой маленький бизнес» («Как приятно... сказал Чичиков» = «Как приятно, – сказал он»; «дело» = «бизнес»; «законное» = «легальным»). А в поэме Гоголя действие происходит если не «в хорошо организованном буржуазном государстве со старинными капиталистическими традициями», то в условиях, позволяющих развернуться капиталисту. Между тем Чичиков собирается сделать благое дело – «снять с бедного владельца тягость уплаты за них [мертвые души] податей», а Остап хочет просто отнять деньги у богача.

Закончив работу над «делом Корейко» и предвкушая получение миллиона, «великий комбинатор танцевал танго. <...> Он становился на одно колено, быстро подымался, поворачивался и, легонько переступая ногами, снова скользил вперед» («Золотой теленок»; глава «Командор танцует танго»), а Чичиков «вспомнил с просиявшим лицом, что у него теперь без малого четыреста душ», после чего «произвел по комнате два прыжка, прилепнув себя весьма ловко пяткой ноги» (том 1, глава 7).

По мнению чиновников, «лицо Чичикова, если он повернется и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона» (том 1, глава 10). А у Остапа на груди – татуировка с Наполеоном, и сам он постоянно сравнивает себя с этим политическим деятелем.

Шашечная партия Чичикова и Ноздрева (том 1, глава 3) станет своего рода прообразом сеанса одновременной игры в шахматы, который даст Остап в Васюках. Только Чичиков играет честно, а Ноздрев жульничает; Остап же выступит не в роли Чичикова, а в роли Ноздрева, поскольку оба, не умея играть, первыми идут на конфликт: Ноздрев – с Чичиковым, а Остап – с одноглазым любителем.

Если Ноздрев «подвигая шашку <...> в то же самое время подвинул обшлагом рукава и другую шашку», то Бендер «украл с доски черную ладью и спрятал ее в карман» («Двенадцать стульев»; глава «Междупланетный шахматный конгресс»).

Увидев жульничество, Чичиков возражает: «Нет, брат, я все ходы считал и все помню...». И так же реагирует на исчезновение ладьи одноглазый: «Позвольте, товарищ, у меня все ходы записаны!». А тем временем дело доходит почти до рукоприкладства: «Бейте его! – кричал Ноздрев...» = «Держи гроссмейстера! – вопили в перегруженной барке... <...> Господа! – воскликнул вдруг Ипполит Матвеевич петушиным голосом. – Неужели вы будете нас бить?! – Еще как! – загремели васюкинские любители, собираясь прыгать в лодку».

Еще один раз Остап выступит в образе Ноздрева в главе «Людоедка Эллочка»: «Давайте обменяемся. Вы мне стул, а я вам ситечко». А Ноздрев предлагал Чичикову: «...я тебе дам шарманку и все, сколько ни есть у меня, мертвые души, а ты мне дай свою бричку и триста рублей...».

Бегство Остапа из Лучанска: «Стой! – кричал Остап, делая гигантские прыжки. – Догоню – всех уволю! – Стой! – кричал председатель. – Стой, дурак! – кричал Балаганов Козлевичу. – Не видишь – шефа потеряли!» («Золотой теленок»; глава «Сладкое бремя славы»), – отсылает к следующему фрагменту «Мертвых душ»: «Держи, держи, дурак! – кричал Чичиков Селифану. – Вот я тебя палашом! – кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин. – Не видишь, леший дери твою душу: казенный экипаж!» (том 1, глава 11)⁸¹¹. В самом деле: «Стой! – кричал Остап! <...> Стой, дурак! – кричал Балаганов Козлевичу» = «Держи, держи, дурак! – кричал Чичиков»; «Не видишь – шефа потеряли!» = «Не видишь... казенный экипаж!». При этом про «казенный экипаж» сказано: «И, как призрак, исчезнула с громом и пылью птица-тройка»; а про «Антилопу-Гну»: «Машина забренчала всеми своими частями и быстро унеслась, увозя от справедливого наказания четырех правонарушителей». Также фраза «Вот я тебя палашом! – кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин», – отсылает к главе «Междупланетный шахматный конгресс» из «Двенадцати стульев»: «Вот я вас сейчас, сволочей! – гаркнул он храбрецам-разведчикам, бросаясь с пятой площадки».

А заканчиваются «Мертвые души» и «Золотой теленок» тем, что оба героя, потерпев неудачу в своих махинациях, собираются начать честную трудовую жизнь: «Буду трудиться, буду работать в поте лица в деревне, и займусь честно, так, чтобы иметь доброе влияние и на других» ~ «Придется переквалифицироваться в управдомы». При этом Чичиков хочет стать тружеником-капиталистом, а Бендер вынужден довольствоваться должностью управдома, поскольку социализм он строить не хочет, а капитализм в СССР уже не вернется: «Счастливые годы НЭПа прошли», – говорит он в одном из набросков к роману⁸¹².

В свою очередь, образ Чичикова распадается в «Золотом теленке» на Бендера и Корейко: «Хищничество, приобретательство перешли к второстепенному образу обреченного на вымирание подпольного миллионера Корейко. А склонность к комбинаторству, метаморфозам и плутням – к Остапу Бендеру»⁸¹³.

Общим для Чичикова и Корейко являются отчество «Иванович» и умение легко перемножать в уме числа: «Семьдесят восемь, семьдесят восемь, по тридцати копеек за душу, это будет... – здесь герой наш одну секунду, не более, подумал и сказал вдруг: – Это будет двадцать четыре рубля девяносто шесть копеек! – он был в арифметике силен» (том 1, глава 6) ~ «Слушайте, Александр Иванович, – спрашивал сосед, – сколько будет восемьсот тридцать шесть на четыреста двадцать три? – Триста пятьдесят три тысячи шестьсот двадцать восемь, – отвечал Корейко, помедлив самую малость. И сосед не проверял результата умножения, ибо знал, что туповатый Корейко никогда не ошибается» (глава «Обыкновенный чемоданишко»).

В 11-й главе первого тома «Мертвых душ» подробно описывается биография Чичикова, начиная с его детства, когда его звали «Павлуша», и столь же подробно излагается биография Корейко с той поры, когда он еще был «Сашей» («Великий комбинатор»; глава «Подземное царство»). В обоих случаях показаны путь героев к богатству и формирование их мировоззрения: юному Чичикову «мерещилась впереди

⁸¹¹ *Вентцель А.Д.* И. Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев», «Золотой теленок». Комментарии к комментариям, комментарии, примечания к комментариям, примечания к комментариям к комментариям и комментарии к примечаниям. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 226.

⁸¹² Планы и наброски к «Великому комбинатору» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок (авторская редакция) / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2016. С. 411.

⁸¹³ *Ершов Л.Ф.* Советская сатирическая проза. М.; Л.: Худ. лит., 1966. С. 169.

жизнь во всех удовольствиях, со всякими недостатками, экипажи, дом, отлично устроенный, вкусные обеды, вот что беспрерывно носилось в голове его», а Саша Корейко «валялся дома на красном плюшевом диване, злобно мечтая о собственных яхтах и зеркальных особняках». Но, как ни странно, таким же был и Евгений Петров в начале НЭПа: «Я представлял себе богатство, славу и все прочее. Во мне проснулся бальзаковский молодой человек-завоеватель»⁸¹⁴. Речь идет о герое романа Бальзака «Отец Горио» (1832) по имени Эжен де Растиньяк, который, будучи провинциалом, приехал в Париж в возрасте 22 лет. Примерно в таком же возрасте Евгений Петров переехал из Одессы в Москву (1923). Об отдаленном сходстве Бендера и Растиньяка писал в свое время Анатолий Тарасенков: «Кто такой Остап Бендер? Бальзак изобразил его Растиньяком, наглым и циничным карьеристом, жиреющим на крови народа, после подавления революции 1830 года пролезающим в министерское кресло. При всем отвращении своем к этому “герою” Бальзак не может отказать ему в своеобразном величии и блеске интеллекта»⁸¹⁵.

Закончив училище, Чичиков поступил на государственную службу: «Местечко досталось ему ничтожное, жалованья тридцать или сорок рублей в год». А жалование Корейко во время его работы в «Геркулесе» составит сорок шесть рублей в месяц.

О Чичикове сказано, что во время службы «самоотвержение, терпенье и ограничение нужд показал он неслыханное» (том 1, глава 11), и Корейко во время службы в «Геркулесе» «вел нищенское существование, стараясь не выйти за пределы сорокашестирублевого жалованья» («Золотой теленок»; глава «Подземное царство»). Кроме того, Чичиков отличался «совершенным неупотреблением никаких крепких напитков», а Корейко «не пьет и не курит».

Чичиков «ни молод, ни стар» (том 1, глава 1), а Корейко «не то чтоб не молод, а просто время идет, годы проходят» (глава «Снова кризис жанра»).

О Чичикове сказано: «Щеки его были так гладки и хорошо выбриты и блеснули такую белизною, что казалось, что он весь помолодел пятью годами...» (том 1, глава 2), а «щеки Александра Ивановича были хорошо выбриты» (глава «Подземное царство»). При этом Чичиков «был бы даже похож на *херувима*, если бы не слишком синий подбородок». И Корейко в набросках к «Золотому теленку» охарактеризован с таким же сарказмом: Бендер и Балаганов «попадают на чистку. Чистится *ангельский* гражданин. Оказывается – Корейко...»⁸¹⁶.

Во время работы на таможне Чичикова отличала «ревностно-бескорыстная служба», и Корейко во время работы в «Геркулесе» держал себя таким же образом: «...преданный какой-то чересчур. Только объявят подписку на заем, как он уже лезет со своим месячным окладом. Первым подписывается. А весь оклад-то 46 рублей» (глава «Обыкновенный чемоданишко»). То есть оба героя стремятся показать себя «первыми учениками», но вместе с тем остаются «себе на уме»: «Дурак, дурак! – думал Чичиков, – промотает все, да и детей сделает мотишками» (том 2, глава 3) = «Дурак, – подумал Корейко, – дубина! Он будет нищим всю свою жизнь!» (глава «Шарады, ребусы и шардаиды»).

Чичиков во время службы на таможне провернул аферу с «остроумным путешествием испанских баранов, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, пронесли под тулупчиками на миллион брабантских кружев». Это дело принесло ему свыше пятисот тысяч рублей. Также и Корейко на афере со строительством электростанции заработал полмиллиона, которые «спрятал в надежном месте». Но если Чичиков попался на своей афере и едва избежал тюрьмы, то Корейко оказался расторопнее, успев скрыться, однако и он понимал, что «рано или поздно, то есть,

⁸¹⁴ Петров Е. Мой друг Ильф / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2001. С. 140.

⁸¹⁵ Тарасенков А. О творчестве Ильи Ильфа и Евгения Петрова // Знамя. 1956. № 8. С. 180.

⁸¹⁶ Яновская Л. Дело № 2 (К творческой истории «Золотого теленка») // Вопросы литературы. 1963. № 2 (февр.). С. 183.

вернее, рано, а не поздно, моя работа с государством привела бы к тюрьме» («Великий комбинатор»; глава «Подземное царство»).

Кроме того, аферу с «испанскими баранами, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, пронесли под тулупчиками на миллион брабантских кружев», повторит Остап при переходе румынской границы, когда попытается пронести драгоценности под дорогой шубой, прикрытой брезентовым балахоном⁸¹⁷.

Помимо Чичикова, Корейко имеет общие черты и с Плюшкиным, у которого «маленькие глазки еще не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши» (том 1, глава 6). Корейко же в главе «Геркулесовцы» назван белоглазым мышонком. И если Собакевич говорит о Плюшкине: «*Такой скряга*, какого вообразить трудно» (том 1, глава 5), то Остап скажет Корейко: «Просить папиросу у *такого скряги*, как вы, было бы просто мучительно» (глава «Александр-ибн-Иванович»). Кроме того, у чиновника Ивана Антоновича – *кувшинное рыло* (том 1, глава 7), а у служащего «Геркулеса» Корейко – *ветчинное рыло* (глава «Командор танцует танго»).

И здесь имеет смысл немного отступить от «Мертвых душ», чтобы рассказать об исторических прототипах Александра Корейко.

В «Золотом теленке» фигурирует акционерное общество «Жесть и бекон»; и от *бекона* – свинины – недалеко до *Корейко*; корейка же – это *телячья* грудинка, а значит – *золотой теленок*; поэтому Остап и говорит Балаганову: «Сейчас мы пойдем смотреть на драгоценного *теленочка* при исполнении им служебных обязанностей», «Сегодня вечером мы, с божьей помощью, впервые потрогаем господина Корейко *за вымя*. Трогать будете вы, Шура». Впрочем, *вымя* здесь указывает на одного из прототипов Корейко – афериста-миллионера Константина Михайловича *Коровко* (р. 1876)⁸¹⁸. Поэтому Остап говорит Корейко: «...вы произошли не от обезьяны, как все остальные граждане, а *от коровы*». В 1912 году за махинации Коровко был арестован и два года спустя судим. Последний раз он был арестован за хищения в 1920 году, но освобожден досрочно, а «в 1923 г. с огромными деньгами реальный Константин Коровко успешно и нелегально перешел границу СССР и оказался в Румынии. Можно представить себе, как сильно хотели Ильф и Петров закончить свой “Золотой теленок” именно таким “хеппи эндом”, но они этого по понятным причинам не сделали, так как иначе не выиграли бы государственный тендер по изданию романа, в котором безнаказанно обжуливать советскую власть было нельзя»⁸¹⁹. А к 1912 году восходит и источник одной из знаменитых фраз Остапа: «“Лед тронулся, господа присяжные заседатели”, – говорил Бендер, подражая одному из адвокатов на скандальном процессе отравителей в 1912 году»⁸²⁰. Впрочем, сам Ильф в черновом плане романа упоминает другого прототипа Корейко:

«Белоглазый.

Иван Семенович»⁸²¹.

---

⁸¹⁷ Отмечено: *Саатчян Г.Р.* Ильф и Петров в гоголевской шинели: заметки читателя-источниковеда // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М.: ИАИ РГГУ, 2004. С. 313.

⁸¹⁸ *Константинов А.Д.* Мошеннический Петербург. СПб.: Изд. дом «Нева», 2001. С. 10 – 15.

⁸¹⁹ *Аваков В.В.* От лотка до молотка. Книга о торгах. М.: Родина, 2019. Известен ряд публикаций о «деле Коровко»: Арест короля русских аферистов // Вечернее время. 1912. 24 апр.; Миллионные аферы // Петербургский листок. 1914. 16 янв.; Авантюристы наших дней // Петербургский листок. 1914. 17, 19, 22, 24, 25 мая. Ссылки на них можно найти в статье: *Лизунов П.В.* Крах инженера Коровко и его «Банкирского дома Русской промышленности» // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XIX вв.: Сборник материалов Третьей международной научной конференции (г. Коломна, 24 – 26 сентября 2013 г.). Т. 2. XIX – начало XX в. Коломна, 2015. С. 154 – 162. См. также на эту тему документальный фильм «Преступление в стиле модерн. Предшественник Корейко» (НТВ, 08.09.2003), где продемонстрированы еще две публикации из дореволюционной прессы: «Дѣло супруговъ Коровко», «Аферы супруговъ Коровко».

⁸²⁰ *Лурье Л.* Россия, которую мы не теряли // Искусство кино. 2000. № 9. С. 46.

⁸²¹ Планы и наброски к «Великому комбинатору» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок (авторская редакция) / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2016. С. 403.

Речь идет о заведующем отделом сатиры и юмора (четвертая полоса) газеты «Гудок» Иване Семеновиче Овчинникове. Остап же в разговоре с Балагановым назовет Корейко «белоглазым подхалимом» (глава «Геркулесовцы»). Сравним рацион Корейко (в главе «Подземное царство») и Овчинникова: «Ровно в двенадцать часов Александр Иванович отодвинул в сторону контокоррентную книгу и приступил к завтраку. Он вынул из ящика заранее очищенную сырую репку и, чинно глядя вперед себя, съел ее. Потом он проглотил холодное яйцо всмятку. <...> Все геркулесовцы увенчивали свой завтрак чаем; Александр Иванович выпивал стакан белого кипятку вприкуску. Чай возбуждает излишнюю деятельность сердца, а Корейко дорожил своим здоровьем» ~ «Иван Овчинников – еще молодой, белозубый человек, скромно жуящий за перегородкой морковку. Чаю он не пьет – чай вреден, яйца ест почти сырые»⁸²² («репку... чинно... съел» = «скромно жуящий морковку»⁸²³; «проглотил холодное яйцо всмятку» = «яйца ест почти сырые»; «Чай возбуждает излишнюю деятельность сердца» = «Чаю он не пьет – чай вреден»). И если Корейко было 38 лет⁸²⁴, то Овчинникову (1890 – 1977) в 1929 году, когда писался роман «Великий комбинатор», исполнилось 39. Помимо того, Овчинников стал прототипом Елисея Портищева из рассказа Ильфа и Петрова «Двойная жизнь Портищева»⁸²⁵. А вставной глаз Корейко перекочевал в роман из фельетона Петрова «Собачье положение»: «У репортера Косинуса выпал вставной глаз и, сверкая радужной оболочкой, покатился по комнате. <...> “Я тоже говорил, – пробормотал репортер Косинус, подбирая глаз, – определенно безобразно”»⁸²⁶. Сравним с описанием Корейко: «Проклятая страна! – бормотал Корейко. – Страна, в которой миллионер не может повести свою невесту в кино». При этом фамилия *Косинус* соответствует феноменальным *математическим* способностям Корейко.

Еще ряд прототипов Корейко, который вместо строительства электростанции организовал печатание открыток с видами строительства этой самой электростанции, обнаруживается в газетной хронике 1929 года. Например, после Крымского землетрясения ряд аферистов решил подзаработать на этом деле, о чем известила читателей газета «Вечерняя Москва»:

Сентябрьское землетрясение 1927 г. было серьезным испытанием для молодой Крымской АССР <...> Крымское правительство металось в поисках средств. Была дорога буквально каждая копейка. Был выброшен лозунг:

Трудящиеся Советского Союза, на помощь Крыму!

Посыпались пожертвования. Но, увы, их было далеко недостаточно. <...>

Одновременно со всех концов Союза в Крым устремились «люди воздуха» в поисках легкой наживы. На груды развалин слетались стаи хищников.

И вот, под флагом помощи пострадавшим от землетрясения, развернулась совершенно исключительная по своей наглости авантюра.

В Крым примчался делец Познанский. У этого молодого человека – с мелкими острыми зубами, раздвоенным подбородком – в прошлом была уже растрата 900 рублей в Артемовской Деткомиссии и ряд служебных подлогов и преступлений в других местах.

---

⁸²² Шкловский В. Глубокое бурение // Олеша Ю. Избранное. М.: Правда, 1983. С. 7.

⁸²³ И морковь, и репу упоминает бывший сотрудник «Гудка» Арон Эрлих: «И.С. Овчинников, завтракая излюбленной своей репой или морковью, напрасно пытался унять своих подопечных» (Эрлих А. Начало пути // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 128).

⁸²⁴ «Александр Иванович Корейко, один из ничтожнейших служащих “Геркулеса”, был человек в последнем приступе молодости – ему было 38 лет» (глава «Обыкновенный чемоданишко»). Кстати, имя и отчество Корейко взяты из рассказа Николая Лескова «Овцебык» (1862), в 9-й главе которого появляется владелец Баркова-хутора Александр Иванович Свиридов – *бывший крепостной*. А о Корейко сказано: «К числу их принадлежал *бывший мещанин* Саша Корейко» (роман «Великий комбинатор»; глава «Подземное царство»).

⁸²⁵ Толстоевский Ф. 1001 день или Новая Шахерезада // Чудак. М., 1929. № 14. Апр. С. 12 – 13.

⁸²⁶ Смехач. М., 1928. № 44. Ноябрь. С. 5.

Ему удалось необычайно быстро сговориться с заместителем председателя Деткомиссии КрымЦИК тов. Кизильштейном, правой рукой тогдашнего предКрымЦИК, пресловутого Вели Ибрагимова, расстрелянного в прошлом году по приговору Верховного суда СССР.

Делец Познанский, не имевший за душой ни гроша, и ответственный работник, член партии, но на деле авантюрист и вредитель – Кизильштейн протянули друг другу руки. Они решили по-своему использовать народное бедствие.

Без ведома правительственной комиссии КрымЦИК – Кизильштейн заключил кабальный договор с частником Познанским на распространение открыток с видами землетрясения и на сбор пожертвований. Правительственную же комиссию Кизильштейн уверил, что предполагает заключить договор с Деткомиссией ВУЦИК.

Кизильштейну удалось втянуть в свою авантюру и наркома просвещения члена партии **Уссейна Балич**, который снабдил Познанского мандатом «Уполномоченного по изысканию средств и контролера».

Но для проведения авантюры необходимы были некоторые средства. Ни у Познанского, ни у Кизильштейна их не было. Познанский помчался в Харьков, куда прибыл спекулянт-частник **Фиш**, специально для этой цели вызванный телеграммой из Москвы. <...> как и Познанский, был несколько раз под судом и следствием. <...> В Харькове вскоре создался триумvirат: Познанский – Кизильштейн – Фиш. В частной типографии Вержецкого⁸²⁷ в Москве были заказаны в колоссальном количестве открытки.

Кизильштейн телеграфировал правительственной комиссии в Крым:
«Переговоры с ВУЦИК идут чрезвычайно успешно!»

А на самом деле договор с Познанским был переписан на имя Фиша. Фиш должен был получать по этому договору 40 проц. с валового сбора за свою «работу» по собиранию средств для пострадавших от землетрясения!

«Работа» развернулась... Уполномоченные Фиша, агенты, субагенты, точно микробы или саранча, расплодились в невероятном количестве. Они с аршинными мандатами атаковали профсоюзные, общественные, советские и партийные организации, требуя денег «для помощи Крыму». Они всучивали открытки «с видами крымского землетрясения» в поездах железной дороги, являясь на квартиры, в учреждения, требуя одного: денег, денег, денег...

В это время Кизильштейн умер в Москве в гостинице от разрыва сердца. Фиш и Познанский остались вдвоем. <...> Мандаты раздавались направо и налево. Фишерские «агенты» и «уполномоченные» обзавелись печатями, бланками <...> «Уполномоченные» рассыпались не только по территории РСФСР и УССР, но проникали и в Закавказье, и Белоруссию.

Подписные листы не нумеровались. **150 листов не нашлось вовсе**. Квитанции вырывались, подчищались. Выдавались фальшивые квитанции. В Поволжье деньги собирались и без квитанций!.. «Агентура» Фиша состояла из преступного сброда.

Только вмешательство ОГПУ прекратило эту вакханалию, небывалое, непростительное дискредитирование Крымского правительства в глазах трудящихся Советского Союза.

На-днях, в г. Симферополе, Главсуд Крыма в течение недели распутывал этот сложный и смрадный клубок беззастенчивых хищений, растрат, наглого воровства, подлогов...

Было выяснено, что из 250.000 рублей, которые должны были быть собраны агентами Фиша, в кассу правительственной комиссии по ликвидации последствий землетрясения попало только... 27.000 рублей!

В течение недели уличенные хищники извивались, лгали, старались выпутаться, оправдаться, свалить свою вину друг на друга...

Кизильштейн умер: его не было на скамье подсудимых. Познанский и Фиш получили по 7 лет заключения со строгой изоляцией, Балич и Бурков по 3 года, второй контролер Гожин – 2 года⁸²⁸.

Сравним с тем, как эта история преподнесена в «Золотом теленке»:

...Александр Иванович Корейко высадился из спального вагона прямого сообщения в небольшой виноградской республике, отстоявшей от Москвы на три тысячи километров.

⁸²⁷ Правильно: Вершецкого.

⁸²⁸ Чуднов Мих. «Герои» крымского землетрясения // *Вечерняя Москва*. 1929. 25 янв. С. 2.

Он растворил окно в номере гостиницы и увидел городок в оазисе, с бамбуковым водопроводом, с дрянной глиняной крепостью, городок, отгороженный от песков тополями и полный азиатского шума.

На другой же день он узнал, что республика начала строить электрическую станцию. Узнал он также, что денег постоянно не хватает и постройка, от которой зависит будущее республики, может остановиться.

И здоровый частник решил помочь республике. Он снова погрузился в оранжевые сапоги, надел тубетейку и, захватив пузатый портфель, двинулся в управление строительством.

Его встретили неособенно ласково; но он вел себя весьма достойно, ничего не просил для себя и напирал главным образом на то, что идея электрификации отсталых окраин чрезвычайно близка его сердцу.

– Вашему строительству, – говорил он, – не хватает денег. Я их достану.

И он предложил организовать при строительстве электростанции доходное подсобное предприятие.

– Что может быть проще! Мы будем продавать открытки с видами строительства, и это принесет те средства, в которых так нуждается постройка. Запомните: вы ничего не будете давать, вы будете только получать.

Александр Иванович решительно рубил воздух ладонью, слова его казались убедительными, проект был верный и выгодный. Заручившись договором, по которому он получал четвертую часть всех барышей с открыточного предприятия, Корейко начал работать.

Сперва понадобились оборотные средства. Их пришлось взять из денег, ассигнованных на постройку станции. Других денег в республике не было.

– Ничего, – утешал он строителей, – запомните: с этой минуты вы будете только получать.

Александр Иванович верхом на лошади проинспектировал ущелье, где уже возвышались бетонные параллелепипеды будущей станции, и одним взглядом оценил живописность порфировых скал. За ним на Линейке прикатили в ущелье фотографы. Они окружили строительство суставчатыми, голенастыми штативами, спрятались под черные шали и долго щелкали затворами. Когда все было заснято, один из фотографов спустил шаль и рассудительно сказал:

– Лучше, конечно, было бы строить эту станцию левее, на фоне монастырских руин, там гораздо живописнее.

Для печатания открыток решено было как можно скорее выстроить собственную типографию. Деньги, как и в первый раз, были взяты из строительных средств. Поэтому на электрической станции пришлось свернуть некоторые работы. Но все утешались тем, что барыши от нового предприятия позволят нагнать упущенное время.

Типографию строили в том же ущелье, напротив станции. И вскоре неподалеку от бетонных параллелепипедов станции появились бетонные параллелепипеды типографии. Постепенно бочки с цементом, железные прутья, кирпич и гравий перекочевали из одного конца ущелья в другой. Затем легкий переход через ущелье совершили и рабочие – на новой постройке больше платили.

Через полгода на всех железнодорожных остановках появились агенты-распространители в полосатых штанах. Они торговали открытками, изображавшими скалы виноградной республики, среди которых шли грандиозные работы. В летних садах, театрах, кино, на пароходах и курортах барышни-овечки вертели застекленные барабаны благотворительной лотереи. Лотерея была беспроигрышная, – каждый выигрыш являл собою открытку с видом электрического ущелья.

Слова Корейко сбылись, – доходы притекали со всех сторон. Но Александр Иванович не выпускал их из своих рук. Четвертую часть он брал себе по договору, столько же присваивал, ссылаясь на то, что еще не от всех агентских караванов поступала отчетность, а остальные средства употреблял на расширение благотворительного комбината.

– Нужно быть хорошим хозяином, – тихо говорил он, – сначала как следует поставим дело, тогда-то появятся настоящие доходы.

К этому времени экскаватор «Марион», снятый с электростанции, рыл глубокий котлован для нового типографского корпуса. Работа на электростанции прекратилась. Строительство обезлюдело. Возились там одни лишь фотографы и мелькали черные шали.

Дело расцвело, и Александр Иванович, с лица которого не сходила честная советская улыбка, приступил к печатанию открыток с портретами киноартистов.

Как водится, однажды вечером на тряской машине приехала полномочная комиссия.

Александр Иванович не стал мешкать, бросил прощальный взгляд на потрескавшийся фундамент электростанции, на грандиозное, полное света здание подсобного предприятия и задал стрекача.

– Гм! – сказал председатель, ковыряя палкой в трещинах фундамента. – Где же электростанция?

Он посмотрел на членов комиссии, которые в свою очередь сказали «гм». Электростанции не было.

Зато в здании типографии комиссия застала работу в полном разгаре. Сияли лиловые лампы, и плоские печатные машины озабоченно хлопали крыльями. Три из них выпекали ущелье в одну краску, а из четвертой, многокрасочной, словно карты из рукава шулера, вылетали открытки с портретами Дугласа Фербенкса в черной полумаске на толстой самоварной морде, очаровательной Лиа де Путти и славного малого с вытаращенными глазами, известного под именем Монти Бенкса.

И долго еще после этого памятного вечера в ущелье под открытым небом шли показательные процессы. А Александр Иванович прибавил к своему капиталу полмиллиона рублей.

Совпадений здесь более чем достаточно: «молодой Крымской АССР» = «небольшой виноградной республике»; «Посыпались пожертвования. Но, увы, их было далеко недостаточно» = «денег постоянно не хватает»; «спекулянт-частник Фиш» = «здоровый частник решил помочь республике»; «Правительственную же комиссию Кизильштейн уверил, что предполагает заключить договор с Деткомиссией ВУЦИК» = «Александр Иванович решительно рубил воздух ладонью, слова его казались убедительными, проект был верный и выгодный»; «В частной типографии Вержецкого в Москве были заказаны в колоссальном количестве открытки» = «Для печатания открыток решено было как можно скорее выстроить собственную типографию»; «Они всучивали открытки “с видами крымского землетрясения” в поездах железной дороги» = «Через полгода на всех железнодорожных остановках появились агенты-распространители в полосатых штанах <...> открытку с видом электрического ущелья»; «Фиш должен был получать по этому договору 40 проц. с валового сбора за свою “работу” по собиранию средств для пострадавших от землетрясения» = «Заручившись договором, по которому он получал четвертую часть всех барышей с открыточного предприятия, Корейко начал работать».

Что же касается строительства электростанции, оказавшегося грандиозным мощенничеством, то эту историю соавторы почерпнули из другой газетной публикации в «Вечерней Москве» за 1929 год:

Сызранский губисполком и уисполком, стремясь обеспечить местные предприятия и трудящееся население дешевой электроэнергией, решили выстроить мощную электростанцию. Электростанция должна была снабжать электроэнергией как Сызрань, так и все прилегающие районы.

Привлеченные к работе инженеры составили проекты станции, выбрали участок на берегу Волги...

Это было в 1926 году. Началась стройка. Стоимость новой электростанции – **«Сызраньстрой»** по предварительной смете исчислялась в 1.500.000 рублей. Прошло полгода, год. Отпущенные полтора миллиона были истрачены, а «Сызраньстрой» стоял недостроенным.

– Дороговизна строительства, – объясняли инженеры, руководящие постройкой электростанции, – нужно добавить еще полмиллиона и Сызраньстрой будет закончен.

Им поверили. Отпустили еще 500.000 рублей. Не хватило. Дали миллион. И этого оказалось мало.

5 миллионов рублей ушло на «Сызраньстрой», но электростанция до сих пор не закончена.

В чем дело? Куда ушли такие громадные суммы?

Началось следствие. Выяснились вопиющие факты. Руководители постройки – инженеры выписывали сами себе командировки и командировочные, отправляли в совершенно бесцельные командировки подчиненных им сотрудников... За 2 года на это было **выброшено 400.000 рублей**.

Инженеров, руководивших стройкой электростанции, не удовлетворяли обычные способы производства земляных работ.

– Слишком дорого стоит.

Решили ввести американскую конвейерную систему. Ввели.

Из-за безалаберной постановки дела и это хорошее начинание дало убыток в несколько десятков тысяч рублей.

И так всюду, во всем.

Далее. Выбор участка для электростанции оказался крайне неудачным. По заявлению эксперта – московского профессора **Александрова** – «Сызраньстрой» при сильном паводке на Волге может сильно пострадать, что неизбежно затруднит дальнейшее строительство и удорожит его стоимость.

В настоящее время следствие (под наблюдением прокуратуры республики) заканчивается. К ответственности привлечены инженеры **Кожевников, Пуговкин** и др.⁸²⁹

Сходства с «Золотым теленком» и здесь бросаются в глаза.

Писатель Виктор Ардов вспоминал об Ильфе: «Он читал ежедневно десять – пятнадцать газет»⁸³⁰. И, как видим, «Вечерняя Москва» входила в их число, тем более что в 1925 году там был опубликован фельетон Ильфа «Драма в нагретой воде» (выпуск от 30 ноября), да и в «Двенадцати стульях» упомянута статья из «Вечерней Москвы»: «Вы писали о чубаровцах в вечерку» (глава «Клуб автомобилистов»).

Теперь вернемся вновь к «Мертвым душам» как источнику диалогии о Бендере.

Авторские размышления о Чичикове: «...пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца. <...> Итак, вот весь налицо герой наш, каков он есть! <...> Кто же он? стало быть, подлец? Почему ж подлец, зачем же быть так строго к другим? <...> Справедливее всего назвать его: хозяин, приобретатель» (том 1, глава 11), – могли подсказать Ильфу и Петрову название третьего романа о великом комбинаторе, упомянутого в плане Петрова к ненаписанным воспоминаниям: «Идея “Подлеца”. Очевидно, это и был бы новый роман. Идея была нам ясна, но сюжет почти не двигался. Мы мечтали об одном и том же. Написать очень большой роман, очень серьезный, очень умный, очень смешной и очень трогательный. Но писать смешно становилось все труднее. Юмор – очень ценный металл, и наши прииски были уже опустошены. А жизнь требовала от писателей непосредственного участия»⁸³¹. По словам того же Петрова: «Идея “Подлеца” – человек, который в капиталистическом мире был бы банкиром, делает карьеру в советских условиях»⁸³². В итоге роман так и не был написан. Трудно сказать – к сожалению или к счастью.

В «Двенадцати стульях» имеется вставной «Рассказ о гусаре-схимнике», который выполняет здесь ту же функцию, что и «Повесть о капитане Копейкине» в поэме «Мертвые души», тем более что и гусар, и капитан – это воинские звания. К тому же «у Гоголя фигура главного героя раздвоилась: мошенник Чичиков и разбойник Копейкин – это два воплощения одного и того же замысла»⁸³³. Подобно этому, Бендер и

⁸²⁹ П. Р-ский. История одного строительства // Вечерняя Москва. 1929. 1 марта. С. 3. Эта и предыдущая публикации в «Вечерней Москве» как возможные источники авантюры Александра Корейко впервые были частично процитированы в статье: Андреев Г.Л. «Золотой теленок» и криминальная хроника конца 1920-х годов // Вопросы литературы. 2021. № 2 (март – апр.). С. 259 – 260.

⁸³⁰ Ардов В. Ильф и Петров (воспоминания и мысли) // Знамя. 1945. № 7. С. 127.

⁸³¹ Петров Е. Мой друг Ильф / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2001. С. 181.

⁸³² Там же. С. 66.

⁸³³ Зарецкий В. «Мертвые души». Безмерность предания // Зарецкий В.А. Народные исторические предания в творчестве Н.В. Гоголя: История и биография. Екатеринбург – Стерлитамак, 1999. С. 425.

Корейко являются двумя вариациями одного и того же типажа, поэтому вторая часть «Золотого теленка» названа: «Два комбинатора». А в набросках к роману Ильф говорит об уподоблении Остапа своему бывшему оппоненту: «Как он ужаснулся, когда заметил, что стал вести такую же жизнь, как и Корейко». Эта же мысль встречается на другом листе – в записи Петрова: «Спал плохо, боялся, что украдут деньги. Стал похож на Корейко»⁸³⁴.

В концовке 11-й главы поэмы Россия сравнивается с «птицей-тройкой»: «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? <...> Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься?». Вот какой комментарий этому дал К.С. Аксаков: «Чичиковъ ѣдетъ въ бричкѣ, на тройкѣ; тройка понеслась шибко, и кто бы ни былъ Чичиковъ, хоть онъ и плутоватый человекъ, и хотя многіе и совершенно будутъ противъ него, но онъ былъ Русскій, онъ любилъ скорую ѣзду, – и здѣсь тотчасъ это общее народное чувство, возникнувъ, связало его съ цѣлымъ народомъ, скрыло его такъ сказать; здѣсь Чичиковъ, тоже Русскій, исчезаетъ, поглощаетъ, сливаясь съ народомъ въ этомъ общемъ ему чувствѣ. Пыль отъ дороги поднялась и скрыла его; не видать, кто скачетъ, – видна одна несущаяся тройка. И когда здѣсь, въ концѣ первой части, коснулся Гоголь общаго субстанціального чувства Русскаго, то вся сущность (субстанція) Русскаго народа, тронутая имъ, поднялась колоссально, сохраняя свою связь съ образомъ, ее возбудившимъ»⁸³⁵. Думается, что вряд ли бы славянофил Аксаков осмелился то же самое сказать про машину «Антилопу-Гну», хотя ее пассажиры – тоже «плутоватые люди» и «любят скорую езду», но состав «Антилопы» уже многонационален: Козлевич – поляк, Паниковский – еврей, Балаганов – русский, а у Бендера – смешанная национальность (украинско-турецко-немецко-еврейская).

Некоторое время «Антилопе» удастся продержаться во главе официального автомобильного пробега, что является пародией на гоголевскую птицу-тройку. Но когда жуликов разоблачают, «Антилопу» приходится спрятать, и подлинной птицей-тройкой становится колонна машин, совершающих автопробег: «Жулики притаились в траве у самой дороги и, внезапно потеряв обычную наглость, молча смотрели на проходящую колонну. <...> Настоящая жизнь пролетела мимо, радостно трубя и сверкая лаковыми крыльями» (глава «Сладкое бремя славы»). Здесь дорога символизирует жизненный путь, по которому мчатся уже строители нового, социалистического общества. Таков ответ Ильфа и Петрова на вопрос Гоголя: «Русь, куда ж несешься ты?» (кстати, отсылка к птице-тройке имеется и в главе «Голубой воришка» романа «Двенадцать стульев», где хор старушек под руководством Альхена поет: «Слышен звон бубенцов издалёка. / Это тройки знакомый разбег... / А вдали простирался широко-ко / Белым саваном искристый снег!...»).

Вообще же параллель между тройкой Чичикова и «Антилопой» была отмечена одним из критиков сразу после публикации «Золотого теленка»: «Подобно Чичикову, разъезжавшему по Руси в погоне за мертвыми душами на знаменитой своей тройке, разъезжает Остап Бендер на разбитом зеленом автомобиле неведомой марки по советской земле в погоне за советским миллионером...»⁸³⁶. Но тот же критик, вполне в духе времени, обвинил авторов романа в отсутствии классового подхода: «У Ильфа и Петрова – неверный исходный пункт: они берут своих людей не как представителей классовых условий, не объективно, а психологически, субъективно. Остап Бендер, например, с общественной точки зрения – “гад”, достойный ненависти и презрения, хотя с индивидуальной точки зрения, т.е. с такой, при которой мы отвлеклись от

⁸³⁴ Яновская Л. Дело № 2 (К творческой истории «Золотого теленка») // Вопросы литературы. 1963. № 2 (февр.). С. 187.

⁸³⁵ Аксаковъ К.С. Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя души. М., 1842. С. 9.

⁸³⁶ Троценко Е. Последние приключения анархического индивидуума // Красная новь. М., 1933. № 9. Сент. С. 170.

борьбы классов, он ни в чем не виноват и даже довольно симпатичен. Но в том-то и дело, что человек, до конца усвоивший точку зрения пролетариата, своим субъективным отношением будет выражать классовое отношение»⁸³⁷.

Другие сходства между бричкой Чичикова и «Антилопой» состоят в том, что обе сильно трясутся и терпят крушение, выбрасывая своих пассажиров в грязь: «Между тем Чичиков стал примечать, что бричка качалась на все стороны и наделяла его пресильными толчками; это дало ему почувствовать, что они своротили с дороги и, вероятно, тащились по взбороненному полю. Селифан, казалось, сам смекнул, но не говорил ни слова. <...> Затем начал он слегка поворачивать бричку, поворачивал, поворачивал и наконец выворотил ее совершенно набок. Чичиков и руками и ногами шлепнулся в грязь» (том, глава 3) ~ «Козлевич грустно вывел машину на проселок, где она немедленно принялась выписывать кренделя, крениться набок и высоко подкидывать пассажиров. <...> Машина визжала, выдираясь из глубокой колеи и снова в нее проваливаясь. <...> Козлевич не слушал. От сумасшедших бросков руль вырывался из его рук. <...> Раздался ужасный тошнотворный треск, и антилоповцы в секунду очутились прямо на дороге в самых разнообразных позах. Ноги Балаганова торчали из канавы» (глава «Три дороги»). Сравним: «качалась на все стороны» = «крениться набок»; «пресильными толчками» = «сумасшедших бросков»; «ногами шлепнулся в грязь» = «Ноги Балаганова торчали из канавы».

Хотя «Мертвые души» состоят из двух томов, Гоголь планировал написать и третий, но не успел. Похожая история произойдет с дилогией про Бендера, которая также состоит из двух романов, причем соавторы собирались написать еще один, но отказались от этой идеи: «Как теперь нам писать? – сказал мне Ильф во время последнего пребывания в Париже. – “Великие комбинаторы” изъяты из обращения. В газетных фельетонах можно показывать самодуров-бюрократов, воров, подлецов. Если есть фамилия и адрес – это “уродливое явление”. А напишешь рассказ, сразу загалдят: “Обобщаете, нетипическое явление, клевета...”»⁸³⁸.

Вместе с тем образ Остапа Бендера Ильф и Петров во многом писали с самих себя, а осенью 1931 года Ильф даже сделал откровенную запись: «Это я хотел бы быть таким высокомерным, веселым. Он такой, каким я хотел быть. Счастливец, идущим по самому краю планеты, непрерывно лопочущим. Это я таким бы хотел быть, вздорным болтуном, гоняющимся за счастьем, которого наша солнечная система предложить не может. Безумец, вызывающий насмешки порядочных и успевающих»⁸³⁹. Поэтому великий комбинатор, вопреки желанию авторов, получился положительным персонажем, вызывающим к себе симпатии, и Петров даже потом сетовал, что романы о Бендере неправильно поняли: «Мы не хотели идеализации».

Что же касается персонажей «Мертвых душ», то они в такой же степени являются негативными двойниками Гоголя, в чем он признался в одном из писем: «Никто из читателей моих не знал того, что, смеясь над моими героями, он смеялся надо мной. <...> во мне заключилось собрание всех возможных гадостей, каждой понемногу, и притом в таком множестве, в каком я еще не встречал доселе ни в одном человеке. <...> Я не любил никогда моих дурных качеств <...> По мере того как они стали открываться, чудным высшим внушеньем усиливалось во мне желание избавляться от них; необыкновенным душевным событием я был наведен на то, чтобы передавать их моим героям. <...> С этих пор я стал наделять своих героев сверх их собственных гадостей моей собственной дрянью. Вот как это делалось: взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом званье и на другом поприще, старался себе изобразить его в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобой, насмешкой и всем чем ни попало. <...> Тут,

⁸³⁷ Там же. С. 172.

⁸³⁸ *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Книга четвертая // Новый мир. 1962. № 4. С. 15.

⁸³⁹ *Ильф И.* Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 338.

кроме моих собственных, есть даже черты многих моих приятелей, есть и твои» («Выбранные места из переписки с друзьями: Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”», 1846).

Структура поэмы имитирует «Божественную комедию» (1321) Данте, где представлена троичная структура загробного мира: ад – чистилище – рай. Например, очевидна связь между *псом* Цербером, пожирающим чревоугодников в третьем круге Дантова ада, и обжорой *Собакевичем* – четвертым по счету помещиком, у которого Чичиков покупает мертвые души: «Третий круг, где наказываются чревоугодники, Данте поручил сторожить огромному псу Церберу, поскольку в итальянском фольклоре этот порок олицетворяют прожорливые и вечно голодные собаки. В русском фольклоре собака, как правило, выполняет другие функции, а на роль чревоугодника скорее претендует другой любитель поесть – Толстяк медведь, похожий внешне на огромного косматого Цербера. Поэтому, наверное, Гоголь, сохранив в фамилии Собакевича намек на мифологического пса, дал тем не менее этому помещику “медвежий” облик»⁸⁴⁰.

Привратник второго круга Дантова ада Минос, наказывающий души сладострастников, послужил прототипом первого по счету помещика Манилова, выражение лица которого было «не только сладкое, но даже приторное», и вдобавок у него были «глаза сладкие, как сахар»: «...перед входом во Второй круг Данте встречает “оскалившего страшный рот” Миноса, одного из судей Ада, который определяет грешникам наказание, для чего обхватывает душу своим хвостом и отправляет ее в тот круг, сколько раз обернулся вокруг нее хвост. Обращает на себя внимание созвучие имен Миноса и Манилова. Минос в греческой мифологии был царем Крита. Это важно, так как у детей Манилова “отчасти” греческие имена – Алкид и Фемистоклюс»⁸⁴¹. Причем если демон Минос обхватывает душу хвостом, то Манилов «с четверть часа держал... обеими руками руку Чичикова и нагрел ее страшно. В оборотах самых тонких и приятных он рассказал, как летел обнять Павла Ивановича...» (том 1, глава 7).

Аналогичным образом страж четвертого круга ада Плутос, карающий за скупость и расточительство, соотносится со скрягой Плюшкиным – пятым помещиком: «У Плюшкина и Плутоса сиплый, скрипучий голос и созвучные имена. Так же быстро, как умиряется “хриплоголосый” <...> так же легко и Чичиков входит в доверие к Плюшкину и покупает буквально за бесценок его мертвые души»⁸⁴². А легко приходящий в гнев помещик Ноздрев и его вялый зять Мижухев полностью соответствуют пятому кругу Дантова ада, где томятся души людей, подверженных при жизни необузданному гневу и пребывавших в лени: «За владениями Плутоса начинается Стигийское болото Пятого круга, где казнятся гневные и вялые. На поверхности гневные: “Они дрались, не только в две руки, / Но головой, и грудью, и ногами”. А под водой вздыхают вялые: “Мы были скучны, полны вялым дымом; / И вот скучаем, втиснутые в грязь”. В “Мертвых душах” им соответствует пара Ноздрев и Мижухев (“он знал, что такое дым”). Усадьба Ноздрева стоит на болоте: “из кочек выдавливало воду <...> брели прямо, не разбирая, где большая, а где меньшая грязь”»⁸⁴³. Кроме того, Ноздрев держит у себя множество собак, что вновь отправляет к трехглавому псу Церберу, стерегущему третий круг ада (Ноздрев же был третьим по счету, к кому Чичиков пришел за мертвыми душами). А расточительность, свойственная Ноздреву, делает его отчасти обитателем четвертого круга ада наряду со скрягой Плюшкиным.

Помимо дантовских ассоциаций, возникают еще параллели с поэмой Гомера «Одиссея», где Одиссеей стремится вернуться на свою родину Итаку: «Как и Одиссей,

⁸⁴⁰ Павлинов С.А. «История моей души»: Поэма Н. Гоголя «Мертвые души». М., 1997. С. 31.

⁸⁴¹ Там же. С. 24.

⁸⁴² Там же. С. 25.

⁸⁴³ Там же. С. 28.

Чичиков встречает множество людей и чудовищ. Так, например, Собакевич напоминает Циклопа. Он такой же неуклюжий, большой. Его дом и все предметы в доме тоже большие и нескладные. У Циклопа было стадо баранов, и у Собакевича на столе тоже несколько блюд из баранины. Гоголь даже использует в поэме побег Одиссея под брюхом у барана из пещеры Циклопа. Когда Чичиков служил на таможне, он вместе с контрабандистами переправлял через границу кружева, намотанные на баранов и прикрытые поверх еще одной шкурой. Коробочка также похожа на волшебницу Кирку. Чичиков попадает к Коробочке так же, как и Одиссей к Кирке, – по воле стихий. Кирка превратила спутников Одиссея в свиней, и в «Мертвых душах» проявляется этот мотив: первый раз, когда испачканного Чичикова сравнивает с боромом, а второй, когда возле дома Коробочки разгуливает свинья с поросятами. Вокруг дома Кирки жили люди, превращенные в зверей, и среди помещиков, живших вокруг Коробочки, есть Бобров и Свиньин»⁸⁴⁴.

В дилогии Ильфа и Петрова также имеют место «свинские» мотивы, которые используются для описания спутников Остапа: «Ипполит Матвеевич сконфуженно хрюкнул»; «Большой подъемный кран опустил к его ногам свинью в черных яблочках»; «Вы – свинья, гражданин предводитель!»; «Свинья вы, Шура, после этого!»; а один раз он назовет свиньей своего врага – Корейко: «Ну это уже свинство. Деньги истрачены на вас же. Не занимайтесь формалистикой».

В первом томе «Мертвых душ» показан ад крепостнической России, куда приходит Чичиков-дьявол, скупающий мертвые души; в концовке второго тома Чичиков подвергается аресту («чистилище») и после освобождения решает начать новую жизнь; а в третьем томе он должен был стать образцовым помещиком («рай»).

Похожую трансформацию претерпевает Бендер: в «Двенадцати стульях» он имеет черты дьявола, который приходит в ад (множество погребальных контор; горящие «неугасимым огнем» желтые глаза гробовых дел мастера Безенчука; «лицо оперного дьявола» и «закопченный лоб» Полесова; картина «Остров мертвых» в квартире Елены Боур и т.д.); в «Золотом тельняшке» Бендер также выступает в образе дьявола (возглавляет контору по заготовке рогов и копыт), но после избиения и ограбления румынскими пограничниками («чистилище») он решает стать честным тружеником: «Придется переквалифицироваться в управдомы» (вариант: в дворники). Однако в третьем романе герой должен был продолжить свои похождения, а далее подвергнуться аресту и отправиться на «идеологическую перековку» на Беломорканал, строительство которого было завершено 20 июня 1933 года. А 17 августа в плавание по каналу отправился пароход с группой советских писателей, включая Ильфа и Петрова:

Нас часто спрашивали о том, что мы собираемся сделать с Остапом Бейдером – героем наших романов «12 стульев» и «Золотой тельняшкой», – поведение которого на протяжении двух романов было совсем безупречным.

Ответить было трудно.

Мы сами этого не знали. И уже возникла необходимость писать третий роман, чтобы привести героя к оседлому образу жизни. Мы еще не знали, как это сделать.

Останется ли он полубандитом или превратится в полезного члена общества, а если превратится, то поверит ли читатель в такую быструю перестройку?

И пока мы обдумывали этот вопрос, оказалось, что роман уже написан, отделан и опубликован.

Это произошло на Беломорском канале.

Мы увидели своего героя и множество людей, куда более опасных в прошлом, чем он.

И всего только за полтора года великого строительства канала они совершили тот путь, о котором автор никак не рискнул бы начать рассказ, не написав предварительно:

«Прошло двадцать лет. Суровая школа жизни закалила Ивана Петровича» – и так далее и так далее.

---

⁸⁴⁴ *Леонов В.* Гоголь – загадочный алмаз России (2015). Электронная книга.

Талантливые и смелые авторы канала рушат традицию рабского копирования жизни, они делают жизнь заново⁸⁴⁵.

Разделяя всеобщую веру в социализм, Ильф и Петров, тем не менее, дали понять, что не будут писать откровенно заказной роман. Однако свою лояльность они засвидетельствовали и месяцем позже – в журнале «Огонек», где под общей шапкой «Писатели рассказывают о Белморстрое» появились хвалебные очерки ряда советских писателей о только что построенном Беломорканале. Вот что писали Ильф и Петров:

До сих пор считалось, что бухгалтер не может быть героем.

В герои выходили преимущественно полярные исследователи («...достигнув 88-го градуса, он продолжал двигаться вперед, невзирая на...»), пожарные («...прижимая девочку к груди, он показался в окне горящего здания...»), стрелочники («...уже теряя сознание, он выполз на полотно и поднял красный сигнал; стальное чудовище остановилось...»).

Но никогда, никогда не выходил в герои бухгалтер. Никогда о нем не писали: «энергично и порывисто он раскрыл контокоррентную книгу и недрогнувшей рукой вывел saldo...».

На Белморстрое с этой плохой традицией, заодно с многими другими плохими традициями, покончили.

Уже через несколько дней после окончания постройки канала вышла в свет отлично напечатанная и хорошо переплетенная книжка. Это был подробный финансовый отчет о стоимости строительства с мельчайшими подразделениями. Все можно было узнать из этой книжки. Если вспомнить, что некоторые наши предприятия и через несколько лет не знают, сколько денег они истратили, на что истратили и для чего, – Белморстроевский отчет можно признать истинным произведением искусства.

Автор этой книжки, хотя она выдержала всего одно издание, получил орден.

На этом великом строительстве даже обычно неторопливая и консервативная, как английский парламент, бухгалтерия и та была захвачена творческим порывом и действительно проявила героизм.

Руководители Белморстроя показали, что нет такого человека, из которого нельзя было бы сделать гражданина, нет такого гражданина, которого нельзя было бы сделать героем, и нет такого труда, который бы не мог стать делом чести⁸⁴⁶.

Разумеется, с такими настроениями о третьем романе не могло быть и речи; но даже если бы такой роман и был написан, то скорее всего стал бы оглушительной неудачей.

Теперь вернемся к сопоставлению произведений Гоголя и Ильфа/Петрова и скажем несколько слов о говорящих фамилиях: например, в «Мертвых душах» – это Михаил *Собакевич*, а в «Необыкновенных историях из жизни города Колоколамска» – Никита *Псов* (кстати, фамилия *Собакевич* построена по тому же принципу, что и *Скумбриевич* в «Золотом теленке»); в «Мертвых душах» – штаб-ротмистр Поцелуев, а в «Золотом теленке» – «работник центра» Плотский-Поцелуев; в «Ревизоре» – судья Ляпкин-Тяпкин, а в «Двенадцати стульях» – Симбиевич-Синдиевич; в «Ревизоре» – Бобчинский и Добчинский, а в «Двенадцати стульях» – Галкин, Малкин, Палкин, Чалкин и Залкинд; в «Ревизоре» – Сквозник-Дмухановский, а в «Необыкновенных историях из жизни города Колоколамска» – Синдик-Бугаевский. Более того, главный герой «Мертвых душ» Павел Иванович Чичиков в фельетоне «Высокое чувство» (1930) превратится в старого кассира Павла Иванович Петрова-Сбытова; при этом фамилия *Сбытов* представляет собой суть деятельности Чичикова, который, покупая мертвые души, затем *сбывал* их как живые за приличные деньги.

Следует отметить также совпадение первых пяти букв в фамилиях Коробочки и Коробейникова, поскольку первая – скупая старуха-помещица, а второй – скупой

⁸⁴⁵ Ильф И., Петров Е. Наш третий роман // Комсомольская правда. 1933. 24 авг.

⁸⁴⁶ Огонек. М., 1933. 20 сент. № 20. С. 4 – 5.

старик-процентщик⁸⁴⁷. И задают они одинаковые вопросы Чичикову и жене Бендера – мадам Грицацуевой: «Нешто хочешь ты их откапывать из земли?» (том 1, глава 3) = «Нешто б я за покойника деньги брал бы?» («Двенадцать стульев»; глава «Замечательная допровская корзинка»). Кстати, и Коробочка долго отказывается брать деньги «за покойников»: «Право, отец мой, никогда еще не случилось продавать мне покойников», – но в итоге Чичиков ее убедил. А покупка Остапом ордеров у Коробейникова вновь будет связана с покойником (хотя и выдуманым): «Я хотел бы, – с невыразимой сыновней любовью закончил Остап, – найти что-нибудь из мебели папаша, чтобы сохранить о нем память».

Еще одну отсылку к высказыванию мадам Грицацуевой находим в комедии «Ревизор» (1836), где супруга городничего Анна Андреевна спорит со своей дочерью: «Как же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму? <...> Я никогда не была червонная дама» (действие третье, явление III). А в «Двенадцати стульях» произойдет уже смысловая инверсия, поскольку на реплику гадалки Елены Боур: «Вас надо гадать на даму трэф», – мадам Грицацуева ответит: «Я всегда была червонная дама» (глава «Слесарь, попугай и гадалка»).

Когда же Елена Боур закончила гадание, Грицацуева сказала ей: «Вот спасибо вам, мадамочка <...> уж я теперь знаю, кто трефовый король. И бубновая дама мне тоже очень известна». Эта реплика восходит к пьесе Гоголя «Женитьба» (1835), где девица на выданье Агафья Тихонова раскладывает карты, чтобы узнать своего жениха: «Интересуется какой-то бубновый король, слезы, любовное письмо; с левой стороны трефовый изъявляет большое участие...». Причем если Грицацуева знает, кто трефовый король, то и Агафья Тихоновна говорит: «...трефовый король значит здесь дворянин» (действие первое, явление XII).

Что же касается Бендера, то, помимо Чичикова, некоторые черты к нему перешли и от главного героя «Ревизора» Хлестакова, которого по приезде в уездный город чиновники принимают за ревизора, и он у всех, начиная с городничего, просит денег: «Какой странный со мною случай: в дороге совершенно издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?» (действие четвертое, явление IV). А Остап в «Золотом теленке» пришел в город Арбатов, где, зайдя в кабинет к председателю исполкома, выполняющего функцию городничего, представился сыном лейтенанта Шмидта: «Дорожная неприятность. Остался без копейки» (глава «О том, как Паниковский нарушил конвенцию»), после чего «просил пятьдесят рублей». При этом Хлестаков оказался в городе N проездом из Петербурга, а Бендер на вопрос предисполкома: «Вы, вероятно, из Москвы?», – отвечает: «Да, проездом».

В очередной раз Хлестаков выпрашивает деньги у чиновников Бобчинского и Добчинского (действие четвертое, явление VII), и данная сцена напоминает встречу Остапа с васюкинскими любителями шахмат в «Двенадцати стульях» (глава «Международный шахматный конгресс»):

- 1) Хлестаков. <...> Денег нет у вас? <...> Взаймы рублей тысячу.
Бобчинский. Такой суммы, ей богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?
Добчинский. При мне-с не имеется. Потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения.
Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.
Бобчинский (*шаря в карманах*). У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.
Добчинский (*смотря в бумажник*). Двадцать пять рублей всего. <...>
Хлестаков. Ну, всё равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей. Это всё равно. (*Принимает деньги.*)

⁸⁴⁷ Смысловую связку «Коробочка – коробейница» обнаружил еще Андрей Белый (см.: *Белый А.* Мастерство Гоголя. М.; Л.: ОГИЗ, 1934. С. 104).

2) – Сколько же нужно денег на... это... телеграммы?
– Смешная цифра, – сказал Остап, – сто рублей.
– У нас в кассе только двадцать один рубль шестнадцать копеек. Этого, конечно, мы понимаем, далеко не достаточно...
Но гроссмейстер оказался покладистым организатором.
– Ладно, – сказал он, – давайте ваши двадцать рублей.

Оба жулика просят по сто рублей, но когда выясняется, что у их собеседников есть только 65 и 20 рублей соответственно: «У меня всего сорок ассигнациями» = «У нас в кассе только двадцать один рубль шестнадцать копеек», – соглашаются на эти суммы: «Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей» = «Ладно, – сказал он, – давайте ваши двадцать рублей».

Кстати, должность *ревизора* соответствует *инспектору* пожарной охраны, как представился Остап завхозу 2-го дома Старсобеса Альхену («Двенадцать стульев»; глава «Голубой ворюшка»). Причем если городничий угощает Хлестакова завтраком «в богоугодном заведении» – больнице (действие третье, явление V), то Альхен кормит Остапа обедом в пансионе для старух, о котором отец Федор напишет своей жене: «Один стул только нашел в воробьяниновском доме (там ныне богоугодное заведение)» (глава «От Севильи до Гренады»). А далее городничий представляет Хлестакова своей жене: «Хлестаков (*раскланиваясь*). Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие видеть вас» (действие третье, явление VI). И Остап ведет себя похожим образом после того, как Альхен представил его своей супруге: «Остап артистически *раскланялся* с хозяйкой дома и объявил ей такой длиннющий и двусмысленный комплимент, что даже не смог довести его до конца».

Уверенно войдя в свою роль, Хлестаков сообщает жене городничего: «*Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем*» (действие третье, явление VI). И ровно так же выскажется идейный наследник Бендера – вунн Борис Боберов – в рассказе Петрова «День мадам Белополякиной» (1929): «Коммерческий атташе одного знакомого посольства уезжает в годовой отпуск и *предлагает мне на это время свой автомобиль*, совершенно новый Ролс-Ройс. *Да я отказался*»⁸⁴⁸.

Хлестаков продолжает хвастаться: «Моих, впрочем, много есть сочинений: “Женитьба Фигаро”, “Роберт Дьявол”, “Норма”. Уж и названий даже не помню» (действие третье, явление VI). С другой интонацией эту тему продолжит Бендер: «Слушайте, что я накропал вчера ночью при колеблющемся свете электрической лампы: “Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты”. Правда, хорошо? Талантливо?» («Золотой теленок»; 35-я глава). Но далее Бендер с иронией вспоминает, что этот стих уже написал Пушкин («Такой удар со стороны классика!»), а Хлестаков приписывает себе всё новые и новые сочинения. Поэтому, «в отличие от протагониста “Ревизора”, великий комбинатор не чужд самоиронии в такого рода преувеличениях»⁸⁴⁹. Кроме того, Хлестаков назван *приглуповатым* и *пустейшим*, а Бендера отличает *могучий интеллект*. Следовательно, он является улучшенной версией Хлестакова и Чичикова: «Бендер вырос главным образом из двух гоголевских героев. Это Хлестаков – молодой, наглый, порывистый, самозванец в провинциальном городе, охотно пользующийся ошибкой обитателей. И Чичиков – опытный, думающий, ради достижения цели способный проявлять терпение, склонный к размышлению, интересующийся человеческими типами...»⁸⁵⁰.

⁸⁴⁸ Чудак. М., 1929. № 49. Дек. С. 7.

⁸⁴⁹ Соколянский М.Г. О гоголевских традициях в диалогии И. Ильфа и Е. Петрова // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2009. Т. 68. № 1. С. 39.

⁸⁵⁰ Саатчан Г.Р. Ильф и Петров в гоголевской шинели: заметки читателя-источниковеда // Народ и власть: исторические источники и методы исследования (Материалы XVI научной конференции, Москва, 30 – 31 января 2004 г.). М.: ИАИ РГГУ, 2004. С. 313.

А антиподом Хлестакова оказывается Корейко, так как его имя и отчество зеркально отражают имя и отчество Хлестакова: Александр Иванович – Иван Александрович.

Корейко – скрытный человек; Хлестаков – публичный.

Корейко прячет свои миллионы, показывая себя образцовым совслужащим, а Хлестаков хвастается перед публикой своими мнимыми достижениями и именуется вымышленными титулами.

Более того, в описании Гоголя манеры Хлестакова (раздел «Характеры и костюмы: Замечания для господ актеров») напоминают не Бендера, а Изнуренкова: «Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли» = «...он органически не мог заняться каким-нибудь делом, предметом или мыслью больше чем на минуту» («Двенадцать стульев»; глава «Два визита»); «...слова вылетают из уст его совершенно неожиданно» = «...он говорил их без умолку» (глава «Два визита»).

Также в описании Изнуренкова имеется прямая отсылка к «Мертвым душам»: «...полные, как у Чичикова, ноги. Изнуренков был толстоват, но лицо имел худое» (глава «Авессалом Владимирович Изнуренков»). И это *худое лицо* протягивает ниточку к «Ревизору», где Хлестаков назван *худеньким*. Как видим, в Изнуренкове, помимо реального прототипа Михаила Глушкова, отразились черты художественных персонажей Чичикова и Хлестакова, которые стали во многом прообразами и великого комбинатора. Это же касается главного героя комедии Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского» (1854), к которой мы сейчас и обратимся⁸⁵¹.

Чтобы поправить свои финансовые дела, карточный игрок Кречинский решает жениться на дочери помещика Петра Муромского, а авантюрист Бендер, стремясь достать гамбсовский стул с драгоценностями, женится на вдове – мадам Грицацуевой («Двенадцать стульев»; глава «Знойная женщина, мечта поэта»).

Внешность Кречинского, появившегося в доме Муромского, предвосхищает внешность Остапа, приехавшего с миллионом на Казанский вокзал: «...Кречинский, **входит** бойко, одет франтом, с тростью, в *желтых перчатках* и *лаковых утренних ботинках*» (действие первое, явление VIII) ~ «Последним с перрона **вошел** пассажир в чистой одежде. <...> Брюки спускались водопадом на *лаковые туфли*. <...> Потом осторожно, двумя *пальцами в перчатке* приподнял кепку с лица бортмеханика и улыбнулся» («Золотой теленок»; глава «Врата великих возможностей»). Кстати, если Кречинский «одет франтом», то Паниковский говорил об Остапе: «Этот невский франт не может ездить во втором классе. Вот куда уходят наши десять тысяч!» (глава «Командор танцует танго»).

Кречинский, подарив Муромскому бычка, говорит, что у него в Симбирске есть целое имение с отличным *скотоводством* (действие первое, явление X), а Остап сообщает Коробейникову, что владеет собственной *мясохладобойней* в Самаре («Двенадцать стульев»; глава «Алфавит – зеркало жизни»).

Надеясь, что Муромский согласится выдать за него свою дочь, Кречинский размышляет: «Эге! Вот какая шуточка! Ведь это целый миллион в руку лезет. Миллион! Эка сила! Форсировать или не форсировать – вот вопрос!» (действие первое, явление XII). А Остап в «Золотом теленке» рассчитывает получить миллион у Корейко и после получения его тоже задается гамлетовским вопросом «форсировать или не форсировать?» – сжигать миллион в камине или не сжигать? (глава 35).

Продувшемуся в карты Кречинскому позарез надо раздобыть энную сумму денег, чтобы его в клубе не выставили банкротом, и сыграть свадьбу с дочерью Муромского, а Остапу – ни жить, ни быть – нужно достать двадцать рублей, чтобы

---

⁸⁵¹ Ильфу и Петрову были доступны следующие издания: Сухова-Кобылин А.В. Свадьба Кречинского: Комедия в трех действиях. М.: Театральная библиотека Губполитпросвета М.О.Н.О., 1922. 64 с.; *Он же*. Трилогия. Свадьба Кречинского – Дело – Смерть Тарелкина. М. – Л.: ГИЗ, 1927. 560 с.

выкупить стулья у монтера Мечникова. Оба героя играют по принципу «пан или пропал»: «Я весь тут, весь по горло: денег, просто денег. Ступай и достань во что ни стало. Все будущее, вся жизнь, все, все зависит от каких-нибудь трех тысяч рублей серебром. Ступай и принеси. Слышишь: *душу заложил... да что душу... украдь, а принеси!!*» (действие второе, явление III) ~ «Время, – сказал он, – которое мы имеем, – это деньги, которых мы не имеем. Киса, мы должны делать карьеру. Сто пятьдесят тысяч рублей и ноль ноль копеек лежат перед нами. Нужно только двадцать рублей, чтобы сокровище стало нашим. *Тут не надо брезговать никакими средствами*» («Двенадцать стульев»; глава «Вид на малахитовую лужу»). А приказ Кречинского слуге «Ступай и принеси» повторит и Остап, обращаясь к своему компаньону с ультиматумом: «Одно из двух: или вы сейчас же отправитесь к “Цветнику” и приносите к вечеру десять рублей, или я вас автоматически исключаю из числа пайщиков-концессионеров».

Кречинский надеется, получив «дьявольское состояние» в полтора миллиона рублей, на спокойную жизнь: «покои, дом, дура жена и тихая, почтенная старость» (действие второе, явление III). А вот блага, о которых мечтает Остап после получения миллиона: «...пальмы, девушки, голубые экспрессы, синее море, белый пароход, мало поношенный смокинг, лакей-японец, жена-графиня, собственный биллиард, платиновые зубы, целые носки, обеды на чистом животном масле...» («Золотой теленок»; глава «Первое свидание»).

Кречинский, прижатый кредиторами, характеризует богатство своей невесты как «*проклятый миллион*» (действие второе, явление VII), а Остап назовет миллион, отнятый у Корейко, «*проклятым кушем*, который обогащает меня только моральными муками» («Золотой теленок»; 35-я глава).

Думая о своей свадьбе, которая состоится через десять дней, Кречинский подсчитывает неизбежные траты: «...а на что же я свадьбу-то сделаю? Ведь тут расходы, неизбежные расходы!.. Всякому дураку подарки давай; всякий скот на водку просит. Тут эти букеты, конфеты, дичь всякая, какие-то бессмысленные корзинки... дурь безмерная... и все деньги, все деньги!..» (действие второе, явление VII). Такие же мысли будут и у Остапа: «...нам нужен оборотный капитал. Завтра моя свадьба. Я не нищий. Я хочу пировать в этот знаменательный день» («Двенадцать стульев»; глава «Союз меча и орала»).

Когда слуга Расплюев вернулся без денег, Кречинский ему говорит: «В каждом доме есть деньги... непременно есть... надо только знать, где оне... где лежат...» (действие второе, явление VIII). Сразу же вспоминается крылатая фраза Остапа: «Ключ от квартиры, где деньги лежат».

Далее Кречинский велит Расплюеву купить для своей невесты букет камелий (действие второе, явления VIII и XI), а в «Золотом теленке» Остап на последние деньги покупает букет роз для Зоси Синицкой (глава «Погода благоприятствовала любви»). И если Кречинский поручает отнести букет слуге, то Остап приказывает это сделать Балаганову, тоже выполняющему функцию слуги, причем оба оказываются недовольны роскошеством своих хозяев:

1) К р е ч и н с к и й <...> Гей, Расплюев! <...> Ступай, знаешь, к этому... как его?.. к Фомину, – вот на Петровке, и закажи сейчас бальный букет, самый лучший, чтоб весь был из белых камелий... понимаешь? чтоб только одни белые были. Ступай и привези сию минуту.

Р а с п л ю е в (*жалобно показывает Федору на Кречинского*). А что я тебе говорю, Федор? а? копейки сущей нет, а он, голубчик, целковых в пятьдесят букет ломит! (*Ходит взад и вперед*.) Ох, ох, ох! батюшки мои, батюшки. Что делать-то, Федорюшка? что нам, сиротинкам, делать?

<...>

К р е ч и н с к и й (*берет со стола свои часы с цепью*). Вот тебе деньги... Чтоб чрез полчаса был у меня вот здесь на столе.

<...>

Р а с п л о е в (с букетом в руке. Несет его бережно; к публике, показывая на букет).
Двадцать пять серебряных рублей за веник! тьфу!

К р е ч и н с к и й. Эй, сюда, покажи. (Смотрит.) Хорошо, ладно. <...> Теперь ты слушай <...> Вот, видишь, это письмо к моей невесте, Лидии Петровне Муромской, вот тут сейчас на бульваре... знаешь?.. <...> Ты отправляйся и отдай букет Лидии Петровне лично.

2) Обо всем, что великий комбинатор сделал в дни, последовавшие за переселением на постоянный двор, Паниковский отзывался с большим неодобрением.

– Бендер безумствует! – говорил он Балаганову. – Он нас совсем погубит!

И на самом деле, вместо того, чтобы постараться как можно дольше растянуть последние тридцать четыре рубля, обратив их исключительно на закупку продовольствия, Остап отправился в цветочный магазин и купил за тридцать пять рублей большой, как клумба, шевелящийся букет роз. Недостающий рубль он взял у Балаганова. Между цветов он поместил записку: «Слышите ли вы, как бьется мое большое сердце?». Балаганову было приказано отнести цветы Зосе Синицкой.

– Что вы делаете? – сказал Балаганов, взмахнув букетом. – Зачем этот шик?

– Нужно, Шура, нужно, – ответил Остап. – Ничего не поделаешь. У меня большое сердце. Как у теленка. И потом это все равно не деньги. Нужна идея.

Несмотря на свое бедственное положение, Кречинский говорит себе: «Он думает, что я красть хочу, что я вор. Нет, брат: мы еще честью дорожим...» (действие второе, явление XII). Также и Остап позиционирует себя как благородного жулика: «Я чту Уголовный кодекс. Я не налетчик, а идейный борец за денежные знаки» («Золотой теленок»; глава «Первое свидание»), «Человек не должен судиться. Это пошлое занятие. Я имею в виду кражи. Не говоря уже о том, что воровать грешно...» (там же; глава «О том, как Паниковский нарушил конвенцию»), «Сколько раз я вам говорил, что красть грешно!» («Двенадцать стульев»; глава «Разговор с голым инженером»). Поэтому оба героя возвращают украденное: «Сочти вот деньги да разложи, братец, на кучи. Отдать надо. Это наша обязанность, священный долг. А булавку (кладет ее на стол) вот надо вечером возвратить тому, кому принадлежит. Вот как честные люди делают. <...> ее нынче вечером надо Лидии Петровне вернуть» (действие второе, явление XVI) ~ «Все эти деньги, – заключил он, – будут сейчас же возвращены потерпевшему гражданину Корейко» («Золотой теленок»; глава «Первое свидание»).

Расплюев называет Кречинского Наполеоном: «А Михайло Васильич ведь Наполеон? <...> Наполеон, говорю, Наполеон! великий богатырь, маг и волшебник!» (действие третье, явление I). И такая же самоидентификация будет у Остапа, сделавшего себе на груди татуировку с Наполеоном; причем он также назовет себя *великим богатырем* Ильей Муромцем («Золотой теленок»; глава «Три дороги») и *магом*: «!!! ПРИЕХАЛ ЖРЕЦ !!! знаменитый бомбейский брамин (йог)» (глава «Антилопа-Гну»).

Помимо плутовских манер, Остап (особенно в «Золотом теленке») наделен и трагическими чертами, что ставит его в ряд «лишних людей» наряду с Чацким Грибоедова, Демоном Лермонтова и Онегиным Пушкина.

Обратимся сначала к поэме «Демон» (1839), многочисленные реминисценции из которой встречаются в основном в «Золотом теленке». Так, пара «Остап – Зося Синицкая» дублирует пару «Демон – Тамара»: «Скажи, зачем меня ты любишь?» = «Почему вы меня полюбили? – спросила Зося, трогая Остапа за руку»; «Ты прекрасна» = «Вы нежная и удивительная»; «Оставь меня, о дух лукавый! / Молчи, не верю я врагу. <...> Но если ты, обман тая...» = «Кроме того, еще потому, что вы врете больше других граждан»; «Кто б ни был ты, мой друг печальный...» = «Печальный влюбленный, – произнесла Зося, впервые поворачиваясь к Остапу».

Остап жалуется Козлевичу: «...я не хочу жить вечно. Я хочу умереть. У меня налицо все пошлые признаки влюбленности...». Точно так же и Демон, влюбленный в Тамару, готов отказаться от вечной жизни: «Лишь только я тебя увидел – / И тайно

вдруг возненавидел / Бессмертие и власть мою». А далее Остап цитирует пушкинское стихотворение «Я помню чудное мгновенье», замещающее собой поэму «Демон». Подобный прием встречается и в «Двенадцати стульях»: «Озлобленный Остап возобновил поиски затерянной улицы имени Плеханова. И вот всю ночь безумец бедный, куда б стопы не обращал, – не мог найти улицы имени Плеханова». Здесь пародийное включение в прозаический текст цитаты из пушкинского «Медного всадника»: «И во всю ночь безумец бедный, / Куда стопы ни обращал, / За ним повсюду Всадник Медный / С тяжелым топотом скакал», – опять же оттеняет лермонтовскую поэму, поскольку совпадает описание Демона и Остапа: «Каким смотрел он *злым* взглядом <...> И проклял Демон побежденный / Безумные мечты свои» = «Озлобленный Остап возобновил поиски затерянной улицы имени Плеханова. И вот всю ночь безумец бедный, куда б стопы не обращал...».

Демон назван *побежденным*, а Остап и его свита в «Золотом теленке» – *поверженными ангелами*: «Не успели поверженные ангелы отдалиться от конторы на три квартала, как услышали за собой треск извозчичьего экипажа» (здесь – еще и очевидная ассоциация с картиной М. Врубеля «Демон поверженный», 1901 – 1902).

Демон охарактеризован как *изгнанник рая*, а 36-я глава «Двенадцати стульев» названа «*Изгнание из рая*» (речь идет о принудительной высадке Бендера и Воробьянинова с парохода «Скрябин»; да и в «Золотом теленке» Бендера не пускают в рай – в заграницу, и он остается изгнанником).

Оба героя одиноки: «И вновь остался он, надменный, / *Один, как прежде, во вселенной* / Без упования и любви» = «У меня нет родственников, товарищ Шура, – я один на белом свете»; «Я тот, кого никто не любит» = «Нас никто не любит, если не считать уголовного розыска, который тоже нас не любит»; «Так поврежденная ладья / Без парусов и без руля / Плывет, не зная назначенья» = «Знаете, Воробьянинов, этот стул напоминает мне нашу жизнь. Мы тоже плывем по течению. Нас топят, мы выплываем...».

Оба завидуют людским радостям: «Я позавидовал невольно / Неполной радости земной» = «Чему так радуется эта толстомордая юность? – подумал он с внезапным раздражением. – Честное слово, я начинаю завидовать»; и равнодушны к горным красотам: «И над вершинами Кавказа / Изгнанник рая пролетал: / Под ним Казбек, как грань алмаза, / Снегами вечными сиял <...> Презрительным окинул оком / Творенье Бога своего, / И на челе его высоком / Не отразилось ничего» = «Горы не понравились Остапу. “Слишком много шику, – сказал он. – Дикая красота. Воображение идиота. Никчемная вещь”»⁸⁵². Поэтому в обоих случаях фигурируют одни и те же реалии – Кавказ, Дарьял, Терек: «И над вершинами Кавказа / Изгнанник рая пролетал <...> Вился излучистый Дарьял, / И Терек, прыгая, как львица <...> Ревел...» = «После этого Остапу удалось вскочить на ступеньку медленно подтягивающегося к Кавказскому хребту поезда. С этой позиции Остап с любопытством взирал на развернувшуюся перед ним панораму Кавказской горной цепи. <...> Остап, забыв о величественности Дарьяльского ущелья, закричал, стараясь перебороть грохот и стоны Терека...».

В разговоре с Воробьяниновым Остап воображает, что написали бы после его смерти: «Покойный юноша занимался выжиганием по дереву, что видно из обнаруженного в кармане фрака удостоверения, выданного 23/VIII-24 г. кустарной артелью “Пегас и Парнас” за № 86/1562». А Демон фактически занимался «выжиганием по камню»: «Поныне возле кельи той / Насквозь прожженный виден камень / Слезою жаркою, как пламень, / Нечеловеческой слезой!». Что же касается названия артели – «Пегас и Парнас», – то оно, с одной стороны, пародирует название литературного кафе «Стойло Пегаса», а с другой – говорит о том, что до прихода в Старгород Остап жил на Олимпе: Пегас – крылатый конь Зевса, который был повелителем богов, а

⁸⁵² Если у Демона – *высокое чело*, то «Остап вытер свой *благородный лоб*» («Двенадцать стульев»; глава «Междупланетный шахматный конгресс»).

Парнас – священная гора Аполлона и муз, но Остапа оттуда изгнали, и он стал падшим ангелом, то есть лермонтовским Демоном.

Другой фрагмент воображаемого милицейского протокола Остапа о своей смерти: «Он любил и страдал. Он любил деньги и страдал от их недостатка», – пародирует речь ангела-хранителя о Тамаре: «Она страдала и любила – / И рай открылся для любви».

Еще одна скрытая цитата из «Демона»: «В борьбе с *могучим ураганом*, / Как часто подымая прах, / Одетый молнией и туманом, / Я шумно мчался в облаках» ~ «Всё учтено *могучим ураганом*, – сказал О. Бендер, – деньги дадут сборы» (впрочем, здесь присутствует более явная отсылка к песне Самуила Покрасса «Там бубна звон», 1926: «Всё сметено *могучим ураганом*, / И нам теперь свободно кочевать, / Махнем, мой друг, в шатры с тобой к цыганам, / Там не умеют долго горевать»).

Обращение Демона к Тамаре: «И будешь ты царицей мира, / Подруга вечная моя», – реализовалось в романе как фарс, поскольку отец Федор, спасаясь от Остапа, взобрался на отвесную скалу и не может оттуда слезть: «Ночью он увидел царицу Тамару. Царица прилетела к нему из замка и кокетливо сказала: “Соседями будем”. – “Матушка! – с чувством сказал отец Федор. – Не корысти ради...” – “Знаю, знаю, – заметила царица, – а токмо волею пославшей ты жены”». А после того, как царица улетела, священник, который «*сатанински* хохотал над пробежавшими внизу автомобилями», процитировал слова Демона: «Через десять дней из Владикавказа прибыла пожарная команда с надлежащим обозом и принадлежностями и сняла отца Федора.

Когда его снимали, он хлопал руками и пел лишенным приятности голосом: “И будешь ты цар-р-рицей ми-и-и-и-рра, подр-р-руга ве-е-ечная моя!”

И суровый Кавказ многократно повторил слова М.Ю. Лермонтова и музыку А. Рубинштейна». Как видим, контекст поэмы «Демон» оказался для Ильфа и Петрова весьма значимым.

Помимо того, что пара «Остап – Зося Синицкая» дублирует отношения Демона с Тамарой, существуют два практически идентичных любовных треугольника: Чацкий – Софья – Молчалин (из поэмы Грибоедова «Горе от ума», 1824) и Остап – Зося – Фемида.

Имя «Софья» в переводе с греческого означает «мудрость», и так же переводится с польского имя «Зося».

Софья отвергает Чацкого ради Молчалина, который полагает, что «не должно сметь / Свое суждение иметь», и считает своими талантами «умеренность и аккуратность», а Зося предпочитает Остапу бесцветного Перикла Фемида.

Молчалин работает секретарем Фамусова, а Фемида – секретарем изоколлектива железнодорожных художников...

Все эти сходства слишком серьезны и исключают элемент случайности.

Однако никаких существенных параллелей между Чацким и Бендером нет, кроме того, что оба относятся к категории «лишних людей».

Особенный интерес представляет для нас фигура Онегина как одного из прототипов Бендера, поскольку последний прямо говорит: «Я – типичный Евгений Онегин...». Но перед тем, как рассмотреть данную цитату, остановимся на других сходствах между этими персонажами.

Казалось бы, внешне они ничем не похожи: Онегин – это пресыщенный жизнью молодой человек, которому всё давно наскучило и вызывает только зевоту. Остапа же, несмотря на еще более богатый жизненный опыт, отличают бурная энергия, предприимчивость и неунывающий характер, чем он и привлекает к себе внимание, в отличие от апатичного и праздного Онегина.

Кроме того, Онегин убивает на дуэли своего друга Ленского, а Бендер «никогда никого не убивал» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»). Однако сходств между ними существует довольно много.

Если Онегин «родился на берегах *Невы* <...> В своей одежде был педант / И то, что мы называли *франт*», то Паниковский назовет Бендера *невским франтом* («Золотой теленок»; глава «Командор танцует танго»). А словосочетание *невский франт* идентично характеристике Онегина: «Как *dandy лондонский одет*» (1.IV), тем более что Пушкин в примечаниях к первой главе перевел слово «dandy» как «франт».

У обоих – знатное происхождение: Онегин – дворянин; Бендер – сын графини.

Отец Онегина «промотался наконец» (1.III), а когда «отец его... скончался, / Перед Онегиным собрался / Заимодавцев жадный полк», после чего он «наследство предоставил им» (1.LI). Также и отец Бендера «умер, не оставив своему сыну, Остапу-Сулейману, ни малейшего наследства» («Двенадцать стульев»; глава «И др.»).

Оба обладают изысканными манерами.

Онегин «легко мазурку танцевал» (1.IV), а 20-я глава «Золотого теленка» называется «Командор танцует танго».

Онегин «кланялся непринужденно» (1.IV), а «Остап приблизился к пожирателям шашлыка и элегантнейшим образом раскланялся с Персицким. <...> Остап прижал руку к сердцу и учтиво поклонился. <...> Бендер прелюбезно поклонился» («Двенадцать стульев»; глава «Землетрясение»).

Онегин «знал довольно по-латыне» (1.VI), а Остап говорит ксендзам: «...я сам старый католик и латинист. “Пуэр, соцер, веспер, генер, либер, мизер, аспер, тенер!”» («Золотой теленок»; глава «Блудный сын возвращается домой»).

Отличительной чертой обоих персонажей является холодность: во время первой встречи с Воробьяниновым «Остап был холоден» («Двенадцать стульев»; глава «Бриллиантовый дым»); так же он вел себя, разговаривая с женой – мадам Грицацуевой: «Вы, кажется, переходите на личности? – заметил Остап холодно» (глава «Курочка и тихоокеанский петушок»); после изгнания с парохода «Скрябин» «холодный, рассудительный голос великого комбинатора оказал свое обычное магическое действие» (глава «Изгнание из рая»); после отказа Корейко отдать ему миллион, Бендер берет быка за рога: «До свидания, – холодно сказал Остап, – и пожалуйста, побудьте дома полчаса. За вами приедут в чудной решетчатой карете»; а когда Корейко пытается его удержать: «Так дела не делают», – Остап называет себя «холодным философом» («Золотой теленок»; глава «Командовать парадом буду я»). Таким же выведен и его литературный прототип: «...Перед Онегиным холодным» (5.XXXVII), «...души холодной и ленивой» (8.XXI); а Татьяна Ларина ставит Онегину в вину «взгляд холодный» (8.XLIII) и «холодный, строгий разговор» (8.XLV).

В письме к Татьяне Онегин пишет, что он был «чужой для всех, ничем не связан» (8.XXXII), и таким же чужаком ощущает себя Остап: «Эх, Киса, мы чужие на этом празднике жизни» («Двенадцать стульев»; глава «Вид на малахитовую лужу»). Таким образом, оба героя оказываются «лишними людьми».

Авторская сентенция о театре: «Онегин полетел к театру <...> Волшебный край! <...> Там, там под сению кулис / *Младые дни мои* неслись» (1.XVII-XVIII), – отзовется в словах Остапа: «О, *моя молодость!* О, запах кулис! Сколько воспоминаний! Сколько интриг! Сколько таланту я показал в свое время в роли Гамлета!» («Двенадцать стульев»; глава «В театре Колумба»).

Влюбленный в Татьяну Онегин напевает итальянский романс «Benedetta Sia La Madre» («Пусть благословенна будет мать»): «И он мурлыкал: Benedetta / Иль *Idol mio* и ронял / В огонь то туплю, то журнал» (8.XXXVIII). А Остап точно так же ведет себя перед первой встречей с Корейко: «...и мурлыкал слова романса: “И радость первого свиданья мне не волнует больше кровь”» («Золотой теленок»; глава «Первое свидание»).

После убийства Ленского Онегин решил отвлечься и с этой целью объездил весь мир, но «путешествия ему, / Как всё на свете, надоели» (8.XIII). А Остап, который так ни разу и не побывал за границей, столкнувшись с молчанием Зоси, не отве-

чающей на его телеграммы, признался Козлевичу, что ему «даже в Рио-де-Жанейро не хочется» («Золотой теленок»; глава «Его любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина – зубной техник»).

Подобно тому, как Онегин является в значительной степени alter ego Пушкина, так и Бендер – во многом художественный двойник Ильфа и Петрова.

При этом двойственность Онегина: «Создание ада иль небес, / Сей ангел, сей надменный бес» (7.XXIV), – сродни двойственности Бендера, в котором также в равной степени намешаны божественное и дьявольское начала. Этот демонизм делает их отчасти персонажами байронического типа.

У Татьяны мелькает догадка об Онегине: «Москвич в Гарольдовом плаще. <...> Уж не пародия ли он?» (7.XXIV). Здесь она имеет в виду пародию на рыцаря Чайльд-Гарольда из поэмы Байрона «Странствования Чайльд-Гарольда», с которым Онегин уже сравнивался дважды: «Но к жизни вовсе охладел. / Как Child-Harold, угрюмый, томный...» (1.XXXVIII), «Прямым Онегин Чильд Гарольдом / Вдался в задумчивую лень...» (4.XLIV). А Остап в концовке «Золотого теленка» как раз процитирует этого персонажа: «Форма номер пять – прощание с родиной. Ну, что ж, адье, великая страна!» ~ «Adieu, adieu! my native shore...» («Childe Harold's Farewell to England», 1818⁸⁵³). В обоих случаях прощание со страной происходит на берегу, и используется французское слово *адье*. Более того, в своем обращении к равнодушной Зосе Синицкой Остап идентифицирует себя с Онегиным, отвергнутым Татьяной Лариной, и еще с одним рыцарем (не Чайльд-Гарольдом): «...я типичный Евгений Онегин, он же рыцарь, лишенный наследства советской властью». Речь идет о главном герое романа Вальтера Скотта «Айвенго»: «Я лучше тебя умею встречаться со смертью, – отвечал рыцарь Лишенный Наследства (Под этим именем неизвестный был внесен в книги турнира)», «...будучи в самом деле тем, чем называюсь, т.е. рыцарем, лишенным наследства...». Как отмечал еще Юрий Щеглов: «Изгнанный из дома отцом, Айвенго участвует в крестовом походе, в то время как его возлюбленная, леди Роуэна, обещана в жены другому рыцарю, более приемлемому с политической точки зрения (параллель к треугольнику Зося – Бендер – Фемида). Вернувшись в Англию, Айвенго отвоевывает свои права на родовое поместье и на руку невесты»⁸⁵⁴. Но, в отличие от Айвенго, Остап оказывается неудачливым рыцарем, поскольку его лишила «наследства» (миллиона) советская власть, не дав возможности потратить с умом свои деньги, и он упустил любимую девушку. Самоидентификация Остапа с рыцарем проявится и во время его подготовки побега за границу, когда он приобрел рыцарский орден Золотого Руна. Но и здесь он оказался неудачливым рыцарем, поскольку проиграл сражение румынским пограничникам, которые его избили и обобрали, поэтому данная глава иронически названа «Кавалер ордена Золотого Руна», создавая контраст с заключительной сценой романа: «Разжав руку, Бендер увидел на ладони плоскую медную пуговицу, завиток чьих-то твердых черных волос и чудом сохранившийся в битве орден Золотого Руна. Великий комбинатор тупо посмотрел на трофеи и остатки своего богатства и продолжал двигаться дальше, скользя в ледяных ямках и кривясь от боли».

Единственный раз в жизни оба героя влюбляются: Онегин – в Татьяну Ларину, а Бендер – в Зосю Синицкую, и терпят поражение, поскольку их возлюбленные выйдут замуж за других.

Увидев, что Татьяна его игнорирует («Она его не замечает...»), Онегин хочет уйти из жизни, и такое же желание посещает Остапа, на телеграммы которого не отвечает Зося: «А он не едет; он заране / Писать ко прадедам готов / О скорой встрече...» (8.XXXII) ~ «Я хочу умереть. У меня налицо все пошлые признаки влюблен-

⁸⁵³ «Прощай, прощай! родимый брег...» («Прощание Чайльд-Гарольда с Англией»).

⁸⁵⁴ Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. Т. 2. Золотой теленок. Wien, 1991. С. 674.

ности...» («Золотой теленок»; глава «Адам сказал, что так нужно»). Поэтому В.Г. Белинский называл влюбленного Онегина «страдающим эгоистом», и такая же характеристика применима к Бендеру в «Золотом теленке».

Онегин пишет Татьяне письмо, где сожалеет о том, что отверг ее любовь, и всё же надеется на взаимность, но: «Ответа нет. Он вновь посланье: / Второму, третьему письму / Ответа нет...» (8.XXXIII). И этот же путь повторит Остап: «“Черноморск. Зосе Синицкой. Связи ошибкой жизни готов лететь Черноморск крыльях любви, молнируйте ответ Москва Грандотель Бендер”. <...> Зося не ответила. Не было ответа и на другие телеграммы, составленные в том же отчаянном и лирическом роде» («Золотой теленок»; глава «Индийский гость»).

И состоявшаяся, наконец, встреча Остапа с Зосей является точной калькой со встречи Онегина с Татьяной: «...лишь вошел... ему / Она навстречу. Как сурова! / Его не видят, с ним ни слова...» (8.XXXIII) ~ «Прямо перед ним на секунду остановилась девушка. <...> Командор быстро нагнал девушку. <...> Девушка отшатнулась <...> Зося не ответила» (глава «Его любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина – зубной техник»).

А теперь обратимся к зарубежным литературным прототипам Бендера. К таковым, в частности, относятся: Гамлет, Шерлок Холмс, Хулио Хуренито, Альфред Джингль, Самуэль Уэллер, Энди Таккер, Джефф Питерс, Ниссель Швальб, Симон де Торвиль и Монте-Кристо⁸⁵⁵.

В обоих романах Остап постоянно упоминает разных знаменитых личностей (мифических или реальных), с которыми *хотел бы* себя идентифицировать: Наполеон, Суворов, полковник Лоуренс, Христос, уполномоченный пророка и граф Монте-Кристо. Но все эти самоотжествления разбиваются о советскую реальность, поскольку Остап не может реализовать свои планы внутри СССР и вырваться за границу. Здесь его судьба напоминает судьбу главного героя трагедии Шекспира «Гамлет» (1601), который гибнет в 30 лет, а Остапу в «Золотом теленке» – 33.

---

⁸⁵⁵ Иногда называют еще главных героев романа Алена Рене Лесажа «Похождения Жилия Блаза из Сантьяны» (1735) и пьес Пьера Бомарше «Севильский цирюльник» (1773) и «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (1784): «Бендер есть сниженный Жиль Блаз и вульгаризированный “Фигаро”, приспособленный к среде и эпохе» (*Рудинский Вл.* «Новый мир» № 12 за 2005 год // *Наша страна*. Буэнос-Айрес, 2006. 22 апр. № 2794. С. 4); «Вспомним, например, неунывающего весельчака Фигаро, брызжущего человеческой энергией и солнечным юмором. Герой трилогии Бомарше чем-то отдаленно схож с Бендером: так же ловок, остроумен, умен, хитер и т.д.

Фигаро привлекает наши симпатии еще и тем, что его ум, хитрость, изворотливость направлены против людей, стремящихся ущемить свободу личности. А Остап? Разве он обижает и обирает порядочных и честных людей? Ведь нет же. Он ворует у воров и разинь, обманывает нэпманов. Вот уж воистину вор у вора дубинку украл. И Бендер – этот Фигаро нэпмановских времен, перехитривший не одного жулика и разиню, – вовсе не вызывает в нас неприязни» (*Борев Ю.* Комическое. М.: Искусство, 1970. С. 95). Но вполне очевидно, что Жиль Блаз и Фигаро являются не литературными прототипами Бендера, а всего лишь его предшественниками, как любые другие плуты. Сравним, например, название романа «Похождения Жилия Блаза из Сантьяны» (1735) с другими аналогичными названиями (оригинальными и переводными): «Похождения Чичикова, или Мертвые души» (1842) Гоголя; «Похождения Рокамболя, или Парижские драмы» (1859 – 1884) Понсона дю Террайля; «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921) Эренбурга; «Хрустальная пробка. Похождения Арсена Люпена» (1927) Мориса Леблана; «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (1929) Ярослава Гашека. Да и начальник Главлита Б.М. Волин, стремясь не допустить выпуск романа «Двенадцать стульев» (1927), назвал его «похождениями жулика в стране дураков» (*Ефимов Б.* Десять десятилетий (О том, что видел, пережил, запомнил). М.: Вагриус, 2000. С. 619). Есть еще несколько черт, которые объединяют многих плутов: «Антитеза удачи и Рока может разрешиться в трагическом для героя-плута исходе, – и тогда: Дон Жуан вовлечен в ад, Чичикова разоблачают, Казанову опять ведут в узилище, Калиостро высылают из Петербурга, а последний стул уходит от Остапа Бендера. Но эти люди и герои своих эпох объединены тем качеством, которое составляет основу авантюрного поведения: а р т и с т з м. Это – великие игроки в жизнь, артисты жития, направленльно строящие свою биографию как художественное произведение» (*Исупов К.Г.* Эстетика авантюрной жизни (о «Мемуарах» Дж. Казановы) // *Метафизические исследования*. Вып. 9 1/2. La gaya scienza. СПб.: Алетейя, 1999. С. 125).

Гамлет говорит Гильденстерну: «Дания – тюрьма» (действие второе, сцена II)⁸⁵⁶. И Остап подразумевает подобное тождество, говоря о советской власти: «Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм. Что я каменщик, каменщик в фартуке белом?..», – поскольку последняя строка отсылает к стихотворению Валерия Брюсова «Каменщик» (1903): «Строим мы, строим тюрьму».

Гамлет обращается к Розенкранцу и Гильденстерну: «Нищий, я беден и благодарностью; но благодарю вас, друзья...» (действие второе, сцена II). Остап же скажет Козлевичу: «Мы нищие, Адам! Примите нас! Мы погибаем» («Золотой теленок»; глава «Сердце шофера»). Причем его слова «Адам... Мы погибаем» перекликаются с последней репликой Гамлета: «Горацио, я умираю...».

Обоих героев отличает деловитость: «Довольно – к делу!», – говорит Гамлет Горацио (действие третье, сцена II); и Гильденстерну: «Итак, без околичностей, к делу» (там же). А Остап так же обратится к Коробейникову и к своим спутникам по «Антилопе»: «Однако ближе к делу» («Двенадцать стульев»; глава «Алфавит – зеркало жизни»), «Теперь – к делу» («Золотой теленок»; глава «Антилопа-Гну»).

Неслучайно и признание Остапа, пришедшего с Воробьяниновым к театру Колумба: «О, моя молодость! О, запах кулис! <...> Сколько таланту я показал в свое время в роли Гамлета!» («Двенадцать стульев»; глава «В театре Колумба»). Этим объясняется прямая цитата из монолога Гамлета, который тот произносит после ухода бродячих актеров: «Что он Гекубе? Что она ему? / Что плачет он о ней?» (действие второе, сцена II). Остап же, перефразируя этот вопрос, обращается к Воробьянинову: «Что мне Гекуба? Вы мне, в конце концов, не мать, не сестра и не любовница» («Двенадцать стульев»; глава «Разговор с голым инженером»).

Более того, Остап даже мечтает отомстить датчанам за погибшего Гамлета, подразумевая под Гамлетом себя, умирающего от голода в советской России: «Если через два дня мы не получим приличной пищи, я взбунтую какие-нибудь племена. Честное слово! Назначу себя уполномоченным пророка и объявлю священную войну, джихад. Например, Дании. Зачем датчане замучили своего принца Гамлета? При современной политической обстановке даже Лига Наций удовлетворится таким поводом к войне. Ей-богу, куплю у англичан на миллион винтовок, они любят продавать огнестрельное оружие племенам, и марш-марш в Данию. Германия пропустит – в счет репараций. Представляете себе вторжение племен в Копенгаген? Впереди всех я на белом верблюде» («Золотой теленок»; глава «Багдад»). По мнению Юрия Щеглова, данное намерение обличает в Остапе претензию на высшее существо, обладающее правом карать и миловать, в чем видно его сходство с Воландом: «Последний, как известно, является в советскую Москву (в сущности, вариант гамлетовской Дании) и вносит смятение в растленный конформистский мир, расправляясь с его функционерами и беря под защиту “замученного” ими гения. В образе Бендера эти мотивы высокого покровительства и помощи лучшим представителям человечества в основном не получили развития, однако потенциально – в той мере, в какой герой Бендер принадлежит к данному семейству литературных героев, – они ему не чужды и совместимы с его амплуа, откуда и внутренняя органичность этих фантазий о наказании датчан за Гамлета»⁸⁵⁷.

В своем монологе «Быть или не быть» Гамлет упоминает «тиранов притесненные» (действие третье, сцена I), что невольно соотносится с сетованием Остапа: «Вот навалился класс-гегемон...» («Золотой теленок»; глава «Его любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина – зубной техник»). Поэтому «и о Гамлете, и об Остапе можно сказать, что они – “лишние люди”. Остап – это

⁸⁵⁶ Здесь и далее мы цитируем перевод Андрея Кронеберга (1844) как наиболее адекватный и популярный до появления переводов Михаила Лозинского (1933) и Бориса Пастернака (1941): Гамлетъ. Трагедія В. Шекспира. Переводъ А. Кронеберга. Харьковъ: Въ университетской типографіи, 1844. 220 с.

⁸⁵⁷ Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. Т. 2. Золотой теленок. Wien, 1991. С. 656.

своего рода Гамлет эпохи НЭПа»⁸⁵⁸. Но, несмотря на то, что сам Бендер является порождением НЭПа, он «симпатичен нам тем, что в нем нет ни грана буржуазно-нэпмановского фетишизма в отношении к деньгам»⁸⁵⁹, характерного, скажем, для Корейко, которому Бендер говорит: «С деньгами нужно расставаться легко, без стонов». И вообще для него важен не столько результат, сколько сам процесс погони за деньгами и изобретение по ходу разных комбинаций.

Следующим прототипом Остапа Бендера является антипод Гамлета. Речь идет о жулике Альфреде Джингле – персонаже романа Диккенса, упомянутом в мемуарах Сергея Бондарина: «Часто играли в игру “Что возьмем с собою на необитаемый остров?”. Твердо помню, что с Диккенсом Ильф расстаться не хотел даже на необитаемом острове, и едва ли будет преувеличением сказать, что этого автора Ильф полюбил навсегда и не расставался с ним до самой смерти. Иные главы “Двенадцати стульев”, по словам самого Ильфа, “срисовывались” с “Пикквикского клуба”»⁸⁶⁰.

Следовательно, мы просто обязаны выявить все возможные параллели между «Посмертными записками Пикквикского клуба» (1836 – 1837) Диккенса и романами Ильфа и Петрова. Первым на сходства между Бендером и Джинглем, а также между Бендером и Аметистовым из «Зойкиной квартиры» Булгакова, указал Дмитрий Лихачев⁸⁶¹. Позднее к этой теме обратился известный комментатор Юрий Щеглов, добавив ряд новых наблюдений, но и он вынужден был констатировать: «Вариации в духе Джингля и Сэма Уэллера в поведении Бендера слишком многочисленны, чтобы пытаться их все перечислить»⁸⁶².

Придется нам восполнить этот пробел.

Для начала заметим, что Джингл фигурирует в записях Ильфа за август – ноябрь 1927 года, когда велась работа над «Двенадцатью стульями»: «Джингл продавал одну и ту же картину»⁸⁶³. Здесь Джингл заменяет собой Остапа, который, лежа в дворницкой, действительно мечтал о продаже картины: «А можно было завтра же пойти в Стардеткомиссию и предложить им взять на себя распространение еще не написанной, но гениально задуманной картины: “Большевики пишут письмо Чемберлену”, по популярной картине художника Репина: “Запорожцы пишут письмо султану”. В случае удачи этот вариант мог бы принести рублей четыреста». Сравним с признанием Ильфа художнику Амшею Нюренбергу на выставке другого художника – Петра Кончаловского: «Вы ведь знаете, что я вырос в семье художников. У меня два брата художники. Фазини-брюнет и рыжий Мифа. Они, кажется, неплохие художники. В нашем доме часто и много говорили о живописи, о цвете, о колорите, о французском искусстве. Говорили о Пикассо, Матиссе. Я обязан быть грамотным, хотя живопись мне не давалась»⁸⁶⁴. И поскольку самому Ильфу «живопись не давалась», эта черта будет передана Остапу, который не справился с изображением сеятеля на пароходе «Скрябин». Но так как в доме Ильфа «говорили о Пикассо, Матиссе», некоторые познания в этой области будут и у Остапа: «А Рубенс-то с Рафаэлем дураки – маслом старались! Мы тоже дураки, вроде Леонардо да Винчи» («Золотой теленок»; глава «Кризис жанра»).

---

⁸⁵⁸ *Greenhill R.* Shakespeare's echos in the works of Il'ya Il'f and Evgeny Petrov // Шекспірівський дискурс. Випуск 1. Запоріжжя: КПУ, 2010. С. 246.

⁸⁵⁹ *Борев Ю.* О комическом. М.: Искусство, 1957. С. 146.

⁸⁶⁰ *Бондарин С.* Милые давние годы // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 61.

⁸⁶¹ *Лихачев Д.С.* Литературный «дед» Остапа Бендера // Страницы истории русской литературы: к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Н.Ф. Бельчикова. М.: Наука, 1971. С. 245 – 248.

⁸⁶² *Щеглов Ю.* Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 109.

⁸⁶³ *Ильф И.* Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 122.

⁸⁶⁴ *Нюренберг А.* Встречи с Ильфом // Нюренберг А. Одесса – Париж – Москва: Воспоминания художника. Дюссельдорф, 2009. С. 264.

А что касается «Записок» Диккенса, то Ильф читал одно из дореволюционных изданий, поскольку в СССР книга впервые была полностью опубликована в 1933 году (в 1932-м вышел сокращенный перевод). До этого же самой большой популярностью пользовался перевод Иринарха Введенского, который мы и возьмем за основу⁸⁶⁵.

Переключки начинаются уже со времени действия: «Мая двѣнадцатаго, тысяча восемьсотъ двадцать седьмого года подѣ предсѣдательствомъ Джозефа Смиггерса, эсквайра, непремѣннаго вице-президента и члена Пикквикскаго клуба, слѣдующія рѣшенія единодушно были приняты и утверждены...» ~ «24 апреля 1927 года в половине двенадцатаго с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород вошел молодой человек лет двадцати восьми».

В обоих случаях действие начинается весной – 12 мая и 24 апреля, причем если в «Записках» фигурирует 1827 год, то в «Двенадцати стульях» события разворачиваются ровно сто лет спустя – в 1927-м.

Во второй главе «Записок» появляется Джингль: «Что тутъ за гвалтъ? – закричалъ довольно высокій и сухопарый молодой человекъ въ зеленомъ фракѣ, обращаясь къ м-ру Пикквику...». А вот как описывается внешность Остапа в романе «Двенадцать стульев»: «В город молодой человек вошел в зеленом, узком, в талию, костюме» (глава «Великий комбинатор»). Причем если Остап пришел в «узком... костюме», то у Джингля – «узкій фракъ». И оба носят повязку на голую шею: «Его могучая шея была несколько раз обернута старым шерстяным шарфом» ~ «Старый носовой платокъ, вмѣсто галстука, украшалъ его шею, гдѣ не было и слѣдовъ рубашечнаго воротника».

Лексика Джингля из разговора с Пикквиком: «демонски тяжело», «демонская опасность», – перейдет в роман «Золотой теленок»: «Демонский номер, – в один голос утверждали потерпевшие. – Ну кто мог подозревать?» (глава «Геркулесовцы»).

В целом же первое появление Джингля перед избитым Пикквиком напоминает появление Остапа перед избитым Паниковским: «“Что тутъ за гвалтъ?” – закричалъ довольно высокій и сухопарый молодой человекъ въ зеленомъ фракѣ, обращаясь къ м-ру Пикквику и пробиваясь сквозь толпу при сильномъ содѣйствіи своихъ локтей, задѣвавшихъ по носамъ, затылкамъ и ушамъ многихъ почтенныхъ особъ» ~ «... Бендер втиснулся в толпу. <...> Применяя таким образом политику кнута и пряника, Остап пробрался к центру, где томился Паниковский. <...> “Вот этот?” – сухо спросил Остап, толкая Паниковского в спину». В таком свете наречие *сухо* соответствует эпитету *сухопарый*. Похожа и реакция толпы: «Шпіоны! – какъ бы въ отвѣтъ прошумѣла толпа» ~ «Этот самый! – радостно подтвердили многочисленные правдолюбцы. – Своими глазами видели» (глава «Гомер, Мильтон и Паниковский»).

А далее возникает параллель с «Двенадцатью стульями»: «Головы, головы, берегите свои головы! – вскричалъ неумолкавшій незнакомецъ, предостерегая пассажировъ имперіала, когда дилижансъ проѣзжалъ подѣ сводами воротъ почтоваго двора» ~ «*Берегите пенсне, Киса*, – в отчаянии крикнул Остап, бросая весла, – сейчас начнется!» (глава «Междупланетный шахматный конгресс»).

Оба героя объясняют свое безденежье ссылкой на дорожные обстоятельства: «... проклятая поклажа... тюки, вьюки... неприятная пересылка водой... сиди тутъ – не въ чемъ идти...» ~ «Дорожная неприятность. Остался без копейки» («Золотой теленок»; глава «О том, как Паниковский нарушил конвенцию»).

Отношение Пиквика к филантропическому балу сродни реакции Кислярского на речь Остапа о помощи беспризорным детям: «Физиономія м-ра Пикквика пылала выраженіемъ всеобщей филантропіи» ~ «Кислярский был на седьмом небе. <...> Ему казалось, что он еще никогда так сильно не любил беспризорных детей...» («Двенадцать стульев»; глава «Союз меча и орала»).

---

⁸⁶⁵ Диккенсъ Ч. Замогильныя записки Пикквикскаго клуба. Въ 2-хъ томахъ / Пер. съ англ. Иринарха Введенскаго. С.-Петербургъ, 1853.

Придя на бал с мистером Топманом (одним из спутников Пикквика), Джингль отказывается назвать швейцару свою фамилию и объясняет Топману: «...не годится объявлять именъ... почтенныя фамиліи въ своемъ кругу... не могутъ произвести эффекта въ публичныхъ мѣстахъ... лучше инкогнито... джентльмены изъ Лондона, знатные путешественники!». А Остап скажет Елене Боур: «Мы с коллегой прибыли из Берлина <...> но об этом не рекомендуется говорить» (глава «Союз меча и орала»).

Джингль заявляет Топману, что будет ухаживать на балу за «пожилой вдовой въ богатомъ платьѣ и бриліантахъ»: «Стану волочиться за старухой». А Бендер спросит Полесова об Елене Боур: «Старуха не подкачает?».

В 9-й главе Пикквик и Уардль преследуют Джингля, обманувшего Топмана, но их постигает неудача: «Раздался сильный трескъ, крикъ, гвалтъ, – колесо покатилося въ канаву – карета опрокинулась на бокъ», – так же как и васюкинских любителей, пытавшихся настичь Бендера и Воробьянинова: «Переменив центр тяжести, барка не стала колебаться и в полном соответствии с законами физики перевернулась». А Джингль и Остап насмеются над преследователями: «...м-ръ Джингль съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ изъ окна кареты на поражение своихъ преслѣдователей. <...> Э-гой! – заголосил безстыдный Джингль. – Перекувырнулись, господа? Жаль. Какъ ваши кости?... Джентльмены пожилые... тяжелые... съ грузомъ... очень опасно!» ~ «Пижоны! – в восторге кричал Остап. – Что же вы не бьете вашего гроссмейстера? Вы, если не ошибаюсь, хотели меня бить?».

В 10-й главе появляется будущий слуга Самуила Пикквика – Самуэль Уэллер. И не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы увидеть здесь источник отчества Михаила Самуэлевича Паниковского, выполняющего функцию слуги Остапа («с возложением на вас обязанности прислуги за всё»), а также одной из масок самого Остапа, на афише которого написано: «Пророк Самуил отвечает на вопросы публики» («Золотой теленок»; глава «Антилопа-Гну»). Кстати, признание великого комбинатора своим спутникам: «...пророку Самуилу задают одни и те же вопросы: “Почему в продаже нет животного масла?” или “Еврей ли вы?”», – напоминает шуточное двестишье Ильфа, которое любил повторять Маяковский: «Марк-Аврелий / Не еврей-ли?»⁸⁶⁶. Что же касается вопроса «Почему в продаже нет животного масла?», то это отсылка к литературным диспутам, проходившим в Политехническом музее и описанным Ильфом в 1929 году: «Диспут быстро потухает, потому что вопросы, заданные автору доклада “На кой чорт нам беллетристика”, довольно однотипны:

- Вам легко говорить, вы получили высшее образование.
- Вы бы лучше объяснили, почему нет в продаже животного масла?
- Сообщите, как писать стихи?»⁸⁶⁷.

А манера речи Самуэля Уэллера из разговоров с Пикквиком также напоминает словесные обороты, используемые Остапом в разговоре с Корейко: «Ведите, сэръ, готовъ слушать васъ, сэръ, какъ говорилъ одинъ ученикъ своему учителю, когда тотъ съѣздилъ его линейкой по головѣ» (12-я глава) ~ «А теперь – продолжим наши игры, как говорил редактор юмористического журнала, открывая очередное заседание и строго глядя на своих сотрудников. <...> И на старуху бывает разруха, как сказала Инга Зайонц через месяц после свадьбы с другом моего детства Колей Остен-Бакеном» («Золотой теленок»; глава «Командовать парадом буду я»). Кстати, Инга Зайонц, а также слегка измененная фамилия Птибурдуков уже встречались в одном из фельетонов Ильфа: «Через два дня в вечерней газете появляется письмо в редакцию:

“Местком такого-то учреждения приносит свою глубокую благодарность артистам т.т. Шланг, Птибурбукову, Саломейцевой, Юмореску, Океан-Поколенову и Инге

⁸⁶⁶ Цит. по факсимиле рукописи Ильфа в сб.: Литературные шушú(т)ки: Литературные секреты. На правах рукописи / Редакция: А. Крученых; обложка: И. Терентьева. М.: Издание Ленинградского театра Дома печати; Стеклография редакции журнала «Красное студенчество», 1928. С. 7.

⁸⁶⁷ Ильф И. Диспуты украшают жизнь // 30 дней. М., 1929. № 3. С. 70.

Зайонц за любезное участие в семейном вечере»⁸⁶⁸. Как сообщает Александра Ильф: «Прогуливаясь по одесским улицам, Ильф не мог не видеть вывески часовщика Фунта (Ришельевская, 21); Л.Т. Залкинда, представителя фирмы “Патефон” бр. Пате, Париж (Дерибасовская, 10); Галантерейной торговли близ Привоза, владелец – купец 2-й гильдии И.М. Зайонц (Екатерининская, 85)»⁸⁶⁹.

Уэллер говорит Пикквику (16-я глава): «Однакожь извините, сэръ, кажется, я заболтался съ вами...»; а Бендер точно так же обратится к Корейко: «Однако я с вами заболтался. Меня ждут мулаты» (глава «Командовать парадом буду я»). Причем если Уэллер рассказывает истории из жизни своей семьи и других людей, то и Остап любит рассказывать разные истории – правдивые или вымышленные.

Еще одно совпадение в лексике Уэллера и Остапа: «Быль онъ, что называется, забубенный малый и мастачиль пироги изъ *всякой дряни*» (19-я глава) ~ «Вы сами видите, Кисуля, как они веселы и сколько они накупили *всякой механической дряни!*» («Двенадцать стульев»; глава «Землетрясение»). И если Уэллер «положилъ свою могучую руку на сѣрый воротникъ» Иова Троттера (25-я глава), то Остап «подхватил бакенбардиста в свои могучие объятия» («Золотой теленок»; глава «Кризис жанра»).

В 39-й главе Самуэль Уэллер говорит своей возлюбленной: «...я вотъ брожу цѣлый день, какъ вѣчный жидъ... слыхала ты о вѣчномъ жидѣ, Мери?». А Остап в романе «Золотой теленок» скажет: «Если общество позволит, я расскажу о том, что произошло с так называемым вечным жидом» (глава «Позвольте войти наемнику капитала!»). Но если Уэллер в ответ на слова Мери «Нѣтъ, не слыхала» заявляет: «Ну такъ нечего о немъ и распространяться», то Остап ведет подробный рассказ на эту тему.

История, случившаяся с мистером Винкелем (36-я глава), стала источником рассказа Остапа инженеру Щукину («Двенадцать стульев»; глава «Разговор с голым инженером»): «М-ръ Винкель почувствовалъ непреодолимое желаніе бѣжать назадъ, но увидѣль къ величайшему ужасу, что тотъ же вѣтеръ захлопнулъ за нимъ дверь» ~ «Ну, и выскочил я однажды ночью в одном белье прямо на снег – простуды я не боялся – дело минутное. Выскочил и машинально захлопнул за собой дверь». Винкель оказался на морозе в одних чулках и халате, а Остап – в летних кальсонах.

Существуют также некоторые сходства между Пикквиком и Остапом. Скажем, у первого выступили «крупныя капли пота на благородномъ челѣ» (16-я глава), а о втором сказано: «Остап вытер свой благородный лоб» («Двенадцать стульев»; глава «Междупланетный шахматный конгресс»). А реплика Пикквика в начале 39-й главы: «Я вотъ, какъ видите, приѣхаль самъ, – сказалъ великодушный старецъ, обращаясь къ м-ру Винкелю...», – отзовется в обращении великого комбинатора к завхозу Альхену: «Вам нечего беспокоиться, – великодушно заявил Остап, – я сам напишу доклад» («Двенадцать стульев»; глава «Голубой воришка») («Я... приехал сам» = «я сам напишу доклад»; «сказал великодушный» = «великодушно заявил»). Разница лишь в том, что фраза Пикквика правдива, и авторская характеристика «великодушный старец» абсолютно серьезна, а описание Остапа подается с юмором, поскольку его роль инспектора пожарной охраны вымышленна.

Таким образом, к Остапу перешли черты не только отрицательного персонажа Джингля, но и положительных – Уэллера, Винкеля и Пикквика.

Что же касается Джингля и Остапа, то при всех отмеченных сходствах между ними существуют и весьма серьезные различия: у Джингля – непропорциональная внешность, а Остап сложен безупречно; Джингль постоянно говорит отрывистыми фразами: «Билеть взять... сейчасъ ѣхать... Заплатите за коньякъ... Мелкихъ нѣтъ... Крупные банковые билеты... Сдача у нихъ скверная... серебряныя деньги истерты, что бирмингэмскія пуговицы... дрянь... заплатите» (2-я глава). А Остап, даже если и

⁸⁶⁸ Дон-Бузыльо. Когда улетают птицы // Чудак. М., 1929. № 49. Дек. С. 10.

⁸⁶⁹ Ильф А.И. Илья Ильф: Линия жизни 1897 – 1927 // Илья Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа. М.: Текст, 2004. С. 23 – 24.

прибегает к такому приему, делает это гораздо элегантнее: «Жена? Брильянтовая вдовушка? Последний вопрос! Внезапный отъезд по вызову из центра. Небольшой доклад в Малом Совнаркоме. Прощальная сцена и цыпленок на дорогу» («Двенадцать стульев»; глава «Знойная женщина, мечта поэта»). И в целом поведение Джингля напоминает скорее Аметистова и Ниагарова, то есть мелких жуликов, а у Остапа и «наметка пошире», и как личность он значительно крупнее, и отличается богатым чувством юмора, в том числе социально заостренного, и главное – он не чужд добрых движений души, почему и вызывает симпатию, в отличие от только что упомянутых персонажей.

Более того, в «Золотом теленке» Остап напоминает известного персонажа русского фольклора: «Как и Иванушка-дурачок, Бендер, неунывающий в несчастьях, жизнерадостный и жизнелюбивый человек, ведет охоту за жар-птицей, на сей раз предстающей в виде миллионного клада. Остап преодолевает множество препятствий, “скачет” на “Антилопе-гну”, как на Коньке-горбунке, пересекает десятки царств-государств (или, вернее, областей и районов). Всюду проявляет он незаурядный ум, сообразительность, смекалку, ловкость и хитрость. Наконец ему удается ухватить за хвост великолепную добычу. Бендер становится миллионером. И тогда-то выясняется, что вовсе не жар-птица, а простая ворона в руках у великого комбинатора. Все дело в том, что богатство, за которым сотни лет охотились многие сказочные герои, оказалось в новом обществе вещью иллюзорной, ценностью, не имеющей цены. Художники, которые с такой теплотой относятся к своему незаурядному герою – Остапу, как бы показывают нам всем ходом действия и его развязкой, что не в деньгах счастье и что не на поиски их, а на более человеческие дела должен употребить герой свои силы, разум, смекалку, умение...»⁸⁷⁰.

Иносказательное описание жар-птицы, символизирующей счастье, встречается и в обращении Остапа к Балаганову в главе «Сладкое бремя славы», где обыгрываются известные строки из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила»: «Там царь Кашей над златом чахнет; / Там русский дух... там Русью пахнет!» ~ «Вы в этом твердо уверены? – спросил Остап. – Счастье ожидает вас на дороге? Может быть, еще машет крылышками от нетерпения? Где, говорит оно, адмирал Балаганов? Почему его так долго нет?». А прямое упоминание жар-птицы мы находим в главе «Три дороги», где подчеркивается фольклорная составляющая образа Остапа, который сравнивает себя с Ильей Муромцем, Балаганова – с Добрыней Никитичем, а Паниковского – с Алешей Поповичем: «Остается проселок, граждане богатыри! Вот он древний сказочный путь, по которому двинется Антилопа! *Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!* Здесь еще летает догорающая жар-птица, и людям нашей профессии перепадает золотые перышки. Здесь сидит еще на своих сундуках кулак Кашей, считавший себя бессмертным и теперь с ужасом убедившийся, что ему приходит конец. Но нам с вами, богатыри, от него кое-что перепадет, в особенности если мы представимся ему в качестве странствующих монахов. С точки зрения дорожной техники этот сказочный путь отвратителен. Но для нас другого пути нет». Таким образом, от Иванушки-дурачка к Остапу перешли находчивость и жизнерадостность, а от Ильи Муромца – внешние данные и сила духа, но сумма этих качеств, помноженная на могучий интеллект, привела Остапа лишь к эфемерному успеху, поскольку погоня за богатством несовместима с советской идеологией, и даже если кому-то удастся разбогатеть, это его «обогащает только моральными муками» (35-я глава).

Если же говорить о жуликах и аферистах, то, по сравнению с Альфредом Джинглем, Остапу гораздо ближе другой литературный предшественник, которого он сам упомянул во время первого разговора с Воробьяниновым: «В таком случае – простите, – возразил великолепный Остап, – у меня есть не меньшие основания, как

---

⁸⁷⁰ Борев Ю. Комическое. М.: Искусство, 1970. С. 75.

говорил Энди Таккер, предполагать, что и я один смогу справиться с вашим делом. – Мошенник! – закричал Ипполит Матвеевич, задрожав» («Двенадцать стульев»; глава «Бриллиантовый дым»).

Речь идет о главном герое сборника рассказов американского писателя О’Генри «Благородный жулик» (Нью-Йорк, 1908)⁸⁷¹. Эпитет *благородный* применен к Энди Таккеру и в рассказе «Трест, который лопнул». Его компаньон Джефф Питерс говорит, что увидел во взгляде Энди *благородный* и праведный вызов», а сам Энди в рассказе «Кафедра филантроматематики», открыв с Питерсом свой университет, скажет: «Мы предприняли такое *благородное* дело, что нельзя его бросать». Этот же эпитет неоднократно применяется к великому комбинатору в «Двенадцати стульях», но с иронией: «...Остап Бендер, длинный *благородный* нос которого явственно чуял запах жареного, не дал дворнику и пикнуть» (глава «Великий комбинатор»), «Остап вытер свой *благородный* лоб» (глава «Междупланетный шахматный конгресс»). А в «Золотом теленке» Остап скажет Корейко о своем организме: «Там внутри – *благородное* и очень здоровое сердце, отличные легкие и печень без признака камней» (глава «Командор танцует танго»).

В рассказе «Трест, который лопнул» читаем: «Когда я выпью, – говорит Энди, – меня всегда влечет к ораторскому искусству». А Остапа влечет к этому на голодный желудок: «Остап со вчерашнего дня еще ничего не ел. Поэтому красноречие его было необыкновенно» («Двенадцать стульев»; глава «Междупланетный шахматный конгресс»). Последняя фраза напоминает еще одну реплику Энди Таккера: «Я одинаково красноречив во всех областях».

В том же рассказе Энди признается Джеффу Питерсу: «Я кратер, живой вулканический кратер». А Остап, узнав про распиленные Паниковским и Балагановым гири Корейко, будет смеяться вулканическим смехом: «...из его горла вырвались вулканические раскаты, из глаз выбежали слезы, и <...> ужасный смех раздался в газоубежище» («Золотой теленок»; глава «Сердце шофера»).

Энди, удачно провернув аферу по выкачиванию денег из населения, «пил за всю промышленность, начиная от Северной тихоокеанской дороги и кончая всякой мелочью вроде заводов маргарина, синдиката учебников и федерации шотландских горняков». И так же будет вести себя Остап на своей свадьбе после того, как собрал пятьсот рублей с участников «Союза меча и орала»: «Остап всё время произносил речи, спичи и тосты. Пили за народное просвещение и ирригацию Узбекистана» («Двенадцать стульев»; глава «Союз меча и орала»). Кстати, тост за *ирригацию Узбекистана* находит аналогию в рассказе «Кафедра филантроматематики»: «Энди даже речь говорил – полтора часа, никак не меньше – *об орошении в Нижнем Египте*, а потом <...> пили ананасный шербет». Здесь же говорится о разбогатевших Энди Таккере и Джеффе Питерсе, которые думают, как им распорядиться деньгами, и это заставляет вспомнить мучения Остапа, не знающего, что ему делать с миллионом, отнятым у Корейко. Энди говорит: «Куда же нам истратить эти деньги? Устроить бесплатную обжорку для бедных или послать тыщонки две Джорджу Кортелью?». И ему вторит Остап: «Основать разве стипендию имени Балаганова для учащихся заочного радиотехникума? Купить пятьдесят тысяч серебряных ложечек, отлить из них конную статую Паниковского и установить на могиле? Инкрустировать “Антилопу” перламутром?» (35-я глава). Причем намерение «послать тыщонки две Джорджу Кортелью», то есть министру финансов в правительстве президента Кливленда (1893 – 1897), в точности соответствует действиям Остапа, который в итоге решает отправить свой миллион наркомму финансов. А вопрос Энди «Куда же нам истратить эти день-

---

⁸⁷¹ Ильзу и Петрову были доступны русские переводы этого сборника: *Генри О. Благородный жулик и другие рассказы* / Пер. Н. Брянского, Л. Гаусман, С. Маршака [и др.]. Под ред. и с предисл. Евг. Замятина и К. Чуковского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924 (Л.: Типография фабрики «Светоч»). 354 с.; *Генри О. Милый жулик* / Пер. Н.Ю. Жуковской, С.А. Адрианова. Л.: Мысль, 1924 – 1925. 366 с.

ги?» в устах Остапа будет выглядеть так: «Как распорядиться проклятым кушем, который обогащает меня только моральными муками?» (35-я глава). Что же касается желания Остапа «основать стипендию имени Балаганова», то и здесь видна параллель в рассказе «Кафедра филантроматематики», где Энди Таккер и Джефф Питерс открывают свой университет: «Над главным входом была высечена надпись: “Всемирный университет. Попечители и владельцы – Питерс и Таккер”».

Во время первой встречи с Бендером Воробьянинов думает: «В конце концов, без помощника трудно, – подумал Ипполит Матвеевич, – а жулик он, кажется, большой. Такой может быть полезен». И ровно эту же мысль высказывает Джефф Питерс в рассказе «Поросычья этика»: «Самое трудное в нашем деле, – сказал Джефф, – это найти добросовестного, надежного, безупречно честного партнера, с которым можно было бы мошенничать без всякой опаски». В то же время у него есть своя этическая система ценностей: «Профессия Джеффа – не незаконное жульничество. Вдовам и сиротам не следует бояться его: он изымает излишки». Также и Остап изымает излишки у состоятельных людей – председателя исполкома, иностранцев из Чикаго, подпольного миллионера; однако не гнушается и ограблением вдовы (мадам Грицацевой), и мошенничеством, связанным с помощью сиротам («Союз меча и орала»), но при этом раскошеливает богачей Кислярского, Чарушникова и Дядьева.

В рассказе «Совесть в искусстве» Джефф Питерс заявляет: «Я предпочитаю честный, легальный бизнес, такой, как сейчас». И Остап будет придерживаться такой же тактики в «Золотом теленке»: «... нам нужна легальность. Нужно смешаться с бодрой массой служащих. Всё это дает контора» (глава «Рога и копыта»).

Энди же излагает Джеффу свою очередную задумку: «... устроить небольшую облаву <...> на обширное стадо американских Мидасов, которые в просторечии зовутся питтсбургскими миллионерами». А Остап при виде двух иностранцев из Чикаго иронически заметит: «Широкие массы миллиардеров знакомятся с бытом новой, советской деревни» («Золотой теленок»; глава «Сладкое время славы»).

Если «Энди пришла в голову новая финансовая комбинация», то Остап, впервые увидев Корейко, скажет: «В моем мозгу родилась забавная комбинация» (глава «Геркулесовцы»). И, подобно тому, как Джефф с Энди ищут миллионеров в Питтсбурге, Остап охотится за советским миллионером: «Однажды вечером Энди не явился к обеду, а пришел около одиннадцати и прямо ко мне в номер. “Подцепил одного! – сказал он. – Двенадцать миллионов”» ~ «У вас, по моим сведениям, миллионов семь-восемь», – сообщает Остап Корейко (глава «Командовать парадом буду я»). При этом они ругают миллионеров: «Энди в задумчивости сидит на кровати. “Нет, – говорит он, – нет, этот человек не просто заурядный мерзавец”» ~ «... до самой смерти меня будет тешить мысль, что я избавил общественность от великого сквалыжника»; и одинаково характеризуют безделушки – изделие из слоновой кости и чайное ситечко: «А потом он показал мне одну вещицу, – продолжал Энди, – ну, это, сразу видно, вещь замечательная. Вырезана из слоновой кости. Он говорит, что ей две тысячи лет» ~ «У меня как раз знакомый дипломат приехал из Вены и привез в подарок. Забавная вещь» («Двенадцать стульев»; глава «Людоедка Эллочка»).

Только что отмеченные параллели между Энди Таккером и Остапом Бендером: «Энди пришла в голову новая финансовая комбинация» = «В моем мозгу родилась забавная комбинация», – приводят нас еще к одному литературному прототипу великого комбинатора – центральному персонажу второй части романа Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды» (1909 – 1911), лондонскому еврею Нисселю Швальбу: «Голова Нисселя, это можно было видѣть, работала, придумывая какую-то очень серьезную комбинацию» (глава 4-я)⁸⁷². А сам Швальб скажет: «У меня, слышите, комбинация

---

⁸⁷² Ссылки на роман даются без указания страниц по следующему изданию: *Шолом-Алейхемъ. Блуждающія звезды: Романъ въ трехъ частяхъ. Ч. I и II / Авторизованный переводъ съ еврейскаго А. Нежданова (Андрея Соболя). М.: Универсальное Книгоиздательство Л.А. Столяръ, 1913.*

одна, дорогая, рѣдкая комбинація!» (глава 9-я). Это можно сравнить с восклицанием Остапа в последней главе романа «Двенадцать стульев»: «Гениальная комбинация, блестяще проведенная до конца!», – которое вновь возвращает нас к описанию Швальба: «Онъ шель обратно, насвистывая веселый мотивъ, и въ его головѣ комбинатора уже назрѣвала новая гениальная комбинація» (глава 51-я).

В романе «Золотой теленок» Остап достает из своего чемоданчика «красную нарукавную повязку, на которой золотом вышито слово “Распорядитель”» (глава «Антилопа-Гну»), и именно в таком качестве выступал его прототип: «Ниссель Швальбъ былъ когда-то распорядителемъ въ “Павильонъ-театръ”, и Ниссель Швальбъ дастъ понять, что значить “быть распорядителемъ”».

– У васъ это называется билетеромъ, а у насъ распорядителемъ, или ошеромъ. На ошерѣ держится весь театръ, какъ, напимѣрь, на полисмэнѣ держится весь Лондонъ. Попробуйте-ка, отберите отъ Лондона полисмэна – и капутъ всему городу!

Швальбъ продолжаетъ:

– А я былъ, должны вы знать, распорядителемъ высшей марки! Одинъ на весь “Павильонъ-театръ”...» (глава 13-я). А о его комбинаторских способностях говорится постоянно: «Ниссель Швальбъ человѣкъ съ комбинаціями. Хотя его главная профессія, – это агентство, но жить этимъ въ Лондонѣ нельзя и приходится комбинировать».

И комбинируетъ Ниссель Швальбъ все то, что поддается комбинаціямъ.

Но надо отдать ему справедливость, его комбинаціи вначалѣ кажутся неосуществимыми, дикими, но потомъ получается все такъ гладко и ровно, что ровнѣе уже быть не можетъ» (глава 5-я).

Швальбъ решает: «Мы ѣдемъ въ Америку!» (глава 9-я). И об этом же мечтает Остап в «Золотом теленке»: «Счастье никого не поджидает. Оно бродит по стране в длинных белых одеждах, распевая детскую песенку: “Ах, Америка – это страна, там гуляют и пьют без закуски”. Но эту наивную детку надо ловить, ей нужно понравиться, за ней нужно ухаживать» (глава «Сладкое бремя славы»). При этом Швальба тянет в Северную Америку, а Остапа – в Южную: «“Америка” – вотъ это слово. Нисселя Швальба уже давнымъ давно тянуло въ “золотую страну”».

Съ дѣтства онъ мечталъ о томъ, чтобы разбогатѣть, а разбогатѣть можно только тамъ – *въ странѣ долларовъ*» ~ «*Рио-де-Жанейро* – это хрустальная мечта моего детства, – строго сказал великий комбинатор...» (глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»). Соответственно, Швальбъ мечтает о Нью-Йорке, а Бендер – о Рио-де-Жанейро: «Всѣ обстоятельства такъ сложились, что надо ѣхать въ Нью-Йоркъ» (глава 9-я) ~ «Я хочу уехать, товарищ Шура, уехать очень далеко, в Рио-де-Жанейро» (глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»). Но если Швальбу удастся реализовать свою мечту, поскольку он действует в свободной Англии, то план Остапа терпит крах, так как он живет в тоталитарном государстве, где граница закрыта.

Оба обладают внушительной внешностью, однако у Швальба она карикатурна, а Остап похож на Аполлона: «Круглый и толстый, какъ бочка, и вдвое выше своего брата; бритый съ постоянной сигарой во рту, съ котелкомъ набоку, довольный собой, вами, всѣмъ міромъ, громко смѣясь, онъ командовалъ гостями, словно они приѣхали къ нему лично, а не въ театръ» (глава 4-я) ~ «Перед ним сидел атлет с точеным, словно выбитым на монете, лицом» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»), «Однако, вспоминая оловянный взгляд и могучие плечи Остапа, Полесов крепился» («Двенадцать стульев»; глава «Баллотировка по-европейски»). Кстати, *могучим плечам* Остапа соответствуют *широкие плечи* Швальба: «...онъ прокладывалъ себѣ дорогу сквозь густую лондонскую публику своими широкими плечами...» (глава 9-я).

Если Швальб нравился актеру Лео Рафалеско «своей безконечной болтовней» (глава 4-я), то про Остапа во время его встречи со студентами-практикантами сказано: «...речь его лилась без задержки» («Золотой теленок»; глава «Дружба с юностью»).

Швальб всегда «подвижень, бодръ» (глава 4-я), а Остап говорит, что он «бодр и весел» («Двенадцать стульев»; глава «Междупланетный шахматный конгресс»).

Любовь Швальба к театру имеет аналогию в воспоминаниях Остапа: «Ниссель Швальбъ, какъ и его братъ Исаакъ, большой любитель театра» (5-я глава) ~ «О, запах кулис! Сколько воспоминаний! Сколько интриг! Сколько таланту я показал в свое время в роли Гамлета!» («Двенадцать стульев»; глава «В театре Колумба»).

Но, как ни странно, отношение к деньгам у этих комбинаторов диаметрально противоположное: «Что для Ниссея Швальба деньги?

“Деньги, говорить онъ, – послѣдняя забота. Я никогда не ходилъ искать денегъ, деньги меня искали!”» (глава 14-я). Остап же ищет их постоянно: «Джентльмен в поисках десятки», – говорит он о себе Балаганову в романе «Великий комбинатор» (глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»); и даже признаётся своим спутникам: «Шофер прав, – любезно отметил Остап, – денег действительно нет. Нет этих маленьких металлических кружочков, кои я так люблю» («Золотой теленок»; глава «Сладкое бремя славы»).

Деятельность Швальба связана исключительно с еврейскими театрами, и, хотя действие происходит в Лондоне, внешность, манеры и речевые обороты Швальба выдают в нем одесского еврея, поскольку сам Шолом-Алейхем с октября 1891 года до мая 1893-го жил в Одессе. Остап же подчеркнуто интернационален, при том что и он, и его спутник Паниковский – тоже евреи, как и один из авторов романа – Илья Ильф. А действие в «Золотом теленке» вновь происходит в Одессе, так как Ильф и Петров были одесситами. Что же касается замены Одессы на Черноморск, то данный прием впервые был использован Шолом-Алейхемом в очерках «Типы “Малой биржи”», опубликованных в 1892 году в «Одесском листке»⁸⁷³. И там цитировалась заметка из черноморской газеты «о некоем N, который в течение трех-четырёх дней выиграл на разнице в курсе не больше и не меньше, как сто тысяч рублей. Таким образом, по воле слепой фортуны вчерашний биржевой заяц, легши бедняком, сегодня проснулся Крезом...». Близкая тема поднимается в «Двенадцати стульях»: «Откуда у вас все это? – завистливо спросил Остап. – Сто тысяч выиграла?» (глава «Землетрясение»).

Приведем также шуточную запись Ильфа за сентябрь 1936 – апрель 1937 годов: «Шолом-Алейхем приезжает в Турцию. “Селям алейкум, Шолом-Алейхем”, – восторженно кричат турки. “Бьем челом”, – отвечает Шолом»⁸⁷⁴.

Еще одним возможным литературным прототипом Остапа Бендера является ловкач Симон де Торвиль из романа Фрэнсиса де Миомандра «Золотой телец или разъяренная корова» (Francis de Miomandre. «Le Veau d'or et la Vache enragée»), опубликованного в 1917 году во Франции, а в 1924-м – в СССР⁸⁷⁵. Данный роман фактически прошел мимо внимания исследователей творчества Ильфа и Петрова⁸⁷⁶, хотя параллели между Торвилем и Бендером заслуживают упоминания, а «Золотым тельцом» в свое время восхищался даже Марсель Пруст (июнь 1917): «I'm reading, too slowly because of my eyes, *Le Veau d'or and La Vache enragée*, a book I admire greatly.

Please accept, Madame la Duchesse, my most respectful regards.

Marcel Proust»⁸⁷⁷.

Действие в «Золотом тельце» происходит на юге Франции – в Марселе, а в «Золотом теленке» – на юге Украины (в Черноморске – Одессе).

---

⁸⁷³ Отмечено: Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 359.

⁸⁷⁴ Ильф И. Записные книжки 1925–1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 545.

⁸⁷⁵ Миомандр Ф. де. Золотой телец / Пер. с франц. Ады Оношкевич-Яцына; ред. М. Лозинского. М. – Л.: Государственное издательство, 1924. 248 с.

⁸⁷⁶ Единственное его упоминание и сопоставление с диалогией о Бендере присутствуют в книге: Ершов Л.Ф. Советская сатирическая проза. М.; Л.: Худ. лит., 1966. С. 173 – 175.

⁸⁷⁷ Proust M. Selected Letters: 1910 – 1917. Vol. I. London: HarperCollinsPublishers Ltd., 1992. P. 381.

В квартире Симона де Торвиля «на камине, над хаосом из образчиков минералов красовался бюст энергичного Наполеона», который вдохновляет героя на различные авантюры, а на груди великого комбинатора вытатуирован портрет Наполеона, держащего в руке пивную кружку.

В одном из эпизодов Торвиль использует Константина Зомса – лакея-управителя «Большого кафе трех наций», организованного женой Торвиля, – как подставное лицо при заключении сделки, а Бендер использует зицпредседателя Фунта в «Золотом теленке» для работы в конторе «Рога и копыта». Данная контора создана с целью легального прикрытия Бендера и его спутников, охотящихся за миллионером Корейко. Подобную же функцию в романе Миомандра выполняет «Акционерное общество охотников», созданное для эксплуатации животных на несуществующем африканском озере Фатима. Но все финансовые авантюры Торвиля, гонящегося за золотым тельцом, терпят крах, хотя действие происходит в капиталистической Франции. А Бендеру вроде бы удастся добыть миллион, но и он его скоро лишается, поскольку не может убежать из социалистической России.

И еще одна деталь. Богатая родственница Торвиля Батильда Брусваль мечтает о реставрации во Франции королевской монархии, что напоминает настроения участников «Тайного союза меча и орала», которые надеются на возвращение в России царской власти («Двенадцать стульев»).

Прототипами великого комбинатора можно считать и двух героев романа Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» (1884): это мошенники, называющие себя герцог и дофин (король). Причем уже здесь возникает сходство с родословной Остапа, который в «Двенадцати стульях» именуется сыном графини (глава «И др.»), но, в отличие от героев Твена, судя по всему, говорит правду.

Герцогу «лет тридцать» (глава 19), что является «промежуточным» возрастом Остапа, которому в «Двенадцати стульях» было 27 лет, а в «Золотом теленке» – 33.

Герцог сетует: «Я один на всем свете...» (глава 20); и о том же скажет Остап Балаганову: «...я один на белом свете» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»).

Герцог называет своего напарника короля *ваша светлость* (глава 20), а Остап именуется Воробьянинова *особой, приближенной к императору* («Двенадцать стульев»; глава «Союз меча и орала» и др.). Кстати, в обоих случаях главный мошенник намного моложе своего компаньона.

В главе «Союз меча и орала» Остап собирает деньги с жителей Старгорода якобы на помощь беспризорным детям, а король на молитвенном собрании в Поквилле собирает с прихожан дань, представившись бывшим пиратом, который плывал в Индийском океане, но теперь раскаялся в своих преступлениях и собирается вернуться к пиратам, чтобы наставить их на путь истинный (глава 20). То есть оба «бьют на жалость». В результате выручка Бендера составила пятьсот рублей, а улов короля – восемьдесят семь долларов семьдесят пять центов.

Род деятельности герцога: «...выступаю на сцене – я, знаете ли, трагик; при случае занимаюсь гипнозом и френологией, для разнообразия даю уроки пения и географии; бывает, и лекцию прочту – да мало ли что еще. Берусь за все, что ни подвернется, лишь бы не работать» (глава 19), – имеет сходства с занятиями Бендера, который был и трагиком – играл Гамлета («Двенадцать стульев»; глава «В театре Колумба»), и читал лекцию в Васюках (глава «Междупланетный шахматный конгресс»). А гипнозу, который показывал на своих выступлениях герцог, соответствует роль жреца и йога из афиши Остапа («Золотой теленок»; глава «Антилопа-Гну»). Также у обоих имеется с собой походный саквояж, где хранятся афиши их выступлений:

1) Герцог слазил к себе в саквояж, вытащил целую кипу маленьких печатных афиш и стал читать нам вслух. В одной афише говорилось, что «знаменитый доктор Арман де Мон-

тальбан из Парижа прочтет лекцию “О науке френологии” – там-то и там-то, такого-то числа, такого-то месяца, вход десять центов – и “за двадцать пять центов будет определять характер и способности”». Герцог сказал, что он и есть этот самый доктор. В другой афише он именовался «всемирно известным трагиком, исполнителем шекспировских пьес Гарриком Младшим из лондонского театра Друри Лэйн». В остальных афишах он под другими фамилиями тоже проделывал разные удивительные вещи: например, отыскивал воду и золото с помощью орехового прута, снимал заклятия и так далее» (глава 20).

2) – Моя правая рука, – сказал великий комбинатор, похлопывая саквояж по толстенькому колбасному боку. <...>

Бендер присел над чемоданчиком <...> Сперва он вынул красную нарукавную повязку, на которой золотом было вышито слово «распорядитель». Потом на траву легла милицейская фуражка с гербом города Киева, четыре колоды карт с одинаковой рубашкой и пачка документов с круглыми сиреневыми печатями. <...> Затем на свет были извлечены: азбука для глухонемых, благотворительные открытки, эмалевые нагрудные знаки и афиша с портретом самого Бендера в шалварах и чалме. На афише было написано:

!!! ПРИЕХАЛ ЖРЕЦ !!!

знаменитый бомбейский брамин (йог)

<...>

(заслуженный артист союзных республик)

номера по опыту Шерлока Холмса.

Индийский факир. – Курочка невидимка. –

Свечи с Атлантиды. – Адская палатка. –

Пророк Самуил отвечает на вопросы публики. –

Материализация духов и раздача слонов

Входные билеты от 50 к. до 2 р.⁸⁷⁸

Кроме того, оба хранят в саквояжах специальную одежду: если герцог «вытащил два-три костюма из занавесочного ситца и сказал, что это средневековые доспехи для Ричарда III и его противника, и еще длинную ночную рубашку из белого колена-кора и чепец с оборками» (глава 20), то из саквояжа Бендера «грязная, захватанная руками чалма появилась вслед за афишей», а перед этим он достал докторский халат.

Герцог в роли доктора френологии (наука, изучающая психику человека по строению черепа) «определяет характер и способности», а Остап, достав докторский халат, говорит: «...я невропатолог, я психиатр. Я изучаю души своих пациентов».

Роль принца датского, вспомнившаяся Остапу: «Сколько таланту я показал в свое время в роли Гамлета!» («Двенадцать стульев»; глава «В театре Колумба»), – коррелирует с высокой оценкой данной роли герцогом, который просвещает своего напарника: «Монолог Гамлета! Ну как же – самое прославленное место из Шекспира! Божественная вещь!» (глава 21); и в итоге уговаривает его устроить в штате Арканзас спектакль, на афише которого написано: «ВОЗРОЖДЕНИЕ ШЕКСПИРА!!! <...> БЕССМЕРТНЫЙ МОНОЛОГ ГАМЛЕТА!!!» (глава 21). Тройные восклицательные знаки и слова прописью позднее перейдут в афишу Остапа: «!!! ПРИЕХАЛ ЖРЕЦ !!! знаменитый бомбейский брамин (йог)» («Золотой теленок»; глава «Антилопа-Гну»).

Гек Финн вспоминает, что, когда они оказались в Арканзасе, «герцог снял залу суда, и мы пошли *расклеивать афиши*», извещающие о спектаклях «Ромео и Джульетта», «Ричард III» и «Гамлет» (глава 21). А Воробьянинов в Васюках «налепливал на стены *рукописные афиши*» о сеансе одновременной игры; про Бендера же сказано: «Заарендовав клуб за три рубля, он перебросился в шахсекцию, которая почему-то помещалась в коридоре управления коннозаводством».

---

⁸⁷⁸ Почему Остап выступает в образе индийского факира, поясняет фельетон Ильфа «Нарсудья – победитель факиров»: «Нарсудья стал гипнотизером. Дубров стал Сен-Вербудом. <...> В городе Козлове гастроль бывшего нарсудьи, а ныне индуса Сен-Вербуда, вызвала блестящий переполох» (Чудак. М., 1928. № 1. Дек. С. 8). Город Козлов (с 1932 года – Мичуринск) расположен в Тамбовской области.

Афиши герцога и короля гласили: «Знаменитые трагики»; а афиша Остапа: «знаменитый бомбейский брамин (йог)» («Золотой теленок»; глава «Антилопа-Гну»). Причем если герцог называет тех, кто пришел на его спектакли по Шекспиру «арканзасскими олухами» (глава 22), то Остап подобным же образом охарактеризует васюкинских любителей: «Я не думаю, чтобы мастера шахмат приехали к таким дуракам, как вы, даже если бы я их об этом просил».

Увидев, что их надули, зрители «повскакали с мест и полезли было ломать сцену и бить актеров» (глава 23). А у васюкинцев, понявших, что их обманули, тоже возникло желание избить гроссмейстера и его сообщника: «Господа! – воскликнул вдруг Ипполит Матвеевич петушиным голосом. – Неужели вы будете нас бить?! – Еще как! – загремели васюкинские любители, собираясь прыгать в лодку».

Готовясь к очередному спектаклю, герцог и король приняли меры предосторожности: «Вернувшись с королем и герцогом к себе на плот, мы поужинали вместе, а потом, около полуночи, они велели нам с Джимом вывести плот на середину реки, спуститься мили на две ниже города и там где-нибудь его спрятать» (глава 23). И ровно такой же приказ Бендер отдаст Воробьянинову, готовясь к бегству после сеанса одновременной игры: «Нате вам пять рублей, идите на пристань, наймите лодку часа на два и ждите меня на берегу пониже амбара». Совпадают даже конструкции: «мили на две ниже города» = «пониже амбара». А слова Бендера «идите на пристань, наймите лодку» похожи на обращение герцога к Геку Финну в перерыве спектакля: «Иди теперь быстрее, а когда отойдешь подальше от домов, беги к плоту во все лопатки, будто за тобой черти гонятся!». После этого Гек рассказывает: «Мы прибежали к плоту в одно и то же время и меньше чем через две секунды уже плыли вниз по течению...». Это напоминает действия Бендера после сеанса: «Выбежав на берег, Остап уклонился вправо, ища глазами лодку с верным ему администратором. <...> Остап бухнулся на скамейку и яростно стал выгребать от берега». После этого герцог вновь отзывается о зрителях как о «простофилях, олухах», а Бендер называет васюкинских любителей дураками. Что же касается гонорара герцога и короля за спектакли, то он составил 465 долларов, а выручка Бендера – 50 рублей.

Герцог говорит, что «он играл глухонемых на театральных подмостках» (глава 24). Король же скажет про настоящего глухонемого: «И до чего кстати для обманщика, если он не знает азбуки глухонемых!» (глава 29). А Остап извлек из саквояжа «азбуку для глухонемых» («Золотой теленок»; глава «Антилопа-Гну»).

Это всё, что касается переключек с «Приключениями Гекльберри Финна». Но, как ни странно, «Приключения Тома Сойера» не содержат почти никаких параллелей с диалогией о Бендере, кроме одной – Том не хочет быть примерным мальчиком, а Остап не желает становиться первым учеником: «Том не был Примерным Мальчиком, каким мог бы гордиться весь город. Зато он отлично знал, кто был примерным мальчиком, и ненавидел его» (глава 1) ~ «Я не люблю быть первым учеником и получать отметки за внимание, прилежание и поведение» («Золотой теленок»; глава «Кавалер ордена Золотого Руна»).

И в завершение темы приведем слова Виктора Шкловского: «Ильф и Петров – чрезвычайно талантливые люди.

Когда я их вижу, я вспоминаю Марка Твена. Мне кажется, что чуть печальный Ильф с губами, как бы тронутыми черным, что он – Том Сойер. <...> Петров – Гек Финн – видит в вещи не больше самой вещи; мне кажется, что Петров смеется, когда пишет»⁸⁷⁹.

Очередным зарубежным литературным прототипом Бендера является главный герой романа Ильи Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921), изданного в 1922 году в Берлине издательством «Геликон».

---

⁸⁷⁹ Шкловский В. «Юго-Запад» // Литературная газета. 1933. 5 янв. № 1. С. 3.

В 1927-м роман дважды переиздавался в СССР, и одно из этих изданий успели прочитать Ильф и Петров перед тем, как приступили к написанию «Двенадцати стульев»⁸⁸⁰. И уже в 1929 году литературный критик А. Тарасенков написал, что тип Остапа Бендера – «это осмеянный и сниженный эренбургский Хулио-Хуренито»⁸⁸¹.

Оба персонажа относятся к так называемым демоническим личностям⁸⁸².

Наряду с этим оба являются атеистами и не верят в загробную жизнь.

Хуренито говорит ученикам: «Идет безверье, то есть валюта страны небесной обесценена до крайности» (глава 4). А Остап повторит эту мысль своим спутникам: «Небо теперь в запустении. Не та эпоха. Не тот отрезок времени. Ангелам теперь хочется на землю» («Золотой теленок»; глава «Блудный сын возвращается домой»).

Хуренито обличает служителей культа: «...вы, пришептывающие при сделках всяческие возвышенные словечки, патеры, пасторы, попы и равнины – какой притон не покраснеет от вашего присутствия?» (глава 6). И такое же отношение будет у Остапа: «Великий комбинатор не любил ксендзов. В равной степени он отрицательно относился к раввинам, далай-ламам, попам, муэдзинам, шаманам и прочим служителям культа» («Золотой теленок»; глава «Блудный сын возвращается домой»).

Во время первой встречи с Хуренито автор принимает его за черта, но тот угадывает его мысли и отвечает: «Я знаю, за кого вы меня принимаете. Но его нет» (глава 1). Кроме того, «Учитель не хотел верить ни в жертвы, ни в Христа, ни в божественное начало» (глава 17). И Остап во время диспута с ксендзами скажет: «Эй вы, херувимы и серафимы! Бога нет! <...> Вот видите, – крикнул Остап опечаленным ксендзам, занимая командорское место, – я же говорил вам, что бога нету! Научный факт!» (глава «Блудный сын возвращается домой»).

Если Хуренито «снова усмехнулся, показав зубы, столь ровные и белые, что мне вспомнилась реклама в трамваях “Употребляйте только пасту Дентоль”...» (глава 1), то во время схватки с Корейко «великий комбинатор сердечно *улыбался, показывая белые кукурузные зубы*» (глава «Командовать парадом буду я»).

Хуренито при крещении получил имя «Хулио-Мария-Диего-Пабло-Анхелина» (глава 2), а полное имя Остапа выглядит так: «Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендер-бей». Помимо одинаковых конструкций, совпадает и один из компонентов имени – Мария.

Испробовав, подобно Остапу, множество занятий, 17 сентября 1912 года Хуренито решает изменить свою жизнь: «Таким образом, этот день является датой постижения Хуренито своей миссии – быть великим провокатором» (глава 2). А Остап Бендер в «Двенадцати стульях» и «Золотом теленке» назван великим комбинатором. При этом «Остап озабочен лишь идеей своего персонального рая, не претендуя – как Хулио Хуренито на роль “великой повитухи истории”, обоих роднит беспокойный дух авантюриности, а также амплуа странствующих философов, учителей жизни. Можно сказать, Великий комбинатор – младший брат Великого провокатора. Но есть у

---

⁸⁸⁰ *Эренбург И.* Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. М.; Л.: Госиздат, 1927. 266 с. Далее ссылки на роман даются по этому изданию без указания страниц.

⁸⁸¹ *Тарасенков А.* Книга, о которой не пишут // Литературная газета. 1929. 17 июня. № 9. С. 4.

⁸⁸² В эту же категорию следует зачислить лермонтовского Демона. Казалось бы, сюда примыкает и Воланд, однако он является дьяволом лишь формально, а по сути олицетворяет собой справедливость и порядок, то есть выполняет функцию Бога, так же как и граф Монте-Кристо, присвоивший себе право «наградить и карать». Вместе с тем их роднит холодно-отстраненный, философский взгляд на людей и на события, хотя у Воланда и Монте-Кристо – это опять же не более чем маска. И отношение к Богу у Хуренито и Воланда – диаметрально противоположное: «Но ведь на чем-нибудь всё это держится? Кто-нибудь управляет этим испанцем? Смысл в нем есть?..» (глава 1), – пытается автор убедить Хуренито в существовании Бога, но тот в ответ разводит атеистическую демагогию. А в «Мастере и Маргарите» возникает обратная ситуация, поскольку уже Воланд убеждает атеистов Берлиоза и Бездомного в том, что Бог есть: «Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?».

них и общий литературный предок – Великий инквизитор из романа Достоевского “Братья Карамазовы”. Читатель отсылается к нему уже на первых страницах книги Эренбурга, где автор принимает Хулио Хуренито за “своего” черта. Текстуально же Великий инквизитор появляется в названии главы, посвященной одному из высоких кремлевских лидеров большевистской партии как недвусмысленная характеристика его образа»⁸⁸³. Речь идет о главе «Великий Инквизитор вне легенды», где Хуренито навещает в Кремле Ленина.

В начале 5-й главы романа Эренбурга автор рассказывает: «...мы отправились в Голландию, где у Хулио Хуренито был ряд дел: заседание пайщиков “О-ва канализации острова Явы”, доклад в гаагском “Трибунале мира”, закупка большой партии картин мастеров семнадцатого века, кофе и ножей людоедов с прелестной резьбой по рисункам немецкого экспрессиониста Отто». Сразу вспоминается «заседание пайщиков» Бендера и Воробьянинова: «В театре не осталось никого, кроме членов-пайщиков концессионного предприятия» («Двенадцать стульев»; глава «Землетрясение»). Очевидной аналогией «докладу в гаагском “Трибунале мира”» является «небольшой доклад в Малом Совнарком», который выдумывает Остап, чтобы объяснить своей жене внезапный отъезд (глава «Знойная женщина, мечта поэта»). А что касается «закупки большой партии картин мастеров семнадцатого века», то она отсылает к самому первому проекту Остапа, который он придумал, лежа в дворницкой: «А можно было завтра же пойти в Стардеткомиссию и предложить им взять на себя распространение еще не написанной, но гениально задуманной картины “Большевики пишут письмо Чемберлену”, по популярной картине художника Репина – “Запорожцы пишут письмо султану”. В случае удачи этот вариант мог бы принести рублей четыреста» (глава «Великий комбинатор»)»⁸⁸⁴.

В концовке 5-й главы Хуренито классифицирует чувства Алексея Тишина по поводу смерти его возлюбленной: «Учитель шепнул мне: “Начинается! он уже ищет утешения”. <...> Хуренито заметил: “Дальнейшая фаза – он ищет забвения”». Подобным же образом выскажется «холодный философ» Бендер: «Паниковский бежит! – закричал Балаганов. – Вторая стадия кражи гуся, – холодно заметил Остап. – Третья стадия начнется после поимки виновного. Она сопровождается чувствительными боями» («Золотой теленок»; глава «Бензин ваш – идеи наши»)»⁸⁸⁵.

Обращение Хуренито к Тишину: «Что ты наделал, Алексей Спиридонович?» (глава 6), – также отозвалось в «Золотом теленке»: «Что же ты наделал, бухгалтер Берлага!» (глава «Ярбух фюр психоаналитик»).

Хуренито говорит автору о своем новом компаньоне – Эрколе Бамбучи: «Они удивляются, – сказал мне Учитель, – почему я вожу с собой этого босяка» (глава 7). А Остап то же самое скажет Воробьянинову: «У вас просто босяцкий вид. У гроссмейстера не может быть таких подозрительных знакомых» («Двенадцать стульев»; глава «Междупланетный шахматный конгресс»); и Балаганову: «Вы оборванец» («Золотой теленок»; глава «Сладкое время славы»).

Хуренито решает купить костюм для одетого в тряпье Бамбучи, и Остап покупает одежду для своих спутников: «Хуренито предложил ему заехать в магазин и выбрать одежду по своему вкусу. Итальянец оказался очень скромным, он решительно отказался от костюма, но взял высокий лакированный цилиндр, несмотря на жару, зимнюю куртку для шофера с козым мехом наружу и, наконец, кальсоны “зефир” лососинного цвета в изумрудную полоску, которыми немедленно заменил тряпицы, исполнявшие роль штанов» (глава 7) ~ «В магазине автомобилисты задержались

⁸⁸³ Мочалов Л. Раннее Евангелие Постмодернизма, или «При наличии отсутствия» // Нева. СПб., 1994. № 4. С. 194.

⁸⁸⁴ Отмечено: Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 518 – 519.

⁸⁸⁵ Отмечено: Там же. С. 371.

недолго. Для Балаганова нашлась ковбойская рубашка в просторную канареечную клетку и стетсоновская шляпа с дырочками. Козлевичу пришлось удовольствоваться обещанным хромовым картузом и такой же тужуркой <...>. Долго возились с Паниковским. <...> Магазин мог предложить только костюм пожарного: куртку с золотыми насосами в петлицах и волосатые полушерстяные брюки и фуражку с синим кантом» («Золотой теленок»; глава «Сладкое бремя славы»)⁸⁸⁶.

Хуренито со своими учениками катается на извозчике, а Остап и его спутники – на машине «Антилопа-Гну».

Оба героя, осуществляя свои проекты, выезжают в командировку: «В марте месяце Учитель объявил, что ему необходимо на несколько недель съездить в Германию» (глава 10) ~ «В конце июля Остап собрался в командировку, на Кавказ. Дело требовало личного присутствия великого комбинатора в небольшой виноградной республике» («Золотой теленок»; глава «Блудный сын возвращается домой»). Однако, в отличие от Бендера, Хуренито берет учеников с собой.

Также оба контактируют с необходимыми для дела людьми: «Часто он уходил от нас, и я встречал его в обществе самых различных людей...» (глава 10) ~ «...начальник отделения носился по городу в желтом автомобиле и находил людей и людшек, о которых миллионер-конторщик давно забыл, но которые хорошо помнили его самого» («Золотой теленок»; глава «Блудный сын возвращается домой»); и заняты письменными исследованиями: «Ночи напролет он сидел над скучными изысканиями, как то: статистикой германского или английского экспорта, продукцией различных угольных бассейнов и прочим» (глава 10) ~ «За письменным столом, освещенным боковым светом сильной штепсельной лампы, сидел Остап Бендер и что-то быстро писал. <...> великий комбинатор заканчивал жизнеописание Александра Ивановича Корейко» (глава «Командор танцует танго»).

Совпадает мироощущение Хуренито и его учеников, оказавшихся в Германии, с положением Бендера и его спутников после взрыва «Антилопы»: «Итак, мы попали в Германию и, надо признаться, чувствовали себя там не слишком хорошо» (глава 10) ~ «Никогда еще им не было так тесно и неудобно на свете» (глава «Три дороги»); причем поведение одного из учеников Хуренито напоминает Паниковского: «Больше всех страдал Эрколе, и его страдания становились уязвимым местом нашего бюджета» ~ «Паниковского они настигли только километра через три. Он лежал в придорожной траве и громко жаловался. <...> “Старик стал невозможным! – сказал голодный Бендер. – Придется его рассчитать”».

Однако позднее Хуренито будет ездить один, как и Бендер: «Учитель беспрерывно уезжал из Парижа то в Германию, то в Вену, то в Лондон. Он категорически отказался рассказать что-либо об этих поездках...» (глава 12). А автора одолевают сомнения: «“Что делает Учитель?” – в муке думал я, сидя в “Ротонде”, которую еще более оценил, как место моего обращения. Создает ли он новую религию? Или хочет взорвать дворец какого-нибудь раджи?». Такие же сомнения высказывает один из спутников Остапа: «Знаете, Шура, – продолжал Паниковский, – я как-то перестал доверять Бендеру. Он что-то не то делает» (глава «Командор танцует танго»). Еще одно подобное сходство: «Отчего я один, покинутый Учителем, должен страдать здесь?» ~ «И зачем, спрашиваю я, он ездил на Кавказ? <...> А я вынужден отказывать себе в кефире, который нужен мне для здоровья».

В 13-й главе романа Эренбурга, с началом Первой Мировой войны, Хуренито покидает своих учеников и спешит на вокзал. А в «Золотом теленке» Остап, в погоне за миллионом Александра Корейко, тоже расстается со своими спутниками – Балагановым и Козлевичем – и вскакивает на подножку уходящего поезда (глава «Три дороги»).

---

⁸⁸⁶ Отмечено: *Щеглов Ю.* Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 415.

После долгого отсутствия Хуренито появляется перед спавшим в гостинице автором, так же как и Бендер перед спящим на вокзале Балагановым: «В майское утро, когда, вернувшись с работы, я беспокоило спал в грязной каморке пригородной гостиницы...» (глава 14) ~ «Он сощурился, подошел поближе и некоторое время разглядывал спящего» (глава «Врата великих возможностей»); «Да, да, это был Учитель! Он поправился, сильно загорел и отпустил небольшие усики» ~ «Остап похудел, в глазах появилась рассеянность, лицо было покрыто колониальным загаром». Разница лишь в том, что первый поправился, а второй похудел.

Обращение Хуренито к автору перед аудиенцией у министра: «Видишь ли, я теперь полномочный представитель Лабарданской республики, а ты мой секретарь...» (глава 14), – перейдет в обращение Бендера к Воробьянинову после посадки на паром «Скрябин»: «А потом вот что: я – художник, окончил ВХУТЕМАС, а вы – мой помощник» («Двенадцать стульев»; глава «Волшебная ночь на Волге»).

Дальнейшие же наставления Хуренито: «Если ты не можешь вообще перестать переживать, то, во всяком случае, *молчи*. Говорить буду я, а если тебя спросят – отвечай что-нибудь невинное, например “мерси”», – отразятся в инструкциях Остапа своему компаньону перед собранием «Союза меча и орала»: «Вам придется побыть часок гигантом мысли и особой, приближенной к императору. <...> Не задумывайтесь. *Молчите*. И не забывайте надувать щеки»⁸⁸⁷. Здесь вымышленный «Союз меча и орала» соответствует несуществующей Лабарданской республике.

Оба стоически переносят жизненные испытания: оказавшись в немецком лагере для военнопленных, Хуренито «с аппетитом хлебал лагерную бурду, пребывая *бодрым, здоровым и веселым*» (глава 22), а Бендер, с трудом удрав от васюкинцев, говорит Воробьянинову: «Мне чуть голову не оторвали. И я – ничего. *Бодр и весел*» («Двенадцать стульев»; глава «Междупланетный шахматный конгресс»).

После побега из немецкого плена в СССР Хуренито становится на сторону большевиков и поддерживает уничтожение ими свободы, говоря, что нужно также уничтожить всё искусство, поскольку оно будет подрывать советский строй. Но в итоге, устав от своих авантюр, говорит автору: «Видишь ли, в чем дело, Эренбург, мне надо умереть, потому что свои дела я закончил! <...> Мне окончательно все надоело» (глава 33). В похожем ключе выскажется и Остап: «Мне очень плохо, Адам. <...> я не хочу жить вечно. Я хочу умереть» (глава «Его любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина – зубной техник»).

Прославляя большевистский эксперимент, Хуренито, тем не менее, говорит в своем прощальном монологе: «...надо торопить неизбежную стрелку событий, войн, революций <...> А мне что-то больше не хочется. Я сыт по горло...» (глава 34). Остап же скажет Балаганову о советской власти: «Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм» (глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»).

Сказав так много о сходствах между этими персонажами, необходимо остановиться и на отличиях, которые весьма существенны.

Хуренито – типичный разрушитель: «Вспомните, мы хотим всё разрушить», – говорит он автору в третьей главе. Бендер же соблюдает нейтралитет по отношению к окружающей его действительности.

Хуренито участвовал в мятежах и убивал людей: «...просто и буднично убивал других» (глава 2). Более того, во время Первой Мировой войны он «стремился найти различные, доселе неиспользованные способы умерщвления людей. Уже удушающие газы и насосы с пылающей жидкостью, о которых он писал в 1913 году, казались ему детской забавой. <...> Хуренито обратился к властям с просьбой предоставить ему для важных опытов партию военнопленных, но из-за предрассудков ему было в этом отказано.

---

⁸⁸⁷ Отмечено: *Щеглов Ю.* Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 183 – 184.

Однажды Учитель вышел ко мне веселый и оживленный; несмотря на все затруднения, он нашел средство, которое значительно облегчит и ускорит дело уничтожения человечества» (глава 16). А Бендер в разговоре с Балагановым специально подчеркивает: «Заметьте себе, Остап Бендер никого не убивал» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»).

Став комиссаром ВЧК, Хуренито едет в город Кинешму (Ивановская область), где подписывает чудовищные декреты (глава 25), что согласуется с его имиджем разрушителя. Для Остапа же работа чекистом преступна: «Я старый профессор, бежавший из полуподвалов московской чека! Ей-богу, еле вырвался!», – говорит он румынским пограничникам в последней главе «Золотого теленка».

Оказавшись в Москве, Хуренито приветствует уничтожение большевиками свободы, причем настолько рьяно, что те приговаривают его к расстрелу, но заменяют «принудительными работами и содержанием в концентрационном лагере вплоть до окончания гражданской войны» (глава 25), а великий комбинатор, напротив, задыхается в условиях советского общества: «Вот навалился класс-гегемон, – сказал Остап печально...» («Золотой теленок»; глава «Его любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина – зубной техник»).

Образ Хуренито во многом списан с главного героя книги Ницше «Так говорил Заратустра» (1885) – то же циничное многословие, возведенное в квадрат, то же отрицание ценности человеческой жизни и позиционирование себя как нового пророка, который на деле является лжепророком. Бендер же, хотя и часто выступает в роли Христа, ведет себя всё же по-человечески и называет себя неудавшимся пророком: в романе Эренбурга автор становится учеником Хуренито, именуя того Учителем, а Бендер сетует, что ему тридцать три года, но он до сих пор «учения не создал, учеников разбазарил, мертвого Паниковского не воскресил» («Великий комбинатор»; глава «Адам сказал, что так нужно»).

Хуренито родился 25 марта 1888 года в Мексике. Следовательно, 26 марта 1913-го, когда его впервые встретил автор в кафе «Ротонда» на бульваре Монпарнас, ему только что исполнилось 25; комиссаром ВЧК он становится в 31 год, а убивают его в неполных 33 (12 марта 1921 года). Бендеру же в «Двенадцати стульях» – 27 лет, а в «Золотом теленке» – 33.

Важнейшим литературным прототипом великого комбинатора является также Шерлок Холмс⁸⁸⁸. Как справедливо написал Юрий Щеглов: «Ильф и Петров нередко заимствуют из шерлокхолмсовского цикла не только отдельные детали, но и целые сюжетные схемы и блоки»⁸⁸⁹. Это подтверждается множеством наблюдений.

Уже современники Ильфа и Петрова отмечали, что интрига «Двенадцати стульев» построена на поиске бриллиантов, наподобие рассказа Конан Дойля «Голубой карбункул»: «Думаю также, что зерно сюжета заимствовано у другого любимого автора – Конан-Дойля.

Не один раз Ильф рассказывал нам в разных вариантах историю о голубом “брильянте”. В основе истории лежал известный рассказ Конан-Дойля о том, как рождественский гусь проглотил драгоценный камень»⁸⁹⁰. Впрочем, поэтесса Тая Лишина, познакомившаяся с Ильфом в Одессе летом 1920 года, говорила о том, что сюжет с

---

⁸⁸⁸ Рассказы о нем издавались как до революции, так и после нее: *Конанъ-Дойль А.* Воскресший Шерлокъ Холмсъ: новейшія похождения знаменитаго сыщика. Издание второе. М.: Соколь, 1900. 270 с.; *Конанъ-Дойль А.* Приключенія Шерлока Холмса. *Пестрая лента* и другие рассказы. М.: Изд. и тип. т-ва И.Д. Сытина и К°, 1908. 109 с.; *Конанъ Дойль А.* Полное собрание сочинений. Въ 22-хъ книгахъ. Спб.: Изд. и тип. Сойкина, 1909 – 1911; *Конан Дойль А.* Последний привет Шерлока Холмса. Берлин: Аргус, 1923. 159 с.; *Конан-Дойль А.* Шерлок Холмс. Рассказы. Л.: Б-ка Всемирной литературы, 1927. 342 с.

⁸⁸⁹ *Щеглов Ю.* Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 308.

⁸⁹⁰ *Бондарин С.* Милые давние годы // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 61.

погоней за бриллиантами крутился в голове Ильфа уже в самом начале 1920-х годов, еще до его переезда в Москву: «Рассказчик он был превосходный. Из вечера в вечер, когда я болела, он рассказывал придуманную им занимательную историю о голубом бриллианте (он почему-то произносил это слово с ударением на первом слоге). В этом рассказе, так и не законченном из-за моего выздоровления, помнится, были груды бриллиантов, среди которых надо было найти единственный голубой, обладавший великой силой исцеления всех болезней; были прекрасные руки какой-то леди, топор палача, голодные бунты нищих, часы Вестминстерского аббатства, погоня за похитителями в дилижансах, фиакрах, омнибусах. Обо всем этом рассказывалось весело, занимательно, замысловато...»⁸⁹¹.

А Валентин Катаев, подаривший соавторам сюжет со стульями, вспоминал: «Сюжет не бог весть какой, так как в литературе уже имелось “Шесть Наполеонов” Конан-Дойля...»⁸⁹². Действительно, и «Голубой карбункул», и «Шесть Наполеонов» содержат в зародыше фабулу «Двенадцати стульев». Например, визит к архивариусу Коробейникову Остапа, обманом получившего ордера на гамбсовский гарнитур, и следующее за ним появление у Коробейникова отца Федора в некоторых чертах повторяют сюжетную линию «Голубого карбункула»: «Выясняя маршрут рождественского гуся, в зобу которого был найден драгоценный камень, Шерлок Холмс хитростью выведывает у торговца битой птицей в Ковент-Гардене адреса его поставщика и покупателя; как и в “Двенадцати стульях”, нужная информация отыскивается в товарных книгах. Когда сразу вслед за Холмсом к торговцу с такими же расспросами является другой искатель камня, тот его грубо гонит вон: “Надоели вы мне с вашими гусями!” (Коробейников, напротив, беззлобно удивляется: “И чего это их на воробьяниновскую мебель потянуло?”)»⁸⁹³.

Что же касается рассказа «Шесть Наполеонов», то сюжет его состоит в поиске черной жемчужины Борджиив, спрятанной итальянцем Беппо в одном из шести гипсовых бюстов Наполеона. Выйдя на свободу после годичного заключения в тюрьме, Беппо стал охотиться за всеми бюстами и методично разбивать их в поисках жемчужины. Подобно этому, Бендер и Воробьянинов вспарывают один за другим стулья гамбсовского гарнитура в поисках сокровищ мадам Петуховой.

В результате Холмсу удается подстроить Беппо ловушку и захватить его после того, как он разбил пятый – предпоследний – бюст. А жемчужину Холмс обнаружил в шестом бюсте. Также и Остап погибает после вскрытия предпоследнего стула – накануне воображаемой победы. Но поскольку в романе действие происходит в эпоху социализма, сокровище из двенадцатого стула уже было давно извлечено и «перешло на службу другим людям».

Более того, убийство одним из искателей сокровищ своего компаньона восходит именно к «Шести Наполеонам», где Беппо убивает своего сообщника Пьетро Венуччи: «Шагнув в темноту, я споткнулся и чуть не упал на лежавшего там мертвеца. Я пошел и принес лампу. У несчастного на горле зияла рана. Все верхние ступени были залиты кровью. Он лежал на спине, подняв колени и раскрыв рот. Это было ужасно...» ~ «Он приблизился к изголовью и, далеко отставив руку с бритвой, изо всей силы косо всадил все лезвие сразу в горло Остапа. Сейчас же выдернул бритву и отскочил к стене. <...> Ипполиту Матвеевичу удалось не запачкаться в крови, которая полилась, как из лопнувшего пожарного шланга»⁸⁹⁴.

А встретившееся в «Шести Наполеонах» сравнение Холмса с тигром отзовется в главе «Союз меча и орала», где Остап сравнивается с барсом: «Холмс, как тигр,

⁸⁹¹ Лишина Т. Веселый, голый, худой // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. С. 75.

⁸⁹² Катаев В. Алмазный мой венец // Новый мир. 1978. № 6. С. 104.

⁸⁹³ Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. С. 156.

⁸⁹⁴ Отмечено: Клугер Д. Дело гражданина Корейко, или Следствие ведет знаток // Клугер Д. Тайна капитана Немо. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 86.

прыгнул ему на спину» ~ «Он прошелся по комнате, как барс». Оба животных относятся к семейству кошачьих.

В рассказе «Камень Мазарини» граф Сильвиус похитил бриллиант королевы, и Холмс ведет с преступником разговор тет-а-тет: «Холмс посмотрел на него в раздумье, словно гроссмейстер, собирающийся сделать решающий ход». Также и Остап во время сеанса одновременной игры в шахматы предстанет в образе гроссмейстера, которому необходимо «сделать решающий ход»: «С этими словами гроссмейстер, поняв, что промедление смерти подобно, зачерпнул в горсть несколько фигур и швырнул их в голову одноглазого противника» («Двенадцать стульев»; глава «Междупланетный шахматный конгресс»).

Симметричная ситуация наблюдается в концовке рассказа «Серебряный», где Холмс разоблачает Сайлеса Брауна, причастного к похищению лошади, участвующей в скачках, и в главе «Универсальный штемпель» романа «Золотой теленок», где Остап выводит на чистую воду начальника «Геркулеса» Полыхаева. В обоих случаях с наглыми и самоуверенными мошенниками после их разоблачения происходит кардинальная метаморфоза: «...меня поразила происшедшая с ним перемена: лицо у него стало пепельно-серое, лоб покрылся каплями пота, хлыст прыгал в трясущихся руках. Куда девалась наглая самоуверенность этого человека! *Он семенит за Холмсом*, как побитая собака.

– Я всё сделаю, как вы сказали сэр. Все ваши указания будут выполнены <...> Сделать всё, как было раньше?» ~ «Как хорошо, что сотрудники уже разошлись и в эту минуту не могли видеть своего начальника. В усах у него, как птичка в ветвях, сидела алмазная слеза. <...> *Он побежал за Остапом*, позорно улыбаясь и выгибая стан.

– Что же будет? – бормотал он, забегая то с одной, то с другой стороны. – Ведь я не погибну? Ну, скажите же, золотой мой, серебряный, я не погибну? Я могу быть спокоен? <...> Я ничего не утаил. Честное слово. Я могу быть спокоен. Правда?»⁸⁹⁵.

Заключительная фраза Холмса в рассказе «Пустой дом»: «...и отныне никто не помешает мистеру Шерлоку Холмсу заниматься разгадкой тех интересных маленьких загадок, которыми так богата лондонская жизнь», – имеет ту же конструкцию, что и обращение Остапа к своим спутникам в «Золотом теленке»: «...денег действительно нет. Нет этих маленьких металлических кружочков, кои я так люблю» (глава «Сладкое время славы»).

Совпадает также поведение героев в критических ситуациях: «Самообладание уже вернулось к Холмсу» («Знак четырех») ~ «К Остапу быстро вернулись вся его решительность и хладнокровие» («Двенадцать стульев»; глава «Экзекуция»). В обоих случаях герои являются сыщиками, которые ищут сокровища, с чем связана и другая переключка: «Шерлок Холмс весь преобразался, когда шел по горячему следу» («Гайна Боскомской долины») ~ «...вы присутствуете при замечательном событии: Остап Бендер идет по горячему следу» («Золотой теленок»; глава «Геркулесовцы»).

Оба являются мыслителями, которым нужно уединение: «Мне хотелось бы до вечера побыть одному. А после я с удовольствием обменяюсь с вами впечатлениями по поводу этой любопытной истории» («Собака Баскервилей») ~ «Мне необходимо пофилософствовать в одиночестве обо всем происшедшем и сделать необходимые прогнозы в будущее» («Золотой теленок»; глава «Погода благоприятствовала любви»); и дистанцируются от официоза: «Я неофициальное лицо» («Гайна Боскомской долины») ~ «Я – частное лицо и не обязан интересоваться силосными ямами, траншеями и башнями» («Золотой теленок»; глава «Кавалер ордена Золотого Руна»).

Наряду с этим каждый из них сравнивает себя с Наполеоном: «Это еще не Ватерлоо, Уотсон, но это уже Маренго. Начали с поражения, кончаем победой» («Убий-

---

⁸⁹⁵ Отмечено: Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. С. 557.

ство в Эбби-Грейндж») ~ «После битвы при Ватерлоо, – сказал Остап, – мир еще не видел поражения, подобного тому, которое мы понесли при Лучанске» («Золотой теленок»; глава «Овес и сено»).

А образ Наполеона Остап примерял к себе уже в «Двенадцати стульях», говоря о преследовании своего конкурента – отца Федора: «Битва при пирамидах или Бендер на охоте!» (глава «Под облаками») ⁸⁹⁶. Также и Ватсон сравнивает с охотником Холмса, преследующего полковника Морана: «Я еще не знал, какого хищного зверя нам предстояло выследить в темных джунглях лондонского преступного мира, но все повадки этого искуснейшего охотника сказали мне, что приключение обещает быть одним из самых опасных, а язвительная усмешка, появлявшаяся время от времени на аскетически строгом лице моего спутника, не предвещала ничего доброго для той дичи, которую мы выслеживали». Да и сам Холмс скажет пойманному Морану: «Этот пустой дом – мое дерево, а вы – мой тигр» («Пустой дом»). Остап же называл Корейко теленком: «Сейчас мы пойдем посмотреть на драгоценного теленочка при исполнении им служебных обязанностей» («Телеграмма от братьев Карамазовых»).

Холмс говорит Ватсону: «Наблюдательность – моя вторая натура» («Этюд в багровых тонах»). И это же качество отличает Бендера: «Вы, товарищи, из какого отдела будете? – Из отдела взаимных расчетов, – сказал наблюдательный Остап» («Двенадцать стульев»; глава «Волшебная ночь на Волге»).

Кстати, у обоих персонажей были реальные прототипы: у Холмса – доктор Джозеф Белл, учитель Конан Дойля; а у Бендера – Осип Шор, приятель Валентина Катаева.

Прием, использованный в рассказе «Глория Скотт», отзовется в прощальном монологе Остапа перед переходом советско-румынской границы: «С дичью дело, мы полагаем, закончено. Глава предприятия Хадсон, по сведениям, рассказал о мухобойках всё. Фазаньих курочек берегитесь» ~ «Меня как-то мало интересует проблема социалистической переделки человека в ангела и вкладчика сберкассы. Наоборот. Интересуют меня наболевшие вопросы бережного отношения к личности одиноких миллионеров» («Золотой теленок»; глава «Кавалер ордена Золотого Руна»).

Убрав лишние слова из обеих цитат, получаем высказывания, разительно отличающиеся от вышеприведенных: «Дело закончено. Хадсон рассказал всё. Берегитесь» ~ «Меня как-то мало интересует проблема социалистической переделки человека. Наоборот. Интересуют меня наболевшие вопросы бережного отношения к личности». Таким образом, социалистическая переделка человека противоположна бережному отношению к личности. А бессмысленная по виду телеграмма про «фазаньих курочек» напоминает телеграммы, которые Бендер будет посылать Корейко: «Грузите апельсины бочках брата карамазовы», «Графиня изменившимся лицом бежит пруду» и др.

Некоторые описания Холмса и Бендера совпадают на сто процентов: «Меня зовут Шерлок Холмс» («Голубой карбункул») ~ «Меня зовут Остап Бендер» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»); «Она рассталась с вами, когда узнала, кто вы такой, – сурово сказал Холмс» («Пляшущие человечки»), «Ступайте на место, – сурово сказал Холмс» («Голубой карбункул») ~ «Надо мыслить, – сурово сказал Остап» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»); «Возьмите револьвер, – хладнокровно сказал Холмс, ногой прижав оружие к полу. – На суде он пригодится» («Рейгетские сквайры») ~ «Ну, теперь давайте стул, – хладнокровно сказал Бендер. – Вам, я вижу, уже надоело его держать» («Двенадцать стульев»; глава «Землетрясение»); «Дальше, сэр, – строго сказал Холмс» («Дьяволова нога») ~ «Чего вы орете, как белый медведь в теплую погоду? – строго сказал Остап» («Золотой теленок»; глава «Гомер, Мильтон и Паниковский»).

---

⁸⁹⁶ Речь идет о победе французской армии под руководством Наполеона над турецко-египетскими войсками 21 июля 1798 года.

Сцена, где Холмс усыпляет фон Борка, напоминает первую встречу Бендера и Воробьянинова: «...руки крепкие, словно железные тиски, охватили сзади его шею и прижали к его лицу пропитанную хлороформом губку» («Его прощальный поклон») ~ «Тут только Ипполит Матвеевич понял, какие железные лапы схватили его за горло» («Двенадцать стульев»; глава «Бриллиантовый дым»). Правда, во втором случае выражение «железные лапы» имеет фигуральный характер, но в «Золотом теленке» говорится о железной хватке Бендера в буквальном смысле слова: «...железная рука командора ухватила его за ковбойскую рубашу» (глава «Сладкое бремя славы»).

Расследуя похищение сына герцога, Холмс говорит Ватсону: «Всё идет прекрасно, друг мой <...> Обещаю вам, что *завтра к вечеру* мы добьемся разгадки этой тайны» («Случай в интернате»). А Остап то же самое скажет своим спутникам по поводу «дела Корейко»: «Всё идет правильно. Клиент начинает нервничать. <...> *Еще немного*, самая чепуха, последний удар кисти – и он окончательно созреет. С плачем он полезет в буфет и вынет оттуда тарелочку с голубой каемкой...» («Золотой теленок»; глава «Телеграмма от братьев Карамазовых»).

В рассказе «Установление личности» Ватсон, долгое время не видевший Холмса, замечает «великолепный бриллиант, блеск у него на пальце». Также и Остап, случайно встретив Балаганова на вокзале, говорит ему: «А это видели? Безымянный палец моей левой руки унизан бриллиантовым перстнем. Четыре карата» («Золотой теленок»; глава «Врата великих возможностей»).

Начало повести «Долина ужаса», где Холмс перебивает Ватсона, напоминает первую беседу «детей лейтенанта Шмидта», где Остап точно так же обрывает Балаганова: «“Я склонен думать...” – “Думайте, думайте, – нетерпеливо бросил Холмс” ~ “Я думал...” – “Ах, вы думали? Вы, значит, иногда думаете?”» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»).

И Холмс, и Бендер скептически относятся к любви (единственный раз они испытывают некое подобие этого чувства – к Ирэн Адлер и Зосе Сеницкой – и терпят крах), поэтому предстают в образе холодных мыслителей: «холодный, точный, но удивительно уравновешенный ум» Холмса («Скандал в Богемии») и «его холодная, бесстрастная натура» («Знак четырех») находят аналогию в автохарактеристике Остапа: «Я – свободный художник и холодный философ»⁸⁹⁷ («Золотой теленок»; глава «Командовать парадом буду я»). Но наряду с этим обоим не чуждо сочувствие другим людям: «Несчастливая женщина завершила свой рассказ, и мы долго сидели молча. Потом Холмс протянул руку и ободряюще похлопал ее по плечу с выражением такого участия, которое я редко наблюдал у него. “Сочувствую вам”, – произнес он» («Дело необычной квартирантки») ~ «Остап осторожно разжал объятия, схватил старика за руку и сердечно ее потряс. “Я вам сочувствую!” – воскликнул он» («Золотой теленок»; глава «Кризис жанра»).

Оба обладают магнетической властью над окружающими: «Имя Шерлока Холмса возымело магическое действие, ибо рама немедленно опустилась, а не прошло и минуты, как загремели ключи, и дверь отворилась» («Знак четырех»), «Визитная карточка Холмса, посланная управляющему конторой, оказала магическое действие» («Убийство в Эбби-Грейндж») ~ «Холодный, рассудительный голос великого комбинатора оказал свое обычное магическое действие» («Двенадцать стульев»; глава «Изгнание из рая»); «*Властный голос* Холмса произвел на людей впечатление» («Исчезновение леди Фрэнсис Карфэкс»), «Зная его выдающийся ум, *властный характер* и другие исключительные качества, я робел и язык прилипал у меня к гортани» («Знак четырех») ~ «Остап призвал граждан к спокойствию, вынул из кармана записную книжку и, посмотрев на Паниковского, *властно произнес*: “Попрошу свидетелей

---

⁸⁹⁷ В 1932 году ряд своих фельетонов Ильф и Петров подпишут псевдонимом «Холодный философ». Впервые же это словосочетание встретилось в записях Ильфа за май – октябрь 1928 года (*Ильф И.* Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 180).

указать фамилии и адреса”» («Золотой теленок»; глава «Гомер, Мильтон и Паниковский»). Также и Воробьянинов робел перед Остапом, поэтому у него «язык прилипал к гортани»: «Высказывать свои подозрения он не смел, зная тяжелую руку Остапа и непреклонный его характер» («Двенадцать стульев»; глава «Сокровище»).

Вообще же пара Бендер – Воробьянинов является пародийной проекцией пары Холмс – Ватсон: подобно тому, как недалекий Ватсон оттеняет мощный интеллект Холмса, так и Бендер смотрится более чем выигрышно на фоне робкого и глуповатого Воробьянинова.

В «Золотом теленке» дается описание афиши, которую сделал себе Остап: «Номера по опыту Шерлока Холмса» (глава «Антилопа-Гну»). Очевидно, имеется в виду разгадывание тайн при помощи дедуктивного метода. Поэтому еще в «Двенадцати стульях» дважды упоминался «могучий интеллект» Бендера, что соотносится с описанием Холмса: «безграничная сила его интеллекта» («Случай с переводчиком»).

Помимо интеллекта, обоих отличает огромная эрудиция, в том числе в узкоспециальных областях.

Если Холмс говорит: «Мне известны сорок два различных отпечатка велосипедных шин» («Случай в интернате»), и сообщает, что «написал несколько небольших работ», одна из которых «описывает сто сорок сортов сигарного, сигаретного и трубочного табака» («Знак четырех»), то Бендер может рассказать про «любой из полутора ста самогонов, рецепты которых мне известны» («Золотой теленок»; глава «Сладкое бремя славы»); и признаётся: «У меня лично есть четыреста сравнительно честных способов отъема [денег]» (там же; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»)⁸⁹⁸. Впрочем, последняя цитата восходит к главе «О нраве и обычае Панурга» романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»: «Со всем тем он знал шестьдесят три способа добывания денег, из которых самым честным и самым обычным являлась незаметная кража...» (книга II, глава 16; перевод Н. Любимова).

Оба героя в интересах своего дела прибегают к женитьбе: «Так знайте, я обручен. <...> Невеста – горничная Милвертона. <...> Я должен был собрать о нем сведения. <...> Это было необходимо. Я лудильщик по имени Эскот, и дела мои процветают. Каждый вечер мы гуляли и беседовали. О боже! Эти беседы! Однако же я добился, чего хотел. Я теперь знаю дом Милвертона, как свои пять пальцев» («Конец Чарльза Огастеса Милвертона») ~ «Я женюсь на ней. <...> На мадам Грицацуевой. <...> Чтобы спокойно, без шума, покопаться в стуле. <...> Чего не сделаешь для блага концессии!» («Двенадцать стульев»; глава «Знойная женщина, мечта поэта»).

Холмс, отправившийся грабить Милвертона, сравнивается с хирургом: «Он раскрыл свой набор и выбирал нужный инструмент спокойно и внимательно, как хирург перед сложной операцией». А после рассказа Балаганова о миллионере Корейко «великий комбинатор чувствовал себя в положении хирурга, которому предстоит произвести весьма серьезную операцию» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»). При этом воровской футляр Холмса соответствует саквою Остапа: «Холмс вынул из ящика аккуратный кожаный футляр и, открыв его, показал мне несколько блестящих инструментов» ~ «Остап вынул из автомобиля свой акушерский саквояж и положил его на траву. <...> Весь экипаж “Антилопы-Гну” с уважением смотрел на саквояж. А оттуда появлялись все новые предметы» (там же; глава «Антилопа-Гну»).

Формально Холмс и Бендер относятся к противоположным слоям общества, поскольку первый – сыщик, а второй – преступник, но оба часто меняют маски, и Остап в «Золотом теленке» сам становится сыщиком: «Следствие по делу Корейко, – говорил Остап, – может поглотить много времени» (глава «Рога и копыта»). Поэтому в плане романа сказано: «10. Игра в Шерлока Холмса. Посещение квартиры Корейко

⁸⁹⁸ Две последних переключки отмечены: *Щеглов Ю.* Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 413 – 414.

в его отсутствие. Игра в открытую. Война объявлена. <...> Остап заводит папку с надписью “Дело Корейко”»⁸⁹⁹. А в рассказе «Конец Чарльза Огастеса Милвертона» также встречается выражение «война объявлена»: «Не знаю, когда вернусь, Ватсон, – произнес он и скрылся в ночи. Я понял, что Чарльзу Огастесу Милвертону объявлена война...». Холмс же впервые выступает в роли грабителя, что вновь сближает его с Остапом: «Это первоклассный, последнего изобретения воровской набор, в нем никелированная фомка, алмаз для резания стекла, **отмычки** и все новейшие приспособления, требуемые прогрессом цивилизации» ~ «Его нужно ночью выкрасть! Ей-богу, выкрасть! – Однако для предводителя дворянства у вас слишком мелкие масштабы. А технику этого дела вы знаете? Может быть, у вас в чемодане запрятан походный несессер с набором отмычек?» («Двенадцать стульев»; глава «Знойная женщина, мечта поэта»).

Вернемся еще раз к 10-му пункту плана романа: «Игра в Шерлока Холмса». Судя по всему, речь идет о попытке Бендера применить дедуктивный метод Холмса и угадать, кто из служащих «Геркулеса» является Александром Корейко: «Это было первое звено в цепи *моих рассуждений*. <...> Опиум применен после того, как была отложена порция для конюха, остававшегося на конюшне, так как остальные ели ужин безо всяких дурных последствий. Кто же из Стрэкеров мог дотронуться до еды так, чтобы этого не заметила служанка?» (рассказ «Серебряный») ~ «Остап уселся на прохладный мраморный подоконник и, по-детски болтая ногами, *принялся рассуждать*.

– Девушка не в счет. Остаются трое: красномордый подхалим с белыми глазами, старичок-боровичок в железных очках и толстый барбос серьезнейшего вида. Старичка-боровичка я с негодованием отметаю. Кроме ваты, которой он заткнул свои мохнатые уши, никаких ценностей у него не имеется. Остаются двое: барбос и белоглазый подхалим. Кто же из них Корейко? Надо подумать.

Остап вытянул шею и стал сравнивать кандидатов. Он так быстро вертел головой, словно следил за игрой в теннис, провозжая взглядами каждый мяч.

– Знаете, бортмеханик, – сказал он наконец, – толстый барбос больше подходит к роли подпольного миллионера, нежели белоглазый подхалим. Вы обратите внимание на тревожный блеск в глазах барбоса. Ему не сидится на месте, ему не терпится, ему хочется поскорее побежать домой и запустить свои лапы в пакеты с червонцами. Конечно, это он собиратель каратов и долларов. Разве вы не видите, что эта толстая харя является не чем иным, как демократической комбинацией из лиц Шейлока, Скупого рыцаря и Гарпагона? А тот, белоглазый, просто ничтожество, советский мышонок. У него, конечно, есть состояние – двенадцать рублей в сберкассе. Предел его ночных грез – покупка волосатого пальто с телячьим воротником. Это – не Корейко. Это – мышь, которая...» (глава «Геркулесовцы»). Но, как известно, Бендер ошибся, приняв Дрейфуса за Корейко, а значит, великий сыщик из него не получился. Подобное «недоотягивание» до великих литературных и исторических предшественников встречается в «Золотом тельце» неоднократно: «Графа Монте-Кристо из меня не вышло», «Мне тридцать три года, – поспешно сказал Остап, – возраст Иисуса Христа. А что я сделал до сих пор? Учения я не создал, учеников разбазарил, мертвого Паниковского не воскресил...».

Но вернемся к сопоставлению Холмса и Бендера.

Холмс говорит Ватсону: «Я отправляюсь грабить Милвертона». А Остап специализируется на грабежах и поэтому сообщает своим спутникам: «Такие города приятно грабить рано утром» («Золотой теленок»; глава «Кризис жанра»).

Оба пользуются услугами беспризорных мальчишек для получения нужной информации: «Это летучий отряд уличной сыскной полиции Бейкер-стрит, – совер-

---

⁸⁹⁹ Планы и наброски к «Великому комбинатору» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок (авторская редакция) / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2016. С. 367.

шенно серьезно объяснил Холмс. Не успел он закончить фразу, как в комнату ворвалось с полдюжины самых замурзанных и оборванных беспризорников, каких я когда-либо видел» («Этюд в багровых тонах»), «“Это нерегулярные полицейские части, моя команда с Бейкер-стрит”. Пока он говорил, на лестнице послышался быстрый топот босых ног, громкие мальчишеские голоса, и в комнату ворвалась ватага грязных, оборванных уличных мальчишек» («Знак четырех») ~ «В это время с улицы донесся свист, и Остап отправился получать агентурные сведения от беспризорных. Беспризорные отлично справились с возложенным на них поручением» («Двенадцать стульев»); глава «Экзекуция»).

С мальчишками связана еще одна любопытная переключка. В «Знаке четырех» Холмс заговаривает с малолетним сыном владельца катера «Мордехай Смит», а в «Двенадцати стульях» к Остапу обращается беспризорный:

- 1) – Славный мальчуган, – начал Холмс наступление. – <...> чего ты очень хочешь?
– Шиллинг, – ответил он, подумав.
– А может, еще что-нибудь?
– *Два шиллинга*, – ответил юнец, поразмыслив еще немного.
– Тогда лови! Какой прекрасный у вас ребенок, миссис Смит!

2) За ним бежал беспризорный. – Дядя! – весело кричал он. – *Дай десять копеек!* Молодой человек вынул из кармана налитое яблоко и подал его беспризорному, но тот не отставал. Тогда пешеход остановился, иронически посмотрел на мальчика и воскликнул:

- Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?

Зарвавшийся беспризорный понял всю беспочвенность своих претензий и немедленно отстал.

При всем сходстве ситуаций бросаются в глаза и различия: Остап, хотя и нищий, но имеет в кармане мелочь (вспомним, как он угощает дворника вином, а потом еще и дает ему рубль на опохмелку), однако беспризорный получает от него вместо денег яблоко, а Холмс не стеснен в деньгах и дает мальчишке два шиллинга. Поэтому вопрос Остапа «Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?», в отличие от аналогичного вопроса Холмса «А может, еще что-нибудь?», ироничен и означает фактически одно: «Отстань!».

В рассказе «Последнее дело Холмса» знаменитый сыщик рассказывает другу о профессоре Мориарти: «...спустя три месяца я вынужден был признать, что наконец-то встретил достойного противника». Впрочем, и про Стэплтона он говорил: «...нам еще не приходилось скрещивать рапиры с более достойным противником» («Собака Баскервилей»). А Остап в «Золотом тельце» получил такого же оппонента в лице Корейко, о котором скажет: «Объект, достойный уважения» (глава «Геркулесовцы»).

Если Мориарти «от природы наделен феноменальными математическими способностями», то и Корейко ему несколько не уступает: «Была у Александра Ивановича удивительная особенность. Он мгновенно умножал и делил в уме большие трехзначные и четырехзначные числа» (глава «Обыкновенный чемоданишко»).

Мориарти незримо управляет лондонским преступным миром, а Корейко так же контролирует различные учреждения, выколачивая из них большие деньги: «И вот уже несколько лет, как я чувствую, что за спиной у многих преступников существует неизвестная мне сила – могучая организующая сила, действующая наперекор закону и прикрывающая злодея своим щитом» ~ «Тут чувствуется лапа Корейко, – думал Остап, – а если даже это и не он, то фигура достаточно емкая» (глава «Рога и копыта»).

Если сам Мориарти «действует редко. Он только составляет план. Но его агенты многочисленны и великолепно организованы. <...> Агент может быть пойман. <...> Но главный руководитель, тот, кто послал этого агента, никогда не попадет: он вне подозрений», то и Корейко пользуется множеством «агентов»: «В разных

концах страны на него работали большие и малые пройдохи, но они не знали, на кого работают. Десятки звеньев отделяли их от Александра Ивановича Корейко. Он действовал только через подставных лиц, и лишь сам он знал длину цепи, по которой шли к нему товары и деньги» («Великий комбинатор»; глава «Подземное царство»).

Поэтому Холмс мечтает избавить общество от Мориарти, а Остап – от Корейко: «Уверяю вас, Уотсон, что, если бы мне удалось победить этого человека, если бы я мог избавить от него общество, это было бы венцом моей деятельности...» ~ «Я останусь таким же бедным поэтом и многоженцем, каким был, но до самой смерти меня будет тешить мысль, что я избавил общественность от великого сквалыжника»⁹⁰⁰ («Золотой теленок»; глава «Командовать парадом буду я»); а схватка над пропастью Холмса и Мориарти напоминает аналогичную схватку Остапа с Корейко на дому у последнего: «Не выпуская друг друга, мы стояли, шатаясь, на краю обрыва» («Пустой дом») ~ «С полминуты противники ломали друг друга, дрожа от напряжения» (глава «Командовать парадом буду я»).

Множество метких наблюдений о пародировании Остапом Бендером канонов классического детектива сделал Даниэль Клугер:

В «Золотом теленке» он, подобно Франсуа Эжену Видоку, из авантюриста-уголовника превращается в сыщика! И весь сюжет романа – по сути, расследование преступлений, совершенных подпольным миллионером Корейко.

<...>

Корейко ничуть не смешон. Он страшен, он чужой. Он – истинный злодей. И поначалу он как будто одерживает победу над сыщиком. Да и Бендер на первых порах действует вроде бы не по канону. Подослав Балаганова и Паниковского ограбить Корейко, он затем собирается шантажировать его:

«Рано утром Бендер раскрыл свой акушерский саквояж, вынул оттуда милицейскую фуражку с гербом города Киева и, засунув ее в карман, отправился к Александру Ивановичу Корейко... Войдя в дом № 16 по Малой Касательной улице, он напялил на себя *официальную фуражку* и, сдвинув брови, постучал в дверь».

Как читатель наверняка помнит, наш герой в своей попытке терпит позорное поражение. Ничего подобного! Это вовсе не Великий Сыщик проигрывает преступнику, это не Арсен Люпен потерял лицо, не Ниро Вульф, не Шерлок Холмс и – представьте себе! – не сыщик О. Бендер! Нет, проиграл комиссар Галлимар, он же инспектор Лестрейд, он же инспектор Крамер, он же, в данном случае, «киевский околоточный»... Извечный лжегерой детектива, полицейский, чья неумелость, а порой и откровенная тупость призваны оттенить интеллектуальную мощь истинного героя. Раздвоение Бендера на лжегероя-полицейского и героя-сыщика имеет опять-таки откровенно пародийный характер. Но я ведь уже говорил: «Золотой теленок» еще и *пародийный* роман! Вопрос в том, что он пародирует. А пародирует он всю ту же классическую детективную схему.

«Полицейский» терпит поражение, и лишь после этого в поединок с Великим Преступником вступает Великий Сыщик:

«Остап молча прошел к бамбуковому столику, положил перед собой папку и крупными буквами вывел надпись:

“Дело Александра Ивановича Корейко. Начато 25 июня 1930 года. Окончено ...го дня 193... г.”».

В городе Черноморске появляется контора «Рога и копыта», выполняющая, по сути, функции частного детективного агентства. Ну да, под прикрытием. Это не имеет значения. «Рога и копыта» – самая настоящая детективная контора, первая, описанная в советской литературе. Остап Бендер и в этом случае напоминает Видока: знаменитый француз, потерпев неудачу в качестве официального полицейского, открывает первую (в Европе) частную детективную контору. Разумеется, это всего лишь совпадение, забавное и поучительное.

Частный сыщик Бендер ведет следствие по всем правилам. Преступник уверен, что он натянул нос полиции, а в это время по его следу уже идет настоящий мастер сыска:

---

⁹⁰⁰ Подобная же конструкция встречается в последнем предложении рассказа Ильфа и Петрова «Граф Средиземский» (1930): «Мир избавился от великого склочника» (Огонек. М., 1957. № 23. Июнь. С. 31).

«И в то время как Корейко с улыбкой вспоминал о жулике в милицейской фуражке, который сделал жалкую попытку третьесортного шантажа, начальник отделения носился по городу в желтом автомобиле и находил людей и людишек, о которых миллионер-конторщик давно забыл, но которые хорошо помнили его самого. Несколько раз Остап беседовал с Москвой, вызывая к телефону знакомого частника, известного доку по части коммерческих тайн. Теперь в контору приходили письма и телеграммы, которые Остап живо выбирал из общей почты... Кое-что из этих писем и телеграмм пошло в папку с ботиночными тесемками».

Как видим даже из этого абзаца, все соответствует нормам следствия: сбор информации, опрос свидетелей, даже привлечение экспертов («по части коммерческих тайн»)⁹⁰¹.

В рассказе «Последнее дело Холмса» схватка с Мориарти заканчивается смертью Холмса. Подобно этому, в концовке романа «Двенадцать стульев» Бендер погибает, но убитый уже не оппонентом, а своим компаньоном. Однако после публикации «Последнего дела Холмса» читатели завалили автора потоком писем с требованием воскресить любимого героя, и Конан Дойль вынужден был это сделать в рассказе «Пустой дом». Похожая история произошла с Бендером: огромный успех у читателей романа «Двенадцать стульев» заставил Ильфа и Петрова воскресить великого комбинатора в «Золотом тельце».

В «Пустом доме» полковник Моран «вскочил на ноги и с невероятной силой схватил Холмса за горло», и Корейко намерен сделать то же самое с Остапом: «Подзащитный неожиданно захватил руку на лету и молча стал ее выкручивать. В то же время г. подзащитный другой рукой вознамерился вцепиться в горло г. присяжного поверенного» (глава «Командовать парадом буду я»). Кстати, удушение Остапа и выкручивание ему руки имеют точное соответствие в рассказе «Рейгетские сквайры»: «Два Каннинггема склонились над распростертым телом Холмса; молодой обеими руками душил его за горло, а старый выкручивал ему кисть».

Одолеев Морана, Холмс говорит: «Итак, полковник <...> все пути ведут к свиданию, как поется в старинной песенке» (строка из песни шута в «Двенадцатой ночи» Шекспира). А Остап, настигнув Корейко на Восточной Магистральной, кричит ему: «Сойдите, Александр Иванович! <...> Может быть, вы хотите, чтобы я спел вам серенаду Шуберта “Легкою стопою ты приди, друг мой”? Я могу!» (глава «Гремящий ключ»). В обоих случаях песня про свидание с любимым человеком иронически используется для описания долгожданной встречи со своим заклятым врагом. Кстати, о *свидании* пел Остап и перед первой встречей с Корейко: «...мурлыкал слова романа: “И радость первого свиданья мне не волнует больше кровь”. Великий комбинатор кривил душой. Первое свиданье с миллионером-конторщиком возбуждало его» (глава «Первое свидание»).

А разговор Бендера с Корейко в главе «Командовать парадом буду я» очень напоминает рассказ «Происшествие на вилле “Три конька”», где Холмс встречается с преступницей Айседорой Кляйн. Сначала и она, и Корейко делают вид, что ни в чем не виноваты, после чего Холмс и Бендер сетуют на их плохую сообразительность. Далее Холмс сообщает, что идет в Скотленд-Ярд, а Бендер угрожает передать дело в милицию, и враги тут же становятся более покладистыми:

- 1) – Не имею понятия, о чем вы говорите. Какое отношение я имею к бандитам?
- Да, я действительно переоценил вашу сообразительность. Прощайте.
- Постойте! Куда же вы?
- В Скотленд-Ярд.

Мы не успели пройти и половины пути к двери – Айседора Кляйн догнала нас и взяла моего друга за руку. В одно мгновение стальная твердость сменилась мягкостью бархата.

- Господа, давайте обсудим ситуацию.

---

⁹⁰¹ Клугер Д. Дело гражданина Корейко, или Следствие ведет знаток // Клугер Д. Тайна капитана Немо. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 89, 95 – 96.

2) – Какая чепуха! – сказал он, разводя руками. – Что за несчастье такое! То вы приходили ко мне с какими-то деньгами, теперь дело выдумали. Просто смешно.

<...>

– Нет, – решительно сказал великий комбинатор, – вы произошли не от обезьяны, как все граждане, а от коровы. Вы соображаете очень туго <...> До свидания, – холодно сказал Остап, – и, пожалуйста, побудьте дома полчаса. За вами приедут в чудной решетчатой карете.

– Так дела не делают, – сказал Корейко с купеческой улыбкой.

Сравним: «я действительно переоценил вашу сообразительность» = «Вы соображаете очень туго»; «Прощайте» = «До свидания»; «В Скотленд-Ярд» = «За вами приедут в чудной решетчатой карете»; «мягкостью бархата» = «с купеческой улыбкой»; «давайте обсудим ситуацию» = «так дела не делают».

Можно предположить, что мы имеем здесь дело с прямым заимствованием, хотя нельзя исключать и простое типологическое сходство ситуации.

И, наконец, последний литературный прототип великого комбинатора, упомянутый им самим в концовке «Золотого теленка», – это граф Монте-Кристо.

Перед тем, как перейти к сопоставлению его с Остапом Бендером, скажем несколько слов о подлинных авторах романа «Граф Монте-Кристо» и других произведений, вышедших под именем Александра Дюма. Дело в том, что все они были написаны его литературными «неграми». Как сообщает библиограф и литературовед Жозеф Мари Керар, автор книги «Разоблаченные литературные плутни» («Les Supercheries Littéraires dévoilées»): «Первая часть *Монте-Кристо* написана г. Фиорентино, а вторая г. Огюстомь Маке. Г. Дюма только поправлял *Монте-Кристо*, а *Три мушкетера* и *Двадцать лет спустя* сочинены г. Маке. Впрочем г. Маке, по примеру своего достойного начальника, храбро “завоевал” значительную часть для этих романов из *Mémoires d'Artagnan*»⁹⁰².

Можно согласиться с Юрием Щегловым, писавшим, что «граф Монте-Кристо, с его интеллектуализмом и магнетической властью над окружающими, несомненно, является (наряду с Шерлоком Холмсом, Воландом и др.) одним из главных воплощений того архетипа, к которому принадлежит и Бендер в своей “высокой” ипостаси»⁹⁰³.

О магнетической власти Монте-Кристо и Бендера говорят следующие цитаты: «В этих словах графа была такая *магнетическая сила*, что слабеющие *чувства несчастного ожили* в последний раз» (глава «Десница Господня»⁹⁰⁴) ~ «“Пуэр, соцер, веспер, генер, либер, мизер, аспер, тенер”. Эти латинские исключения, зазубренные Остапом в третьем классе частной гимназии Илиади и до сих пор бессмысленно сидевшие в его голове, произвели на Козлевича *магнетическое действие*. *Душа его присоединилась к телу*, и в результате этого объединения шофер робко двинулся вперед» («Золотой теленок»; глава «Блудный сын возвращается домой»).

Здесь примыкают одинаковые описания внешности Монте-Кристо и Бендера, которые напоминают суперменов и подчеркивают дистанцию, отделяющую их от других людей: «Сердце этого человека было отлито из бронзы, а лицо высечено из мрамора» (глава «Оскорбление») ~ «Лицо его сразу же затвердело и снова приняло медальные очертания» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»), «Лицо великого комбинатора приобрело твердость минерала» (там же; глава «Блудный сын возвращается домой»).

⁹⁰² Смъсь. О литературных *завоеваниях* г. Александра Дюма и о семидесяти четырех его сотрудниках // Современник. Том IX. Ч. 1. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1848. С. 89.

⁹⁰³ Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 636.

⁹⁰⁴ Здесь и далее цитаты даются по следующему изданию: Дюма А. Граф Монте-Кристо / Пер. с франц. Т. 1, 2. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1955. Номера страниц не указываются. В России перевод романа впервые был опубликован в 1845 году: Граф Монте-Кристо, романъ Александра Дюма. Полный переводъ В.М. Строева. Части первая, вторая и третья. Санктпетербургъ, 1845.

Наряду с этим Монте-Кристо очень силен физически, поскольку «одержал бы верх над любым более молодым противником», и «обладал огромным обаянием» (глава «Карнавал в Риме»), а Бендера отличают «мужская сила и красота» («Двенадцать стульев»; глава «Великий комбинатор»).

«Светлому и ясному взору графа» (глава «Завтрак») соответствует чистый и ясный взгляд Остапа: «Но взгляд незнакомца был так чист, так ясен, что рука администратора сама отвела Остапу два места в одиннадцатом ряду» («Двенадцать стульев»; глава «В театре Колумба»). Аналогичным образом «жемчужные зубы графа Монте-Кристо» (глава «Розыски») предвосхищают «белые кукурузные зубы» Бендера («Золотой теленок»; глава «Командовать парадом буду я»).

Оба героя сравнивают себя с великими людьми прошлого: «Я, как Нерон, – *cupitor impossibilium*»⁹⁰⁵ (глава «Обед») ~ «Я – как Суворов!.. Грабьте город, Киса! Веселитесь!» («Двенадцать стульев»; глава «Землетрясение»); оба представляются врачами, хотя признание Монте-Кристо правдиво, а Бендер всё выдумывает: «...я вылечил моего камердинера от лихорадки, а хозяина гостиницы от желтухи, так что меня принимали за знаменитого доктора» (глава «Токсикология») ~ «Я вам помогу. Мне приходилось лечить друзей и знакомых по Фрейду» («Золотой теленок»; глава «Кризис жанра»); и исследуют человеческие души: «...я задался целью произвести на человечестве то, что вы ежедневно проделываете на исключениях, – то есть физиологическое исследование. Я считал, что впоследствии мне будет легче перейти от целого к части, чем от части к целому. <...> я сам немного врач...» (глава «Философия») ~ «Я невропатолог, я психиатр. Я изучаю души своих пациентов. И мне почему-то всегда попадаются очень глупые души» («Золотой теленок»; глава «Антилопа-Гну») ⁹⁰⁶. Слова Монте-Кристо «от целого к части» – это не что иное, как дедуктивный метод Шерлока Холмса – еще одного участника «большой пятерки» наряду с Бендером, Воландом и Хуренито.

Граф Монте-Кристо, еще в бытность Эдмоном Дантесом, становится жертвой доноса своих друзей и оказывается в тюрьме, а его невеста Мерседес выходит замуж за его соперника Фернана. Также и Остап терпит на любовном поприще крах: на его любимой девушке Зосе Синицкой женится Перикл Фемида.

В доносе на Дантеса написано, что он является бонапартистским агентом, чего на самом деле не было, а Остап, напротив, постоянно сравнивает себя с Бонапартом, причем на его груди даже имеется татуировка с Наполеоном, сделанная в тюрьме и символизирующая власть и авантюризм.

Оба часто выступают в роли карающего и милосердного Бога: «...я хочу стать провидением, потому что не знаю в мире ничего выше, прекраснее и совершеннее, чем награждать и карать» (глава «Философия») ~ «Влезайте, – предложил Остап, – черт с вами! Но больше не грешите, а то вырву руки с корнем» («Золотой теленок»; глава «Бензин ваш – идеи наши»). Такое сходство тем более удивительно, что Монте-Кристо – верующий человек, а Бендер – атеист: «...я космополит. Ни одно государство не может считать себя моей родиной, и только Богу известно, в какой стране я умру» (глава «Философия») ~ «Следствие по делу Корейко, – говорил Остап, – может поглотить много времени. Сколько – знает один бог. А так как бога нет, то никто не знает» («Золотой теленок»; глава «Рога и копыта»). Причем космополитом можно назвать и великого комбинатора: «Космополитическое у Остапа Ибрагимовича Бендера составляет основу его натуры»⁹⁰⁷.

Оба становятся миллионерами в 33 года: Дантес – после побега из тюрьмы Иф, где он провел 14 лет, и вскоре после этого, причалив на корабле контрабандистов к необитаемому острову Монте-Кристо, нашел там сундук с золотом и драгоценными

⁹⁰⁵ Искатель невозможного (*лат.*).

⁹⁰⁶ Отмечено: Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. С. 399.

⁹⁰⁷ Еришов Л.Ф. Советская сатирическая проза. М.; Л.: Худ. лит., 1966. С. 158.

камнями; а Бендер – тоже не раз сидевший в тюрьме – разбогател после долгой осады миллионера Корейко. Причем если о тайном сокровище Дантесу рассказал в тюрьме аббат Фариа, то Балаганову о миллионах Корейко поведал сокамерник Пружанский, когда они сидели в Черноморском допре⁹⁰⁸.

Обнаружив сокровища, Дантес решает вернуться на материк: «Теперь нужно было возвратиться в жизнь, к людям, и добиться положения, влияния и власти, которые даются в свете богатством...» (глава «Незнакомец»). Также и Остап, пустившись в охоту за Корейко, мечтает получить «славу и власть, которую дают деньги» («Золотой теленок»; глава «Первое свидание»).

Узнав об исчезновении невесты, Дантес становится графом Монте-Кристо и утопает в роскоши, а Остап, узнав, что Зося вышла замуж за Фемиди, ринулся на почту, где выпросил обратно свою посылку наркому финансов и вновь стал миллионером. В обоих случаях любовные неудачи компенсируются приобретением богатства. Правда, если у Монте-Кристо «около ста миллионов» (глава «Пятое октября»), то Остап становится обладателем лишь одного миллиона. Но подобно тому, как Монте-Кристо демонстрирует миллион банкиру Данглару, Остап покажет свой миллион студентам-практикантам, едущим с ним в поезде, и в обоих случаях демонстрация производит большое впечатление: «“Да у меня с собой всегда есть миллион в бумажнике или в дорожном несессере”».

И Монте-Кристо вынул из маленькой книжечки, где лежали его визитные карточки, две облигации казначейства на предьявителя, по пятьсот тысяч франков каждая» (глава «Неограниченный кредит») ~ «...он взял свой чемодан, шелкнул никелированными застежками и высыпал на диван все его содержимое. Бумажные плитки легли расплывающейся горкой. Остап перегнул одну из них, и обертка лопнула с карточным треском. “В каждой пачке по десять тысяч. Вам мало? Миллион без какой-то мелочи”»⁹⁰⁹. При этом богатый Монте-Кристо равнодушен к деньгам, а Остап «бледнеет от гордости» за свой миллион. Но вместе с тем оба героя одиноки: «Вильфор смотрел на Монте-Кристо, полный бесконечного изумления. “Граф, – спросил он, – у вас есть родные?” – “Нет, я один на свете”» (глава «Философия») ~ «“У вас там родственники?” – спросил Балаганов. <...> “У меня нет родственников, товарищ Шура, – я один на белом свете”» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»).

В разговоре с Дангларом Монте-Кристо упоминает Гарпагона – персонажа комедии Мольера «Скупой»: «...вы не знаете итальянских миллионеров: это сущие Гарпагоны» (глава «Брачные планы»). И такую же начитанность демонстрирует Остап, пытаясь вычислить миллионера Корейко: «Разве вы не видите, что эта толстая харя является не чем иным, как демократической комбинацией из лиц Шейлока, Скупого рыцаря и Гарпагона?» («Золотой теленок»; глава «Геркулесовцы»).

Для обоих характерны частые смены масок: Эдмон Дантес, сбежав из тюрьмы и став графом Монте-Кристо, называет себя то аббатом Бузони, то Синдбадом Мореходом, то мальтийцем Дзакконе, то лордом Уилмором. Остап же в разговоре с Коробейниковым представился Вольдемаром – владельцем собственной мясохладобойни в Самаре; в разговоре с Альхеном – инспектором пожарной охраны; председателю Арбатовского исполкома он представляется сыном лейтенанта Шмидта; а на первую встречу с Корейко приходит в образе милиционера.

Помимо простого перечисления масок, следует обратить внимание на сходство в описании визита Монте-Кристо к инспектору тюрем де Бовилю (глава «Тюремные списки») и Бендера к Коробейникову («Двенадцать стульев»; глава «Алфавит – зеркало жизни»).

⁹⁰⁸ Отмечено: Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. С. 361.

⁹⁰⁹ Отмечено: Курдюмов А.А. (Лурье Я.С.). В краю непуганых идиотов: Книга об Ильфе и Петрове. Paris: La Presse Libre, 1983. С. 122.

Первый называет себя «старшим агентом римского банкирского дома Томсон и Френч», а второй – сыном предводителя уездного дворянства Воробьянинова.

Цель Монте-Кристо – получить доступ к своему делу, относящемуся ко времени его заключения в замке Иф, а цель Бендера – овладеть ордерами на гамбсовский гарнитур. При этом и в хозяйстве де Бовиля, и в хозяйстве Коробейникова царит идеальный порядок: «И они отправились в контору де Бовиля.

Инспектор сказал правду: всё было в образцовом порядке; каждая ведомость имела свой номер; каждое дело лежало на своем месте» ~ «Он зажег свечу и повел Остапа в соседнюю комнату. <...> стоял письменный стол, заваленный бухгалтерскими книгами, и длинный канцелярский шкаф с открытыми полками. К ребрам полок были приклеены печатные литеры – А, Б, В и далее, до арьергардной буквы Я. На полках лежали пачки ордеров, перевязанные свежей бечевкой».

В итоге оба героя добиваются своей цели: Монте-Кристо незаметно для де Бовиля крадет из дела донос на себя, а Бендер обманом получает искомые ордера.

Монте-Кристо говорит, что он «чудом вышел из могилы, преображенный, богатый, могущественный, полубог» (глава «Прошлое»). Также и Бендер, разбогатев, сравнивает себя с полубогом: «Живу, как бог, – продолжал Остап, – или как полубог, что в конце концов одно и то же» («Золотой теленок»; глава «Дружба с юностью»).

Когда планы героев рушатся, они начинают страдать, превращаясь из суперменов в обычных людей: «Монте-Кристо, *поникнув головой, бессильно опустив* руки, подавленный тяжестью двадцатичетырехлетних воспоминаний...» (глава «Дуэль») ~ «Бендер шел позади всех, *опустив голову...*» (глава «Сердце шофера»); «Я обрек вас на голодную смерть, и все же вас прощаю, ибо сам нуждаюсь в прощении; я Эдмон Дантес!» (глава «Прощение») ~ «Зося! Слышите, меня оттерли. Я несчастен. Скажите мне слово утешения» (глава «Адам сказал, что так нужно»); и хотят уйти из жизни: «...лучше умереть» (глава «Дуэль») ~ «...я не хочу жить вечно. Я хочу умереть» (глава «Его любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина – зубной техник»). Но, в отличие от Бендера, который сетует, что ему 33 года, а он «мертвого Паниковского не воскресил», графу Монте-Кристо удастся воскресить Валентину – возлюбленную Максимилиана Морреля, благодаря особому лекарству.

Уезжая из Парижа, Монте-Кристо ведет себя так же, как Остап, покидая СССР: «*Ночь сверкала звездами. Монте-Кристо стоял на вершине холма Вильжюиф, на плоской возвышенности, откуда виден весь Париж...*» (глава «Отъезд») ~ «Он обернулся к советской стороне и, протянув в тающую мглу толстую котиковую руку, промолвил...»; «Великий город, в твоём трепещущем лоне обрел я то, чего искал; как терпеливый рудокоп, я изрыл твои недра, чтобы извлечь из них зло; теперь мое дело сделано <...> теперь ты уже не можешь дать мне ни радости, ни горя. *Прощай, Париж, прощай!*» ~ «Всё надо делать по форме. Форма номер пять – *прощание с родиной*. Ну что ж, *адье, великая страна* <...> Я частное лицо и не обязан интересоваться силосными ямами, траншеями и башнями. Меня как-то мало интересует проблема социалистической переделки человека в ангела и вкладчика сберкассы» (глава «Кавалер ордена Золотого Руна»). При этом Монте-Кристо легко удалось покинуть Париж, а попытка Остапа перейти советско-румынскую границу провалилась. Отсюда и заключительная фраза: «Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется перекавалифицироваться в управдомы», – которую можно объяснить так: «К концу романа один за другим отпадают все примерявшиеся к Бендеру роли высокого плана – ср. его собственное признание в несходстве с Христом и развенчание его полководческих претензий <...>. Финальная его сентенция, таким образом, более широка по значению, она подытоживает целый ряд линий, в которых из Бендера “не вышло” то высокое, к чему он полушутливо примерялся и о чем всерьез мечтал»⁹¹⁰.

⁹¹⁰ Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 636.

Между тем сравнение с *графом* Монте-Кристо вполне оправдано биографией великого комбинатора, который в «Двенадцати стульях» так представлял свою эпитафию: «Мать покойного была *графиней* и жила нетрудовыми доходами» (глава «И др.»). Но в концовке «Золотого теленка», потерпев полный крах, он понимает, что не дотянул до своего знаменитого предшественника, оставшегося миллионером: «Графа Монте-Кристо из меня не вышло». Обусловлено это, конечно же, несвободой советского общества, из которого никому нет выхода – ни простым гражданам, ни подпольным миллионерам.

Таким образом, благодаря двойственности своей природы, Бендер оказывается близок и плутам (Чичиков, Хлестаков, Кречинский, Аметистов, Ниагаров, Ниссель Швальб, Энди Таккер, Симон де Торвиль, Альфред Джингль), и «аристократам духа» (Гамлет, Шерлок Холмс, Монте-Кристо, Воланд и др.): «Бендер – не только человек без определенных занятий и “джентльмен в поисках десятки”; он также обладатель блестящего критического интеллекта, аристократ духа и знаток людей, с веселой иронией вззирающий на их мышиную беготню: “Я невропатолог, я психиатр, – говорит он, – я изучаю души своих пациентов. И мне почему-то всегда попадают очень глупые души”. По этой линии Бендер близок уже не к жуликам, а к одиноким в своем превосходстве “демоническим” персонажам, бесстрастным экспериментаторам и провокаторам, развлекающимся наблюдением человеческой комедии, как Печорин, а в новейшей литературе – Хулио Хуренито и Воланд. Подобная позиция не исключает сочувствия и помощи отдельным представителям бестолкового человечества, что придает героям этого типа особую харизматичность»⁹¹¹.

***

Теперь вернемся к 7-й главе романа «Двенадцать стульев», где описывается появление Остапа: «В половине двенадцатого с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород вошел молодой человек *лет двадцати восьми*». А его главный прототип Осип Шор родился в Никополе 30 мая 1899 года. Следовательно, 24 апреля 1927 года ему было *двадцать восемь лет* без одного месяца, как и Остапу Бендеру.

Прообразом деревни Чмаровки послужило село Чмыровка Луганской области (Украина), а Старгород – это, с одной стороны, Старый город (так называли центр Луганска, его древнейшую часть, вокруг которой постепенно и сформировался современный Луганск, названный в «Золотом теленке» Лучанском), а с другой – Старобельск, отстоящий от Чмыровки на 5,7 километра⁹¹². Данное расстояние и преодолел Остап 24 апреля 1927 года. Всё это Ильф и Петров написали, основываясь на собственном опыте, поскольку осенью 1926 года ездили в Старобельский уезд в полутра-месячную командировку от газеты «Гудок» (отзвук этой поездки нашел отражение и в одном из рассказов Петрова, где героя зовут Василий *Чмарев*⁹¹³):

⁹¹¹ Щеглов Ю. Три фрагмента поэтики Ильфа и Петрова // Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Мир автора и структура текста: Статьи о русской литературе. Тенафлу, N.J.: Эрмитаж, 1986. С. 94.

⁹¹² Само же название «Старгород» взято из романа Николая Лескова «Соборяне» (1872): «Над Старгородом летний вечер. Солнце давно село...» (глава 4), «Так дьякон Ахилла начал искоренение водворившегося в Старгороде пагубного вольномыслия, и мы будем видеть, какие великие последствия повлечет за собою это энергическое начало» (глава 8). Известно, что «в пору молодости, в 20-х годах, Ильф увлекался более всего тремя писателями: Лесковым, Рабле и Маяковским» (Славин Л. Я знал их // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 41).

⁹¹³ *Собакевич*. Зверь из бездны // Смехач. М., 1927. № 7. Февр. С. 4. Обратим внимание, что псевдоним Петрова «Собакевич», взятый из «Мертвых душ» Гоголя, коррелирует с псевдонимом его старшего брата Валентина Катаева «Старик Саббакин», которым тот подписывал свои фельетоны в «Гудке». Ср. в воспоминаниях В. Аксенова: «Вот мы сидим в старом московском ресторане – Валентин Петрович, наш долговязый друг и я. Нам подают шампанское, булку, огурец, и Валентин Петрович (он любит эти вещи) говорит: “За этим столиком Ильф сказал мне: Саббакин, вас все здесь уже знают...”» (Аксенов В. Путешествие к Катаеву // Юность. 1967. № 1. С. 69).

В 1954 году во время сбора урожая меня и моего товарища, учащихся профессионального училища, направили в качестве грузчиков помогать возить зерно на ток, – рассказывает старобельский краевед Иван Мирошниченко. – Чтобы в пути не было скучно, я взял с собой книгу «12 стульев». Водитель грузовика Роман Денисович (фамилию уже не помню), увидев в моих руках это произведение, аж подпрыгнул: «Так я же этих писателей хорошо знаю! В 1926 году работал водителем в Старобельском исполкоме и возил их по уезду. Интересные ребята были. Все шутили. И в основном по поводу автомобиля, на котором приходилось трястись по бездорожью, собирая материал для газеты о местном “разгильдяйстве”».

Судя по рассказам местных жителей, легендарное авто действительно было. Просуществовало оно в штате местного начальственного гаража до самой войны. Старожилы помнят, что машина была зеленого цвета (так как предназначалась для военных) и именовалась «Лорен-Дитрих» (ну прямо «Антилопа» Козлевича!). Появилось авто в Старобельске в 1918 году во времена гетмана Скоропадского, когда в город прибыла целая колонна машин с боеприпасами и военным имуществом, принадлежавшими австро-германской армии.

Позже, когда началась чехарда с властями (белых сменяли красные и наоборот), в Старобельске любил квартировать Нестор Махно со своей армией. Тем не менее, каким-то чудом машина осталась на ходу. Все появлявшиеся в городе важные гости непременно выделяли эту машину. Что поделаться, автомобиль в те годы был здесь роскошью.

Движение машины по городу всегда сопровождала толпа мальчишек, обывателей и попрошайек, бегущих с криками: «Дядь, дай десять копеек». Эти впечатления, возможно, нашли свое отражение в описании эпизода на Военно-Грузинской дороге, когда опыт беспризорников переняли уже концессионеры Ося и Киса: «Деньги давай, деньги давай!»⁹¹⁴.

Во время одной из своих поездок Ильф и Петров посетили районный центр Марковку, а на обратном пути в Старобельск побывали в селе Бондаровка. Здесь и по сей день существует единственное в области тогда еще коллективное, а теперь частное садоводческое сельскохозяйственное предприятие, специализирующееся в основном на выращивании яблок. Так что протянутое великим комбинатором беспризорнику «нагретое солнцем яблоко» тоже могло иметь свой прообраз.

Неизвестно, произносили ли в реальности сатирики фразу, ставшую крылатой, про «ключ от квартиры, где деньги лежат». Но ключ у писателей в Старобельске таки был, правда, не от квартиры, а от гостиничного номера. Жили Илья Ильф и Евгений Петров в так называемых меблированных комнатах. И меблированы они были имуществом, реквизируемым у местного дворянства и купечества. В том числе и мебелью известного в те времена мастера Гамбса.

Старобельчане рассказывают, что в номере, где жили писатели, стоял один уже изрядно потрепанный стул, который, окончательно развалившись, выдал из своего нутра коробочку с именной надписью мастера и сообщением о том, что сей стул является частью гарнитура из таких же двенадцати собратьев. Куда подевались остальные одиннадцать, никто не ведал. Но рассказывали, что весь гарнитур попал сюда из... приюта для старушек⁹¹⁵.

– Еще до революции генерал русской армии Николай Стоянов, выйдя в отставку, поселился в Старобельске, – рассказывает Иван Мирошниченко. – Он построил здесь за свои деньги и содержал впоследствии приют для престарелых солдат, пожилых женщин и детей-сирот. Богоугодное заведение генерал построил при местной женской гимназии, дабы молодые девицы проявляли милосердие, ухаживая за стариками и детьми. В приюте находилось на полном пансионе от двадцати до тридцати дам преклонного возраста. К слову, это строение существует и по сей день, но теперь в нем расположена аптека.

---

⁹¹⁴ Разумеется, слова «толпа мальчишек, обывателей и попрошайек, бегущих с криками: “Дядь, дай десять копеек”», – отразились в совершенно другом эпизоде, когда Остап входит в Старгород: «За ним бежал беспризорный. “Дядя, – весело кричал он, – дай десять копеек!”» (глава «Великий комбинатор»). А описанный в романе эпизод с Военно-Грузинской дорогой буквально повторяет запись Ильфа от 7 – 8 июня 1927 года из подраздела «Военно-Грузинская дорога»: «Мальчишки злобно бежали за машиной с криками: “Давай! Давай деньги!» (Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 59).

⁹¹⁵ Впрочем, у описанной в «Двенадцати стульях» богадельни имеется московский источник: «В этом доме в Армянском переулке была та самая богадельня, с которой списали приют для одиноких старушек. А здесь, на Театральной площади напротив Малого театра, Остап Бендер попал под лошадь» (д/ф «Ильф и Петров. Прогулки дуэтом». МТРК «Мир», 2010).

В 1919 году генерал Стоянов был обвинен в организации антисоветских групп и убит прямо в здании уездного ЧК. Однако приют для пожилых женщин просуществовал до середины 20-х годов – в основном на энтузиазме работников и благотворительной помощи местных жителей. Поэтому в период, когда его могли увидеть Ильф и Петров, здесь, действительно, было весьма неприглядно. Но случилось это не по вине «голубого воришки». В роли завхоза 2-го дома Старсобеса Альхена и его многочисленной родни выступило само советское государство, решившее сэкономить на старушках...⁹¹⁶

Помимо Осипа Шора, у Остапа Бендера был еще один прототип – уроженец Коканды (Ферганская область Узбекистана) Тургун Хасанов, проворачивавший свои аферы в 27 лет, – именно такой возраст в 1927 году будет у Осипа Шора и Остапа Бендера. Начиная с 15 июля 1925 года и до своей поимки в ночь с 8 на 9 августа, Хасанов представлялся председателем ЦИК Узбекской ССР Файзуллой Ходжаевым и таким образом получил немало денег от разных чиновников. Его похождениям посвящен обширный фельетон Льва Сосновского «Знатный путешественник»:

Молодой человек приятной наружности, в партикулярном платье, с признаками восточного происхождения на лице, зашел в канцелярию ялтинского исполкома. Впившись глазами в секретаря, восточный человек заговорил почти дословно по Гоголю словами Ивана Александровича Хлестакова. Странный случай в дороге... Похищение чемодана и портфеля... Нужно доехать до Москвы... Словом, позвольте рублей 20. На вопрос, кто же он такой, посетитель скромно ответил, что он – Файзулла Ходжаев, председатель ЦИК Узбекской ССР.

Тут, разумеется, задребезжал ялтинский телефон. Для встречи приятного гостя приехал председатель Крымчика тов. Ибрагимов. Путешественник получил не только 20 рублей, но и еще 70 рублей. Чтобы избавить уважаемого товарища от возможных неприятностей, при поездке без всяких документов, ему из канцелярии Крымчика был выдан документ, удостоверяющий, что он, путешественник, действительно является председателем ЦИК Узбекистана и что документ выдается взамен похищенного. Заодно заверена была собственноручная подпись Ходжаева.

Дружески простившись с Крымом, путешественник, совсем как в «Ревизоре», пробормотал, укладывая деньги в бумажник: «Крымчик – тоже хороший человек».

Далее наш знакомый очутился в Новороссийске. Здесь он уже не счел уместным самостоятельно ходить в исполком, но вызвал к себе в гостиницу председателя исполкома. Последний, разумеется, приехал на автомобиле и после краткой беседы услышал те же слова насчет «странного случая в дороге», похищенного портфеля и т.п. На утро в номер были доставлены 100 рублей. Укладывая их в бумажник, путешественник убежденно заметил: «Новороссийский исполком – тоже хороший человек».

Затем мы встречаемся с нашим путешественником в Полтаве. Здесь председатель исполкома вручил приятному гостю 150 рублей. Сами понимаете – «странный случай в дороге» и тому подобное.

Дальнейший маршрут через Москву привел почтенного восточного деятеля в столицу Белорусской ССР, в Минск. Явившись в Белорусский ЦИК, он с похвальной систематичностью и выдержкой повторил повесть о своих дорожных злоключениях и попросил уже 500 рублей. Очевидно, платежеспособность Белоруссии им была оценена несколько выше Крыма. Хотя в Белоруссии финансы и попрочнее, но тамошний ЦИК решил оказать гостю поддержку не из своего кармана, а из средств узбекистанского представительства в Москве, о чем и была послана телеграмма в Москву. Узбекистанское представительство не могло оставить председателя своего ЦИК в такой острой нужде и срочно перевело 500 рублей в Минск в распоряжение Файзуллы Ходжаева.

Отсюда последний направился в Гомель. Нужно ли повторять красноречивый рассказ о бедствиях человека, который очутился («странный случай в дороге») без средств? Сомнений в личности быть не могло, ибо предъявленный документ категорически утверждал, что предъявитель сего и есть тов. Файзулла Ходжаев, что удостоверяет Крымчик. Пока канцеля-

---

⁹¹⁶ Трачук О. «Писатели частенько подшучивали над автомобилем “Лорен-Дитрих”, в котором они тряслись по бездорожью, собирая материал для газеты о “разгильдяйстве”» // Факты. Киев, 2006. 10 окт.

рия Гомельского губисполкома выписывала ордер на 60 рублей (надо же человеку доехать до Москвы!), гость был приглашен на заседание президиума ГИК. Разбирались очень важные вопросы. Но, – странным образом, – гость проявлял интерес не столько к ходу прений, сколько к маячившим на тротуаре странным личностям, видимым из окна. Они удивительно напоминали путешественнику агентов уголовного розыска.

Тем временем начальник гомельского административного отдела Хавкин стал проявлять довольно странное любопытство. Разыскав № «Красной Нивы» с портретами всех представителей ЦИК, в том числе и Файзуллы Ходжаева, упомянутый товарищ Хавкин не нашел в портрете большого сходства с личностью посетившего Гомель человека.

Откуда у гомельских властей нашлось храбрости – не знаю, но они решились на чудовищное насилие над Файзуллой Ходжаевым: он был задержан. Задержанный проявил необычайное хладнокровие и предложил вместе с ним отправиться на переговорную станцию, где он вызовет тов. Калинина, Червякова или Сталина, которые и разрешат возникшее недоразумение. От переговоров по прямому проводу с Москвой гомельцы воздержались, но зато произвели личный обыск, при котором найден был документ на имя Хасанова Тургуна Юлдашевича. О Хасанове говорилось, что он за подлог приговорен советским судом в Грузии на 6 лет, но по амнистии освобожден.

Хасанов любезно согласился признать, что он – именно Хасанов, а не Ходжаев, что выпущенный по амнистии из тюрьмы он решил зарабатывать свой хлеб с маслом особой профессией. Профессия эта, не предусмотренная тарифными и штатными постановлениями, предусмотрена, однако, уголовным кодексом. С психологической и бытовой стороны она частично описана Гоголем в комедии «Ревизор».

История с Хасановым научит, надеюсь, многих наших товарищей осторожности. Но и тут есть опасность. У нас, бывает, всё делается как-то не на шутку. То доверяют первому Хасанову. То могут проникнуться абсолютнейшим равнодушием к обращающемуся за помощью человеку. И я серьезно боюсь, как бы ни вышло где-нибудь, что очутившегося в провинции предка заберут без лишних разговоров. Много, мол, вашего брата по провинции гуляет. Пошлем в Москву, пускай там разбираются: который настоящий, который поддельный.

Вот этого бы я не советовал делать. Всего в меру – и доверчивости, и недоверия⁹¹⁷.

Выдав удостоверение Тургуну Хасанову, что он является председателем ЦИК Узбекской ССР, председатель Крымчика Ибрагимов стал его «крестным отцом». Поэтому в «Золотом теленке» у Остапа Бендера, который в разговоре с председателем Арбатовского исполкома представился сыном лейтенанта Шмидта, попросив у него 50 рублей, будет отчество «Ибрагимович»: «Нет, серьезно, я очень уважаю Остапа Ибрагимовича, это такой человек!..», – говорит очередной «сын лейтенанта Шмидта» Паниковский другому – Балаганову (глава «Командор танцует танго»). А в романе «Двенадцать стульев» мы обнаруживаем сразу две отсылки к биографии Хасанова: «После этого заговорили о шелке, и Остап обещал подарить очаровательной хозяйке несколько сот шелковых коконов, привезенных ему председателем ЦИК Узбекистана» (глава «Людоедка Эллочка»); «Остап всё время произносил речи, спичи и тосты. Пили за народное просвещение и ирригацию Узбекистана. После этого гости стали расходиться» (глава «Союз меча и орала»). Кстати, из первой записной книжки Ильфа известно, что с 20 июня до середины июля 1925 года он находился в Узбекистане по командировке от газеты железнодорожников «Гудок»⁹¹⁸ для написания репортажа. И уже в самой первой записи мы встречаем слово «ирригация»: «План. Хлопководство, быт. Желдормастерские. Ирригация. Шелководство. Кустари. Рабореры»⁹¹⁹ (поэтому и

⁹¹⁷ *Сосновский Л.* Знатный путешественник // Правда. М., 1925. 1 окт. С. 1. Перепечатано: Сатирический чтец-декламатор, 1917 – 1925 / Сост. И.П. Абрамский; Под. ред. Л.С. Сосновского. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 39 – 41. Этот сборник совершенно точно был известен создателям Бендера, поскольку там были опубликованы два рассказа Е. Петрова: «Блудный папа» (с. 19 – 20) и «Радости Мегаса» (с. 279 – 282). Кроме того, в этот сборник вошли три материала В. Катаева: рассказы «Выдержал» (с. 166 – 167) и «Козел в огороде» (с. 358 – 360), а также литературная пародия «Птичка божия» (с. 427 – 429).

⁹¹⁸ *Ильф И.* Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 13 – 34.

⁹¹⁹ Там же. С. 13.

Остап в «Золотом теленке» окажется в Узбекистане – Бухаре, Самарканде и Ташкенте). Но поскольку упоминать имя председателя узбекского ЦИК Файзуллы Ходжаева было нельзя, соавторам пришлось «сыграть на понижение», и Бендер, Балаганов и Паниковский представляются всего лишь детьми лейтенанта Шмидта.

Дело афериста Тургуна Хасанова, хранящееся в партархиве ЦК Компартии Белоруссии (фонд № 4, опись № 21, дело № 151⁹²⁰), случайно обнаружил 17 ноября 1998 года минский историк Илья Курков, когда «работал в Национальном архиве Республики Беларусь над плановой темой»⁹²¹. Сохранилась любопытная стенограмма переговоров начальника гомельской милиции, 28-летнего Матвея Хавкина, который с апреля 1924 года занимал должность руководителя Губернского Административного Отдела, и начальника Центррозыска в Москве Н.А. Николаевского:

Х. У аппарата нач. ГАО Гомеля. Появился подозрительный, именуется председателем ЦИК Узбекистана, документы на имя Ходжаева Файзуллы, имеет временное удостоверение Крымчика № 4645-25/15 июля 1925 г. Других документов нет. Проверьте местонахождение сейчас же. Нет сходства в портретах Председателя Узбекистана. В Губисполкоме получил 60 р., говорит, что едет в Москву, но билет взял на Харьков. Прибыл из Минска. Агенты Белрозыска следят, фактически расшифрованы. Жду вашего распоряжения, со мною у провода губпрокурор.

Н. Установите наблюдение впредь до получения от нас ответа. Немедленно выясню в Кремле. Всё.

Х. Минута дорога. Собирается уехать. Может сорваться с первым поездом. Когда можно ждать ответа? Установлю наблюдение за вокзалом через наши органы и органы ГПУ.

Н. Ответ ждите сегодня ночью. Всё!⁹²²

Ордер на арест был получен в ту же ночь:

Задержите впредь до выяснения.

Начальник Центррозыска Николаевский⁹²³.

Сохранился также документ Гомельского Губернского Административного Отдела под названием «МАНДАТ», датируемый 8/VIII-25: «Дан настоящий мандат Уполномоченному Отдела Розыска Губернского Административного Отдела Гомеля в том, что ему действительно предоставлено право задержать именуемого себя Председателем ЦИК Узбекской ССР Ходжаевым Файзуллой»⁹²⁴. Этот документ и был предъявлен Хасанову в ночь на 9 августа 1925 года при аресте в номере гостиницы, куда его после бурного банкета доставил автомобильный кортеж.

И вскоре Хавкин направил своим конкурентам из Минска победную реляцию:

Срочно. Минск. Начальнику милиции республики т. Кролю.

Именуемый себя председателем ЦИК Узбекистана Ходжаевым Файзуллой разоблачен. Оказался аферистом Хасановым. Ваш приезд излишен.

Начальник ГАО Хавкин Матвей⁹²⁵.

---

⁹²⁰ Д/ф «Прототипы. Остап Бендер. Дело Хасанова» (ВГТРК, 2013).

⁹²¹ Курков И., Пушкин И. Как Хавкин «сделал» Бендера // Курков И., Пушкин И. Могилёвщина: легенды, события, люди. 2-е изд., доп. и перераб. Минск: Медиафакт, 2008. С. 285. То же: Курков И. Великий комбинатор. Остап Бендер «спалился» в Гомеле // «Аргументы и факты» в Беларуси. Минск, 2016. 23 авг. № 34.

⁹²² Курков И., Крапивин С. Многоликий Остап. Его звали Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей, а также Осип Шор, Тургун Хасанов и даже Матвей Хавкин // Труд-7. М., 1999. 9 – 15 июля. С. 18.

⁹²³ Д/ф «Прототипы. Остап Бендер. Дело Хасанова» (ВГТРК, 2013).

⁹²⁴ Там же.

⁹²⁵ Курков И., Крапивин С. Многоликий Остап // Труд-7. М., 1999. 9 – 15 июля. С. 18.

По словам одного из исследователей: «Среди вырезок, собранных Ильфом в специальную тетрадь, имеется целая подборка о жуликах, выдававших себя за родственников великих людей. Чьи имена только не эксплуатировали изобретательные аферисты! Нашлась даже мошенница, выдававшая себя за дочь Сун Ят-сена⁹²⁶... Все это были живые прототипы “братьев Луначарского, кузин Клары Цеткин или, на худой конец, потомков знаменитого анархиста князя Кропоткина”, о которых писали авторы “Золотого теленка”»⁹²⁷. Тетрадь Ильфа с газетными вырезками действительно существует и в настоящее время хранится в РГАЛИ с таким описанием: «Вырезки из газет со статьями, заметками, фельетонами разных авторов, с судебной хроникой и объявлениями. Часть вырезок из газет наклеены в тетрадь и снабжены надписями Ильфа И.А. (название газет и даты). Крайние даты: [1925] – 1928 и б/д»⁹²⁸.

В июльском номере журнала «30 дней» за 1928 год закончилась публикация романа «Двенадцать стульев», а 21 июля «Вечерняя Москва» опубликовала статью еще об одном аферисте, где узнаются некоторые мотивы из будущего «Теленка»⁹²⁹, причем эта статья во многом повторяет описание приключений Тургуна Хасанова из газеты «Правда» от 01.10.1925:

Токарь по металлу завода им. Андре Марти в Николаеве, Одесской губ., Александр Сербин решил совершить пешеходное путешествие по маршруту Николаев – Владивосток и обратно. Он возбудил ходатайство перед Николаевским отделением союза рабочих металлистов об оказании ему содействия. Ходатайство Сербина было уважено: Николаевское отделение обратилось ко всем профсоюзам и общественным организациям с просьбой оказать Сербину возможное содействие во время путешествия.

Оказавшись в пути, Сербин решил выдать себя за болгарского рабочего, совершающего кругосветное путешествие, и ему поверили. В другом городе он выдал себя за американца, и тоже ему всё сошло с рук.

Как известно, аппетит приходит во время еды, и в Казани Сербин объявил себя сыном бразильского консула в Китае. При этом он ни слова не говорил на иностранных языках и не имел никаких документов, но все равно ему поверили и даже предоставили номер и стол в гостинице «Казанское Подворье». Более того, в распоряжении Сербина «в течение 11 суток находились автомобиль и выезд».

А далее начинается самое интересное:

Татнаркомпрос выдал ему справку о пропуске для осмотра совместно с проф. Смолиным исторических памятников. **Наркомюст** допустил его к осмотру исправдомов на территории Татарской Республики. Татарский ЦИК выдал ему 35 руб., Наркомфин 30 руб., а в день отъезда Сербина для него был устроен прощальный вечер и банкет, на котором ему преподнесли часы.

С немалым почетом встретили самозванца в **Петропавловске**. Здесь он отрекомендовался бразильским рабочим и в присутствии **должностных лиц** осмотрел целый ряд учреждений. Он «почтил» своим посещением консервную фабрику, мельницу, пивоваренный и кожевенный заводы, а затем пожелал осмотреть киргизский аул. «Иностранцу» была немедленно предоставлена верховая лошадь и он в сопровождении милиционера побывал в окрестностях Петропавловска. Не обошлось и здесь без денежных расходов. В гостинице Сербин проживал за счет **губисполкома**, в его распоряжении находились два автомобиля. **Горсовет** подарил ему прорезиненный плащ, а **Губпрофбюро** выдало 80 руб.

Сербин отправился дальше. В **Златоусте** он фигурировал под видом рабочего из Америки. Златоустинский **горсовет** подарил «американцу» костюм, а от **профсоюза** он получил 50 руб. пособия.

⁹²⁶ Китайский революционер (1866 – 1925), основатель и первый президент Китайской республики.

⁹²⁷ *Свирский В.Д.* Откуда вы, герои книг? Очерки о прототипах. М.: Книга, 1972. С. 12.

⁹²⁸ РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 190; <https://rgali.ru/storage-unit/2670516>

⁹²⁹ С.Б. «Сын бразильского консула» // Вечерняя Москва. 1928. 21 июля. № 168. С. 2.

Но здесь же, в Златоусте, Сербина взял на заметку местный угрозыск, а пока похождения афериста продолжились: в Сарапуле он довольствовался 25-ю рублями, в Свердловске ему были предоставлены номер и стол в гостинице «Урал», а совет профсоюзов пожаловал ему 40 рублей. Подобным же образом Сербин «окучил» немало городов. И, наконец, финал этой истории случился в Башкирской АССР:

Он не брезговал и мелкими суммами – 10 р. в Уфе от горсовета. Там же в **Башсовнаркоме** он получил 50 рублей, а **Наркомпрос** откомандировал в его распоряжение специального инспектора, который знакомил «знатного гостя» с садами и музеями. На лошади **Наркомвнудела**, в сопровождении милиционера, Сербин ездил для ознакомления с башкирскими деревнями. А на другой день он, в сопровождении милиционера, был препровожден... под арест, так как все его проделки были раскрыты златоустинским угрозыском.

При обыске у Сербина было найдено письмо, адресованное его родственнице в Одессе. Там он хвалится своими достижениями:

«Я думал, Зочка, – пишет самозванец, – что счастье жизни можно найти только в деньгах. Но оказывается, что я очень ошибся. Представь себе, что я уже 7 месяцев в пути и, наконец, увидел это названное счастье. Я увидел то, к чему стремился, – деньги, почет и громкое имя.

О, Зочка, ты не знаешь, как меня чтит и чтят.

Когда я был в Казани (а это центр Татарской Республики), меня приняли за сына бразильского консула в Китае. **Да я и действительно провел названное имя мастерски!** За мною хвостом ходили наркомы и члены ВЦИК. В моем распоряжении находился 11 суток автомобиль. Меня именовали не Шурка Сербин, вовсе нет, а мистер Бинс. Я стоял в лучшей гостинице. Все мне льстили, и как же не льстить, когда я бразилец – сын американского консула, делаю кругосветное путешествие **для ознакомления с бытом городов мира. Ха-ха!..**

Для меня устроили вечер вроде банкета и подарили лучшие часы. Проводили в мягком вагоне. В других городах такой же почет. **Мне выдают документы о том, что я бразильский путешественник**, мне улыбнулось счастье, которое, пожалуй, на всю жизнь меня обеспечит. Ты должна, моя дорогая, меня поздравить с тем, что я написал книгу в 230 страниц. Я отдал свою книгу в печать и уверен, что будет такая и кино-картина.

О, Зочка, **целую мировую сенсацию!** Я сделаюсь сразу известностью в мире!..».

Во всей этой эпопее современного Хлестакова самое удивительное – это то безграничное легкоеверие, с каким местные ответственные работники отнеслись к «сыну бразильского консула в Китае». А если даже и сын бразильского консула, – что за подхалимство по отношению к заезжему иностранцу. В одном из городов, в Красноуфимске, который «бразилец из Николаева» почтил своим присутствием, его засняли и портрет поместили... в местном музее. Пожалуй, не только Хлестаковы сохранились кое-где, но и Сквозник-Дмухановские.

Сейчас Наркомвнудел, который уделяет делу Сербина большое внимание, намерен оповестить места о необходимости более осторожного подхода ко всяким путешественникам.

Возможно, формула «сын бразильского консула» подсказала соавторам лейтмотив «Золотого тельца» – стремление Остапа попасть в Рио-де-Жанейро. Впрочем, и Остап Шор будто бы мечтал уехать в Бразилию, но почему-то не уехал... А слова Шуры Балаганова: «Хорошо жить на свете! Вот *мы едем*, мы сыты. Может быть, нас ожидает счастье...», – коррелируют с рассуждениями Шуры Сербина: «...я уже 7 месяцев в пути и, наконец, увидел это названное счастье. Я увидел то, к чему стремился, – деньги, почет и громкое имя»⁹³⁰. Последняя фраза напоминает еще и реплику разбогатевшего Остапа: «Где уважение? Где почет? Где слава? Где власть?». Кстати, не превратится ли и Зоя в Зосю? Ведь разница всего в одной букве...

---

⁹³⁰ Отмечено: Андреев Г.Л. «Золотой тельца» и криминальная хроника конца 1920-х годов // Вопросы литературы. 2021. № 2 (март – апр.). С. 262.

А если вспомнить посещение Остапом Арбатовского исполкома, то будет уместно привести два фрагмента из заметки, появившейся в конце марта 1926 года:

За последнее время получило широкое развитие «гастролерство» по части получения пособий. Особенно усердно эти гастролеры посещают Самару. <...> Особенно часто попадают впросак страховые кассы.

Все разновидности «гастролеров» по получению пособий по характеру их приемов можно подразделить на две основные группы: 1) действующие с расчетом вызвать сочувствие и 2) вымогатели в прямом смысле слова.

Первые, обычно, оказываются какими-нибудь обездоленными, особенно остро нуждающимся, так что если им немедленно не помочь, то они должны сейчас же погибнуть. Вторые, кроме жалоб на свою судьбу, пускают в ход прямые и чаще косвенные угрозы насилием.

– Я, товарищ, больной-припадочный, могу решиться на убийство, – рекомендует себя «гастролер».

Часто в кабинетах председателей или заведующих, куда пришел «гастролер», прodelывается сама симуляция припадка: бросаются пресс-папье, чернильницы в осмелившегося отказать в выдаче пособия или в рекомендательной записке⁹³¹.

Прием, используемый «гастролерами»: «Я, товарищ, больной-припадочный», – объясняет странные, на первый взгляд, опасения председателя Арбатовского исполкома в отношении Остапа: «А вдруг припадочный? – подумал он, – хлопот с ним не оберешься». Как видим, председатель уже сталкивался с аферистами, которые симулировали припадки, но при этом не сомневался, что перед ним – именно те люди, за кого они себя выдавали, поэтому он поверит и Остапу, дав ему восемь рублей.

В августе 1925 года Ильф побывал в Саратове в качестве корреспондента «Гудка» с целью написания репортажа о приезде тиражного парохода «Герцен»⁹³². Но, по некоторым данным, он уже приезжал в Саратов в конце марта – начале апреля того же года, о чем глухо сообщала заметка в местной газете: «В среду, 1 апреля, в 7 часов вечера, в театре Дома труда и просвещения назначается суд над рабкором ж. д. мастерских тов. Васильевым и над газетой “Гудок”. В суд вызывается администрация.

Для участия на суде прибыли представители “Гудка”. Вход по билетам, которые раздадутся рабочим через месткомы.

В связи с судом и для разрешения других вопросов, на субботу 28-го в красном зале Дома труда и просвещения в 6 часов созывается учкопрофсоюзом и представителем “Гудка” экстренное общеучастковое собрание всех рабкоров и редколлегий всех стенгазет железнодорожников»⁹³³.

Во время этого первого приезда, просматривая саратовскую прессу за февраль 1925 года, Ильф мог наткнуться на следующую, весьма любопытную заметку:

Летом прошлого года в Саратов из Ленинграда приехал молодой человек – «приятной наружности» – Макс Вахтухновский.

Приехал по его словам куда-нибудь «устроиться».

Сначала «беспризорный» молодой человек стал «пристраиваться» в обществе друзей беспризорного ребенка. Болтался в деткомиссии, губоно. Потом услужливостью, «приятной» наружностью привлек к себе внимание ответственных руководителей этих учреждений.

Ему обещали хорошую ответственную должность, а пока давали кое-какие поручения.

С одним из таких поручений (продажа значков) Вахтухновский появился в Покровске.

Здесь он узнает из газеты о постановлении XIII с'езда советов об организации в СССР фото-кино-комитетов.

В голове Вахтухновского, артиста по призванию и профессии, окончившего кинематографические курсы, рождается план гениальной аферы.

⁹³¹ С-в. Гастролеры-вымогатели // Коммуна. Самара, 1926. 28 марта. № 71. С. 3.

⁹³² Тиражем к деревне [без подписи] // Известия. Саратов, 1925. 6 авг. № 178. С. 2.

⁹³³ С. Суд над рабкором // Известия. Саратов, 1925. 28 марта. № 71. С. 3.

Рекомендуя себя уполномоченным Саргубдеткомиссии, Вахтуховский в кабинете Наркомзема Республики Немцев Поволжья предлагает и развивает план организации в Поволжье фото-кино-комитетов.

В Наркомземе чрезвычайно серьезно отнеслись к этой мысли. Созвали ученую комиссию, которой предложено было выработать проект деятельности предлагаемого комитета и представить на рассмотрение Наркомзема.

По мысли Вахтуховского предполагалось создать фильму, демонстрирующую достижения сельского хозяйства.

Дело пошло в порядке ведомственной волокиты.

Вахтуховский бегал по кабинетам. Просил поторопиться. Разговаривал с учеными агрономами по «техническим» вопросам. Настаивал об обсуждении вопроса в Совнаркоме.

Об этом-же вел переговоры в Наркомпросе.

Однако, несмотря на серьезное отношение, дело не двигалось, Вахтуховский нервничал.

Сидя однажды в кабинете ответств. работника Муратова он заметил оставленную на столе печать Наркомзема. Наскоро отпечатал себе несколько листов чистой бумаги и сунул их в карман.

Потом на одном из этих листов составил подложное соглашение от имени Наркомзема с представлением ему полномочий представителя фото-кино-комитета республики немцев Поволжья.

С этим документом Вахтуховский явился в адм.отдел Саргика для регистрации якобы вновь организуемого в Саратове учреждения. Одновременно на другом отпечатанном в Покровске листе написал и послал в полиграфпром отношение на заказ печати и штампы для организуемого управления полномочного представителя фото-кино-комитета А.С.С.Р.К.П.

Несмотря на многие логические несуразности, Вахтуховского нигде никто не заподозрил.

В адм.отделе зарегистрировали несуществующее учреждение и любезно расспрашивали:

- Вероятно, служащих будете набирать?
- Несомненно. У меня дело широко будет поставлено!
- Нельзя-ли к вам товарища устроить?
- Пожалуйста, пожалуйста!...
- Я к вам с записочкой пришлю...
- С удовольствием! Железнодорожная 81.

По этому адресу на окраину города в дом дяди Вахтуховского, где он остановился, явилось с записками от своих протеже несколько человек.

Некоторым из них Вахтуховский дал сразу задание, а других просил подождать пока развернется дело и определится характер работы.

Что-б не ронять марку учреждения, Вахтуховский выдал «сотрудникам» аванс.

И вместе с тем энергично начал работу по изысканию средств. С торговцами, владельцами пивных и ларьков повел переговоры о передаче их заведений его учреждению, предлагая при этом «очень выгодные» для них условия.

Средства быстро потекли в карман Вахтуховского.

В результате переговоров пивник Попов передал ему свою пивную, а сам сделался приказчиком с «приличным» окладом. Для первых оборотов Вахтуховский взял у него в кредит 120 рублей и потом получал всю выручку.

В эту-же пивную Вахтуховского перевел свою контору с Железнодорожной улицы.

«Дело» расширялось не по дням, а по часам.

В конторе появился штат служащих: зам, бухгалтер и четыре агента для поручений. Последних Вахтуховский разослал по уездам распространять таблицы метрических мер, которых он несколько тысяч сумел взять в кредит в центральном книжном магазине губоно.

В связи с большим ростом дела, Вахтуховский решил изменить «полпредство».

С этой целью через протежированных адм.отделом сотрудников распространил слух, что его назначают... полпредом Бухарской республики.

В подтверждение этого одному из них показал телеграмму «из Москвы», данную им самому себе из Покровска в Саратов, в которой сообщалось, что ему высылаются полномочия от Бухарского Совнаркома.

Таким образом, создав подходящую атмосферу, Вахтунговский в частной мастерской заказал себе печать полпреда Бухары и, сделав новые мандаты, снова явился в адм.отдел зарегистрировать новое учреждение.

С новыми полномочиями дело пошло еще шире. Вахтунговский бегал из учреждения в учреждение. Всюду открывали кредит. Торговля в пивной «Бухарского полпреда» кипела. Контору перевел в другое место. Не хватало только автомобиля. Достал и его.

– Чья это машина? – спросил однажды Вахтунговский шофера, заметив на улице стоявший автомобиль.

– Дивизии, – ответил тот.

– Нельзя-ли воспользоваться?

– Нет, товарищ! Сам не могу, поговорите с начальством.

В тот-же день он розыскал начальство и в результате переговоров автомобиль был предоставлен ему в пользование на целую неделю.

Автомобиль значительно содействовал успеху полпреда. На нем он, подкинув шоферу на чай, вихрем носился по Саратову. Устраивал веселые компании с женщинами, налетал ежедневно в пивную за выручкой и расширял дело.

Неожиданный успех «дела» испугал «полпреда». Решил переменить место деятельности.

Сообщив подчиненным, что уезжает по делам службы в Коканд, он переехал в Самару, куда захватил с собой в качестве личного секретаря девицу Поступаеву, с которой познакомился за день до отъезда.

Там они явились также в адм.отдел ГИК. Завизировали мандаты. Поместились в комнате, любезно им предоставленной ОДВФ [Обществом друзей военного флота. – Я.К.].

Приняли участие в организации полетов на гидроплане «Юнкерс», взяв в кредит значительное количество билетов.

В Самарской газете Вахтунговский поместил об'явление следующего содержания: «К сведению торговцев и всех граждан. Все желающие передать свои ларьки и лавочки или открыть новые с оставлением их в должности ответственных приказчиков на выгодных условиях приглашаются для переговоров в здание Самарского губ. исполкома, комната 20 с 11 час. к т. Поступаевой.

Заявления будут приниматься до 21-го августа, после чего никакие справки и заявления выдаваться и рассматриваться не будут».

По этому об'явлению валом повалили торговцы. Секретарша Поступаева не поспевала получать по 50 руб. вступительных вкладов.

На этом номере «полпред» заработал 930 руб.

– Я сам был ошеломлен, – говорит он теперь на суде. – Сколько их привалило. Деньги не поспевали считать...

В Самаре Вахтунговский завязал связь с крупными учреждениями: трестами, госзаводами, ОДВФ, обществом беспризорного ребенка и целым рядом других.

В конце концов поведение его в Самаре показалось подозрительным. В квартире его был произведен обыск, которым и вскрылась афера «полпреда».

Вахтунговский был арестован, во всем чистосердечно сознался и дело его вместе с ним было передано в Саратовский суд.

На-днях оно разбиралось в нарсуде 1-го района под председательством т. **Зимина**.

Защищал его член коллегии защитников **Беккер**. Гражданскими истцами выступали: от ГФО [губернский финотдел. – Я.К.] т. **Микицинский**, от губоно – т. **Мерцлин**.

Суд приговорил Вахтунговского к 2 годам лишения свободы без строгой изоляции с удовлетворением пред'явленных к нему исков.

Поступаеву на 1 год, но, ввиду ее первой судимости, наказание сократили до 3-х месяцев⁹³⁴.

---

⁹³⁴ В.Ж. «Полпред Бухарской республики» // Известия. Саратов, 1925. 8 февр. № 32. С. 3. Впервые эта заметка была рассмотрена в кн.: *Донецкий Б.Н.* По саратовским следам «Золотого теленка»: Литературно-краеведческое расследование. Саратов: Приволжское изд-во, 2019. С. 148 – 154. Хотя ее автор ошибается в написании фамилии героя и указывает неверную дату статьи, но верно отмечает сходство между строками «Автомобиль значительно содействовал успеху полпреда. На нем он <...> вихрем носился по Саратову» и описанием Остапа: «...начальник отделения носился по городу в желтом автомобиле». Кстати, «Полпред Бухарской республики» сродни «Сыну бразильского консула» из «Вечёрки».

Очередным прототипом Бендера стал одесский поэт Митя (Дмитрий) Ширмахер. Так, вопрос Остапа «Простите, мадам, это не вы *потеряли на углу талон на повидло?*» («Золотой теленок»; глава «Гомер, Мильтон и Паниковский») отсылает к обменной операции, провернутой Ширмахером, когда он обещал лейтенанту германской армии подошвенную кожу в обмен на бочонок спирта, «но, зная, что час эвакуации вот-вот наступит, не торопился с ее доставкой. Дождавшись нужного момента, Митя буквально вырвал из рук немца заветный бочонок, обещая, что *тележка с кожей находится за углом*. Лейтенант бежал, догоняя свою часть, а трофеем – бочонок – Митя пожертвовал для открытия Клуба [поэтов]»⁹³⁵.

Знакомая Ильфа Тая Григорьевна Лишина так описывала Митю Ширмахера: «Не знаю, кому первому пришла мысль открыть вечернее кафе поэтов для широкой публики. Возможно, это был предприимчивый молодой человек, о котором ходили слухи, что он внебрачный сын турецкого подданного (много позже мы узнали его черты в образе Остапа Бендера), но тогда он только начинал бурную окололитературную деятельность. Во всяком случае, летом 1920 года первое одесское кафе поэтов с загадочной вывеской “Пэон четвертый” было открыто»⁹³⁶. Кстати, фамилия «Ширмахер» (Schiermacher) переводится с немецкого и идиша как «чистый комбинатор» (а Ильф как раз был знатоком еврейского жаргона: «Жаргон я понимал, а чекистом никогда не был», – напишет он в рассказе «Повелитель евреев», 1923⁹³⁷). Остап же как раз ценил чистоту в воплощении своих замыслов: «Собственно говоря, хвастаться нечем, комбинация простенькая. Но опрятность, честность – вот что дорого. Двести рублей. В пять минут» («Золотой теленок»; глава «Сладкое бремя славы»); а когда ему что-то не нравилось, говорил: «Низкий сорт, нечистая работа» («Двенадцать стульев»; глава «Великий комбинатор»), «И вообще, – продолжал Остап, – у вас нечистая хватка» («Золотой теленок»; глава «Антилопа-Гну»).

За год до появления романа «Двенадцать стульев» Митя Ширмахер уже стал прототипом «разъездного агента и уполномоченного по распространению изданий Цекомпома» Б.К. Изумрудова в повести Валентина Катаева «Растратчики» (1926; в поздней редакции Изумрудов будет назван Кашкадамовым), поскольку Ширмахер подписывал стихи псевдонимом «Дмитрий Агатов»⁹³⁸, а агат и изумруд относятся к одному семантическому полю – «драгоценные камни». В свою очередь, образ Изумрудова сформировался под влиянием пьесы Булгакова «Зойкина квартира» (1925), где действует жулик Аметистов (аметист и изумруд – также драгоценные камни). Но наряду с этим Изумрудов послужил и литературным прообразом великого комбинатора: «Одно из двух – берете три комплекта изданий Цекомпома или не берете? Короче. Мне некогда, товарищ. У меня в четверг, товарищ, доклад в Москве, в Малом Совнаркоме»⁹³⁹ ~ «Жена? Бриллиантовая вдовушка? Последний вопрос. Внезапный отъезд по вызову из центра. Небольшой доклад в Малом Совнаркоме» («Двенадцать стульев»; глава «Знойная женщина, мечта поэта»). Также образ Изумрудова из «Растратчиков» (1926): «Удостоверение. Дано сие тов. Изумрудову Б.К. в том, что он является разъездным агентом и уполномоченным *по распространению изданий Цекомпома*»⁹⁴⁰, – восходит к рассказу Евгения Петрова «Звездакин в доме отдыха» (1925):

⁹³⁵ Окс Е. Мой друг Ильф. Одесса. 1919 – 1921 годы // Ильф Ильф и Евгений Окс: дружба длиной в десятилетия. М.: БОНФИ, 2008. С. 21 – 22.

⁹³⁶ Ильф А.И. Ильф Ильф: Линия жизни 1897 – 1927 // Ильф Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа. М.: Текст, 2004. С. 36.

⁹³⁷ Первая публикация: Юность. М., 1992. № 2. С. 73.

⁹³⁸ Но он писал также и прозу: «Дмитрий Агатов кончил роман из быта игроков-картежников при бывшем московском казино» (Над чем работают писатели // Литературная газета. М., 1929. 9 сент. № 21. С. 2). В этом же номере «Литгазеты» на стр. 3 напечатана статья Вл. Шмерлинга «Литература на Солянке, 12» о редакции «Гудка», и процитирована глава «Автор Гавриладины» романа «12 стульев».

⁹³⁹ Катаев В. Растратчики // Красная новь. М., 1926. № 11. С. 71.

⁹⁴⁰ Там же. С. 69.

«Я просто назвался агентом по распространению подписных изданий Госиздата, портретов вождей и значков добровольных обществ»⁹⁴¹.

Слова Изумрудова: «Конечно, вам не надо разъяснять цели и задачи нашего учреждения»⁹⁴², – повторит Остап Бендер перед участниками тайного «Союза меча и орала»: «Я не стану говорить вам о цели нашего собрания – она вам известна».

После слов «задачи нашего учреждения» Изумрудов продолжает: «Ближе к делу». И эти слова произнесет Остап в разговоре с Коробейниковым: «Ближе к телу, как говорил Мопассан». Далее Остап иронически спрашивает Коробейникова: «Это почему ж так много? Овес нынче дорог?», – что вновь коррелирует с повестью Катаева: «Овес, эх, нынче дорог стал, барин, – заметил извозчик вскользь»⁹⁴³.

Но вернемся к Мите Ширмахеру, чей колоритный портрет нарисовал писатель Сергей Бондарин (назвав его, правда, Митей Махером), которому довелось общаться и с другим прототипом Бендера – Остапом Шором:

На улице Петра Великого помещался коллектив поэтов.

И вот здесь-то в те времена я и познакомился с Митей, прообразом будущего Остапа Бендера. Литературный герой сатиры, ставшей популярной и знаменитой, заимствовал кое-какие черты от этого Мити, а кое-что от другого человека – по имени Остап. Я знал их обоих.

Можно было дивиться, откуда у Мити, прихрамывающего на одну ногу, столько энергии и предприимчивости. Стихов он не сочинял и не декламировал чужих, но znalся дружески со всеми пишущими, а главное – чего уж теперь скрывать – прихрамывающий, всегда улыбающийся, Митя Махер чуть ли не с детских лет умело обделывал свои делишки и охотно помогал другим – с тою же ловкостью, что и его земляк и двойник – рослый, рыжий, грубоватый Остап⁹⁴⁴. Этот тоже не сочинял стихов, прибился он к поэтической молодежи заодно и вслед за своим братом поэтом Фиолетовым. <...> Фиолетов работал в угрозыске до того, как подобные же романтические поиски привлекли сюда же Евгения Катаева. Неосторожность рано погубила Фиолетова. Его брат, Остап, оказался удачливей...

Вернемся, однако, к хрому Мите.

Ловкач ухитрился занять обширную квартиру, наполненную обломками стильной мебели. Вселения в заброшенные квартиры в те годы случались нередко. С Митей поселился Багрицкий, которому наскучило жить в полутемной и вонючей квартире на Ремесленной улице у мамы.

Вот так и начался коллектив поэтов, до этого не имевших постоянной аудитории. Сюда, на улицу Петра Великого начали ходить Юрий Олеша и Валентин Катаев, Зинаида Шишова и Адалис, Марк Тарловский, Илья Арнольдович Файнзильберг (Ильф тогда еще не был Ильфом, знали его фамилию, а не литературный псевдоним), с ним неизменно приходил немного хмурый, малословный Лев Славин; было непонятно, что их соединяет – юношеский наигранный снобизм или ироничность; даже друг с другом эта пара держалась подчеркнуто холодно.

Если не ошибаюсь, чтения происходили по средам и субботам. В эти вечера самая просторная комната буржуазной квартиры с венецианским окном наполовину без стекол, наполнялась поэтами и художниками, девушками, любящими стихи, студентами, прежде ходив-

---

⁹⁴¹ *Иностранец Федоров*. Звездакин в доме отдыха // Крокодил. М., 1925. № 20. Май. С. 5.

⁹⁴² Катаев В. Растратчики // Красная новь. М., 1926. № 11. С. 69.

⁹⁴³ Катаев В. Растратчики // Красная новь. М., 1926. № 10. С. 47.

⁹⁴⁴ В самом раннем варианте воспоминаний, вышедшем при жизни Ильфа (1936), Сергей Бондарин оговорился, назвав Митю Ширмахера Митей Бендером: «Был тогда Митя Бендер. Сам он стихов не читал, но znalся со всеми пишущими. А главное – умел устраиваться. Каким-то образом он занял обширную квартиру с обломками мебели. С ним поселился Багрицкий. Сюда начали ходить: Олеша, Валентин Катаев, Адалис, Миних, Тарловский, Ильф, Славин, поэты “Зеленой лампы”, художники и девушки, интересующиеся стихами. Заглядывал Шенгели. Ильф тогда Ильфом не был: знали его фамилию. Он не читал, но его мнением дорожили: предполагалось, что он пишет какие-то исключительные, не похожие ни на что вещи. Он больше молчал, сидя в углу, в пенсне, но все же он, Славин и Эдуард Багрицкий были в числе опасных и самых джких голосов с мест. Это от них пошел по рукам трепанный том Рабле» (Бондарин С. «Харчевня» // Эдуард Багрицкий: Альманах / Под ред. В. Нарбута. М.: Сов. писатель, 1936. С. 229).

шими на чтения «Зеленой лампы». Появлялся здесь и Георгий Шенгели, уже определившийся поэт, акмеист, автор самостоятельных книг⁹⁴⁵.

Сохранился и рассказ художника Евгения Окса (1899 – 1968) о встречах на квартире Ширмахера, организованных поэтессой Аделиной Адалис: «Однажды она сказала: “Есть пустая буржуйная квартира – мы устроим там клуб поэтов...”».

И вот она привела Ильфа и меня на улицу Петра Великого. В квартире был хозяин – Митя Ширмахер.

Он был хром, носил ортопедический сапог, лицо имел бледное, один глаз был зеленый, другой был желт. <...> Митя Ширмахер принадлежал к славному племени одесских комбинаторов. Я же прозвал его “хромой бес Тюркаре”⁹⁴⁶. Вот здесь и кроются истоки дьявольских повадок Остапа Бендера, сына турецкоподданного.

Что же касается Аделины Адалис, то именно ей принадлежит выражение «Вы толстый и красивый парниша», вошедшее в словарь Элочки-людоедки. По словам Евгения Окса: «Одному нашему знакомому она говорила: “Вы красивый и толстый”. Такое соединение эпитетов ей безумно нравилось»⁹⁴⁷. В этих же воспоминаниях говорится о романе между Ильфом и Адалис («Музой»): «Я мог только подозревать о возможности существования неизвестных мне отношений, еще до моего знакомства с ними, между Музой и Ильей. О всей их сложности...»

Позже Ильф как-то сказал мне: “Влюбленных съединила влюбленного рука”. Муза считала Илью “своим созданием”. До знакомства с ней он работал на заводе “Анатра” токарем. Она искренне считала, что только благодаря ей, ее влиянию, он стал таким начитанным, разносторонне образованным и интересным человеком. Она часто говорила: “Иля – это мое создание”⁹⁴⁸.

Если же говорить о прототипах Элочки-людоедки, то их было еще несколько: «Как сказала мне Людмила Коваленко [племянница первой жены Валентина Катаева Анны Коваленко – «Мусика» из «Двенадцати стульев». – Я.К.], прототипом Элочки-людоедки была ее тетья – Тамара Сергеевна, тоже работавшая ретушером, как и катаевская жена, а прототип Фимы Собак – подруга Тамары Раиса Аркадьевна Сокол, впоследствии прошедшая всю войну медсестрой... Обе обожали вещи и разговоры о них»⁹⁴⁹. Другим прототипом Элочки стал художник-карикатурист Алексей Радаков, работавший в журнале «Сатирикон»: «Как сейчас слышу его любимое словцо, с помощью которого он любил выражать самые разные свои чувства.

– Адово! – изрекал Радаков, увидев чей-нибудь отличный рисунок. <...>

Другим словцом, которым бывший воспитанник Парижской академии художеств обозначал самые неожиданные свои эмоции, было слово “мрак”.

– Мрак! – неожиданно бросал он <...> чтобы выразить свое неудовольствие недостаточно холодным пивом или переваренными сосисками.

В быту Алексей Александрович пользовался удивительно малым запасом слов, и в этом отношении у него было немало общего с Элочкой из “Двенадцати стульев”. Кстати, и Ильф, и Петров отлично знали Радакова, часто с ним встречались и, составляя несложный словарь этой своей героини, включили в него и излюбленное радаковское словцо “мрак”⁹⁵⁰.

---

⁹⁴⁵ Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. М.: Сов. Россия, 1971. С. 126 – 127.

⁹⁴⁶ Илья Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа. М.: Текст, 2004. С. 26 – 27. Позднее перепечатано: Окс Е. Одесские страницы // Знамя. 2008. № 4. С. 165 – 166; Он же. Мой друг Ильф. Одесса. 1919 – 1921 годы // Илья Ильф и Евгений Окс: дружба длиной в десятилетия. М.: БОНФИ, 2008. С. 19 – 20.

⁹⁴⁷ Окс Е. Одесские страницы // Знамя. 2008. № 4. С. 168.

⁹⁴⁸ Там же.

⁹⁴⁹ Шаргунов С. Катаев. Погоня за вечной весной. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 253.

⁹⁵⁰ Кремлев И. В литературном строю: Воспоминания. М.: Моск. рабочий, 1968. С. 170 – 171.

В раннем рассказе Ильфа «Принцметалл» (1924) заглавный герой обращается к рассказчику: «Мое изобретение! Знаменито, а?»⁹⁵¹. А Эллочка после слов Остапа про ситечко замечает: «Должно быть, знаменито».

Принцметалл хвалится: «Знаменитый проект!», – и Эллочка на реплику своего мужа: «Да. Стулья хорошие», – скажет: «Зна-ме-ни-тые!»⁹⁵².

Также и фрагмент записной книжки Ильфа за сентябрь – октябрь 1925 года: «Двое молодых. На все жизненные явления отвечают только восклицаниями: первый говорит – “жуть”, второй – “красота?”»⁹⁵³, – напоминает лексикон Элочки: «Поедешь в таксо? Красота!». А на реплику своего мужа: «Взяток не беру... Денег не краду и подделывать их не умею...», – она отвечает: «Жуть!..». В той же записной книжке находим фразу: «Человек в лунном жилете со львиной прической. По жилету *рассыпаны звезды*»⁹⁵⁴. Это напоминает как рассказ Ильфа «Неликвидная Венера» (1925): «Зам в лунном, осыпанном серебряными звездочками жилете был загадочно добродушен»; так и роман «Двенадцать стульев»: «Через пять минут на Ипполите Матвеевиче красовался лунный жилет, усыпанный мелкой серебряной звездой...» (глава «Безенчук и “нимфы”»). А в записях за сентябрь – октябрь 1925 года встречается и фамилия «Члек»⁹⁵⁵, которая также перейдет в роман: «Поэма посвящалась загадочной Хине Члек» (глава «Автор Гавририады»). Кстати, в записях за август – ноябрь 1927 года мы вновь встречаем эту фамилию: «Члек и Собак»⁹⁵⁶.

Сюжет с визитом Бендера к Эллочке-людоедке получит развитие в рассказе Петрова «День мадам Белополякиной»⁹⁵⁷, где героиню навещает врун Борис Боберов.

Начнем с того, что и муж Элочки, и муж мадам Белополякиной зарабатывают похожие суммы денег: «Я получаю двести рублей...» = «Зарабатывает мало – триста

---

⁹⁵¹ Ильф И.А. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 88.

⁹⁵² Совпадает также описание Принцметалла и Воробьянинова: «Принцметалл радостно ухнул...» = «Ипполит Матвеевич счастливо ухнул...» (глава «Экзекуция»); и даже Принцметалла и Бендера в последней главе романа, так как оба говорят о возможности разбогатеть: «Когда я в последний раз встретил Принцметалла, то вместо лица у него было какое-то зарево» = «...щеки его горели, как яблочки. Он тяжело дышал»; «Гениально! – рычал он, – гениально! Совершенно новое дело! Каждая беспризорная дешевка станет миллионером в золотом исчислении» = «Ипполит Матвеевич! – закричал он. – Слушайте, Ипполит Матвеевич! <...> Гениальная комбинация, блестяще проведенная до конца!»; «Он свалился на мое плечо и даже поплакал от удовольствия. <...> Он <...> давился от смеха и говорил очень громко. <...> Накричавшись и наоравшись на моей груди, Принцметалл оборвался с моего рукава и устремился хлопотать о своем гениальном проекте» = «Он обнимал слегка захмелевшего Ипполита Матвеевича за плечи <...> Остап чистосердечно смеялся и прикивал щекой к мокрому рукаву своего друга по концессии». И Принцметалл, и Остап (в главе «Союз меча и орала») наживаются на помощи беспризорным детям, но если первый им реально помогает, то второй все деньги кладет к себе в карман: «Маленькая вариация рулетки на помощь беспризорным детям и довольно большие деньги, полученные Принцметаллом в соответствующем учреждении за остроумную выдумку. <...> “Продажа титулов в пользу детям! <...> Мне два рубля, содержание будок и печатание графских мандатов два рубля, остальное кушают дети”» ~ «Мы должны вырвать детей из цепких лап улицы, и мы вырвем их оттуда! <...> Я приглашаю вас сейчас же сделать свои взносы и помочь детям». При этом Принцметалл называет себя гением: «Я гений борьбы с детской беспризорностью!»; и похожую оценку Остапу даст Кислярский: «Золотая голова». В самом же начале Принцметалл «назначил себя председателем дамкома с диктаторскими полномочиями», а Остап в «Золотом теленке» скажет: «Командором пробега назначаю себя» (глава «Бензин ваш – идеи наши»). Кстати, о «полномочиях» Остап уже заявлял во время собрания «Союза меча и орала»: «Ипполит Матвеевич подтвердит мои полномочия». Также в фельетоне Ильфа читаем: «Он расстегнул пальто, отогнул ривьеры своего пиджака и блеснул присосавшейся там, почему-то дамской и совершенно уже нелепой по величине, пылающей *бриллиантовой брошью*», – что предвосхищает слова разбогатевшего Остапа: «А это видели? – говорит он Балаганову. – Безымянный палец моей левой руки унизан *бриллиантовым перстнем*. Четыре карата».

⁹⁵³ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 45.

⁹⁵⁴ Там же.

⁹⁵⁵ Там же.

⁹⁵⁶ Там же. С. 128.

⁹⁵⁷ Чудак. М., 1929. № 49. Дек. С. 6 – 7.

рублей». А обе героини увлекаются заграничными журналами мод: «В такой великий час к ней пришла Фима Собак. Она принесла с собой морозное дыхание января и французский журнал мод» = «Заграничных модных журналов не докупишься. <...> Приходится брать журналы на прочет, снимать с рисунков копии и платить за каждую копию шесть гривен».

Если словарь Элочки составлял тридцать слов, то мадам Белополякина была «неграмотна, глупа».

Элочка расходится со своим мужем, а мадам Белополякиной муж «надоел. Она охотно ушла бы от него».

После того, как инженер Щукин ушел от Элочки, к ней приходит Бендер. Также и во втором случае «вечером, выпроводив мужа, мадам Белополякина красит толстые потрескавшиеся губы, основательно пудрится и ждет гостей», поскольку «отдохнуть душой можно в обществе научного работника, молодого человека Бориса Боберова».

На реплику Бендера: «Прекрасный мех!», – Элочка отвечает: «Шутите! <...> Это мексиканский тушкан». Похожая реакция будет и у мадам Белополякиной на сообщение Боберова: «Вы шутите! – стонет мадам Белополякина». Сообщает же Боберов следующее: «Мне прислали из-за границы посылку. <...> Два английских костюма шевиотовых, пуловер, дюжину дамских шелковых чулок и потом... это... патефон “Электрола” с шестидесятью самыми модными пластинками». Тут же возникает в памяти Остап, который «обещал подарить очаровательной хозяйке несколько сот шелковых коконов, привезенных ему председателем ЦИК Узбекистана» (в обоих случаях фигурирует непомерно большое количество якобы подаренных вещей: шестидесять и несколько сот). Более того, реплика Боберова: «Мне прислали из-за границы посылку. <...> Два английских костюма шевиотовых, пуловер, дюжину дамских шелковых чулок...», – имеет прямое соответствие в словах Остапа, обращенных к Воробьянинову во время их встречи в дворницкой: «Тепло теперь в Париже? Хороший город. У меня там двоюродная сестра замужем. Недавно прислала мне шелковый платок в заказном письме...» («Мне прислали» = «прислала мне»; «из-за границы» = «в Париже»; «посылку» = «в заказном письме»; «шелковых чулок» = «шелковый платок»). Поэтому оказываются тождественны не только Бендер и Боберов как лгуны, но и Воробьянинов с Белополякиной как пережитки прошлого.

Также можно обнаруживать сходство между названием рассказа «День мадам Белополякиной» и 2-й главой романа «Кончина мадам Петуховой». Соответственно, характеристики обеих героинь совпадают: обе глупы, некрасивы и скупы: «Клавдия Ивановна была глупа <...> Скупа она была до чрезвычайности <...> Пустая старуха была Клавдия Ивановна. Вдобавок ко всему под носом у нее росли усы, и каждый ус был похож на кисточку для бритья» ~ «...опухшее после сна лицо и гривка неестественно желтых стриженных волос. На затылке просвечивают корни волос природного цвета – черные. <...> жирный лобик <...> толстые потрескавшиеся губы <...> неграмотна, глупа, сварлива, неряшлива...»; и если мадам Петухова любит драгоценности («Я зашила бриллианты в стул»), то мадам Белополякина обожает заграничные тряпки и журналы мод.

Но вернемся к разговору Остапа с Элочкой: «Вы знаете, сейчас в Европе и в лучших домах Филадельфии возобновили старинную моду – разливать чай через ситечко. <...> У меня как раз знакомый дипломат приехал из Вены и привез в подарок». В рассказе Петрова без труда обнаруживается аналогия: «Да, совсем было забыл! – говорит Боберов. – Прямо умора. Коммерческий атташе одного знакомого посольства уезжает в годовой отпуск и предлагает мне на это время свой автомобиль, совершенно новый Ролс-Ройс. Да я отказался» (при этом конструкция выдуманной фразы о знакомом, который «уезжает в годовой отпуск и предлагает мне на это время свой автомобиль», имеет предшественницу в романе, где инженер Щукин на полном серьезе

зе говорил Эллочке: «А я перееду к Ивану Алексеевичу. <...> Он уехал на дачу и оставил мне на лето всю свою квартиру»; разница лишь в том, что Щукин принимает реальное предложение своего знакомого, а Боберов отказывается от якобы предложенного ему автомобиля).

Когда Остап рассказал Эллочке о знакомом дипломате, привезшем ситечко, та говорит: «Должно быть, знаменито». По такой же схеме будет выстроена реакция мадам Белополякиной на рассказ Боберова о посылке из-за границы, которую ему якобы утром прислали на таможеню: «Вероятно, огромная пошлина!».

Еще одно сходство между Бендером и Боберовым состоит в том, что оба напевают песни о загранице: «“О, Баядерка, ти-ри-рим, ти-ри-ра!” – запел он, подходя к привозному рынку» ~ «Боберов напевает: “У нас, на Кубе / Ти-ри-рим, ти-ри-рим”».

Одна из реплик мадам Белополякиной, адресованная Боберову, перейдет в обращение к Бендеру монархиста Хворобьева (кстати, белогвардейцы в основной массе и были монархистами): «...сон, волшебный сон! Боже! Ведь вы счастливец!» = «Боже! Какой вы счастливый человек!». Причем в последней фразе речь тоже шла о сне, но уже в буквальном смысле, поскольку перед этим Бендер говорил Хворобьеву: «Позавчера мне, например, снились похороны микадо, а вчера – юбилей Суцевской пожарной части» («Золотой теленок»; глава «Кризис жанра»).

А концовка рассказа, где Белополякина грызет своего мужа за неумение устраиваться в жизни, весьма показательна: «Муж фыркает, как лошадь. Но не возражает.

Если бы ему рассказали, что жена его неграмотна, глупа, сварлива, неряшлива, что живет она в наши дни по ошибке, *что ее следовало бы уничтожить, как уничтожают мышей и тараканов*, – он ни за что бы не поверил». Выделенный курсивом фрагмент при перепечатке в пятитомном собрании сочинений Ильфа и Петрова (Т. 5. М., 1961. С. 403) и в сборнике рассказов Е. Петрова «День борьбы с мухами» (М.: Текст, 2009. С. 145) был выпущен. Вероятно, составитель собрания сочинений Лидия Яновская и составители сборника «День борьбы с мухами» Илья Катаев (сын Петрова) и Александра Ильф (дочь Ильфа) посчитали, что такая жестокость не вяжется с обликом Петрова. Но не будем забывать, что Петров – бывший инспектор угрозыска, который ловил и убийц, и мошенников. А поскольку фамилия мадам Белополякиной образована от советского штампа «белополяки», который является синонимом белогвардейцев, становится ясно, что в лице заглавной героини автор призывает *уничтожить, как уничтожают мышей и тараканов* всех врагов. Впрочем, в том же рассказе встречаются и весьма нелюбимые реалии советской действительности: «“Литературный кружок”, где танцуют по пятницам и собираются безусловно “порядочные люди”, хотят закрыть. Частников прижимают налогами. Половину знакомых выслали куда-то в Соловки. Жить становится труднее с каждым днем».

***

Итак, с именем Остап всё более-менее ясно – оно было заимствовано у Остапа Шора. Однако с фамилией Бендер не всё так просто, поскольку у Ильфа было множество земляков, носивших такую фамилию:

В Одессе в разные годы жили многочисленные однофамильцы великого комбинатора. Адам Бендер был плотником, Михаил Бендер был «гробным мастером» на Екатерининской против Костела. Григорий Бендер имел мясную лавку на Малой Арнаутской, № 11, рядом с домом, где жил Ильф. Мартын Бендер держал харчевню на Екатерининской 32, а потом открыл «пивной садик “Гамбринус”» на Александровском проспекте угол Полицейской, нынешней улицы Бунина. <...> Часовых дел мастера Августа Бендера, разменявшего шестой десяток, поставили к стенке в злосчастном для одесситов 1937 году как немецкого шпиона. Мотл Бендер торговал на старом базаре, Осип Бендер был страховщиком морских перевозок, Луиза Бендер преподавала немецкий язык в женской гимназии, а Франц Бендер – тот

же язык в коммерческом училище, которое окончил будущий автор «Одесских рассказов», «Конармии» и других повестей, за что был расстрелян в 1940 году как французский шпион⁹⁵⁸.

Так кто же из них стал прототипом великого комбинатора? Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить, какую профессию придумал себе Остап, беседуя с Коробейниковым: «Собственная мясохладобойня на артельных началах в Самаре». Источником этой остроумной выдумки послужила вывеска «Мясоторговля Бендера», красовавшаяся на фронтоне дома № 11 на Малой Арнаутской улице в Одессе. Здесь торговал мясник Григорий Бендер. А в доме № 9 (квартира 25) по той же улице с 1911 года жил Илья Ильф, переехавший туда вместе с семьей со Старопортофранковской улицы. Об этом писала его дочь Александра Ильф: «Когда в 1911 году семейство Файнзильбергов переселилось в Одессе на Малую Арнаутскую улицу в дом № 9, их соседом был пронырливый торговец-комбинатор Г.М. Бендер, державший мясную лавку»⁹⁵⁹. По свидетельству сводной сестры Осипа Шора Эльзы Рапорт, фамилия к Остапу Бендеру перешла как раз от Григория Бендера: «Именно Ильф подобрал своему персонажу фамилию Бендер, поскольку рядом с его домом располагалась мясная лавка, владелец которой был, как говорится, “по паспорту” Бендером»⁹⁶⁰ (имеется также информация, что «своего героя они [Ильф и Петров] назвали в честь владельца колбасной лавки “Мясоторговля Бендера”, потому что все одесситы были уверены: большего мошенника, чем колбасник Бендер, мир просто не видел»⁹⁶¹). А главный прототип Остапа Бендера Осип Шор проживал по адресу: ул. Малая Арнаутская, дом 40, о чем рассказал Ростислав Александров, встречавшийся с Шором в 1978 году:

Я имел честь и удовольствие знать престарелого Остапа в бытность его в Москве, где, предаваясь одесским воспоминаниям, он однажды поведал, что некоторое время они жили «на Малой Арнаутской угол Ремесленной, там, где был “Шантеклер”, знаете?».

---

⁹⁵⁸ Ландер М. И пусть Одесса мне приснится! // Парус-FL [ежемесячная газета – приложение к журналу «Флорида»]. Майами (штат Флорида), 2013. № 11 (46). Ноябрь. С. 22.

⁹⁵⁹ Александра Ильф: «У моего отца и Юрия Олеси в молодости были одни парадные брюки на двоих» / Беседовал Александр Левит // Факты и комментарии. Киев, 2007. 28 нояб.

⁹⁶⁰ Прототип великого комбинатора дожил до 1978 года. Остап Бендер – правозащитник? // Аргументы и факты. М., 1997. 8 окт. № 41. С. 19. Впрочем, имеются еще два возможных источника имени и фамилии великого комбинатора: 1) «...сочетание это – Остап Бендер – пародирует название фильма “Остап Бандура”, выпущенного в Черноморске в 1924 году» (Чернявский Ю. Я был левшой: роман. Львів: Ахіл, 2003. С. 219). В центре фильма – «судьба молодого украинского крестьянина, ставшего участником революционной борьбы» (Советские художественные фильмы: Аннотированный каталог. Т. 1. Немые фильмы (1918 – 1935). М.: Искусство, 1961. С. 68); 2) Дмитрий Молдавский в 1981 году выдвинул такую гипотезу: «Странное же соединение “Остап” и “Бендер” могло родиться как воспоминание о широко рекламируемой на юге России в начале века фирмы “Тарас Бендер и сыновья”, торговавшей умывальниками и унитазами... Тарас и Остап – ход мысли писателей» (Молдавский Д.М. Товарищ смех. Л.: Лениздат, 1981. С. 251). Поэтому Бендеру даже снится гоголевский персонаж Тарас Бульба, отец Остапа Бульбы: «Остап видел вулкан Фудзи-Яму, заведующего Маслотрестом и Тараса Бульбу, продающего открытки с видами Днепростроя». А в «Золотом теленке» Остап обращается к Паниковскому, надевшему костюм пожарного: «А ну, поворотитесь-ка, сынку! Отлично!» (глава «Сладкое бремя славы»). Здесь перефразируется реплика Тараса Бульбы, который смотрит на одежду своих сыновей, но оценивает ее негативно: «А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?». Впрочем, отсылка к этому произведению встречается и в рассказе Петрова «Римляне XX века», написанном после его путешествия в Италию летом 1928 года (журнал «30 дней», 1928, № 10): «Начало почти что из “Тараса Бульбы”.

– А! Иностранец! А ну, повернитесь-ка! Да-а. Это матерьял. Не то что наш. В Берлине покупали?».

Как свидетельствует внучата племянница Остапа Шора: «Тарас Бульба был особенно любим этим поколением одесситов – Багрицкий, Ильф, папин двоюродный брат Остап Шор. Я думаю, что, не обладая развитым чувством своего еврейства, они себя не “идентифицировали”, как сейчас говорят, с убиваемым Янкелем в белых чулках (и напрасно...), а наслаждались яркостью и буйством описаний казачьей жизни» (Камышишкова-Первухина Н. Записки на память. USA: Pencil Box Press, 2018. С. 75).

⁹⁶¹ Д/ф «В поисках истины. Неопубликованные приключения Остапа Бендера» (Украина, СТБ, 2009).

Об иллюзионе «Шантеклер» в доме № 40 я был наслышан от некоего благообразного пенсионера с легким криминальным прошлым. «Ах, как мы когда-то взяли в “Шантеклере” два сеанса подряд», – вздыхал он и в сотый, наверное, раз рассказывал, как прибыл он «со товарищи» к иллюзиону точно к концу сеанса, отобрали всё ценное у выходящих зрителей, то же проделали со входящими и «пошли себе спокойно в “Лондончик”»⁹⁶².

И он же установил связь между Малой Арнаутской улицей и Александром Корейко: «...неподалеку дом № 16, в котором соавторы “поселили” подпольного миллионера Корейко из романа “Золотой теленок” и куда Бендер адресовал пугающие несурaziцей телеграммы вроде “Малая Касательная 16 Александру Корейко графиня изменившимся лицом бежит пруду”. <...> Название же Малая Касательная, похоже, составлено из “половинки” Малой Арнаутской и спародированной Косвенной (ныне – улица Вегера), оставшейся в записной книжке Ильфа. Имелась же в виду, судя по указанию на море в конце улицы и близость вокзала, Малая Арнаутская, которая под подлинным названием вошла в роман “Двенадцать стульев”. <...> “Всю контрабанду делают в Одессе на Малой Арнаутской улице”»⁹⁶³.

Что же касается Самары, где располагалась вымышленная мясохладобойня Остапа, то в ней Ильф побывал в 1924 году, о чем извещает дневниковая запись Михаила Булгакова от 21 июля: «Приехали из Самары И(льф) и Ю(рий) О(леша). В Самаре два трамвая. На одном надпись “Площадь Революции – Тюрьма”, на другом – “Площадь Советская – Тюрьма”. Что-то в этом роде. Словом, все дороги ведут в Рим!»⁹⁶⁴. Кстати, на пути в Самару поезд, везший Ильфа и Олешу, остановился на узловой станции под названием «Безенчук», впоследствии ставшим фамилией гробовых дел мастера Безенчука⁹⁶⁵.

Помимо Григория Бендера, такую же фамилию носил коллега Ильфа по его службе в одесском Опродкомгубе – Особой губернской продовольственной комиссии по снабжению Красной армии, – где с февраля по август 1921 года Ильф проработал бухгалтером (отсюда – образ бухгалтера Берлаги в «Золотом теленке»):

По личным делам и приказам можно назвать некоторых сотрудников Опродкомгуба – журналистов. <...> В приказах можно найти фамилии, которые позднее используют в своих произведениях И.А. Ильф и Е.П. Петров: И.Г. Бендер, Я.К. Берлага, Е.К. Остен-Сакен.

Через год после перехода Паустовского и Рeginина в известную одесскую газету «Моряк» в Опродкомгубе появляется еще одна колоритная фигура – Д.П. Ширмахер, он же «Хромой Митя», известный своей литературно-организационной деятельностью. Так, именно ему обязаны своим существованием одесские литературные кафе «Пэон 4» и «Хлам», а также кружок «Коллектив поэтов» (1920 г.).

«Хромой Митя» был одним из прототипов Остапа Бендера. Он достаточно часто упоминался мемуаристами, однако точных данных о нем не приводят⁹⁶⁶.

Между тем из документов Опродкомгуба можно извлечь и его биографические данные. Из личного дела Димитрия Петровича Ширмахера выясняется, что родился он 13 сентября 1896 г. в Одессе. Его отец был преподавателем-надзирателем в коммерческом училище Файга⁹⁶⁷. Сам он окончил реальное училище (можно предположить, что это было училище Жуковского, где учился и Э. Багрицкий). В его деле копия паспорта, выданного Генеральным

⁹⁶² Александров Р. Исхоженные детством. Одесса: Optimum, 2000. С. 42.

⁹⁶³ Александров Р. Прогулки по литературной Одессе. Одесса: Весть, 1993. С. 155 – 156.

⁹⁶⁴ Булгаков М. Дневник. Письма. 1914–1940. М.: Современный писатель, 1997. С. 66.

⁹⁶⁵ Ильф И.А. Записные книжки, 1925 – 1937: Полное издание художественных записей / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2008. С. 51.

⁹⁶⁶ О Ширмахере писали, в частности, М.А. Тарловский («Веселый странник», 1935 г.), Е.Б. Окс («Клуб поэтов», 1940-е годы), Т.Г. Лишина («Так начинают жить стихом», 1968 г.), С.А. Бондарин («Парус плаваний и воспоминаний», 1971 г.). См. также: Яворская А.Л. Хромой Митя // Дерибасовская-Ришельевская: Лит.-худож. альм. Одесса, 2011. № 44. С. 235 – 241. – *Здесь и далее прим. А. Яворской.*

⁹⁶⁷ ГАОО (Государственный архив Одесской области). Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5687. Л. 9.

консульством Российской Советской республики в Одессе 28 сентября 1918 г., в котором консульство «именем Рабоче-Крестьянского правительства Российской Советской республики... заявляет всем и каждому, что предъявитель сего возвращается в пределы России. Вследствие этого Генеральное консульство просит правительства дружественных государств оказывать Ширмахеру поддержку, а властям Российским не чинить препятствия к переезду гражд[анином] Д.П. Ширмахером Российской государственной границы»⁹⁶⁸.

Еще один любопытный документ – это Удостоверение Губполитпросвета № 1746 от 28 мая 1921 г. – подтверждает, что «он действительно состоит зав[едующим] уч[етом] и распред[елением] литературных сил Одесского Губполитпросвета»⁹⁶⁹. В анкете в графе «работа за последние 4 года» он указывает: «В Губполитпросвете – инструктор, зав[едующий] клубом Пис[ателей] и Поэт[ов]»⁹⁷⁰.

Ширмахер, в отличие от перечисленных выше журналистов, работавших по специальности, 13 апреля 1922 г. был командирован культотделом Губпрофсовета на Одесские областные курсы продналоговых инспекторов и дал подписку о том, что по их окончании должен прослужить в течение года по назначению Одесского Опродкомгуба. И дал обещание, что в случае «уклонения от этого» будет подлежать «ответственности по Суду Революционного трибунала, как за срыв продовольственного дела» и обязуется «возместить государству все расходы, понесенные им на мою подготовку к продналогоинспекторской работе»⁹⁷¹. В его личном деле сохранились задания, которые давали курсантам – задача и диктант⁹⁷².

В дальнейшем сотрудники вспоминали Опродкомгуб по-разному: как бюрократическую махину (Ильф) и как колоритное, веселое учреждение (Паустовский). <...> Ильф и Петров описали это учреждение в романе – как контору «Геркулес»⁹⁷³.

Между тем, в «Геркулесе» опознаются черты и другого заведения: «В сентябре 1921 года Илья Ильф работал помощником заведующего секцией распределения в организационно-хозяйственном отделении управления совхозов при Губземотделе на улице Ленина, 8. Впоследствии некоторые реалии этого учреждения, “перенесенные” в обстановку конца 1920-х годов, были использованы соавторами при описании пресловутого “Геркулеса” в романе “Золотой теленок”: “Вздыхнув, Бомзе двинулся навстречу другому служащему. – Ну, что, – спросил он, заранее печально улыбаясь, – как самочувствие? – Да вот, – сказал собеседник, – сегодня утром из командировки. Удалось повидать совхоз. Грандиозно. Зерновая фабрика! Вы себе не представляете, голубчик, что такое пятилетка, что такое воля коллектива!”»⁹⁷⁴.

А теперь приведем свидетельства современников о том, как создавались «Двенадцать стульев», и для начала предоставим слово Валентину Катаеву, которому, собственно, и принадлежит идея романа:

Прочитав где-то сплетню, что автор «Трех мушкетеров» писал свои многочисленные романы не один, а нанимал нескольких талантливых литературных поделщиков, воплощавших его замыслы на бумаге, я решил однажды тоже сделаться чем-то вроде Дюма-пéра⁹⁷⁵ и командовать кучкой литературных наемников. Благо в это время мое воображение кипело, и я решительно не знал, куда девать сюжеты, ежеминутно приходившие мне в голову. Среди них появился сюжет о бриллиантах, спрятанных во время революции в одном из двенадцати стульев гостиного гарнитура.

---

⁹⁶⁸ Там же. Л. 8 – 8 об.

⁹⁶⁹ Там же. Л. 6.

⁹⁷⁰ Там же. Л. 2.

⁹⁷¹ Там же. Л. 1.

⁹⁷² Там же. Л. 3.

⁹⁷³ Яворская Е.Л. Одесские журналисты в Опродкомгубе в 1920 – 1922 гг.: по материалам ГАОО // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология. Востоковедение». М., 2016. № 8 (17). С. 56, 58, 59.

⁹⁷⁴ Александров Р. Прогулки по литературной Одессе. Одесса: Весть, 1993. С. 155 – 156.

⁹⁷⁵ То есть Дюма-отца, за которого писали романы и пьесы разные «негры» – главным образом, Огюст Маке.

Сюжет не бог весть какой, так как в литературе уже имелось «Шесть Наполеонов» Конан-Дойля, а также уморительно смешная повесть молодого, рано умершего советского писателя-петроградца Льва Лунца, написавшего о том, как некое буржуазное семейство бежит от советской власти за границу, спрятав свои бриллианты в платяную щетку⁹⁷⁶.

Маленький, худенький, с прелестным личиком обреченного на раннюю смерть, Лев Лунц, приведенный Каверинным в Мыльников переулок, с такой серьезностью читал свою повесть, что мы буквально катались по полу от смеха.

Ну и еще кое-что в этом роде я слышал в ту пору.

<...>

Поиски бриллиантов, спрятанных в одном из двенадцати стульев, разбросанных революцией по стране, давали, по моим соображениям, возможность нарисовать сатирическую галерею современных типов времени нэпа.

Все это я изложил моему другу и моему брату, которых решил превратить по примеру Дюма-пера в своих литературных негров: я предлагаю тему, пружину, они эту тему разрабатывают, облакают в плоть и кровь сатирического романа. Я прохожусь по их писанию рукой мастера. И получается забавный плутовской роман, в отличие от Дюма-пера выходящий под нашими тремя именами. А гонорар делится поровну⁹⁷⁷.

Младший брат Валентина Катаева Евгений Петров также оставил мемуары:

Ильфу повезло. Он поступил на службу в газету «Гудок» и получил комнату в общежитии типографии в Чернышевском переулке. Но нужно было иметь большое воображение и большой опыт по части ночевок в коридоре у знакомых, чтобы назвать комнатой это ничтожное количество квадратных сантиметров, ограниченных половинкой окна и тремя перегородками из чистой фанеры. Там помещался матрац на четырех кирпичиках и стул. Потом, когда Ильф женился, ко всему этому был добавлен еще и примус. Четырьмя годами позже мы описали это жилище в романе «Двенадцать стульев» в главе «Общежитие имени монаха Бертольда Шварца». <...> мой брат, Валентин Катаев. Он в то время тоже работал в «Гудке» в качестве фельетониста и подписывался псевдонимом «Старик Собакин»⁹⁷⁸. И в этом качестве он часто появлялся в комнате четвертой полосы.

Однажды он вошел туда со словами:

– Я хочу стать советским Дюма-отцом.

Это высокомерное заявление не вызвало в отделе особенного энтузиазма. И не с такими заявлениями входили люди в комнату четвертой полосы.

– Почему же это, Валюн, вы вдруг захотели стать Дюма-пером? – спросил Ильф.

– Потому, Илюша, что уже давно пора открыть мастерскую советского романа, – ответил Старик Собакин, – я буду Дюма-отцом, а вы будете моими неграми. Я вам буду давать темы, вы будете писать романы, а я их потом буду править. Пройдусь раза два по вашим рукописям рукой мастера – и готово. Как Дюма-пер. Ну? Кто желает? Только помните, я собираюсь держать вас в черном теле.

Мы еще немного пошутили на тему о том, как Старик Собакин будет Дюма-отцом, а мы его неграми. Потом заговорили серьезно.

– Есть отличная тема, – сказал Катаев, – стулья. Представьте себе, в одном из стульев запрятаны деньги. Их надо найти. Чем не авантюрный роман? Есть еще темки... А? Соглашайтесь. Seriously. Один роман пусть пишет Илья, а другой – Женя.

Он быстро написал стихотворный фельетон о козлике, которого вез начальник пути какой-то дороги в купе второго класса, подписался «Старик Собакин» и куда-то убежал. А мы с Ильфом вышли из комнаты и стали прогуливаться по длиннейшему коридору Дворца Труда.

---

⁹⁷⁶ Имеется в виду рассказ Льва Лунца «Через границу», упомянутый им в письме к А.М. Горькому от 24.01.1923: «Я пишу сейчас большую повесть. Авантюрную, но современную» (цит. по: *Лунц Л.Н.* Литературное наследие. М.: Научный мир, 2007. С. 428). Рассказ опубликован: Там же. С. 280 – 291. Более ранняя его публикация – в сб.: *Лунц Л.Н.* «Обезьяны идут!»: Проза. Драматургия. Публицистика. Переписка. СПб.: ИНАПРЕСС, 2003. С. 54 – 66.

⁹⁷⁷ *Катаев В.* Алмазный мой венец // *Новый мир.* 1978. № 6. С. 104 – 105.

⁹⁷⁸ Правильно: Старик Саббакин.

– Ну что, будем писать? – спросил я.
– Что ж, можно попробовать, – ответил Ильф.
– Давайте так, – сказал я, – начнем сразу. Вы – один роман, а я другой. А сначала сделаем планы для обоих романов.

Ильф подумал.

– А может быть, будем писать вместе?
– Как это?
– Ну, просто вместе будем писать один роман. Мне понравилось про эти стулья. Молодец Собакин.

– Как же вместе? По главам, что ли?

– Да нет, – сказал Ильф, – попробуем писать вместе, одновременно каждую строчку вместе. Понимаете? Один будет писать, другой в это время будет сидеть рядом. В общем, сочинять вместе.

В этот день мы пообедали в столовой Дворца Труда и вернулись в редакцию, чтобы сочинять план романа. Вскоре мы остались одни в громадном пустом здании. Мы и ночные сторожа. Под потолком горела слабая лампочка. Розовая настольная бумага, покрывавшая соединенные столы, была залепана кляксами и сплошь изрисована отчаянными острьяками четвертой полосы. На стене висели грозные «Сопли и вопли».

Сколько должно быть стульев? Очевидно, полный комплект – двенадцать штук. Название нам понравилось. «Двенадцать стульев». Мы стали импровизировать. Мы быстро сошлись на том, что сюжет со стульями не должен быть основой романа, а только причиной, поводом к тому, чтобы показать жизнь. Мы составили черновой план в один вечер и на другой день показали его Катаеву. Дюма-отец план одобрил, сказал, что уезжает на юг, и потребовал, чтобы к его возвращению, через месяц, была бы готова первая часть.

– А уже тогда я пройду рукой мастера, – пообещал он.

Мы заныли.

– Валюн, пройдитесь рукой мастера сейчас, – сказал Ильф, – вот по этому плану.

– Нечего, нечего, вы негры и должны трудиться.

И он уехал. А мы остались. Это было в августе или сентябре 1927 года.

И начались наши вечера в опустевшей редакции. Сейчас я совершенно не могу вспомнить, кто произнес какую фразу, кто и как исправил ее. Собственно, не было ни одной фразы, которая так или иначе не обсуждалась и не изменялась, не было ни одной мысли или идеи, которая тотчас же не подхватывалась. Но первую фразу романа произнес Ильф. Это я помню хорошо.

После короткого спора было решено, что писать буду я, Ильф убедил меня, что мой почерк лучше.

Я сел за стол. Как же мы начнем? Содержание главы было известно. Была известна фамилия героя – Воробьянинов. Ему уже было решено придать черты моего двоюродного дяди – председателя уездной земской управы. Уже была придумана фамилия для тещи – мадам Петухова и название похоронного бюро «Милости просим». Не было только первой фразы. Прошел час. Фраза не рождалась. То есть фраз было много, но они не нравились ни Ильфу, ни мне. Затянувшаяся пауза тяготила нас. Вдруг я увидел, что лицо Ильфа сделалось еще более твердым, чем всегда, он остановился (перед этим он ходил по комнате) и сказал:

– Давайте начнем просто и старомодно – «В уездном городе N». В конце концов, не важно, как начать, лишь бы начать.

Так мы и начали.

И в этот первый день мы испытали ощущение, которое не покидало нас потом никогда. Ощущение трудности. Нам было очень трудно писать. <...> Если бы я не боялся показаться банальным, я сказал бы, что мы писали кровью. Мы уходили из Дворца Труда в два или три часа ночи, ошеломленные, почти задохшиеся от папиросного дыма. Мы возвращались домой по мокрым и пустым московским переулкам, освещенным зеленоватыми газовыми фонарями, не в состоянии произнести ни слова.

Иногда нас охватывало отчаяние.

– Неужели наступит такой момент, когда рукопись будет наконец написана и мы будем везти ее в санках? Будет идти снег. Какое, наверно, замечательное ощущение – работа окончена, больше ничего не надо делать.

Все-таки мы окончили первую часть вовремя. Семь печатных листов были написаны в месяц. Это еще не был роман, но перед нами уже лежала рукопись, довольно толстенная пачка больших густо исписанных листов. У нас еще никогда не было такой толстенной пачки. Мы с удовольствием перебирали ее, нумеровали и без конца высчитывали количество печатных знаков в строке, множили эти знаки на количество строк в странице, потом множили на число страниц. Да. Мы не ошиблись. В первой части было семь листов. И каждый лист содержал в себе сорок тысяч чудных маленьких знаков, включая запятые и двоеточия.

Мы торжественно понесли рукопись Дюма-отцу, который к тому времени уже вернулся. Мы никак не могли себе представить, хорошо мы написали или плохо. Если бы Дюма-отец, он же Старик Собакин, он же Валентин Катаев, сказал нам, что мы принесли галиматью, мы несколько не удивились бы. Мы готовились к самому худшему. Но он прочел рукопись, все семь листов прочел при нас, и очень серьезно сказал:

– Вы знаете, мне понравилось то, что вы написали. По-моему, вы совершенно сложившиеся писатели.

– А как же рука мастера? – спросил Ильф.

– Не приbedняйтесь, Илюша. Обойдетесь и без Дюма-пера. Продолжайте писать сами. Я думаю, книга будет иметь успех⁹⁷⁹.

Всю эту историю в пародийной форме соавторы зашифровали в главе «Могучая кучка или Золотоискатели», где Ильфу, Петрову и Катаеву соответствуют Ляпис-Трубецкой, Хунтов и Ибрагим, но при этом один и тот же персонаж может играть разные роли. Сравним фрагменты этой главы с мемуарами Петрова и другими источниками: «Есть отличная тема, – сказал Катаев, – стулья» = «Мировой сюжет! – возгласил Ляпис. <...> – Какой сюжет? – Классный, – ответил Ляпис»; «Представьте себе, в одном из стульев запрятаны деньги. Их надо найти» = «Понимаешь, такая история. Советский изобретатель изобрел луч смерти и запрятал чертежи в стул. И умер. Жена ничего не знала и распродала стулья. А фашисты узнали и стали разыскивать стулья. А комсомолец узнал про стулья, и началась борьба. Тут можно такое накрутить»⁹⁸⁰; «По свидетельству ныне здравствующего редактора четвертой полосы “Гудка” И.С. Овчинникова, судебный отчет о деле с креслами был тогда же зачитан вслух, а один из присутствовавших при чтении, возможно, сам Валентин Катаев, воскликнул: “Какой сюжет для романа!”»⁹⁸¹ = «Это не сюжет для поэмы. Это сюжет для пьесы»; «Дюма-отец план одобрил, сказал, что уезжает на юг, и потребовал, чтобы к его возвращению, через месяц, *была бы готова первая часть*» = «Я, – сказал Ибрагим <...> пока что напишу хор капелланов и сицилийские пляски. *А вы пишете первую часть*». И Катаев тоже хотел кое-что написать: «А уже тогда я пройду рукой мастера, – пообещал он». Кстати, Ибрагим даже внешне похож на Катаева: «Это был человек легкий в

---

⁹⁷⁹ Петров Е. Из воспоминаний об Ильфе // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 14 – 21.

⁹⁸⁰ Сюжет с борьбой за обладание лучом смерти взят из первой главы романа Валентина Катаева «Повелитель железа»: «Летом 1924 года газеты всего земного шара сообщили о потрясающем открытии некоего господина Матьюса, который изобрел так называемые “лучи смерти”.

Газеты писали об этом много, но чрезвычайно туманно.

Никто никогда не видел действия этих лучей.

Имя господина Матьюса до сих пор не попало в список известных изобретателей.

По уверениям печати сущность “луча смерти” заключалась в следующем.

Они могли на расстоянии останавливать моторы, взрывать снаряды, убивать людей. От них невозможно было скрыться. Они были невидимы и проникали сквозь любую материю.

Нечего и говорить, что эти сенсационнейшие слухи вызвали в ученом, а особенно в военном мире буквально панику.

Сотни международных шпионов, десятки генеральных штабов, куча министров и президентов – все были вовлечены в бешеную игру за обладание страшным секретом Матьюса» (*Катаев В.П. Повелитель железа: Авантюрный роман с прологом и эпилогом. Великий Устюг: Советская мысль, 1925. С. 5).*

⁹⁸¹ Рудерман Н. Кресла и 12 стульев // Дружба народов. 1969. № 2. С. 286.

обхождении, подвижный и веселый». Причем по отношению к Ляпису и Хунтову Ибрагим выступает в роли мэтра, так же как Катаев по отношению к Ильфу и Петрову:

Соперники воззвали к беспристрастию Ибрагима. История о фашистах была рассказана во второй раз.

– Поэму нужно писать, – твердил Ляпис-Трубецкой.

– Пьесу! – кричал Хунтов.

Но Ибрагим поступил, как библейский присяжный заседатель. Он мигом разрешил тяжбу.

– Опера, – сказал Ибрагим, отдуваясь. – Из этого выйдет настоящая опера с балетом, хорами и великолепными партиями.

И подобно тому, как Катаев дал подробные указания Ильфу и Петрову, после чего те «выполнили все заданные им бесхитростные сюжетные ходы и отлично изобразили подказанный мной портрет Воробьянинова»⁹⁸², Ибрагим отдает директивы Хунтову и Ляпису: «Вот что, други, – сказал Ибрагим, – вы пока там нацарапаете, опишите мне главных действующих лиц. Я подготовлю кой-какие лейтмотивы. Это совершенно необходимо».

А сотрудничество Ильфа с Катаевым началось еще до их личного знакомства: «Илья Ильф, выпуская в 1918 г. журнал “Синдетикон”, поставил под своим стихотворением фамилию уже пользовавшегося популярностью В. Катаева, с которым еще не был знаком. Он сделал это, “чтобы поднять реноме журнала”, как он потом со смехом говорил Катаеву»⁹⁸³; «В той же Одессе в те же годы появилась еще одна мнимая поэтесса – Илья Ильф, свои первые юморески в журнале “Синдетикон” подписавший женским именем, каким – не установлено, так как ни одного номера этого журнала не сохранилось нигде»⁹⁸⁴. Этот журнал Ильф выпускал со своим братом-художником, известным под псевдонимом Сандро Фазини: «Есть легенда, что именно он оформлял затеянный Ильфом журнал “Синдетикон”. Журнал вроде бы вышел, вроде бы был смешным, некоторые старожилы клянутся, что держали его в руках, – но ни одного экземпляра до сего дня обнаружить не удалось»⁹⁸⁵.

Но вернемся к обзору документальных свидетельств о сотрудничестве Ильфа и Петрова и приведем дневниковую запись Корнея Чуковского от 2 ноября 1929 года: «Я встречался с Ильфом и Петровым в Москве (Кольцов и познакомил меня с ними – как раз в период “Двенадцати стульев”). Там они каждую свободную минуту напропалую резвились, каламбурили, острили без удержу и однажды в Сокольниках стали, перебивая друг друга, выдумывать столько шутейных историй о некоем самовлюбленном самодуре, возглавлявшем один из лучших московских театров, что я, изнемогая от смеха, рухнул на молодую траву. Даже штраф, который мне тут же пришлось уплатить, не прервал этого припадка веселости»⁹⁸⁶.

Любопытную деталь сообщил доктор исторических наук Алексей Рябинин: «Это было в далеком детстве. Мой отец, Леонид Сергеевич Рябинин, который в 1920-е годы был заместителем главного редактора журнала “Огонек”, рассказывал мне много интересного: как на редакторском диване рождались “Двенадцать стульев” (рыжий худой Ильф рассказывал Петрову очередную хохму, а тот, отсмеявшись до колик в животе, бросался ее записывать)...»⁹⁸⁷. Подобную схему написания романа

⁹⁸² Катаев В. Алмазный мой венец // Новый мир. 1978. № 6. С. 106.

⁹⁸³ Дмитриев В.Г. Замаскированная литература. М.: Книга, 1973. С. 57.

⁹⁸⁴ Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя: (Из истории анонимов и псевдонимов). 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. С. 178.

⁹⁸⁵ Яворская А.Л. Забытые и знаменитые. Очерки. – Одесса: Optimum, 2006. С. 113.

⁹⁸⁶ Чуковский К. Михаил Зощенко: из воспоминаний // Москва. 1965. № 6. С. 204.

⁹⁸⁷ Рябинин А. Ньюн-Ай-Как в Москве (Осип Мандельштам о Хо Ши Мине) // Родина: российский исторический журнал. М., 2004. № 7. С. 32.

упоминают поэт Перикл Ставров (1895 – 1955), знавший обоих соавторов: «Два приятеля баловались “пробой пера”. Ильф выдумывал, Петров “организовывал” и записывал»⁹⁸⁸; гудковец Арон Эрлих: «Писал, точнее – записывал, Евгений Петров: у него был более четкий почерк. А Ильф сидел рядом или расхаживал по комнате, накручивая вихор у себя надо лбом, – то был его постоянный жест в минуты раздумья и творческой сосредоточенности»⁹⁸⁹; писатель-сатирик Виктор Ардов: «Технически процесс писания осуществлял Петров. Обычно он сидел за столом и красивым, ровным почерком исписывал лист за листом. Ильф в это время либо сидел в глубоком мягком кресле, либо ходил по комнате, покручивая двумя пальцами жесткий свой хохолок надо лбом...»⁹⁹⁰; и литературовед Александр Цейтлин: «Автор этой книги имел случай наблюдать совместную творческую работу Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Осенью 1932 года им было прочитано либретто комической оперы “Двенадцать стульев”. Композитор и либреттист нуждались в помощи авторов в отношении образа Элочки Шукиной, роль которой в действии должна была подвергнуться изменению. В процессе продолжительного и чрезвычайно оживленного обсуждения я имел прекрасную возможность увидеть, как, с одной стороны, различны творческие типы обоих писателей и как вместе с тем органично дополняют они друг друга. Ильф говорил мало и задумчиво, Петров – много и чрезвычайно оживленно. Ильф предлагал “идею”, находил общее зерно переделки образа. Петров развивал эту идею в нескончаемом потоке перипетий, во множестве запутанных сюжетных ситуаций. У Ильфа было больше умеренности и вкуса, тогда как Петров блистал своей исключительной изобретательностью. Это было блестящее сочетание двух органически дополнявших друг друга талантов. Каждый из них нуждался в соавторе, и произведение рождалось в подлинно диалектическом сочетании их индивидуальных способностей»⁹⁹¹. Здесь же будет уместно привести одну шутивную переписку. На титульном листе черновика рассказа «Мореплавателю и плотнику» (1929), вошедшего в цикл «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска», Ильф написал: «Почерк Петрова. Идеи и мысли мои. Пусть докажет противное. То-то! И. Ильф». Ниже на том же листе Петров отвечает: «Рожа у него противная! Вот что! Неужели кто-либо может подумать, что я буду записывать какие-нибудь посторонние мысли? То-то-то! Евг. Петров»⁹⁹².

Однако Ильф действительно был главным в тандеме с Петровым, что подтверждают, во-первых, дневниковая запись Александра Гладкова от 14.04.1937: «В то время как на спектакле говорили о тяжелом состоянии Ильфа, он вчера умер в 10 часов вечера. Это был очень талантливый человек и, по уверению близких друзей, именно ему принадлежала ведущая роль в авторском братстве: Ильф и Петров. Это большая потеря для нашей литературы»⁹⁹³; а во-вторых – записные книжки Ильфа, ставшие основой многих сцен «Двенадцати стульев». Совместные же их с Петровым наброски относятся лишь ко времени работы над «Золотым теленком» – это так называемые «Отыгрыши» и «Аттракционы»⁹⁹⁴.

Говоря о совместной работе Ильфа и Петрова, приведем также воспоминания драматурга Георгия Мунблита: «Так же страшно было глядеть когда-то на стопку чистой бумаги в пустой комнате редакции “Тудка”, когда писались “Двенадцать сту-

---

⁹⁸⁸ Ставров П. Эдя Багрицкий и другие: (Одесса 1917 – 1918) // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. – Одесса, 2003. № 14. С. 262. Впервые: Новое русское слово [газ.]. Нью-Йорк, 1952. 6 и 13 янв.

⁹⁸⁹ Эрлих А. Нас учила жизнь: Литературные воспоминания. М.: Сов. писатель, 1960. С. 86.

⁹⁹⁰ Ардов В. Ильф и Петров (воспоминания и мысли) // Знамя. 1945. № 7. С. 121.

⁹⁹¹ Цейтлин А.Г. Труд писателя. М.: Сов. писатель, 1962. С. 566.

⁹⁹² РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 7.

⁹⁹³ Гладков А. «Всего я и теперь не понимаю»: Из дневников. 1937 // Наше наследие. М., 2013. № 107; <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10708.php>

⁹⁹⁴ Планы и наброски к «Великому комбинатору» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок (авторская редакция) / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2016. С. 361 – 408.

льев”, так же подирал мороз по коже, когда они садились писать “Золотого тельца”, еще не имея сколько-нибудь отчетливого плана будущей книги»⁹⁹⁵.

Эту картину дополняет вышеупомянутый Арон Эрлих: «Вспоминаю дни, когда Ильф и Петров писали свое первое совместное произведение. Газетную работу мы заканчивали часов около пяти вечера. Редактирование и правка последних материалов переносились в “ночную редакцию” при типографии.

Колоссальный дом ВЦСПС с его бесчисленными комнатами и километровыми коридорами пустел. Лишь кое-где щелкали костяшками счетов бухгалтеры, осененные настольными абажурами настольных ламп. В эти часы Ильф и Петров оставались в редакции, создавая свои “Двенадцать стульев”»⁹⁹⁶.

Тот же Эрлих описал прототипа «слесаря-интеллигента» и «кипучего лентяя» Виктора Полесова, сконструировавшего «мотоцикл, составленный из кусочков автомобилей, огнетушителей, велосипедов и пишущих машинок»: «У Ильфа была маленькая комнатка на троих. Некий энтузиаст-механик жил по соседству и, скупая на Сухаревом рынке всевозможное металлическое барахло, строил с великим громом у себя в комнате мотоциклетку. У Петрова вовсе не было комнаты, и он временно ночевал у брата.

Столь неблагоприятные жилищные условия заставили обоих авторов писать свой первый роман в вечерние часы, когда пустела редакция, замолкал гигантский дом на Солянке и в коридорах его, тускло освещенных слабыми лампочками, наступала тишина»⁹⁹⁷. Но наиболее подробный рассказ Эрлиха об истории создания «Двенадцати стульев» был опубликован в его предсмертных мемуарах (1960):

Раза два в неделю Ильф и Петров давали нам почитать очередную главу – восемь, двенадцать, пятнадцать страниц рукописи. <...> в веселую минуту, за кружкой пива, сочинялись забавные фамилии: Шершеляфов – для театрального халтурщика, княгиня Белорусско-Балтийская, представитель высшей аристократии, и много других кличек, столь же метких в своей пародийности. Придумывались они забавы ради. Но вот прошли годы, и мы нашли некоторые из них на страницах романа. <...>

Задолго до того, как два молодых автора сговорились писать вместе, я слышал изустные, на потеху товарищам сочиняемые, пародии то Ильфа, то Петрова. Темой этих пародий служили слишком развязные режиссеры, в пылу «новаторских» исканий бесцеремонно расправляющиеся с текстом классических пьес, или – веселые домыслы о том, что было бы с толстовским отцом Сергием, если бы тот дожил в своих религиозно-аскетических самоистязаниях до наших дней... И вот в рукописи романа, зреющего по вечерам в опустевшей редакции, мы поутру, задыхаясь от хохота, читали про «Женитьбу» в «театре Колумба» с текстом Гоголя и со стихами Шершеляфова про Агафью Тихоновну в трико и в мужском котелке, которая шествовала по проволоке, «балансируя зеленым зонтиком с надписью: “Я хочу Подколесина”». В другой раз мы знакомимся со вставной новеллой про гусара-схимника, графа Алексея Буланова <...> А некогда эту историю Петров импровизировал лишь в кругу нескольких своих товарищей по «Гудку»⁹⁹⁸.

Согласно рассказу писателя Александра Дейча (1893 – 1972), куратором Ильфа и Петрова был его многолетний друг Михаил Кольцов – редактор журнала «Огонек»:

Ильф был скептически сдержанным, молчаливым, скорее застенчивым, а Петров часто проявлял свой темперамент, особенно когда рассказывал что-нибудь занятное. Замысел прославленного романа «Двенадцать стульев» еще только бродил в их головах, и они, по видимому, советовались о нем с Кольцовым. Однако все это держалось в секрете, и только один раз я невольно узнал о том, что писатели-«близнецы» пишут большую эпопею. <...>

⁹⁹⁵ Мунблит Г. Кинокомедии Ильфа и Петрова // Искусство кино. 1961. № 2. С. 73.

⁹⁹⁶ Эрлих А. Умер Ильф // Литературная газета. 1937. 15 апр. С. 1.

⁹⁹⁷ Эрлих А. Илья Ильф // Литературная газета. 1937. 26 апр. С. 5.

⁹⁹⁸ Эрлих А. Нас учила жизнь: Литературные воспоминания. М.: Сов. писатель, 1960. С. 91 – 93.

Вспомнили мы при Ильфе и Петрове одну сотрудницу Наркомвоена в Киеве. Была она молодая, горячая коммунистка, готовая идти в огонь и воду за советскую власть. Но учиться как следует она не успела, пошла в редакцию при Наркомвоене, и хотя культуры ей явно не хватало, она, как на грех, работала в культурно-просветительном отделе. Когда составлялся образцовый репертуар для красноармейских театров, и я предложил внести в него «Проделки Скапена» Мольера, она категорически возразила:

– Не знаю, почему товарищу Дейчу правится эта пьеса товарища Мольера, она ничего не говорит революционному зрителю.

Кольцов мастерски показывал эту рыженькую, меланхоличную девушку с напевным южным говором. Все смеялись, а Кольцов сказал, обращаясь ко мне:

– Подарим этот персонаж уважаемым Ильфу и Петрову. Пусть возьмут его в свой роман, недурно будет.

Молодые писатели смутились, увидев, что их куратор «разоблачил» тайну...⁹⁹⁹

Катаев же, оставив им подробный план романа, уехал на Зеленый мыс под Батумом, чтобы писать водевиль «Квадратура круга» для МХАТа, а когда вернулся через месяц, Ильф и Петров показали ему написанные за это время главы:

Едва я появился в холодной, дождливой Москве, как передо мною предстали мои соавторы. С достоинством, несколько даже суховаато они сообщили мне, что уже написали более шести печатных листов.

Один из них вынул из папки аккуратную рукопись, а другой стал читать ее вслух.

Уже через десять минут мне стало ясно, что мои рабы выполнили все заданные им бесхитростные сюжетные ходы и отлично изобразили подсказанный мною портрет Воробьянинова, но, кроме того, ввели совершенно новый, ими изобретенный великолепный персонаж – Остапа Бендера, имя которого ныне стало нарицательным, как, например, Ноздрев. Теперь именно Остап Бендер, как они его назвали – великий комбинатор, стал главным действующим лицом романа, самой сильной его пружиной.

Я получил громадное удовольствие и сказал им приблизительно следующее:

– Вот что, братцы. Отныне вы оба единственный автор будущего романа. Я устраниюсь. Ваш Остап Бендер меня доконал.

– Позвольте, Дюма-пер, мы очень надеялись, что вы пройдетесь по нашей жалкой прозе рукой мастера, – сказал мой друг с тем свойственным ему выражением странного, вогнутого лица, когда трудно понять, серьезно ли он говорит или издевается.

– Я больше не считаю себя вашим мэтром. Ученики побили учителя, как русские шведов под Полтавой. Заканчивайте роман сами, и да благословит вас бог. Завтра же я еду в издательство и перепишу договор с нас троих на вас двоих¹⁰⁰⁰.

В плане воспоминаний Петрова об Ильфе имеются редкие по откровенности признания: «Как создавался заново разрушенный революцией быт. Вместо морали – ирония. Она помогла преодолеть эту послереволюционную пустоту, когда неизвестно было, что хорошо и что плохо.

Мы садимся писать “12 стульев”.

<...>

Революция лишила нас накопленной веками морали. Этим объяснялся нигилизм, а иногда и цинизм нэповских времен. При этом презрение к нэпманам и непонимание нэпа¹⁰⁰¹. Именно таким аморальным нигилистом и циником выведен Остап, который является продуктом нэпа («Счастливые годы НЭПа прошли», – говорит он в набросках к роману «Великий комбинатор»), не верит в Бога и поучает компаньона: «Побольше цинизма. Людям это нравится» («Двенадцать стульев»).

---

⁹⁹⁹ Михаил Кольцов, каким он был: Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1965. С. 115.

¹⁰⁰⁰ Катаев В. Алмазный мой венец // Новый мир. 1978. № 6. С. 106 – 107.

¹⁰⁰¹ Цит. по: Земсков В. «Мой друг Ильф»: Об одной ненаписанной книге Евгения Петрова // Урал (Свердловск). 1961. № 2. С. 140, 142.

Позднее по настоянию Михаила Кольцова был написан и «Золотой теленок», в чем писателю-сатирику Александру Раскину признался Евгений Петров: «Вскоре после того, как Петров был назначен редактором “Огонька”, он вызвал нас к себе.

– Вам надо писать большую вещь, роман или повесть! – категорически заявил он. – Хватит бездельничать! Пишите, а я буду вас печатать в “Огоньке” с продолжением. Когда-то Кольцов вызвал меня и Ильфа и сказал нам то, что я сейчас говорю вам. И мы написали “Золотого теленка”»¹⁰⁰². Сотрудничество с Кольцовым продолжилось и в 1931 году, о чем мы узнаём из дневниковой записи Корнея Чуковского от 25.11.1931: «Всё по-старому. Кольцов при помощи Ильфа и Петрова разрабатывает у себя на квартире для Рины Зеленой программу ее будущего концерта...»¹⁰⁰³.

А по поводу «Золотого теленка» немало ценных деталей содержится в мемуарах Виктора Ардова (1938, ред. 1945):

Совместная работа в журнале «Чудак», который стал выходить в 1929 году, сблизила меня с обоими друзьями. Часто я заходил к Е.П. Петрову в его комнатки в Кропоткинском переулке. Эта квартира довольно точно описана в «Золотом теленке» под названием «Вороньей слободки». Такое название Евгений Петрович сперва дал своему реальному жилищу, а потом уже перенес его в роман вместе с похожим описанием обстановки и обитателей этой квартиры. Была в действительной «Вороньей слободке» в Кропоткинском и «ничья бабушка», и «трудящийся Востока – бывший грузинский князь», и многие другие персонажи, описанные в «Теленке».

Навещал я и комнату в Соимоновском проезде, на шестом этаже, где жил Ильф.

Неоднократно я заставлял соавторов во время совместной работы. Сперва это был «Золотой теленок», потом – фельетоны для «Правды», сценарии и другие работы.

Могу засвидетельствовать – наши друзья писали всегда вдвоем и самым трудоемким способом. Технически процесс писания осуществлял Петров. Обычно он сидел за столом и красивым, ровным почерком исписывал лист за листом. Ильф в это время либо сидел в глубоком мягком кресле, либо ходил по комнате, покручивая двумя пальцами жесткий свой хохолок надо лбом...

Каждый из соавторов имел неограниченное право вето: ни одно слово, ни одна фраза (не говоря уже о сюжетном ходе или об именах и характерах персонажей) не могли быть написаны, пока оба не согласятся с этим куском текста, с этой фразой, с этим словом. Часто такие разногласия вызывали яростные споры и крики (особенно со стороны пылкого Евгения Петровича), но зато уж то, что было написано, получалось словно литая деталь металлического узора – до такой степени все было отделано и закончено.

Щепетильная добросовестность Ильфа и Петрова сказывалась и на отборе материала, который включали они в свои книги. Однажды Евгений Петрович сказал мне полушутя:

– В наши два романа мы вогнали столько наблюдений, мыслей и выдумки, что хватило бы еще на десять книг. Такие уж мы неэкономные...

Войдешь, бывало, в комнату, где они пишут, – Ильф первым повернет голову в твою сторону, затем положит вставочку Петров, улыбаясь своей удивительной ласковой улыбкой.

– Женя, прочитайте последний кусок этому смешливому человеку, – скажет Ильф (они всегда были на «вы»).

А Петров и сам уже рад проверить свежесочиненные строки на дружелюбном слушателе. И вот он читает, а Ильф беззвучно шепчет, несколько забегая вперед, слова отрывка. (Такое знание собственного текста – вещь очень редкая у прозаиков, оно свидетельствует о том, что пишется сочинение медленно и с любовью.)

В подобном авторском исполнении слышал я многие «свежие» еще куски «Золотого теленка» задолго до его окончания.

Попадались среди них варианты, не вошедшие в окончательный текст романа. Помню, например, иное начало книги. В нем описывалась огромная лужа на вокзальной площади в городе Арбатове, куда прибывает Остап Бендер. Через эту лужу приезжих переносит про-

¹⁰⁰² Раскин А. Наш строгий учитель // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 267.

¹⁰⁰³ Чуковский К. Дневник 1901 – 1969. Т. 2: 1930 – 1969. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 38.

фессиональный рикша при луже. Бендер садится к нему на спину и сходит на землю со словами: «За неимением передней площадки, схожу с задней!..».

Потом было написано другое начало о пешеходах. Сочинили его Ильф и Петров потому, что сочли банальным писать о лужах в провинциальном городишке. Но могу засвидетельствовать, что первый вариант вступления был очень смешной и отлично написан¹⁰⁰⁴.

В реплике Остапа: «За неимением передней площадки, схожу с задней», – использована та же конструкция, что и в концовке письма Ильфа к своей супруге Марусе Тарасенко (Самарканд – Москва, 30.06.1925): «За неимением чего другого, пишу на наболевшем лице Бромлей. Твой Илья»¹⁰⁰⁵ (сравним: «За неимением... схожу» = «За неимением... пишу»).

Насыщенность романов Ильфа и Петрова самой разнообразной информацией объясняется всеобъемлющей эрудицией одного из соавторов, о чем поведал тот же Виктор Ардов: «Если меня спросят, что делал Ильф всю свою жизнь, я не задумываясь отвечу: читал. Он читал едва ли не всё то время, какое проводил в бодрствующем состоянии. Он проглатывал книги по самым различным вопросам – политические, экономические, исторические и, разумеется, беллетристические. Он читал ежедневно десять – пятнадцать газет. Ему было интересно решительно все, что происходило и происходит на земном шаре. <...> Однажды Ильф раздобыл издание, где воспроизводились все документы, сопутствовавшие смерти Льва Толстого. Эта книга тоже его очень заинтересовала. Кстати, текст одной из пугающе бессмысленных телеграмм, которую в “Золотом теленке” Остап Бендер посылает Корейко, взят из этой книги: “Графиня изменившимся лицом бежит пруду” – фраза из телеграфной корреспонденции столичного журналиста, присутствовавшего на станции Астапово в ноябре 1910 года»¹⁰⁰⁶. Речь идет о телеграмме Н.Е. Эфроса в петербургскую газету «Речь» от 03.11.1910, где говорилось о попытке Софьи Андреевны Толстой утопиться, когда она узнала об исчезновении своего мужа, графа Льва Толстого, из Ясной Поляны¹⁰⁰⁷.

Начитанность Ильфа можно проиллюстрировать и на следующем примере.

В «Золотом теленке» есть глава «Ярбух фюр психоаналитик», где пациенты сумасшедшего дома симулируют различные болезни: «Возьмите, например, меня, – сказал Михаил Александрович, – тонкая игра. Человек-собака! Шизофренический бред, осложненный маниакально-депрессивным психозом, и притом, заметьте, Берлага, сумеречное состояние души. Вы думаете, мне это легко далось? Я работал над источниками. Вы читали книгу профессора Блейлера “Аутистическое мышление?”

<...>

Он, наверно, выписывал немецкий журнал “Ярбух фюр психоаналитик унд психопатологик”, – высказал предположение неполноценный усач».

Название немецкого журнала передано усачом с ошибками (правильно – «Ярбух фюр психоаналитише унд психопатологише форшунген» – «Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen»); кстати, данное название приведено в предисловии к книге Блейлера в сокращенном виде: «С 1909 – 1913 гг.

---

¹⁰⁰⁴ Ардов В. Этюды к портретам. М.: Сов. писатель, 1983. С. 88 – 89.

¹⁰⁰⁵ Илья Ильф. Письма не только о любви / Сост. А.И. Ильф. М.: АСТ: Зебра Е, 2008. С. 129.

¹⁰⁰⁶ Ардов В. Этюды к портретам. С. 93 – 94. В ранней редакции воспоминаний Ардова последний эпизод описан так: «Ильф раздобыл издание, воспроизводящие все документы канцелярского дела корпуса жандармов о смерти Льва Толстого. И эта книга его очень заинтересовала. Кстати, текст одной из пугающе бессмысленных телеграмм, которыми засыпает в “Золотом теленке” Остап Бендер миллионера Корейко, взят из книги о смерти Толстого. “Графиня изменившимся лицом бежит пруду” – это фраза из телеграфной корреспонденции журналиста, присутствовавшего в Астапове в ноябре 1910 года, в Петербург, в редакцию газеты» (Ардов В. Ильф и Петров (воспоминания и мысли) // Знамя. 1945. № 7. С. 127 – 128).

¹⁰⁰⁷ Смерть Толстого: по новым материалам / Вступ. ст. В.И. Невского. М.: Издание Публичной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, 1929. С. 40.

Блейлер совместно с Фрейдом состоял издателем первого психоаналитического журнала “*Jahrbuch für psychoanalyt. und psychopathol. Forschungen*”. В этом журнале (1912) была впервые напечатана настоящая работа Блейлера об аутистическом мышлении...»¹⁰⁰⁸. Что же касается «шизофренического бреда, осложненного маниакально-депрессивным психозом» и «сумеречного состояния души», то все эти диагнозы также встречаются в книге Блейлера, изданной в Одессе – на родине Ильфа: «Уменьшение числа одновременно существующих представлений и ассоциаций (что иногда называют неправильно диссоциацией) дает этим бредовым идеям исход в слабоумие в отличие от бредовых идей при *маниакально-депрессивном психозе*, благодаря чему первые часто приобретают большое сходство с *шизофреническим бредом*»¹⁰⁰⁹, «В истерическом *сумеречном состоянии* непосредственное восприятие внешнего мира в большинстве случаев измышляется вполне последовательно в духе аутизма...»¹⁰¹⁰.

Об уникальной эрудиции Ильфа говорили также писатель Лев Никулин и гудковец Илья Березарк, заведовавший разделом театральной хроники и писавший рецензии: «Человек, не знавший профессии Ильфа, мог подумать, что перед ним архитектор, если бы он заговорил с Ильфом об архитектуре. Художник – человека, хорошо разбирающегося в живописи. Наконец литератор – внимательного, сурового и справедливого критика. Какой области ни коснулся бы Ильф, он обнаруживал ясные, здравые мысли, знание предмета. Это не был дилетантизм, это была глубокая и серьезная культура много знавшего, много читавшего умного собеседника. Он был чудесным собеседником, то серьезным, то веселым, то злым и опасным, в зависимости от того, с кем он говорил»¹⁰¹¹; «...у него были обширные знания, охватывающие самые разнообразные отрасли науки, искусства, техники и практической жизни. Недаром за всякого рода сведениями и справками работники “Гудка” всегда обращались к сотруднику отдела писем (“правщику”, как тогда называли) Илье Арнольдовичу Файнзильбергу. Он заменял нам энциклопедию (таковой в редакции в то время не было).

“Женя – сердце и совесть нашей редакции, Илья Арнольдович – ее разум”, – сказал мне однажды Перелешин»¹⁰¹².

Подобное сравнение принадлежит и Виктору Ардову: «Если в Ильфе при знакомстве поражал *мощный аналитический ум* – рацию, то в Петрове вы прежде всего ощущали гармоничную, одаренную личность. Человеческое его обаяние было решительно незаурядным. Он вызывал улыбку симпатии при первом взгляде на его доброе, ласковое лицо»¹⁰¹³. Поэтому и Остапа Бендера Ильф наделяет своим глубоким умом: «Под суровым надзором Бендера Ипполит Матвеевич терял свою физиономию и быстро растворялся в *могучем интеллекте* сына турецкоподданного», «Что за издевательство! – воскликнул Воробьянинов, начавший было освобождаться из-под ига *могучего интеллекта* сына турецкоподданного». Для полноты картины добавим свидетельство Михаила Зощенко: «Ильф был *очень умный* и тонкий человек.

Пожалуй, основное свойство его ума, это – это едкость, язвительность, в чем было иной раз немало горечи и сарказма.

Петрову более свойственен юмор, более свойственны улыбка, смех, мягкая ирония.

Сочетание этих качеств дало удивительный эффект. Это было великолепное сочетание, какое в одном человеке почти несовместимо»¹⁰¹⁴.

---

¹⁰⁰⁸ Коган Я. Предисловие к русскому изданию (Одесса, 25 сентября 1926 г.) // Проф. Е. Блейлер. Аутистическое мышление / Перевод с немецкого и предисловие д-ра Я.М. Когана. Одесса, 1927. С. 6.

¹⁰⁰⁹ Проф. Е. Блейлер. Аутистическое мышление. Одесса, 1927. С. 30 – 31.

¹⁰¹⁰ Там же. С. 32.

¹⁰¹¹ Никулин Л. Гармония ума и чувств // Литературная газета. 1938. 15 апр. № 21. С. 3.

¹⁰¹² Березарк И.Б. Память рассказывает: воспоминания. Л.: Сов. писатель, 1972. С. 110 – 111.

¹⁰¹³ Ардов В. Ильф и Петров (воспоминания и мысли) // Знамя. 1945. № 7. С. 134 – 135.

¹⁰¹⁴ Зощенко М. Сатирик-публицист // Литературная газета. 1938. 15 апр. № 21. С. 3.

Саму же идею романа «Двенадцать стульев», как уже говорилось выше, подал будущим соавторам старший брат Евгения Петрова, однако Арон Эрлих утверждает, что еще раньше сюжет с поиском сокровищ был разработан в его пьесе:

Однажды я принес сюда [на квартиру Валентина Катаева в Мыльниковом переулке. – Я.К.] свою пьесу – первую пробу свою в драматургии. <...>

В пьесе некий эмигрант тайно вернулся на родину. В принадлежавшем ему раньше особняке в потайном месте запрятаны были фамильные драгоценности. После многих столкновений «бывшего человека» с советскими людьми, в результате многих приключений кладовщика, смешных и печальных, выяснилось, что внушительный мешочек с бриллиантами давным-давно открыт и передан жильцами государству.

Окончилось чтение, и... начался разгром. По единодушному мнению всех присутствующих, пьеса никуда не годилась, и нельзя было улучшить ее никакими переделками. В решительных выражениях высказался против пьесы и Катаев.

Тут он впервые подал мысль, которая несколько лет спустя развилась в сюжет «Двенадцати стульев»: клад, по его мнению, надо бы спрятать в одно из кресел мягкого гарнитура... <...> Стихотворный фельетонист «Старик Саббакин», он же Валентин Катаев, автор многочисленных рассказов и повестей, он же и драматург, однажды шутливо сказал сотрудникам «Четвертой полосы»:

– Хотите поступить ко мне в «негры»? Илья [Ильф], Женя [Петров], Боря [Перелешин]¹⁰¹⁵, Миша [Штих]¹⁰¹⁶ – окликал он присутствующих. – Какого черта вы сидите сложа руки? Работать надо! У меня тьма-тьмуша всяких тем и сюжетов, одному не управиться. Хочу организовать мастерскую советского романа. Могу подбросить тему каждому, садитесь и пишите... А потом я, как Дюма-пэр, буду просматривать ваши рукописи, пройду рукой мастера здесь и там, поставлю в одном месте запятую, в другом многоточие... А?.. Идет?

Обычная для «Четвертой полосы» болтовня, завязка новой шутки.

«Четвертая полоса» подхватила подброшенную мысль. «Старик Саббакин», будущий «Дюма-отец», подзадориваемый со всех сторон, пустился в вольную импровизацию. Сколько угодно у него тем! Чем, например, не тема: гарнитур гамбсовских стульев!.. двенадцать старинных стульев, в одном из которых упрятан бриллиантовый клад!

---

¹⁰¹⁵ То, что предполагалось участие Бориса Перелешина, подтверждает Илья Березарк: «Теперь уже мало кто помнит уголки Москвы, где когда-то ютились букинисты. У каждого из них журнал “30 дней” был открыт на той странице, где начинались “Двенадцать стульев”. А у одного из букинистов мы даже увидели надпись: “Все читайте самый замечательный и увлекательный роман сезона”.

– Кажется, начинается слава, – с грустью сказал Перелешин. Ведь его когда-то Илья Арнольдович и Женя приглашали в свою компанию. Предполагалось писать роман втроем, но он отказался, не веря в серьезность этой затеи.

В редакции “Гудка” начались споры. Каждый излагал свои соображения о прототипах героев романа. Было около десяти кандидатов в Остапы Бендеры. Что же касается “Станка”, то все признали, что это “Гудок”, но считали, что редакция изображена карикатурно, не слишком остроумно) (Березарк И. Правщики из «Гудка»: Воспоминания об И. Ильфе и Е. Петрове // Нева. 1969. № 3. С. 156). В романе «Двенадцать стульев» фамилия Перелешина зашифрована в названии Перелешинского переулка (глава «Слесарь, попугай и гадалка»).

¹⁰¹⁶ Штиха упоминает и Виктор Ардов: «Ильф мне говорил, что сперва предполагалось участие в “Двенадцати стульях” еще и фельетониста М.Л. Штиха, который тогда тоже работал в “Гудке”» (Ардов В. Этюды к портретам. М.: Сов. писатель, 1983. С. 90). Впрочем, более подробно об этом рассказал племянник Штиха Сергей Смолицкий: «...насколько я знаю, когда Ильф с Петровым обсуждали идею написания коллективного романа, речь шла о совместной работе трех авторов. Третьим должен был быть Михаил Штих.

Предложение писать втроем Ильф и Петров ему сделали; однако, обдумав все, Миша от соавторства отказался. Во-первых, как он мне рассказывал, ему показалась дикой сама идея – писать втроем один роман. Во-вторых, у него сложились непростые отношения с Катаевым. Да и тот, узнав о плане “троянского союза”, отговаривал брата и Ильфа от работы вместе со Штихом. <...>

Рассказ же о своем несостоявшемся соавторстве с Ильфом и Петровым дядя Миша закончил после паузы словами: “Да я бы был лишний. Конечно, они должны были писать вдвоем”. <...> А Миша получил в подарок экземпляр книги – той, первой, издательства “Земля и фабрика”, с дарственной надписью: *Михаилу Львовичу Штиху с любовью и уважением. И. Ильф. 17/VII 928 г.*» (Смолицкий С.В. На Банковском. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004. С. 130 – 131).

Он тут же и развил сюжет: стулья распроданы по частям, они рассеяны по разным учреждениям и даже по разным городам, герой кочует по стране в поисках клада...

Разгорячась, все больше и больше входя в роль «Дюма-пэра», Катаев выдумал еще с пяток сюжетов – и ушел...

Но на этот раз из случайной, лишь для забавы высказанной мысли суждено было возникнуть крупному явлению в советской литературе.

К концу занятий в этот день Ильф обратился к Петрову со странным предложением:

– Послушайте, Женя... Мне очень понравилась история Валюна с двенадцатью стульями. Давайте напишем с вами вместе сатирический роман под таким названием – «Двенадцать стульев».

– Как вместе?.. По частям? Вы – главы одной части, я – главы другой?

– Нет, лучше всю книгу вместе! Каждую фразу, каждое слово будем писать сообща... Попробуем?

Редакция опустела. Только уборщицы еще заметали сор в комнатах.

Ильф и Петров засиделись в редакции допоздна – разрабатывали план романа. <...>

Писал, точнее – записывал, Евгений Петров: у него был более четкий почерк. А Ильф сидел рядом или расхаживал по комнате, накручивая вихор у себя надо лбом, – то был его постоянный жест в минуты раздумья и творческой сосредоточенности.

Тщательно разработанный план романа лежал у авторов под руками. Но, по мере того, как росла рукопись, план все менялся. Казалось, такой продуманный во всех связях, с такими страстными спорами выверенный во всех подробностях, план чуть ли не ежедневно приходилось пересматривать, уточнять, перерабатывать.

Рукопись росла, и чем толще становилась, тем ощутимей сюжет выходил из повиновения авторов. Нередко случалось, он побуждал их к самым крутым поворотам и изменениям в первоначальном замысле¹⁰¹⁷.

Несколько иначе излагает предысторию романа художник-карикатурист Борис Ефимов: «...однажды неистощимый выдумщик Валентин Катаев обратился к ним:

– Слушайте, Иля, и ты, Женя, почему бы вам вдвоем не взяться написать какой-нибудь забавный детективный роман? Я вам даю готовый сюжет. У Конан Дойла в похождениях Шерлока Холмса есть рассказ “Шесть Наполеонов”. По сюжету его, в один из шести гипсовых бюстов Наполеона была запрятана драгоценная жемчужина. В каком бюсте – неизвестно. И в поисках этой жемчужины идет азартная охота за распроданными бюстами. Чем не детектив?¹⁰¹⁸

Ильфу и Петрову эта идея пришла по вкусу.

– Как будем писать, Иля? Каждый по одной главе?

Ильф подумал.

– Нет, Женя. Давайте всё писать вдвоем. Каждую фразу.

Так родилось знаменитое соавторство»¹⁰¹⁹.

А по словам Ильи Кремлева, также работавшего в «Гудке», у героя его повести «Сын Чичерина» (1926) и у Бендера был один и тот же прототип: «...в двадцать пятом году в “Известиях” была напечатан довольно обширная заметка. В ней сообщалось о

---

¹⁰¹⁷ Эрлих А. Нас учила жизнь: Литературные воспоминания. М.: Сов. писатель, 1960. С. 58 – 59, 84 – 86.

¹⁰¹⁸ Рассказ Конан Дойла фигурирует и в розыгрыше, жертвой которого стали Ильф и Петров: «Был как-то редакционный ужин “Гудка” в Доме печати. Официантка подала Илье Арнольдовичу и Жене какой-то сверток: “Это вам подарок”. В свертке оказалось шесть пирожных-наполеонов и подпись: “С почтением Конан-Дойль”. В одном из пирожных Женя обнаружил совсем миниатюрную статуэтку – рыжий пиджак, белая роза в петлице, лицо умное и наглое. Да ведь это не кто иной, как Остап Бендер! Конечно, Ильф и Петров умели ценить удачную шутку, даже если она немного злая. Женя закричал, что он сейчас найдет автора и расцелует его. Но тут Женя оказался неудачным следователем. Тайна подарка так и не была раскрыта. По-видимому, здесь приложили руку знакомые художники: очень уж мастерски была сделана маленькая статуэтка из хлебной мякоти» (Березарк И.Б. Память рассказывает: воспоминания. Л.: Сов. писатель, 1972. С. 128).

¹⁰¹⁹ Ефимов Б. Десять десятилетий (О том, что видел, пережил, запомнил). М.: Вагриус, 2000. С. 180.

том, как в верховную прокуратуру явился молодой человек лет двадцати пяти и, выложив на стол кучу всевозможных билетов и мандатов, сказал: “Не могу больше! Устал от дураков! Делайте со мной что хотите, но мне они осточертели...”.

Среди предъявленных им документов оказались и партийный билет с дореволюционным стажем, и профсоюзный с неменьшим, и такой же, выданный Обществом старых большевиков, и еще один – от “политических каторжан”. Было немало и всевозможных мандатов и удостоверений, в большинстве своем, как и партийные и другие билеты, выданных теми, кто обладал этим правом, но не имел головы, чтобы разобратся в самом простом вопросе, в таком, например, как то, что вошедший к нему в доверие аферист должен был угодить на каторгу восьмилетним мальчиком, а участником революции пятого года стал четырех лет от роду...

Вот этот-то предприимчивый молодой человек и стал прототипом и сына Чичерина из повести того же названия, и Остапа Бендера из “Двенадцати стульев” и “Золотого тельца”¹⁰²⁰. Действие в повести Кремлева¹⁰²¹ происходит в городе Верхне-Глуповске (явная аналогия с городом Глуповым из «Истории одного города» М. Салтыкова-Щедрина), при этом «сыну наркома Чичерина» соответствует «сын лейтенанта Шмидта» в «Золотом тельце»: герой повести Кремлева в беседе с секретарем Верхне-Глуповского исполкома называет себя Николаем Георгиевичем Чичериным, а Остап представляется председателю Арбатовского исполкома как Николай Шмидт. Реакция секретаря и председателя также совпадает: «Послушайте, – властно повторил молодой человек, и что-то в тоне его заставило Самоквасова сразу насторожиться» ~ «Председатель тревожно прислушался к новым интонациям в голосе посетителя». А следующее описание «сына Чичерина»: «И молодой человек объяснил, что *вещи и все документы его остались в вагоне* и что едет он из Берлина, где был вместе с отцом. Что же касается отца, то последний, т.е. нарком, по международным делам задержался и будет только через неделю», – распадается на две реплики Остапа: «*Дорожная неприятность. Остался без копейки...*» («Золотой тельца»), «*Мы с коллегой прибыли из Берлина <...> но об этом не рекомендуется говорить*» («Двенадцать стульев»). Также и «сын Чичерина» попросит Самоквасова: “Я бы хотел, чтобы мой приезд... так сказать... вообще, тово, этово...” <...> “Инкогнито”, – подсказал Самоквасов. – “Вот именно... Инкогнито... Соображения внешней политики...”.

Между тем образ «сына Чичерина» фактически сводится к Хлестакову, а образ Остапа и глубже, и многоплановее. Поэтому повесть «Сын Чичерина» сегодня забыта.

В «Золотом тельце» читаем: «По всей стране, вымогая и клянча, передвигаются фальшивые внуки Карла Маркса, несуществующие племянники Фридриха Энгельса, *братья Луначарского...*». Последняя деталь могла быть взята из фельетона Михаила Булгакова «Лжедмитрий Луначарский (*Из провинции от Капорцева*)» (1925). Здесь аферист, придя к «выдающемуся секретарю» Благодатского учреждения, выдает себя за брата наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского: «Оказывается, что у Дмитрия Васильевича украли все документы, пока он к нам ехал, и деньги в поезде под самым Красноземском, а оттуда он доехал до нашего Благодатска на телеге, которая мануфактуру везла. Главное, говорит, курьезно, что чемодан украли с бельем. Все собрались в восторге, что могут оказать помощь». В результате секретарь дал аферисту восемь червонцев. А Остап сообщает Балаганову: «Председатель осыпал меня золотым дождем на сумму в восемь рублей».

Известно, что в 1925 – 1928 годах, будучи корреспондентом «Гудка», Ильф собирал вырезки из разных газет, папка с которыми теперь хранится в РГАЛИ. Среди прочего там можно найти следующую заметку, напечатанную осенью 1926 года:

В беседе с нашим сотрудником помпрокурора тов. Григоров сообщил следующее:

¹⁰²⁰ Кремлев И. В литературном строю: Воспоминания. М.: Моск. рабочий, 1968. С. 190.

¹⁰²¹ Свен И. Сын Чичерина. Л.: Изд-во «Красная газета», 1926. 48 с. (Б-ка журнала «Бегемот», № 21).

– За последнее время участились наезды в Самару разного рода аферистов, которые, пользуясь доверчивостью некоторых советских учреждений, извлекают из этой доверчивости для себя материальную выгоду.

Несколько дней тому назад был задержан крупный аферист Бронников, пытавшийся получить задаток с госторга за фиктивную поставку пушнины, 14 октября уголовным розыском задержан другой аферист в форме военмора, выдававший себя за **сына лейтенанта Шмидта**.

«Сын лейтенанта Шмидта» являлся в общественные учреждения, пред'являл ворох разных документов и выпрашивал себе на пропитание. Доверчивые работники раскошеливались и давали аферисту нужные средства.

За 14 октября находчивый аферист успел побывать в местном рудметаллторга, ВТС, эльмашконторе, союзе коммунальников и везде собрал обильную жатву. Только в горкомхозе «сыну лейтенанта Шмидта» не повезло. Здесь его заметил сотрудник уголовного розыска, который и сообщил о появлении афериста в УРО¹⁰²². «Сын лейтенанта Шмидта» был задержан, а вместе с ним задержана и его спутница гр. Бондаренко, которую аферист выдавал за свою сестру.

При обыске у афериста отобраны разные фальшивые документы, два ордена красного знамени, грубо сфабрикованные им самим.

Доставленный в УРО аферист пытался показать, что его задержание вызвано недоразумением и что он должен быть выпущен, но после непродолжительного собеседования с сотрудниками УРО, задержанный в мошенничестве сознался и назвал Кавтуновым Николаем¹⁰²³. За небольшой промежуток Кавтунов побывал в Артемовске, Таганроге, Краснодарске, Полторацке¹⁰²⁴, Самарканде, Ташкенте и Оренбурге. Раз'езжал он по железным дорогам бесплатно, по подложному документу, бесплатно же возил с собой и так называемую сестру, в действительности же свою сожительницу. Во всех городах ему удавалось собирать рублей по 150 – 200, с которыми он и отправлялся в дальнейший вояж.

Кавтунов уже один раз за аферизм судился, но по отбытии наказания принялся за прежнее.

В Самаре Кавтунов надеялся собрать немало, если бы не вмешалось УРО и не прервало деятельность «сына лейтенанта Шмидта»¹⁰²⁵.

Что же касается сюжета «Двенадцати стульев», то Катаев также мог позаимствовать его из прессы. Речь идет о судебном отчете «Клад в кресле (Моск. губсуд, 4–5 февр.)», опубликованном Георгием Шенгели под псевдонимом «А. Троль»:

Перед судом – довольно необычная компания: двое дюжих и энергичных мужчин русско-американской складки и тоненькая, хрупкая семнадцатилетняя блондиночка; первые двое – инспектор уголовного розыска Можаровский и его агент Русаков, а девушка – просто девушка, некая Жандарова. Она изящно одета и, по-видимому, недоумевают: как это я сюда попала. А соединило их троих довольно необычное преступление.

Отец Жандаровой служил в Москве на протезном заводе. В январе прошлого года он был арестован и увезен в Ленинград. Семья, распродав обстановку квартиры, последовала за ним. В Ленинграде Жандаров получил свидание с женой и осведомился у нее о судьбе квартиры и мебели. Узнав, что последняя продана вся, проданы и кресла из кабинета, Жандаров пришел в ужас:

– Да ведь в кресле было две тысячи зашито.

В Москву немедленно была командирована семнадцатилетняя дочка с наказом разыскать мебель и добыть клад.

---

¹⁰²² Уголовный розыск. – Я.К.

¹⁰²³ Это можно сравнить как с «Николаем Чичериным» («сыном» наркома Георгия Чичерина), так и с «Николаем Шмидтом», как представился Остап председателю Арбатовского исполкома. – Я.К.

¹⁰²⁴ Прежнее название Ашхабада. – Я.К.

¹⁰²⁵ «Сын лейтенанта Шмидта»: Аферист Кавтунов, выдававший себя за сына лейтенанта Шмидта, задержан (Из беседы с помпрокурора Григоровым) // Коммуна. Самара, 1926. 16 окт. № 237. С. 3. Отчет о судебном процессе см.: Суд идет! «Дети лейтенанта Шмидта» // Коммуна. Самара, 1927. 25 янв. № 19. С. 3. Эти две публикации и стали источниками главы «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта».

Однако найти проданные кресла было нелегко: первый покупатель успел их перепродать, второй покупатель тоже, и проследить до конца целый ряд перепродаж было невозможно.

Жандарова обратилась за содействием к своему знакомому Можаровскому, который бывал у них в семье. Можаровский, вдохновленный кладом, решил использовать подчиненный ему розыскной аппарат. Он приказал своему помощнику Русакову завести фиктивное дело «о незаконной продаже гр. Жандаровым казенных кресел», произвести дознание и пр. Один за другим несчастные покупщики вызывались к Русакову, давали показания, подписки и т.д., и т.п., – пока наконец драгоценные кресла не были обнаружены, изъяты у владельца и привезены к Можаровскому.

Вскрытие кресел он произвел самолично, без свидетелей. Что было найдено в кресле, – известно только одному Можаровскому, но Жандарова получила от него толстую пачку... керенок.

Разочарование было полное, но оно еще усилилось, когда розыскные махинации Можаровского и Русакова стали известны и когда всех троих предали суду: мужчин – по обвинению в превышении власти и использовании служебного положения, а Жандарову – по обвинению в пособничестве.

На предварительном следствии все трое сознались, но на суде взяли сознание назад, объяснив, что дали показания в надежде на освобождение от предварительного заключения.

Можаровский защищался чрезвычайно энергично. Дело было начато до приезда Жандаровой из Ленинграда на основании негласных сведений о продаже ее отцом казенной мебели. А когда выяснилось, что мебель не была казенной, приехала Жандарова и просила о розыске денег. Найдя керенки, не имевшие ценности, Можаровский счел себя вправе передать их Жандаровой.

Суд, однако, не счел убедительной эту защиту (прежде чем заводить дело, следовало просто узнать на протезном заводе: была ли у Жандарова казенная мебель) и признал виновность доказанной, отметив в приговоре, что «тайна кресла» известна только Можаровскому.

Можаровский, занимавший ответственный пост, приговорен к трем годам заключения. Русаков – к полутора годам, а Жандарова – к шести месяцам. Все – с зачетом предварительного заключения¹⁰²⁶.

Повторная публикация этого очерка в 1969 году завершалась комментарием: «По свидетельству ныне здравствующего редактора четвертой полосы “Гудка” И.С. Овчинникова, судебный отчет о деле с креслами был тогда же зачитан вслух, а один из присутствовавших при чтении, возможно, сам Валентин Катаев, воскликнул: “Какой сюжет для романа!”»¹⁰²⁷. А полгода спустя, по словам Бориса Ефимова, Катаев, беседуя с Ильфом и Петровым, скажет: «Я вам даю готовый сюжет. У Конан Дойла в похождениях Шерлока Холмса есть рассказ “Шесть Наполеонов”. По сюжету его, в один из шести гипсовых бюстов Наполеона была запрятана драгоценная жемчужина. В каком бюсте – неизвестно. И в поисках этой жемчужины идет азартная охота за распроданными бюстами. Чем не детектив?»¹⁰²⁸. Вопрос *Чем не детектив?* совпадает с вопросом Катаева из версии Евгения Петрова: «Есть отличная тема, – сказал Катаев, – стулья. Представьте себе, в одном из стульев запрятаны деньги. Их надо найти. *Чем не авантюрный роман?*»¹⁰²⁹. Остается лишь неясным, состоялась эта встреча в августе или в сентябре 1927 года – сам Евгений Петров не смог назвать точную дату¹⁰³⁰.

---

¹⁰²⁶ Гудок. М., 1927. 9 февр. № 32 (2017). С. 4. Этот очерк был перепечатан в статье: Рудерман Н. Кресла и 12 стульев // Дружба народов. 1969. № 2. С. 285 – 286. Однако до недавнего времени ни перепечатка, ни оригинал не привлекали внимание исследователей. Объясняется это тем, что архив газеты «Гудок» труднодоступен, а статья Рудермана не указана в оглавлении 2-го номера «Дружбы народов» за 1969 год, и для того, чтобы ее выявить, нужно было просмотреть весь номер от начала до конца. Поэтому лишь в начале 2020 года очерк «Клад в кресле» был исследован в статье: Маринин А.В. Диалогия об Остапе Бендере: О чем умолчали авторы // Литературный факт. М., 2020. № 1 (15). С. 366 – 383.

¹⁰²⁷ Рудерман Н. Кресла и 12 стульев // Дружба народов. 1969. № 2. С. 286.

¹⁰²⁸ Ефимов Б. Десять десятилетий (О том, что видел, пережил, запомнил). М.: Вагриус, 2000. С. 180.

¹⁰²⁹ Петров Е. Из воспоминаний об Ильфе // Московский альманах. М.: Сов. писатель, 1939. С. 278.

¹⁰³⁰ «И он [Катаев] уехал. А мы остались. Это было в августе или сентябре 1927 года» (Там же. С. 279).

Как бы то ни было, авторы взялись за написание романа, а главного героя – великого комбинатора – щедро наделили своими собственными чертами, мыслями и характером. Например, в мемуарах Арона Эрлиха встречается такой эпизод: «“Время, которое мы имеем, это деньги, которых мы не имеем” – фраза эта, что Ильф со сконфуженной улыбкой произнес однажды, прося одолжить ему три рубля до новой полочки, прозвучала у Остапа Бендера как лозунг, как призыв или клич неугомонного “великого комбинатора”»¹⁰³¹. Действительно, эта фраза войдет в роман «Двенадцать стульев»: «Остап строго посмотрел на Ипполита Матвеевича.

– Время, – сказал он, – которое мы имеем, – это деньги, которых мы не имеем. Киса, мы должны делать карьеру. Сто пятьдесят тысяч рублей и ноль ноль копеек лежат перед нами» (глава «Вид на малахитовую лужу»).

В первой декаде июня 1927 года Ильф и Петров ездили на Кавказ. И 5 июня в Пятигорске Ильф делает запись: «Поехали на гору Машук. <...> Неоднократно видели Эльбрус и другие пидкрутизны (Бештау, Змейка, Железная, Развалка и т.д.)»¹⁰³². Все эти реалии будут перенесены в главу «И др.»: «Дачный поезд, брэнча, как телега, в пятьдесят минут дотацил путешественников до Пятигорска. Мимо Змейки и Бештау концессионеры прибыли к подножью Машука».

В тот же день, 5 июня, Ильф записывает: «На празднике жизни в Пятигорске мы чувствовали себя совершенно чужими. Мы пришли грязные, в плотных суконных костюмах...»¹⁰³³. И вновь эти детали перейдут в роман «Двенадцать стульев» – в главу «Вид на малахитовую лужу», где действие как раз происходит в Пятигорске: «Концессионеры в тяжелых грязных сапогах, тяжелых пыльных брюках <...> чувствовали себя чужими. <...> “Эх, Киса, – сказал Остап, – мы чужие на этом празднике жизни”» (сходства очевидны: «На празднике жизни» = «на этом празднике жизни»; «мы чувствовали себя совершенно чужими» = «чувствовали себя чужими... мы чужие»; «Мы пришли грязные, в плотных суконных костюмах» = «в тяжелых грязных сапогах, тяжелых пыльных брюках»).

Также в главе «Вид на малахитовую лужу» фигурирует «Цветник», взятый из упомянутой записи Ильфа от 05.06.1927: «Ехали трамваем... Приехали к “Цветнику”, но его уже не было <...> попали в “Цветник”. Взяли 32 копейки»¹⁰³⁴ ~ «За вход в “Цветник” с них взяли десять копеек» (последняя фраза повторяет фрагмент рассказа Петрова, посвященного поездке на Кавказ: «За вход в цветник взяли гривенник»¹⁰³⁵).

Такие детали, как дуэль Лермонтова и Провал, вновь нашли отражение в этой главе: «Поехали на гору Машук. Видели Провал. Провал полный. Смотрели на Лужицу. Воняла. Кажется, не понравилось. Место дуэли Лермонтова»¹⁰³⁶ ~ «Великий комбинатор двинулся стрелковым шагом по горной дороге, ведущей вокруг Машука к месту дуэли Лермонтова с Мартыновым. <...> Остап вышел к Провалу». Заметим, что описание Ильфом Провала: «Смотрели на Лужицу. Воняла», – также перешло в главу «Вид на малахитовую лужу»: «...можно было увидеть на дне провала небольшую лужицу малахитовой зловонной жидкости».

Другая запись Ильфа, сделанная во время пребывания в Пятигорске: «Погода чудная. Мысленно вместе. Воздух чист, как писал Лермонтов»¹⁰³⁷, – отразится в двух репликах Остапа: «Вдыхайте, предводитель, чистый воздух» («Двенадцать стульев»;

¹⁰³¹ Эрлих А. Нас учила жизнь: Литературные воспоминания. М.: Сов. писатель, 1960. С. 92.

¹⁰³² Ильф И. Записные книжки: Полное издание художественных записей. М.: Текст, 2008. С. 33.

¹⁰³³ Там же.

¹⁰³⁴ Там же. С. 32 – 33.

¹⁰³⁵ Петров Е. Несантиментальное путешествие (*Записки отважного туриста*) // Невероятно, но...: Юмористические рассказы. М.: Гудок, 1928. С. 39 (Дешевая юмористич. илл. б-ка журн. «Смехач», № 15).

¹⁰³⁶ Ильф И. Записные книжки: Полное издание художественных записей. М.: Текст, 2008. С. 33.

¹⁰³⁷ Там же. С. 32.

глава «Под облаками»), «Я убежден, что моя последняя телеграмма “Мысленно вместе” произвела на нашего контрагента потрясающее впечатление» («Золотой теленок»; глава «Телеграмма от братьев Карамазовых»).

Переехав во Владикавказ, 6 июня 1927 года Ильф записывает впечатления: «Кошмарная ночь, увенчанная появлением Кавказского хребта. Оперные мотивы – восход солнца с озарением горных вершин. Гор до черта»¹⁰³⁸. И ровно в таких же выражениях описывается реакция Бендера, прибывшего на Кавказ в августе 1927-го: «После этого Остапу удалось вскочить на ступеньку медленно подтягивающегося к Кавказскому хребту поезда. С этой позиции Остап с любопытством взирал на развернувшуюся перед ним панораму кавказской горной цепи.

Был четвертый час утра. Горные вершины осветились темно-розовым солнечным светом. Горы не понравились Остапу.

– Слишком много шика! – сказал он. – Дикая красота. Воображение идиота. Никчемная вещь». В самом деле, сравним: «Кавказского хребта» = «к Кавказскому хребту»; «восход солнца с озарением горных вершин» = «Горные вершины осветились темно-розовым солнечным светом»; «Гор до черта» = «Горы не понравились Остапу». А «дикая красота» гор не понравилась и Илье Ильфу во время его поездки на Кавказ: «Дикость Дарьяльского ущелья. Необыкновенный ветер»¹⁰³⁹. Впрочем, данный мотив встречается и в рассказ Катаева «Романтические скакуны гражданина Ниагарова» (1927), где действие тоже происходит в Дарьяльском ущелье: «Мцыри. Лермонтов... Дикая красота... Мрачный пейзаж... Обратите внимание...»¹⁰⁴⁰.

6 июня 1927 года Ильф пишет жене из Владикавказа в Одессу: «Дорогая Маруся, завтра утром Ваш художавый муж будет скакать по хребтам»¹⁰⁴¹. И этим же займется его художественный двойник: «Тут отец Федор, уже торжествовавший победу, увидел прыгавшего по скале Бендера» (глава «Под облаками»).

В упомянутом письме от 06.06.1927 есть и такой пассаж: «У самой подошвы Кав-хребта помещается пивная “Вавилон”. Уже имеется Терек, который “дробясь о мрачные” и далее». А в августе у Терека окажется Бендер, который опять же процитирует стихотворение Пушкина «Обвал» (1829): «Технический директор спускался вниз, крича во все горло: “Дробясь о мрачные скалы, / Кипят и пенятся валы!..”».

Из записи, посвященной Тифлису: «Гора Давидова – гора ресторанный»¹⁰⁴², – выросла сценка в главе «Землетрясение»: «Кислярский посадил страшных знакомцев в экипаж с посеребренными спицами и подножкой и повез их к горе Давида». В этой же главе Ильф подробно описал свои впечатления от путешествия по Военно-Грузинской дороге: «К каждому пробежавшему мимо селения автобусу или легковому автомобилю подбегали дети и исполняли перед движущейся аудиторией несколько па лезгинки. После этого дети бежали за машиной, крича: “Давай денги! Денги давай!”. Пассажиры швыряли пятаки и возносились к Крестовому перевалу», – которые также восходят к его дневнику: «Мальчишки злобно бежали за машиной с криками: “Давай! Давай денги!”. Отплясывали перед летящей машиной и снова галдели “давай”. <...> На Крестовском перевале мы зацепились за облако. <...> Отплясывающие лезгинку

---

¹⁰³⁸ Там же. С. 34.

¹⁰³⁹ Там же. С. 35.

¹⁰⁴⁰ Смехач. М., 1927. № 42. Ноябрь. С. 10. Здесь же напечатан фельетон Петрова «Рассказ с моралью», где есть другой знакомый мотив: «О, Баядерка, ти-ри-ри, ти-ри-ра... О, Баядерка, ту-ру-рум, ту-ру-ра...»

Напевая таким образом и думая о мягких ручках маникюрщицы м-ль Полины, полуответственный работник т. Племяш вошел в сияющую парикмахерскую «Гигиена собственного труда» (Там же. С. 4). Сразу вспоминается первое появление Остапа в Старгороде: «О, Баядерка, ти-ри-рим, ти-ри-ра! – запел он, подходя к привозному рынку» («Двенадцать стульев»; глава «Великий комбинатор»). Причем если в фельетоне действие происходит 15-го числа в пятницу, то в романе действие начинается 15-го в субботу. Также и в повести «Светлая личность» (1928) сюжет разворачивается 15-го июля.

¹⁰⁴¹ Ильи Ильф. Письма не только о любви / Сост. А.И. Ильф. М.: АСТ: Зебра Е, 2008. С. 339.

¹⁰⁴² Ильф И. Записные книжки: Полное издание художественных записей. М.: Текст, 2008. С. 35.

девочки»¹⁰⁴³ («К... легковому автомобилю подбегали дети» = «Мальчишки злобно бежали за машиной»; «исполняли... несколько па лезгинки» = «Отплясывающие лезгинку девочки»; «крича: “Давай денги! Денги давай!”» = «криками: “Давай! Давай денги!”»); «к Крестовому перевалу» = «На Крестовском перевале»).

Путешествие Остапа и Воробьянинова к горе Давида в главе «Землетрясение»: «На вершину этой ресторанной горы поднялись по канатной железной дороге. Тифлис в тысячах огней медленно уползал в преисподнюю», – имеет источником запись Ильфа из подраздела «Военно-Грузинская дорога»: «Фуникулер. Волшебное зрелище пылающего Тифлиса»¹⁰⁴⁴. Кстати, фуникулер – это и есть «канатная железная дорога». Причем данный термин фигурирует и в главе «Землетрясение»: «... в тот же вечер великий комбинатор напился на ресторанной горе до столбняка и чуть не выпал из вагона фуникулера на пути в гостиницу». А глава «Под облаками» отсылает к подразделу «Владикавказ» из более ранней записи Ильфа: «Везли бесплатно в автоколымаге Закавтопромторга. Завтра уезжаем на механическом биндюге»¹⁰⁴⁵ ~ «У Владикавказского вокзала приезжающих ждал большой открытый автобус Закавтопромторга, и ласковые люди говорили: “Кто поедет по Военно-Грузинской дороге – тех в город везем бесплатно” – “Куда же вы, Киса? – сказал Остап. – Нам в автобус. Пусть везут, раз бесплатно”». После этого следовали строки: «Оживленно беседуя с Ипполитом Матвеевичем, он любовался опоясанной облаком Столовой горой и, находя, что гора действительно похожа на стол, быстро удалился»¹⁰⁴⁶. А в июне 1927 года Столовую гору видел Ильф: «Были вознаграждены видом Столовой горы Нарпита им. Халатова и Терек. <...> Всё закрыто облаками – одна Столовая гора»¹⁰⁴⁷ (поэтому сделанная осенью 1927-го запись: «Еврей у подножия Столовой горы»¹⁰⁴⁸, – относится как к Остапу, над образом которого в это время велась работа, так и – ретроспективно – к самому Ильфу). И здесь же Ильф пишет, что за обозрение Терека с него «взяли по гривеннику». А вот глава «Под облаками»: «Попытка взимать с граждан гривенники не удалась. Кавказский хребет был настолько высок и виден, что брать за его показ деньги не представлялось возможным. <...> Что же касается Терека, то протекал он мимо “Трека”, за вход в который деньги взимал город без помощи Остапа» (данная деталь фигурирует и в документальном рассказе Петрова: «За вход в “Трек” вы с отвращением платите привычный гривенник»¹⁰⁴⁹).

В августе 1927 года Ильф записывает в блокнот: «Поедем в город, там хорошо, коммунальные услуги»¹⁰⁵⁰; а уже осенью: «В обедневшем раю ангел говорил ангелу: “Говорят, на земле мануфактуру выдают”»¹⁰⁵¹. Вся эта ирония перейдет в обращение Остапа к Козлевичу: «Небо теперь в запустении. Не та эпоха, не тот отрезок времени. Ангелам теперь хочется на землю. На земле хорошо, там коммунальные услуги, там есть планетарий, можно посмотреть звезды в сопровождении антирелигиозной лекции» (заметим, что *небо в запустении* – это и есть *обедневший рай*).

Также осенью 1927-го Ильф делает такую запись: «Я пришел к вам как юридическое лицо к юридическому лицу»¹⁰⁵². Данная фраза войдет в повесть «Светлая

¹⁰⁴³ Там же.

¹⁰⁴⁴ Там же.

¹⁰⁴⁵ Там же. С. 34.

¹⁰⁴⁶ Оборот «гора действительно похожа на стол» восходит к документальному рассказу Петрова, где один из пассажиров говорит другому: «Столовая гора... Действительно, как стол» (Петров Е. Несантиментальное путешествие (*Записки отважного туриста*) // Петров Е. Невероятно, но...: Юмористические рассказы. М.: Гудок, 1928. С. 45 (Дешевая юмористич. илл. б-ка журнала «Смехач», № 15).

¹⁰⁴⁷ Ильф И. Записные книжки: Полное издание художественных записей. М.: Текст, 2008. С. 34.

¹⁰⁴⁸ Там же. С. 55.

¹⁰⁴⁹ Петров Е. Несантиментальное путешествие (*Записки отважного туриста*). С. 41.

¹⁰⁵⁰ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 117.

¹⁰⁵¹ Там же. С. 144.

¹⁰⁵² Там же. С. 146.

личность» (1928): «Живое дело! – отвечал Ивановпольский. – Говорю вам как юридическое лицо юридическому лицу»; а позднее станет частью обращения Остапа к Корейко: «Я пришел к вам как юридическое лицо к юридическому лицу. Вот пачка весом в три-четыре кило. Она продается и стоит миллион рублей, тот самый миллион, который вы из жадности не хотите мне подарить. Купите!». Что же касается названия второго романа, то оно появилось в записной книжке за октябрь 1927-го – февраль 1928-го года: «Золотой теленочек»¹⁰⁵³. И тут же рядом мы находим еще две фразы, которые перейдут в «Золотого теленка»: «Бухгалтер – брат микадо»¹⁰⁵⁴, «Его окатили потные валы вдохновенья»¹⁰⁵⁵. Вспомним, что в 34-й главе воронежский землемер Бигусов станет родственником микадо, а 38-я глава получит название «Потный вал вдохновенья». Более того, уже в записях за 3 – 10 июня 1927 года мы встречаем фразу: «Мой друг, микадо»¹⁰⁵⁶.

Читая рассказ Ильфа «Кислая копейка» (1927), можно заметить, что разговор Варфоломеича со своей бабушкой, которую он решил застраховать, отзовется в беседе Остапа с Корейко (глава «Первое свидание»): «“Вы, бабка, плохо себя чувствуете? – спрашивает Варфоломеич. – В животе не крутит?” – “Нет, – отвечает удивленная старуха, – не крутит”»¹⁰⁵⁷ ~ «“И тяжелые сны вас не мучат?” – “Нет, не мучат”». А перед этим Остап также спрашивал Корейко про живот: «И желудок в порядке?».

В начале «Золотого теленка» Остап поучает Балаганова: «Надо мыслить, – сурово ответил Остап. – Меня, например, кормят идеи. Я не протягиваю лапу за *кислым исполкомовским рублем*. Моя наметка пошире», – что вновь отсылает к рассказу «Кислая копейка»: «Обожал наш Варфоломеич *кислые деньги*. Даже на службу ленился ходить – законные обязанности запасного агента-исполнителя исполнять ленился. Чуть что – в больные подавался. *Кислую копейку* любил Варфоломеич»¹⁰⁵⁸.

Остап сообщает Балаганову, к каким методам он *не* собирается прибегать, отнимая деньги у миллионера: «Я не буду душить его подушкой или бить вороненым наганом по голове. И вообще ничего дурацкого не будет». Зачем ему понадобилось упоминать столь зверские способы расправы? Да потому, что именно так действовали советские чекисты, вооруженные воронеными наганами, с заключенными Бутырской тюрьмы: «Чекисты, не смущаясь, входили в камеры раздетых женщин и стаскивали их с коек. Одну левую эс-эрку били ручкой нагана по голове и окровавленную вынесли в уборную»¹⁰⁵⁹. И в целом это был распространенный метод, применявшийся большевиками: «Двое дюжих чекистов тянут за голову, двое за плечи, растягивая таким путем мускулы шеи, по которой в это время пятый чекист бьет тупым железным орудием, чаще всего рукояткой нагана или браунинга. Шея вздувается, изо рта и носа идет кровь. Жертва терпит невероятные страдания»¹⁰⁶⁰.

Но об этих зверствах соавторам было известно не только из литературных источников. Например, обращение Остапа к румынским пограничникам в концовке «Золотого теленка»: «Я старый профессор, бежавший из полуподвалов московской чека! Ей-богу, еле вырвался!», – отсылает к биографии Петрова, который вместе со своим старшим братом Валентином Катаевым был арестован ОГЧК (Одесской Губернской Чрезвычайной Комиссией) в марте 1920 года и обвинен в участии в контрреволюционном заговоре, после чего просидел в тюрьме полгода. Более того, оба

---

¹⁰⁵³ Там же. С. 150.

¹⁰⁵⁴ Там же. С. 150.

¹⁰⁵⁵ Там же. С. 151.

¹⁰⁵⁶ Там же. С. 61.

¹⁰⁵⁷ Ильф И.А. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 205.

¹⁰⁵⁸ Там же. С. 204.

¹⁰⁵⁹ Аронсон Г. На заре красного террора. Берлин, 1929. С. 103.

¹⁰⁶⁰ ЧЕ-КА: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин: Издание Центрального Бюро Партии российских социалистов-революционеров, 1922. С. 230.

Катаева фигурировали в расстрельном списке из ста человек, о чем 26 ноября 1920 года сообщили «Известия Одесского Губернского Революционного Комитета», где появилась статья «От коллегии О.Г.Ч.К.» про «огромное дело, прошедшее на заседании коллегии губчека 28-го октября. По соображениям оперативного характера опубликование этого дела задержалось. Число участников этого дела достигает 194 чел. и представляет собой огромную контрреволюционную организацию, в которой сплелись белополяки, белогвардейцы и петлюровцы. <...> Далее коллегия постановила освободить след. лиц, как непричастных к делу: <...> Катаева Валентина, <...> Катаева Евгения, <...>»¹⁰⁶¹ (в полуподвалах же чекисты проводили расстрелы¹⁰⁶²). А в рассказе Ильфа «Повелитель евреев» (1923¹⁰⁶³), где попутчики по купе принимают писателя за чекиста, тот дважды подчеркивает свою непричастность к ЧК: «Жаргон я понимал, а чекистом никогда не был. <...> Я работал на строгальных станках, лепил глиняные головы в кукольной мастерской и писал письма для кухарок всего дома, в

---

¹⁰⁶¹ Луцкич С. Персонажи, место и время. Реальный комментарий к повести Валентина Катаева «Уже написан Вертер» // COLLEGIUM: Международный научно-художественный журнал. Киев, 1998. № 7-8. С. 180. В сентябре Валентин Катаев (и вместе с ним – Евгений Петров) был освобожден благодаря заступничеству чекиста Якова Бельского, знавшего его по литературным кругам, а также сотрудника Одесского губернского военного комиссариата П. Туманова (см.: *Фельдман Д., Киянская О.* Уездный детектив: одесская биография Евгения Петрова (в двух частях, с прологом и эпилогом) // Вопросы литературы. 2014. № 5 (сент. – окт.). С. 225 – 236). Полугодовое ожидание Петровым расстрела нашло отражение и в биографии Корейко, который после Октябрьской революции «нахрапом захватил большую банкирскую квартиру и открыто в ней зажил <...> и был немало удивлен, когда его потащили в Чека. Он вышел оттуда через пять месяцев, чудом спасшись от расстрела» (роман «Великий комбинатор»; глава «Подземное царство»). То, что Корейко «нахрапом захватил большую банкирскую квартиру и открыто в ней зажил», можно объяснить биографией одного из прототипов Остапа Бендера – Мити Ширмахера, который «в 1920-м году нахрапом заполучил в центре города роскошную квартиру с просторным залом и роялем “Стенвей” для собраний литературного кружка “Коллектив поэтов”, куда хаживал Ильф» (*Александров Р.* Истории «с раннего времени». Очерки. – Одесса: Optimum, 2002. С. 102). А *банкирской квартире*, которую захватил Корейко, соответствует *буржуазная квартира*, захваченная Ширмахером. Об этом рассказал художник Евгений Окс (1899 – 1968), упомянув о встречах, организованных Аделиной Адалис: «Однажды она сказала: “Есть пустая буржуазная квартира – мы устроим там клуб поэтов...”. И вот она привела Ильфа и меня на улицу Петра Великого. В квартире был хозяин – Митя Ширмахер» (Илья Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа. М.: Текст, 2004. С. 26). Следующая деталь биографии Корейко из главы «Подземное царство»: «Нужно было надеть на себя защитную шкуру, и она пришла к Александру Ивановичу в виде высоких оранжевых сапог, бездонных синих бриджей и долгополого френча работника по снабжению продовольствием», – отсылает к биографии Ильфа, в 1921 году работавшего в Опродкомгубе – Одесской военной продовольственной комиссии. Но наряду с деталями биографии авторов Корейко наделяется и негативными чертами, которые приравнивают его к бравшему «людоедские проценты» *Варфоломею* Коробейникову из «Двенадцати стульев»: «...Александр Иванович вышел к началу НЭПа человеком, постигшим все тайны коммерции. У него появились волчьи ухватки. Он стал скрытен и зол. <...> Корейко присвоил себе цветистую фамилию *Бартоломеев*...». Кстати, коробейник – это и есть коммерсант.

¹⁰⁶² «Подвал в здании ВЧК, в котором прежде помещался архив страхового общества и находились сейфы, был приспособлен в 1918 году для расстрелов. В своих воспоминаниях писательница О.Е. Чернова-Колбасина, сидевшая в ВЧК в 1918 – 1919 годах, записала рассказ одной из сокамерниц, побывавшей в расстрельном подвале и вернувшейся оттуда живой» (*Муравьев В.Б.* Святая дорога. М.: Изографус, Эксмо, 2003. С. 207). Поэтому автохарактеристика Остапа «бежавший из полуподвалов московской чека» регулярно подвергалась цензурному вмешательству. Это отметил еще в 1962 году Я.С. Лурье: «В издании 1939 года слова “из полуподвалов” были выпущены (т. II, стр. 326), в издании 1948 года восстановлены (стр. 689), в издании 1956 года (стр. 650) и в новом издании (II, 383) опять выпущены» (*Лурье Я.* К выходу в свет Собрания сочинений И. Ильфа и Е. Петрова (Текстологические заметки) // Русская литература. Л.: Изд-во АН СССР, 1962. № 3. С. 239). Неудивительно, что издание 1948 года, выпущенное поверх цензурных барьеров, подверглось тотальному разгрому со стороны властей (см. «Постановление Секретариата Союза Советских Писателей СССР от 15 ноября 1948 года» и «Записку Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову от 14 декабря 1948 года» – в сб.: *Петров Е.* Мой друг Ильф / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2001. С. 308 – 317; впервые: «Пошлые романы Ильфа и Петрова не издавать» // Источник. М., 1997. № 5. С. 89 – 94).

¹⁰⁶³ Путешествие в Одессу / Сост. А.И. Ильф. Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2004. С. 194 – 201; *Ильф И.А.* Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 56 – 63.

котором жил, но чекистом никогда не был¹⁰⁶⁴. Однако мебельщики поселились в воображаемом мире, мир был полон духоты, догадка в нем немедленно становилась уверенностью, и я был для них чекистом, человеком, который может отнять дубовые стулья и комоды из сосны, сделанной под красное дерево. <...> Громкий разговор о моих преступлениях продолжался в горячечной духоте.

Я узнал, что расстрелял тысячу и больше человек. Все эти люди были добрыми семьянинами и имели хороших детей. Но я не щадил даже детей. Я душил их двумя пальцами правой руки. А левой рукой я стрелял из револьвера, и пули, выпущенные мною, попадали в буфеты, сделанные из дорогого лакированного ореха, и вырывали из них щепки». Сравним с репликами Остапа: «Я не буду душить его подушкой» ~ «Я душил их двумя пальцами правой руки»; «бить вороненым наганом по голове» ~ «я стрелял из револьвера». А оборот *двумя пальцами правой руки* возникнет и при описании встречи Бендера с Варфоломеем Коробейниковым: «Главный концессионер необыкновенно учтиво принял бумажку *двумя пальцами правой руки* и положил ее в тот карман, где уже лежали драгоценные ордера». Также и слово «концессионер» фигурирует в одном из ранних рассказов Ильфа: «Я приносил большой доход. Связь с американскими концессионерами налаживалась. Кто-то уже украл много денег, и над адской канцелярией витал призрак ГПУ» («Железная дорога», 1923¹⁰⁶⁵). Обратим еще внимание, что слова автора в рассказе «Повелитель евреев»: «Но я не щадил даже *детей*. <...> Я насиловал *женщин*», – перейдут в обращение Остапа к Корейко: «Я вас не пощажу, если вы будете меня обижать. Янычары не знают жалости *ни к женщинам, ни к детям, ни к подпольным советским миллионерам*». Причем если в рассказе «Повелитель евреев» автор говорит: «Час захвата власти настал. <...> Их деньги стали моими деньгами, а мое желание было их действительностью. <...> Я узнал славу каждой станции. <...> Я довольствовался немногим, хотя мог получить всё», – то и у Остапа в «Золотом теленке» (глава «Первое свидание») будет похожая мечта: «...и, главное, мои маленькие друзья, слава и власть, которую дают деньги» («власти... деньгами... славу» = «славу и власть... деньги»).

Сокращенная версия «Повелителя евреев» – «Мармеладная история»¹⁰⁶⁶ – также содержит параллели с «Золотым теленком». Например, описание героем его попутчиков по купе поезда: «Мебельщики *сатирически осмотрели* меня и неожиданно перешли с русского языка на жаргон», – в инверсированной форме перейдет в главу «Дружба с юностью», где тоже описывается встреча в купе: «Остап внезапно сатирически посмотрел на студента и внятно сказал: “Нет, не служу. Я миллионер”».

И в «Повелителе евреев», и в «Мармеладной истории» главный герой – сам автор – едет на верхней полке в купе и слышит, как находящиеся на нижних полках мебельщики-евреи говорят о нем на идише, но не подозревают, что он знает этот язык. Также и в «Дружбе с юностью» Остап едет на верхней полке, а до появления студентов его попутчики по купе горячо обсуждают, что они сделали бы с миллионом рублей, не подозревая, что рядом с ними едет настоящий миллионер, который тоже слышит все их разговоры. А поскольку Ильф (в «Мармеладной истории») и Остап едут на верхних полках, они ведут себя одинаково: «Я *проснулся* во второй раз. <...> Я свесил голову и заглянул вниз» ~ «Утром, *еще затопленный сном*, Остап услышал звук отстегиваемой шторы и голос: “Миллион! Понимаете, целый миллион...”. Великий комбинатор гневно заглянул вниз». Отсюда и логически связанные фразы: «*Внизу шел громкий разговор обо мне*» → «Обитатель верхнего дивана придиричиво закашлял. Видимо, разговоры мешали ему заснуть. *Внизу стали говорить тише*».

¹⁰⁶⁴ По смыслу к этой фразе примыкает реплика Остапа, обращенная к Балаганову: «Заметьте себе, Остап Бендер никогда никого не убивал. Его убивали – это было. Но сам он чист перед законом».

¹⁰⁶⁵ Ильф И.А. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 51.

¹⁰⁶⁶ Там же. С. 52 – 55. Впервые: Путешествие в Одессу / Сост. А.И. Ильф. Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2004. С. 188 – 192.

Забавная параллель обнаруживается между «Мармеладной историей» и началом главы «Пассажир литерного поезда», так как в обоих случаях главный герой ест чужую курицу: «Я съел курицу, а потом всё остальное, вплоть до кислых яблок» ~ «Я иду по неверному пути Паниковского – прошептал Остап. С этими словами он поднял курицу к себе и съел ее без хлеба».

Один из исследователей уже обратил внимание на многочисленные сходства между главным героем «Повелителя евреев» и великим комбинатором:

В центральном персонаже новеллы, наряду с автобиографическими, отчетливо угадываются черты Остапа Бендера. <...> Герой-повествователь из новеллы Ильфа действует расчетливо, вполне в духе Бендера: услышав, что его приняли за чекиста, погубившего и расстрелявшего сотни людей, он использует это обстоятельство, заставляя мнительных евреев-мебельщиков исполнять все его желания. В общем-то, перед нами основная стратегия Бендера, представленная в диалогии соавторов множеством вариантов. Даже лиризм, свойственный последней главке «Повелителя евреев» и не стыкующийся с образом Остапа из «Двенадцати стульев», впоследствии появится в заключительных главах «Золотого тельника». Иля (так зовут героя-повествователя в «Повелителе евреев» и именно так называли Ильфа близкие люди) возвращается в родной город (Одессу) к любимой девушке Вале. В романе Остап тоже вернулся в Черноморск (редкий исследователь не указывал на то, что Черноморск – это и есть Одесса) к Зосе. И в первом варианте «Золотого тельника» возвращение, как и в «Повелителе евреев», приводит к гармонии – Бендер женится. Умение Остапа находить общий язык с каждым персонажем, жонглировать речевыми жанрами, выступая в разных ролях, тоже происходит из «Повелителя евреев». Мебельщики специально переходят на еврейский жаргон, чтобы мнимый чекист не понял, что его узнали, но герой прекрасно понимает речь попутчиков и захватывает власть при помощи фразы «Евреи, кажется, сейчас пойдет дождь!», произнесенной на жаргоне. <...> для мебельщиков герой играет роль чекиста, настоящего исчадия ада. В первой редакции произведения из уст Или звучала и совершенно «бендеровская» фраза: «Мне скучно, – сказал я. – Расскажите что-нибудь веселое. О сотворении мира и вообще всю библию». «Веселая библия» – типичный для ильфовских текстов оксюморон¹⁰⁶⁷.

Кстати, веселый рассказ о сотворении мира – опять же в контексте разговора в купе поезда – можно прочесть и в «Золотом тельнике» (глава «Позвольте войти наемнику капитала!»), где фигурирует «Рассказ господина Гейнриха об Адаме и Еве»: «Был, господа, в Москве молодой человек, комсомолец. Звали его – Адам. И была в том же городе молодая девушка, комсомолка Ева. И вот эти молодые люди отправились однажды погулять в московский рай – в Парк Культуры и Отдыха. Не знаю, о чем они там беседовали. У нас обычно молодые люди беседуют о любви. Но ваши Адам и Ева были марксисты и, возможно, говорили о мировой революции»¹⁰⁶⁸. В этой

---

¹⁰⁶⁷ Поздняков К.С. Поэтика новеллы И. Ильфа «Повелитель евреев» // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2017. Т. 17, вып. 1. С. 80.

¹⁰⁶⁸ Подобные переделки библейской истории в соответствии с реалиями советской эпохи встречались и ранее. Например, в рассказе «Пролетарий чистых кровей», где Досифей Взносков решает продать свое пролетарское происхождение мосье Подлиннику за тарелку супа-пейзана и рюмку водки, откровенно пародируется сюжет с Иаковом и Исавом, когда последний продал первому свое первородство за чечевичную похлебку (Толстоевский Ф. Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска // Чудак. М., 1929. № 6. Февр. С. 8 – 9). А в рассказе «Васисуалий Лоханкин» травестируется история библейского потопы: «Давно уже Колоколамск не видел гробовщика Васисуалия Лоханкина в таком сильном возбуждении. <...> Он заходил во все дома по очереди и сообщал согражданам последнюю новость: “Конец света. Потоп. Разверзлись хляби небесные. В губернском городе семь дней и семь ночей дождь хлещет. Уже два ответственных работника утонуло. Светопреставление начинается. Довели большевики до ручки! Поглядите-ка!” <...> И тогда взоры всех колоколамцев с надеждой и вожделием обратились на капитана Ноя Архиповича Похотилло, который стоял немного поодаль от толпы и самодовольно крутил свои триумфальные усы» (Толстоевский Ф. Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска // Чудак. М., 1929. № 3. Янв. С. 10). Упомянутый здесь гробовщик Васисуалий Лоханкин перейдет в «Золотого тельника», где предстанет в образе мечтателя-интеллекта. А реплика «Довели большевики до ручки!» уже возникла в «Двенадцати стульях» (глава «Баллотировка по-европейски»).

же главе Остап говорит Лавуазьяну, решившему издавать газету «На всех парах»: «Ну, что это за название! – сказал Остап. – Вот я видел стенгазету одной пожарной команды, называлась она – “Из огня да в полымя”. Это было по существу». Данная реплика имеет источник в записной книжке Ильфа за июнь – июль 1930 года: «Теоретик пожарного дела. Нашел цитату. Стенгазета “Из огня да в полымя”. Ходил с пожарными в театры. Учредил особую пожарную цензуру»¹⁰⁶⁹. А более ранняя запись Ильфа (июнь – сентябрь 1929): «Мундир пожарного. Пришлось купить – другого не было»¹⁰⁷⁰, – станет основой одной из сцен в главе «Сладкое время славы», где Остап экипирует Паниковского: «Магазин мог предложить только костюм пожарного...».

В очерке Ильфа «Азия без покрывала» (1925) героиня называет накидку из конского волоса на лицо женщины «ситом из конского хвоста»¹⁰⁷¹. А Остап скажет своим спутникам в «Золотом теленке»: «Однако, господа чемпионы, работники из вас – как из собачьего хвоста сито» (глава «Гомер, Мильтон и Паниковский») ¹⁰⁷².

В главе «Три дороги» великий комбинатор сравнивает себя и своих спутников с русскими богатырями: «Налицо имеются: Илья Муромец – Остап Бендер, Добрыня Никитич – Балаганов, и Алеша Попович – всеми нами уважаемый Михаил Паниковский». Поскольку Остап является двойником *Ильи* Ильфа, он сравнивает себя с *Илей* Муромцем. Сравнение Паниковского с Поповичем объясняет эпизод из романа «Великий комбинатор»: «А вы верите в бога, Паниковский? – спросил Остап, капризно развалившийся на шершавых подушках Антилопы. – А как же, – заявил Паниковский. – Он тесно связан с религией, – язвительно заметил Балаганов, – в молодости он был церковным вором» (глава «Американские скотоводы»). Сравнение же Балаганова с Добрыней Никитичем основано, во-первых, на внешнем сходстве, поскольку в «Золотом теленке» упоминается его «широкая спина» (глава «Командор танцет танго»), и сам герой назван «широкоплечим малым» (глава «Снова кризис жанра»); а во-вторых, имя «Добрыня» соответствует характеру Балаганова – доброго по натуре, что признаёт и Остап: «Балаганов очень мил, но глуп» (глава «Командор танцует танго»).

В главе «Сердце шофера» Остап констатирует разгром властями конторы «Рога и копыта»: «Контора умерла, – шепнул Остап, – и *мы здесь больше не нужны. Мы пойдем по дороге, залитой солнцем*, а Фунта поведут в дом из красного кирпича, к окнам которого по странному капризу архитектора привинчены толстые решетки». Здесь можно заметить отсылку к двум записям Ильфа: «Нам нужен социализм. – Да. Но *вы социализму не нужны*» (июнь – июль 1930¹⁰⁷³), «*Мы, бесп[артийные]*, – сказал он, – *пойдем по залитой солнцем дороге*, срывая цветы, а вы...» (март 1930¹⁰⁷⁴).

Монолог Бендера в главе «Телеграмма от братьев Карамазовых»: «Самое главное, – говорил Остап, прогуливаясь по просторному номеру гостиницы “Карлсбад”, – это *внести смятение в лагерь противника*. <...> Паниковский, – сказал Остап, – вам было поручено встретиться сегодня с нашим подзащитным и вторично *попросить у него миллион*, сопровождая эту просьбу идиотским смехом», – обязан своим появлением трем фразам Ильфа в записной книжке за июль – август 1930 года: «Моральный террор. *Нищий – дай миллион*. <...> Нужно *внести ужас в стан противника*»¹⁰⁷⁵.

Перед тем, как расстаться с миллионом, Корейко думает: «Ах, как плохо, – думал Александр Иванович, – плохо и страшно. Вдруг он сейчас меня задушит и заберет все деньги. Очень просто. Разрежет на части и отправит малой скоростью в

¹⁰⁶⁹ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 297.

¹⁰⁷⁰ Там же. С. 240.

¹⁰⁷¹ Ильф И.А. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 108.

¹⁰⁷² Отмечено: Тарасова Е.С. Илья Ильф и Евгений Петров как соавторы романов Ильфа и Петрова // Сюжетология и сюжетография. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2020. № 1. С. 134.

¹⁰⁷³ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 293.

¹⁰⁷⁴ Там же. С. 275.

¹⁰⁷⁵ Там же. С. 307.

разные города. А голову заквасит в бочке с капустой» (глава «Александр-ибн-Иванович»). Подобный же способ расправы, но уже со знаком плюс, встречался в фельетоне Ильфа, где речь идет о писателях, которые «пишут ерунду»: «Можете даже разрезать пошляков на куски, зашивать в корзины и отправлять малой скоростью куда-нибудь на станцию Пепелихи. И это, на первый взгляд жестокое, наказание будет только справедливым возмездием»¹⁰⁷⁶. С такой же кровожадностью мы столкнемся в рассказе Петрова «День мадам Белополюжиной», где автор говорит о главной героине: «...ее следовало бы уничтожить, как уничтожают мышей и тараканов...»¹⁰⁷⁷. В этих двух цитатах дана квинтэссенция идеологии тоталитаризма.

Получив заветный миллион, Остап приезжает в Ленинград и собирается поселиться в гостинице, но сталкивается с непреодолимым препятствием: «В первом же городе, в который Остап въехал с чувствами завоевателя, он не сумел достать номера в гостинице.

– Я заплачу сколько угодно! – высокомерно сказал великий комбинатор.

– Ничего не выйдет, гражданин, – отвечал портье, – конгресс почвоведов приехал в полном составе осматривать опытную станцию. Забронировано за представителями науки.

И вежливое лицо портье выразило почтение перед конгрессом. Остапу захотелось закричать, что он главный, что его нужно уважать и почитать, что у него в мешке миллион, но он почел за благо воздержаться и вышел на улицу в крайнем раздражении. Весь день он ездил по городу на извозчике. В лучшем ресторане он полтора часа томился в ожидании, куда почвоведы, обедавшие всем конгрессом, не встанут из-за стола. В театре в этот день давался спектакль для почвоведов, и билеты вольным гражданам не продавались» (глава «Врата великих возможностей»).

Речь идет о Втором международном конгрессе почвоведов в Ленинграде с 20 по 30 июля 1930 года. Как сообщает Александра Ильф, «согласно Постановочному договору № 49 от 22 июля 1930 года, М.Д. Вольпин, Ильф и Петров должны были приехать в Ленинград 24 июля для работы над своими литмонтажем и “особо эксцентричным скетчем” в Ленинградском мюзик-холле (РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 12)»¹⁰⁷⁸. Это подтверждает гипотезу Л. Яновской (1969): «Международный конгресс почвоведов действительно проходил в Ленинграде – с 20 по 31 июля 1930 г. По-видимому, он совпал с поездкой Ильфа, Петрова и Вольпина в Ленинград (поездка была связана с готовившейся постановкой комедии “Подхалимка”)»¹⁰⁷⁹.

А 28 апреля 1930 года соавторы побывали на открытии Турксиба (Туркестано-Сибирской магистрали). Сохранилось множество фотографий, сделанных Ильфом на этом мероприятии¹⁰⁸⁰. Поэтому в августе-сентябре того же года на Турксибе побывает и Остап: «Путешествие по Восточной Магистрали доставляло великому комбинатору много радости. Каждый час приближал его к Северному укладочному городку, где

---

¹⁰⁷⁶ *Бакен-Бардов Ф.* Алмазная дочка, или Приключение одной газеты // Чудак. М., 1929. № 41. Окт. С. 10. Здесь Ильф лишь повторил то, что говорили Николай Асеев и Осип Брик на литературном диспуте в Политехническом музее, который Ильф описал в другом фельетоне: «Диспут начинается обещанным докладом “На кой чорт нам беллетристика”. Читает его самый тихий по характеру поэт из лефов. <...> Мягким девичьим голосом он требует гильотинировать Джека Алгаузена и Феоктиста Березовского. Он также сообщает публике, что четвертование Олеси и Наседкина явится лишь справедливым возмездием за их литературные грехи.

На этом месте его обрывает теоретик бывшего лефа Осип Брик. Теоретик предлагает разрубить Пильняка на сто кусков по китайскому способу, но под гул публики умолкает» (*Ильф И.* Диспуты украшают жизнь // 30 дней. М., 1929. № 3. С. 70).

¹⁰⁷⁷ *Петров Е.* День мадам Белополюжиной // Чудак. М., 1929. № 49. Дек. С. 7.

¹⁰⁷⁸ *Ильф И.* Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 299.

¹⁰⁷⁹ *Яновская Л.* Почему вы пишете смешно?: Об И. Ильфе и Е. Петрове, их жизни и их юморе. М.: Наука, 1969. С. 84.

¹⁰⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 185; <https://rgali.ru/storage-unit/2670519>

находился Корейко. <...> Восточная Магистраль, соединившая прямым путем Сибирь и Среднюю Азию, была закончена на год раньше срока» (глава «Потный вал вдохновенья»). Турксиб стал одной из крупнейших строек первой пятилетки.

По следам апрельской поездки на Турксиб Евгений Петров опубликовал в нескольких номерах «Гудка» подробный отчет¹⁰⁸¹, один фрагмент которого дословно перейдет в роман (глава «Гремящий ключ»). Речь идет о сцене с девочкой-пионеркой, которую ставит на трибуну начальник строительства Илийского моста Шатов:

1) Шатов подхватывает восьмилетнюю девочку-казачку в беленьком ситцевом платице с красным пионерским платочком и переносит ее на платформу.

– Всем видно? Не всем? Не беда! Подыдем еще выше!

И под аплодисменты ставит девочку на стол президиума.

– Ну, скажи нам, девочка, что ты думаешь о Турксибе?

Девочка взволнована. Некоторое время она стоит, опустив голову, в нерешительности.

– Эге, брат-девочка, стесняться нельзя. Это – не по-пионерски!

Наконец, девочка решается. Она взмахивает руками и кричит тоненьким голоском:

– Да здравствует Турксиб!¹⁰⁸²

2) На стол, рядом с графином и микрофоном, поставили девочку-пионерку.

– Ну, девочка, – весело сказал начальник строительства, – скажи нам, что ты думаешь о Восточной Магистрале?

Не удивительно было бы, если бы девочка внезапно топнула ножкой и начала: «Товарищи! Позвольте мне подвести итоги тем достижениям, кои...», – и так далее, потому что встречаются у нас примерные дети, которые с печальной старательностью произносят двухчасовые речи. Однако пионерка Гремящего Ключа своими слабыми ручонками сразу ухватила быка за рога и тонким смешным голосом закричала:

– Да здравствует пятилетка!

Также и огромные куски документального очерка Ильфа и Петрова, посвященного их поездке на Турксиб, были почти целиком перенесены в роман:

1) С естественного степного аэродрома, треща, поднялся белый самолет. Во все стороны врассыпную кинулись казахи. Большая тень самолета бросилась через трибуну и, выгибаясь, побежала в степь. Казахи, крича и смеясь, погнались за тенью, кинооператоры встревоженно завертели свои машинки, стало еще более суматошно и пыльно.

<...>

Обед для турксибовцев, казахов и гостей был дан в евразийском роде. <...> турксибовцы и гости засели за столы.

– Вот что, товарищи, – говорил корреспондент одной комсомольской газеты в голубых полотняных сапогах, – вот что, товарищи и братья по перу, давайте условимся, что пошлых вещей мы писать не будем.

– Пошлость отвратительна, – поддержал его спецкор железнодорожной газеты, молодой человек с пробивающейся лысиной. – Она ужасна.

– Давайте, – предложил журналист из центрального органа, – изыдем из наших будущих очерков надоевшие всем пошлости в восточном вкусе.

И было решено за корреспондентским столом:

Не писать об «Узун-Кулаке», что значит «Длинное ухо», что, в свою очередь, значит «Степной телеграф». Об этом писали все, и об этом больше невозможно читать.

Не писать очерков под названием «Легенда озера Иссык-Куль», довольно восточных легенд! Больше дела!¹⁰⁸³

¹⁰⁸¹ Петрович Евг. Великая магистраль // Гудок. М., 1930. 16, 17, 21 и 25 мая.

¹⁰⁸² Петрович Евг. Великая магистраль. 3. Через Илийский мост // Гудок. М., 1930. 21 мая. № 113. С. 4.

¹⁰⁸³ Ильф И., Петров Е. Осторожно! Овеляно веками! // 30 дней. М., 1930. № 6. С. 49.

2) Из-за холма поднялся белый самолет. Во все стороны врассыпную кинулись казахи. Большая тень самолета бросилась через трибуну и, выгибаясь, побежала в пустыню. Казахи, крича и поднимая кнуты, погнались за тенью. Кинооператоры встревоженно завертели свои машинки. Стало еще более суматошно и пыльно. Митинг окончился.

– Вот что, товарищи, – говорил Паламидов, поспешая вместе с братьями по перу в столовую, – давайте условимся – пошлых вещей не писать.

– Пошлость отвратительна! – поддержал Лавуазьян. – Она ужасна.

И по дороге в столовую корреспонденты единогласно решили не писать об Узун-Кулаке, что значит Длинное Ухо, что в свою очередь значит – степной телеграф. Об этом писали все, кто только ни был на Востоке, и об этом больше невозможно читать. Не писать очерков под названием «Легенда озера Иссык-Куль». Довольно пошлостей в восточном вкусе!

Или, например, такие практически не отличимые друг от друга фрагменты очерка и романа, посвященные путешествию журналистов в поезде:

1) Один из провожающих, молодой еще человек с розовым плюшевым носиком и бархатным румянцем на щеках, произнес пророчество, страшно всех напугавшее;

– Я знаю такие поездки. Здесь вас человек сто. Ехать вы будете целый месяц. И мне известно ваше будущее. Двое из вас отстанут от поезда на маленькой глухой станции без денег и документов и догонят вас только через неделю, голодные и оборванные. Один, конечно, умрет, и друзья покойного, вместо того чтобы ехать на Турксиб, вынуждены будут везти дорогой прах в Москву. Это очень скучно и противно – возить прах. Неизбежно возникнет ряд утомительных, изнуряющих склок.

Все мне известно. Едете вы сейчас в шляпах и кепках, а назад вернетесь в тюбетейках.

Самый глупый из вас купит полный доспех бухарского еврея: бархатную шапку, отороченную шакалом, и толстое ватное одеяло, сшитое в виде халата. И конечно же, все вы по вечерам будете петь в вагоне «Стеньку Разина». Будете глупо реветь: «И за борт ее бросает в надлежашую волну». Мало того. Даже иностранцы будут петь: «Вольга, Вольга, мать родная».

– Ну и свинья же вы! – с досадой отвечали отъезжающие. – Не будем мы петь.

– Через два дня запоете. Это неизбежно. – Не будем.

– Запоете. И если вы честные люди, то немедленно напишете мне об этом открытку. Думаю получить ее на днях. Прощайте.

Последняя часть пророчества сбылась на другой же день, когда поезд, гремя и ухаю, переходил Волгу по сызранскому мосту. Стараясь не смотреть друг другу в глаза, спецпассажиры противными городскими голосами затянули песню о волжском богатыре.

В соседнем вагоне иностранцы, коим не было точно известно, где и что полагается петь, с воодушевлением исполнили «Эй, полным-полна коробочка» со странным припевом «Эх, ухнем».

Открытки молодому человеку с плюшевым носом никто не послал. Как-то не вышло.

Один лишь корреспондент белорусской газеты крепился. Он не пел вместе со всеми. Когда песенный разгул овладел поездом, один лишь он молчал, плотно сжимая губы и делая вид, что читает «Полное географическое описание нашего отечества». Он был строго наказан. Музыкальный припадок случился с ним ночью, далеко за Самарой. В полночный час, когда соединенные поезда уже спали, из купе белорусского корреспондента послышался шатающийся голос: «Всё отдам, не пожалею, буйну голову отдам».

Путешествие взяло свое¹⁰⁸⁴.

2) Один из провожающих, человек с розовым плюшевым носом и бархатными височками¹⁰⁸⁵, произнес пророчество, страшно всех напугавшее.

– Я знаю такие поездки, – говорил он, – сам ездил. Ваше будущее мне известно. Здесь вас человек сто. Ездить вы будете в общей сложности целый месяц. Двое из вас отстанут от

---

¹⁰⁸⁴ Там же. С. 42.

¹⁰⁸⁵ По словам Александры Ильф, «редактор “с плюшевым носом и бархатными височками” – всё тот же Михаил Кольцов (Неопубл. воспоминания С.В. Токаревича)» (*Ильф И.* Записные книжки 1925 – 1937: Полное издание художественных записей / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2008. С. 85).

поезда на маленькой глухой станции без денег и документов и догонят вас только через неделю, голодные и оборванные. У кого-нибудь обязательно украдут чемодан. Может быть, у Паламидова, или у Лавуазьяна, или у Навроцкого. <...> Один путешественник, конечно, умрет, и друзья покойного, вместо того, чтобы ехать на смычку, вынуждены будут везти дорогой прах в Москву. Это очень скучно и противно – возить прах. Кроме того, в дороге начнется склока. Поверьте мне! Кто-нибудь, хотя бы тот же Паламидов или Ухудшанский, совершит антиобщественный поступок. И вы будете долго и тоскливо его судить, а он будет с визгом и стонами отмежевываться. Все мне известно. Едете вы сейчас в шляпах и кепках, а назад вернетесь в тюбетейках. Самый глупый из вас купит полный доспех бухарского еврея: бархатную шапку, отороченную шакалом, и толстое ватное одеяло, сшитое в виде халата. И, конечно же, все вы по вечерам будете петь в вагоне «Стеньку Разина», будете глупо реветь: «И за борт ее бросает в набежавшую волну». Мало того, даже иностранцы будут петь: «Вниз по матушке, по Вольге, сюр нотр мер Вольга», по нашей матери Волге.

Лавуазьян разгневался и замахнулся на пророка пишущей машиной.

– Вы нам завидуете! – сказал он. – Мы не будем петь.

– Запоете, голубчики. Это неизбежно. Уж мне все известно.

– Не будем петь.

– Будете. И если вы честные люди, то немедленно напишите мне об этом открытку.

<...>

На второй день сбылись слова плюшевого пророка. Когда поезд, гремя и ухая, переходил Волгу по Сызранскому мосту, литерные пассажиры неприятными городскими голосами затянули песню о волжском богатыре. При этом они старались не смотреть друг другу в глаза. В соседнем вагоне иностранцы, коим не было точно известно, где и что полагается петь, с воодушевлением исполнили «Эй, полным, полным коробочка» с не менее странным припевом «Эх, юхнем!». Открытки человеку с плюшевым носом никто не послал, было совестно. Один лишь Ухудшанский крепился. Он не пел вместе со всеми. Когда песенный разгул овладел поездом, один лишь он молчал, плотно сжимая губы и делая вид, что читает «Полное географическое описание нашего отечества». Он был строго наказан. Музыкальный пароксизм случился с ним ночью, далеко за Самарой. В полночный час, когда необыкновенный поезд уже спал, из купе Ухудшанского послышался шатающийся голос: «Есть на Волге утес, диким мохом порос». Путешествие взяло свое.

По словам специального корреспондента «Огонька» Цезаря Солодаря, «диалог американского сиониста Бурмана с советским журналистом Паламидовым принадлежит к непридуманным эпизодам. Подобного американского публициста Ильф и Петров встретили в апреле 1930 года в специальном поезде, который вез на пуск Турксиба советских и иностранных журналистов и гостей.

Об этом рассказывал поэтессе Зинаиде Николаевне Александровой и мне советский прозаик Арон Исаевич Эрлих, друживший с Ильей Арнольдовичем Ильфом и Евгением Петровичем Петровым еще со времен совместной работы в «Гудке»:

– Принося в «Гудок» очерки о пуске Турксиба, Евгений Петров частенько делился с гудковцами своими меткими наблюдениями над пассажирами специального поезда. Очень смешно описывал Петров американского журналиста из сионистов, которого прозвал провинциалом из местечка Нью-Йорк. А Ильф утверждал, что тот корреспондент отважился поехать на открытие новой советской магистрали с единственной целью: вдохновиться на какую-нибудь сенсацию по «еврейскому вопросу» в духе среднеазиатской экзотики. Живой прообраз Хирама Бурмана был, рассказывали Ильф и Петров, не столько удивлен тем, что в Советском Союзе нет «еврейского вопроса», сколько разочарован, даже обижен этим. Словом, как сказано в романе, расстаться с этим вопросом американцу было больно...»¹⁰⁸⁶. Литературный же прообраз Хирама Бурмана впервые встретился в рассказе Ильфа «Лучшая в мире страна (Америка)» (1924), где фигурирует американец Хирам Гордон, прибывший в Совет-

---

¹⁰⁸⁶ Солодарь Ц.С. Двойные. Так где же существует «еврейский вопрос»? // Огонек. М., 1975. № 47 (нояб.). С. 28. Перепечатано: Солодарь Ц.С. Дикая полынь. Кишинев, 1983. С. 208 – 209.

скую Россию, хотя с еврейским вопросом его визит никак не связан¹⁰⁸⁷. А в 1929 году Ильф и Петров напишут рассказ «Чарльз-Анна-Хирам»¹⁰⁸⁸, который станет основой главы «На суше и на море» романа «Золотой теленок» (американец Чарльз-Анна-Хирам превратится в немца Генриха-Марию Заузе).

Теперь от путешествия соавторов на Турксиб перейдем к другим мотивам.

Сетование Остапа на то, как его давит советский режим: «Вот навалился класс-гегемон на миллионера-одиночку!» (глава «Его любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина – зубной техник»), – вкупе с наброском Евгения Петрова к плану 3-й части «Золотого теленка»: «Правящий класс умертвил его деньги»¹⁰⁸⁹, – помогает прояснить и странную, на первый взгляд, жалобу Остапа Козлевичу и Зосе: «Вы знаете, Адам, новость – на каждого гражданина давит столб воздуха силою в двести четырнадцать кило! <...> Давит круглые сутки, в особенности по ночам. Я плохо сплю. <...> Мне очень плохо, Адам. <...> Вы знаете, Зося, – сказал он наконец, – на каждого человека, даже партийного, давит атмосферный столб весом в двести четырнадцать кило. <...> Мне кажется даже, что он давит на меня значительно сильнее, чем на других граждан» (глава «Адам сказал, что так нужно»). Как видим, в подтексте здесь вновь имеется в виду давление советской власти, тем более что в разговоре с Зосей Остап прямо говорил: «...я типичный Евгений Онегин, он же рыцарь, лишенный наследства советской властью». А вышеприведенные упоминания атмосферного столба выросли из двух записей Ильфа: «Плохо! Вам известно из физики, что на каждого человека давит столб воздуха с силой 214 фунтов» (май 1929¹⁰⁹⁰), «Плохо. На меня давит столб воздуха с силой 214 фунтов» (июнь – июль 1930¹⁰⁹¹). Также в разговоре с Козлевичем Остап говорит: «Вчера на улице ко мне подошла старуха и предложила купить вечную иглу для примуса. Вы знаете, Адам, я не купил. Мне не нужна вечная игла, я не хочу жить вечно. Я хочу умереть». И сам Ильф не хотел жить вечно, о чем написал в фельетоне «Для моего сердца» (1930): «А в центре города расположился бродячий базар. Здесь на горячих асфальтовых тротуарах торгуют шершавыми нитяными носками и слышен протяжный крик: “Вечная игла для примуса!”. Зачем мне вечная игла? Я не собираюсь жить вечно. А если бы даже и собирался, то неужели человечество никогда не избавится от примуса! Какая безрадостная перспектива»¹⁰⁹².

Слова великого комбинатора: «Мне тридцать три года, – поспешно сказал Остап, – возраст Иисуса Христа. А что я сделал до сих пор?», – прочитываются как размышление Ильфа о своей судьбе, поскольку именно ему в 1930 году исполнилось 33. Впрочем, уже в записях Ильфа за октябрь 1928 – апрель 1929 годов мы находим такую реплику: «Ему 33 года. А что он сделал? Создал учение? Говорил проповеди? Воскресил Лазаря?»¹⁰⁹³. Остапу же, если следовать хронологии, в 1930 году должно было исполниться 30 лет, так как в 1927 году, когда писались «Двенадцать стульев», он назвал себя 27-летним – вспомним придуманный им милицейский протокол: «Групп второй принадлежит мужчине двадцати семи лет» (однако в «Великом комбинаторе», написанном в 1929 году, хронология была соблюдена: «Я стар. Мне двадцать девять лет. Но вкус к деньгам я еще не потерял», – говорит Остап Балаганову). Кстати, описание этого протокола: «Если бы вчера шахматным любителям удалось нас уто-

¹⁰⁸⁷ Ильф И.А. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 123 – 130.

¹⁰⁸⁸ Толстоевский Ф. Чарльз-Анна-Хирам // Чудак. М., 1929. № 48. Дек. С. 2.

¹⁰⁸⁹ Яновская Л. «Дело № 2» (К творческой истории «Золотого теленка») // Вопросы литературы. 1963. № 2. Февр. С. 187. Впрочем, другой исследователь полагает, что данная фраза записана рукой Ильфа: Ершов Л.Ф. Советская сатирическая проза 20-х годов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 246.

¹⁰⁹⁰ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 223.

¹⁰⁹¹ Там же. С. 298.

¹⁰⁹² Ильф И.А. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 294.

¹⁰⁹³ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 196.

пить, от нас остался бы только один протокол осмотра трупов <...> “Труп первый принадлежит мужчине лет пятидесяти пяти...”», – отсылает к биографии Евгения Петрова, который «в течение трех лет служил инспектором уголовного розыска. Первым его литературным произведением был протокол осмотра трупа неизвестного мужчины»¹⁰⁹⁴. Данный мотив встречался и в зачеркнутом варианте первой главы романа, где говорилось о работе Воробьянинова в загсе: «Ипполит Матвеевич принял бумагу, расписался в получении и принялся ее просматривать. [Это был протокол осмотра трупа, обнаруженного в овраге, в трех верстах от города]»¹⁰⁹⁵ (да и сама рукопись романа написана рукой Петрова).

Начало же самого первого рассказа Петрова «Гусь и украденные доски» (1923) напоминает описание жены Лоханкина в «Золотом теленке» (1930): «Ксаверий Гусь обладал двумя несомненными и общепризнанными качествами: большим красным носом и не менее большой эрудицией»¹⁰⁹⁶ ~ «...у Варвары были два существенных достижения: большая белая грудь и служба» (глава «Васисуалий Лоханкин и его роль в русской революции»). Налицо одинаковые конструкции, окрашенные сарказмом.

Еще одно описание Лоханкина, *объявившего голодовку* в знак протеста против ухода его жены к Птибурдукову, восходит к рассказу Петрова «Идейный Никудыкин» (1924), где герой решил *сделать демонстрацию*, следуя своему девизу «Долой стыд!» (собственно говоря, в Москве было целое общество с таким названием):

1) – Это черт знает что! – возмутились пассажиры. – Возьмите билет или убирайтесь отсюда! <...>

– Я голый *и этим горжусь*, – сказал он, криво улыбаясь¹⁰⁹⁷.

2) – Это глупо, Васисуалий. Это бунт индивидуальности!

– *И этим я горжусь!* – ответил Лоханкин подозрительным по ямбу тоном. – Ты недооцениваешь значение индивидуальности и вообще интеллигенции.

Кроме того, Варвара говорит Лоханкину: «Общественность тебя осудит!», – что также находит аналогию в «Идейном Никудыкине»: «Нет, это какое-то невиданное нахальство! – зашумели пассажиры. – Этот фрукт уже пять минут задерживает вагон! Кондуктор, примите меры!». Здесь же упомянута «*пиловая* фигура Никудыкина», а Варвара пыталась накормить Лоханкина, «поднося пищу к *пунцовым* губам мужа». Продолжение этой истории наблюдается в главе «Конец “Вороньей слободки”», где Лоханкин невольно следует призыву Никудыкина «оголяться»: «На площадку выбежала Варвара. “Сашук! Посмотри, он голый! – закричала она. – Что случилось, Васисуалий?”». При этом Никудыкин «переминался кривыми волосатыми ногами», а у Лоханкина из-под одеяла «виднелись волосатые ноги». И если о Лоханкине сказано: «Его <...> *пятка выбивала по чистому восковому полу тревожную дробь*», – то и Никудыкин вел себя аналогичным образом: «Челюсти от холода *отбивали чечетку*».

С другой стороны, в жалком положении Никудыкина окажется и Остап, когда будет пытаться получить обратно свою посылку с миллионом у работника почты:

1) Никудыкин <...> подумал: «Сделаю демонстрацию». – Долой, это самое... – пролепетал он, – штаны и юбки! – Гражданин, не задерживайте вагон! Сойдите! – Долой тряпки, прикрывающие самое прекрасное, что есть на свете, – человеческое тело! – отважно сказал Никудыкин. – Это черт знает что! – возмутились пассажиры. – Возьмите билет или убирайтесь отсюда!

¹⁰⁹⁴ Ильф И., Петров Е. Двойная автобиография (25 июля 1929 года) // Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1961. С. 24.

¹⁰⁹⁵ Цит. по факсимиле страницы: РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 7.

¹⁰⁹⁶ Петров Е. День борьбы с мухами / Сост. И.Е. Катаев и А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 21.

¹⁰⁹⁷ Красный перец. 1924. № 21. Окт. Цит. по: Петров Е. День борьбы с мухами. С. 28.

2) – Вложить баночку, – пролепетал Остап, – райские яблочки.
– Товарищ, баночку отправьте отдельной посылкой, – сказал служащий, смягчаясь. – Ничего вашему дяде не сделается.
– Вы не знаете моего дяди! – горячо сказал Остап. – И потом я бедный студент, у меня нет денег. Прошу вас как общественника.
<...> Молчаливая доселе очередь сразу подняла крик. Великого комбинатора всячески поносили за незнание почтовых законов, а одна гражданка в гневе даже ущипнула его.

Сравним: «Никудыкин... пролепетал» = «пролепетал Остап»; «отважно сказал Никудыкин» = «горячо сказал Остап»; «возмутились пассажиры» = «очередь сразу подняла крик». Сходства наблюдаются и далее: если Никудыкин «схватил пожилого гражданина за полу пальто. “П...п...прохожий... ввввв... долой... ввввв... штаны... ввввв...”», то и «великий комбинатор принялся молотить такую жалостливую чепуху». После этого «прохожий деловито сунул в никудыкинскую ладонь новенький, блестящий гривенник и строго сказал: “Работать надо, молодой человек, а не груши околачивать! Тогда и штаны будут. Так-то”», и так же ведет себя работник почты: «Больше никогда этого не делайте, – строго сказал почтовик, выкидывая Бендеру его чемоданчик». Помимо подчеркнутого словосочетания, совпадает и общая ситуация: в обоих случаях на невразумительные просьбы Никудыкина и Остапа им дают деньги – гривенник и миллион. Когда же Никудыкин только вошел в вагон трамвая, его встретил неприветливый кондуктор: «Возьмите билет, гражданин, – сказал строгий кондуктор». С таким же приемом столкнется Остап, подойдя к окошку почтовой кассы: «Служащий равнодушно возвратил квитанцию Остапу: “Товарищ, мы посылку обратно не выдаем”». И, наконец, само название рассказа – «*Идейный* Никудыкин» – совпадает с автохарактеристикой Остапа: «Я не налетчик, а *идейный* борец за денежные знаки» («Золотой теленок»; глава «Первое свидание»). Но, в отличие от карикатурного образа Никудыкина, который подвергается осмеянию, Остап, хотя и унаследовал некоторые его черты, предстает уже трагической фигурой.

Что же касается рассказа «Гусь и украденные доски», то его можно сравнить и с обращением Остапа к Паниковскому в главе «Первое свидание»: «Мне жалко вашей бедной покинутой жены. Мне жалко ваших *крошечных детей*, которые, хватаясь ручонками за... за что попало, будут кричать: “Где наш папа?”»¹⁰⁹⁸ ~ «И никто не напишет про вас в газете: “Еще один сгорел на работе”¹⁰⁹⁹. И на могиле не будет сидеть прекрасная вдова с персидскими глазами. И заплаканные дети не будут спрашивать: “Папа, папа, слышишь ли ты нас?”».

Фраза «Мне жалко вашей бедной *покинутой жены*» отсылает к обличению Остапом Паниковского в главе «Антилопа-Гну»: «Детей вы не родили из экономии, а *жен бросали*». А упоминание «прекрасной вдовы с персидскими глазами» могло быть навеяно воспоминаниями Ильфа о давнем визите в Самарканд (июнь 1925), когда он записал в блокнот: «Персидские глаза Мухадам. Длинное до земли платье»¹¹⁰⁰; и в очерке «Азия без покрывала» (1925) – о той же Мухадам: «Ее черная широкая бровь, милое лицо и персидские глаза возбудили в старухе жадность»¹¹⁰¹. Вспомним заодно «прекрасные персидские глаза» Шахерезады Федоровны в цикле рассказов «1001 день, или Новая Шахерезада» (1929). Трепетное отношение Ильфа к Персии видно и

¹⁰⁹⁸ Петров Е. День борьбы с мухами. С. 25.

¹⁰⁹⁹ Данный штамп фигурирует и в рассказе Ильфа и Петрова «Обыкновенный икс», который писался параллельно с романом: «Добившись своего, Капитулов немедленно разворачивал “Известия” и читал похоронные объявления, время от времени крича на весь вагон:

– Вот полюбуйтесь! Еще один сгорел на работе. “Местком и администрация с глубокой скорбью извещают о преждевременной смерти...”. Не уберегли, не доглядели» (Толстоевский Ф. Обыкновенный икс // Огонек. М., 1930. 30 окт. № 30. С. 10).

¹¹⁰⁰ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 28.

¹¹⁰¹ Ильф И.А. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 148.

из его фельетона «Для моего сердца» (1930): «Носки называются как попало. “Клетч” или “Скетч”, все равно, лишь бы название по звуку напоминало что-то иностранное, заграничное, волнующее душу. Персия, Персия, настоящая Персия»¹¹⁰². Кстати, едва ли не единственный положительный персонаж «Двенадцати стульев» – репортер газеты «Станок» – носит фамилию «Персицкий», поскольку является alter ego Ильфа.

Другое предсказание, сделанное Остапом Паниковскому в главе «Антилопа Гну», восходит к рассказу Петрова «Звездакин в доме отдыха» (1925): «Поездка в дом отдыха разрушит жалкие остатки твоего здоровья. <...> И погибнешь ты, Звездакин, вдали от отчего дома под циничный хохот грузных “ветеранов отечественной войны”, которые, при ближайшем рассмотрении, окажутся содержателями винно-гастрономических магазинов Мосгико. И некому будет, дорогой Звездакин, закрыть твои честные голубые глаза в предсмертный час! Мне жаль тебя, Звездакин»¹¹⁰³ ~ «Однажды, когда вы вернетесь в пустой, холодный номер гостиницы “Марсель” (это будет где-нибудь в уездном городе, куда занесет вас профессия), вы почувствуете себя плохо. У вас отнимется нога. Голодным и небритым вы будете лежать на деревянном топчане. И никто к вам не придет, Паниковский, никто вас не пожалеет. <...> Вы будете мучиться целую неделю. Агония ваша будет ужасна. Вы будете умирать долго, и это всем надоест». Сравним, в частности, одинаковые конструкции: «И некому будет, дорогой Звездакин, закрыть твои честные голубые глаза» = «И никто к вам не придет, Паниковский». В первом случае местом смерти назван дом отдыха, а во втором – номер гостиницы, причем всё это будет происходить «вдали от отчего дома» и «в уездном городе, куда занесет вас профессия».

Образ Михаила Паниковского восходит также к образу киномеханика Семена Вертуты из рассказа Петрова «Радости Мегаса» (1926). Во-первых, оба – евреи; во-вторых, оба самонадеянны и говорят о себе в третьем лице: «Уж будьте покойны... Надейтесь на Вертуту... Он поможет...»¹¹⁰⁴ ~ «Не беспокойтесь. Вы имеете дело с Паниковским!». И оба сюжета заканчиваются провалом обоих героев: Вертуту избивают зрители за то, что он вместо фильма «Муссолини» привез им фривольную картину «Мессалина», а Паниковского бьет Корейко во время ограбления на берегу.

Начало же рассказа: «В фургоне ехали герои нашего романа. Первый герой – уполномоченный прокатной конторы “Радости Мегаса” Геннадий Умиралов, а второй герой – механик Семен Вертута»¹¹⁰⁵, – напоминает поездку четырех жуликов на машине «Антилопа», тем более что механику Вертуте соответствует бортмеханик Балаганов. И если Умиралов – это уполномоченный прокатной конторы «Радости Мегаса», то Балаганов – уполномоченный конторы «Рога и копыта».

В свою очередь, образ Балаганова получит развитие в образе Перекатилова из рассказа Петрова «Знаменитый путешественник», поскольку появление Балаганова в Арбатовском исполкоме напоминает появление Перекатилова в районном обществе пролетарского туризма: «Здоров, председатель! – гаркнул новоприбывший, протягивая лопатообразную ладонь» ~ «Здорово, братишка! – добродушно воскликнул он»¹¹⁰⁶. Но еще больше общих черт Перекатилов имеет, как ни странно, с самим Бендером. Например, оба предъявляют собеседникам квитанции, чтобы подтвердить свои слова: «У меня даже почтовые квитанции есть. – И он полез в боковой карман, откуда действительно вынул множество лежалых бумажек. Но показал их почему-то не брату, а председателю исполкома, да и то издали» ~ «Он полез в карман и вынул

---

¹¹⁰² Там же. С. 294.

¹¹⁰³ *Иностранец Федоров*. Звездакин в доме отдыха // Крокодил. М., 1925. № 20. Май. С. 5.

¹¹⁰⁴ Сатирический чтец-декламатор, 1917 – 1925 / Сост. И.П. Абрамский; Под ред. Л.С. Сосновского. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 281. Кстати, из упомянутых в названии сборника дат «1917 – 1925» следует, что рассказ «Радости Мегаса» написан не в 1926-м, а в 1925-м году.

¹¹⁰⁵ Сатирический чтец-декламатор, 1917 – 1925. С. 279.

¹¹⁰⁶ *Петрович Е.* Знаменитый путешественник // Рабочая газета. 1930. 2 окт.

оттуда огромную засаленную пачку удостоверений». Также оба боятся упоминаний в газетах, поскольку пишут о них как о мошенниках. Если о Бендере сказано: «Он не любил, когда пресса поднимала вой вокруг его имени» («Двенадцать стульев»; глава «Два визита»), то и Перекатилов говорит: «...не люблю видеть свое имя в печати».

Следует еще отметить сходства между героем рассказа Петрова «Звездакин в доме отдыха» (1925) и Перекатиловым: «Видал-миндал? – сказал Звездакин, подмигивая» ~ «Полюбуйтесь-ка! Все печати на месте. <...> Видал-миндал?»; «...ты гений, Звездакин!» ~ «Так ты же, товарищ, знаменитый человек!».

Наряду с этим имеются сходства между Звездакиным и Бендером: и в одежде (оба носят желтые ботинки), и в манерах: Звездакин улыбнулся рассказчику «розовой улыбкой ребенка», а во время аукциона «Остап, розовый и спокойный, улыбался».

Петров же после рассказа «Звездакин в доме отдыха» написал продолжение – «Конец Звездакина» (1925), которое также предвосхищает «Двенадцать стульев».

Если Остап читает лекцию перед темными васюкинцами, то Звездакин, избранный в шефскую комиссию, – перед крестьянами, и в обоих случаях лектору грозит избиение: «Звездакин попытался удариться в бегство, но было поздно. *Путь был отрезан*»¹¹⁰⁷ → «*Путь был свободен*. – Держите гроссмейстера! – катилось сверху. <...> Но было уже поздно. Слишком много любителей скопилось на правом борту васюкинского дредноута». Кстати, оба лектора использовали похожие слова: «Пардон... Не все сразу» ~ «Пардон, пардон, извиняюсь, – ответил гроссмейстер, – после лекции я несколько устал!». Но разница состоит в исходе лекции: «Звездакин, *чувствуя, что приближается неминуемая гибель*», ничего не смог сделать, и был избит, а Бендер, «*поняв, что промедление смерти подобно*», сумел убежать.

В очередном рассказе Петрова – «Блудный папа» (1924), где вернувшийся в СССР эмигрант знакомится со своим семилетним сыном, легко угадывается диалог между Остапом и завхозом парохода «Скрябин» в «Двенадцати стульях»:

1) – *А это что за мальчик?* – спросил Иван Иванович
– Боже, какая я забывчивая! – заметалась жена. – Самое главное и забыла... Да ведь это твой сын... Да, да... Сын... Как только ты уехал – он и родился... Семь лет ему...
<...>
– Шустрый мальчишка, хе-хе-хе, – бледно улыбнулся Иван Иванович, – учишься?¹¹⁰⁸

2) – Ну, пускай по-вашему. Мальчишка у меня шустрый. Привык к спартанской обстановке.
<...>
– *Вот это ваш мальчик?* – спросил завхоз подозрительно.
– Мальчик, – сказал Остап, – разве плох? Типичный мальчик. Кто скажет, что это девочка, пусть первый бросит в меня камень!

Интересно, что вопрос Ивана Ивановича «Шустрый мальчишка <...> учишься?» восходит к другому рассказу Петрову, где произносится от лица... Муссолини по поводу венгерского принца Оттона: «Шустрый мальчишка, – вздохнул Муссолини, – учится?»¹¹⁰⁹. Это говорит о том, что и Иван Иванович, уехавший из России после Октябрьской революции вместе с белогвардейцами, и фашистский диктатор Муссоли-

¹¹⁰⁷ *Иностранец Федоров*. Конец Звездакина // Красный перек. 1925. № 13. С. 3.

¹¹⁰⁸ *Петров Евг.* Блудный папа // Сатирический чтец-декламатор, 1917 – 1925 / Сост. И.П. Абрамский; Под ред. Л.С. Сосновского. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 19 – 20.

¹¹⁰⁹ *Иностранец Федоров*. Начало карьеры // Гудок. М., 1927. 16 янв. С. 2. Аналогичным образом предсмертный монолог Остапа Бендера в главе «Сокровище» восходит к реплике рейхсканцлера и министра иностранных дел Веймарской республики Густава Штрэзена (1878 – 1929) из рассказа Петрова «Многообещающий младенец»: «А то камердинером!.. Приличное жалованье... Харчи... Чаевые... Ну, ну, пошутил... Заседание продолжается!» ~ «Ну, ну, пошутил!.. Простите!» (Петров Е. Без доклада: Юмористические рассказы. М.: «Гудок», 1927. С. 53. Юмористич. илл. б-ка журнала «Смехач», № 6).

ни были для Петрова явлениями одного порядка. Причем если принц Оттон во время приема у Муссолини «изволили спереть из столовой серебряную ложечку», то Остап украл у мадам Грицацуевой «полдюжины золоченых ложечек» (глава «Союз меча и орала»). Данное сходство тем более примечательно, что Остап тоже сравнивает себя с принцем – Гамлетом. А чуть выше мы отмечали сходства между Остапом и заглавным персонажем рассказа Ильфа «Принцметалл» (1924), где слово «принц» вновь соседствует с золотом и серебром – драгоценными металлами.

В концовке рассказа Петрова «Драма» (1924) режиссер сетует на вкусы зрительской массы из числа рабочих: «Тут какая-то странная психология! – говорил режиссер, товарищ Ижица, многочисленной труппе. – Никак не пойму!»¹¹¹⁰. Подобную же фразу произнесет и великий комбинатор, говоря об американцах туристах, которые ищут рецепт самогона: «Тут какая-то тайна, – сказал Остап. – Или извращенные вкусы. Не понимаю, как можно любить самогон, когда в нашем отечестве имеется большой выбор благородных крепких напитков» («Золотой теленок»; глава «Сладкое бремя славы»). Сравним: «Тут какая-то странная психология!» = «Тут какая-то тайна»; «говорил режиссер» = «сказал Остап»; «Никак не пойму» = «Не понимаю».

А следующий фрагмент диалога в рассказе Петрова «Молодой человек» (1924) очень напоминает сцену перед посадкой на пароход «Скрябин» в романе «Двенадцать стульев» (глава «Волшебная ночь на Волге»):

1) Во время обеденного перерыва к машинисту Захару подошел незнакомый молодой человек <...> Захар откашлялся и, подозрительно покосившись на молодого человека, спросил:

– А вы, гражданин, из каких будете?

– Из страховых агентов, – застенчиво прошептал молодой человек¹¹¹¹.

2) Подошел сторож.

– Вы, товарищи, из какого отдела будете?

– Из отдела взаимных расчетов, – сказал наблюдательный Остап.

Любопытно, что этот застенчивый страховой агент станет отчасти прообразом великого комбинатора, поскольку оба используют одинаковую методику, добиваясь своих целей: «Был у меня знакомый машинист, а ему руку отрезало... И еще был один знакомый машинист... И ему отрезало ногу... <...> Был у меня еще один знакомый машинист... Так ему отрезало голову...» ~ «Один мой знакомый переходил недавно границу <...> Теперь <...> в допре сидит»; «А вот один мой знакомый как лег вечером спать, так утром его нашли мертвым. Разрыв сердца» ~ «Один мой знакомый доходил до того, что печатал даже доллары <...> потом оказалось, что его дедушка, известный валютчик, покупал их в Киеве и совершенно разорился...».

Но если страховой агент не сумел сбить с толку машиниста Захара, то Остапу удалось «расколоть» Воробьянинова. Между тем совпадает описание героев при их первом появлении: «...к машинисту Захару подошел *незнакомый молодой человек*...» ~ «Он чувствовал сильную робость при мысли о том, что *неизвестный молодой человек* разболтает по всему городу, что приехал бывший предводитель».

А притворное восхищение страхового агента «сознательностью» Захара напоминает обращение Остапа к Коробейникову: «Вот видите, – восторженно воскликнул молодой человек, – вы сами со мной соглашаетесь. <...> Вы просто замечательно сознательный товарищ, – любезно заявил молодой человек» ~ «Остап восторженно смотрел на старика. “Дивная канцелярия, – сказал он, – полная механизация. Вы

¹¹¹⁰ Петров Е. Драма // Красный перец. 1924. № 28. Цит. по: Петров Е. День борьбы с мухами / Сост. И.Е. Катаев и А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 31.

¹¹¹¹ Шло в мешке (Петров Е.) Молодой человек // Красный перец. 1924. № 31. Цит. по: Петров Е. День борьбы с мухами. С. 31.

прямо герой труда! <...> Можно, – любезно сказал Бендер, – пишите, борец за идею”» (сравним лексику: «восторженно воскликнул» = «восторженно смотрел»; «Вы просто замечательно сознательный товарищ» = «Вы прямо герой труда!»; «любезно заявил молодой человек» = «любезно сказал Остап»). Неудивительно, что в «Золотом теленке» Остап продемонстрирует хорошее знание профессии страхового агента: «Полное спокойствие может дать человеку только страховой полис, – ответил Остап, не замедляя хода. – Так вам скажет любой агент по страхованию жизни» (глава «Универсальный штемпель»), что коррелирует с самой первой фразой агента, обращенной к Захару: «Кто не хочет умирать, тот должен застраховать свою жизнь!». При этом ни сам страховой агент, ни Остап не являются застрахованными... Судьба же страхового агента, который после двухдневных разговоров с Захаром неожиданно узнаёт, что тот уже месяц как застраховался, предвосхищает судьбу Паниковского: «Приехавший доктор констатировал смерть от разрыва сердца» = «Паралич сердца, – сказал Остап, чтобы хоть что-нибудь сказать»; «...он был мертв» = «Паниковский был мертв».

Но наряду с этим одна фраза Захара, который отвечает на предложение агента застраховаться, напоминает реплику Остапа из разговора с Коробейниковым, с той лишь разницей, что Захар говорит правду, а Остап врет: «Эх, мил человек, – сказал Захар, – всей душой хотел бы, да не могу...» ~ «Голуба, – пропел Остап, – ей-богу, клянусь честью покойного батюшки. Рад душой, но нету, забыл взять с текущего счета» (опять же сравним: «мил человек» = «Голуба»; «сказал Захар» = «пропел Остап»; «всей душой хотел бы, да не могу» = «Рад душой, но нету»).

В свою очередь, Захар, которого пытается окопачить агент, выражает авторскую позицию, поскольку наблюдается совпадение фрагмента их диалога и диалога самого Петрова с одним из местных жителей во Владикавказе в июне 1927 года: «Откуда вы знаете такие подробности? – всплеснул руками молодой человек. – Так, – уклончиво ответил Захар, – догадался» ~ «Откуда вы знаете? – Так... догадался»¹¹¹².

В феврале 1927 года Петров публикует рассказ «Пропащий человек», концовка которого предвосхищает размышления Воробьянинова при виде надписи «Коля и Мика, июль 1914 г.» в Дарьяльском ущелье:

1) Где он теперь, неугомонный счетовод Брыкин? Где он, этот светлый идеалист на трудном, тернистом пути общественного деятеля? Какие пороги он обивает? В какие двери ломится? Уехал ли он уже из столицы или идет обратно по шпалам со станции «Нара-Фоминское»?.. Или, может быть, он сидит в приемной Калинина, дожидаясь, когда представится возможность прочесть всесоюзному старосте свои последние стихи?..¹¹¹³

2) Где вы, Коля и Мика? И что вы теперь, Коля и Мика, делаете? Разжирели, наверное, постарели? Небось теперь и на четвертый этаж не подыметесь, не то что под облака – имена свои рисовать.

Где же вы, Коля, служите? Плохо служится, говорите? Золотое детство вспоминаете? Какое же оно у вас золотое? Это пачканье-то ущелий вы считаете золотым детством?

В следующем рассказе Петрова – «Семейное счастье» (1927) – можно увидеть источник знакомого образа из «Золотого теленка»: «Слышно, как Маруся перетирает стаканы и озабоченно высказывает свои соображения по поводу *варенья из райских яблочек*»¹¹¹⁴. Сравним с просьбой Остапа почтовому работнику, чтобы тот вернул ему посылку с миллионом: «Понимаете, забыл вложить банку *варенья. Из райских ябло-*

---

¹¹¹² Петров Е. Несантиментальное путешествие (*Записки отважного туриста*) // Петров Е. Невероятно, но...: Юмористические рассказы. М.: Гудок, 1928. С. 41 (Дешевая юмористич. илл. б-ка журнала «Смехач», № 15).

¹¹¹³ Петров Е. Пропащий человек // Смехач. М., 1927. № 7. Февр. С. 10.

¹¹¹⁴ Петров Е. Семейное счастье // Петров Е. Случай с обезьяной. М. – Л.: «Земля и Фабрика», 1927. С. 23 (Б-ка сатиры и юмора).

чек». А следующие фразы: «Жоржик удручен. Он не хочет райских яблочков, он хочет исторического материализма»¹¹¹⁵, «Когда после лекции по историческому материализму слушаешь снова исторический материализм и после доклада о международном положении слушаешь снова доклад о международном положении. Семейное счастье! Это уже не семейное счастье, а семейное горе!..»

Абраша удручен. Он не хочет исторического материализма, он хочет райские яблочки»¹¹¹⁶, – протягивают ниточку к написанным в конце того же года «Двенадцати стульям», где Остап вволю поиздевается над историческим материализмом (эвфемизм советской власти): «Это которые еще до исторического материализма родились?», «А в этом доме что было до исторического материализма?», «Слюной, – ответил Остап, – как плевали до эпохи исторического материализма».

В «Двенадцати стульях» Остап выведен в образе симпатичного нахала. Например, в главе «Великий комбинатор» он назван «молодым нахалом», а в главе «Изгнание из рая», когда Остапа и Кису выгоняют с парохода «Скрябин», он пытается дерзить: «Ну, как транспарантик? – нахально спросил Остап. – Доходит?». И сам Петров вспоминал: «К концу романа мы обращались с ним, как с живым человеком, и часто сердились на него за нахальство, с которым он пролезал почти в каждую главу»¹¹¹⁷. Однако еще в марте 1927-го, то есть за полгода до начала работы над романом, Петров напечатал рассказ «Нахал»¹¹¹⁸, где дал беспощадную характеристику этому типу: «Нахал бузит очень редко и только тогда, когда из бузы можно извлечь материальные выгоды. Нахал или ловкач (lovcatch) – холодный, злой, расчетливый человек».

Покупая костюм в магазине, нахал говорит заведующему: «Ты, Ванька, брось бузить. Сам знаешь, что я не люблю этих фиглей-миглей. А туда же, кобенишься. Запиши, тебе говорят, Ванюша. В среду отдам, ей-богу». Здесь содержится множество мотивов, которые перейдут в речь Остапа. Во-первых, реплика нахала «...я не люблю этих фиглей-миглей» вкупе с предшествующим эпизодом: «Если спросить нахала, сколько он заплатил за билет второго ряда в академическом театре <...> скажет, что ни разу в жизни не осквернял своего достоинства покупкой театрального билета», – вызывают в памяти обращение Остапа к Воробьянинову, когда они пришли в театр Колумба на спектакль «Женитьба»: «Как я не люблю, – заметил Остап, – этих мешан, провинциальных простофиль! Куда вы полезли? Разве вы не видите, что это касса?» (глава «В театре Колумба»). Помимо того, что и нахал, и Остап проходят на спектакль, не покупая билета, они еще и используют одинаковую конструкцию «я не люблю этих». Заключительная же фраза нахала «В среду отдам, ей богу» явно отозвалась в сцене прощания Остапа с Коробейниковым: «Голуба, – пропел Остап, – ей-богу, клянусь честью покойного батюшки. Рад душой, но нету, забыл взять с текущего счета...». Причем оба обращаются к своим собеседникам на ты и называют их дураками: «Это я-то? Не отдам? Я? Дурачок же ты, Ванятка. <...> В пятницу отдам» ~ «Тише, дурак, – сказал Остап грозно, – говорят тебе русским языком – завтра, значит, завтра» (глава «Алфавит – зеркало жизни»).

Нахал обращается к заведующему магазином: «Ах, Коля, Коля, – говорит нахал с грустью. – Нехорошо это, Коля», – что лексически совпадает с обращением Остапа к Воробьянинову: «Как нехорошо лгать в таком юном возрасте, – с грустью сказал Остап, – придется, Киса, поставить вам четверку за поведение и вызвать родителей!..» («Двенадцать стульев»; глава «В театре Колумба»). Сравним: «говорит нахал с грустью. – Нехорошо» = «Как нехорошо... с грустью сказал Остап». Причем Остап в разговоре с Воробьяниновым тоже упомянет Колю: «Это когда же? Когда вы кобелировали за чужой женой? <...> Или, может быть, во время дуэли с оскорбленным

¹¹¹⁵ Там же. С. 26.

¹¹¹⁶ Там же. С. 27.

¹¹¹⁷ Петров Е. Из воспоминаний об Ильфе // Ильф И. Записные книжки. М.: Сов. писатель, 1939. С. 19.

¹¹¹⁸ Смехач. М., 1927. № 9. Март. С. 6 – 7.

Колей?». А редкому глаголу *кобелировать* соответствует столь же редкий глагол *кобениться*, который употребляет нахал: «А туда же, кобенишься». Неудивительно, что этот глагол употребит и Остап, разговаривая с Кисой: «А вы еще кобенились, лорда хранителя печати ломали!» (глава «Вид на малахитовую лужу»).

В рассказе говорится: «Глаза у нахала светло-голубые и очень спокойные». Эта характеристика также перейдет к великому комбинатору: «...Остап Бендер открыл свои чистые голубые глаза» (глава «Следы Титаника»).

Нахал иронически отвечает обличающей его старушке, что он – «просто жертва империалистической бойни», а Остап скажет Воробьянинову: «Я измучен желанием поскорее увидеться с инвалидом империалистической войны, гражданином Грицацуевым» (глава «Знойная женщина, мечта поэта»). Этот же штамп находим в рассказе Петрова «Жертва сенсации» (1927): «А в Москве от знакомого к знакомому бегал Кудесников, разражаясь демоническим хохотом, сбивая на пути тихих старушек и инвалидов империалистической бойни»¹¹¹⁹.

Имеется также параллель между рассказом «Нахал», где заглавный персонаж обманывает продавца и заведующего в магазине, и прощальным разговором Бендера с мадам Грицацуевой: «Брюки-с, – лепечет приказчик. – Что? Как вы говорите? Я не расслышал» ~ «Остап не услышал кукования вдовы»; «Ах, брюки! Так вас понимать?» ~ «Значит, если молодой, здоровый человек позаимствовал у провинциальной бабушки ненужную ей, по слабости здоровья, кухонную принадлежность, то, значит, он вор? Так вас прикажете понимать?» (глава «Курочка и тихоокеанский петушок»). Сравним еще восклицание нахала «Ах, брюки!» с репликой Остапа: «Ах, ситечко!». Неудивительно, что оба персонажа предельно циничны. Нахал говорит безрукому инвалиду в трамвае: «А ты зубами. Я, брат, в цирке одного такого видел. Тоже из ваших. Без рук, стервец, обходится. Карты тасует... Ты пойдя, полупочтенный, посмотри». А Остап спрашивает свою жену, запертую на лестничной площадке: «Ну, и как вам теперь живется на лестнице? Не дует?».

Однако в концовке «Золотого теленка» Бендер уже теряет львиную долю своей наглости и уверенности, переставая быть нахалом, хотя отдаленное сходство с литературным прототипом все равно сохраняется: «В гастрономическом магазине Моссельпрома нахал платит деньги вне очереди: “Позвольте, позвольте, – говорит он, расталкивая публику, – мне не платить... Мне тут доплатить только... Двугривенный. Посторонитесь, бабушка! Один момент!.. Уно моменто, хе-хе...”» ~ «Второй гражданин, как заводной, тоже поднял локти, и великий комбинатор оказался еще немного дальше от заветного окошка. И в полном молчании локти поднимались и раздвигались до тех пор, покуда дерзкий не очутился на законном месте – в самом хвосте. – Мне только... – начал Остап. Но он не продолжал. Это было бесполезно» (глава «Его любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина – зубной техник»). Сравним: «нахал» = «дерзкий»; «Мне тут доплатить только» = «Мне только... – начал Остап».

Между тем в рассказе нахал расталкивает публику, а в романе уже публика отесняет локтями Остапа. Когда же последний после сорока пяти минут ожидания всё же добрался до окошечка кассы и работник почты по его просьбе начал искать посылку с миллионом, «молчаливая доселе очередь сразу подняла крик. Великого комбинатора всячески поносили за незнание почтовых законов». Такая же картина была в рассказе, где «публика обрушивается на нахала целым водопадом проклятий и ураганом жестов». Но если нахал сохраняет самообладание, то Остап робеет («спросил великий комбинатор колеблющимся голосом», «пролепетал Остап», «великий комбинатор принялся молотить такую жалостливую чепуху»), приобретая человеческие черты и вызывая сочувствие.

---

¹¹¹⁹ Смехач. М., 1927. № 45. Нояб. С. 9.

Подобное же сходство-различие наблюдается в следующих репликах нахала и Остапа: «Чорт бы вас разодрал сверху до низу! – говорит нахал смущенному приказчику» ~ В том-то и дело, что есть. Ах, Киса, черт вас раздери!» («Двенадцать стульев»; глава «Сокровище»). Несмотря на лексическое совпадение, налицо различие в интонациях: наглой – в первом случае, и дружеской – во втором.

Другой подобный пример: нахал «смотрит на беснующихся людей *с веселым удивлением*», а про Остапа, получившего свой миллион, сказано: «Вот я и миллионер! – воскликнул Остап *с веселым удивлением*. – Сбылись мечты идиота!», – после чего великий комбинатор «опечалился», что делает его более сложной фигурой, чем нахал. Кстати, *нахалу* сродни и *подлец* – именно так собирались соавторы назвать третий (к счастью, ненаписанный) роман о Бендере, анонсы о котором печатались в журнале «30 дней» вплоть до 9-го номера за 1933 год.

В июне 1927-го Петров пишет рассказ «Линия наименьшего сопротивления», главный герой которого, 19-летний студент, сдавший зачет по химии, предвосхищает действия Остапа после его знакомства с дворником в романе «Двенадцать стульев»: «...Вася Илотов развалился в непринужденной позе отдыхающего бонвивана на ободранном клеенчатом диване и радостно захохотал. <...> Возможностей была тьма. Во-первых, можно было катнуть за город – себя показать и людей посмотреть. Можно было съесть на бульваре порцию мороженого. Можно было попробовать силу и взвеситься. Можно...»¹¹²⁰ ~ «...гость проворно спустился в дворницкую, снял апельсиновые штиблеты и растянулся на скамейке, обдумывая план действий на завтра. <...> Остап Бендер отшлифовывал в мыслях два возможных варианта своей карьеры.

Можно было сделаться многоженцем и спокойно переезжать из города в город, таская за собой новый чемодан с захваченными у дежурной жены ценными вещами.

А можно было еще завтра же пойти в Стардеткомиссию и предложить им взять на себя распространение еще не написанной, но гениально задуманной картины “Большевики пишут письмо Чемберлену”...». Сравним: «развалился... на... диване» = «растянулся на скамейке»; «Возможностей была тьма» = «два возможных варианта»; «Можно было съесть... Можно было попробовать...» = «Можно было сделать... А можно было... пойти». Кроме того, Вася Илотов назван *бонвиваном*, а Остап Бендер мечтает о карьере *многоженца*. И если Вася размышляет: «...а не выпить ли мне бутылочку пива?», то Остап говорит дворнику: «...неплохо бы вина выпить».

В концовке же рассказа Васю выгоняют из института и назначают непомерно высокую цену за оплату жилья, а в концовке «Золотого тельца» Остапа избивают и грабят румынские пограничники: «Он полез в карман и нащупал <...> две, уцелевшие от стипендии каким-то чудом, монетки <...> Вася встрепенулся, тяжело вздохнул и разжал руку. На ладони блеснули две серебряные монетки <...> И решительно направился к дверям» ~ «Разжав руку, Бендер увидел на ладони плоскую медную пуговицу <...> и чудом сохранившийся в битве орден Золотого Руна. Великий комбинатор тупо посмотрел на трофеи и остатки своего богатства и продолжал двигаться дальше...» (вновь сходства налицо: «уцелевшие... каким-то чудом» = «чудом сохранившийся»; «разжал руку» = «Разжав руку»; «На ладони... серебряные монетки» = «на ладони... орден Золотого Руна»; «направился к дверям» = «продолжал двигаться дальше»).

Предшественником великого комбинатора является и герой рассказа Петрова «Проклятая проблема» (1927¹¹²¹) Остап Журочка, который говорит о себе: «Я человек холодный»; а о Бендере читаем: «Остап был холоден» («Двенадцать стульев»; глава «Бриллиантовый дым»); да и в разговоре с Корейко он назовет себя «холодным философом». Помимо того, оба героя, скептически относившиеся к любви, внезапно влюбляются: Остап Журочка – в Катю *Пернатову*, а Остап Бендер – в Зосю *Синицкую* (обе

¹¹²⁰ Смехач. М., 1927. № 24. Июнь. С. 8.

¹¹²¹ Смехач. М., 1927. № 14. Апр. С. 2 – 3.

фамилии – птичьей): «Ну, что я нашел в этой дурехе? – терзался Остап, ворочаясь на твердых досках своего студенческого ложа. <...> Целую неделю страдал медик в одиночестве...» ~ «Теперь я страдаю. Величественно и глупо страдаю» («Золотой теленок»; глава «Дружба с юностью»). Студенческому ложу Журочки соответствует поездка Бендера в купе поезда со студентами, да и в 35-й главе он скажет работнику почты: «...я бедный студент, у меня нет денег»¹¹²². При этом Журочка – медик, а Бендер говорил Воробьянинову: «Я буду медиком» (глава «Общежитие имени монаха Бертольда Шварца»); и станет таковым в «Теленке»: «Я невропатолог, я психиатр».

Совпадает также обращение Кати и Зоси к обоим Остапам: «Прощайте, Журочка, – твердо сказала Катя, – и пожалуйста, никогда не зовите меня с собой гулять» ~ «Хорошо, – сухо молвила Зося, – до свидания. И не приходите больше ко мне». Потерпев неудачу, оба Остапа спохватываются: «Черт возьми! – воскликнул он, бросаясь догонять Катю. – Еще не всё потеряно! <...> Я, Пернатова, я вас люблю, Пернатова» ~ «Как же я забыл! – сказал он сердито. Потом он засмеялся, зажег свет и быстро написал телеграмму: “Черноморск. Зосе Синицкой. Связи ошибкой жизни готов лететь Черноморск крыльях любви, молнируйте ответ Москва Грандотель Бендер”» (33-я глава), «Не сердитесь, Зося <...> Это от любви к вам» (35-я глава). Но если рассказ кончается оптимистически – соединением влюбленных, то в романе такой идиллии уже нет, поскольку Зося выходит замуж за Перикла Фемиди (ср. со знакомым Ильфа Периклом Ставровым), хотя в первом варианте (глава «Адам сказал, что так нужно») Бендер женится на Зосе. И еще одно подобное сходство наблюдается между вышеупомянутым рассказом Петрова «Семейное счастье» (1927) и 35-й главой «Золотого теленка». В первом случае Жоржик говорит Кате: «Ты куда, Катя? В столовку?.. Я с тобой!»; а на реплику Зоси «...мне в столовку» Остап мгновенно реагирует: «Я тоже буду обедать». Остановимся на этой «столовке» поподробнее: «Учебно-показательный пищевой комбинат ФЗУ при Черноморской Государственной академии пространственных искусств», – такую вывеску видит Остап. Однако само описание столовой возвращает нас к пребыванию соавторов в Ярославле в 1929 году, впечатления от которого оказались настолько сильными, что нашли отражение даже два года спустя – в фельетоне «Халатное отношение к желудку»¹¹²³. Здесь прямо сказано: «На берегу реки Волги живописно раскинулся город Ярославль. Но это еще полбеда. Дело в том, что на одной из его улиц живописно раскинулась кооперативная столовая, вывесившая на стене большой плакат: *Пицца – источник жизни человека.*

---

¹¹²² Добавим, что непонимание Остапом студентов в главе «Дружба с юностью»: «К вечеру Остап знал всех по имени и с некоторыми был уже на “ты”. Но многого из того, что говорили молодые люди, он не понимал. Вдруг он показался себе ужасно старым. Перед ним сидела юность, немножко грубая, прямолинейная, какая-то обидно нехитрая. Он был другим в свои двадцать лет. Он признался себе, что в свои двадцать лет он был гораздо разностороннее и хуже. Он тогда не смеялся, а только посмеивался. А эти смеялись вовсю. “Чему так радуется эта толстомордая юность? – подумал он с внезапным раздражением. – Честное слово, я начинаю завидовать”», – восходит к роману Ильи Эренбурга «Рвач» (1924): «После обеда к Михаилу заглянули комсомольцы. <...> Эта косолапая честность, прямота, грубость жестов и слов, которыми прикрывался юношеский идеализм, его очаровывали и раздражали, как старика выцветшие фотографии его молодости. Он ведь еще недавно был таким же! (Он никогда не был таким же. Прошлое, впрочем, легко забывается.) Он уже им завидовал. Он уже чувствовал, что они выиграли, они, с их жизнью впроголодь, с клеенчатыми тетрадками и горластым пением» (глава «Одесские развлечения героя»). Сравним: «старым» = «как старика»; «юность, немножко грубая, прямолинейная, какая-то обидно нехитрая» = «косолапая честность, прямота, грубость жестов и слов, которыми прикрывался юношеский идеализм»; «Он был другим в свои двадцать лет» = «Он никогда не был таким же»; «с внезапным раздражением» = «его... раздражали»; «я начинаю завидовать» = «Он уже им завидовал». Здесь представлена «та же модель отношений между поколениями: спокойная уверенность хозяев мира, фамильярное обращение со знаменитостью, отсутствие у молодежи пиетета перед чуждой культурой и богатством, удивление и зависть человека старого закала при виде всего этого...» (Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 624 – 625).

¹¹²³ Толстоевский Ф. Халатное отношение к желудку // Огонек. М., 1931. 30 сент. № 27. С. 8 – 9.

<...> Блюда у них не “порционные”, а “учебно-показательные”. Потому Остап и говорил Зосе: «...съем какие-нибудь дежурно-показательные щи при этой академии. Может быть, полегчает». А далее в романе следует такой пассаж: «Остап недоволен косился на культплакаты, развешанные по стенам. На одном было написано: “Не отвлекайся во время еды разговорами. Это мешает правильному выделению желудочного сока”. Другой был составлен в стихах: “Фруктовые воды несут нам углеводы”». Оба эти лозунга перейдут в фельетон «Халатное отношение к желудку»: «И перед глазами охваченного ужасом едока появляются строгие увещевания в стихах и прозе. “Вводи в организм горячую пищу и разные закуски”, “Не отвлекайся во время еды разговором, это мешает правильному выделению желудочного сока”, “Фруктовые воды / Сулят нам углеводы”, “Просят о скатерти руки не вытирать”».

Как сумел установить ярославский историк Александр Юрьев, «это была “Советская чайная № 5” (впоследствии переименованная в столовую № 5), организованная в помещении бывшего ресторана “Рекорд” на Линии Социализма (сейчас – площадь Волкова). <...> столовая была торжественно открыта 1 января 1929 года – всего за полгода до того, как в ней побывали И. Ильф и Е. Петров»¹¹²⁴.

Тот же Александр Юрьев задается вопросом: «Какой же из существовавших кооперативных садов Ярославля могли описывать И. Ильф и Е. Петров? Упоминаний о плакате “Пиво отпускается только членам профсоюза” в каком-либо из “садов” обнаружить пока не удалось»¹¹²⁵. Ответ на этот вопрос в 2001 году дал писатель-фронтвик и выпускник филфака МГУ Артем Анфиногенов (1924 – 2011), который привел источник данной надписи:

Вроде бы, вздорность этого объявления очевидна. Но это отнюдь не вымысел.

Перелистывая журнал «Бузотер» за октябрь 1925 года, в разделе «Гаврила бузит» я наткнулся на такую заметку:

ЕЩЕ ОДНА ЛЬГОТА

Без профсоюза, товарищи, не прожить. Это каждый знает.

Без профсоюза, можно сказать, полная телесная и духовная гибель. Пивка без профсоюза и то выпить нельзя. Вот до чего дожили.

Во время, знаете, спектакля «Синеблужников» в буфете Гаврилово-Посадского театра было вывешено объявление: «Пиво отпускается только членам профсоюза».

Товарищи, голубчики, молочные братья! Да ведь ежели так пойдет дальше, то вскоре без профсоюза и в тюрьму сажать не будут. Ах, ей-богу, какие чудные льготы и преимущества профсоюзникам. Все в профсоюзы!¹¹²⁶

Согласно историческому комментарию: «Гаврилово-Посадская волость декретом ВЦИК от 07 сентября 1925 года в составе Юрьев-Польского уезда включена в

¹¹²⁴ Юрьев А.М. Конец НЭПа в общепите и торговле Ярославля глазами И. Ильфа, Е. Петрова и журналистов газеты «Северный рабочий» (доклад на XVII Тихомировских научных краеведческих чтениях в Ярославском музее-заповеднике, 19.11.2019) // XVII Тихомировские краеведческие чтения: 2019 – Год театра в России: материалы научной конференции. Ярославль, 2021. С. 99. Благодарю Александра Юрьева, приславшего мне данную статью.

¹¹²⁵ Юрьев А.М. Конец НЭПа в общепите и торговле Ярославля глазами И. Ильфа, Е. Петрова и журналистов газеты «Северный рабочий». С. 103.

¹¹²⁶ Анфиногенов А. Начало. Из книги «Котел» [Служил Гаврила...] // Кольцо А [альманах]. М., 2001. № 16. С. 172 – 173. Полное описание заметки выглядит так: Еще одна льгота // Бузотер [сатирическое приложение к газете «Труд»]. М., 1925. № 24. Окт. С. 10. Впервые на нее обратил внимание Абрам Вулис: «Так, по-видимому, из “Бузотера” проникло на страницы “Золотого тельца” объявление “Пиво отпускается только членам профсоюза”, замеченное корреспондентом журнала в буфете Гаврилово-Посадского театра» (Вулис А.З. И. Ильф, Е. Петров: очерк творчества. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960. С. 146). Упомянем также новейшую публикацию, где цитируется данная заметка: Панфилов А.Ю. М.А. Булгаков в 1925 году. Часть 4: М.А. Булгаков и «Бузотер» // <https://proza.ru/2011/04/18/1545>

Иваново-Вознесенскую губернию»¹¹²⁷. А «Синеблужники» в то время действительно гастролировали по всей стране со своими сатирическими номерами.

Также обращает на себя внимание призыв «Товарищи, голубчики, молочные братья!». Как мы помним, в «Золотом теленке» Бендер и Балаганов неоднократно именуется «молочными братьями». Впрочем, данное словосочетание встречается и в рассказах М. Зощенко, например: «Товарищи, – говорит, – молочные братья! Да что ж это происходит в рабоче-крестьянском строительстве? Без манишечки, – говорит, – человеку пожрать не позволяют» («Рабочий костюм», 1926).

Но вернемся к рассказам Петрова и сопоставлению их с диалогией о Бендере.

В одном из эпизодов «Двенадцати стульев» читаем: «Холодный, рассудительный *голос* великого комбинатора оказал свое обычное магическое действие». Синонимичная характеристика появлялась во время беседы Бендера с Пашей Эмильевичем: «Грустно, девицы, – *ледяным голосом* сказал Остап». И в том же году она трижды встретится в рассказах Петрова, где принадлежит либо самому автору, либо его alter ego: 1) «Машинка! – *промолвил я ледяным тоном*» («Весельчак», апрель 1927), «Это в какие же дамки? – *ледяным тоном спросил я*» («Жертва сенсации», ноябрь 1927), «Где герой труда? – *спросил секретарь ледяным тоном*, – засняли вы его?» («Неуловимый герой труда», май 1927).

Концовка рассказа «Путешественник» (1927): «Я устроил большой кукиш и, с наслаждением шевеля большим пальцем, поднес его к носу Колидорова. “Вот тебе автомобильные очки, вот ковбойская шапка. Вот тебе Владивосток! Вот тебе Мурманск! Вот тебе Волга и вот тебе хребет!...”¹¹²⁸, – явно отразится в речи Остапа, который избивает Воробьянинова за растрату двухсот рублей и скандал на аукционе: «Вот тебе милиция! Вот тебе дороговизна стульев для трудящихся всех стран! Вот тебе ночные прогулки по девочкам! Вот тебе седина в бороде! Вот тебе бес в ребро!» («Двенадцать стульев»; глава «Экзекуция»). После окончания экзекуции Остап, узнав, что стулья продают поодиночке, говорит: «Всё пропало!», – на что следует реплика: «Что пропало? – *угодливо* спросил Воробьянинов». И так же ведет себя Колидоров после показанного ему кукиша: «Колидоров *угодливо* засуетился...». Более того, обращение автора к Колидорову и ответ последнего напоминают также сцену в дворницкой: «Я устроил большой кукиш и, с наслаждением шевеля большим пальцем, поднес его к носу Колидорова. <...> “Видишь?”. – “Вижу”, – сказал Колидоров покорно» ~ «“Ну что, тронулся лед?” – добавил Остап. Воробьянинов запыхтел и покорно сказал: “Тронулся”» (помимо вопросов и ответов, построенных по одной схеме: «Видишь? – Вижу» = «...тронулся лед? – Тронулся», совпадает характеристика ответов Колидорова и Воробьянинова: «сказал... покорно» = «покорно сказал»).

Ранее же Колидоров использовал лексику, которая перейдет к Остапу в главе «Межпланетный шахматный конгресс»: «А вот путешествие по Волге... Это вещь вполне реальная...» ~ «Вполне реальная вещь, – ответил гроссмейстер, – мои личные связи и ваша самодеятельность – вот всё необходимое и достаточное для организации международного васюкинского турнира» (кстати, Васюки тоже расположены на Волге). А в самом начале рассказа Колидоров характеризуется так же, как Остап во время схватки с Корейко: «Я посмотрел сперва на карту, а потом на Колидорова. Его лицо сияло, как переполненная до краев кружка с пивом» ~ «На Остапе расстегнулась рубашка, и в просвете мелькнула татуировка. Наполеон по-прежнему держал пивную кружку, но был так *красен, словно бы успел основательно нализаться*» (глава «Командовать парадом буду я»). Похожая татуировка была и на груди Никиты Псова – героя «Необыкновенных историй из жизни города Колоколамска»: «...сквозь распах-

¹¹²⁷ Из истории местного самоуправления Гаврилово-Посадского района // <https://gavrilovposad.bezformata.com/listnews/gavrilovo-posadskogo-rajona/11058394/>

¹¹²⁸ Цит. по первой публикации: Смехач. М., 1927. № 22. Июнь. С. 11. В пятитомнике Ильфа и Петрова (М., 1961. Т. 5. С. 338) данный рассказ был опубликован без двух заключительных абзацев.

нувшийся сторожевой тулуп гражданина Псова была видна волосатая грудь, увенчанная голубой татуировкой в виде голой дамочки с пенящейся кружкой пива»¹¹²⁹.

Имеется также малозаметное сходство между Колидоровым и Паниковским:

1) Колидоров схватил меня за шею и <...> ткнул носом в карту.

– Смотри, дубина, где будет твой друг Колидоров через какие-нибудь четыре месяца. <...> Что же ты видишь?

– Вижу, – прохрипел я, добросовестно проглядев карту, – что какой-то *идиот* измазал поверхность этой бумаги красным карандашом.

– Это не какой-то идиот, – самодовольно сказал Колидоров, – это я, Колидоров, начертил путь того путешествия, которое я совершу ровно через четыре месяца, первого июня.

2) – Паниковский, – сказал Остап, – вам было поручено встретиться сегодня с нашим подзащитным и вторично попросить у него миллион, сопровождая эту просьбу *идиотским* смехом?

– Как только он меня увидел, он перешел на противоположный тротуар, – самодовольно ответил Паниковский.

Отсюда – одинаковая реакция на этих персонажей: «Я посмотрел на Колидорова с отвращением» ~ «Все посмотрели на Паниковского с отвращением» (глава «Три дороги»). А обращение Колидорова к автору в начале рассказа совпадает с обращением Паниковского к Бендеру: «Ты, жалкий капустный червь...» ~ «Вы жалкий, ничтожный человек!» (глава «Антилопа-Гну»). Такое же сходство есть между Паниковским и героем рассказа Петрова «Идейный Никудыкин» (1924): «Жалкие, ничтожные люди» ~ «Посмотрим, что вы тогда запоете, жалкие людишки в штанах!»¹¹³⁰ И еще одна общая черта между ними: «Руки вверх, – повторил Паниковский упавшим голосом» ~ «Кто? Я не сниму штанов? – спросил Никудыкин упавшим голосом»¹¹³¹.

Кстати, *все* сатирические персонажи в рассказах Петрова носят говорящие фамилии, как, например, Колидоров (коридор) и Никудыкин (никудышный). А в «Золотом теленке» у Остапа будут такие спутники: Козлевич (козел), Балаганов (балаган) и Паниковский (паникер). И только у самого великого комбинатора – нейтральная фамилия Бендер, поскольку он не является сатирическим персонажем, а сам высмеивает глупости и несурзанности, которые замечает вокруг. Тем не менее, многие реплики Остапа восходят к героям рассказов Ильфа и Петрова с говорящими фамилиями. Так, обращение к румынским пограничникам в концовке «Теленка»: «Я старый профессор, бежавший из полуподвалов московской *чека*! Ей-богу, еле вырвался!», – повторяет мотив из рассказа Петрова «Неуловимый герой труда (Из редакционного быта)»¹¹³²,

¹¹²⁹ Толстоевский Ф. Красный Калошник-Галошник // Чудак. М., 1929. № 8. Февр. С. 6.

¹¹³⁰ Красный перец. М., 1924. № 21. Окт. Сравним в рассказе Петрова «Веселье ребятки» (1925), где фоторепортер Шакалов думает, глядя на «хулиганов»: «Поймались, голубчики <...> посмотрим, как вы запоете, когда увидите свои рожи в журнале» (Крокодил. М., 1925. № 28. Июль. С. 8); и в его же рассказе «Невероятно, но...» (1927), где действует глава «Инициативной двойки» Хведоров: «Посмотрим, голубчики, – подумал он злорадно, – что вы запоете, когда я сообщу, что никаких квартир нет, и пристыжу вас...» (Огонек. М., 1927. 4 дек. № 49. С. 15). Очевидно родство Хведорова и Бендера: «К утру план мести был готов» ~ «К часу ночи великолепный план был готов» (глава «Изгнание из рая»). Тот же мотив – в рассказе Ильфа «Катя-Китти-Кет» (1924): «...к утру уже родился отважный план...».

¹¹³¹ Источник рассказа «Идейный Никудыкин» – публикации в советской прессе: «Несколько дней тому назад в различных местах Москвы стали замечаться лица обоего пола, появляющиеся на улицах без какого-либо признака одежды, лишь украшенные через плечо лентой с надписью: “Долой стыд”».

Некоторые пытались входить в трамвай, но под влиянием общих протестов и возмущения вынуждены были оставлять вагоны.

Вчера по всем отделениям Московской милиции сделано распоряжение о задержании всех лиц, появляющихся в Москве в голом виде, и привлечении их к ответственности» (Надо пресечь глупые выходки // Вечерняя Москва. 1924. 11 сент.).

¹¹³² Иностранец Федоров. Неуловимый герой труда // Смехач. М., 1927. № 20. Май. С. 8.

где фоторепортер Шакалов жалуется: «Бить не били, но *в милицию* отправили. Еле выпутался...». Причем если репортер Шакалов, пытаясь заснять на фотоаппарат героя своего будущего репортажа, пришел к нему на квартиру и представился фининспектором, то Остап, придя домой к завхозу 2-го дома Старсобеса Альхену, скажет, что он – инспектор пожарной охраны («Двенадцать стульев»; глава «Голубой воришка»).

Сцена, где Шакалов обхаживает дочку героя своего будущего репортажа, предвосхищает диалог Воробьяниновым с Лизой Калачевой: «Весь следующий день я обхаживал дочку героя. <...> Просился в гости. Не хочет. Папа, говорит, молодых людей не уважает... Пойдемте лучше в кинематограф» = «Пойдемте в театр, – предложил Ипполит Матвеевич. – Лучше в кино, – сказала Лиза, – в кино дешевле».

Диалог Шакалова с секретарем редакции газеты послужит основой для разговора репортера газеты «Станок» Персицкого с фотографом в главе «Курочка и тихоокеанский петушок», где Персицкий уже откровенно издевается над фотографом:

1) – Где герой труда? – спросил секретарь ледяным тоном, – засняли вы его? <...>
– Нет героя! – вздохнул Шакалов, – *не дается в руки*.

2) – Как? Вы до сих пор еще не сняли Ньютона?! – накинулся Персицкий на фотографа.

Фотограф на всякий случай стал отбrehиваться.
– Попробуйте вы его поймать, – гордо сказал он.

Причем сетование Шакалова: «Прямо не герой, а какой-то злой демон», – предвосхищает слова Остапа в адрес Воробьянинова: «*Не человек, а какой-то конек-горбунок!*»». Воробьянинов же как раз предстает в образе злого демона: «...глаза метнули огонь, и из ноздрей <...> повалил густой дым».

А концовка рассказа, где Шакалов «схватил треножник и взвалил на плечи аппарат», – дословно повторится в романе: «Фотограф взвалил на плечи аппарат и гремящий штатив». После того, как Шакалов «взвалил на плечи аппарат», следует фраза: «Черт возьми, – пробормотал он, – и как это я сразу не сообразил. Теперь герой не уйдет», – совпадающая с репликой Остапа при виде 1-й Черноморской кинофабрики: «*Как это я сразу не догадался!* – пробормотал он, вертясь у подъезда».

Впервые же Шакалов появился в рассказе Петрова «Веселые ребята» (1925), где также был фотографом, а Остап на пароходе «Скрябин» выступит в роли художника (в обоих случаях упоминаются творческие профессии):

1) – Шакалов! – сказал ответственный секретарь. – Вы должны срочно заснять парочку хулиганов для нашего журнала. <...> И чтоб завтра утром я имел на столе хулиганов. Поняли?

– Не беспокойтесь.

– Смотрите, Шакалов, а то хулиганы появятся в другом журнале!

– Хулиганы будут, – сказал Шакалов и удалился, гремя треножником и другими орудиями производства¹¹³³.

2) Завхоз обратился к Остапу.

<...>

– Так смотрите же! С утра приступайте к работе.

<...>

– Так имейте в виду, – предостерегал толстяк, – с Васюков мы начинаем вечерние тиражи, и нам без транспаранта никак нельзя.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – заявил Остап, надеясь больше не на завтрашнее утро, а на сегодняшний вечер, – транспарант будет.

¹¹³³ Петров Е. Веселые ребята // Крокодил. М., 1925. № 28. Июль. С. 8.

Сходство ситуаций очевидно: «ответственный секретарь» = «завхоз»; «И чтоб завтра утром» = «С утра приступайте к работе»; «Не беспокойтесь» = «Пожалуйста, не беспокойтесь»; «Смотрите, Шакалов» = «Так смотрите же!»; «Хулиганы будут» = «транспарант будет». В итоге Шакалова избивают, а Бендера выгоняют с парохода.

Наряду с этим наблюдаются общие мотивы между «Веселыми ребятами» и главой «Междупланетный шахматный конгресс», поскольку и там, и там главные герои подбивают собеседников на авантюру – Шакалов в пивной убеждает молодых ребят, что если они увидят витрины или прохожих, то их надо бить, а Остап читает васюкинцам лекцию о шахматах и вытягивает из слушателей деньги на проведение турнира: «Скучаем, – сознались хулиганы, с почтением поглядывая на Шакалова» ~ «Васюкинские шахматисты внимали Остапу с сыновней любовью»; «А почему, спрашивается, скучаете? А потому, что размаху нет у вас настоящего... Веселости нет... <...> Эх, ребята! Губите вы себя, одно слово, губите... Да разве ребята ваших лет скучают? Совершенно наоборот. И даже очень просто... Храбрости у вас нет, ребяташки, храбрости» ~ «Почему в провинции нет никакой игры мысли? Например, вот ваша шахсекция. Так она и называется – шахсекция. Скучно, девушки! Почему бы вам, в самом деле, не назвать ее как-нибудь красиво, истинно по-шахматному».

После того, как молодые ребята усвоили урок, – «выйдя из пивной, Шакалов вытер платком свой мокрый лоб». Так же поступил и Бендер во время лекции перед васюкинцами: «Остап вытер свой благородный лоб». Совпадает и отношение обоих авантюристов к своим подопечным: «Попались, голубчики, – *ехидно* думал Шакалов» ~ «С необычайной легкостью и безусловно *ехидничая в душе* над отсталыми любителями города Васюки, гроссмейстер жертвовал пешки, тяжелые и легкие фигуры направо и налево». В результате молодые ребята, ставшие хулиганами, избивают самого Шакалова, а васюкинцы, обнаружив обман, готовы были избить лже-гроссмейстера, но тому удалось ускользнуть. При этом первый, подойдя к ребятам, думает о них: «Дураки вы, а не хулиганы...»; а второй обращается к упавшим в воду васюкинцам: «Я не думаю, чтобы мастера шахмат приехали к таким дуракам, как вы...». Добавим, что реплика «Мерси, – сказал Шакалов по привычке. – Готово» перейдет в главу «Экзекуция» романа «Двенадцать стульев», где «фотокорреспондент конкурирующего журнала» снимает беспризорников: «Мерси, – сказал он по привычке, – готово».

Шакалову сродни и другой предшественник Бендера со столь же говорящей фамилией – Уродоналов: «Я председатель жилищного кооператива, – сказал вошедший, – я хочу получить ссуду на предмет строительства. – Может быть, вы еще чего-нибудь хотите? – нагло спросил Уродоналов. – Больше ничего не хочу, – простодушно ответил человек»¹¹³⁴ ~ «Вы поймите, ведь это же пятнадцать тысяч рублей. – Больше вы ничего не хотите? – Н-нет» (глава «Брильянтовый дым»).

В малоизвестном фельетоне Петрова «Бега по НОТ'у» (1925) бухгалтер Госбанка Уродоналов, проигравшись на тотализаторе, решает больше не испытывать судьбу: «Довольно, – сказал сам себе Уродоналов, – *довольно азарта*. Этак можно и здоровые окончательно расстроить и проиграться в пух... Нужно переходить на службу в какой-нибудь другой банк и начать новую, трезвую жизнь»¹¹³⁵. Пять лет спустя нечто подобное произнесет и Остап после возвращения миллиона в концовке 35-й главы «Золотого тельца»: «*Довольно психологических эксцессов*, – радостно сказал Бендер, – довольно переживаний и самокопания. Пора начать трудовую буржуазную жизнь».

Отдаленным прототипом Остапа оказывается даже юморист Физикевич из рассказа Петрова. Когда редактор газеты предложил Физикевичу вместо стихов сочинять каламбуры, тот сразу же принялся за это дело с энтузиазмом, но очень скоро редактор разочаровался в своем совете, так как юморист начал ему надоедать, да еще

¹¹³⁴ Петров Е. Сильная личность // Смехач. М., 1927. № 8. Февр. С. 8.

¹¹³⁵ Красный перец. М., 1925. № 5. Февр. Цит. по: Ильф И., Петров Е. Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска / Сост. М. Долинский. М.: Книжная палата, 1989. С. 128.

и постоянно требовал денег за свое «творчество». В «Двенадцати стульях» этой халтуре соответствует плакат Остапа «Сеятель, разбрасывающий облигации государственного займа», который он сам потом охарактеризовал так: «транспарантик довольно дикий. Мизерное исполнение!». В итоге Физикевича прогоняет редактор – лицо, *заведующее* изданием газеты; а Остапа – *заведующий* хозяйством парохода:

- 1) – Что нового? – осторожно спросил я, – пишете?
– Пишу. Пью коньяк пи**Шустова**. Написал про Пуанкаре. Хочешь? Вот. «Собрав войска свои в каре / И прицепивши танк к штиблету, / Кричит бандит Пуанкаре: / – Карету мне, пуанкарету!» Нравится?
– Гм... Не актуально.
– Значит, дело **таб**актуально. <...>
– Вы мне надоели!
– **Канада**ели, в канаде ели, **надо**елименты платить. Плати елименты, редактор!
– Пустите меня, ч-чорт, я позову милицию.
– Ваше милицо мне **знаркомо**...
– Вон!!! – гаркнул я¹¹³⁶.
- 2) На верхнюю палубу, как ястреб, вылетел толстячок.
– Ну, как транспарантик? – нахально спросил Остап. – Доходит?
– Собирайте вещи! – закричал завхоз. <...> – Вон!
– Что? А выходное пособие? <...> Нет, серьезно, вам не нравится транспарант?

В самом деле, сравним: «Нравится?» = «вам не нравится транспарант?»; «Плати елименты, редактор!» = «А выходное пособие?»; «Вон!!! – гаркнул я» = «закричал завхоз. <...> – Вон!». Кроме того, портрет сеятеля, нарисованный Остапом, сравнивается с «искусством сумасшедших», а юмориста Физикевича в концовке рассказа санитар ведет в сумасшедший дом – на Канатчикову дачу...

В сентябре 1927 года Ильф и Петров приступают к «Двенадцати стульям», и тогда же Петров пишет рассказ «Даровитая девушка», построенный в форме бесед студента Хведорова и начинающей киноактрисы Кусички Крант¹¹³⁷.

Для начала заметим, что в рассказе упоминается фильм «по сценарию Шершеляфамова», а на афише спектакля «Женитьба», который посещают Бендер и Воробьянинов, написано: «Стихи – М. Шершеляфамова».

Ерническая манера беседы Хведорова (вспомним псевдоним Петрова, которым он часто подписывал свои фельетоны: Иностранец Федоров) имеет многочисленные соответствия в разговорах великого комбинатора, причем, главным образом, из «Золотого тельца», которого тогда еще не было даже в замыслах. И если Хведоров соответствует Бендеру, то Кусичка Крант наделена чертами как Балаганова, так и Паниковского: «Перл студентова остроумия пропал зря. Кусичка задумчиво смотрела на потолок и морщила лобик. Видно, о чем-то мучительно думала. “Скажите, – спросила она нерешительно, – как добывается стекло? Оно... ископаемое?”» ~ «Но Балаганов не заметил иронии. <...> На безмятежном, невспаханном лбу Балаганова обозначилась глубокая морщина. Он неуверенно посмотрел на Остапа и промолвил: “Я знаю такого миллионера”» («Перл... остроумия пропал зря» = «не заметил иронии»; «морщила лобик» = «На... лбу... морщина»; «спросила она нерешительно» = «Он неуверенно посмотрел... и промолвил»); «Я... б-больше н-не б-буду! – прошептала Кусичка Крант» = «Я больше не буду! – взмолился Паниковский...»; «То-то, – сказал студент Хведоров, смягчившись...» = «Хорошо! – сказал Остап...». Поэтому совпадают обращения Кусички Крант к Хведорову и Балаганова к Остапу: «Знаете, Хведоров, я

¹¹³⁶ *Иностранец Федоров*. Юморист Физикевич (*Исповедь редактора*) // Смехач. М., 1927. № 33. Авг. С. 10.

¹¹³⁷ *Петров Е.* Даровитая девушка // Смехач. М., 1927. № 35. Сент. С. 8.

решила посвятить кино всю, всю жизнь» = «Знаете, Бендер <...> я не поеду». Кроме того, глаза Хведорова – «лживые и хитрые», а Остап постоянно врет и хитрит.

Издевательский вопрос Хведорова: «Диафрагма не побаливает?», – перейдет в обращение Остапа к Корейко: «И желудок в порядке?». А реплика Хведорова: «Мне один король режиссеров говорил», – напоминает фразу разбогатевшего Остапа из разговора с Балагановым: «Мне один доктор всё объяснил».

Впрочем, диалог Хведорова и Кусички Крант станет даже прообразом разговора Остапа с Воробьяниновым после того, как последнего избил Коля Калачев за ухаживания за своей супругой Лизой («Двенадцать стульев»; глава «Экзекуция»):

- 1) – Скажите, какая наглость! – *посочувствовал Хведоров.*
– От них всё станется! – **злобно сказала** Кусичка.

- 2) – Неслыханная наглость! – **сказал он гневно.** – Я еле сдержал себя!
– Ай-яй-яй, – *посочувствовал Остап,* – какая теперь молодежь пошла! Ужасная молодежь! Преследует чужих жен! Растрчивает чужие деньги... Полная упадочность!

Более того, разговоры Хведорова с Кусичкой Крант стали основой для диспута между Персицким и Ляписом-Трубецким в главе «Автор Гаврилиады»:

- 1) – Ну, как ваши дела? – спрашивал Хведоров вежливо. – Снимаетесь всё? – Еще как. – Небось от этих «сатурнов» глаза болят? – Каких там «сатурнов»?! Вы с ума сошли! От юпитеров. Нет, не болят. Привыкла. – Ну, как там на фабрике? Хорошо? – Ого! – Кадры большие? – Ничего себе. Спасибо. – Диафрагма не побаливает? – Вы с ума сошли! Вы знаете, что такое диафрагма? – Не знаю. – То-то. Раз не знаете, не говорите. – Я ничего такого не говорил... Ведь я, собственно говоря, не питаю против диафрагмы никакой вражды. <...> Перл студентова остроумия пропал зря. <...> – Скажите, – спросила она нерешительно, – как добывается стекло? Оно... ископаемое? – Это смотря по тому, какое стекло. Бутылочное, например, добывается из глубины моря. Водочные рюмки тоже. Ископаемые. <...> А как называется картина? – Глупый вопрос. Всему миру известно, что картина называется «Приключения портного Фитюлькина», по сценарию Шершеляфамова, Михаила Гнидова и Константина Бруцкуса, а вы... Отстаньте.

- 2) – Ну, как торговля? – спрашивал Персицкий. <...> – Я написал о Кавказе. – А вы были на Кавказе? – Через две недели поеду. – А вы не боитесь, Ляпсус? Там же шакалы! – Очень меня это пугает! Они же на Кавказе не ядовитые! После этого ответа все насторожились. – Скажите, Ляпсус, – спросил Персицкий, – какие, по-вашему, шакалы? – Да знаю я, отстаньте! – Ну, скажите, если знаете! – Ну, такие... В форме змеи. – Да, да, вы правы, как всегда. По-вашему, ведь седло дикой козы подается к столу вместе со стремянами. – Никогда я этого не говорил! – закричал Трубецкой. – Вы не говорили. Вы писали. <...> Скажите по совести, Ляпсус, почему вы пишете о том, чего вы в жизни не видели и о чем не имеете ни малейшего представления? <...> Почему в стихотворении «Скачки на приз Буденного» жокей у вас затягивает на лошади супонь и после этого садится на облучок? Вы видели когда-нибудь супонь? – Видел. – Ну, скажите, какая она? – Оставьте меня в покое. Вы псих.

Очевидно совпадение и в лексике, и в целых оборотах: «Ну, как ваши дела? – спрашивал Хведоров вежливо» = «Ну, как торговля? – спрашивал Персицкий»; «Вы с ума сошли!» = «Вы псих»; «Вы знаете, что такое диафрагма?» = «Вы видели когда-нибудь супонь?»; «Раз не знаете, не говорите» = «почему вы пишете о том, чего вы в жизни не видели и о чем не имеете ни малейшего представления?»; «Я ничего такого не говорил...» = «Никогда я этого не говорил!»; «Перл студентова остроумия пропал зря» = «Ляпис не понял сарказма»; «Скажите, – спросила она нерешительно, – как добывается стекло? Оно... ископаемое? – <...> Ископаемые» = «Скажите, Ляпсус, – спросил Персицкий, – какие, по-вашему, шакалы? <...> – Ну, такие... В форме змеи»; «Отстаньте» = «Оставьте меня в покое».

В конце рассказа Хведоров наставляет Кусичку Крант: «Завтра я вам принесу географию и обществоведение. Если вы посвятите им всю, всю жизнь, из вас еще может выйти толк». С этой же целью Персицкий принес Ляпису том Брокгауза и завершил урок вопросом: «Почему вы халтурите, вместо того чтобы учиться? Ответьте!».

Также «студенту Хведорову» (сентябрь 1927) соответствуют студент Остап Журочка в рассказе Петрова «Проклятая проблема» (апрель 1927) и Остап Бендер, который в разговоре с работником почты скажет: «...я бедный студент, у меня нет денег» («Золотой теленок», 1930; 35-я глава).

Сентябрем 1927 года датируется и рассказ Петрова «Грехи прошлого», одна из сцен которого напоминает встречу Остапа с инженером Щукиным («Двенадцать стульев»; глава «Разговор с голым инженером»). Если фамилия инженера – *Щукин*, то в рассказе главного героя зовут Василий *Заец*. Обе фамилии – «зоологические», и в обоих случаях герои попадают в тяжелое положение: Заец забыл дома веревку, с помощью которой замыслил похитить Нюрку Брызжейко из ее квартиры на втором этаже, а Щукин случайно захлопнул дверь своей квартиры на седьмом этаже и оказался голый без ключа на лестничной площадке. Но на помощь им приходят незнакомцы:

1) Василий Заец с чувством потряс руку незнакомца.
– Я обязан вам жизнью. Вы мой доброжелатель.
– Это верно, что я доброжелатель, – прошамкал незнакомец, – кто родной дочке добра не желает?¹¹³⁸

2) – Вы меня просто спасли! – возбужденно кричал он. – Извиняюсь, не могу подать вам руки, я весь мокрый. <...> Если бы не вы, я бы погиб, – закончил инженер.
– Да, – сказал Остап, – со мной тоже был такой случай.

Сравним: «Я обязан вам жизнью» = «Вы меня просто спасли»; «Это верно» = «Да». Разница лишь в том, что «Василий Заец с чувством потряс руку незнакомца», а Щукин говорит: «Извиняюсь, не могу подать вам руки, я весь мокрый». Кроме того, «помощником» Заеца оказывается отец Нюрки, который в итоге заставляет его жениться на ней, а Остап реально помогает инженеру Щукину. Но, с другой стороны, авантюрист Василий Заец отчасти является литературным «братом» и самого Остапа: «Дальнейшее представлялось энергичному юноше **менее отчетливо**» ~ «Гроссмейстер вошел в зал. Он чувствовал себя *бодрым* и твердо знал, что первый ход e2 – e4 не грозит ему никакими осложнениями. Остальные ходы, правда, рисовались в совершенном уже тумане, но этонисколько не смущало великого комбинатора» («Двенадцать стульев»; глава «Междупланетный шахматный конгресс»); «Василий Заец с чувством потряс руку незнакомца» ~ «Остап осторожно разжал объятия, схватил старика за руку и сердечно ее потряс» («Золотой теленок»; глава «Кризис жанра»). При этом в двух последних цитатах собеседниками Заеца и Бендера являются старики: «...прошамкал незнакомец» ~ «...зашамкал обитатель бревенчатого домика...».

Во время работы над «Двенадцатью стульями» Петров пишет также рассказ «Непременный спортсмен», где встречается конструкция, которая вскоре попадет в роман: «Трамвай ускорил ход. Наддал и Поперечников»¹¹³⁹ ~ «Великий комбинатор усилил ход. Наддала и вдова» (глава «Курочка и тихоокеанский петушок»). Кстати, обращение автора к Поперечникову совпадает с репликой Остапа из разговора с дворником: «Больше не имею вопросов. Идите, Поперечников» ~ «Больше вопросов не имею, – быстро проговорил молодой человек» (глава «Великий комбинатор»).

Ряд фрагментов рассказа Петрова «Несантиментальное путешествие», где он описывает поездку на Кавказ в июне 1927 года, перекликается с главой «Землетря-

¹¹³⁸ Петров Е. Грехи прошлого // Смехач. М., 1927. № 37. Сент. С. 8.

¹¹³⁹ Петров Е. Непременный спортсмен // Смехач. М., 1927. № 41. Окт. С. 7.

сение»: «В Пассанауре ели шашлык из молодого карачаевского барашка <...> видели Мцхет и “ЗАГЭС”»¹¹⁴⁰ ~ «В Пассанауре, в жарком богатом селении с двумя гостиницами и несколькими духанами, друзья выпросили чурек и залегли в кустах напротив гостиницы “Франция” с садом и двумя медвежатами на цепи. Они наслаждались теплом, вкусным хлебом и заслуженным отдыхом.

Впрочем, скоро отдых был нарушен визгом автомобильных сирен <...> из всех машин повалили члены автомобильного клуба газеты “Станок”.

– Привал! – закричал Персицкий. – Хозяин! Пятнадцать шашлыков!

Во “Франции” заходили сонные фигуры и раздались крики барана, которого волокли за ноги на кухню. <...> Остап приблизился к пожирателям шашлыка и элегантнейшим образом раскланялся с Персицким. <...> путники подошли к Мцхету – древней столице Грузии. <...> Вечером путники миновали ЗАГЭС...» (сравним: «В Пассанауре ели шашлык из... барашка» = «В Пассанауре... барана... пожирателям шашлыка»; «видели Мцхет» = «подошли к Мцхету»; «видели... ЗАГЭС» = «миновали ЗАГЭС»). А вопрос Воробьянинова «Закавтопромторг или частное общество “Мотор”?» также объясняет рассказ «Несантиментальное путешествие», где «заведующий Владикавказской конторой Автопромторга <...> произносит большую прочувствованную речь по поводу конкурирующего с Автопромторгом общества “Мотор”»¹¹⁴¹.

В 12-м номере журнала «30 дней» за 1928 год под шапкой «В Тифлис и по Тифлису» был напечатан очерк «Граждане туристы: Путевые заметки Евг. Петрова», где автор вновь описывает прошлогоднее путешествие с Ильфом на Кавказ. И здесь мы замечаем буквальное сходство с поведением Бендера в главе «Под облаками», где действие происходило в Дарьяльском ущелье: «Отец Федор не стал медлить. Повинуясь благодетельному инстинкту, он схватил концессионную колбасу и побежал прочь. <...> Остап засвистал и заулюлюкал: “Тю-у-у!” – кричал он, пускаясь вдогонку» ~ «“Улю-лю!” – радостно закричал я и сделал вид, что хочу за ними погнаться. <...> Ребята, нагнув головы и испуганно оглядываясь, помчались, как зайцы.

Милые, чудные ребята! Вы, неопытные путешественники, поступили так, как подсказал вам молодой здоровый инстинкт! Действуйте так отныне и вовеки!»¹¹⁴².

Сходства вполне очевидны: «Повинуясь благодетельному инстинкту» = «как подсказал вам молодой здоровый инстинкт»; «побежал прочь» = «помчались, как зайцы»; «заулюлюкал» = «Улю-лю!»; «кричал он» = «закричал я». Также конструкция «поступили так, как подсказал вам молодой здоровый инстинкт», имеющая в данном случае ироническую окраску, восходит к «Двенадцати стульям», где она носила позитивный характер: «И Остап поступил так, как подсказывали ему разум, здоровый инстинкт и создавшаяся ситуация» (глава «Вид на малахитовую лужу»).

Диалоги автора с Алешей Безбедновым в рассказе Петрова «Записная книжка»¹¹⁴³ стали своего рода прообразом разговоров Остапа с Шурой Балагановым в «Золотом теленке»: если Безбеднов «долго и уныло врал, что состоит кандидатом в члены коллегии защитников и что прием его в коллегию – вопрос двух-трех дней», то Балаганов так же «долго и уныло врал», что является сыном лейтенанта Шмидта.

Естественно, что оба страдают от безденежья:

1) Жил Безбеднов худо. То обстоятельство, что он вообще существовал еще на свете, можно было целиком и полностью приписать доброте писателей, которые его прикармливали и иногда давали немного карманных денег.

---

¹¹⁴⁰ Петров Е. Несантиментальное путешествие (*Записки отважного туриста*) // Петров Е. Невероятно, но...: Юмористические рассказы. М.: Гудок, 1928. С. 47 (Дешевая юмористич. илл. б-ка журнала «Смехач», № 15).

¹¹⁴¹ Там же. С. 43.

¹¹⁴² 30 дней. М.: ЗиФ, 1928. № 12. С. 75.

¹¹⁴³ Чудак. М., 1929. № 25. Июль. С. 7.

– Вот видите, – сказал я однажды, встретив его, тощего и печального, на бульваре, – видите, до чего вас довело безделье.

- 2) – Вы, конечно, стоите на краю финансовой пропасти? – спросил он Балаганова.
– Это вы насчет денег? <...> Денег у меня нет уже целую неделю.

А в «Золотом теленке» Балаганова «прикармливает» Остап – после того, как председатель Арбатовского исполкома дал ему восемь рублей и три талона на обед.

Поэтому Безбеднов и Балаганов обращаются за советом к автору и Остапу, а те пытаются вразумить их:

- 1) – *Что же мне делать?* – спросил он просто.
– Подумайте хорошенько. Пораскиньте мозгами. Времени у вас много. Не может быть, чтобы взрослый сильный человек не нашел при желании профессии по вкусу.

- 2) – *Так что же делать?* – забеспокоился Балаганов. – Как снискать хлеб насущный?
– Надо мыслить, – сурово ответил Остап. – Меня, например, кормят идеи.

Сходства наблюдаются и далее – после того, как Безбеднов разбогател, печатая в журнале «Северное сияние» отрывки из произведений русских классиков, выдавая их за неизвестные фрагменты записных книжек, а Балаганов в конторе «Рога и копыта» получил «пост уполномоченного по копытам с окладом в девяносто два рубля»:

- 1) – Свинья вы, Алеша, – ответил я, – самого бы вас за это на Сахалин. Знакомые одобряют.

- 2) – Ничего поручить нельзя. Купил машинку с турецким акцентом. Значит, я начальник отдела? Свинья вы, Шура, после этого!

А фельетон Петрова «Долина»¹¹⁴⁴ послужил основой сюжета в главе «Багдад». При этом Бендеру и Корейко, едущим на верблюдах, соответствуют писатель Полуотбояринов и его приятель Коля, которых отправили в командировку на автомобиле.

Обе пары направляются в Азию, надеясь отдохнуть от социалистической идеологии, но оказывается, что социализм добрался и до азиатских республик.

Полуотбояринов говорит Коле о предстоящих удовольствиях: «Республика, братец, хоть и маленькая, но какая! Сидишь ты, Коля, попиваешь вино, а в кабачке – дым коромыслом! Играют на разных инструментах и танцуют! <...> Мы проведем в этой микроскопической стране три дня. Но какие! <...> Девочки, Коля. Но какие! Поэма! Тысяча и одна ночь! Узорные шальвары и всё на свете!». А Остап обещает Корейко: «Я считаю первой своей обязанностью, – сказал Бендер хвастливо, – познакомить вас с волшебным погребком. Он называется “Под луной”. Я тут был лет пять тому назад, читал лекции о борьбе с абортами. Какой погребок! Полутьма, прохлада, хозяин из Тифлиса, местный оркестр, холодная водка, танцовщицы с бубнами и кимвалами. Закатимся туда на весь день» («в кабачке» = «погребок»; «Играют на разных инструментах» = «местный оркестр... с бубнами и кимвалами»; «танцуют» = «танцовщицы»; «проведем в этой микроскопической стране три дня» = «Закатимся туда на весь день»; «Девочки, Коля. Но какие!» = «Какой погребок!»).

Полуотбояринова и Колю встречают плакаты: «Добро пожаловать!» и «Привет тов. Полуотбояринову от местных литераторов». А на следующее утро к ним подходит местный гид и перечисляет программу обязательных посещений на три дня.

В похожем положении окажутся Остап и Корейко, вошедшие в «Городской музей изящных искусств» и столкнувшиеся там с заведующим музеем, который по их

---

¹¹⁴⁴ Чудак. М., 1929. № 11. Март. С. 6 – 7.

просьбе стал показывать им местные достопримечательности. При этом появление гидов описывается одинаково: «От толпы отделился худенький человечек в сапогах и в огромной кепке. Он подошел к автомобилю и, волнуясь, сказал на ломаном русском языке приветственную речь. <...> Ранним утром путешественников разбудил вежливый стук в дверь. Вошел давешний человечек в кепке» ~ «К посетителям тотчас же подошел юноша в ковровой бухарской тюбетейке на бритой голове и, волнуясь, как автор, спросил: “Ваши впечатления, товарищи?”» («худенький человечек... в огромной кепке» = «юноша в ковровой бухарской тюбетейке»; «и, волнуясь, сказал» = «и, волнуясь... спросил»; «Вошел» = «подошел»).

В обоих случаях гиды совершают с гостями поездку на бричке, и речь заходит о сносе местного базара: «Когда проезжали мимо шумного, кишашего людьми и пестрого, как туркестанский халат, базарчика, он сказал с отвращением: “Этой грязи скоро не будет. Вся эта часть города *будет скрыта до основания*. Здесь пройдет прямой, как стрела, проспект”» ~ «Остап отворачивался и говорил: “Какой чудный туземный базарчик! Багдад!”. – “Семнадцатого числа начнем сносить, – сказал молодой человек, – здесь будет больница и коопцентр”».

Также во время поездки гиды демонстрируют место будущего памятника: «Потом он показал голую площадь, на середине которой торчал, *окруженный деревянными перильцами, нелепый камень*.

– А здесь будет памятник. Кому памятник – еще не решено. Но будет» ~ «По дороге молодой человек неожиданно остановил возницу, высадил миллионеров, взял их за руки и, подымаясь от распивавшего его восторога на цыпочки, подвел к *маленькому камню, отгороженному решеточкой*.

– Здесь будет стоять обелиск! – сказал он значительно. – Колонна марксизма!».

Полуотбояринов спрашивает гида: «Скажите <...> а... как у вас насчет кабачков?.. Знаете, таких, в местном стиле... С музыкой...». И такой же вопрос задает Остап: «А как у вас с такими... с кабачками в азиатском роде, знаете, с тимпанами и флейтами? – нетерпеливо спросил великий комбинатор» (обратим внимание на буквальное лексическое совпадение: «а... как у вас насчет кабачков?» = «А как у вас... с кабачками»; «Знаете, таких, в местном стиле» = «с такими... в азиатском роде, знаете»; «С музыкой» = «с тимпанами и флейтами»). И оба получают одинаковый ответ: «О, их нам удалось изжить, – сказал человечек в кепке...» = «Изжили, – равнодушно ответил юноша...». Совпадает и реакция героев: «Что вы говорите! – с отчаянием воскликнул Полуотбояринов» = «Придушили? – ахнул Корейко». На это гиды тоже отвечают одинаково: «Честное комсомольское слово! – торжественно сказал человечек в кепке» = «Честное слово. Но зато открыта фабрика-кухня». После этого герои едут обедать: «Потом поехали в столовую» = «Едем на фабрику-кухню обедать». Далее речь заходит о новой филармонии, в которую категорически отказался ехать Полуотбояринов, после чего следует эмоциональная реакция гида: «Что же это? – восклицал человечек в кепке. – Ведь новая филармония. Вчера только организована». И ровно это же скажет гид Бендеру и Корейко: «Разве вы не знаете? – удивился заведующий музеем. – На прошлой неделе у нас открылась городская филармония». И, наконец, последний вопрос Полуотбояринова: «А... скажите, может быть, среди студенческой молодежи, того... какие-нибудь неувязки? Есенинщина? А? Не наблюдается? <...> Ну, такие, понимаете, семейные... Так сказать, половые...», – совпадает с вопросом Корейко: «А как кривая проституции? – с надеждой спросил Александр-Иванович». Но оба гида безжалостны: «А! Ну, этого у нас нет. Это московская проблема. Были единичные неувязки года два тому назад, это верно. Но мы их изжили в корне» = «Резко пошла на снижение, – ответил неумолимый молодой человек».

И Полуотбояринов, и Остап интересуются у гидов насчет наличия вина, но и на эти вопросы следуют неутешительные ответы: «“А... виноделие процветает?” – “Виноделие достигло довоенного уровня, – сказал человечек в кепке, – но это пустя-

ки. Мы не собираемся строить будущее нашей страны на виноделии. Но вот недавно мы открыли минеральный источник. Это да! Почтище нарзана будет! Разлив новой воды идет вперед гигантскими шагами!» <...> Путникам подали бутылку новой воды. Они грустно чокнулись» ~ «Остап осведомился насчет вина, но получил восторженный ответ, что недавно недалеко от города открыт источник минеральной воды, превосходящей своими вкусовыми данными прославленный нарзан. В доказательство была потребована бутылка новой воды и распита при гробовом молчании». Сравним: «виноделие процветает?» = «осведомился насчет вина»; «мы открыли минеральный источник» = «открыт источник минеральной воды»; «Почтище нарзана будет» = «превосходящей своими вкусовыми данными прославленный нарзан»; «Путникам подали бутылку новой воды» = «была потребована бутылка новой воды»; «Они грустно чокнулись» = «распита при гробовом молчании».

Приведем также пример одинаковой реакции Полуотбойринова и Остапа на слова их гидов: «Ой-ой-ой! – прошептал Полуотбойринов, закрывая глаза» = «Что делается! – воскликнул великий комбинатор, закрывая лицо руками». И в обоих случаях разочарованные герои сразу же покидают город: «...путники уехали в тот же вечер» = «Я на вокзал, – сказал Корейко, оставшись наедине с Бендером».

Еще одним источником главы «Багдад» послужили мемуары английского полковника Томаса Эдуарда Лоуренса-Аравийского (1888 – 1935), с гордостью носившего титул «эмир-динамит», которым его наградили пустынные бедуины: «Я стиснул ногами волосатые бока моего верблюда, он мерным шагом пересек рельсы и спустился по склону <...> Четвертый, столь же легкий переход привел нас к нашей цели – к Аtare, где стояли лагерем союзники – шейхи Мифлех, Фахад и Адуб»¹¹⁴⁵. Сравним в главе «Багдад», где упоминаются и шейхи, и путешествие на верблюдах по пустыне, и титул «эмир-динамит»: «Семь дней верблюды тащили через пустыню новоявленных шейхов. <...> Себя Остап называл полковником Лоуренсом.

– Я Эмир-динамит, – кричал он, покачиваясь на высоком хребте. – Если через два дня мы не получим приличной пищи, я взбунтую какие-нибудь племена. Честное слово! Назначу себя уполномоченным пророка и объявлю священную войну, джихад. Например, Дании. Зачем датчане замучили своего принца Гамлета? При современной политической обстановке даже Лига Наций удовлетворится таким поводом к войне. Ей-богу, куплю у англичан на миллион винтовок, они любят продавать огнестрельное оружие племенам, и марш-марш в Данию. Германия пропустит – в счет репараций. Представляете себе вторжение племен в Копенгаген? Впереди всех я на белом верблюде. Ах! Паниковского нет! Какой из него вышел бы прекрасный мародер. Ему бы датского гуся!...». При этом слова Остапа «...я взбунтую какие-нибудь племена. <...> Назначу себя уполномоченным пророка и объявлю священную войну, джихад» также имеют соответствие в мемуарах Лоуренса: «Ранее Хусейн никогда не бывал в положении отданного на милость турок; в данном же, весьма несчастливом случае они особенно нуждались в том, чтобы он примкнул к их джихаду, священной войне всех мусульман против христианства. <...> Между тем казалось, что в лице Шейсала, если только хватит сил, чтобы удержать его, мы имели пророка, который мог воплотить в жизнь идею восстания арабов» («взбунтую какие-нибудь племена» = «восстания арабов»; «Назначу себя уполномоченным пророка» = «в лице Шейсала <...> мы имели пророка»; «священную войну, джихад» = «джихаду, священной войне»).

Вместе с тем может показаться странным, что Остап, называющий себя сыном «турецкоподданного», сравнивает себя с полковником Лоуренсом, который воевал с турками. Но этот эпитет – не более чем условность, поскольку в «Золотом теленке» Остап возмущается и «машинкой с турецким акцентом», которую купил на рынке Балаганов (глава «Рога и копыта»). А в «Двенадцати стульях» он идентифицировал

---

¹¹⁴⁵ Лоуренс Т.Э. Восстание в пустыне: Воспоминания об англо-арабских операциях против Турции / Сокращенный перевод с английского Я.М. Черняка. М.: Моск. рабочий, 1929. 381 с.

себя с Наполеоном, разгромившим турецко-египетскую армию 21 июля 1798 года: «Битва при пирамидах или Бендер на охоте!» (глава «Под облаками»).

Помимо полковника Лоуренса, в главе «Овес и сено» Остап отождествляет себя с русским полковником, воевавшим с Наполеоном, а в более поздней версии того же эпизода – с самим Наполеоном! Вот как он ответил на вопрос монархиста Хворобьева: «Простите, вы не социалист? Не партиец? – Ну что вы! – добродушно сказал Остап. – Какой же я партиец? Я бонопартиец» («Великий комбинатор»), «Ну, что вы! – добродушно сказал Остап. – Какой же я партиец? Я беспартийный монархист. Слуга царю, отец солдатам» («Золотой теленок»). Термин *бонопартиец* является контаминацией слов «однопартиец» и «бонапартист», то есть сторонник Наполеона Бонапарта, а характеристика «Слуга царю, отец солдатам» отсылает к стихотворению Лермонтова «Бородино» (1837), где речь идет о битве с Наполеоном: «Полковник наш рожден был хватом: / Слуга царю, отец солдатам...». Такова двойная самоидентификация великого комбинатора.

Параллельно с работой над «Золотым теленком» Ильф и Петров пишут рассказ «Турист-единоличник»¹¹⁴⁶, где главный герой – фабзаяц Выполниев¹¹⁴⁷ – подвергается сатире. Но многие мотивы из этого рассказа перейдут в описание Остапа и предстанут в трагических тонах. Так, уже само название «*Турист-единоличник*» напоминает автохарактеристику Остапа после того, как он лишился Зоси Синицкой: «Увели девушку! – пробормотал он на улице. – Прямо из стойла увели. Фемиди! Немизиди! Представитель коллектива Фемиди увел у *единоличника-миллионера*...» (35-я глава).

Выполниев решает отделиться от своих коллег, отказываясь, несмотря на все их уговоры, ехать на экскурсию в Крым и слушать лекции у подножия горы Ай-Петри: «Не поеду, – сказал наконец Выполниев, – не люблю я этих массовых маршрутов. <...> Я – *вольная птица*». И так же характеризует себя Остап: «Еще три дня тому назад я был *свободный горный орел-стервятник*, трещал крыльями, где хотел, а теперь пожалуйте – явка обязательна!» (глава «Рога и копыта»). А оборот *не люблю я этих* уже знаком нам по рассказу Петрова «Нахал» (март 1927) и роману «Двенадцать стульев» (осень – зима 1927): «Ты, Ванька, брось бузить. Сам знаешь, что я *не люблю этих* фиглей-миглей», «Как я *не люблю*, – заметил Остап, – *этих* мешан, провинциальных простофиль!». Данный оборот встречается и в рассказе Петрова «Энтузиаст», где главный герой Иван Альбертович Наоборотко говорит рассказчику: «Впрочем, *не люблю я этих* имен и отчеств. Подхалимством отдает»¹¹⁴⁸. Еще одно сходство между Остапом образца «Двенадцати стульев» и Наоборотко обнаруживается в их демагогических восклицаниях: «Шахматы! – говорил Остап. – Знаете ли вы, что такое шахматы?» ~ «Химия! – говорил Наоборотко. <...> – Нет, вы не знаете, что такое химия!». Сравним также следующие конструкции: «Знаете ли вы, что такое шахматы? Они двигают вперед не только культуру, но и экономику!» ~ «Известно ли вам, что без химии, чорт распробери, не может обойтись ни одно производство!»¹¹⁴⁹. Но подобно тому, как созданный на словах Остапа «тридцатитрехэтажный дворец шахматной мысли» рухнул после его побега с сеанса одновременной игры, так и фраза Наоборотко: «Сейчас мы заняты проектированием замечательного химического завода», – оказалась пшиком, поскольку через неделю он ушел из химсиндиката в НКПС¹¹⁵⁰, с кото-

¹¹⁴⁶ Толстоевский Ф. Турист-единоличник // Огонек. М., 1930. 20 июня. № 17. С. 9.

¹¹⁴⁷ Сокращение «фабзаяц» означает «учащийся фабрично-заводского училища».

¹¹⁴⁸ Чудак. М., 1929. № 50. Дек. С. 3.

¹¹⁴⁹ Сюда примыкает удивленная реакция Воробьянинова на слова Остапа и автора на слова Наоборотко: «“Вы разве медик?” – рассеянно спросил Воробьянинов. – “Я буду медиком”» (глава «Общежитие имени монаха Бертольда Шварца») ~ «“А вы разве химик? – спросил я. – Мне казалось...”». – “Нет. По образованию я горняк, но служу в Химсиндикате”». Еще одна подобная переключка: «Жизнь! – сказал Остап. – Жертва! Что вы знаете о жизни и о жертвах?» ~ «Торф, торф! Знаете ли вы, что такое торф?».

¹¹⁵⁰ Народный комиссариат путей сообщения.

рым связана следующая переключка в речах обоих персонажей: «НКПС построит железнодорожную магистраль Москва – Васюки» ~ «Я перешел в НКПС. <...> Я и сейчас проектирую. Постройку Убаго-Свидригайловской ветки» (впрочем, и Остап работал в НКПС, о чем рассказал Воробьянинову в главе «Общежитие имени монаха Бертольда Шварца»: «Работал я и в этом дворце, – сказал Остап, – он, кстати, не дворец, а НКПС. Там служащие, вероятно, до сих пор носят эмалевые нагрудные знаки, которые я изобрел и распространил»).

Из НКПС Наоборотко перешел в Торфопром; затем – в Древлестрест; из Древлестреста – в трест цветных металлов; а оттуда уже – на должность директора театра. Такая же частая смена видов деятельности характерна и для Остапа, который представляется то гроссмейстером, то художником, то инспектором пожарной охраны, но не является ни тем, ни другим, ни третьим. Вместе с тем оба – хорошие демагоги и могут создать видимость профессионального владения темой (шахматами и театром): «Остап <...> взошел на эстраду. “Товарищи! – сказал он прекрасным голосом. – Товарищи и братья по шахматам...”» ~ «Свет погас. Дали рампу. Перед занавесом появился Наоборотко. “Товарищи! – сказал он звучным голосом. – Театр – великая вещь!”». Причем если «гроссмейстер был встречен рукоплесканиями», то речь Наоборотко прерывается овацией: «Гром аплодисментов покрыл речь нового директора».

Теперь вернемся к рассказу «Турист-единоличник» (1930), где Выполняев решает стать пешеходом и проделать путь из Пскова во Владивосток и обратно, но в итоге отказывается от этой идеи, поскольку «пешеход, покинувший исходный пункт своего путешествия молодым, является к пешеходному финишу потрепанным старичком. <...> Жизнь оказывается прожита довольно глупо...». Эта авторская фраза вызывает в памяти переживания Остапа: «А может быть, я дурак и ничего не понимаю, и жизнь прошла глупо, бессистемно?» («Золотой теленок»; глава «Индийский гость»).

Поразмыслив, Выполняев решает поехать в Крым один, и тут выясняется, что «к концу дня, когда Выполняев почти добрался до решетчатого окошечка кассы, стоявший впереди него организатор коллективной поездки с горячими завтраками в Крым взял сразу тридцать восемь билетов. Билетов больше не было.

– А индивидуальные туристы? – спросил Выполняев с дрожью в голосе.

Но кассир, как видно, не оценил глубоко индивидуальных свойств фабзайца Выполняева и порекомендовал ему прийти на другой день.

Выехал он на сутки позже своего коллективного соперника».

С таким же отношением к «индивидуальным туристам» столкнется и Остап в главе «Индийский гость»:

– Вы частное лицо? – спросили миллионера в конторе.

– Да, – ответил Остап, – резко выраженная индивидуальность.

– К сожалению, строим только для коллективов и организаций.

– Кооперативных, общественных и хозяйственных? – спросил Бендер с горечью.

– Да, для них.

– А я?

– А вы стройте сами.

Оба героя не могут снять номер в гостиницах Ялты и Ленинграда, так как всё уже занято коллективами:

1) Поотошав в пути, одиноличник прибыл к подножью ялтинской гостиницы «Девятый вал».

– Дайте-ка номерок подешевле, – сказал Выполняев, тяжело дыша.

– Подешевле не будет, – ответили ему.

– Ну что ж, давайте подороже.

– А где их взять? И дешевые и дорогие – все экскурсанты заняли. По заявкам.

2) В первом же городе, в который Остап въехал с чувствами завоевателя, он не сумел достать номера в гостинице.

– Я заплачу сколько угодно! – высокомерно сказал великий комбинатор.

– Ничего не выйдет, гражданин, – отвечал портье, – конгресс почвоведов приехал в полном составе осматривать опытную станцию. Забронировано за представителями науки.

Заметив экскурсантов, бегавших в коридорах гостиницы, Выполниев реагирует так: «Стадо! – презрительно пробормотал Выполниев, кривя рот. – Ездят по избитым маршрутам и только номера занимают». В романе «Великий комбинатор» этому соответствует фраза Остапа, обращенная к Балаганову: «Нет ничего печальнее хождения по дорожке, проторенной стадом бизонов» (глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»).

В итоге у Выполниева возникает желание сдаться: «Возьмите меня с собой! – хотел крикнуть Выполниев. – Я погибаю здесь один. Меня никто не уважает. Со мной никто не хочет говорить. Я одинок и грязен. Спасите меня!». Данная цитата представляет собой квинэссенцию поведения Паниковского: «Спасите! – закричал Паниковский, когда “Антилопа” с ним поровнялась. <...> Возьмите меня! – вопил Паниковский из последних сил, держась рядом с машиной. – Я хороший», «Отдайте мне мои деньги, – шепелявил он, – я совсем бедный. Я год не был в бане. Я старый. Меня девушки не любят. <...> Меня никто не любит, – продолжал Паниковский, содрогаясь».

На первый раз Выполниев удержался от своей просьбы о спасении, которую Ильф и Петров называют «здоровым чувством самокритики», однако, услышав «веселые звуки культахорова, единоличник Выполниев не выдержал.

Он взобрался на скалу, *пал на колени* и, глухо рыдая, произнес:

– Простите меня. Примите меня. У меня осталось тридцать рублей. Я вношу их в общий фонд. Я не могу больше жить без общества».

Здесь герой смешон, поскольку ведет себя раболепно, так же как Паниковский который «так поспешно *опустился на колени*, словно ему подрубили ноги» (глава «Антилопа-Гну»), и как Федор Востриков в «Двенадцати стульях»: «Отец Федор не выдержал муки преследования и полез на совершенно отвесную скалу. <...> “Я отдам колбасу! – закричал отец Федор. – Снимите меня!”» = «Он взобрался на скалу, пал на колени и, глухо рыдая, произнес: “Простите меня. Примите меня. У меня осталось тридцать рублей. Я вношу их в общий фонд. Я не могу больше жить без общества”» («полез на совершенно отвесную скалу» = «взобрался на скалу»; «Я отдам колбасу» = «Я вношу их в общий фонд»; «Снимите меня» = «Примите меня»).

Остап же, хотя и обращается к Козлевичу с просьбой «Примите меня», но делает это, сохраняя человеческое достоинство, и читатель уже не смеется над ним, а сочувствует: «Мы нищие, Адам! Примите нас! Мы погибаем» (глава «Сердце шофера»). Надо сказать, что у Остапа в какой-то момент тоже возникло желание «внести в общий фонд» свой миллион, для чего он и отправил его наркому финансов, но после неудачи с Зосей Синицкой стал ругать себя за малодушие, воспринимая свой поступок как минутную слабость: «Бессребреник, с-сукин сын! Менонит проклятый, адвентист седьмого дня! Дурак! Если они уже отправили посылку – повешусь! Убивать надо таких толстовцев!».

На просьбу Выполниева коллектив реагирует положительно: «Его простили, и уже на другой день он носился в тигровых трусиках вместе с прочими по пляжу, оглашая чистый крымский воздух радостными криками». Данная картина завершает сатирический образ героя.

Как видим, в «Туристе-единоличнике» и «Золотом теленке» разрабатывается одна и та же тема – противопоставление личностью себя коллективу, – но с разных ракурсов: если Выполниев, сочетающий в себе окарикатуренные черты Остапа с унижительным поведением Паниковского (а также отца Федора), не выдерживает одиночества и умоляет сослуживцев простить его и принять обратно в коллектив, то вели-

кий комбинатор постоянно ощущает свое несродство с советской толпой, быть частью которой он и не может, и не хочет. Поэтому он является трагической фигурой. Кроме того, Остап называет себя «резко выраженной индивидуальностью», а при социализме индивидуальность нивелировалась, и подчеркивалась роль коллектива. В этом и заключается одна из причин конфликта Остапа с советским обществом.

22 июня 1927 года Ильф телеграфирует жене в Одессу:

БУДУ СУББОТУ ПАРАХОДОМ ПЕСТЕЛ
СООБЩИ ПАПЕ = ИЛЯ¹¹⁵¹

На пароходе «Пестель» через два с половиной месяца поплывут Бендер и Воробьянинов: «Остап сразу взялся за дело. Были куплены билеты в Батум и заказаны места во втором классе парохода “Пестель”, который отходил из Батума на Одессу 7 сентября в 23 часа по московскому времени.

В ночь с десятого на одиннадцатое сентября, когда “Пестель”, не заходя в Анапу из-за шторма, повернул в открытое море и взял курс прямо на Ялту, Ипполиту Матвеевичу, блевавшему весь день и только теперь заснувшему, приснился сон» («Двенадцать стульев»; глава «Землетрясение»).

Во время остановки «Пестеля» в Симеизе (Крым), Ильф сделал такую запись: «Синее море – и я на берегу в белых штанах»¹¹⁵². Именно об этом будет мечтать Остап, рассказывая Балаганову про Рио-де-Жанейро: «Полтора миллиона человек, и все поголовно в белых штанах. Я хочу отсюда уехать» («Золотой теленок»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»). А на следующей странице записной книжки, над рекламой одесской пивоваренной фирмы, Ильф записывает: «Пите пиво Тип-Топ»¹¹⁵³, – что отсылает к тому же разговору Остапа с Балагановым: «Советского миллионера не может найти даже Наркомфин с его сверхмощным налоговым аппаратом. А миллионер, может быть, сидит сейчас в этом так называемом летнем саду за соседним столиком и пьет сорокакопеечное пиво “Тип-Топ”».

23 июля 1925 года, выехав из Москвы в Нижний Новгород, Ильф записывает: «Поезд проходит бревенчатый Рогожский район и погружается в ночь. Тепло и темно, как между ладонями»¹¹⁵⁴. Подчеркнутое сравнение пять лет спустя встретится в рассказе Ильфа «Для моего сердца» (1930): «Летним вечером в московском переулке тепло и темно, как между ладонями»¹¹⁵⁵; и в том же году – в «Золотом теленке», при описании ночлега Васисуалия Лоханкина в квартире Птибурдуковых: «Окно закрыли, потушили свет, и в комнате стало тепло и темно, как между ладонями» (глава «Конец “Вороньей слободки”»); а также беседы Остапа и Зоси: «Долго и молча сидели они в черной тени музейных колонн, думая о своем маленьком счастье. Было тепло и темно, как между ладонями» (глава «Погода благоприятствовала любви»).

Аналогичная история связана с другим сравнением: «Однажды, стоя у окна своей комнаты в Чернышевском переулке, – вспоминает Арон Эрлих, – Ильф долго провожал взглядом девушку в короткой, по тогдашней моде, юбке.

– Смотри, у нее ноги в шелковых чулках, твердые и блестящие, как кегли, – сказал он.

В “Двенадцати стульях” мы находим эту фразу: “молоденькая девушка с ногами твердыми и блестящими, как кегли”»¹¹⁵⁶ (глава «В театре Колумба»).

¹¹⁵¹ Илья Ильф. Письма не только о любви / Сост. А.И. Ильф. М.: АСТ: Зебра Е, 2008. С. 141.

¹¹⁵² Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 103.

¹¹⁵³ Там же. С. 104.

¹¹⁵⁴ Там же. С. 34.

¹¹⁵⁵ Ильф И.А. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 297.

¹¹⁵⁶ Эрлих А. Начало пути // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 128.

С 23 по 29 июля 1925 года Ильф совершил поездку по Волге на тиражном пароходе «Герцен»¹¹⁵⁷ (поездка продолжалась и в августе, но записная книжка Ильфа за этот месяц утеряна). А в июне 1927-го на тиражном пароходе «Скрябин» по Волге поплывут Бендер и Воробьянинов: «Миновали Мариинский Посад, Казань, Тетюши, Ульяновск, Сенгилей, село Новодевичье...» (глава «И др.»). Причем в записи Ильфа за 29.07.1925 имеется описание и Казани, и Тетюшей, и Сенгилея: «**Казань.** Луна над лесным гребнем. <...> **Тетюши.** Лесенка в 840 ступенек. Зеленый и розовый берег. <...> **Сенгилей.** К маленькой пристани бегут в розовых рубашках дети, и медленно идут из-за зеленой рощи взрослые»¹¹⁵⁸. Что же касается города Васюки, где Остап даст сеанс одновременной игры в шахматы, то он является эвфемизмом города Ветлуга, который расположен в верхнем течении одноименного притока Волги¹¹⁵⁹. Но вместе с тем «характерные особенности Козьмодемьянска (“правый высокий берег”, лестница на пристань в 400 ступеней) подтверждают “козьмодемьянское” происхождение Васюков (у Ильфа в записной книжке: “Козьмодемьянск стоит на высоченном горном берегу”, есть и фотография)»¹¹⁶⁰. Кстати, в главе «Нечистая пара» Козьмодемьянск и Васюки упомянуты друг за другом: «Разгневанный корреспондент пошел к капитану справляться о ближайшей остановке. “Сначала Юрино, – сказал капитан, – потом Козьмодемьянск, потом Васюки, Мариинский посад, Козловка. Потом Казань. Идем по расписанию тиражной комиссии”». Юрино же фигурирует в записи Ильфа от 27.07.1925: «**Юрино.** Труба зовет из села. С лесного берега пришли черемисы. Замок Шереметьева. Кирпичная безвкусица. Теперь рабклуб с надписями. На левой груди мраморн[ой] статуи химическим карандашом выведено “Буфер”».

Козьмодемьянск стоит на высоченном горном берегу»¹¹⁶¹. А Мариинский посад возникает в записи от 29 июля: «Марийский посад Чувашской области...»¹¹⁶².

Стоит отметить еще два сходства между записью Ильфа от 26.07.1925 и главой «Нечистая пара»: «**Бармино.** Толпа на берегу»¹¹⁶³ = «В половине десятого на берег сошел духовой оркестр и принялся выдувать горячительные марши. На звуки музыки со всего Бармина сбежались дети, а за ними из яблоневых садов двинули мужики и бабы. Оркестр гремел до тех пор, покуда на берег не сошли члены тиражной комиссии. На берегу начался митинг»; «На тираже читают номера, пред[седатель], РКИ и апостол-крестьянин»¹¹⁶⁴ = «“Прошу представителя РКИ, – сказал председатель комиссии, – осмотреть печати, наложенные на тиражную машину».

Представитель РКИ нагнулся, осторожно потрогал печати рукой и заявил: “Печати в полном порядке”. <...> “Выиграла облигация номер 0703418 во всех пяти сериях”» («На тираже читают номера» = «тиражную... Выиграла облигация номер 0703418»; «председатель, РКИ» = «РКИ... председатель»). РКИ – это Рабоче-крестья-

---

¹¹⁵⁷ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 34 – 41.

¹¹⁵⁸ Там же. С. 39, 41.

¹¹⁵⁹ См. «путеводитель по Волге, издания 1926 года», который читает Остап в главе «Изгнание из рая»: Поволожье: природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой. Л.: Издание Волжского государственного пароходства и транспечати НКПС, 1925. С. 411 – 412. Известен интерес Ильфа к подобной литературе: «Ильф всегда интересовался справочниками, каталогами, проспектами: он мог, например, с увлечением знакомиться со списком снаряжения, какое взял на Северный полюс Седов, или запоминать названия судов, курсирующих между Ливерпулем и Нью-Йорком, интересуясь всеми подробностями: каково водоизмещение этих судов, какие на них установлены двигатели, каково внутреннее оборудование кораблей и т.д. А вдруг всё это понадобится!» (Эрлих А. Нас учила жизнь: Литературные воспоминания. М.: Сов. писатель, 1960. С. 137).

¹¹⁶⁰ Ильф А. «Муза дальних странствий», или Погоня за бриллиантами // Дерибасовская-Ришельевская: Литературно-художественный альманах. Одесса, 2013. № 3 (54). С. 224.

¹¹⁶¹ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 36.

¹¹⁶² Там же. С. 38.

¹¹⁶³ Там же. С. 36.

¹¹⁶⁴ Там же. С. 36.

нская инспекция. Впрочем, события на пароходе «Скрябин», прибывшем в Бармино: «Представитель РКИ нагнулся, осторожно потрогал печати рукой...», – еще больше напоминают запись Ильфа от 29.07.1925, где описано прибытие парохода «Герцен» в Мариинский посад: «Прошу представителя РКИ снять печать»¹¹⁶⁵.

Надо сказать, что почти вся запись Ильфа от 29.07.1925 перешла в его заметку «Тиражом к деревне», посвященную розыгрышу облигаций государственного займа на тиражном пароходе «Герцен»:

Всю дорогу от Нижнего вниз по реке навстречу «Герцену» с музыкой и флагами выходили города и села.

И когда тиражный пароход пришвартовался к пристани Сентер-Вурринчи (Мариинский посад), Чувашской республики, на палубу «Герцена» тоже хлынули крестьянские толпы.

Идут с веселой серьезностью, зазывая с собой всех отставших.

– Бабка, чего на пароход нейдешь.

– Старая я.

– Иди, иди, чего здесь увидишь, то на том свете за красненькую не покажут¹¹⁶⁶.

– Не пустят меня. Петух у меня на руках.

– Лезь. Всех пускают. Пропустите, граждане, девицу с петушком.

Шестидесятилетняя «девица» переходит сходни под дружный смех толпы.

Уж полно в тиражном зале, тесно заставлена людьми выставка Наркомфина, а знамена и толпы все еще стекаются к пристани.

Заседание открывается.

– Прошу представителя РКИ снять печати с тиражной машины. Начальника караула прошу снять караул. Зал прошу выделить двух ребят для вынимания номеров из колес.

Ребята сначала смущаются. Их подталкивают.

<...>

К столу, где бесплатно дают справки по сберегательным кассам, подходит молодая еще женщина.

– Если деньги на книжку положу, можно так сделать, чтоб муж не узнал?

– Никто знать не узнает. Вкладчику обеспечивается полнейшая тайна.

И чувашка обрадованно говорит:

– То-то. Муж у меня пьяница. Копейки от него в доме не спрячешь. Так я на книжку.

Представитель госстраха тесно обложен людьми. Меж взрослыми топчется и паренек лет 13, не больше.

Все хочет спросить что-то, не решается. Наконец, наклонившись к уху госстраховца, шопотом почти говорит:

– Лошадь на 10 рублей штрафовать можно?

– На 10 нельзя, на 25 можно. В год полтора рубля стоит страховка¹¹⁶⁷.

А теперь процитируем записную книжку Ильфа за июль 1925 года, чтобы убедиться в идентичности материала:

29/VII. Марийский посад Чувашской области в Сентер-Вурринчи.

---

¹¹⁶⁵ Там же. С. 38.

¹¹⁶⁶ «Красненькая» – это десятирублевая ассигнация.

¹¹⁶⁷ Тиражом к деревне [без подписи] // Известия. Саратов, 1925. 6 авг. № 178. С. 2. Данная заметка была впервые фрагментарно опубликована и исследована в книге: *Донецкий Б.Н.* По саратовским следам «Золотого теленка»: Литературно-краеведческое расследование. Саратов: Приволжское изд-во, 2019. С. 64 – 66. В том же номере «Известий» г. Саратова от 06.08.1925 был помещен анонс Б. Найхина «“Герцен” идет в Саратов»: «Забегаая в попутные села, “Герцен” направляется в Саратов и 7 утром будет у пристани. Надо полагать, что интерес рабочих и крестьян Саратовской губернии будет не меньше, чем он был в других пунктах, посещенных “Герценом”». А два дня спустя в этой газете под общей шапкой «“Герцен” в Саратове» был опубликован подробный отчет, содержащий три материала: «Даешь выигрыш!», «На Агитпароходе “Герцен”», «Почему тираж крестьянского займа происходит на пароходе “Герцен” (Из беседы с представителем НКФ г. Булгаковым)» (Известия. Саратов, 1925. 8 авг. № 179. С. 2). НКФ – это Народный комиссариат финансов (Наркомфин).

– На том свете за красненькую не увидишь, что тебе здесь покажут! – уговаривают старушку.

– Почитай, как тираж происходит, – древней, во всем черном старушке.

Прошу представителя РКИ снять печать. Начальника караула прошу снять караул.

Печати сняты, объявили заседание открытым.

Уже тесно, уже некуда девать наплывающих бородачей, но знамена все рвутся к «Герцену».

<...>

Лошадь если застраховать на 10 р. Мальчик. 10 нельзя, за 25. Платить 7 р. 50 к.

<...>

Приходит барышня, спрашивает, нельзя ли вклады класть тайно от мужа, он пьет и курит¹¹⁶⁸.

Помимо очевидных совпадений, подтверждающих авторство Ильфа, стоит еще обратить внимание, что слова из газетной заметки: «Пропустите, граждане, девицу с петушком». Шестидесятилетняя “девица” переходит *сходни* под дружный смех толпы», – будут реализованы при описании посадки Воробьянинова на пароход «Скрябин»: «“Сейчас *сходни* снимают! Бегите скорей! Пропустите этого гражданина! Вот пропуск!”. Ипполит Матвеевич, почти плача, взбежал на пароход». При этом 60-летней старушке, названной *девицей*, соответствует 52-летний Воробьянинов, которого Остап называет *мальчиком* («...со мною еще мальчик-ассистент»).

По словам Александры Ильф, один из рассказов ее отца (1928) послужил основой для ряда эпизодов «Золотого теленка»: «Например, в незаконченном (вернее, едва начатом) рассказе “Николай Галахов вернулся домой...” обнаруживаются и знаменитый аншлаг “Штанов нет”, и “водосточные трубы, осыпанные холодными цинковыми звездами” (в романе – “у водосточного желоба, осыпанного цинковыми звездами...”), и упоминание о Шепетовке – железнодорожной станции на границе с Польшей (в романе: “И вообще последний город – это Шепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана”))¹¹⁶⁹. Впрочем, уже в фельетоне Ильфа «Как погиб Чебыкин» (1927) действие происходило в Шепетовке¹¹⁷⁰. А в его записной книжке за июнь – июль 1930 года читаем: «Может быть, что всё это выдумали газеты, и последний город – это Шепетовка, о берега которой разбиваются волны Атлантического океана. В конце концов, за граница – это миф о загробной жизни. Кто туда попадет – не возвращается назад»¹¹⁷¹. В устах Остапа эти фразы прозвучат так: «Все это выдумка, нет никакого Рио-де-Жанейро, и Америки нет, и Европы нет, ничего нет. И вообще последний город – это Шепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана. <...> Мне один доктор все объяснил, – продолжал Остап, – за граница – это миф о загробной жизни. Кто туда попадет, тот не возвращается»¹¹⁷².

Реакция же Николая Галахова на вывеску «Штанов нет» совпадает с реакцией Остапа на такую же надпись в городе Лучанске (Луганске): «Безумные, срывающиеся струи дождя взбрызнули мостовую, смочили бумажный аншлаг “Штанов нет”, приклеенный к витрине швейного магазина. <...> Минувя магазин, он с отвращением и недовольством прочел извещение об отсутствии штанов на прилавках госторговли» ~ «Магазин “Платье мужское, дамское и детское” помещался под огромной вывеской,

¹¹⁶⁸ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 38.

¹¹⁶⁹ Ильф А.И. Ильф до Ильфа и Петрова // Вопросы литературы. 2004. № 1 (янв. – февр.). С. 272.

¹¹⁷⁰ Этот фельетон был опубликован весной 1927 года: Смехач. М., 1927. № 13. Апр. С. 8.

¹¹⁷¹ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 294.

¹¹⁷² Ср. в рассказе Н. Тэффи «Сырье» (1920), где действие происходит в Париже: «Говорят: “Помните – я писал... Помните – я говорил...”». Вспоминают о своей живой жизни в здешней загробной» (впервые: Последние новости [газ.]. Париж, 1920. 11 июля. № 65. С. 2).

занимавшей весь двухэтажный дом. <...> Все это великолепие разбивалось о маленькую бумажку, прилепленную к входной двери магазина: ШТАНОВ НЕТ.

– Фу, как грубо, – сказал Остап, входя, – сразу видно, что провинция» (сравним: «бумажный... Штанов нет» = «бумажку... ШТАНОВ НЕТ»; «с отвращением и недовольством» = «Фу, как грубо»). Впервые же надпись «Штанов нет» появилась в записной книжке Ильфа за май – октябрь 1928 года: «Надпись на магазинном стекле в узкой железной раме – “Штанов нет”»¹¹⁷³. А реплика Остапа «Фу, как грубо» вкупе с его фразой «Нет расчета грабить коллектив» отсылают к рассказу Ильфа «Принцметалл» (1924), где заглавный герой говорит автору: «Что, по-вашему, думает эта дуреха в обезьяньем меху? <...> Она живет с того, что ее муж грабит какое-то учреждение. Как это грубо! Через месяц ее муж получит свой кусок “строгой изоляции”, а она сама станет такая же обезьяна, как ее мех. Зачем красть, когда можно заработать».

На хранящейся в РГАЛИ папке с первыми восьмью главами романа «Великий комбинатор» указаны крайние даты: с 2 по 23 августа 1929 года¹¹⁷⁴. Но как такое может быть, если авторы, как принято считать, посетили Ярославль (и познакомились с прототипом Адама Козлевича) лишь в сентябре этого года?¹¹⁷⁵ Выясняется, что на самом деле они приезжали туда в первой половине июля:

В субботу, проездом в Нижний, – в Ярославле были сотрудники сатирического журнала «Чудак» – писатели Евг. Петров и И. Ильф (авторы романа «Двенадцать стульев») и художник-карикатурист К. Ротов. «Чудаки» осмотрели город и вечером на пароходе уехали в Нижний. Цель приезда – сбор материалов на местные темы¹¹⁷⁶.

Учитывая, что 16 июля 1929 года – это вторник, легко установить, что суббота приходилась на 13-е число. Именно тогда соавторы и приезжали в Ярославль.

Впервые вышеприведенную заметку процитировал Александр Юрьев: «...И. Ильф и Е. Петров в июле были в редакции “Северного рабочего” и познакомились с сотрудниками ярославской газеты, а художник “Комсомольской правды” Константин Ротов уже был хорошо знаком с карикатуристом “Северного рабочего” Францем Весели. “Редакция газеты. ... Застенчивые художники. Бывший чех и художник-зарисовщик, длинноногий русский интеллигент”, “Кофман. Его комната. И пение из окон пед(агогического) техникума”¹¹⁷⁷. <...> Г. Кофман в качестве литературного критика представляет на “Литературной странице” газеты романы и повести местных авторов; в рубрике “Театр и кино” представляет обзор фильмов в кинотеатрах Ярославля, рассказывает о театральных спектаклях»¹¹⁷⁸.

Именно там, в Ярославле, 13 июля 1929 года Ильф и Петров познакомились с владельцем первого частного такси, чешским подданным и жителем Ярославля Иосифом (Осипом) Карловичем Сагассером – прототипом Адама Казимировича Козлевича¹¹⁷⁹ (если Сагассер – чех, то Козлевич – поляк). Поэтому Ильф записывает:

¹¹⁷³ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 181.

¹¹⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 36.

¹¹⁷⁵ См., например, реплику Александры Ильф: «“Звездный пробег” “Чудака” (командировка Ильфа и Петрова в Ярославль) состоялся в сентябре 1929 года» (Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 247).

¹¹⁷⁶ «Чудаки» в Ярославле // Северный рабочий (Ярославль). 1929. 16 июля. С. 4. Выражаю благодарность ярославскому историку Александру Юрьеву, приславшему мне полный текст этой заметки.

¹¹⁷⁷ Ильф И.А. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 237.

¹¹⁷⁸ Юрьев А.М. Эпизоды повседневной жизни ярославцев 1920-х годов глазами И. Ильфа и Е. Петрова // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. № 3. С. 279 – 280.

¹¹⁷⁹ «На пожелтевших листах архивного уголовного дела НКВД, датируемого январем 1938 года, раскрывается трагическая история владельца первого в Ярославле частного автопроката, или, как он именуется в деле, “легкового извозчика” Иосифа Сагассера» (Батуева Е. По следам «Антилопы Гну»: В архивах ФСБ обнаружены дела прототипов «Золотого теленка», 17.01.2012 // <http://www.yaroslavl.fsb.ru/smi/gnu.html>; <http://blog.i.ua/user/1887606/890539/>).

Шофер Сагассер.
Чуть суд – призывали Сагассера – он возил всех развращенных, других шоферов не было.

Шофер блуждал на своей машине в поисках потребителя¹¹⁸⁰.

Фраза про «развращенных» прямо перейдет в текст «Золотого теленка»: «По-видимому, арбатовцы не представляли себе, как это можно пользоваться автомобилем в трезвом виде, и считали авто-телегу Козлевича гнездом разврата, где обязательно нужно вести себя разухабисто, издавать непотребные крики и вообще прожигать жизнь» (глава «Бензин ваш – идеи наши»). А далее в романе встречается реализация слов «Чуть суд – призывали Сагассера»: «Начались судебные процессы. И в каждом из них главным свидетелем обвинения выступал Адам Казимирович». Добавим, что в так называемых «Аттракционах» – тезисно изложенных сюжетах романа – под номером 40 рукой Петрова записано: «Ярославский шофер»¹¹⁸¹.

Вскоре после трех записей про Сагассера следует такая: «Чем занимаются в Ярославле – церкви и сберкассы»¹¹⁸². Это можно сравнить с очерком Ильфа и Петрова «Ярославль перед штурмом»: «...Ярославль богат церквями, старинными и нестаринными, красивыми и уродливыми, большими и малыми. <...> Говоря кратко, в каком бы месте Ярославля вы ни остановились и в какую бы сторону ни посмотрели, вы увидите сразу не меньше 138 церквей. <...> Церковные главы, синие, желтые и зеленые, главы чешуйчатые, пупыристые, золотые и серебряные прут отовсюду»¹¹⁸³. Поэтому и председатель арбатовского исполкома говорит Бендеру, который представился сыном лейтенанта Шмидта: «Церкви у нас замечательные. Тут уже из Главнауки приезжали, собираются реставрировать». На одну из этих церквей уже обратил внимание Остап: «У белых башенных ворот провинциального кремля две суровые старухи разговаривали по-французски, жаловались на советскую власть и вспоминали любимых дочерей. Из церковного подвала несло холодом, бил оттуда кислый винный запах. Там, как видно, хранился картофель.

– Храм спаса на картошке, – негромко сказал пешеход».

Согласно комментарию Александра Юрьева, «на страницах “Северного рабочего” в ноябре 1928 г. была описана скандальная ситуация. ЦРК¹¹⁸⁴ заложил на хранение в подвал дома № 22 на Советской площади 80 тонн непросушенного картофеля, который быстро начал гнить, распространяя на всю площадь кислый запах. Этому событию был посвящен фельетон “Дым без огня или история с гнилой картошкой” и последующее обращение редакции газеты к руководству горисполкома¹¹⁸⁵. Автор фельетона умолчал об одной детали: дом № 22 – это церковь Ильи Пророка на центральной площади Ярославля, в которой в те годы уже располагался музей»¹¹⁸⁶.

Таким образом, Ярославль стал прототипом Арбатова в «Золотом теленке», но нельзя пройти и мимо фонетического сходства «Арбатов – Саратов», поскольку «на Сухаревской конференции детей лейтенанта Шмидта Паниковскому “досталась” республика немцев Поволжья, к которой примыкал “золотой Арбатовский участок”. Столицей республики немцев Поволжья был город Энгельс, расположенный напротив

¹¹⁸⁰ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 238.

¹¹⁸¹ Планы и наброски к «Великому комбинатору» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок (авторская редакция) / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2016. С. 372.

¹¹⁸² Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 238.

¹¹⁸³ Чудак. М., 1929. № 37. Сент. С. 9.

¹¹⁸⁴ Ярославский Центральный рабочий кооператив «Единение – сила».

¹¹⁸⁵ Северный рабочий (Ярославль). 1928. 22 ноября (№ 271). С. 5.

¹¹⁸⁶ Юрьев А.М. Конец НЭПа в общепите и торговле Ярославля глазами И. Ильфа, Е. Петрова и журналов газеты «Северный рабочий» (доклад на XVII Тихомировских научных краеведческих чтениях в Ярославском музее-заповеднике, 19.11.2019) // XVII Тихомировские краеведческие чтения: 2019 – Год театра в России: материалы научной конференции. Ярославль, 2021. С. 102.

Саратова»¹¹⁸⁷; «Республика немцев Поволжья, став самостоятельным образованием, находилась в окружении саратовских земель, а ее бывшая столица – город Покровск (с 1931 года – Энгельс) до сих пор стоит на левом берегу Волги, прямо напротив Саратова. Города разделяет только Волга, и угроза Паниковского “перейти границу” сводилась к переправе через “пограничную” реку на пароме, который ходил регулярно, как трамвай»¹¹⁸⁸. Между тем в романе прямо сказано про детей лейтенанта Шмидта: «Никто не хотел брать университетских центров». Саратов же как раз был одним из университетских городов, в отличие от Ярославля (единственный на весь город Ярославский государственный университет был закрыт в 1924 году в связи с нехваткой финансирования и заново открыт лишь в 1970-м). Поэтому и сказано, что Балаганову «достался золотой Арбатский участок», то есть легкий для обмана из-за отсутствия людей с высшим образованием. Другими словами – Ярославль. А выбор для него псевдонима «Арбатов» объясняет запись Ильфа, сделанная в июле 1929 года: «Узнавание Москвы в различных частях Ярославля. Очень приятное чувство»¹¹⁸⁹. Поэтому за основу псевдонима был взят едва ли не самый известный московский район *Арбат* (ср.: «золотой Арбатский участок»).

Ильф же, съездив в июле 1929 года в Ярославль, записал еще ряд деталей из будущего романа: «Бульвар Молодых Дарований»¹¹⁹⁰, «Не давите на мою психику. <...> Рюрикович. Цесаревич»¹¹⁹¹ (Цесаревич – первоначальная фамилия Козлевича, вошедшая в роман «Великий комбинатор», 1929¹¹⁹²), «20 сыновей лейтенанта Шмидта. Двое встречаются»¹¹⁹³, «бывший князь, а ныне трудящийся Востока. <...> Что ты орешь, как белый медведь в теплую погоду. <...> Автомобиль имел имя. Его часто красили. <...> По случаю учета шницелей столовая закрыта навсегда. / Меня кормят идеи»¹¹⁹⁴, «Обстановка predispolкома. <...> Дитя лейтенанта Шмидта»¹¹⁹⁵. А следующая запись Ильфа: «Заработок – переносил людей через грязную улицу – брал 2 коп. За право перехода по доске – 1 коп.»¹¹⁹⁶, – пригодится при работе над ранней редакцией романа, где Остап в Арбатове прибегает к услугам рикши, чтобы обойти большую лужу: «Поедем? – спросил человек-паром, оживляясь. – Две копейки перевоз. И за сундучок копейку» («Великий комбинатор»; глава «О том, как Паниковский нарушил конвенцию»).

В январе 1929 года публикуется пьеса Юрия Олеши «Заговор чувств (*сцены из пьесы*)», где директор треста пищевой промышленности Андрей Бабочев говорит Соломону Шапиро про шекспировского персонажа Отелло: «Знаете, кто он был? Он был генерал. Генерал-губернатор острова Кипра»¹¹⁹⁷. В мае номер журнала с этой

---

¹¹⁸⁷ *Донецкий Б.Н.* «Эх, прокачу!» // *Годы и люди: Сборник / Ред. С.В. Катков. Вып. 3. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1988. С. 206.*

¹¹⁸⁸ *Донецкий Б.Н.* По саратовским следам «Золотого теленка»: Литературно-краеведческое исследование. Саратов: Приволжское изд-во, 2019. С. 9 – 10.

¹¹⁸⁹ *Ильф И.* Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 237.

¹¹⁹⁰ Там же. С. 238.

¹¹⁹¹ Там же. С. 241.

¹¹⁹² Фамилия «Козлевич» образована от фамилии друга Ильфа – художника Владимира Козлинского, иллюстрировавшего его фельетоны в журналах «Смехач» и «Чудак». Причем фамилия «Козлинский» фигурирует и в записной книжке Ильфа за июнь – сентябрь 1929 года (*Ильф И.* Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 243). Но, с другой стороны, *Козлодоев* из рассказа Евгения Петрова (*Петров Е.* Рассказ об одном солнце // *Смехач. М., 1927. № 19. Май. С. 4 – 5*). А фамилия «Цесаревич» отсылает к биографии Валентина Катаева: «Я разыскал в коридоре нашего классного наставника, латиниста, поляка Сигизмунда Цезаревича...» (*Катаев В.* Разбитая жизнь или Волшебный рог Оберона // *Новый мир. 1972. № 8. С. 15*).

¹¹⁹³ *Ильф И.* Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. С. 242.

¹¹⁹⁴ Там же. С. 243.

¹¹⁹⁵ Там же. С. 244.

¹¹⁹⁶ Там же. С. 239.

¹¹⁹⁷ Октябрь. 1929. № 1. С. 39.

пьесой попался на глаза Ильфу, и он записал к себе в блокнот: «Губернатор острова Кипра»¹¹⁹⁸. А еще через пару месяцев, когда началась работа над романом «Великий комбинатор», данная фраза перешла в реплику Остапа, которому Балаганов указал на Паниковского: «Вижу, – высокомерно сказал Остап. – Ну и что же? Это губернатор острова Борнео?» (глава «О том, как Паниковский нарушил конвенцию»).

Летом 1929 года Ильф записывает: «Не знали, кто приедет, и вывесили все накопившиеся за 5 лет лозунги»¹¹⁹⁹. Эта мысль сразу же была реализована в романе «Великий комбинатор»: «Деревня встретила головную машину приветливо. Но обычное гостеприимство носило довольно странный характер. Видимо, деревенская общественность известие о том, что кто-то проедет, получила, но кто проедет и с какой целью – не знала. Поэтому, на всякий случай, были извлечены все изречения и девизы, изготовленные за последние несколько лет» (глава «Антилопа-Гну»).

Обращение Ильфа к Лине Орловой от 16.02.1922: «Ожидаю Вашего письма, будьте многословны в разговорах о себе и точны в описаниях Москвы. Живите возвышенно и не ешьте дурного хлеба»¹²⁰⁰, – много лет спустя превратится в совет Остапа Корейко: «Не ешьте на ночь сырых помидоров» (глава «Первое свидание»). И в том же письме Ильф процитировал афоризм немецкого марксиста Августа Бебеля «Предоставим небо птицам, а сами обратимся к земле»: «Итак, Вы видите, во мне нет изменений. По-прежнему *предоставляя небо птицам, я все еще обращен к земле*». Позднее его перефразирует Остап, беседуя с Воробьяниновым: «Будем работать по-марксистски. *Предоставим небо птицам, а сами обратимся к стульям*» («Двенадцать стульев»; глава «Знойная женщина, мечта поэта»).

В очередном письме к Лине Орловой от 05.07.1922 Ильф говорит: «Гражданка Лина. / Считайте лирическую часть моего письма оконченной, я начинаю с середины, закройте дверь, я ожидаю к себе уважения. Именно так, и я сказал то, что сказал»¹²⁰¹. И вновь возникает параллель с обращением Остапа к Корейко: «Считайте серенаду законченной. Утихли балалайки, гусли и позолоченные арфы. Я пришел к вам, как юридическое лицо к юридическому лицу» («Золотой теленок»; глава «Командовать парадом буду я»).

Летом 1922 года Ильф получил путевку в дом отдыха на Хаджибеевском лимане (Одесская область, Украина), и, оказавшись там чуть ли не единственным мужчиной среди множества женщин, написал своим подругам Тае Лишиной и Лине Орловой шутовское письмо, начинавшееся так: «Нежные и удивительные»¹²⁰². Сразу же вспоминаем ответ Остапа на вопрос Зоси Синицкой «Почему вы меня полюбили?» – «Вы нежная и удивительная, – ответил командор, – вы лучше всех на свете» (глава «Погода благоприятствовала любви»).

В рассказе «Повелитель евреев» (1923) Ильф писал: «Я *испробовал много профессий* и узнал стоимость многих вещей на земле»¹²⁰³, – и таким же будет выведен Остап: «Сын турецкоподданного за свою жизнь *переменил много занятий*» («Двенадцать стульев»; глава «Великий комбинатор»).

4 июля 1923 года Ильф сообщает будущей жене Марусе Тарасенко: «У меня скоро будет своя комната в Чернышевском переулке. Утром там всегда у соседнего дома хрипит лакированный автомобиль, и во дворе финляндской миссии кидают теннисный мячик»¹²⁰⁴. Вся эта картина найдет отражение в рассказе Ильфа «Судьба

---

¹¹⁹⁸ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. С. 286.

¹¹⁹⁹ Там же. С. 235.

¹²⁰⁰ Илья Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2004. С. 53.

¹²⁰¹ Там же.

¹²⁰² Там же. С. 60.

¹²⁰³ Ильф И.А. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 59.

¹²⁰⁴ Илья Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа. С. 220.

Аполлончика: Лирическая песнь о милиционере» (1923) и в главе «Общежитие имени монаха Бертольда Шварца» романа «Двенадцать стульев» (1927):

1) – Будешь против посольства стоять. Ты смотри, не подгадь.
Аполлончик печально цокнул сапогами и пошел на новое место.
Крохотное посольство крохотного государства вело жизнь загадочную и скучную.
То есть –
носило белые штаны,
каждый день брилось,
играло в теннис,
вылетало со двора на рыжем, дорогом автомобиле,
и
боль-ше
ни-че-го!¹²⁰⁵

2) Окно выходило в переулок. Там ходил милиционер. Напротив, в домике, построенном на манер готической башни, помещалось посольство крохотной державы. За железной решеткой играли в теннис. Летал белый мячик. Слышались короткие возгласы.

– Аут, – сказал Остап, – класс игры невысокий. Однако давайте отдыхать.

Концессионеры разостлали по полу газеты. Ипполит Матвеевич вынул подушку-думку, которую возил с собой, и они улеглись.

Не успели они как следует улечься на телеграммах и хронике театральной жизни, как в соседней комнате послышался шум раскрываемого окна, и сосед Пантелея вызывающе крикнул теннисистам:

– Да здравствует Советская республика! Долой хи-щни-ков им-пе-риа-лиз-ма!

Крики эти повторялись минут десять. Остап удивился и поднялся с полу.

– Что это за коллекционер хищников?

Высунувшись за подоконник, он посмотрел вправо и увидел у соседнего окна двух молодых людей. Он сразу заметил, что молодые люди кричат о хищниках только тогда, когда мимо их окна проходит милиционер с поста у посольства. Он озабоченно поглядывал то на молодых людей, то за решетку, где играли в теннис. Положение его было тяжелым. Крики о хищниках все продолжались, и он не знал, что предпринять. С одной стороны, эти возгласы были вполне естественны и не заключали в себе ничего непристойного. А с другой стороны, хищники в белых штанах, игравшие за решеткой в теннис, могли принять это на свой счет и обидеться. Не будучи в состоянии разобраться в создавшейся конъюнктуре, милиционер умоляюще смотрел на молодых людей и кончил тем, что накинулся на обоз и велел ему заворачивать.

Сравним: «Крохотное посольство крохотного государства» = «посольство крохотной державы»; «белые штаны... играло в теннис» = «играли в теннис... в белых штанах». В обоих случаях фигурирует милиционер, надзирающий за порядком и не знающий, что ему предпринять; а также говорится о ночных криках: «Долгие, вдохновенные ночи оглашались воплями» = «Крики эти повторялись минут десять»; и встречаются похожие восклицания по поводу идеологических врагов: «Черт с ним, с капитализмом! Это же такая скука!» = «Долой хи-щни-ков им-пе-риа-лиз-ма!».

Другой ильфовский фельетон 1923 года – «Антон Половина-на-Половину» – во многом превосходит роман «Золотой теленок». Более того, в этом фельетоне мы впервые обнаруживаем прототипов Бендера и Паниковского. Скажем, угрозу Антона: «Половина-на-Половину дрейфит отвечать и уходит с позором. На прощанье он брешет: “Я вас всех еще куплю и продам”»¹²⁰⁶, – дословно повторит Паниковский: «Не говорите так! – закричал перепугавшийся Паниковский. – Я всех вас переживу. Вы не знаете Паниковского. Паниковский вас всех продаст и купит».

¹²⁰⁵ Ильф И.А. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 92 – 95.

¹²⁰⁶ Там же. С. 44.

Оба задают риторические вопросы: «Тут, – говорит Антуан, – только что была городская халява и рассказывала анекдоты. В чем дело? Пока насекомое говорило, я шесть раз заругался и именно по матушке!» ~ «В чем дело! – сказал он, – нужно продать Антилопу и ехать поездом» (ср. еще в романе «Двенадцать стульев»: «В чем дело? – сказал Ляпис. – Дело происходит, конечно у нас, а фашист переодетый»).

Более того, даже прозвище Антона – *Половина-на-Половину* – нашло отзвук в главе «О том, как Паниковский нарушил конвенцию»: «“Ну, не всю возвышенность, – настаивал жадный Паниковский, – хотя бы *половину*. Я, наконец, семейный человек, у меня две семьи”. Но ему не дали и *половины*». Кстати, если в первом варианте фельетона героя звали Антон, то «во втором варианте – “Абрам”, в третьем варианте – “Алешка”»¹²⁰⁷. Имя «Абрам» усиливает сходство с евреем Паниковским, а имя «Алешка» заставляет вспомнить главу «Три дороги», где Остап именует Паниковского «Алешей Поповичем».

Миша Безбрежный¹²⁰⁸ обращается к Антону: «Дорогой товарищ, у вас губы, как калоши, и уши похожи на отлив под умывальным краном». А про Паниковского сказано: «...одно ухо его было таким рубиновым, что, вероятно, светилось бы в темноте...» (также и описание его зуба находит соответствие в рассказе Ильфа «Зубной гармидер», 1923: «Что вы делаете с человеком, у которого вместо зуба – целый пожар!»¹²⁰⁹ = «Под усами гражданина, подобно огоньку папиросы, пылал золотой зуб»).

И Миша, и Остап адресуют одинаковые вопросы своим подчиненным: «*Что ты молчишь*, музыкант? – спрашивает Миша. – Почему я не вижу уважения от дорогого товарища Половина-на-Половину?» = «*Что ж вы молчите*, как женихи?» (Козлевичу и Балаганову); «Ого! – говорит Миша. – *Ты мне лучше скажи*, кто первый боец на бойне?» = «Ого! – сказал технический руководитель. – Я вижу, что вы делаете успехи» (Воробьянинову), «*Вы лучше скажите*, будете служить или нет?» (Паниковскому); «Ты? – обращается Миша к *негодяю* Антону. – Ты первый боец?» = «Этот *негодяй* сорвал нам спектакль» (о Паниковском).

Оба лидера вызывают восхищение у своей команды: «*Мы все с любовью смотрим на своего вождя*, и один только Антон Половина-на-Половину, первая завидуля на всё Черное море, молчит и играет на зубах марш для тромбона» = «*Спутники Бендера смотрели на него с обожанием*».

Миша Безбрежный восклицает: «Почему я не вижу уважения от дорогого товарища Половина-на-Половину?», – и такая же ирония прозвучит в словах Остапа: «...всеми нами уважаемый Михаил Паниковский» (заметим, что обращение «дорогой товарищ» Остап применит к другому своему компаньону – Воробьянинову: «Только вы, дорогой товарищ из Парижа, плюньте на все это»).

Голосовые характеристики Антона и Паниковского также совпадают: «...на пьедестал вылезает Антон Половина-на-Половину и *вопит*, словно его укололи в спину целым булавочным заводом» = «Возьмите меня! – *вопил* Паниковский, из последних сил держась рядом с машиной»; «Он вынимает руку из пасти и *визжит*: “Чтоб я так дышал, если я тебе дорогой товарищ!”» = «За что же Козлевичу? – *завизжал* Паниковский. – Это грабеж! Кто такой Козлевич, чтобы с ним делиться?», «Я не хочу быть членом общества! – *завизжал* вдруг Паниковский...».

Если про Паниковского сказано: «Нарушитель конвенции надулся», – то у его литературного прототипа Антона «физиономия мрачнее, чем вывеска похоронной конторы». Остап же в «Двенадцати стульях» описывает себя ровно наоборот: «Ваши условия? – спросил Остап дерзко. – Имейте в виду, я не похоронная контора».

¹²⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 72; <https://rgali.ru/storage-unit/2670606>

¹²⁰⁸ Этот персонаж явно имеет своим предшественником заглавного героя морского рассказа Ильфа «Приключения Мишки Бесшабашного», написанного еще во время работы в одесской газете «Моряк» (см.: *Березарк И.* Устные рассказы писателей: Воспоминания // Нева. 1977. № 3. С. 203 – 204).

¹²⁰⁹ *Ильф И.А.* Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 47.

Похожи и сцены наезда Антона Половина-на-Половину на Мишу Безбрежного и Паниковского на Бендера: «На другое утро Антон Половина-на-Половину подходит к нашему Мише и, не говоря худого слова, ругается прямо ему в рот. <...> Миша подымает свой ручной механизм и ляпает подлого Антуана так, что у того трескается щека» ~ «Паниковский развернулся, опустил голову и с криком “А ты кто такой?” вне себя бросился на Остапа. Не переменяя позы и даже не повернув головы, великий комбинатор толчком собранного каучукового кулака вернул взбесившегося нарушителя конвенции на прежнее место...».

Еще одно сходство между Мишей и Остапом состоит в том, что оба любят почет: «Миша достойно улыбается. Он любит почет и доволен» = «Где уважение? Где почет? Где слава? Где власть?» (а с вопросом «Где уважение?» перекликаются и уже упомянутый вопрос Миши: «Почему я не вижу уважения от дорогого товарища Половина-на-Половину?»); и слова Ильфа из письма к Лине Орловой от 05.07.1922: «...я начинаю с середины, закройте дверь, я ожидаю к себе уважения»¹²¹⁰; а призыв «закройте дверь» повторится в записной книжке Ильфа за сентябрь 1936 – апрель 1937 годов: «Закройте дверь. Я скажу вам всю правду. Я родился в бедной еврейской семье и учился на медные деньги»¹²¹¹; Бендер же говорил, что его отец «умер, не оставив сыну своему Остапу-Сулейману ни малейшего наследства»).

К обоим применяется одинаковый эпитет: «Миша подымается с колбасного трона и смотрит подлецу в морду» = «Моя правая рука, – сказал великий комбинатор, похлопывая саквояж по толстенькому колбасному боку» (если Бендер *похлопывает саквояж* по колбасному боку, то «Миша кладет лапку на свой футляр из бычачьего уда и садится на колбасные шкурки»; а по словам Юрия Олеси, «Ильф любил копченую колбасу, которую ел во время чтения, нарезаая аккуратными кубиками»¹²¹²; да и сам Ильф признавался Сергею Бондарину: «Колбасу люблю больше всего на свете»¹²¹³). Логически сюда примыкает другое сходство: Миша Безбрежный – «первый боец на скотобойне», а Остап говорит Коробейникову о своей работе: «Собственная мясохладобойня на артельных началах в Самаре». Однако Антон Половина-на-Половину оспаривает первенство Миши Безбрежного: «Первый боец на бойне – я! – заявляет наглец. – Первый боец – Антон Половина-на-Половину»¹²¹⁴. Поэтому и Паников-

---

¹²¹⁰ Илья Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа. М.: Текст, 2004. С. 53.

¹²¹¹ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 563.

¹²¹² Олеша Ю. Памяти Ильфа // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 36.

¹²¹³ Бондарин С. Разговор со сверстником // Наш современник. М., 1962. № 5. С. 190. Для сравнения – Михаил Булгаков, например, не выносил колбасу, о чем и написал в повести «Собачье сердце» (1925): «Господин, если бы вы видели, из чего эту колбасу делают, вы бы близко не подошли к магазину». А профессор Преображенский в разговоре с Зиной называет краковскую колбасу «гадостью» и «отравой для человеческого желудка». Тот же Преображенский говорит Борментало: «Если вы заботитесь о своем пищеварении, вот добрый совет: не говорите за обедом о большевизме и о медицине. И, Боже вас сохрани, не читайте до обеда советских газет! – Гм... Да ведь других же нет. – Вот никаких и не читайте». А отношение Остапа к советской прессе было прямо противоположным: «Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте» («Золотой теленок»; глава «Бензин ваш – идеи наши»).

¹²¹⁴ Любопытно, что весной 1927 года Евгений Петров использует эту образность при написании своего рассказа «Весельчак» (Смехач. М., 1927. № 15. Апр. С. 3). Здесь друг главного героя называет его «первым весельчаком», что соответствует «первому бойцу на скотобойне». А реакция героя: «Ну уж и весельчак, – потупился Никанор, – так. Середка на половинку», – вновь напоминает прозвище Антона: Половина-на-Половину. Вместе с тем рассказ Ильфа впервые был напечатан в 2004 году (Ильф до Ильфа и Петрова / Сост. А.И. Ильф // Вопросы литературы. 2004. № 1. Янв. – февр. С. 276 – 279), и Петров знать его не мог. Поэтому данное сходство лишь подчеркивает «родство душ» обоих авторов, предопределившее в дальнейшем их совместную работу. Добавим еще, что обращение автора к Никанору в концовке рассказе зовется в реплике Остапа, адресованной Безенчуку: «Но ты, друг Никанороша, не печалься. Пройдет каких-нибудь сорок лет, и ты привыкнешь» ~ «Поезжай в Париж. Там подмолотишь! Правда, будут некоторые затруднения с визой, но ты, папаша, не грусти. Если Бриан тебя полюбит, ты заживешь недурно...» («Двенадцать стульев»; глава «В театре Колумба»).

ский считает себя первым бойцом на скотобойне: «Вы знаете, Бендер, как я ловлю гуся? Я убиваю его, как тореадор, – одним ударом». А заканчивается его монолог тем, что «Антилопа» разваливается на куски, после чего «Паниковский стонал, легко при- давленный рессорой». В фельетоне же в разгар драки «под всеми лежал ужасный Антуан Половина-на-Половину и поддавал огня разными шарлатанскими словами».

В итоге герои фельетона во главе с Мишей Безбрежным изгнали этого Антона- Антуана со скотобойни, а Остап хотел выгнать Паниковского из «Антилопы»: «...мы его выкинули, и не половина на половину, а полностью, в окончательный расчет» = «Старик стал невозможным! – сказал голодный Бендер. – Придется его рассчитать».

Миша Безбрежный обращается к Антону: «Дешева ты лягушка». И такой же характеристикой наделяется его художественный двойник: «Паниковский шлепнулся на землю, как жаба» (глава «О том, как Паниковский нарушил конвенцию»), «...на душе у него лежала большая холодная лягушка» (глава «Блудный сын возвращается домой»).

И еще одна реплика Остапа имеет соответствие в фельетоне Ильфа: «Через две полочки Ленька-Гец-Зозуля орет: “Скидайте грязные робы! Ведите себя, как благо- родные девицы. Сейчас будет деликатное собрание, чтоб не ругаться по матушке”» ~ «Ввиду того что наш детский утренник посетит одна девушка, – сказал Остап зна- чительно, – попросил бы господ вольноопределяющихся умыть лица, почиститься, а главное, не употреблять в поездке грубых выражений» («Скидайте грязные робы!» = «умыть лица, почиститься»; «собрание» = «утренник»; «не ругаться по матушке» = «не употреблять в поездке грубых выражений»). В романе «утренник» посещает Зоя Синицкая, а в фельетоне на «деликатное собрание» к скотобойцам «приехал из города какой-то тип, главный воротила насчет сквернословия».

Действие в фельетоне происходит в Одессе (на это указывает типичное одес- ское выражение: «Чтоб я так дышал...»¹²¹⁵), а в романе герои направляются в Черно- морск (эвфемизм Одессы), причем в фельетоне говорилось про Антона: «первая зави- дуля на всё Черное море» (то есть на тот же Черноморск).

Написав фельетон про Антона Половина-на-Половину, Ильф не ушел от этой темы и в том же 1923 году создал точную копию – рассказ без названия на основе уже московских, а не одесских реалий (по первой строке – «Многие частные люди и пассажиры...»), подписанный псевдонимом Антон Немаловажный¹²¹⁶. Речь в нем идет о собрании кондукторов, которые решили избавиться от нецензурной лексики в своей среде и с этой целью постановили, что будут избивать всякого, кто начнет вы- ражаться матом. А функцию Антона Половина-на-Половину здесь выполняет Петька Клин. Сравним, например, следующие цитаты: «Разве мы свиньи, которых режут ножами?» = «Что мы, свиньи?»; «Я решительно выставляю, кто будет еще ругаться по матушке, тому набить полную морду» = «Дал слово, держись. А то, извините, за от- ступление от правила накладём. Просто побьем»; «И мы поголовно дали свое зна- менитое, скотобойческое слово биться до тех пор, пока не выбьем все такие слова» = «Собрание враз голосует и дает свою культурно-просветительскую клятву биться без пощады, пока безобразные слова не переведутся»; «На другое утро Антон Половина- на-Половину подходит к нашему Мише и, не говоря худого слова, ругается прямо ему в рот» = «И за полчаса до двенадцати подходит ко мне Петька Клин и, не говоря худо- го слова, ругается самой ужасной бранью»; «Подлый Антуан падает, к колоссальному

---

¹²¹⁵ Ср. в другом фельетоне Ильфа – «Галифе Фени-Локш» (1923), где действие происходит на одес- ском Привозе: «И Феня берет немца за пульс. “Чтоб я так дышала, если это вам не подойдет. Садитесь и мерьте”» (*Ильф И.* Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 41). А одесское слово «локш» будет использовано Ильфом в романе «Великий комбинатор» (1929): «Рамы действи- тельно оказались хорошими. Но картины представляли из себя то, что на юге для краткости называют “локш”, а в центральных губерниях – “липа”» (глава «Подземное царство»).

¹²¹⁶ *Ильф И.* Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 63 – 65.

несчастью, прямо на нос Мишке-Маленькому, который заругался, и представьте, именно по матушке» = «Он удара не вынес. Упал. И упал прямо на нос Василию Петровичу – кондуктору. А тот от неожиданности заругался. И именно нехорошими словами. Случайно» (в первом случае Антона ударяет Миша Безбрежный, а во втором – рассказчик, продолжающий линию Миши); «Но чтобы бойцы не держали своего слова, того еще никто не говорил» = «Но клятву держать надо. Мы за такие выражения поклялись наказывать»; «Тут Миша бешено заругался и полез казнить Геца» = «Тут меня взорвало. “Ты так! Против всех идешь! Ну, держись!”»; «...все отчаянно бились за свое знаменитое слово, и все, представьте себе, в пылу драки ругались и именно по матушке» = «А пока мы все катались в свалке по полу...»; «...начали допросы с разговорами и на разговорах всё выяснилось, как оно было...» = «Целую неделю дело разбиралось, и все-таки докопались, кто виноват»; «...и не нас выкинули со скотобойни, а мы его выкинули...» = «Не Петька нас выкинул, а мы его».

Все эти сходства говорят о единстве темы и персонажей. В свою очередь, фельетон про кондукторов во многом превосходит главу «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта» романа «Золотой теленок». Чтобы убедиться в этом, проведем сравнительный анализ.

Герой фельетона («поседельный кондуктор») и Шура Балаганов открывают собрания, призванные разрулить сложную ситуацию: «А я прямо встал на общем собрании и безбоязненно спрашиваю: <...> “...Почему же, – говорю я с восторгом на сердце, – почему же мы позволяем себе эти, так сказать, матерные выражения. Долой такие слова! <...> Но предлагаю, чтоб честно. Дал слово, держись. А то, извините, за отступление от правила накладём. Просто побьем. Это хотя не совсем великосветский манер, зато крепко будет”» ~ «В краткой вступительной речи Балаганов выразил надежду, что братья найдут общий язык и выработают, наконец, конвенцию, необходимость которой диктует сама жизнь. <...> Никто из членов корпорации не имел права переходить границы и вторгаться на чужую территорию с целью заработка».

В обоих случаях находится участник, возражающий против общего решения: «Один Петька Клин сидит смутный» ~ «Против новых принципов работы никто не возражал, если не считать Паниковского, который тогда уже заявил, что проживет и без конвенции»; «Минутку! – кричит Петька Клин. – Если вы запрещаете эти слова, то как же я с женой разговаривать буду?» ~ «Нашли дураков! – визгливо кричал Паниковский. – Вы мне дайте Среднерусскую возвышенность, тогда я подпишу конвенцию. <...> Я, наконец, семейный человек, у меня две семьи» (в двух последних цитатах герой кричит и мотивирует свой отказ ссылкой на семейные обстоятельства).

В фельетоне «собрание враз голосует и дает свою *культурно*-просветительную клятву биться без пощады, пока безобразные слова не переведутся», и в романе с сарказмом говорится о культурности собравшихся: «При слове “Бобруйск” собрание болезненно застонало. Все соглашались ехать в Бобруйск хоть сейчас. Бобруйск считался прекрасным, *высококультурным* местом».

В фельетоне на следующий день начинаются всеобщая драка и мат, а в романе мат сопровождает дележку участков: «И за полчаса до двенадцати подходит ко мне Петька Клин и, не говоря худого слова, ругается самой ужасной бранью. “Петька, – говорю я, – мы клятву дали биться против плохого слова”. – “А мне, тра-та-та, – отвечает Петька, – на вас, тра-та-та, наплевать!” <...> все, в пылу драки, ругались, и, представьте, именно по матушке» ~ «Высокие договаривающиеся стороны переругались в первую же минуту и уже не обращались друг к другу иначе как с добавлением бранных эпитетов. <...> Веселые возгласы, глухие стоны и грязные ругательства сопровождали жеребьевку». В итоге «Петька озлился» за то, что ему пригрозили изгнанием из союза кондукторов, а Паниковский «присоединился к конвенции вне себя от злости». Кроме того, слова Петьки Клина «А мне на вас наплевать!» похожи на недовольство Паниковского конторой «Рога и копыта», возглавляемой Бендером: «За-

чем это всё? Он говорит – для легальности. *Плевал я на легальность*, если она стоит таких денег». Также и описание драки в фельетоне: «А пока мы все катались в свалке по полу...», – отзовется в описании драки Паниковского с Балагановым, которые не могли поделить деньги, отнятые у Корейко: «На ковре, сцепившись и выбрасывая ноги, молча катались Паниковский и Балаганов» (глава «Первое свидание»).

Заканчивается же фельетон тем, что «не Петька нас выкинул, а мы его», а в «Золотом теленке» Паниковского выкинули из кабинета председателя арбатовского исполкома: «В ту же самую минуту сотрудники, придав телу Паниковского достаточный размах и инерцию, выбросили его на улицу» (глава «О том, как Паниковский нарушил конвенцию»).

Интересно, что главные события в рассказе «Многие частные люди и пассажиры...» разворачиваются в то же время, что и в романе «Двенадцать стульев»: «И за полчаса до двенадцати подходит ко мне Петька Клин и, не говоря худого слова, ругается самой ужасной бранью» ~ «В половине двенадцатого с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород *вошел* молодой человек лет двадцати восьми» (глава «Великий комбинатор»).

Что же касается главы «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта», то некоторые мотивы перешли в нее и из рассказа Петрова «Невероятно, но...»¹²¹⁷, так как в обоих случаях говорится о собрании – сотрудников некоего учреждения и «детей лейтенанта Шмидта»: «Знаем, слышали! – злорадствовали сотрудники. – Дашь им по сотняге, а потом жди два года...» ~ «Знаем, знаем! – кричали разволновавшиеся дети. – У немцев возьмешь!»; «Дураков нет! – решили они единодушно» ~ «Все единодушно отказывались от республики немцев Поволжья. <...> “Нашли дураков!” – визгливо кричал Паниковский»; «Больше всех негодовал старый и в достаточной мере бесквартирный Еврипидов. “Подумаешь!” – вопил он» ~ «“Нашли дураков! – визгливо кричал Паниковский» (если Еврипидов назван *бесквартирным*, то на могиле Паниковского Остап вывел такую надпись: «Здесь лежит Михаил Самуэлевич Паниковский, человек *без паспорта*»; кроме того, оба персонажа – старые и сварливые).

Похожи также вопросы главы Инициативной двойки Хведорова и организатора конференции Балаганова, пытающихся урезонить бузотеров: «А вам сегодня подавай? – кричал Хведоров хватаящим за душу голосом» ~ «А не дать ли тебе еще Мелитополь впридачу?».

На следующий день Хведоров решил отомстить сотрудникам за их нежелание вступать в жилищный кооператив «Уют трудящегося» и придумал аферу с квартирами, якобы находившимися в доме на Красной площади, напротив Спасской башни: «*Квартиры очень хорошие*, – ответил Хведоров, предвкушая сладость справедливой мести». Это также напоминает реплику Балаганова, который убеждает собравшихся в том, что республика немцев Поволжья может принести хороший доход: «А что, разве это такая плохая республика? – невинно спрашивал Балаганов. – *Это, кажется, хорошее место*».

И если в рассказе Петрова о собравшихся сотрудниках сказано, что «они *злы, глупы и жадны*», то дети лейтенанта Шмидта – «грубые, **жадные**, строптивые», причем Паниковский «присоединился к конвенции вне себя *от злости*», а сам он в предыдущей главе был назван «глупым дитем лейтенанта Шмидта» («О том, как Паниковский нарушил конвенцию»).

Помимо Антона Половина-на-Половину и Петьки Клина, прототипом Паниковского является заглавный герой документального рассказа Ильфа «Рыболов стеклянного батальона» (1923). Сопоставим речи коменданта и Остапа: «*Где Лебедь?* – кричал комендант. – Ну, я этому рыболову покажу! Никогда его на месте...»¹²¹⁸ ~ «*Где*

¹²¹⁷ Огонек. М., 1927. 4 дек. № 49. С. 15.

¹²¹⁸ Гудок. М., 1923. 1 дек. Цит. по перепечатке: *Ильф И.А.* Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 19 – 22.

Паниковский? Где этот гусекрад? <...> Где Паниковский? Куда он девался?» (глава «Три дороги»).

Лебедь обожает рыбу, а Паниковский – гусей: «Лебедь пошел за мной. Это он рассказывал про рыбу. Он всегда говорил о ней. Далась ему эта рыба. <...> История этой рыбы такая. Видел ее в этом пруду один только Лебедь. “Длинная и толстая. Вроде щуки”. <...> Поклялся Лебедь, что эту *рыбу поймает* и всё докажет» ~ «Бендер, – захрипел он вдруг, – вы знаете, как я вас уважаю, но вы ничего не понимаете! Вы не знаете, что такое гусь! Ах, как я люблю эту птицу! Это дивная, жирная птица, честное благородное слово. Гусь! Бендер! Крылышко! Шейка! Ножка! Вы знаете, Бендер, как я *ловлю гуся?*». Причем речь коменданта о пропавшем Лебеде и монолог Паниковского о гусях одинаково прерываются: «Никогда его на месте...» ~ «И тут, в порядке самозащиты, я его хвата...»; «Комендант не кончил. Со стороны пруда *грохнул и покатился выстрел*. Потом еще два» ~ Но Паниковский не успел закончить своей речи. *Раздался ужасный тошнотворный треск*, и антилоповцы в секунду очутились прямо на дороге в самых разнообразных позах».

В результате оба героя погибают: Лебедь был застрелен махновцами (действие происходит в 1919 году), а Паниковский умер от разрыва сердца: «А стеклянный батальон кидал землю на могилу рыболова» ~ «Теперь могила была готова». Комендант же и Остап произносят надгробные речи.

Очередным литературным прототипом Паниковского является Евтушевский из рассказа Ильфа и Петрова «Золотой фарш»¹²¹⁹, посвященного курице, которая несет золотые яйца. Сразу же приходит на память сюжет с «золотыми гириями» в «Золотом теленке»: «Каждая гиря по полтора пуда. Три пуда чистого золота. Это я сразу понял...» ~ «...курица Евтушевского снесла три фунта золота <...> *За ночь он понял всё*. Он уже не сомневался в том, что курица начинена золотом...»; «Это золотые гири. Понимаете? Гири из чистого золота! <...> Сейчас мы отпилим по кусочку, – озабоченно сказал Паниковский, – а завтра утром продадим» ~ «По пустой, нудной улице, подымая пыль, катилась курица “Барышня”. <...> На площади “Барышню” <...> схватили, умертвили и выпотрошили. Золота в ней не было ни на грош». Кстати, оба золотых яйца, которые колоколамцы сочли снесенными курицей, прямо сравниваются с гириями, которых тоже было две: «...слова его были заглушены таким громким стуком, как будто бы на пол упала гиря. <...> Жидкий свет лампы образовал на полу бледный круг, посредине которого матово блистало крупное золотое яйцо. <...> с подгнившего бревенчатого потолка тяжело, как гиря, упал и покатился по полу какой-то круглый предмет, обернутый в бумажку. В бумажке оказалось золотое яйцо, точь-в-точь как первое». Обратим внимание и на похожие фамилии инициаторов распила гирь и убийства курицы: Паниковский – Евтушевский. Поэтому Остап даже назовет Паниковского курицей: «Прелестная пара: Балаганов в весе петуха, Паниковский в весе курицы!» (глава «Гомер, Мильтон и Паниковский»), тем более что до того, как ее зарезали, курица «припадала на одну ножку», и побитый Паниковский после распила гирь тащился за Балагановым, «припадая на одну ножку».

Итак, одним из литературных прототипов Паниковского послужил Евтушевский, судьба которого, в свою очередь, повторяет судьбу отца Федора из «Двенадцати стульев»: «Хохочущего священника на пожарной колеснице увезли в психиатрическую больницу» ~ «Смеющегося Евтушевского увезли на телеге в психбольницу». В обоих случаях сумасшествие связано с неудачей в поиске сокровищ.

Еще одним литературным прототипом Паниковского можно считать Обуюлова из рассказа Петрова «Беспокойная ночь»¹²²⁰ (кстати, и Обуюлов, и Паниковский – говорящие фамилии: «человек, обуюнный паникой»): «Давненько Обуюлов не пребы-

¹²¹⁹ Толстоевский Ф. Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска // Чудак. М., 1929. № 7. Февр. С. 6 – 7.

¹²²⁰ Смехач. М., 1928. № 48. Дек. С. 10.

вал в таком блеске. Смоченные вежеталем волосы аккуратно лежали по обе стороны пробора, на свежевыбритых щечках виднелись синеватые следы пудры, в жилет ниспадал галстук, напоминающий по цвету весеннее небо, покрытое звездами, а вытуженные брюки были тверды, как картон. Обуялов спешил на вечеринку к Мэри Пароконской» ~ «Антилоповцы смотрели на Паниковского с удивлением. Он был гладко выбрит и припудрен так, что походил на клюкву в сахаре. Он поминутно обдергивал на себе пиджак и с трудом ворочал шейю в оскар-уайльдовском воротничке. Во время прогулки, которая прошла хорошо и весело, Паниковский держался весьма чинно. Когда его знакомили с Зосей, он изящно согнул стан, но при этом так сконфузился, что даже пудра на его щеках покраснела» (глава «Погода благоприятствовала любви») («свежевыбритых щечках» = «гладко выбрит... щеках»; «пудры» = «пудра»; «жилет» = «пиджак»); «Пожалуйста, соедините меня с милицей! – заискивающе сказал Обуялов» ~ «Теплый вечер, – заискивающе сказал Паниковский» (глава «Гомер, Мильтон и Паниковский»); «Спасите! – крикнул Обуялов козлиным голосом» ~ «Спасите! – закричал Паниковский, когда Антилопа с ним поравнялась» (глава «Бензин ваш – идеи наши»); «Потом долго плакал, уткнувшись лицом в балык и содрогаясь всем телом» ~ «В углу плакал Паниковский. <...> “Меня никто не любит”, – продолжал Паниковский, содрогаясь» (глава «Первое свидание»).

Но вернемся к фельетонам Ильфа, написанным в 1923 году, поскольку один из них («А все-таки он для граждан») предвосхищает начало романа «Великий комбинатор» (лето 1929).

Если в фельетоне главный герой по фамилии Неустрасимый прибегает на вокзале к услугам носильщика, то Остап пользуется услугами рикши, чтобы обойти огромную лужу: «К нему подскочил носильщик: “Прикажете нести?”»¹²²¹ = «Поедем? – спросил человек-паром, оживляясь». И в обоих случаях главный герой использует одинаковое выражение: «Я добьюсь справедливости. Транспорт для граждан, а не граждане для транспорта» = «Эй ты, корабль пустыни! – кричал он. – Потише! Не пассажиры для транспорта, а транспорт для пассажиров!». Да и фамилия героя фельетона – *Неустрасимый* – соответствует описанию Бендера перед началом сеанса одновременной игры в шахматы: «Остап скользнул взглядом по шеренгам “черных”, которые окружали его со всех сторон, по закрытой двери и *неустрасимо* принялся за работу» («Двенадцать стульев»; глава «Междупланетный шахматный конгресс»).

Диалог Остапа с Хворобьевым в «Золотом теленке» частично отсылает к фельетону Ильфа, где жена спрашивает мужа по поводу четырехлетия их свадьбы: «А помнишь, как мы ехали в ЗАГС?.. Позволь, позволь... Когда же это было? – Когда?.. Ах да... Весною 1923 года...»¹²²² ~ «В Кострому? Было такое сновиденье. Позвольте, когда же это?.. Ну да, третьего февраля сего года» (глава «Кризис жанра»).

Практически не известен следующий фельетон Ильфа, где главный герой – шарлатан Иван Годой – случайно разоблачает офицера, «усмирителя уманьского восстания» Федора Пазухина, сидящего перед ним в зрительном зале кинематографа:

Он повел себя как настоящий шарлатан. Он уперся коленом в спину ушастого и стал ждать.

– Молодой человек, – сказали уши, – я попрошу вас вывести!

Уши говорили, не оборачиваясь.

<...> Он нагнулся к ушам и тихо сказал:

– *Вы никого не просите. Я вас знаю!*¹²²³

¹²²¹ Ильф И. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 66.

¹²²² И.А. Пселдонимов. Муж общественник // Смехач. М., 1927. № 21. Май. С. 5.

¹²²³ Ильф И. Шарлатан // Красный журнал [Приложение к газете «Гудок»]. М., 1924. № 3. С. 6 – 7. Цит. по: Азатов Г. Шарлатан: (Забывтый рассказ Ильи Ильфа) // Независимая газета. EX LIBRIS. М., 2015. 3 сент. С. 7.

Подобную же уверенность демонстрирует Остап Бендер, обращаясь к Корейко: «Жаловаться на меня вы никогда не будете, – значительно сказал Остап...». Причем Корейко тоже хотел его «вывести»: «Оставьте меня в покое. Слышите? Убирайтесь!».

Через некоторое время «ушастый» вцепляется Ивану Годюю в горло, и это же собирается сделать Корейко с Остапом: «*Молча* и мгновенно вцепился шарлатану в глотку» ~ «Подзащитный неожиданно захватил руку на лету и *молча* стал ее выкручивать. В то же время г. подзащитный другой рукой вознамерился вцепиться в горло г. присяжного поверенного». Кстати, если Иван Годой – шарлатан, то Остап говорит о себе: «Я сам склонен к обману и шантажу...».

Обращение Остапа к побритому Воробьянинову («Двенадцать стульев»; глава «Следы “Титаника”»): «Теперь вы похожи на Боборыкина, известного автора-куплетиста», – уходит корнями в очерк Ильфа «Ярмарка в Нижнем» (1924): «Морж походит на известного писателя Боборыкина и радостно хрипит, если ему сказать “Петя”»¹²²⁴ (имеется в виду скончавшийся в 1921 году прозаик Петр Боборыкин). В том же очерке «Ярмарка в Нижнем» читаем: «В 1922 году началась геркулесовская работа по восстановлению...»¹²²⁵. Позднее этот мотив, но уже в саркастической тональности, разовьется в начале 11-й главы «Золотого тельца», которая так и называется – «Геркулесовцы»: «На всех четырех этажах бывшей гостиницы шла кипучая работа».

Рассказ Ильфа «Политграмма плюс корова» (1925) также содержит источник одной из реплик Остапа: «Когда читка докатилась до основных противоречий капиталистического строя, к лектору подошел бараний хозяин и ласково сказал: “*Не мучьте дитю!* Сохнет баран! Тоже лежит он здесь два часа”»¹²²⁶ ~ «Остап склонил голову набок и сощурил глаза. “*Не мучьте дитю,* – забасил он наконец. – Где стул? Почему вы его не принесли?” Сбивчивый доклад Ипполита Матвеевича прерывался криками с места, ироническими аплодисментами и каверзными вопросами». При этом *лежащему* барану соответствует *стоящий* за пределами комнаты стул (по крайней мере, в представлении Остапа): «Зачем вы оставили стул за дверью?».

В следующем рассказе Ильфа – «Неликвидная Венера» (1925) – впервые появляется образ, который войдет в серию вопросов Остапа к дворнику в тех же «Двенадцати стульях»: «Распродали всю гадость, которая лежала еще с того времени, когда “Красный бублик” не был “Бубликом”, а назывался “Булкой Востока”, то есть со времен доисторических»¹²²⁷ ~ «Понимаю. Это которые еще до исторического материализма родились? – Уж это верно. Когда родились, тогда и родились. – А в этом доме что было до исторического материализма? – Когда было? – Да тогда, при старом режиме?». В обоих случаях доисторическим временем иронически назван царский режим, поскольку настоящая мировая история, по утверждению советских идеологов, началась после Октябрьской революции 1917 года, а в основу победившей идеологии был положен принцип исторического материализма. Остап же еще раз поиронизирует по этому поводу во время первого разговора с Воробьяниновым: «Только вы, дорогой товарищ из Парижа, плюньте на все это. – Как плюнуть?! – Слюной, – ответил Остап, – как плевали до эпохи исторического материализма».

Герои фельетона «Неликвидная Венера» – братья Капли – придумывают «принудительный ассортимент»: «Капли не поняли, что такое *неликвидный фонд* и почему пекаря должны этот фонд на своих головах носить, однако не стали вдумываться». Выделенное словосочетание перейдет в реплику Остапа, обращенную к мадам Грицацуевой: «Ах, ситечко! Из вашего *неликвидного фонда*?». Концовка же фельетона дословно предвосхищает финальную стадию разговора Остапа с Коробейниковым:

¹²²⁴ Ильф И. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 106.

¹²²⁵ Там же. С. 101.

¹²²⁶ Там же. С. 109.

¹²²⁷ Там же. С. 113.

Оправившись, дивный кооператор сделал вид, что ничего не заметил.

– Можно на мой сапог заплаточку наложить?

– Можно! – любезно ответил сапожник. – Двенадцать рублей¹²²⁸.

– Можно расписочку писать? – осведомился архивариус, ловко выгибаясь.

– Можно, – любезно сказал Остап, – пишите, борец за идею.

Деепричастие *оправившись* говорит о шоке, в котором пребывал кооператор, и в таком же состоянии окажется Коробейников после разговора с Остапом: «*Ошеломленный* архиварус вяло пожал поданную ему руку». Причем он тоже является «кооператором», то есть торговцем: «А теперь он, как цыпленок, попался на лучшем своем коммерческом предприятии...».

27 августа 1924 года Ильф пишет своей жене, находясь в Нижнем Новгороде: «Я здесь уже целый день. Живу на вокзале. Мне дали комнату и постель с одеялом. На одеяле большими буквами вышито “НОГИ”. Туда надо класть ноги. Сейчас я их туда положу и буду спать. <...> Был в Кремле и созерцал реки со страшенной высоты. Я тебе расскажу. Здесь живет часовщик Глазиус. Прекрасная фамилия. Познакомился с ним посредством мошенничества»¹²²⁹ (вот где истоки мошенника Остапа Бендера!).

Позднее одеяло с вышитым словом «НОГИ» будет фигурировать при описании 2-го дома Старсобеса в «Двенадцати стульях», а часовщик Глазиус обретет в «Золотом теленке» двойную фамилию – Глазиус-Шенкер. Более того, своему фельетону «Московские ассамблеи» (1929) Ильф и Петров предпошлют выдуманый эпиграф, в котором также встретится фамилия Глазиус:

– Пей, собака!

– Пей до дна, пей до дна! – подхватил хор.

Раздались звуки цевниц и сопелей.

Граф Остен-Бакен уже лежал под столом.

(Гуго Глазиус. «История Руси») ¹²³⁰

Стоит еще обратить внимание, что фамилия Остен-Бакен уже фигурировала в «Золотом теленке», где Остап говорил Корейко, что хочет добиться от него «того, чего хотел добиться друг моего детства Коля Остен-Бакен от подружки моего же детства, польской красавицы Инги Зайонц. <...> Уже не секрет, что вы меня не любите. Никогда я не добьюсь того, чего Коля Остен-Бакен добился от Инги Зайонц, подружки моего детства» (глава «Командовать парадом буду я»). Имеется в виду граф Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен (1793 – 1881) – военачальник, участник походов против Наполеона, а также Кавказской и Крымской войн. Кстати, граф умер в Одессе, что одесситам Ильфу и Петрову было, конечно же, хорошо известно.

Во время той же встречи с Корейко Остап обличает его: «Первая ваша жизнь всем известна. От десяти до четырех вы за советскую власть. Но вот о вашей второй

---

¹²²⁸ Там же. С. 114.

¹²²⁹ Ильф Ильф, или Письма о любви: Неизвестная переписка Ильфа. М.: Текст, 2004. С. 311 – 312.

¹²³⁰ Толстоевский Ф. Московские ассамблеи // Чудак. М., 1929. № 46. Ноябрь. С. 12. В этом же фельетоне обнаруживается источник одной из реплик Остапа по поводу Рио-де-Жанейро: «Также известно, что Марковы придут с граммофонными пластинками, и известно даже, с какими. Там будет вальс-бостон “Нас двое в бунгало”, чарльстон “У моей девочки есть одна маленькая штучка” и старый немецкий фокстрот “Их фаре мит майнер Клара ин ди Сахара”, что, как видно, значит: “Я уезжаю с моей Klarой в одну Сахару”» ~ «Мулаты, бухта, экспорт кофе, так сказать, кофейный демпинг, чарльстон “У моей девочки есть одна маленькая штучка” и... о чем говорить!» (глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»). О чарльстоне мечтает и героиня рассказа Петрова «День мадам Белополякиной»: «Ах, Куба! Ах, Гаити, Таити, Коломбо, Валенсия! Мадам Белополякина сейчас же, на месте, готова дать палец на отсечение, чтобы побывать под этими пальмами, увидеть это море и потанцевать чарльстон при свете Южного Креста» (Чудак. М., 1929. № 49. Дек. С. 6).

жизни, *от четырех до десяти*, знаю я один». Эти обличения, во-первых, находят аналогию в набросках к роману: «От 10 до 4 он за сов[етскую] власть, а там “дайте пожить, как хочется”»¹²³¹; а во-вторых, восходят к фельетону М. Кольцова «В дороге» (1927): «Двадцать шестой и седьмой года. Вошь жива. Она уже совсем приобвыкла. Прижилась. Обзавелась своим языком, философией, принципами, устойчивостью во взглядах. От десяти до четырех помогает строить социализм, вернее сказать, заботится о том, чтобы мы не страдали от полнокровия; от десяти до четырех она, затершись в толпах трудящихся, будет вприпрыжку праздновать который-то Октябрь.

А после четырех – дома, у самовара, среди своих – у вши полугрустная, понимающая ироническая усмешка»¹²³². С этим же фельетоном перекликается восклицание Остапа в «Золотом тельце»: «Что за банальный, опротивевший всем бюрократизм!» (глава «На суше и на море») ~ «Что бы ни строил человек, – кооператив, школу, совхоз, пожарную команду, клуб, – надо лишаться всякого сна, днем и ночью сторожить свое детище, оберегать его от липкой паутины бюрократического паука, от вездесущей, всепроникающей вши»¹²³³.

Отразив нападение Корейко, Остап говорит: «Подзащитный пытался меня убить. Конечно, из детского любопытства. Он просто хотел узнать, что находится у меня внутри». Источник этих слов обнаруживается в рассказе «Забава Иоанна Грозного», вошедшем в книгу О.Л. Д’Ора (псевдоним писателя-сатирика Иосифа Львовича Оршера, 1878 – 1942):

– Ничего не поделаешь, – говорил он: – Уж очень я любопытен.

Игрушки молодому царю заменяли бояре молодые и старые. Поиграв с боярином, Иоанн начинал томиться мыслью:

– Что у моей новой игрушки делается внутри?

Любопытство до тех пор мучило царя, пока он не распарывал живот у боярина и не узнавал, что делается у него внутри¹²³⁴.

А в конце своей встречи с Корейко Остап произносит такие слова: «После разговоров с Берлагой, Скумбриевичем и Польшаевым я потерял веру в человечество. Разве это не стоит миллиона рублей, вера в человечество?», – предвосхищая будущее изречение Махатмы Ганди: «Вы не должны терять веру в человечество» (из письма к министру здравоохранения Индии Амрит Каур, 29.08.1947¹²³⁵). Вместе с тем Ганди напрямую фигурирует в следующей главе романа – «Сердце шофера»: «“Слышали? – говорил один жилет другому, – Ганди приехал в Данди”. – “Ганди – это голова! – вздохнул тот. – И Данди – это голова”». Здесь обыгран реальный исторический факт – 5 апреля 1930 года Ганди вместе со своими сторонниками прибыл в индийское селение Данди на берегу Аравийского моря, чтобы нарушить соляную монополию англичан, и начал демонстративно выпаривать морскую соль (так называемый «Соляной поход»). Вот откуда возникла фраза «Ганди приехал в Данди», появившаяся сперва в записной книжке Ильфа за май 1930 года¹²³⁶. Эта же история помогает нам обнаружить источник мании бухгалтера Берлагги: «Я вице-король Индии!». Как сообщал журнал «Красная новь», «Ганди, внесший на конгресс резолюцию по основному вопросу момента, провозгласил лозунг полной независимости Индии и высказался против участия в той совещательной “конференции круглого стола”, которую британское правительство

¹²³¹ Планы и наброски к «Великому комбинатору» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок (авторская редакция) / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2016. С. 408.

¹²³² Кольцов М. Сотворение мира / Предисл. Н. Бухарина. М.; Л.: Земля и Фабрика, 1928. С. 438.

¹²³³ Там же. С. 443.

¹²³⁴ Д’Ор О.Л. Русская история при варягах и ворягах. Петроград: Издание Автора, 1919. С. 46. То же: М.: Книгопечатник, 1922. С. 42.

¹²³⁵ The Collected Works of Mahatma Gandhi. Vol. 89. New Delhi, 2015. P. 108.

¹²³⁶ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 286.

предполагает созвать осенью текущего года в Лондоне для обсуждения совместно с представителями Индии предложений комиссии Саймона. Лозунг, выдвинутый Ганди, был единодушно принят конгрессом, а затем, по настоянию того же Ганди, было решено, в целях осуществления этого лозунга, начать кампанию широкого, но мирного «гражданского неповиновения».

Итак, под давлением масс индийское национальное движение об'явило поход против британского империализма во имя полной независимости Индии!

Как реагировал британский империализм на этот вызов?

Вначале довольно сдержанно. Лорд Ирвин, вице-король Индии, в конце января текущего года произнес в индийском парламенте речь, в которой твердо заявил, что он «в полной мере принимает на себя ответственность за сохранение законности, мира и порядка» в стране и что для осуществления этой цели он не остановится перед применением самых решительных мер. Одновременно произведен был ряд арестов среди деятелей левого рабочего движения и левых крестьянских лиг. На этом однако активность индийского правительства временно приостановилась, и лорд Ирвин занял выжидательную позицию»¹²³⁷. Завершают индийский колорит романа афиша Остапа: «!!! ПРИЕХАЛ ЖРЕЦ !!! знаменитый бомбейский брамин (йог) <...> Индийский факир», причем Остап называет себя «любимцем Рабиндраната Тагора» («Антилопа-Гну»); и его встреча с индийским философом («Индийский гость») – тем же Тагором, чей визит в СССР состоялся в сентябре 1930 года.

По наблюдению Б. Галанова: «Некоторые фразы в ранних рассказах Ильфа и в «Двенадцати стульях» почти буквально совпадают («День доеден до последней крошки», «За ночь холод был съеден без остатка»)¹²³⁸. Действительно: первая фраза взята из фельетона Ильфа «Беспризорные» (1924), а вторая представляет собой начало главы «Знойная женщина, мечта поэта» из «Двенадцати стульев». Кстати, общение Остапа с беспризорным, показавшим ему дом Элочки Щукиной, выросло из записной книжки за август – ноябрь 1927 года: «Что с вас получишь. Уши с мертвого осла»¹²³⁹ ~ «Бендер выдал мальчику честно заработанный рубль. – Прибавить надо, – сказал мальчик по-извозчичьи. – От мертвого осла уши. Получишь у Пушкина. До свидания, дефективный» (глава «Людоедка Элочка»). В той же записной книжке мы находим источник трех реплик Остапа: «На такие шансы я не ловлю»¹²⁴⁰ ~ «Об этом не беспокойтесь. На плохие шансы я не ловлю» (глава «Союза меча и орала»), «На такие шансы ловить можно» (глава «Экзекуция»), «Ловить на такие мизерные шансы не в моем характере» («Великий комбинатор»; глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»).

В записной книжке Ильфа за июнь – сентябрь 1929 года встречаем запись: «Пальма в салоне под ведром с квасом, который изготовлен артелью частников, сочувствующих Сов[етской] России»¹²⁴¹. В «Золотом теленке» эта реплика будет выглядеть так: «Тем более, – добавил Остап, – что местные квасы изготавливаются артелью частников, сочувствующих советской власти» (глава «Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта»). А другая реплика Остапа: «Так вот, Балаганов, вы пижон. Не обижайтесь. Этим я просто хочу точно указать то место, которое вы занимаете под солнцем», – представляет собой слегка измененную фразу из той же записной книжки Ильфа: «Вы шкура! Этим я хотел определить место, которое вы занимаете среди полутора миллиардов людей на земле»¹²⁴².

Иногда одна короткая запись Ильфа распадается на несколько реплик Остапа. Например, из фразы: «Идите, идите, вы не в церкви, вас не обманут» (июнь – сен-

¹²³⁷ Международное обозрение. Индия // Красная новь. М.; Л.: Госиздат, 1930. № 7 (июль). С. 165.

¹²³⁸ Галанов Б. Илья Ильф и Евгений Петров. М.: Сов. писатель, 1961. С. 70 – 71.

¹²³⁹ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 127.

¹²⁴⁰ Там же. С. 126.

¹²⁴¹ Там же. С. 237.

¹²⁴² Там же. С. 239.

тябрь 1929)¹²⁴³, – родятся обращения к Балаганову: «Идите, идите, я подаю только по субботам, нечего тут заливать...»; и к Лоханкину: «Вы не в церкви, вас не обманут, – веско сказал великий комбинатор. – Будет и задаток. С течением времени».

Прозаик Семен Гехт вспоминал: «Как только стало больше денег, Ильф записался в жилищный кооператив, первый из трех кооперативов в его жизни. Мы ходили с ним обозревать панораму стройки. Он вглядывался снизу в пустоту на уровне воображаемого пятого этажа. Там он и поселился через года полтора, в комнате с балконом, с видом на Москву-реку, где негромко шумела Бабьегородская плотина, на Кремль, на Замоскворечье. Об отдельной квартире еще не мечталось, и вообще три или даже две комнаты казались тогда ненужными»¹²⁴⁴. Эта произошло осенью 1929 года, когда Ильф получил комнату в коммунальной квартире в Соймоновском проезде, но еще летом, когда только шла борьба за эту комнату, он набросал план романа «Великий комбинатор», где Остап становится участником кооперативного жилищно-строительства, повторяя действия самого Ильфа:

Глава I. Новый дом в Москве заканчивается постройкой. Весенний слух об управдомах. Вокруг дома как шакалы ходят члены – пайщики кооператива. Они прячутся друг от друга и интригуют. Множество жизней и карьер, которые зависят от нового дома. Появление героя с невестой. Он водит ее по дому и рисует картины обольстительной жизни вдвоем.

Глава II. Дочь американского солдата и терзания Бендера по этому поводу. Его переписка по этому поводу с бюро ветеранов САСШ¹²⁴⁵. Дочери нет, и даже на месте того дома, где она жила, давно помещается детская площадка, где сумасшедшие грыжевики играют в волейбол. Отчаяние Бендера.

Глава III. Что побудило тихого героя кинуться в бурные воды жилкооперации. Жилищные истории. Новый Диоген. Завязка романа. Он и она.

Глава IV. Распределение комнат. Поразительное событие на общем собрании. Узкая фракция. Приметы дробления общих собраний. 7 лет на Лию, а теперь еще 7 лет на Ревекку.

Глава V. Поиски нужной девушки. Нужна была девушка определенного возраста, фамилии, имени. Он не сомневался, что такая есть. Примеры двойников. Он ее находит и решает выдать за дочь солдата.

Глава VI. Остап начинает ухаживать за дочерью. Но он видит, что если герой получит комнату, то не видать ему дочери как своих ушей. Поэтому он втирается в кооперацию и начинает мешать. Между тем дело развивается. Явились планы городка. Герой увлекается кооперацией. Ответработники, которым в боевом порядке давали квартиры.

Глава VII. Молотобойцы. Остап, который бегал из одного кабинета в другой.

Глава VIII. Силы, поднятые Остапом против постройке. Жильцы дома, подлежащего разрушению. Учреждение, которое не хочет выехать, потому что при этом его обязательно выгонят из Москвы. Жена управдома – дворничиха – тоже мешала.

Глава IX. Выписывают родственников. Специальный брак.

Глава X. Остап увлекает девушку. Герой в отчаянии. Комната есть, но девушки уже нет¹²⁴⁶.

Как видим, этот план пока не имеет ничего общего с окончательной редакцией «Золотого теленка». Тем не менее, отзвук его нашел отражение в концовке романа, где Остап после неудачной попытки перейти румынскую границу говорит: «Придется переквалифицироваться в управдомы», – то есть войти в кооперативное жилищное товарищество. Это можно сравнить с первой главой отвергнутого плана романа «Великий комбинатор»: «Весенний слух об управдомах».

---

¹²⁴³ Там же. С. 232.

¹²⁴⁴ Гехт С. Семь ступеней // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 120.

¹²⁴⁵ Северо-Американские Соединенные Штаты.

¹²⁴⁶ Планы и наброски к «Великому комбинатору» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок (авторская редакция) / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2016. С. 364 – 365.

Летом 1929-го соавторы создают первые восемь глав «Великого комбинатора» в новой редакции, близкой к окончательной, и здесь Остап вместе со своими спутниками участвует в автопробеге на машине Козлевича: «Все в Автодор! – поспешно сказал он, ласково глядя на поравнявшегося с ним Остапа. – Наладим серийное производство советских автомобилей» (глава «Антилопа-Гну»). Как известно, с 26 июня по 2 июля 1929 года в стране проводилась неделя Автодора – общества содействия развитию автомобилизма и улучшения дорог в РСФСР¹²⁴⁷. Так, газета «Правда» извещала читателей: «Закончился первый агитационный пробег пяти автомобилей и одного мотоцикла по маршруту Москва – Сергиев – Москва, посвященный неделе Автодора. В Сергиевском уезде участниками пробега организовано 8 митингов и 11 бесед, распространено около 2 тыс. экз. автодорской литературы. Отдельные автомобили выезжали в деревню. Население всюду устраивало самые теплые встречи. На ряде собраний постановлено вступить в Автодор и начать в общественном порядке местные дорожные работы»¹²⁴⁸. Но в устах великого комбинатора подчеркнутая фраза приобретает саркастический оттенок, поскольку «теплые встречи» подразумевают арест: «Дело плохо! В телеграмме предлагается задержать зеленую машину, идущую впереди автопробега. <...> Я уверен, что горячая встреча готовится во всех ближайших населенных пунктах» («Золотой теленок»; глава «Сладкое бремя славы»).

А в сентябре 1929-го Ильф и Петров пишут подробный план романа из 19 глав¹²⁴⁹ и продолжают над ним работу. Ильф же параллельно делает черновые наброски. Например, 17 апреля 1930 года он присутствует на похоронах Маяковского и то же самое заставит сделать своего героя: «Остап на похоронах Маяковского.

Начальник милиции, извиняясь за беспорядок:

– Не имел опыта в похоронах поэта. Когда другой такой умрет, тогда буду знать, как хоронить.

И одного только не знал нач. милиции, что такой поэт бывает раз в столетье»¹²⁵⁰ (конструкция «И одного только не знал нач. милиции» отсылает к раннему фельетону Ильфа «Хлебный бес», 1925: «Но одного только не предвидел способный Гриб»¹²⁵¹).

В 31-й главе «Золотого теленка» Остап говорит Корейко во время их поездки по Самарканду (действие происходит в 1930 году): «Я тут был лет пять тому назад, читал лекции о борьбе с абортками». А Ильф и Петров в мае 1930 года совершили поездку по Средней Азии. Ильф же в 1925 году ездил в Самарканд по командировке от газеты «Гудок», о чем кратко написал своей жене Марусе Тарасенко (30.06.1925): «Дорогая Маруся, я третий день в Самарканде. Свыше меры доволен. Комары тоже кусают»¹²⁵²; и подробно – в записной книжке за июнь 1925 года¹²⁵³, а также в рассказе «Глиняный рай», вошедшем в серию очерков «В Средней Азии» (1925)¹²⁵⁴. Так что слова «Я тут был лет пять тому назад» строго документальны.

---

¹²⁴⁷ Коваленко С.А. Примечания // Маяковский В. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 10. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. С. 357.

¹²⁴⁸ Неделя Автодора // Правда. 1929. 3 июля. № 149. С. 4. Отмечено: *Одесский М.П.* От «Великого комбинатора» к «Золотому теленку»: Творческая история романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова в политическом контексте // Дом князя Гагарина: Сб. научных статей и публикаций. Вып. 8. Одесса: Одесский литературный музей, 2017. С. 145. Правдинская заметка, посвященная маршруту Москва – Сергиев – Москва, в «Золотом теленке» представлена в таком виде: «Остап вынул из кармана “Известия” и громким голосом прочел экипажу “Антилопы” записку об автомобильном пробеге Москва – Харьков – Москва» (в романе «Великий комбинатор»: Москва – Самара – Москва).

¹²⁴⁹ Планы и наброски к «Великому комбинатору». С. 366 – 367.

¹²⁵⁰ Там же. С. 377.

¹²⁵¹ Ильф И.А. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 117.

¹²⁵² Илья Ильф. Письма не только о любви / Сост. А.И. Ильф. М.: АСТ: Зебра Е, 2008. С. 129.

¹²⁵³ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 16 – 29.

¹²⁵⁴ Ильф И.А. Дом с кренделями: Избранное. С. 143 – 147.

Но многие фразы Остапа Ильф разовьет применительно к себе и несколько лет спустя. Например, в 32-й главе «Золотого тельца» описано прибытие разбогатевшего Остапа на Казанский вокзал: «Побежали носильщики, и вскоре через зал потянулось население прибывшего поезда. Последним с перрона вошел пассажир в чистой одежде». Ильф же незадолго до смерти скажет своему соавтору: «Вы знаете, Женя, – говорил он мне, – я принадлежу к тем людям, которые входят в двери последними»¹²⁵⁵. Приведем еще два подобных примера: «Великий комбинатор умер на пороге счастья, которое он себе вообразил» («Двенадцать стульев») → «Я умру на пороге счастья, как раз за день до того, когда будут раздавать конфеты» (май 1930¹²⁵⁶); «У меня нет родственников, товарищ Шура, – я один на белом свете» («Золотой тельца») → «Я один против всего света, и, что еще хуже, весь свет против меня одного» (сентябрь 1936 – апрель 1937¹²⁵⁷) и т.д.

Как видим, Бендер несет на себе осязаемый авторский отпечаток: подобно тому, как Воланд – это в значительной степени сам Михаил Булгаков, так и великий комбинатор – это во многом Илья Ильф и отчасти Евгений Петров. Так что Ильф имел все основания назвать «Двенадцать стульев» *моим* романом, а не *нашим*: «Дела, связанные с изданием в Париже моего романа...» (июнь – сентябрь 1929 года¹²⁵⁸). И то же самое применимо к «Золотому тельцу». Как справедливо заметил Борис Владимирский: «Бендер – в известном смысле alter ego авторов. В нем не только их шутики, не только ильфовские странный шарф и башмаки, не только словечки, не только отношение к жизни, но и мировосприятие»¹²⁵⁹. Шарф и башмаки упоминал Юрий Олеша: «...среди нас он выглядел европейцем. Казалось, перед ним был какой-то образец, о котором мы не знали. На нем появлялся пестрый шарф, особенные башмаки, – он становился многозначительным»¹²⁶⁰; а в «Двенадцати стульях» находим «малиновые башмаки» Остапа и его «старый шерстяной шарф». Причем и у Ильфа, и у Остапа – башмаки особенные: «Он сидел, вытянув перед собой *ноги в остроносых красных башмаках*, и быстро писал»¹²⁶¹ = «Постепенно движения великого комбинатора все замедлялись, и его *ноги в красных башмаках*, купленных по случаю у греческого матроса, начали бесшумно скользить по полу» («Золотой тельца»; глава «Командор танцует танго»).

В концовке «Золотого тельца» Остап называет себя *Бендер-Задунайский* (глава «Его любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина – зубной техник»). Этимологию этой двойной фамилии исчерпывающе раскрыл Юрий Щеглов: «Прежде всего достаточно прозрачна связь его с подлинным или мнимым происхождением Бендера. “Задунайский” значит “турецкий”: все песни русско-турецкой войны содержат мотив “за Дунаем”».

Несомненна также связь данного псевдонима с геополитическими устремлениями и с полководческими претензиями героя “Золотого тельца”. Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725 – 96) был выдающимся военачальником екатерининской эпохи, чье имя связано с русско-турецкими войнами 1768 – 91. Русские войска под командованием Румянцева осадили и взяли штурмом турецкую крепость

---

¹²⁵⁵ Петров Е. Из воспоминаний об Ильфе // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 25.

¹²⁵⁶ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 284.

¹²⁵⁷ Там же. С. 563. Подобную мысль высказал и Михаил Булгаков, когда в его жизнь вошла Елена Сергеевна Шиловская: «Против меня был целый мир – и я один. Теперь мы вдвоем, и мне ничего не страшно» (Лакшин В. Елена Сергеевна рассказывает // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Сов. писатель, 1988. С. 414).

¹²⁵⁸ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 231.

¹²⁵⁹ Владимирский Б. Венки сюжетов. Винница: Континент-ПРИМ, 1994. С. 139.

¹²⁶⁰ Олеша Ю. Об Ильфе // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 28.

¹²⁶¹ Петров Е. Из воспоминаний об Ильфе // Московский альманах. М.: Сов. писатель, 1939. С. 277.

Бендеры в Бессарабии. В конце романа Остап предпримет попытку пробиться через Бессарабию на Запад, т.е. в какой-то части повторить маршрут румянцевской армии, доставивший генерал-фельдмаршалу его почетное прозвище. Полководческие мотивы в образе Бендера известны (“я – как Суворов!”; “нам предстоят великие бои”; “взять крепость неожиданной атакой не удалось, придется начать правильную осаду”; многократные сравнения с Наполеоном и др.)¹²⁶². То, что об этом полководце было известно Ильфу и Петрову, доказывает их рассказ «Чарльз-Анна-Хирам» (1929), где фигурирует ироническая переделка фамилии Румянцев-Задунайский – «инженер Румянцев-Дунаевский»¹²⁶³. А в записной книжке Ильфа за январь – март 1930 года также появится фамилия Румянцев-Дунаевский, и тут же рядом – Голенищев-Бутусов¹²⁶⁴ (ср.: Голенищев-Кутузов). Всё это подтверждает гипотезу Юрия Щеглова.

Матерью Петра Румянцева была *Мария* Андреевна Румянцева (1698 – 1788) – урожденная *графиня* Матвеева, дочь действительного тайного советника графа Андрея Артамоновича Матвеева. Это заставляет вспомнить фрагмент полного имени Остапа – *Берта-Мария* – и его собственные слова: «Мать покойного была *графиней* и жила нетрудовыми доходами». Впрочем, в одном из дореволюционных изданий упоминалась графиня Берта-Мария-Агнеса Вандаль¹²⁶⁵. Была также некая «Берта Мария Вильгельмина Каролина Луиза, род. 26 окт. 1818 г.; въ супр. съ Лудвигомъ Вильгельмомъ, наслѣдн. Принцемъ Бентгеймскимъ»¹²⁶⁶. Имя Берта-Мария-Луиза встречается и в фельетоне А. Рыклина «Под чужой фамилией» (1927): «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Берте-Марии-Луизе. <...> Нас не может огорчать судьба Берты-Марии-Луизы. Все эти Луизы, Берты и Марии – женщины буржуазных классов. <...> Наша работница (или крестьянка) с советскими законами может всегда отстоять себе место, свое право. <...> Законы пролетариата, законы Советского Союза не подходят к женщине с точки зрения метрической системы. У нас речь идет о другом весе, об ее удельном весе в обществе, строящем социализм»¹²⁶⁷. Вспомним и вроде бы шуточный ответ Остапа на вопрос Коробейникова: «Ничего. Я от морганатического брака» (то есть от неравного брака). Но в каждой шутке есть доля правды: «24 февраля 1884 года во Франции принц Вильгельм Гессенский женился морганатическим браком на Жозефине Бендер (11 августа 1857 – 24 февраля 1942), получившей титул графини фон Лихтенберг. У них был один сын»¹²⁶⁸.

В записной книжке Ильфа (сентябрь 1936 – апрель 1937) находим признание: «Я родился в бедной еврейской семье и учился на медные деньги»¹²⁶⁹, – а Остап говорил, что его отец «умер, не оставив своему сыну, Остапу-Сулейману, ни малейшего наследства» («Двенадцать стульев»; глава «И др.»).

Фрагмент имени «Сулейман» мог быть взят у султана Османской империи Сулеймана Великолепного (1494 – 1566), который во время царствования своего отца

---

¹²⁶² Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. Т. 2. Золотой теленок. Wien, 1991. С. 674 – 675.

¹²⁶³ Толстоевский Ф. Чарльз-Анна-Хирам // Чудак. М., 1929. № 48. Дек. С. 2.

¹²⁶⁴ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. С. 271.

¹²⁶⁵ Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Томъ VII. Петроградъ, февраль 1917. С. 361.

¹²⁶⁶ Генеалогія иностранныхъ государей и владѣтельныхъ фамилій // Мѣсяцесловъ на 1865 годъ. Санктпетербургъ, 1865. С. 171. Что-то знакомое в выходных данных, не правда ли? Ну, конечно же: «Этимъ полукресломъ мастеръ Гамбсъ начинаетъ новую партію мебели. 1865 г. Санктъ-Петербургъ» («Двенадцать стульев»; глава «Изгнание из рая»). Кстати, реальный мастер Генрих Даниэль Гамбс никак не мог начать новую партию мебели в 1865 году, поскольку умер в 1831-м.

¹²⁶⁷ Цит. по статье: *Виницкий И.* Что означает таинственная надпись на могиле Паниковского – «человека без паспорта»? (28.09.2020) // <https://gorky.media/context/chto-oznachaet-tainstvennaya-nadpis-na-mogile-panikovskogo-chelovek-bez-pasporta-rassledovanie-gorkogo/>

¹²⁶⁸ https://ru.wikipedia.org/wiki/Вильгельм_Гессенский

¹²⁶⁹ Ильф И. Записные книжки 1925 – 1937: Первое полное издание. С. 563.

Селима I занимал пост *бейлербея* (наместника) в турецком городе Маниса. Возникает сходство с полной фамилией Остапа *Бендербей*, образованной по аналогии. С другой стороны, титулом «бей» в Турции именовались военачальники, например: Сулейман-бей (а Остап как раз сравнивает себя с Наполеоном, Суворовым и полковником Лоуренсом). Но если продолжить параллель с Сулейманом Великолепным, то можно предположить, что эпитет «Великолепный» также перешел к Бендеру, который во время «исторического торга в дворницкой» назван «великолепным Остапом».

Комическое сочетание украинского имени Остап, турецкого имени Сулейман и титула «бей», двойного имени немецких графинь Берта-Мария и еврейской фамилии Бендер делает великого комбинатора фигурой поистине общенационального масштаба.

Прототипы Воробьянинова

Во время встречи участников тайного «Союза меча и орала» Остап сообщает Елене Боур: «Мы с коллегой прибыли из Берлина, но об этом не рекомендуется говорить» («Двенадцать стульев»; глава «Союз меча и орала»). Имеется в виду Российский Общевоинский Союз (РОВС), созданный Врангелем в 1924 году и находившийся в Берлине. Члены этой организации нелегально проникали на территорию СССР и совершали теракты против органов ГПУ в Москве и Ленинграде (например, 6 июня 1927 года боевик РОВС Георгий Радкевич бросил бомбу в московское бюро пропусков ОГПУ). Название же «Союз меча и орала», с одной стороны, перефразирует фразу из книги пророка Исайи: «...и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы» (Ис. 2:4); а с другой – слова Самозванца (Гришки Отрепьева) из трагедии Пушкина «Борис Годунов» (1825), где поэт дает Самозванцу листок со стихами, и тот читает: «Что вижу я? Латинские стихи! / Стократ священ союз меча и лиры». Причем Остап как раз выступает в роли самозванца и поэтому говорит: «Запад нам поможет. *Крепитесь*. Полная тайна вкладов, то есть организации», – что вновь отсылает к словам Самозванца: «*Мужайтесь, безвинные страдалцы!*»¹²⁷⁰.

Из Берлина же прибыл и один из возможных прототипов Воробьянинова – монархист Василий Шульгин, после революции уехавший от большевиков и живший под Берлином, а 23 декабря 1925 года в поисках своего пропавшего сына пересекший польско-советскую границу и находившийся на территории СССР до 6 февраля 1926 года. Визит Шульгина контролировался вымышленной подпольной советской монархистской организации «Трест» (ср. с «Союзом меча и орала»), которая на самом деле была кратурой ГПУ.

В январе 1927 года в Берлине вышла книга Шульгина «Три столицы», посвященная его поездке в Киев, Москву и Ленинград, но перед этим тщательно отредактированная чекистами. Как говорил начальник контрразведывательного отдела ОГПУ Артур Артузов: «Эту книгу мы редактировали на Лубянке»¹²⁷¹.

У Ильфа и Петрова было достаточно времени для того, чтобы ознакомиться с книгой Шульгина, поскольку она вышла в свет за восемь месяцев до начала работы над романом «Двенадцать стульев»: «Эта книга была напечатана в Берлине, в типографии Зинабургъ и Ко., в январѣ мѣсяцѣ тысяча девятьсот двадцать седьмого года въ количествѣ трехъ тысячъ экземпляровъ»¹²⁷².

Многие черты Шульгина отразились во внешности бывшего предводителя уездного дворянства Воробьянинова. И, пожалуй, впервые «о том, что роман “Двенадцать стульев” – советская пародия на книгу Шульгина, писал Р. Врага С.Л. Войце-

---

¹²⁷⁰ Очередная отсылка к трагедии «Борис Годунов» присутствует при описании «советских» снов монархиста Хворобьева: «Ждать Остапу пришлось недолго. Вскоре из домика послышался плачевный вой, и, пятясь задом, как Борис Годунов в последнем акте оперы Мусоргского, на крыльцо вывалился старик. – Чур меня, чур! – воскликнул он с шалопинскими интонациями в голосе. – Всё тот же сон! А-а-а! <...> Всё те же сны! – заключил Хворобьев плачущим голосом. – *Проклятые сны!*». Сравним с первой фразой Самозванца (Гришки Отрепьева): «Всё тот же сон! возможно ль? в третий раз / *Проклятый сон!*...» (раздел «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»; кстати, Хворобьев тоже живет в «келье»: «Что это за рак-отшельник? – подумал Остап. <...> И давно вы живете таким анахоретом?»). Далее будущий Самозванец жалуется: «А мой покой *бесовское* мечтанье / Тревожило, и враг меня мучил». А Хворобьев называет тех, кто ему снится: «Все эти советские *антихристы*». Отец Пимен рассказывает Григорию о своих снах, и тот ему отвечает: «Счастливы! а я от отроческих лет / По келиям скитаюсь, бедный инок!». То же самое скажет и Хворобьев Остапу, который ему поведал о своих вымышленных снах: «Боже! Какой вы счастливы человек! Какой счастливы!!».

¹²⁷¹ *Дамаскин И.* 100 великих операций спецслужб. М.: Вече, 2003. С. 136.

¹²⁷² *Шульгинъ В.* Три столицы: путешествие въ красную Россію. Берлинъ: Мѣдный всадникъ, 1927. С. 2.

ховскому 20 июля 1961 г. См.: Hoover Institution Archives, S. L. Voitsekhovskii Papers, Box 3»¹²⁷³ (Ричард Врага – польский историк «Треста»¹²⁷⁴).

А советские читатели узнали о поездке Шульгина по СССР из очерка писателя-чекиста Михаила Кольцова «Дворянин на родине» (1926): «...“Три столицы” – печальное, трагическое послесловие к правдивой повести о русском дворянстве.

Сколь печальное! Сколь трагическое!

Для того, чтобы безопаснее было, Шульгин отрастил себе большую бороду. Борода – седая. Путешественник несколько раз грустно подтрунивает над этой своей внешностью. И в самом деле, разве не многозначительна эта фигура – блестящий дворянин, богатый и влиятельный аристократ, один из неприступных хозяев бывшей царской “Малороссии” – ныне пробирающийся опасливой, старой, согбенной тенью по киевским базарам, крадущийся в сумерках под окна бывшего своего особняка, где ныне рабочий клуб?!»¹²⁷⁵. Учитывая дружбу Кольцова с Ильфом и Петровым, можно предположить, что именно Кольцов передал им берлинское издание «Трех столиц», которое впоследствии легло в основу сюжета «Двенадцати стульев».

В послесловии к «Трем столицам», напечатанном в парижской газете «Россия» 15 октября 1927 года, Шульгин писал: «Книга “Три столицы” вышла в январе этого года, а уже к концу апреля до меня дошли первые слухи о том, что в той организации, которую я обозначал под условным названием “контрабандисты”, что-то неблагополучно. К концу мая удалось выяснить, что именно произошло. 14-го июня я написал две статьи под заглавиями “Опперпут” и “Сидней Рейли”, которые предназначались для “Возрождения”. В этих статьях я излагал те сведения, которые мне были сообщены. Однако я не мог напечатать этих статей без разрешения того лица, которое мне эти сведения сообщило, ибо последние мне были сообщены доверительно. Такого разрешения мне получить не удалось. Опасались, что эти разоблачения могут повредить интересам серьезного дела. Я считал эту точку зрения ошибочной, ибо был убежден, что секрет не удержится. Кроме того, я чувствовал известный моральный долг перед читателями моей книги “Три столицы”. Я осветил им “контрабандистов” с той точки зрения, как они мне представлялись, т.е. лицевой, благоприятной. Было бы справедливо, чтобы читатели узнали и обратную сторону медали, поскольку эта теневая сторона для меня самого обозначилась. Как бы там ни было, мне не удалось напечатать моих статей. Однако, как я предвидел, тайна вышла наружу. Ее разоблачил Владимир Бурцев – можно сказать, ветеран политических разоблачений. Статья Бурцева снимает с меня обет молчания, и я полагаю полезным сообщить все то, что я знаю о “контрабандистах” с другой точки зрения, чем та, которая мной владела, когда я писал свою книгу»¹²⁷⁶.

Теперь сопоставим Воробьянинова и его возможного прототипа Шульгина.

Первый родился в 1875 году, второй – в 1878-м.

Воробьянинов по настоянию Бендера притворяется нищим, который просит у прохожих: «Подайте что-нибудь бывшему депутату Государственной думы». Этот эпизод воспринимается как пародия на соответствующий факт биографии Шульгина, который был депутатом Госдумы Российской империи 2-го – 4-го созывов.

В обоих случаях фигурируют немецкие псевдонимы: Бендер выдает Воробьянинову профсоюзную книжку на имя Конрада Карловича Михельсона, «сорока восьми лет», а один из чекистов вручает Шульгину паспорт на имя Эдуарда Эмильевича Шмитта, и происходит это во время тайного приезда Шульгина в СССР в декабре

---

¹²⁷³ Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 102.

¹²⁷⁴ Там же. С. 51.

¹²⁷⁵ Кольцов М. Дворянин на родине // Правда. М., 1926. 13 нояб. С. 2.

¹²⁷⁶ В.В. Шульгин о своей поездке в Советскую Россию. Послесловие к «Трем Столицам» // Россия. Париж, 1927. 15 окт. № 8. С. 1.

1925 года, когда ему было 47 лет: «Разрѣшите вамъ вручить приготовленный для васъ паспортъ. Вы можете здѣсь прочесть, что вы – Эдуардъ Эмильевичъ Шмиттъ, что вы занимаете довольно видное мѣсто въ одномъ изъ Госучрежденій и что вамъ выдано командировочное свидѣтельство, коимъ вы командируетесь въ разные города С.С.С.Р., при чемъ советскія власти должны оказывать вамъ всяческое содѣйствіе. Итакъ, Эдуардъ Эмильевич, разрѣшите васъ такъ и называть...»¹²⁷⁷. А чуть позже между этим чекистом, представившимся как Антон Антонович, и Шульгиным состоялась застольная беседа, во которой чекист говорил: «Ну, а все-таки шелковые чулочки, пудру Коти и духи французскіе не безъ пріятности-съ “съ той стороны” получаемъ! <...> А что же? – зашепталъ онъ, потѣмневъ. – Въ “таможенники” къ этой сволочи идти, что ли?!»¹²⁷⁸. Сочетание шелковых чулочков с пудрой Коти и шепотом перейдет в концовку главы «Зеленый мыс» романа «Двенадцать стульев»: «Отец Федор миновал турецкий базар, на котором ему идеальным шепотом советовали купить пудру Коти, шелковые чулки и необандероленный сухумский табак, потащился к вокзалу и затерялся в толпе носильщиков».

Приехав в Киев, Шульгин начал разгуливать по улицам: «И вотъ Безаковская. Она была такъ названа въ честь одного генераль-губернатора. А теперь какъ она называется? Теперь это – “улица Коминтерна”»¹²⁷⁹. Через некоторое время он «взялъ простого извозчика, симпатичнаго старика, бросивъ ему увѣренно и небрежно:

– На улицу Коминтерна!..

Но старичокъ обернулъ на меня свою сѣдую бороду времени потопленія Перуна:

– Коминтерна? А вотъ ужъ я не знаю... Это гдѣ же будетъ?

– Какъ гдѣ? Да Безаковская!..

– Ахъ, Безаковская, вы бы такъ и сказали.

И мы поѣхали, тихо, мирно. Когда пріѣхали, онъ открылъ мнѣ полость, какъ полагается, и сказалъ:

– Такъ это Коминтерна. Вотъ теперь буду знать...»¹²⁸⁰.

А вот какъ выглядит аналогичная сцена в романе «Двенадцать стульев», где Остап разѣзжает на извозчике после заседания «Союза меча и орала», с участников котораго ему удалось содрать 500 рублей:

– Ну, тогда валяй на улицу Плеханова. Знаешь?

Остап решил поехать к своей невесте.

– А раньше какъ эта улица называлась? – спросил извозчик.

– Не знаю.

– Куда же ехать? И я не знаю.

Тем не менее Остап велел ехать и искать.

Часа полтора проколесили они по пустому ночному городу, опрашивая ночных сторожей и милиционеров. Один милиционер долго пыжился и наконец сообщил, что Плеханова – не иначе как бывшая Губернаторская.

– Ну, Губернаторская! Я Губернаторскую хорошо знаю. Двадцать пять лет вожу на Губернаторскую.

– Ну, и ежай!

Приехали на Губернаторскую, но она оказалась не Плеханова, а Карла Маркса.

Опасаясь слежки со стороны чекистов, Шульгин меняет свою внешность у киевскаго парикмахера:

---

¹²⁷⁷ Шульгинъ В. Три столицы: путешествіе въ красную Россію. Берлинъ: Мѣдный всадникъ, 1927. С. 54.

¹²⁷⁸ Там же. С. 59.

¹²⁷⁹ Там же. С. 88.

¹²⁸⁰ Там же. С. 175.

Наконецъ приблизилась роковая минута. Онъ вышелъ съ кастрюлечкой, въ которой шевелилось нечто бурое. Это бурое онъ сталъ поспѣшно кисточкой наносить на мои усы и острую бородку. <...> Намазавши все, онъ вдругъ закричалъ:

– Къ умывальнику! Въ его голосѣ была серьезная тревога. Я понялъ, что терять времени нельзя. Бросился къ умывальнику.

Онъ пустиль воду и кричалъ:

– Трите, трите!..

Я теръ и мылъ, понявъ, что что-то случилось. Затѣмъ онъ сказалъ упавшимъ голосомъ:

– Довольно, больше не отмоеете...

Я сказалъ отрывисто:

– Дайте зеркало...

И пошелъ къ окну, гдѣ свѣтло.

О, ужасъ!.. Въ маленькомъ зеркальцѣ я увидѣлъ ярко освѣщенную красно-зеленую бородку...

Онъ подошелъ и сказалъ неуверенно:

– Кажется, ничего не вышло?

Я отвѣтилъ:

– Когда я пойду по улицѣ, мальчишки будутъ кричать «крашенный»!

Онъ кротко и грустно согласился:

– Да, да, не особенно...

Но сейчасъ же оживился.

– Но я вамъ все это поправлю!

И энергично послалъ мальчишку «за карандашомъ». <...>

Наконецъ, онъ сказалъ:

– Готово! Хорошо!

Я взялъ зеркало и подошелъ къ окну.

Боже! Изъ зеленой она стала лиловой... лиловато-красной. Это былъ ужасъ¹²⁸¹.

Сразу вспоминается эпизод романа «Двенадцать стульев», когда Воробьяниновъ увидѣлъ свое отражение в зеркале после того, как покрасился контрабандным товаромъ «Титаник»: «...отнявъ от лица полотенце, Ипполитъ Матвеевичъ увидѣлъ, что оно испачкано тем радикально-чернымъ цветом, которымъ с позавчерашнего дня были окрашены его горизонтальные усы. Сердце Ипполита Матвеевича сразу потухло. Онъ бросился къ своему карманному зеркальцу, которое лежало на стуле. В зеркальце отразился большой нос и зеленый, как молодая травка, левый ус. Ипполитъ Матвеевичъ поспешно передвинулъ зеркальце направо. Правый усъ былъ того же омерзительного цвета. <...> Все существо Ипполита Матвеевича издало такой громкий стонъ, что Остап Бендеръ открылъ свои чистые голубые глаза» (глава «Следы “Титаника”»).

Совпадает и сцена бритья в обоих текстах: «Единственный исходъ! Надо было сбрить къ черту всю эту мазню. Я сказалъ коротко:

– Режьте...

Но онъ запротестовалъ:

– Ахъ, нетъ, не надо!.. Такая хорошая бородка вышла! Жалко.

Я повторилъ мрачно:

– Режьте все.

– И усы?

– И усы...

Нельзя ж было оставить лиловые усы...

Машинка заиграла, и лиловыя перья, какъ листья въ сентябрѣ, падали внизъ¹²⁸² ~ «Такихъ усовъ, должно быть, нетъ даже у Аристиды Бриана, – бодро заметил Остап, – но жить с такими ультрафиолетовыми волосами в Советской России не рекомендуется. Придется сбрить.

¹²⁸¹ Там же. С. 239 – 240.

¹²⁸² Там же. С. 240.

– Я не могу, – скорбно ответил Ипполит Матвеевич, – это невозможно.

<...>

– Тогда вы всю жизнь сидите в дворницкой, а я пойду за стульями. Кстати, первый стул над нашей головой.

– Брейте!

Разыскав ножницы, Бендер мигом отхватил усы, и они, возвращаемые Ипполитом Матвеевичем десятилетиями, бесшумно свалились на пол. С головы падали волосы радикально-черного цвета, зеленые и ультрафиолетовые» (сравним: «Надо было сбрить» = «Придется сбрить»; «Ах, нет, не надо» = «Я не могу <...> это невозможно»; «Режьте» = «Брейте»).

Между тем оба страдальца неожиданно остались довольны стрижкой и бритьем: «Через нѣсколько мгновений я почувствовал, что моя наружность еще болѣе выиграла въ смыслѣ мимикричности. Въ витринахъ магазиновъ я видѣлъ явственнаго партійца. Бритаго, въ модной фуражкѣ, въ высокихъ сапогахъ. Оставалось только сдѣлать лицо наглое и глаза импетуозные»¹²⁸³ ~ «То, что он увидел, ему неожиданно понравилось. На него смотрело искаженное страданиями, но довольно юное лицо актера без ангажемента»¹²⁸⁴.

А более ранняя книга воспоминаний Шульгина («1920 г.») содержит параллели с заключительной сценой «Золотого тельца», поскольку и Шульгин, и Остап пытаются перейти румынскую границу зимой по замерзшей реке Днестр, но обоих грабят пограничники: «Перебѣжавъ рѣку, мы опять очутились на румынскомъ берегу»¹²⁸⁵ ~ «В три часа ночи строптивый потомок янычаров ступил на чужой заграничный берег. <...> “Теперь несколько формальностей с отзывчивыми румынскими боярами, и путь свободен”»; «Когда наступил вечеръ, румыны развернули свою настоящую природу. Они приступили къ намъ съ требованіемъ отдать или мѣнять то, что у насъ было, т.е. попросту стали грабить. Сопротивляться было бесполезно. Одинъ толстый полковникъ пробовалъ устроить скандалъ, вырывался, но его схватили, побили и отняли все, что хотѣли. Брали все, что можно. У однихъ взяли сапоги, давъ лапти, у другихъ взяли штаны, у третьихъ френчи, не говоря о всевозможныхъ мелочахъ, какъ то часы, портсигары, кошельки, деньги, кромѣ “колокольчиковъ”. Разумѣется снимали кольца съ рукъ. Словомъ, произошла форменная грабежь»¹²⁸⁶ ~ «Один из пограничников приблизился к Остапу вплотную и молча снял с него меховую тиару. Остап потянулся за своим головным убором, но пограничник так же молча отпихнул его руку назад. <...> В это время другой представитель цивилизации проворно, с ловкостью опытного любовника, стал расстегивать на Остапе его великую, почти невероятную сверхшубу. Командор рванулся. При этом движении откуда-то из кармана вылетел и покатился по земле большой дамский браслет. <...> “Бранзуретка!” – закричали остальные, бросаясь на Остапа. Запутавшись в шубе, великий комбинатор упал и тут же почувствовал, что у него из штанов вытаскивают драгоценное блюдо»; «Наступила темнота. Тогда румыны вывели насъ изъ хаты и повели куда-то. Куда? Что это такое? Ясно. Это Днѣстръ.

Весьма энергичными жестами они показали намъ, что мы должны итти къ себѣ, въ Россію. Къ себѣ в Россію – значитъ къ большевикамъ.

Дѣлать было нечего. Мы пошли. Спустились съ крутого берега, вступили на ледь. Чтобы мы не вздумали вернуться, очевидно, румыны пустили намъ нѣсколько выстрѣловъ вслѣдъ»¹²⁸⁷ ~ «Офицер медленно вытаскивал пистолет и оттянул назад

---

¹²⁸³ Там же. С. 241.

¹²⁸⁴ Отмечено: *Щеглов Ю.* Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. Т. 1. Введение. Двенадцать стульев. *Віен*, 1990. С. 158.

¹²⁸⁵ *Шульгинъ В.В.* «1920 г.». Очерки. Софія: Россійско-болгарское книгоиздательство, 1921. С. 87.

¹²⁸⁶ Там же. С. 94 – 95.

¹²⁸⁷ Там же. С. 95.

ствол. Великий комбинатор понял, что интервью окончилось. Сгибаясь, он заковылял назад, к советскому берегу. <...> Бендер посмотрел под ноги и увидел на льду большую зеленую трещину».

Помимо Шульгина, у Воробьянинова был еще один прототип, о котором рассказал Евгений Петров, вспоминая начало работы над «Двенадцатью стульями»: «Была известна фамилия героя – Воробьянинов. Ему уже было решено придать черты моего двоюродного дяди – председателя уездной земской управы. Уже была придумана фамилия для тещи – мадам Петухова и название похоронного бюро – “Милости просим”. Не было только первой фразы»¹²⁸⁸.

Впрочем, более подробно об этом написал его старший брат Валентин Катаев:

Через некоторое время тетя уехала от нас в Полтаву, где жил ее двоюродный брат, богатый помещик и земский деятель Евгений Петрович Ганько, тоже бывший, вероятно, некогда тетиным поклонником, и стала вести его хозяйство, заменив свою умершую двоюродную сестру Зинаиду Петровну Ганько.

... Хорошо помню этого самого Евгения Петровича. Он был большой барин, сибарит, бонвиван, любил путешествовать по разным экзотическим странам и несколько раз, возвращаясь на пароходе добровольного флота из Китая, Гонконга, Египта или Индии, проездом через Одессу в Полтаву неизменно наносил нам семейный визит, привозя в подарок разные диковинные сувениры: японские лакированные пеналы, страусовые яйца и перья, циновки, плетенные из тончайшей египетской соломы, портсигары, украшенные изображением священного жука-скарабея, и прочее. У него было могучее, хотя и довольно тучное от неумеренной жизни телосложение, ноги, разбитые подагрой, так что ему приходилось носить какую-то особенную бархатную обувь вроде шлепанцев, и великолепная голова с римским носом, на котором как-то особенно внушительно, сановно сидело золотое пенсне, весьма соответствующее его сенаторским бакенбардам и просторной пиджачной паре от лучшего лондонского портного, источавшей тонкий запах специальных мужских аткинсоновских духов...

К началу [Второй мировой] войны Евгений Петрович одряхлел, почти уже не мог ходить и по целым дням сидел у себя в Полтаве в удобном кирпичном особняке, построенном в украинском стиле, окруженном тенистым полтавским садом, в вольтеровском кресле, с ногами, закутанными фланелью, и перелистывал старые комплекты французского журнала «Ревю де Дё Монд» или занимался своими марками, и я слышал, что он был великий филателист и владел бесценными коллекциями, из которых одна была единственной на весь мир – коллекция полтавской уездной земской почты¹²⁸⁹.

Увлечение Евгения Ганько филателией нашло отражение в главе «Прошлое регистратора загса», не вошедшей в окончательный вариант «Двенадцати стульев»: «Ипполит Матвеевич подбил председателя земской управы на выпуск новых марок Старгородского губернского земства, чего уже не было лет десять. Председатель, смешливый старик, введенный Ипполитом Матвеевичем в суть дела, долго хохотал и согласился на предложение Воробьянинова. Новые марки были выпущены в двух экземплярах и включены в каталог за 1912 год».

И, наконец, третий прототип Воробьянинова – предприниматель-миллионер Николай Стахеев (1852 – 1933), чей особняк был превращен в Центральный дом детей железнодорожников. Эту историю рассказала директор ЦДДЖ Светлана Мимидлаева, а пересказ ее мы приводим далее:

Супруги Стахеевы развелись, сумев договориться по-хорошему. Николай Дмитриевич переписал часть своих доходных домов на сына и дочь. Ольга Яковлевна стала единственной владелицей особняка на Новой Басманной улице. Свое состояние Стахеев постепенно, втайне ото всех, превращал в вечные ценности, которые легко можно унести: бриллианты, драгоценности, золото и платину. Прятал свои сокровища в одних ему известных тайниках, когда-

¹²⁸⁸ Петров Е. Из воспоминаний об Ильфе // Московский альманах. М.: Сов. писатель, 1939. С. 279.

¹²⁸⁹ Катаев В. Разбитая жизнь или Волшебный рог Оберона // Новый мир. 1972. № 8. С. 108.

то предусмотрительно устроенных доверенным архитектором. <...> Николай Дмитриевич все продумал хорошо. Ольга Яковлевна, ни о чем догадываясь, всегда рада была его принять. В 1914 году он объявил, что навсегда переезжает жить на свой любимый Лазурный берег.

Начиналась мировая война, Ольге Яковлевне стало не под силу, да и не к чему тянуть огромные расходы, и она съехала. Николай Дмитриевич не объявлялся. Особняк взяла в аренду за 25 тысяч рублей в год вдова Саввы Морозова. <...> Спрятанные сокровища ожидали своего часа.

Докторский саквояж уже дождался. Крепкие руки рабочего-железнодорожника несли его на Лубянку. Сзади под дулом винтовки вели его хозяина. Шли пешком по ночной Москве мимо его собственных многоэтажных домов. Дома казались Стахееву забытыми декорациями из прошлой жизни. На Лубянке он объявил: «Буду разговаривать только с вашим главным начальником», – и замолчал. «А как же представить вас, барин?» – дурашливо спросил старший. «Николай Дмитриевич Стахеев, потомственный почетный гражданин Москвы, коммерции советник, член Московского торгового банка, бывший конечно. Вы передайте, всем лучше будет», – миролюбиво закончил он.

«А ведь я знаю вас, Николай Дмитриевич, – встретил его Феликс Дзержинский. – Крым, Алушта, набережная Стахеева и полгорода в придачу – истинный отец-благотворитель». Насмехается? Вроде нет, взгляд серьезный. «Хочу предложить вам сделку», – начал Стахеев. «Так сразу и сделку. Вот что значит деловой человек. Слушаю, слушаю». – «Я отдам вам все, что у меня есть. Это, – он показал на саквояж, – лишь небольшая часть. А вы взамен отпускаете меня с богом. И еще. Дом все равно заберут. Возьмите его себе, ну, наркомату, сыску. Хочу, чтобы в кабинете за моим малахитовым столом сидели именно вы».

На автомобиле они приехали на Новую Басманную, и Стахеев открыл Дзержинскому свои тайники. После чего с охранными документами был отпущен за границу. Железный Феликс, говорили, положил ему пожизненную пенсию, на которую Николай Дмитриевич и проживал в Монако до 1933 года. А на стахеевские сокровища на Каланчевской площади построили Клуб имени Октябрьской революции Казанской железной дороги, вскоре переименованный в Центральный дом культуры железнодорожников. В этом новом, только что построенном доме и тронулся умом бывший предводитель дворянства и гигант мысли Киса Воробьянинов.

<...>

В Москве же после оглушительного успеха «Двенадцати стульев» среди журналистской братии гуляла байка о том, что Стахеев в двадцатые годы несколько раз приезжал в Москву по особому разрешению властей. И будто бы соавторы Ильф и Петров встречались с ним и брали интервью. <...> Особняку Стахеева повезло. Однажды попав к железнодорожникам, он так и остался на их попечении, понемногу ветшал, ремонтировался. Вместо картины с комсомольским съездом повесили другое монументальное полотно – «И.В. Сталин с дочкой Светланой на руках». В остальном же, включая крымских лебедей, все оставалось как при Николае Дмитриевиче¹²⁹⁰.

Была ли история Стахеева известна Ильфу и Петрову? Судя по всему – да, поскольку они работали в газете «Гудок», печатном органе железнодорожников. Остап же сообщает Воробьянинову о найденном стуле с сокровищем: «Он в клубе железнодорожников. Новом клубе...». Здание этого клуба как раз было построено в 1927 году по проекту архитектора Алексея Щусева. И называется оно так же, как в романе, – Центральный дом культуры железнодорожников (его открытие состоялось 30 апреля 1927 года¹²⁹¹).

А наличие в ЦДКЖ стула, в котором нашли драгоценности, могла подсказать соавторам следующая история. Весной 1927 года газета Народного комиссариата путей сообщения «Гудок» рассказала о благоустройстве ЦДКЖ: «Еще с 1925 года железнодорожники просят установить в клубе радиоприемник с громкоговорителем, а им отвечают, что, мол, нет средств. Между тем правление клуба закупило 250 венских стульев, стоящих в 3 – 4 раза дороже обыкновенных скамеек со спинками. Если

¹²⁹⁰ Клевалдина Н. Стахеевские миллионы // Караван историй. 2014. № 7. С. 221 – 222.

¹²⁹¹ Новаковская С. Железнодорожный театр начинается... // Гудок. М., 2015. 14 дек. № 226. С. 7.

бы вместо стульев были закуплены скамейки, в клубе был бы уже громкоговоритель. Кроме того, стулья непрочны, скоро поломаются, и их рано или поздно придется заменить скамьями»¹²⁹².

Вместе с тем имеется гипотеза, что при работе над финальной сценой романа Ильф и Петров могли также держать в уме историю, рассказанную актером и администратором Павлом Лавутом (1898 – 1979) в своих воспоминаниях о Маяковском:

Поздней осенью 1926 года поезд привез нас в Полтаву.

На горе раскинулся, весь в зелени и огнях, красавец город. Лишь только пролетка тронулась, возница разговорился. Я спросил о здании, оставшемся внизу, у вокзала:

– Это, вероятно, клуб?

– Железнодорожный. Красивый, новый и знаменитый.

– Чем же он знаменит? – заинтересовался Владимир Владимирович. И возница рассказал, как три года назад кондуктор товарных поездов станции Полтава товарищ Терещенко приобрел облигации шестипроцентного займа и, не веря в свою фортуна, сдал их под ссуду в горфинотдел.

Держа в руках газету с таблицей, работник Учпрофсожа Складенко спросил у Терещенко, нет ли у него с собой номеров облигаций. Кондуктор невнятно пробурчал что-то и бросил записную книжку: мол, не приставай, отвяжись.

Складенко проверил таблицу и обнаружил выигрыш:

– Сто тысяч рублей!

Все завертелось, закрутилось. Право на получение выигрыша кондуктор потерял, так как просрочил выкуп облигаций. ВУЦИК разрешил ему выплатить, в виде исключения, 2 тысячи рублей. Остальную сумму передали Учпрофсожу на постройку клуба и больницы. На закладку зданий приезжал из Харькова Г.И. Петровский.

Шло время. Однажды Владимир Владимирович обратился ко мне с вопросом:

– «12 стульев» Ильфа и Петрова читали?

– Недавно прочел.

– Помните, там клуб?

– Конечно, помню.

– А Полтаву помните?

– А какая связь? – удивился я.

– У Ильфа и Петрова клуб выстроен на найденные ценности, а в Полтаве – на выигрыш. В романе талантливая ситуация, но придумана, а в Полтаве реальные деньги и реальный клуб.

Я стал соображать: Ильф уже тогда сотрудничал в «Гудке». Клуб железнодорожный? Значит, он об этом, безусловно, знал. Полтавский клуб явился, вероятно, одним из источников для финала «12 стульев»¹²⁹³.

Но самое интересное – что концовка «Двенадцати стульев», где старик-сторож рассказывает Воробьянинову историю обнаружения сокровищ в стуле и постройки на них клуба, перекликается по форме с концовкой рассказа Петрова «Случай с обезьяной» (1927), где действие происходит в обезьяньем павильоне зоологического сада, а повествование также основано на рассказе старика:

– Где же драгоценности? – закричал предводитель.

– Где, где, – передразнил старик, – тут, солдатик, соображение надо иметь. Вот они!

– А где же теперь та обезьяна? – спросил давешний любитель зоологии.

– Обезьяна где? – оживился старичок. – Обезьяна – это я. Хирург, видите ли, пересадив мои железки Маркевичу, пересадил его железки мне. Вот мы и переменились местами.

---

¹²⁹² Железнодорожник. Возможности есть – нет уменя // Гудок. М., 1927. 15 апр. Цит. по: *Одесский М., Фельдман Д.* Москва Ильфа и Петрова («Двенадцать стульев») // Лотмановский сборник. Вып. 2. М.: О.Г.И.; Изд-во РГГУ, 1997. С. 762 – 763.

¹²⁹³ Лавут П.И. Маяковский едет по Союзу: воспоминания. М.: Сов. Россия, 1969. С. 154 – 155.

Он в моей клетке сидит, а я... женился на старости лет на вдове Ивана Ивановича, на Настасье Петровне¹²⁹⁴.

Очевидно, что данный рассказ ориентирован как на повесть Булгакова «Собачье сердце» (1925), так и на рассказ Конан Дойля «Человек на четвереньках» (1927).

Итак, мы насчитали три исторических прототипа Кисы Воробьянинова:

1) двоюродный дядя Евгения Петрова Евгений Ганько, бывший председатель Полтавской уездной земской управы;

2) купец Николай Стахеев, в 1918 году тайно вернувшийся из Франции в Москву, чтобы забрать припрятанные в своем бывшем особняке драгоценности;

3) и, наконец, монархист Василий Шульгин, в конце 1925 – начале 1926 года тайно приехавший в СССР в поисках своего сына, но тут же взятый под опеку сотрудниками ГПУ, представившимися участниками подпольной монархистской организации «Трест».

Кроме того, ряд черт Воробьянинова был заимствован у министра Временного правительства П.Н. Милюкова и прозаика П.Д. Боборыкина: «...в очках он вылитый Милюков» (глава «Безенчук и “нимфы”»), «Теперь вы похожи на Боборыкина, известного автора-куплетиста» (глава «Следы “Титаника”»).

Документальную подоплеку имеет и прозвище Воробьянинова «Киса». По словам одесских историков Виктора Савченко и Виктора Файтельберг-Бланка, данное прозвище всплыло из биографии Евгения Петрова:

В 1921 г. 18-летний Евгений Катаев (будущий сатирик Е. Петров) поступил на работу в Одесский уголовный розыск субинспектором. <...>

Молодому милиционеру работенка попалась тяжелая. Уже с июня 1921 г. он был направлен агентом угро в Мангеймский район Одесского уезда, в немецкую колонию Мангейм, километрах в тридцати от Одессы. Район был запущенный, «аховый» с точки зрения соблюдения правопорядка.

<...>

Лично Катаев выследил и арестовал двух убийц... Тогда Катаева-младшего называли «одним из лучших работников уезда», «политически развитым», «хорошим оперативником».

Но большинство дел было у Евгения о мошенничестве и хищениях. Так, в колонии Петерсталь объявился некий Сергей Гарин, он же Гринштейн, Гафт, он же «Киса». Это был известный одесский вымогатель и аферист, не раз сидевший за решеткой. Вскоре «Киса», поняв, что в Одессе его каждая собака знает и ему не светит, подался в сельскую глубинку «на гастроли», предварительно запасшись поддельными документами.

Сначала он всплыл в Ананьеве как уполномоченный центральных профсоюзов и «Помгола»¹²⁹⁵. Ему удалось «вырвать» у местной власти шесть подвод с зерном в «помощь голодающему профсоюзу “Иглы”». Зерно, естественно, осело у одесских спекулянтов.

В 1922 г. этот мошенник под видом «инспектора Гарина» прибыл в Мангейм на «служебном автомобиле», угнанном в Одессе, «проверять продовольственную работу». Подозрения вызывали его открытые наглые требования «отступных», беззастенчивый ржкет.

Вскоре выяснилось, что никакого «инспектора Гарина» не существует, а есть мошенник «Киса». На своем авто мошеннику все же удалось выехать из Мангейма, но вдогонку ему были посланы конные милиционеры Петров и Остапенко. Вскоре «Киса» был пойман и отправлен в Одессу, где надолго оказался за решеткой¹²⁹⁶.

Некоторые черты к Воробьянинову перешли и от литературных персонажей – например, от женщины из рассказа Ильфа «Железная дорога» (1923): «Дама впереди

¹²⁹⁴ Петров Е. Случай с обезьяной. М. – Л.: «Земля и Фабрика», 1927. С. 10 – 11 (Б-ка сатиры и юмора).

¹²⁹⁵ Всероссийский комитет помощи голодающим – главным образом, жителям Поволжья.

¹²⁹⁶ Савченко В., Файтельберг-Бланк В. Как рождался образ Остапа Бендера // Русская мысль. Париж, 2001. 22 марта. № 4358.

меня спокойно сияла молочными и перламутровыми прыщами»¹²⁹⁷ ~ «За ночь на щеке огорченного до крайности Ипполита Матвеевича выскочил вулканический прыщ. Все страдания, все неудачи, вся мука погони за бриллиантами – всё это, казалось, ушло в прыщ и отливало теперь перламутром, закатной вишней и синькой» (глава «Изгнание из рая»); или от Козлодоева из «Рассказа об одном солнце» (1927) Петрова: «Не может этого быть! – шептал Козлодоев трясущимися губами»¹²⁹⁸ ~ «И он вернулся назад к клубу и стал разгуливать вдоль его больших окон, шевеля губами: “Этого не может быть!”» (глава «Сокровище»).

Непосредственно же литературным прототипом Воробьянинова можно считать Дыркина из рассказа Петрова «Последний из могикиан»¹²⁹⁹.

Если Дыркин «служил младшим делопроизводителем в учреждении», то Воробьянинов назван «делопроизводителем ЗАГСа».

У обоих наблюдаются редкие имена и отчества, а также зеркальные инициалы: Модест Ипатьевич Дыркин – Ипполит Матвеевич Воробьянинов (М.И. – И.М.)¹³⁰⁰.

В рассказе читаем: «Старый Дыркин был очень жилист и очень глуп». Остап же назовет Воробьянинова «старым дуралеем», а эпитет «жилистый» будет применен к нему в последней главе романа: «Ипполит Матвеевич сел на пол, обхватил стул жилистыми своими ногами...».

Если «Дыркин с кошачьей ловкостью вскочил на подножку отходящего трамвая», то и в романе «кошачьи» ассоциации с обликом Кисы столь же очевидны: «Ипполит Матвеевич ловко вскарабкался на карниз, толкнул раму и бесшумно прыгнул в коридор» (глава «Сокровище»).

Оба героя характеризуются как пережитки прошлого, поскольку относятся к дореволюционной эпохе, но если в рассказе по ней ностальгирует сам Дыркин, то в романе эта черта передана дворнику Воробьянинова: «... вот при старом режиме-то... Ах! И квартальный же был!.. Не квартальный, – ангел был!..» ~ «А при старом режиме барин мой жил. <...> Эх! Барин был!..». Соответственно, и реакция Дыркина на появление бывшего председателя жилтоварищества, генерала Доппель-Кюммеля совпадает с реакцией Тихона на появление Воробьянинова: «Батюшки! Отец родной! – воскликнул Дыркин» ~ «Барин! – страстно замычал Тихон. – Из Парижа!».

Также типаж Воробьянинова можно обнаружить в рассказе Петрова «Невероятно, но...» (осень 1927), где появится старик Еврипидов: «Подумаешь! – вопил он. – Строители новой жизни! За квартиру, видите ли, из трех паршивеньких комнат с газом, ванной и удобствами хотят *сто рублей*. Да ведь это **грабеж** среди бела дня...»¹³⁰¹ ~ «Нет, действительно, это ч-черт знает что такое! – продолжал горячиться Воробьянинов. – **Деруг** с трудящихся втридорога. Ей-Богу!.. За какие-то подержанные десять стульев двести тридцать рублей. С ума сойти...» («Двенадцать стульев»; глава «Экзекуция»). А слова Еврипидова «Да ведь это грабеж среди бела дня...» совпадают с реакцией Воробьянинова на предложение Остапа в дворницкой: «Ипполит Матвеевич посерел. “Это грабеж среди бела дня”».

Что же касается фамилии «Воробьянинов», то, как уже отмечалось выше, она напоминает одного из героев пьесы Булгакова «Зойкина квартира» (1925) – бывшего графа Обольянинова. Воробьянинов же является бывшим предводителем уездного дворянства. А сама пара Бендер – Воробьянинов представляет собой новую и гораздо более интересную вариацию пары Аметистов – Обольянинов.

¹²⁹⁷ Ильф И. Дом с кренделями: Избранное / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2009. С. 48.

¹²⁹⁸ Петров Е. Рассказ об одном солнце // Смехач. М., 1927. № 19. Май. С. 4.

¹²⁹⁹ Петров Е. Последний из могикиан // Смехач. М., 1927. № 10. Март. С. 10.

¹³⁰⁰ Упомянем также рассказ Петрова «Церковный брак» (1927), где фигурирует «папаша» с такими же инициалами: Матвей Исаич (Петров Е. Даровитая девушка: Ранние рассказы и фельетоны. М.: Правда, 1961. С. 18. Б-ка «Огонек», № 50).

¹³⁰¹ Огонек. М., 1927. 4 дек. № 49. С. 15.

Послесловие

Проведя детальное сопоставление «Мастера и Маргариты» с «Двенадцатью стульями» и «Золотым теленком», попробуем обобщить сказанное.

Наибольшее количество совпадений наблюдается между Бендером и Воландом, а также их спутниками – Воробьяниновым, Балагановым, Паниковским, Козлевичем, с одной стороны, и Бегемотом, Азazelло, Коровьевым – с другой.

Визит в советский город «человека со стороны», каковыми являются Бендер и Воланд, высвечивает, как рентгеном, все пороки социалистического общества.

Хотя моральные установки Бендера и Воланда во многом противоположны, они сходятся в критической оценке советской действительности.

Устраивая фокусы и играя на человеческих слабостях советских граждан, оба героя выявляют их истинную природу. Вместе с тем и Бендер, и Воланд являются чужаками в СССР, поэтому каждый из них имеет множество общих черт с Иисусом Христом, который тоже был непризнанным пророком в своем отечестве.

У Бендера насчитывается шесть реальных прототипов: приятель Валентина Катаева Осип Шор; организатор одесского кружка «Коллектив поэтов» Митя Ширмахер; владелец мясной лавки на Малой Арнаутской улице Григорий Бендер; узбекский аферист Тургун Хасанов; и сами авторы дилогии – Ильф и Петров. А плюс к тому у Остапа есть масса литературных прототипов: Аметистов из пьесы Булгакова «Зойкина квартира»; главный герой повести И. Свэна (Кремлева) «Сын Чичерина»; Изумрудов (Кашкадамов) из повести Катаева «Растратчики»; Ниагаров из рассказа Катаева «Лекция Ниагарова»; сыщик Стэнли Холмс из романа Катаева «Повелитель железа»; Кречинский из пьесы Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского»; Чичиков из поэмы Гоголя «Мертвые души»; Хлестаков из комедии Гоголя «Ревизор»; Энди Таккер и Джефф Питерс из сборника рассказов О'Генри «Благородный жулик»; Шерлок Холмс из рассказов Конан Дойля; граф Монте-Кристо из одноименного романа Пьера Анджело Фиорентино и Огюста Маке; Альфред Джингль и Самуэль Уэллер из «Посмертных записок Пикквикского клуба» Диккенса; мошенники герцог и король из романа Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна»; Симон де Торвиль из романа Фрэнсиса де Миомандра «Золотой телец»; лондонский комбинатор Ниссель Швальб из романа Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды»; Хулио Хуренито из романа Ильи Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников»; Гамлет из одноименной пьесы Шекспира; Демон из одноименной поэмы Лермонтова; Евгений Онегин из одноименного романа Пушкина; и Василий Шульгин (очерки «1920 г.»), который так же переходил советско-румынскую границу, как и позднее Остап. Кроме того, многие образы и сюжетные ходы дилогии имеют соответствия в записных книжках Ильфа и многочисленных рассказах Ильфа и Петрова, написанных в период с 1923 по 1931 год.

Что же касается Воланда, то у него есть черты не только дьявола, но и Христа; Бога; Сталина; графа Сен-Жермена; графа Калиостро; иллюзионистов Данте (Гарри Янсена) и Касфикиса; гипнотизера Орнальдо (Николая Смирнова); самого Булгакова; а также: дьявола Рудольфи (редактора-издателя журнала «Родина») из повести Булгакова «Тайному другу» и ее поздней редакции «Записки покойника» (прототипом же Рудольфи стал Исай Лежнев); мастера шабашей демона Леонарда («мессира Леонарда») из книги Сергея Тухолки «Оккультизм и магия»; колдуна из книги Михаила Орлова «История сношений человека с дьяволом»; Мефистофеля из пьесы И.В. Гете «Фауст» и неоконченного романа Эмилия Миндлина «Возвращение доктора Фауста»; еврейки Мирры из повести Николая Вагнера «Мирра»; чёрта из рассказа Владимира Набокова «Сказка» и романа Федора Достоевского «Братья Карамазовы». Вообще же точное количество литературных прототипов Воланда не поддается подсчету.

Оглавление

1. Личные взаимоотношения Михаила Булгакова, Ильи Ильфа и Евгения Петрова.....	3
2. Общие мотивы в «Мастере и Маргарите», «Двенадцати стульях» и «Золотом теленке». Бендер и Воланд.....	13
3. Прототипы Воланда.....	50
4. Религиозная тематика в «Мастере и Маргарите».....	80
5. Религиозные и мистические мотивы в произведениях Ильфа и Петрова. Бендер и Воланд (<i>продолжение</i>).....	117
6. Кто снится Босому?.....	124
7. Афраний – один из ликов Воланда?.....	136
8. Общие мотивы в «Мастере и Маргарите», «Двенадцати стульях» и «Золотом теленке» (<i>продолжение</i>).....	140
9. Политические подтексты в романах Ильфа и Петрова.....	169
10. Прототипы Бендера, Корейко и Паниковского.....	186
11. Прототипы Воробьянинова.....	369
12. Послесловие.....	379

Литературно-художественное издание

Корман Яков Ильич

**ОСТАП БЕНДЕР И ТЕОДОР ВОЛАНД:
СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ, ПРОТОТИПЫ**

Оригинал-макет автора

Подписано в печать 05.08.2022.
Формат 60×84 1/8. Усл.-печ. л. 44,1.
Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Тираж 200 экз. Заказ № 2804

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812) 235-15-86